

ТРУДЫ

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

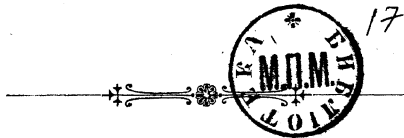
ВЪ ОДЕССѢ

(1884 г.).

ТОМЪ IV.

Съ присовѣднѣнїемъ плана, таблицы и общїихъ указателей.

ОДЕССА.

Типографіи А. Пульце, Данжеровская улица, домъ Карузо, № 36.

1889.

Печатається по опредѣленію Редакціоннаго Комитета VI-го
Археологическаго Съѣзда.

Предсѣдатель Комитета В. Успенскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ IV тому „Трудовъ VI-го Археологическаго Съѣзда“.

	<i>страни-</i>
1. <i>А. С. Трещеваго.</i> Попытка примѣненія эволюціонной теоріи къ археологіи.....	1
2. <i>А. Л. Крылова.</i> О старинѣ Донской области.....	26
3. <i>И. Е. Этельмана.</i> О происхожденіи нынѣ существующаго общинаго владѣнія въ Великороссіи.....	79
4. <i>Д. И. Басалыя.</i> О вновь открытыхъ матеріалахъ для исторіи лѣво-бережной Украины.....	79
5. <i>И. И. Висковатова.</i> Нѣкоторыя свѣдѣнія объ вѣстахъ, живущихъ въ предѣлахъ Псковской губерніи.....	83
6. <i>В. Н. Ястребова.</i> Дополненія къ родословной хорватовъ.....	87
7. <i>Н. А. Толмачова.</i> О Водянскомъ городищѣ въ Саратовской губ... 91	91
8. <i>Ө. Ө. Лаикова.</i> Архивныя данныя о бейлигахъ въ крымскомъ ханствѣ.. 96	96
✓ 9. <i>Ө. И. Леонтовича.</i> Старый земскій обычай.....	111
10. <i>В. И. Сизова.</i> Раскопки въ двухъ городищахъ близъ Цимлянской станицы на Дону.....	273
11. Общій указатель именъ и выраженій ко всѣмъ четыремъ томамъ.. 1—32	1—32
12. Общее оглавленіе ко всѣмъ четыремъ томамъ.	

Попытка примѣненія эволюціонной теоріи къ археологіи.

А. С. Трачевскаго.

Der Gebrauch von Werkzeugen, die er selbst
bereitet hat, ist entschiedener als alles Andere ein
augenfälliges, unterscheidendes Merkmal für die
Lebensweise des Menschen. Aus diesem Grunde ist
die Frage nach der Entstehung des Werkzeuges ein
Gegenstand von der höchsten Wichtigkeit für die
menschliche Urgeschichte.

Lazar Geiger.

I.

Разсматривая витрины въ магазинахъ нашихъ ювелировъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, археологи, по ихъ собственному признанію, невольно вспоминаютъ археологическіе вѣка, въ особенности бронзовый: такое здѣсь близкое сходство формъ. Это неудивительно: тутъ прямое подражаніе, художественное преданіе. Но всматриваясь пристальнѣе, находимъ фамиліное сходство и между разновременными предметами, служащими къ удовлетворенію первыхъ нуждъ человѣка. Быть можетъ, орудія представляютъ даже болѣе цѣльную и твердую преемственность типа, чѣмъ украшенія, по крайней мѣрѣ до изобрѣтенія машинъ. Тѣ, которыми мы орудуемъ теперь, легко сводятся къ немногимъ и весьма простымъ формамъ. Притомъ, и теперь иногда орудіе смѣшивается съ оружіемъ, по своей роли въ жизни человѣка, что напоминаетъ первобытную нераздѣльность отправления.

Сами собой возникаютъ вопросы о преемственности типовъ въ археологіи, а слѣдовательно и о происхожденіи начальныхъ, если не начального, изъ нихъ. Къ тому же ведетъ весь строй современнаго знанія. Развѣ историкъ, стараясь осмыслить сырой матеріалъ всякаго рода преданій, не ищетъ преемственности явленій, подъ именемъ «связи событій»? Понятно, съ какою особенною силою законности должны были выдвинуться указанные вопросы въ археологіи, какъ и во всѣхъ остальныхъ наукахъ, при установленіи теоріи эволюціонизма.

Насколько мнѣ извѣстно, идея эволюціонизма въ археологіи возникла лѣтъ 15 тому назадъ, одновременно въ Англіи и Германіи. Такъ какъ изученіе вопросовъ первобытности немыслимо безъ антропологии и языковѣдѣнія, то дѣло начинал двоє ученыхъ, близко знакомыхъ съ этими науками. Безвременно умершій даровитый лингвистъ, Л. Гейгеръ,¹⁾ доказалъ незамѣнимое значеніе своей науки въ данномъ случаѣ, такъ какъ языкъ предшествовалъ орудію и перенесъ на него названіе болѣе древней работы пра-человѣка. На основаніи языка же Гейгеръ раздѣлялъ археологическія вещи на орудія, оружіе и утварь: почти всегда орудіе обозначается дѣйствительною (actívum), а утварь-страда-тельною (passívum) формою; оружіе же обыкновенно называется по происхо-жденію (тутъ actívum встрѣчается только тогда, когда оружіемъ становилось какое-нибудь орудіе). Ученіе Гейгера о дифференцированіи рѣчи изъ пра-корня, откуда возникла «монофилетная» теорія въ лингвистикѣ, вело къ признанію того же начала въ археологіи.

Въ то же время знаменитый установитель теоріи перержитковъ²⁾ въ изученіи культуры, Эд. Тайлоръ, доказывалъ, что въ археологіи основы эволюціонизма даже очевиднѣе, чѣмъ въ естествознаніи. «Никто—говоритъ онъ— не станетъ отрицать, что различные роды орудій, привычекъ и вѣрований развились одни изъ другихъ: въ культурѣ развитіе признано на основаніи самыхъ извѣстныхъ фактовъ. Механическія изобрѣтенія представляютъ пре-красный примѣръ такого рода развитія»³⁾.

Плодотворная мысль была тотчасъ подхвачена специалистами приклад-ныхъ знаній, безъ которыхъ не обойтись археологу въ данномъ случаѣ. Въ 1872 г. вышло любопытное сочиненіе профессора технологіи, Гартига, взглядъ котораго ясно высказанъ въ слѣдующихъ словахъ: «На орудіе должно

¹⁾ *Lasar Geiger*, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Ver-nunft, 1869. — Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit, 1871.

²⁾ Слѣзу обратить вниманіе съезда на этотъ терминъ. *Перержитокъ* — правильный переводъ англійскаго слова *survival*, введеннаго въ науку Тайлоромъ (*Primitive Culture*, I, 15—18). У насъ распространяется невѣрный переводъ этого слова — *перерживаніе*. Перерживаніе — жизненный процессъ, а *survival* — слѣдствіе этого процесса. Я убѣжденъ, что *перержитокъ*, подобно слову *пожитокъ*, не наследуетъ духа русскаго языка, точно выражая, въ то же время, смыслъ иностраннаго термина. Мнѣ приходилось часто употребле-лять это слово въ печати, на кафедрѣ и въ разговорной рѣчи; оно всегда подхватыва-лось, не возбуждая недоумѣнія, какъ слово общепотребительное. Слово же *перерживаніе*, въ данномъ смыслѣ, къ счастью еще не утвердившееся, положительное недоразумѣніе, осо-бенно нежелательное въ наукѣ новой, гдѣ важно установленіе правильныхъ терминовъ. Предлагаю съезду, какъ особый вопросъ, рассмотреть употребленіе словъ *перержитокъ* и *перерживаніе* въ нашемъ научномъ языкѣ.

³⁾ *Tylor*, *Primitive Culture*, I, 13. Важныя мысли о приложеніи эволюціонизма къ изученію культуры высказаны еще вполнѣ твердо и ясно на стр. 55—62.

смотрѣть, какъ на нѣчто образовавшееся съ теченіемъ времени; его должно сравнивать съ органическимъ существомъ, которое подвергается длинному ряду превращеній, проходитъ различныя степени развитія. Судя по результатамъ археологич., современная задача технологіи заключается въ изслѣдованіи хода этого развитія и его законовъ. А что здѣсь, какъ въ органическомъ мірѣ, есть свои законы образованія, свои основы развитія, — въ этомъ убѣждаютъ насъ многочисленныя видоизмѣненія въ орудіяхъ и машинахъ, ежедневно совершающіяся на нашихъ глазахъ. Нечего и говорить, какъ важно познаніе этихъ основъ для оцѣнки техническихъ стремленій нашего времени, для пониманія безчисленныхъ новыхъ изобрѣтеній, для разумнаго совершенствованія орудій и машинъ. Технологъ долженъ видѣть свою послѣднюю и высшую задачу въ объясненіи этихъ основъ¹⁾. Гартигъ находитъ, что источникомъ дифференцированія формъ орудій была перемѣна въ употребленіи послѣднихъ, вызываемая новыми потребностями. Вслѣдъ за нимъ появились болѣе выработанныя общенія — попытки основать цѣлую философію техники на началѣ эволюціонизма. Особенно любопытно, по широтѣ взгляда, сочиненіе *Kapp*, который задается цѣлью — указать «значеніе разныхъ видовъ орудія для развитія са. мосо знанія»²⁾.

Подъ вліяніемъ указаннаго научнаго движенія, новый нѣмецкій философъ и лингвистъ, *Huare*, взялся дать теорію орудія, находя, что и здѣсь оправдывается его любопытное ученіе о происхожденіи языка³⁾ и что даже оно рѣшаетъ вопросъ. Это ученіе, признанное Максомъ Мюллеромъ и Сейсомъ, а также вообще философская система⁴⁾ автора, послужили основаніемъ для его археологическаго изслѣдованія. Вышедшій покуда первый томъ этого изслѣдованія (*Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit*, 1880) наполовину посвященъ даже изложенію его философскихъ работъ изслѣдованію умственной эволюціи. Но остальная половина занята технологическою эволюціей, причемъ авторъ преимущественно изучаетъ орудіе: познѣвшій процессъ, развитіе оружія, легче понять. Этотъ томъ снабженъ рисунками въ текстѣ и приложеніемъ таблицы, объясняющей эволюцію формъ каменнаго

¹⁾ *Hartig*, Ueber den Gebrauchswchsel als Bildungsgesetz für Werkzeugformen 1872.

²⁾ *E. Kapp*, Grundlinien einer Philosophie der Technik. 1877. *Reuleaux*, Einfluss der Maschine auf Gewerbebetrieb, 1879.

³⁾ *Ludwig Noiré*, Der Ursprung der Sprache, 1877. — Max Müller und die Sprachphilosophie, 1879.

⁴⁾ Она развита въ слѣд. сочиненіяхъ: *Pädagogisches Skizzenbuch*, 1874;—*Die Welt als Entwicklung des Geistes*, 1874; — *Der monistische Gedanke*, 1875; — *Einleitung und Begründung einer monistischen Erkenntniss-Theorie*, 1877.

топора. Во второй томъ войдутъ фізіологическая и археологическая части изслѣдованія.

Къ недостаткамъ Нуарэ нужно отнести пристрастіе къ лингвистикѣ и пробѣлы въ познаніяхъ по біологіи и антропологіи, а также большое стремленіе къ эклектизму: отсюда иногда натяжки и противорѣчія. Но знакомство съ различными отраслями наукъ, необходимыхъ въ данномъ случаѣ, и строгое проведеніе эволюціонизма придаютъ значеніе этому первому систематическому труду по философіи до-исторической археологіи.

Такъ какъ онъ неизвѣстенъ въ нашей литературѣ, а затронутые въ немъ вопросы законны во всякомъ отдѣлѣ археологіи, то я рѣшился предложить вниманію съѣзда сжатый очеркъ теоріи орудія Нуарэ. Мною руководила надежда, что и самая скромная, несамостоятельная работа можетъ пригодиться въ многочисленномъ собраніи ученыхъ, какъ поводъ къ постановкѣ тѣхъ общихъ вопросовъ, къ которымъ не останется равнодушнымъ ни одинъ специалистъ-археологъ. А къ такой юной наукѣ, какъ археологія, смѣю думать, особенно идутъ слова Ж.-П.-Рихтера: «Nichts ist schwerer als fragen, d. h. im Ocean zu angeln; nichts leichter als zu antworten, weil die Frage die Antwort umkränzt».

II.

Къ колыбели человечества насъ приводитъ только языковѣдѣніе, вскрывшее пра-корни рѣчи. Эти корни оправдываютъ положеніе Аристотеля: «мы знаемъ только то, что сами можемъ сдѣлать». Они означаютъ не рабочаго или работу, а плодъ работы: *дерево* — нѣчто «драное», *альбъ* — «растертое, смолотое», *скотъ* — «связанное» и «собственность» и т. д. Позже человѣкъ сталъ называть и дѣлателя, притомъ сначала орудія, а потомъ уже себя; отсюда и теперь на западѣ говорятъ: сдѣлано *посредствомъ* кого (par, by или through, durch), а не къмъ. Пра-корни доказываютъ еще, что они не созданіе личностей, а плодъ совмѣстной работы первобытнаго сообщества: это—ритмическій, артельный возгласъ при общей работѣ.

Пра-работа совершалась съ помощью природныхъ орудій — рукъ, ногъ, зубовъ, что доказывается исторіей cadaго слова, означающаго дѣйствіе посредствомъ орудія: такъ корень *мал* (*мар*) сначала значилъ не молотъ, а «разрывать пальцами», даже «раздавливать зубами». Нуарэ, подобно Гейгеру, думаетъ, что древнѣйшею общею работой было изготовленіе жилища, связанное частью съ *плетеньемъ* (гнѣздо, шалашъ), частью съ *рытьемъ* (землянка). Онъ увѣряетъ, что «почти всѣ корни сводятся къ этимъ двумъ средоточіямъ» и что даже здѣсь источникъ синтеза и анализа, т. е. всей идеальной культуры. Изъ скудной пра-работы дифференцировались разные роды дѣятельности, причѣмъ обнаружилась новая важная черта — *индивидуализація* труда. Тутъ мы впер-

вые встрѣчаемся и съ новымъ, великимъ дѣтелемъ въ развитіи человѣка — съ *орудіемъ*. Первобытное орудіе неизбѣжно вело къ индивидуализаціи труда: имъ нельзя было дѣйствовать во много рукъ. Отсюда и начало субъективизма въ языкѣ: личность замѣтила себя — и въ рѣчи блеснули первые отдѣлки, обозначающіе дѣлателя, эти родники частей рѣчи, логическаго дифференцированія. До тѣхъ поръ лепетъ пра-человѣка былъ смутенъ: корень слова *рыть* значилъ въ родѣ нашего *рыто* — неизвѣстно, кто, какъ, когда рыль.

Роль орудія въ эволюціи человѣчества видна уже изъ того, что нѣкоторые ученые называютъ человѣка «животнымъ, дѣлающимъ орудія» (*tool-making animal* Франклина). Это—приобрѣтеніе, слѣдовавшее за началомъ языка: оно немислимо безъ умственнаго преданія. Если обезьяна случайно употребить камень, какъ орудіе, этотъ опытъ не оставитъ слѣдовъ, не перейдетъ къ хвостатому потомству. Орудіе дало возможность человѣку совершать безчисленныя и крайне спеціальныя отправленія, не нарушая экономіи своихъ силъ, что всегда случается при излишнемъ развитіи одного какого-нибудь органа. При орудіи же достигается полная силы начало *силны*, этого великаго условія развитія: отсюда поразительное дифференцированіе нашей дѣятельности. Еще важнѣе, что орудіе доставило намъ понятіе *посредственности*: то хватая, то бросая его, человѣкъ отдѣлилъ себя отъ предмета и увидѣлъ причину и слѣдствіе, средство и цѣль. А понявши орудіе, какъ нѣчто внѣшнее, отдѣльное, онъ началъ выдѣлять и другіе предметы изъ массы вселенной, которая носилась передъ его тупымъ взоромъ какимъ-то нерасчлененнымъ пятномъ. Вотъ, онъ замѣтилъ мышъ, назвалъ ее, по своему орудію, «сверлящею, роющею» тварью. Наконецъ, человѣкъ позналъ себя самого. Впрочемъ, сначала онъ увидѣлъ только свои внѣшніе члены, и именно связанные съ орудіемъ. Это уже вопросъ крайне важный. Для его рѣшенія Нуарэ развиваетъ *теорію проекціи* математика Каппа.

Самое слово «проекція» (*projicere*) указываетъ на стремленіе человѣка какъ бы выйти изъ самого себя, ринуться во внѣшній міръ, который тотчасъ противопоставляетъ ему (*objicere*) сопротивленіе, въ видѣ предметовъ. Въ этой ограниченности нашего существа источникъ познанія, разума: безъ задержки нашей страсти къ проектизаціи для насъ не было бы предметовъ, вселенной. Только у человѣка замѣчается крайнее развитіе проекціи; и онъ понялъ себя лишь надняхъ, когда, такъ сказать, совсѣмъ вынесъ свои силы наружу, объективировалъ ихъ. По словамъ Альфр. Дове, «мы постигаемъ механизмъ природы лишь послѣ того, какъ намъ удастся самимъ свободно воспроизвести его». Это поясняется исторіей механики и физиологіи. «Механизмъ — говоритъ Каппъ — служить факеломъ, освѣщающимъ организмъ. Изъ механики перешло въ физиологію много названій орудій, напр., въ опредѣленіи движеній скелета.» Физиологическая загадка зрѣнія была рѣшена лишь послѣ того, какъ органъ

зрѣнія проектировался во множествѣ механическихъ приспособленій. То же должно сказать о слухѣ, голосѣ, даже о строеніи кости. Проекція уяснила и причину всѣхъ физиологическихъ движеній: въ вѣкъ пара явилось ученіе Роберта Майера объ эквивалентѣ теплоты, при которомъ оказалось, что каждый организмъ есть паровая машина, котломъ которой служитъ солнце. А со времени открытій Дюбуа Реймона нервную систему стали сравнивать съ телеграфными проволоками.

Машиной, орудіемъ дается намъ самосознаніе. Но, по міровому закону взаимодействія, машина, какъ мы видѣли, есть бессознательное проектированіе нашего собственнаго организма. Отсюда необходимость анатоміи и физиологіи для рѣшенія вопроса о происхожденіи орудія.

Для нашей цѣли важны только внѣшніе органы, и изъ нихъ особенно рабочіе, которые иногда называются *природными орудіями*. Ихъ великая роль въ эволюціи человѣка объясняется ихъ особымъ свойствомъ — *полупроекціей* (Semiprojection): они сами выступаютъ изъ организма во внѣшній міръ, сношенія съ которымъ расширяютъ кругъ нашего опыта. Рабочіе органы почти исключительно служатъ питанію: оттого они, въ противоположность органамъ воспріятія, тверды, крѣпки, способны къ сопротивленію. Такъ *зубы и клювы* высшихъ животныхъ. Въслѣдствіе необходимости держать пищу, челюсти и клювы представляютъ видъ щипцовъ и ножицъ.

Зубы, конечно, прошли свой долгій путь эволюціи, пока не стали на своемъ мѣстѣ, въ головѣ, гдѣ помѣщаются также органы вкуса и обонянія, и гдѣ ихъ поддерживаютъ могучіе шейные мускулы. Но и здѣсь они долго развивались. Зубы позвоночныхъ старожилловъ, рыбъ, не могутъ идти въ сравненіе съ челюстной системой млекопитающихъ: пасть хищной рыбы служитъ только къ держанію добычи, которая проглатывается цѣликомъ. Гораздо совершеннѣе клювъ птицъ, особенно хищниковъ: онъ крючковатъ, способенъ разрывать добычу; онъ насаженъ на мускулистую шею, которую поддерживаютъ крѣпкія ноги съ могучими костями. Но клювъ односторонневъ: это — цѣльное, нерасчлененное орудіе, первообразъ и топора, и кирки, и щипцовъ.

Высшее развитіе видимъ въ челюсти млекопитающихъ. Здѣсь каждый зубъ дифференцированъ, причѣмъ возникли особыя группы зубовъ, каждая съ своимъ назначеніемъ. Но всѣ эти группы сводятся къ основной формѣ *клина*, изъ которой онѣ дифференцировались. Такъ рѣзцы — сточенный клинъ; и они развиты у травоядныхъ, которымъ нужна эта сточенность. Коренной зубъ — развитіе рѣзца или, вѣрнѣе, соединеніе многихъ первобытныхъ зубовъ, какъ доказываетъ его поверхность. Онъ получилъ высшее развитіе у отгрыгающихъ жвачку, пища которыхъ не представляетъ затрудненія при ея собираніи, но требуетъ хорошей жевки, какъ трудно перевариваемая: широкій, покрытый буграми коренной зубъ напоминаетъ жерновъ. Эти животныя не нуждаются въ

особенномъ уходѣ для снисканія себѣ пищи — и у нихъ нѣтъ природныхъ орудій для воздѣйствія на внѣшній міръ: они трусливы, не смотря на могучіе рога, которые употребляютъ ими больше для половой борьбы. Выше стоятъ насѣкомоядные: у нихъ есть разные типы зубовъ, но особенно развиты рѣзцы, клыки же слабы и не велики.

Клыки — важнѣйшее приобрѣтеніе зубной эволюціи. Это достояніе хищныхъ звѣрей — настоящіе рабочіе органы, и къ поддержанію ихъ дѣятельности служить все тѣло животного. Задача этой дѣятельности, *терзаніе*, такъ важно, что клыки почти уничтожили рѣзцы, ставшіе слабыми и мелкими. Ихъ развитіе объясняется тѣмъ, что терзаніе требуетъ сильныхъ движеній головы въ горизонтальномъ направленіи. А такія движенія вызывались свойствомъ пищи хищника: мясо нужно не только растирать, какъ траву, но и разрѣзывать. Оттого у хищнаго звѣря рѣзцами служатъ не только клыки, но и коренники: они остры и заходятъ одинъ за другой какъ ножницы.

Послѣднюю степенью зубной эволюціи должно быть соединеніе одинаково развитыхъ зубныхъ группъ. Это мы и видимъ у высшихъ животныхъ — у антропоидовъ и у человѣка. Здѣсь все — и рѣзцы грызуна, и клыки хищника, и коренники жвачныхъ. Но здѣсь же насъ поражаетъ неожиданное явленіе, какъ предвѣстіе перехода въ особый строй жизни: у человѣка зубная система вдругъ какъ бы ослабѣваетъ; она не такъ могуча и звѣроподобна, какъ у гориллы, оранга и чимпанзе. Эта загадка объясняется появленіемъ у человѣка новаго рабочаго органа, который нашелъ болѣе совершенное подспорье зубамъ. Тотъ счастливый органъ — рука; это великое подспорье — орудіе.

Рука представляетъ крайнее развитіе полу-проекціи, и она находится подъ надзоромъ *зрѣнія*, которое считается главнымъ источникомъ познанія, насколько позволяетъ судить еще скудная разработка вопроса объ эволюціи внѣшнихъ чувствъ. Уже Анаксагоръ утверждалъ, что рука — единственное преимущество человѣка передъ животнымъ. Аристотель назвалъ ее «орудіемъ изъ орудій». Кантъ говоритъ въ своей «Антропологіи»: «Опредѣленіе человѣка, какъ разумнаго существа, заключается уже въ формѣ и устройствѣ руки; рука способна ко всякому, а слѣдовательно и умственному, употребленію; отсюда техническая способность человѣка». Значеніе руки заключается именно въ ея *всесторонности*. Авторъ спеціальнаго изслѣдованія о рукѣ, *Белль* (Die Hand und ihre Eigenschaften), говоритъ о ней: «Свойства, которыя встрѣчаются у другихъ животныхъ въ отдѣльности, соединяются въ этомъ совершенномъ орудіи». Эта всесторонность соответствуетъ основному свойству ума — общенію, отвлеченію: оттого руку называютъ еще «внѣшнимъ мозгомъ». Рука совершаетъ два ряда совсѣмъ различныхъ дѣйствій: она — и рабочій органъ, и органъ *осязанія*, которое, какъ источникъ познанія, ставится нѣкоторыми почти наряду съ зрѣніемъ. Ея важность, какъ органа чувственнаго воспріятія,

видна уже изъ того, что отсутствіе ея остановило умственное развитіе даже тѣхъ животныхъ, зрѣніе которыхъ гораздо острѣ нашего. Значеніе же руки, какъ рабочаго органа, лучше всего объясняется путемъ эволюціи, который должна была пройти и она.

Первоначально это былъ *двигательный* и *хватательный* органъ. Особенно приспособлена рука къ хватанію или къ сжиманію кулака, причемъ выступаетъ великая роль *большаго пальца*, который, говорятъ, создалъ всю исторію чело-вѣчества. Рука превосходитъ хватательные органы животныхъ еще тѣмъ, что обладаетъ большею свободой движеній и лучшимъ устройствомъ для держанія добычи. Это держаніе — второй важный моментъ въ эволюціи руки. Переднія конечности, по инстинкту, должны были поддерживать дѣятельность, связанную съ первою задачей организма, съ питаніемъ; и онѣ дошли постепенно до такой независимости, что могли почти совсѣмъ взять на себя работу зубовъ.

Такъ, по словамъ Нуарэ, «рука превратилась изъ поддерживающаго органа сначала въ замѣняющій, а потомъ во вседѣлающій, въ фактотума»... Возникла великая истина: животное — рабъ органовъ, человѣкъ — господинъ орудій... Человѣкъ сталъ вольноотпущенникомъ природы, собственнымъ творцомъ; онъ самъ создалъ себѣ органы, превратился въ *tool-making animal*¹⁾.

III.

Въ вопросѣ о *происхожденіи орудія* Нуарэ руководится вполнѣ эволюціонизмомъ. Онъ говоритъ: «Подобно тому, какъ въ мірѣ физическомъ и умственномъ все новое выходитъ изъ стараго и долго носить на себѣ его слѣды, въ развитіи орудія новое постепенно вытѣсняло старину, формы которой долго еще жили въ другія эпохи и даже при совсѣмъ иномъ матеріалѣ, человѣкъ привыкалъ къ этимъ формамъ и даже не задавался мыслью, что можно бы сдѣлать и иначе. Мало того. Когда старина совсѣмъ исчезла, ея образы и отѣнки нерѣдко отпечатлѣвались на убранствѣ вышедшаго изъ нея орудія. Рѣло прекрасно и наглядно доказалъ это на бронзовыхъ топорахъ». Итакъ, въ исторіи орудія все дѣло въ *преемственности формъ*: это — единственное времясчисленіе; данныя геологiи и палеонтологiи имѣютъ здѣсь лишь второстепенное

¹⁾ Въ этой, философско-біологической, части труда Нуарэ слабѣ всего изложено ученіе о рукѣ, которая давно обратила на себя должное вниманіе науки. Авторъ даже совсѣмъ упустилъ изъ виду одну работу руки, весьма важную въ умственной эволюціи. Это жестикюляція или прямая помощь, оказываемая рукой языку: известно, что есть дикари, которые въ темнотѣ мало понимаютъ другъ друга, вслѣдствіе крайней бѣдности ихъ рѣчи. Я объясняю это упущеніе тѣмъ, что въ вопросѣ о происхожденіи языка Нуарэ обрываетъ нить эволюціонизма, связывающую все существа. Въ этомъ и его оригинальность, какъ лингвиста, и его основное внутреннее противорѣчіе. Впрочемъ, быть можетъ, въ біологической части своего сочиненія авторъ возмѣститъ указанный недостатокъ.

значеніе. И вся разница съ біологическою эволюціей заключается только въ томъ, что здѣсь послѣдственность, физическое рожденіе замѣняется преданіемъ.

При такомъ методѣ, Нуарэ легко становится на сторону новѣйшихъ протестантовъ въ археологіи, подрывающихъ установленное дѣленіе на археологическіе вѣка. Признавая методъ вѣрнымъ, позволяю себѣ усомниться въ томъ, чтобы онъ требовалъ присоединенія къ протестантамъ. Вопросъ о дѣленіи доисторической археологіи вполне умѣстенъ на нашемъ съѣздѣ; а мое дальнѣйшее изложеніе нуждается въ извѣстномъ взглядѣ на него. Рѣшаюсь высказать мое мнѣніе, которое можетъ послужить поводомъ къ обсужденію специалистами одного изъ основныхъ вопросовъ науки.

Мнѣ кажется, источникомъ двухъ взглядовъ на систему датскаго археолога, Томсена, послужила посторонняя наукѣ причина. Между тѣмъ, какъ она была сразу принята французами и затѣмъ англичанами, нѣмцы, приступившіе къ изученію археологіи въ разгаръ своего націонализма, объявили (въ 1864 г.), что это — продѣлка враговъ, которые «съ истинной назойливостью хотятъ навязать» ее имъ. Напрасно шверинскій археологъ, Лишъ, старался внести примиреніе въ науку, заявивши, что онъ раньше Томсена создалъ эту систему: до настоящаго времени протесты противъ нея идутъ главнымъ образомъ изъ Германіи. Нуарэ увлекся ими, подъ влияніемъ «вождя нѣмецкой археологіи», Линденшмита, который заявлялъ, подсмѣиваясь надъ «возлюбленнымъ дѣленіемъ на три»: «Несомнѣнно, что послѣдовательность формъ несравненно важнѣ послѣдовательности матеріаловъ; она одна въ состояніи указать хронологію археологическихъ явленій. Первая и важнѣйшая попытка рѣшенія этой, крайне трудной, задачи принадлежитъ центральному римско-нѣмецкому музею въ Майнцѣ»¹⁾. Затѣмъ Линденшмитъ описываетъ археологическую эволюцію по своему музею, — и сначала у него идетъ камень, потомъ бронза и желѣзо. Не забудемъ, что Германія лишь недавно стала заниматься археологіей, какъ ученица Даніи, Франціи и Англій. А между тѣмъ новыя данныя раскопокъ повсюду, не исключая Россіи, кажется, не противорѣчатъ системѣ Томсена. Наконецъ, доказываютъ, что самыя свойства троякаго матеріала таковы, что человѣкъ могъ обрабатывать его лишь въ послѣдовательности, указанной датскимъ археологомъ.

Другое дѣло — недостатки системы Томсена. Она неполна, слишкомъ обща: въ археологическихъ вѣкахъ не видно эпохъ, оттѣнговъ. Но если теперь никто не скажетъ, что древній міръ окончился въ 476 г., а утконосъ — прямой переходъ отъ птицы къ млекопитающему, это еще не значитъ, что крупныя дѣленія въ исторіи и біологіи лишены научнаго смысла. Систему

¹⁾ L. Lindenschmit, Deutsche Alterthumskunde, 57.

Томсена слѣдуетъ только дополнить подраздѣленіями, соотвѣтственно съ эволюціонными переходами, что и составляетъ теперь одну изъ задачъ археологін. А неприложимость ея иногда поражаетъ лишь потому, что упускается изъ виду вліяніе народовъ другъ на друга, по степени ихъ цивилизаціи.

Недостатки системы Томсена не устраняются дѣленіемъ по формамъ орудій. Напротивъ. Археологи пытались установить вѣкъ топора, ножа и т. д.; но отказались отъ попытки, только затрудняя изученіе. Могло ли быть иначе при крайней постепенности въ расчлененіи формъ и при долговѣчности пержитковъ?

Но съ точки зрѣнія эволюціонизма преемственность формъ, конечно, играетъ первую роль. Не слѣдуетъ только, въ заботахъ о ней, забывать послѣдовательность матеріаловъ: къ этому пришелъ и самъ Нуарэ.

Слѣдуя преемственности формъ, мы доходимъ до пращура орудій. Конечно, онъ возникъ не безъ участія ума; но умъ, на зарѣ своего развитія, еще не могъ «изобрѣсти» орудій. Тогда человѣкъ почти инстинктивно хваталъ предметъ и лишь постепенно привыкалъ къ нему, разсуждалъ о немъ. То же было съ языкомъ: различные звуки, издаваемые по разнымъ поводамъ, еще не слова; слово возникло лишь тогда, когда извѣстный звукъ привязался къ извѣстной работѣ, все повторялся вмѣстѣ съ нею.

Первымъ орудіемъ могъ быть лишь естественный предметъ, который счастливо подвернулся подъ руку и помогъ ей въ ея физиологическихъ работахъ. Археологъ никогда не найдетъ его, точно также, какъ палеонтологъ напрасно искалъ бы первобытнаго слизняка. Особенное счастье, если ему удастся открыть какія-нибудь царапины, сдѣланныя пра-орудіемъ, какъ палеонтологъ открываетъ слѣды ногъ исчезнувшихъ птицъ. Эти царапины тѣмъ труднѣе признавать, что тогда рука еще не вполне дифференцировалась: она сама развивалась подъ вліяніемъ орудія.

Методъ ясенъ: мы тогда только постигнемъ происхожденіе орудія, когда выведемъ его изъ дѣятельности первобытныхъ рабочихъ органовъ — зубовъ, подъ вліяніемъ которыхъ развилась и рука.

Разсматривая три группы зубовъ, мы уже имѣли дѣло съ тремя родами естественныхъ орудій — съ ударнымъ (колющимъ, пронизывающимъ), рѣжущимъ (грызущимъ) и перетирающимъ. У насъ второй родъ зубовъ и называется «рѣзцомъ», также какъ на западѣ (*incisor, Schneidezahn*), гдѣ коренники называются «молошниками» (*la dent molaire, Mahlzahn, grinder*); клыкъ же называется у нѣмцевъ «пронзителемъ» (*Stosszahn*). Треть родамъ зубовъ соотвѣтствовали три рода первобытной дѣятельности. Клыки кололи, пронизывали, рубили, раздирали, хватили и держали добычу; рѣзцы рѣзали, скоблили, скребли, шелушили, снимали кору, пилили; коренники раздавливали, размельчали, растирали.

Уже всеядность, вытекающая из полноты зубной системы, дала большое преимущество человеку. Но важнее всего, что различные группы зубов вызвали разнообразие деятельности, т. е. вели к расчленению работ, к этой душе умственной эволюции.

Если работа орудия выводится из деятельности природных орудий, то и закон его эволюции должен быть тот же, который господствует в органическом мире. Нуарэ считает доказанным положение Аристотеля: «природа творит органы для дела, а не дело для органов» и добавляет его словами Дидро: «потребность порождает орган». Самое слово *organ* сначала значило «орудие» и с этим смыслом перешло к римлянам. Платон и, в особенности, Аристотель первые перенесли понятие орудия на органы тела животных.

Дифференцирование орудия вызывается смѣнами въ его употребленіи. Гартиг так определяет закон смѣны. «Как только человек вооружился пра-орудием, служащим какой-либо цели, он тотчас начал, инстинктивно или как бы играя, пробовать употреблять его на всевозможные лады. Наблюдая за результатами и постепенно приурочивая орудие к каждому из употреблений, он медленно дошел до многих вторичных орудий. Это естественное стремление к смѣнѣ употреблений особенно сильно у детей. Их игры — ничто иное, как бесконечная смѣна употреблений данных им предметов; притом они придерживаются больше всего тех игрушек, которые допускают наибольшее употреблений (напр. кирпичики), между тем как прекрасныя, но неизмѣняемыя вещицы быстро надоедают им».

Очевидны признаки пра-орудия. Оно должно наименѣе походить на своих потомков. Оно должно быть лишено формы и самостоятельнаго значенія: въ ту пору острый камень или кость были, такъ сказать, сросшимся съ рукой конечнымъ органомъ, въ родѣ ногтей или ногтей. Позднѣйшія же орудія — тѣ, наиболѣе обдѣланныя человекомъ, дѣйствіе которыхъ сосредоточивается не въ самой рукѣ, а внѣ ея, напр. заступъ, въ особенности же метательное оружіе. Еще моложе орудія сложныя (напр., гвоздь, требующій молотка), не говоря уже о машинахъ.

Нуарэ выводитъ всю нашу техническую дѣятельность изъ *рѣзцовъ*, причемъ замѣчаетъ, что «многіе изслѣдователи серьезно предлагали соединить бобра съ человекомъ въ одинъ разрядъ тварей, одаренныхъ разумомъ». Рѣзцы способны къ самой разнообразной работѣ: они роютъ, скребутъ и скоблятъ, какъ скребница; отщипываютъ, какъ клещи; рѣжутъ движеніемъ взадъ и впередъ, какъ ножъ; расширяясь, становятся у человека ножницами. Проектируйте эту дѣятельность — и получите орудія, которыя роютъ, скребутъ, рѣжутъ, сверлятъ. Таковы лапы грызуновъ и насекомоядныхъ.

То же значеніе получила рука человѣка, какъ только она пріобрѣла независимость отъ зубовъ, которымъ сначала она служила исключительно, какъ органъ хватанія и держанія. Лапы грызуна дифференцировались подъ вліяніемъ *рытья*: тотъ же процессъ выдвинулъ руку человѣка, первою работою которой было, какъ мы видѣли, рытье жилища.

Пра-орудіемъ, связаннымъ съ рытьемъ земли, былъ въ землѣ же попавшійся подъ руку камень¹⁾, но не всякій камень одинаково удобенъ для рытья. Первобытная рука должна была остановиться на томъ, который наиболее подходит къ древнѣйшей формѣ природныхъ органовъ, т. е. къ *клину*. Да и самое рытье, до орудія, состояло въ вонзаніи въ землю природныхъ клинцевъ—пальцевъ; притомъ оно совершалось обѣими руками: дифференцированіе правой и лѣвой руки произошло позже, подъ вліяніемъ орудія. Двумя же руками удобнѣе, проще двигать клинообразное орудіе, чѣмъ орудіе съ широкимъ остріемъ.

Дальнѣйшее развитіе камня-клина состояло въ томъ, что онъ постепенно началъ исправлять другія работы, помимо рытья. Прежде всего онъ сталъ *скрести*, скоблить. То же дѣлаютъ передніе зубы; и подобно тому какъ они — ничто иное, какъ сточенные клинья, позднѣйшее орудіе было какъ бы сточенымъ камнемъ-клиномъ: изъ заостренной кирпичи вышла кирка съ широкимъ лезвиемъ. Но такое орудіе есть *ножь*, имѣющій важное значеніе въ эволюціи человѣка.

Съ ножомъ связаны два новыхъ рода дѣятельности, притомъ, способныхъ къ дальнѣйшему дифференцированію. Кромѣ скобленія, онъ сталъ *рѣзать*, что указываетъ также на разнообразіе матеріала обработки: человѣкъ началъ пользоваться деревомъ и животными; рѣзать—значитъ разрывать связь между волокнами. Рѣзаніе прямо приводитъ къ *пиленію*, такъ какъ требуетъ движенія взадъ и впередъ. Пра-ножь самъ собою походитъ на *пилу*: сдѣланный изъ кремня, онъ представлялъ зазубрины.

Указанные роды дѣятельности пра-ножа можно видѣть теперь у дикарей. О томъ же свидѣтельствуетъ языковѣднѣе, такъ какъ названія орудій всегда сводятся къ ихъ работамъ. Нѣм. *Säge* (пила) сродно съ лат. *sec-care* (разсѣкать, рѣзать); отсюда наши *сѣкира* и *соха* (фр. *soe*), нѣм. *Sichel* (серпъ) и *Sense* (коса). Санскр. *kar-tari* (ножь и ножницы) сродно съ литов. *kir-wis* (сѣкира), лат. *cul-ter* (ножь), швед. *skära* (серпъ), нѣм. *Schere* (ножницы) и *scharren* (скрести). Дерево и лѣсъ, а также звѣрь называются въ арійскихъ языкахъ корнями, означающими «облупленное, ободранное, соскобленное.» Отъ

¹⁾ Вместе съ Гейгеромъ, Нугаръ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что каменному вѣку предшествовалъ деревянный. Онъ прямо говоритъ, что огонь возникъ еще въ «деревянномъ вѣкѣ» (298), отъ котораго, конечно, не могло остаться слѣдовъ.

этихъ же корней происходить названія кожи, мяса, коры, дровъ. Мы и теперь говоримъ о «кожицѣ», и «косточкѣ» плода, о «мясѣ» персика. Пра-человѣкъ смотрѣлъ на все съ точки зрѣнія первой работы. Даже землю называлъ онъ «растертымъ» предметомъ: нѣм. *Grund* сродно съ англ. *grind* (тереть), лат. *terra* происходитъ отъ корня *ter* (тереть).

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ножъ сталъ еще *пронзать* и *сверлить*. Уже рытье землянки, въ сущности, было такою работой: роющія животныя, по большей части, представляются намъ сверлильщиками. Корень *bor, bar, bur* (буравить) сохранилъ этотъ первобытный смыслъ въ греческомъ языкѣ; *φάραγξ* — ущелье, оврагъ, трещина; *φάρυγξ* — пасть, пучина, пещера. Ножъ, въ смыслѣ пронзителя, долженъ былъ отличаться отъ того орудія, которымъ рѣзали и скоблили: онъ долженъ быть обоюдо-острымъ и имѣть заостренный конецъ. Такова основная форма позднѣйшаго оружія — кинжала, меча, наконечниковъ коня, дротика и стрѣлы. Конечно, сначала для этого употреблялись природныя предметы — острый обломокъ камня или кости, даже зубъ хищнаго животнаго.

Отъ пронзанія одинъ шагъ до сверленія, буравленія, которое и есть пронзаніе, только связанное съ понятіемъ *верченія*. Пра-корень словъ, означающихъ сверленіе, — *ter, tar* — сначала значилъ «тереть», произносить острымъ орудіемъ. Въ старѣйшихъ раскопкахъ, уже въ пещерахъ времени мамонта, мы находимъ зубы животныхъ съ дырочками, которыя могли быть сдѣланы лишь посредствомъ верченія острымъ кремневымъ орудіемъ.

Но какъ человѣкъ пришелъ къ верченію, къ этой великой работѣ, которая много помогла ему стать человѣкомъ?

IV.

И для этой работы нужно искать начала въ природѣ. Верченіе—одна изъ основныхъ и старѣйшихъ формъ движенія. Мы видимъ его въ небесныхъ тѣлахъ, въ круглотѣ животныхъ клѣточекъ, въ спираляхъ растений, въ поворотахъ членовъ животнаго вокругъ своихъ осей, въ позвоночномъ столбѣ, въ ползаніи червя и змѣи. Оно же проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда рыба вертится на удочкѣ, а птица въ силкѣ, когда куликъ зарывается въ песокъ, даже когда козлы сцѣпляются рогами для борьбы. Верченіе неизбежно тамъ, гдѣ сила встрѣчаетъ препятствіе, т. е. вездѣ. И рука пра-человѣка отклонилась отъ прямого движенія, закружилась, какъ только встрѣтила сопротивленіе при пронзаніи земли съ помощью остраго камня. По словамъ Рѣло, если древній философъ, пораженный измѣнчивостью вещей, говорилъ: «все течетъ», то мы, въ вѣкъ машинъ, можемъ сказать: «все вертится». Круговое движеніе—душа всякой машины, а слѣдовательно всякой техники.

Рѣшительное значеніе верченія въ человѣческой эволюціи видно уже изъ того, что мы обязаны ему *огнемъ*. Нуарэ не могъ обойти столь важнаго вопроса въ технической эволюціи, которому уже посвящены особыя сочиненія (Kuhn Joly); но мнѣ кажется, это одна изъ слабыхъ сторонъ его труда. Такъ какъ исторія огня отчасти несомнѣнно связана съ религіей, а Нуарэ пристрастенъ къ языковѣднію, то онъ взялъ религиозную теорію у Макса Мюллера и, по своему любимому методу, слилъ ее съ Гейгеровой теоріей огня.

По Гейгеру, огонь—это столь-же коренное отличіе человѣка, какъ орудіе, языкъ и религія—стала нашимъ спутникомъ съ самаго начала: раскопки времени мамонта содержатъ его слѣды. Онъ былъ добытъ посредствомъ верченія, къ которому и теперь прибѣгаютъ почти всѣ дикари: по свидѣтельству языковѣднія, всѣ аріиды дѣлали то же самое назарѣ своей жизни. Какъ ни простъ этотъ способъ, пра-человѣку трудно было додуматься до него: онъ былъ изобрѣтенъ лишь въ однужъ мѣстѣ и оттуда разнесенъ повсюду. Сравнительная миеология доказываетъ, что добываніе огня сверленіемъ связано съ религиозными обрядами: верченіе палочки, *праматы* (корень *mat* значитъ тереть, сверлить), было символическимъ изображеніемъ движенія солнца, отца огня. Уже изъ религіи огонь перешелъ въ кругъ обыденныхъ потребностей. Древнѣйшіе, ведійскіе гимны воспѣваютъ не практическую пользу огня, а его блескъ, красоту. Человѣка осчастливилъ *свѣтъ* огня, который помогъ ему подавить ужасъ ночи, чреватой всеми бѣдствіями. Намъ, устраняющимъ ночь лучами факеловъ, лампъ и электричества, трудно представить себѣ этотъ ужасъ пра-человѣка предъ глубокой тьмой, которую его фантазія населяла страшилищами (Гейгеръ). И теперь свѣтъ очаровываетъ дѣтей.

По Гейгеру, огонь вспыхнулъ случайно, при обрядѣ: сначала только кружились люди и вертели палочками, не только подражая движенію солнца, но и думая, что помогаютъ ему. Нуарэ принимаетъ всѣ эти поэтическія представленія своего учителя, взятыя изъ аріискаго міра, и старается поддержать ихъ новѣйшимъ фактомъ—*свастикой*. По его мнѣнію, этотъ инструментъ изобрѣли жрецы, какъ только случайно вспыхнулъ огонь при обрядѣ,—и онъ сталъ любимымъ религиознымъ символомъ аріидцевъ: его находятъ повсюду, гдѣ жила эта отрасль человечества; и вездѣ онъ служитъ признакомъ высшаго божества, Солнца, Аполлона, Одина.

Самому Нуарэ извѣстно, что свастика не всегда служитъ признакомъ божества и аріидства. Ее нашли у монгольской породы, у финикійцевъ и этрусковъ, у финновъ и въ славянскихъ земляхъ Германіи, гдѣ она относится, кажется, къ до-славянской эпохѣ. У галловъ и германцевъ она является въ концѣ бронзоваго вѣка, у римлянъ лишь въ 3 в. по Р. Х.; этруски, какъ видно, употребляли ее въ видѣ украшенія. Есть вѣроятность, что, по крайней мѣрѣ, азіятскіе туранцы заимствовали свастикку у аріидцевъ; но, во всякомъ

случаѣ, должно соблюдать осторожность относительно археологическихъ увлеченій лингвистики, возросшей на почвѣ изученія арийскихъ нарѣчій. Свастика, обставленная обрядами, жрецами, поклоненіемъ «высшему» божеству—все это также далеко отъ начала культуры, какъ ведійская религія, прославленная Максомъ Мюллеромъ за ея первобытность. Все это лингвистика, основанная на религіозномъ памятникѣ, которому по большей мѣрѣ 5.000 лѣтъ, а не археологія, гдѣ, по словамъ самого Нуарэ, мы имѣемъ дѣло съ «милліонами» лѣтъ.

Археологія-же представляетъ тотъ важный фактъ, что покуда свастика найдена только въ бронзовомъ вѣкѣ, и перѣдко въ концѣ его. Не думаю, чтобы когда-либо попали въ каменномъ вѣкѣ на такую сравнительно сложную машину. А самъ Нуарэ находитъ огонь «въ древнѣйшихъ раскопкахъ временъ мамонта». Онъ даже утверждаетъ, что «человѣкъ пришелъ къ верченію и сверленію не путемъ наблюденія надъ небеснымъ сводомъ и подражанія его движенію: онъ раньше обладалъ столь простымъ и необходимымъ искусствомъ въ его первобытныхъ формахъ».

Лингвистическое увлеченіе привело Нуарэ къ противорѣчіямъ, еще болѣе разительнымъ. Онъ говоритъ: «по моему убѣжденію, *несомнѣнно*, что свастика путемъ смѣны употребленій, привела къ бураву, которымъ сверлили дыры въ каменныхъ орудіяхъ». Есть мысль, которая даже подрываетъ въ корнѣ основу философіи автора—происхожденіе орудій изъ органовъ и органовъ изъ потребностей. Нуарэ говоритъ: «*Несомнѣнно*, что не потребность привела человѣка къ подчиненію себѣ этой таинственной силы природы (огня), предъ которой трепещутъ всѣ другія твари, а подчиненіе этой силы вызвало потребность».

Тѣмъ не менѣе, Нуарэ не допускаетъ и мысли о другихъ теоріяхъ происхожденія огня. По его мнѣнію, «прежнія объясненія, въ родѣ того, что человѣкъ узналъ огонь, благодаря молніи, зажегшей дерево, не заслуживаютъ вниманія: на нихъ лежитъ отпечатокъ поверхностнаго раціонализма 18-го столѣтія»,—того самого раціонализма, глава котораго, Дидро, названъ нашимъ авторомъ «едва-ли не гениальнѣйшимъ предтечею современнаго эволюціонизма». Не знаемъ, какъ отнесется Нуарэ къ тѣмъ новѣйшимъ археологамъ, которые находятъ, что огонь въ эпоху мамонта былъ природный, а не добытый человекомъ.

Возвращаемся къ эволюціи орудія.

Если роюція и колюція орудія связаны съ рѣзцами и клыками, то должны быть третій родъ орудій, соответствующій коренникамъ. Это—орудія *перетирающія*.

На ряду съ корнемъ *ter*, крайне важень очень древній корень *tar* или *tal*. Его первобытное значеніе—«растирать», что легко выводится изъ понятія «рыть»: доказательство—названіе многихъ животныхъ, происходящее отъ этого корня: моль, муравей, мышь и др. Постепенно начальный смыслъ корня рас-

членился на много новыхъ значеній у арійцевъ: *mollis* (мягкій), море, смерть и др. Для насъ важнѣе всего, что отсюда-же происходитъ «молоть» и «мельница», а также названіе коренниковъ—«молольщики». Нуарэ замѣчаетъ: «Несомнѣнно, что и здѣсь природное стремленіе растирать, крошить посредствомъ коренниковъ было причиной перенесенія этой дѣятельности на руку; а рука, стараясь получше произвести работу, вооружилась предметомъ, который можно считать эквивалентомъ естественнаго орудія».

Здѣсь проекція органовъ даетъ намъ два новыхъ рода орудій—*разбивающія* твердый предметъ и *перетирающія*. Представитель первыхъ — *молоть*, вторыхъ—*жерновъ*¹⁾. Конечно, и они развились постепенно. Сначала роль молота игралъ любой камень, потомъ камень отборный или «битокъ», которымъ отбивали первобытныя орудія изъ кремня. Не должно забывать важнаго для эволюціи условія: битокъ, равно какъ и всѣ пра-орудія, прямо обхватывался рукой, безъ посредства рукоятки или древка.

Перетиранию предшествовала болѣе простая работа — *толченіе*. Пра-мельницы состоятъ изъ двухъ камней, напоминающихъ толкачъ и ступку. Судя по мельничкамъ свайныхъ построекъ, переходомъ отъ толченья къ молотью служило треніе толкачемъ взадъ и впередъ по ступкѣ. Языковѣдніе указываетъ съ своей стороны на соотношеніе между толченіемъ и молотьемъ. «Ступка» полатыни—*mortarium*, понѣмецки—*Mörser*. Лат. *pistor*, пекаръ, собственно значить «печь, толкачъ» (отъ *pinso*—толку). Римляне долго питались кашей, а не хлѣбомъ. Лѣтъ за 200 до Р. Х. у нихъ не было пекарей и мельниковъ: хлѣбъ приготовлялся дома. Уже потомъ явился *pistor*, но въ смыслѣ и пекаря и мельника. Еще позже эти значенія расчленились; возникло отдѣльное слово для мельника—*molinor*.

У.

Всѣ разсмотрѣнныя дѣйствія и орудія относятся къ тому роду проявленія силъ, который называется въ механикѣ *нажимаемъ*. Это—постепенная борьба противодѣйствующихъ силъ. Есть другой родъ движенія—*ударъ*. Это—прямое и быстрое воздѣйствіе одного тѣла на другое. Оно проявляется уже въ разбиваніи или толченіи, но слабо. Настоящій ударъ немислимъ безъ новаго элемента механики — *взмаха*, играющаго видную роль въ эволюціи человѣка.

¹⁾ Здѣсь Нуарэ чувствуетъ потребность предупредить критику. Онъ замѣчаетъ: «Прошу понять меня. Утверждая, что разбивать и перетирать есть проекція или объективация работы коренниковъ, я вовсе не хочу сказать, что эти дѣйствія вытекли непосредственно изъ послѣдней». Онъ не скрываетъ также примѣровъ разбиванія у животныхъ, лишенныхъ коренниковъ (птицы), и указываетъ на спорожку обезьянъ разбивать крышкіе орѣхи на землѣ. Онъ прибавляетъ даже: «Это—инстинктивная дѣятельность, распространенная во всемъ животномъ мѣрѣ».

Взмахъ предшествуетъ удару: его задача — собрать силы для удара, какъ бы натянуть тетиву, завести пружину. Чѣмъ шире взмахъ, тѣмъ больше времени для собиранія силы. Въ прикладной механикѣ маховое колесо—истинное силохранилище: оно движеть машину даже нѣсколько времени по прекращеніи источника движенія.

Взмахъ имѣеть значеніе уже въ животномъ мірѣ: вспомнимъ прыжокъ льва, стремительность коршуна, ляганье оленя и лошади, драку обезьянъ и кошекъ. Животныя пользуются взмахомъ не для одной борьбы, но и для работы, хотя гораздо рѣже: таковы кротъ, свинья, дятель и др. Но истинное свое значеніе взмахъ получилъ только у человѣка, благодаря рукѣ. Чтобы оцѣнить его, достаточно сказать, что со взмахомъ связана новая дѣятельность, породившая топоръ—именно способность человѣка *рубить*, *сѣчь*.

Рубить совсѣмъ не то, что разбивать: тутъ большое фізіологическое различіе — дифференцированіе *большаго пальца*, этого «виновника всей исторіи». До тѣхъ поръ этотъ палецъ былъ мало замѣтенъ: онъ былъ какъ бы скрытъ внизу, подъ кистью. При разбиваніи, какъ и при всѣхъ описанныхъ работахъ, человѣкъ обхватывалъ орудіе сверху: ладонь лежала горизонтально. Такъ и теперь берутъ высшія обезьяны; такъ дѣти хватаютъ ложку и неуклюже тащатъ ее ко рту, описывая дугу; и не легко пріучить ихъ повертывать кисть такъ, чтобы она стояла отвѣсно, большимъ пальцемъ вверхъ. Этотъ-то *полуоборотъ кисти*, какъ позднѣйшая эволюція руки, совершается при рубкѣ.

Съ рубкою связано также великое механическое изобрѣтеніе—*рукоятка*, древко. Это перенесеніе орудія внѣ руки, на конецъ рукоятки, придало ему, кромѣ новой силы, извѣстную самостоятельность, независимость, т. е. способность къ болѣе быстрой и широкой эволюціи. Рука же приобрѣла ударъ, т. е. прямолинейное поступательное движеніе: прежде она знала только вращеніе, да движеніе взадъ и впередъ. Произошло и важное техническое измѣненіе: рука стала совсѣмъ иною машиной. Прежде она была дугообразно согнута при работѣ; теперь она вытянулась: рычагъ удлинился, и сила его дѣйствія возросла, благодаря энергическому сокращенію плечеваго мускула, дѣйствующаго на небольшомъ пространствѣ, прибавилась быстрота радіуса, описывающаго большую дугу. Это такое очевидное умноженіе силы, что всѣ прежнія орудія, одно за другимъ, были снабжены рукояткой.

Всѣ эти сложныя условія рубки не были вдругъ «выдуманы»: они развились путемъ мелкихъ, незамѣтныхъ переходовъ, въ силу смѣны употребленій. Оттого въ древнѣйшихъ раскопкахъ не встрѣчаются рубящія орудія. Человѣку даже весьма трудно было дойти до рубки: ея первое условіе—вытянутость руки — было противоестественно. Всѣ пра-работы — рытье, слобленіе, рѣзаніе, подниманіе—требовали согнутости руки. Оттого и Нуара, затрудняясь въ объясненіи начала рубки, прибѣгаетъ къ новому остроумному способу, ко

торый добавляетъ ученіе о проекціи органовъ. «Не орудіе — говоритъ онъ — образовалось согласно съ требованіями руки, а рука измѣнилась подъ вліяніемъ орудія, предназначеннаго для ближайшей, естественной дѣлы: орудіе приучило руку къ опредѣленной дѣятельности, которая, въ силу смѣны употребленій, постепенно переходила на другія работы, пока, наконецъ, не возникло орудіе рубки».

Чтобы доказать это положеніе, Нуарэ обращается къ животному міру. Уже здѣсь замѣтно первое условіе рубки—вытянутость переднихъ конечностей. Особенно хищные звѣри и обезьяны протягиваютъ лапы и сильно подбираютъ ихъ назадъ. «Первые представляютъ наглядную картину развитія этого природнаго, инстинктивнаго стремленія: все строеніе ихъ тѣла есть какъ-бы объективированное вытягиваніе, нанесеніе удара. Уже прыжокъ — собственно ничто иное, какъ вытягиваніе всего тѣла, выходящее за его предѣлы. Вытянутая морда волка и медвѣдя, съ ея клыками, — превосходное орудіе рубки, падающее на добычу съ помощью шейныхъ и затылочныхъ мускуловъ. У кошки эту работу производятъ переднія лапы, которыя не только вытягиваются, но еще выпускаютъ когти: здѣсь тройное проявленіе страсти вытягиваться — прыжокъ, вытягиваніе лапъ, выпусканіе когтей».

Но у животныхъ процессъ на этомъ остановился: они не дошли до полуоборота кисти. Тутъ причина застоя въ томъ, что не развилась совмѣстная дѣятельность обѣихъ переднихъ конечностей: животное употребляетъ, при рытьѣ, одну лапу за другой попеременно, какъ оно ходитъ. Человѣкъ же могъ пускаться въ дѣло разомъ обѣ руки, которыя освободились отъ привычки смѣнять ся, благодаря его *прямому хожденію*.

Конечно, и этотъ успѣхъ явился не внезапно. Сначала человѣкъ рылъ камень—клиномъ, держа его въ одной рукѣ. «Но не трудно понять—говоритъ Нуарэ—какъ, путемъ естественнаго перехода, обѣ руки стали постепенно хватывать этотъ камень съ двухъ сторонъ, что и было подготовкой къ употребленію сложнаго орудія. Иначе рука сохранила-бы горизонтальное положеніе, и никогда не произошло-бы перехода къ орудіямъ рубки и къ связанному съ нимъ прямому хожденію». А роль этого хожденія въ данномъ случаѣ очевидна изъ сравненія съ міромъ животныхъ. Грызуны, въ особенности же обезьяны, также хватаютъ иногда предметъ обѣими передними конечностями; но это не могло войти у нихъ въ привычку, потому что, при хожденіи на четверенькахъ, всѣ лапы несвободны. Ясно, что не одно держаніе предметовъ извѣстнымъ способомъ привело къ перемѣнѣ положенія руки, а постоянное, напряженное употребленіе орудія.

Нуарэ убѣжденъ, что его ученіе о происхожденіи орудія рубки, выведенное дедуктивно, вполне подтверждается эмпирически, благодаря даннымъ археологіи. Затѣмъ онъ описываетъ дифференцированіе пра-рубки.

Родоначальницей всѣхъ орудій рубки была *нижняя челюсть медвѣдя*, съ ея клинообразнымъ, крѣпко засаженнымъ клыкомъ. Она и у своего обладателя служила именно для рубки. Легко, какъ-бы играя и все пробуя, могъ человѣкъ воспользоваться ею для того же самаго инстинктивного стремленія. Прежде всего онъ подымалъ челюсть обѣими руками, чтобы всадить ея клыкъ въ землю и расцарапать послѣднюю сильнымъ притягиваніемъ орудія къ себѣ. Такъ какъ при этомъ мѣшалъ костяной отростокъ на томъ концѣ челюсти, который служилъ рукояткой, то его сбивали: эта-то особенность во всѣхъ подобныхъ челюстяхъ и заставила археологовъ признать ихъ орудіями, а не природнымъ уродствомъ. Археологія же доказываетъ, что дальнѣйшею работой человѣка, вооруженнаго медвѣжьей челюстью, было разрубаніе мяса и мозговыхъ костей.

Работа челюстью — несомнѣнно рубка: тутъ всѣ ея условія — взмахъ, поворотъ руки, рукоятка, удлинненіе радіуса. Но важнѣе всего, что дѣйствіе клыка направлено внизъ: человѣкъ впервые сталъ пользоваться тяготѣніемъ для усиленія дѣйствія, сталъ подымать и опускать руку съ орудіемъ. А это прямой переходъ къ *топору*. Собственно топоръ отличается отъ медвѣжьей челюсти только тѣмъ, что остріе у него широкое, а не клинообразное: человѣкъ все еще скорѣе разрывалъ, чѣмъ разрубалъ мясо своей добычи. Но у него уже были орудія съ широкимъ остріемъ: стоило только ему насадить свой каменный ножъ на рукоятку — и вышелъ топоръ.

Не трудно представить себѣ, какъ смекнулъ здѣсь пра-механикъ. Привыкая къ работѣ челюстью, онъ невольно замѣчалъ, что его рука — не больше, какъ радіусъ, часть маленькаго механизма, которая постоянно отдѣляется отъ другой части, отъ челюсти. Да и сама челюсть представляла готовый образецъ такой машины: она очевидно была лишь ручкой для насаженнаго на ней клыка; когда клыкъ портился, его приходилось бросать. Такъ, рука, челюсть и клыкъ были какъ-бы воплощеннымъ умозаключеніемъ, которое безпрестанно возбуждало одинъ и тотъ же процессъ въ неопытномъ умѣ пра-человѣка, заставляло его разсуждать. Тутъ передъ нами въ полномъ блескѣ взаимодействие человѣка и орудія въ культурной эволюціи. Всѣ древнѣйшія формы каменныхъ топоровъ ясно показываютъ, какъ постепенно человѣкъ приравливался насаживать остріе на рукоятку, именно подражая медвѣжьей челюсти. Здѣсь постановка острія точно такая же, какъ постановка клыка въ челюсти: оно просто втиснуто въ рукоятку; позже стали расщеплять древко и сверлить въ немъ дыры.

Неизмѣримо значеніе топора въ эволюціи культуры. По словамъ Каппа, стоитъ только представить себѣ громадныя размѣры западнаго материка, съ его первобытными лѣсами — великанами, изъ которыхъ, такъ сказать, вырѣзаны топорами современныя государства, чтобы понять выраженіе американца — *фли-*

лософія топора (philosophy of Axe). По мнѣнію Нуарэ, топоръ—орудіе по преимуществу, и его появленіе составляетъ грань между двумя мірами. «Если будущій художникъ задается прекрасною мыслью изобразить, въ мраморѣ или мѣди, пра-человѣка, онъ дастъ ему топоръ въ руку, какъ единственную принадлежность»: это предвѣщаніе давно исполнилось въ парижскомъ Jardin des Plantes. Нашъ авторъ прибавляетъ: «Великій переворотъ, произведенный изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія, состоялъ въ томъ, что оно повсюду расчищало путь къ распространенію уже существующей культуры: топоръ же пролагалъ дорогу культурѣ, которую онъ самъ долженъ былъ еще создать».

Вотъ какъ происходило это созиданіе. По эволюціонному свойству своей природы, человѣкъ началъ видоизмѣнять свое рубящее орудіе, примѣняясь къ потребностямъ. Постепенно, рядомъ съ топоромъ, возникло еще три основныхъ формы: *кирка* для взрыванія земли, *сѣкира* для раздиранія мяса и расщепленія дерева, *молотъ* для раздробленія твердыхъ предметовъ. Въ пра-корняхъ языковъ сохранилась первобытная связь этихъ орудій, до ихъ дифференцированія: лат. *dolabra*—боевая сѣкира, орудіе для устройства военныхъ палисадовъ и орудіе для вскапыванія почвы и для обтесыванія дерева.

Остается указать еще на одно рубящее орудіе — *кинжалъ*, о которомъ Нуарэ говоритъ кратко, приберегая подробности для физиологической части своего труда. Кинжалъ важенъ тѣмъ, что связанъ съ прямолинейнымъ, но не отвѣснымъ движеніемъ руки, какъ внизъ, такъ и вверхъ. Это могло произойти лишь на той ступени эволюціи, когда человѣкъ сталъ работать не только обѣими, но и одною рукой: предварительно онъ долженъ былъ набить руку на работѣ челюстью и топоромъ.

Съ кинжаломъ появился *кулакъ* — одно изъ отличій человѣка. У животныхъ нѣтъ кулака: вышія обезьяны дерутся ладонью. Уже изъ отвѣснаго положенія кулака очевидно, что онъ не могъ образоваться до рукоятки, при сжиманіи камня: камень только обнимается рукой, которая не смывается. Связь кулака съ кинжаломъ засвидѣтельствована языковѣдніемъ: лат. *pignus* (кулакъ) и *pignare* (воевать) одного корня съ *pungere* (колоть). Очевидно первобытный способъ войны состоялъ въ кулакѣ, вооруженномъ колющимъ орудіемъ.

VI.

Послѣднею ступеню въ механической эволюціи было образованіе способности *кидать*, метать, съ которою связано появленіе оружія.

Позднѣйшее происхожденіе киданія ясно. Это движеніе требуетъ взмаха, притомъ усовершенствованнаго, — размаха. Оно могло возникнуть лишь послѣ того, какъ человѣкъ развилъ гибкость руки долгимъ употребленіемъ топора; а до сихъ поръ не найденъ топоръ въ эпоху мамонта. Къ тому же киданіе отно

сится исключительно къ оружію, а оружіе явилось позже орудіа: оно дифференцировалось изъ него. Оружіе не можетъ служить орудіемъ (за исключеніемъ крайнихъ, неестественныхъ случаевъ); орудіе же, до изобрѣтенія оружія, удобно исполняло его роль.

Для уясненія вопроса необходимо разсмотрѣть эволюцію *борьбы*.

Сначала дѣйствительно боролись, т. е. работали природнымъ оружіемъ — обхватывались членами, давили и душили другъ друга, *кусались*. Тутъ жалкія пра-орудія, простые камни, только мѣшали проявленію природной силы и ловкости. Орудіе могло служить оружіемъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ его насадили на рукоятку, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ явился взмахъ. Такъ, топоръ былъ первымъ орудіемъ — оружіемъ: послѣ кусанія и душенія стали *рубиться*.

Еще позже стали *колотся* кинжалами. Это доказывается уже тѣмъ, что при внезапной опасности мы ударяемъ, а не колемъ чѣмъ попало. Рубка боѣе простое дѣйствіе, чѣмъ колотье: она требуетъ только грубой физической силы. Рубка — инстинктъ, колотье — искусство. Мастера убійства, римляне, славилась умѣньемъ владѣть своимъ короткимъ мечемъ (*gladium*), приспособленнымъ именно для колотья: они насмѣхались надъ галлами и тевтонами за ихъ длинныя мечи-рубаки, и легко побивали ихъ.

Мы уже видѣли, что колотье дифференцировалось изъ рубки. Сначала оно отличалось отъ нея только тѣмъ, что производилось одною рукой и съ меньшимъ взмахомъ: тутъ дѣло не въ силѣ, а въ точности, ловкости удара. Связь двухъ движеній видна уже изъ первоначальнаго способа колотья — сверху внизъ, какъ и теперь употребляется стiletъ или ножъ. Это — самый естественный, т. е. старѣйшій способъ: здѣсь рука играетъ роль медвѣжьей челюсти, а оружіе соответствуетъ клыку на оконечности послѣдней. Позже возникло колотье движеніемъ снизу вверхъ и отъ себя: такъ работали римляне своимъ *gladium*; такъ употребляется ралира. Второй способъ совершеннѣе еще потому, что тутъ сама поражающая рука прикрываетъ правый бокъ борца; при первомъ же способѣ, также какъ при рубкѣ, поднятые руки обнажаютъ бокъ для противника.

Мнѣ кажется, что оба способа можно видѣть теперь въ кулачномъ бою. По всей вѣроятности, русскій бой есть пережитокъ, смѣнившійся на западѣ боксомъ. Въ картинѣ кулачнаго боя доморощенный Илья Муромецъ представляется медвѣдемъ, который размахиваетъ лапами, причемъ все дѣло въ физической тяжести кулака. Боксеръ же напоминаетъ римскаго солдата: боксъ — колотье кулакомъ.

Оба способа колотья легко прослѣдить и позже, когда кинжалъ превратился въ *копье*, благодаря удлинненію рукоятки. Первоначально копье держали остріемъ внизъ и ударяли имъ сверху, какъ стилетомъ: отсюда и вытекало киданье, въ формѣ дротика. Впослѣдствіи копье стало пикой, которую держатъ

остріемъ вверхъ и употребляютъ, какъ римскій мечъ. Этотъ совершеннѣйшій способъ сохранился и послѣ того, какъ копье, въ своемъ высшемъ развитіи, превратилось въ штыкъ.

Замѣтимъ еще разъ, что всѣ эти превращенія, которыя тутъ бѣгло перечисляются, шли постепенно и требовали огромныхъ промежутковъ времени. Вполнѣ присоединяемся къ слѣдующему предостереженію археологамъ со стороны Нуарэ, по поводу удлинненія рукоятки: «какъ ни просто на наши глаза вставить пронзающее оружіе въ расщепленное древко и обмотать его волокнами растенія, эта работа могла произойти лишь при участіи мышленія и языка, достигшихъ притомъ характера, аналогичнаго съ нынѣшнимъ. Оттого нужно соблюдать особенную осторожность при до-историческихъ раскопкахъ, чего обыкновенно не бываетъ: не должно, увлекаясь сходствомъ формы, видѣть остріе копій и дротиковъ въ обоюдоострыхъ каменныхъ ножахъ. Такъ перѣдко черезчуръ послѣшно принимали дикіе, оббившіеся и заостренные камни за каменные топоры».

Въ эволюціи борьбы за колотьемъ послѣдовало самое важное открытіе — *киданіе*. Зародыши этого дѣйствія появляются весьма рано: они встрѣчаются у нѣкоторыхъ животныхъ, но лишь какъ случайность. Мнѣ кажется, имъ недостаетъ существеннаго признака киданья — *тризла*, этого разумнаго начала, въ которомъ, быть можетъ, слѣдуетъ признать зародышъ математики: по крайней мѣрѣ, такое объясненіе не будетъ ли справедлиwife недовѣрія Нуарэ къ такимъ свидѣтелямъ, какъ Бремъ и Уоллесъ, когда они рассказываютъ объ обезьянахъ, кидających камни и вѣтви? Впрочемъ, позднее появленіе киданья ясно уже изъ того, что метательное оружіе требуетъ удлинненной рукоятки: ему должно было предшествовать умѣнье прикрѣплять травой кинжалъ къ древцу.

Киданье дифференцировалось изъ рубки: оно требуетъ точно такого же положенія руки и такого же движенія, какъ при рубкѣ. Оно должно было произойти весьма естественно: мы и теперь гонимся за собакой съ поднятой палкой и пускаемъ ею въ нее, отчаявшись догнать врага. Первымъ метательнымъ оружіемъ были именно рубящія орудія — топоръ, молотъ. Въ нѣмецкомъ миеѣ Торъ кидаетъ молотъ въ смыслѣ молніи. Въ Испаніи и Венгріи топоръ и теперь употребляется, какъ метательное орудіе. То же было у франковъ (*francisca*) и, вѣроятно, у всѣхъ германскихъ варваровъ. Они долго употребляли и для рубки, колотья, и для киданья свой ножъ, короткій мечъ (*Sax*) и дубину, пережиткомъ которой Нуарэ считаетъ пристрастіе нѣмцевъ къ большимъ суковатымъ палкамъ. Дубиной, этою палицей нашихъ богатырей, древніе пруссы убивали птицъ на лету, что отчасти напоминаетъ знаменитый бумерангъ: ея пускали такъ, что она вертѣлась колесомъ. Дубина употреблялась для метанья въ Германіи, на народныхъ играхъ, даже въ средніе вѣка. Первобытное смѣшеніе метательнаго оружія съ неметательнымъ оставило слѣдъ

въ языкѣ: у римлянъ слово *frama* значило всякое оружіе варваровъ—копье, дротикъ, сѣкира, даже мечъ.

Когда специализовалось первобытное метательное оружіе, въ видѣ *дротика*, началось его собственное дифференцированіе: путемъ смѣны употребленій изъ него произошли *праца* и *стрѣла*. И здѣсь намъ помогаетъ языковѣдніе: въ древнихъ германскихъ пѣсняхъ *ger* значить и дротикъ, и стрѣла; въ Нибелунгахъ говорится «стрѣлять» не только о стрѣльбѣ изъ лука, но и о выданиі дротика.

Стрѣланіе — высшая, послѣдняя ступень въ эволюціи борьбы. Конечно, и оно представляетъ свой кругъ развитія, въ началѣ котораго видимъ лукъ со стрѣлой, въ концѣ—Круповскую пушку.

Нѣтъ надобности указывать на значеніе *огнестрѣльного* оружія въ умственной эволюціи, гдѣ оно приводитъ насъ къ высшей математикѣ и къ послѣднему слову механики. Изъ учебниковъ исторіи извѣстно его общественное и политическое значеніе. Но, въ виду разногласія во взглядахъ на войну и на основные вопросы педагогій, умѣстно намѣтить этическихъ данныя, которыя уже осмѣливается положить на вѣсы новѣйшая изъ отраслей знанія. Позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ о *нравственномъ* смыслѣ оружія, въ связи со всею эволюціей борьбы, съ точки зрѣнія археслогіи.

Въ основаніи эволюціи борьбы очевидно лежитъ начало *дальнобойности*. Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ болѣе преобладаетъ близкій, животный бой, при которомъ все дѣло въ физической силѣ и люлости; чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ болѣе увеличивается разстояніе между противниками, и на первый планъ выступаетъ хладнокровіе съ расчетомъ, искусство съ наукой. Въ наше время битвы между цивилизованными народами рѣшаются не столько желѣзомъ, сколько свинцомъ, техническимъ совершенствомъ оружія, да математическимъ образованіемъ вождей. Теперь было бы позоромъ для арміи изрѣченіе Суворова — «пуля дура, штыкъ молодецъ»: оно приложимо къ грубому воинству, сила котораго поконится на мышцахъ невѣжественнаго солдата.

Здѣсь ключъ къ рѣшенію загадки, почему наше нравственное чувство возмущается при проявленіяхъ грубой физической силы. Выразимся благородными и научными словами Нуарэ: «подобно тому, какъ мы осуждаемъ и презираемъ того, кто въ борьбѣ прибѣгаетъ по-звѣрски къ куганью, намъ кажутся позорными, хотя и въ меньшей степени, такіе первобытные способы борьбы, какъ колотить палкой, сѣчь, драться кулаками, — способы, которые все еще весьма правятся грубымъ массамъ и очень распространены между ними. Мы крайне чувствительны къ подобнымъ насиліямъ, такъ какъ благородная натура не можетъ защищаться противъ нихъ тѣмъ же способомъ, не унижаясь до грубости и пошлости. Наказаніе, притупляющее чувство чести, — не наказаніе, а преступленіе.

Здѣсь же раскрывается смыслъ разцѣпки разныхъ родовъ оружія, связанной съ былыми преимуществами знати. Такъ, у франковъ конь могъ носить только свободный человѣкъ, а топоръ съ ножомъ — и крѣпостной. Въ исторіи поединка еще яснѣе обнаруживается эволюція оружія и борьбы. Въ средніе вѣка противники употребляли рубящее оружіе — сѣкиру, мечъ. Съ 15-го в. почетнымъ оружіемъ сталъ колющій мечъ, родъ удлиненнаго кинжала: обученіе владѣть имъ было главною задачею воспитанія рыцаря. Но уже въ 18-мъ в. лучшіе умы начали подмѣиваться надъ этимъ искусствомъ, доведеннымъ до театральности, въ видѣ фехтованія, — и сталъ входить въ моду поединокъ на пистолетахъ. Вспомнимъ, наконецъ, общественные перевороты, связанные съ дротакочъ римлянъ (*pilum*), съ самострѣломъ англійской пѣхоты, съ изобрѣтеніемъ пороха.

Наконецъ, нельзя ли видѣть здѣсь примѣръ пользы, которую долженъ принести эволюціонизмъ въ приложеніи къ нравственнымъ наукамъ? До сихъ поръ не легко было положеніе человѣчныхъ натуръ въ борьбѣ съ ходячими пережитками временъ звѣроподобія. Онѣ могли ссылаться только на всегда подозрительный субъективизмъ, на громко говорившій въ нихъ голосъ гуманности. Пережитки, всегда самодовольные и непроницаемые, презрительно отвѣчали имъ: «это — одніѣ фразы о человѣческомъ достоинствѣ, основанныя не на ясныхъ понятіяхъ, а на закоренѣломъ, глупомъ, пагубномъ суевѣрїи (*alte festgewurzelte, dumme, verderbliche Aberglaube*). Вы не приведете ни одного основательнаго или хотя бы допустимаго довода въ доказательство, что тѣлесное наказаніе гнусно. Напротивъ, должно признать, что человѣкъ — сѣкущее животное (*ein prügelnendes Thier*), подобно тому, какъ хищный звѣрь — животное кусающее: колотушки у него — дѣло естественное, заурадное».

Эти слова не сочинены мною. Они принадлежатъ Шопенгауэру *), который идетъ даже дальше, причѣмъ спускается съ высотъ метафизики въ область эмпиризма. Поразспросивъ людей опытныхъ (нѣмецкихъ солдатъ и кадетовъ, которыхъ, однако, стали бить тогда уже не палками, а саблями плашмя), онъ нашель, что это не особенно больно. Сверхъ того, философъ припомнилъ, что китайцы пороть бамбуковой тростью «даже чиновниковъ всѣхъ классовъ». Тогда, говорить онъ, «я поклонился съ моими психологическими и моральными основами». Тогда онъ объявилъ: «истинная жестокость — навязывать націи или даже только одному классу убѣжденіе, что получение удара — страшное несчастіе. И долженъ даже осудить правительство и парламенты, которые поддерживаютъ это суевѣрїе, горячо стремясь къ отмѣнѣ всякихъ тѣлесныхъ нака-

*) Философствованіе Шопенгауэра о тѣлесныхъ наказаніяхъ, во всей ихъ полнотѣ, желющіе найдуть въ его *Parerga und Paralipomena*, I, 398—413.

заній». А чтобы искоренить нашу неправильную чувствительность къ ударамъ, Шопенгауеръ презрительно называетъ ее наслѣдіемъ средневѣковаго варварства, такъ какъ она была чужда древнему міру, — тому міру, социальный строй котораго покоился на рабствѣ.

Нуарѣ глубоко почитаетъ Шопенгауера какъ своего учителя, которому онъ даже слѣдуетъ въ основаніяхъ своей философіи. Но на этотъ разъ онъ горячо выступаетъ противъ него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «не простое суевѣріе, когда у образованнаго европейца утонченное чувство чести возмущается тѣмъ, что китаецъ переноситъ спокойно. Шопенгауеръ могъ бы усмотрѣть это уже изъ того, что даже въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ избранная природы горячо противятся такимъ наказаніямъ, между тѣмъ какъ огромное большинство переноситъ ихъ съ нѣмымъ самоотреченіемъ, словно роковую необходимость. Нечего ссылаться на «ясныя понятія», гдѣ дѣло идетъ о нравственныхъ движеніяхъ. Еще неумѣстнѣ судить о подобныхъ вещахъ по физической боли: или вѣрность солдата своему знамени зависитъ отъ куска матеріи, изъ котораго сдѣланъ этотъ священный символъ? Миѣ кажется, непостижимая для Шопенгауера загадка легко объясняется, если свести ее къ ея послѣднимъ основавамъ, къ ея связи съ орудіемъ и оружіемъ, этими неразрывными принадлежностями человѣка».

Кто считаетъ фразами внутренней голосъ гуманности, тотъ долженъ выслушать теперь «основательные» доводы науки. Изслѣдуя возрастающее отвращеніе *естья* классовъ къ тому, что унижительно, хотя и не очень больно, она доказываетъ, что это — не болѣе, какъ послѣднее и благороднѣйшее приобрѣтеніе человѣческой эволюціи.

Наука не ищетъ оправданій и осужденій: ея задача — объясненіе дѣла. Въ эволюціонизмѣ она нашла ключъ къ уразумѣнію жизненнаго процесса — и ея практическій результатъ оказался глубоко нравственнымъ. Да иначе пришлось бы признать нелѣпость — именно, что наши чувства и стремленія, они одни, не участвуютъ въ торжественномъ ходѣ развитія вселенной.

А. Травевскій.

О старинѣ Донской области.

А. Д. Крылова.

Исслѣдованіе Русской старины приобрѣло нынѣ такое значеніе, что всякій уголокъ нашего отечества можетъ дать матеріалъ для изслѣдованія. Донская область не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Съ перваго взгляда какъ будто кажется страннымъ, что казаки не оставили послѣ себя почти никакихъ памятниковъ: нѣтъ ни церквей древнѣе 180 лѣтъ, ни домовъ и укрѣпленій, которые бы восходили къ XV или XVI в. А когда посмотришь на станичную жизнь настоящаго времени, то поймешь, что прежніе казаки, поставленные еще болѣе въ худшія условія, не могли оставить послѣ себя ничего кромѣ названій городковъ, которые были встарину тѣмъ же, что нынѣ станицы. Даже въ новѣйшее время, переносимыя съ одного мѣста въ другое, станицы послѣ себя не оставляютъ почти никакого слѣда, кромѣ имени, которое со временемъ должно будетъ исчезнуть, кучъ земли, кирпичей, погребныхъ ямъ и т. п. Станицы переносились прежде съ одного мѣста на другое еще легче, потому что постройки были еще проще и дешевле теперешнихъ (смотри: «Войсков. Вѣд.» 1858 г. №№ 38, 40; 1869 г. №№ 26, 27, 39, 40 и др.; «Историч. опис. В. Донск.» т. I). Мѣста городковъ могутъ быть важны только въ одномъ отношеніи — именно въ томъ, что по нимъ можно составить приблизительно вѣрную карту расположенія станицъ XVI, XVII и XVIII вв. и судить о числѣ народонаселенія. Другихъ реальныхъ памятниковъ старинныхъ казаковъ въ настоящее время нѣтъ, какъ не осталось бы памятниковъ и нынѣшнихъ казаковъ, если-бы волей судьбы многія станицы настоящаго времени перешли на другія мѣста. Самый Старочеркасскъ, центръ древняго казачества, сохранилъ въ себѣ не много памятниковъ, древность которыхъ восходитъ не очень далеко (не далѣе Петра I-го). Характеръ старинной постройки развѣ напоминаютъ дома стараго времени, когда жилища нужно было строить на подобіе крѣпостей. Самый соборъ Старочеркасскій не такой древній, чтобы о немъ нужно было говорить, какъ объ историческомъ памятникѣ (см. «Донск. Войск. Вѣд.» 1852 г. № 11; «Донск. Вѣстн.» 1869 г. № 34). Но ни Старочеркасскій соборъ, ни другія старинныя церкви не носятъ на себѣ типичныхъ

черть самостоятельности въ постройкѣ; всё они по характеру своему тѣ же русскіе храмы, которые мы видимъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи (см. «Донск. Обл. Вѣд.» 1874 г. №№ 86, 91, 94, 97 и 1875 г. №№ 1, 2, 5, 7 и др.) Чего нибудь самобытнаго, самостоятельнаго въ этомъ отношеніи изобрести казаки не успѣли и не могли, потому что ихъ главные заботы направлены были на Другое. Какъ до сихъ поръ капитальныя постройки на Дону производятся «русскими мастерами», такъ было и въ старое время, и конечно еще въ большей мѣрѣ; потому что казакамъ некогда было думать объ этомъ. Довольно того, что казачество *выработало* планъ *типичной* избы или хаты (*курень*, какъ называютъ иногда казаки въ шутку даже отличные дома), въ которой всё комнаты расположены отлично и сохраняются въ чистотѣ и опрятности. Типичная Донская хата — это не барскіе хоромы и не русская изба; но что-то среднее между ними. Впрочемъ, хотя Донская область не представляетъ ничего замѣчательнаго въ археологическомъ отношеніи, если мы будемъ говорить объ историческихъ памятникахъ послѣднихъ трехъ-четыреухъ вѣковъ, тѣмъ не менѣе, Донъ представляетъ много историческихъ памятниковъ, если мы будемъ говорить о старыхъ, былыхъ временахъ.

Въ странѣ, занятой теперь Донскими казаками, въ различное время (см. Прописи ч. 4, стр. 397—524) обитали или являлись на короткое время разнообразныя народы: прежде всего тутъ были скифы и сарматы (до Р. Х. см. Страб. кн. XI 492 и др.) Послѣ нихъ являются аланы, гунны, угры и болгары. Русскіе князья воюють съ хазарами, укрѣпленіе которыхъ — Саркель — построено грекомъ Петрономъ на Дону въ 834 г. (см. Прописи т. 4, стр. 443, 447 и «Войск. Вѣд.» 1861 г. № 17 ст. Чаусова). Отъ этого-то народа остались памятники въ видѣ укрѣпленій, каковыя мы находимъ около Цымлянской станицы, Качалинской (см. «Войск. Вѣд.» 1854 г. № 50 ст. «Донская крѣпость около Качалинской станицы») и въ другихъ мѣстахъ (см. Прописи т. 4 и «Войск. Вѣд.»). Хазары были народомъ воинственнымъ. Когда города этого народа были разорены, то край на долгое время оставался во власти печенѣговъ, половцевъ и татаръ. Отъ этихъ-то разнообразныхъ народовъ остались многочисленные памятники, на которые мы хотимъ обратить вниманіе. Памятники эти разсыяны по всему Войску: мы говоримъ о курганахъ; изъ нихъ нѣкоторые заключаютъ въ себѣ вещи изъ золота и мѣди, серебра и желѣза, принадлежащія скинамъ (племени, причисляемому то къ монголамъ, то къ индоевропейцамъ).

На устьяхъ Дона лежалъ древній Танаисъ, первое послѣ Пантикапея (Керчи) когда то торговое мѣсто, посредствовавшее между греками и сѣверомъ (см. «Записки Императорскаго Географ. общ.», 1864 г. кн. 2-я, ст. академика Бера: «о путешествіи на Азовское море» стр. 87 — 93). Свободное отъ пороговъ теченіе Дона было надревле великимъ путемъ торговли, и вся во-

обще его система была главнымъ театромъ движенія племень. Кромѣ устьй, и нѣкоторые другіе пункты на Дону представляютъ великій интересъ для археолога. Таковы съ своимъ городищемъ и въ высшей степени интересными курганами Аксайская станица, бывшая когда-то перепутьемъ между Кавказомъ и сѣверомъ, далѣе Цымлянская станица, гдѣ есть городище, обнесенное валомъ и ровомъ, которое намъ пришлось осмотрѣть въ 1874 г. На этомъ городищѣ найдено было много дорогихъ вещей и между прочимъ тѣ два мраморные столба, о которыхъ упоминаетъ Кларкъ въ своемъ сочиненіи, «Путешествіе по Россіи», изд. въ 1810 г., и которые онъ видѣлъ въ Черкасскѣ въ домѣ генерала Орлова; тамъ же открыта была часть гранитной колонны, теперь, впрочемъ, утраченная; перевозоку къ Волгѣ отъ Дона Леонтьевъ считаетъ мѣстомъ древняго Саркела, на основаніи *хожденья Пименови* и думаетъ, что Саркель былъ ниже Григорьевской и нѣсколько выше Качалинской станицы. Исслѣдователь Танаиса Мартыновъ думаетъ, что Саркель (или бѣлая Вѣжа) находился близъ Трехъ—Островянской станицы. Аланы, долѣе другихъ обладавшіе устьями Дона, имѣли на Дону небогатый, но многолюдный городъ Аскала, отстоявшій отъ моря въ 6 миляхъ. Лелевель думаетъ, что этотъ городъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Аксайская станица. Такимъ образомъ голосъ ученыхъ свидѣтельствуетъ о важности нашего края въ археологическомъ отношеніи и именно въ отношеніи кургановъ и городищъ, при томъ — городищъ не казацкихъ, которыя представляютъ мало интереса, но городищъ древнихъ, въ которыхъ сохранялись и сохранялись различные древніе памятники искусства, ремесла, общественной жизни (какъ напр. въ Танаисѣ, исторія котораго отчасти возстановлена по найденнымъ въ его развалинахъ памятникамъ) и т. п.

Разрытые до сего времени курганы области войска Донскаго даютъ право надѣяться, что въ другихъ курганахъ, еще не разрытыхъ, находится точно также много историческихъ памятниковъ. Курганы Елисаветовской, Гниловской и Аксайской станицъ, разрытые г. Леонтьевымъ, доставили весьма много археологическихъ матеріаловъ. Правда, всѣ предметы, найденные въ раскопанныхъ г. Леонтьевымъ курганахъ, относятся къ временамъ греческой цивилизации, по среди нихъ есть предметы, которые восходятъ ко временамъ незапамятнымъ, по свидѣтельству самаго г. Леонтьева. Такъ, найденный въ одномъ изъ кургановъ Елисаветовской станицы кремневый наконечникъ стрѣлы переноситъ насъ въ самую отдаленную древность, если принять въ соображеніе, что знакомство и сосѣдство съ греками должно было въ этихъ мѣстахъ весьма рано вывести изъ употребленія оружіе этого рода, составляющее принадлежность гробницъ такъ называемой *каменной эпохи* скандинавскаго сѣвера. Иные изъ кургановъ Елисаветовской станицы должны быть отнесены къ временамъ весьма древнимъ; другіе ко времени алановъ, которымъ Юасафатъ Барбаро приписываетъ всѣ курганы Новой Россіи. Курганы Недвиговскаго горо-

лица заключаютъ въ себѣ вещи, на которыхъ замѣтенъ греческій характеръ, хотя изъ многихъ памятниковъ городища видно, что въ судьбѣ этого города, который былъ вторымъ послѣ Пантिकाпеи около Р. Х., значительную роль играли скифы. Перечислять всѣ предметы, найденные въ Недвиговскомъ городищѣ, было-бы очень долго. Въ курганахъ Недвиговскихъ, въ курганахъ Елисаветовской станицы найдено было много мѣталъ съ различными предметами изъ домашней жизни. Тутъ найдены были амфоры, золотыя украшения, цѣпочки, кольца, пряжки, наконечники стрѣлъ, перстни, ножи, мечи, вазы, запястья, зеркала, монеты, шпатель, панцири, пуговицы, оловянная утварь и оловянные украшения. Въ другихъ мѣстахъ найдены были: браслетъ изъ листового золота, украшенный камнями, золотой вѣнокъ, украшенный рѣзбою, привѣсками и камнями, золотой кубокъ и обломки серебряной посуды, женская діадема, вѣнокъ, два браслета, флаконъ, складни, кубки и другія вещи изъ золота; изъ серебра: кувшины и обломки разной утвари; кромѣ того найдены были предметы изъ мѣди, камня, остатки истлѣвшихъ растений, кости животныхъ и т. п. Многие изъ кургановъ отличаются отъ другихъ кургановъ собственными именами, которыя, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ особеннаго вниманія. По одному такому названію, какъ намъ извѣстно, въ одной изъ великороссійскихъ губерній отыскали курганъ съ драгоценными предметами. Кто знаетъ, не дають ли имена кургановъ: Гиреева могила, Саурь-могила, Ногаевъ, Княжой, Мали-Башъ, Ибрагимъ и т. п. право думать, что ихъ происхожденіе связано съ судьбою какихъ-либо историческихъ лицъ? Быть можетъ, подобные курганы — дѣйствительно — чьи-либо могилы, въ которыхъ погребены именно тѣ лица, имена которыхъ они носятъ, и память о которыхъ дошла какимъ-то образомъ и до насъ. И во всякомъ случаѣ подобные памятники въ высшей степени интересны. А на Дону ихъ чрезвычайно много. Если-бы собрать все то, что писано и печатано о Донѣ въ различныхъ изданіяхъ, то составила бы весьма интересная опись достопримѣчательностей края. Если-бы можно было также представить и старину Донскую и перечень всѣхъ описаній тѣхъ или другихъ мѣстностей Донскаго края, помѣщенныхъ въ различныхъ изданіяхъ, то указатель вышелъ бы, по правдѣ сказать, очень интересенъ. Однѣ Войсковыя и областныя вѣдомости могли бы дать весьма много матеріала. Мы просмотрѣли ихъ, начиная съ 1852 г. и заинтересовались ихъ содержаніемъ; направление ихъ съ 1850 по 1860 годъ было по преимуществу археологическое. Какой-нибудь одинъ труженикъ, занявшись разработкою того или другаго археологическаго вопроса, тянулъ свою статью во многихъ №№. Тамъ есть статьи о лицахъ (войсковые старшины; есть отдѣльное изданіе), о мѣстахъ, о древнихъ народахъ, о событіяхъ (походъ въ Индію) и т. п. Есть много этнографическихъ данныхъ. Впрочемъ, всѣ таковыя свѣдѣнія послѣ вошли въ тѣ или другія сочиненія (напр. Краснова, Савельева, Сенюткина и др.) Иногда статья одна и та же перечена-

тана была послѣ раза два съ небольшими измѣненіями (о Старочеркасскѣ, Старочеркасскихъ храмахъ и древностяхъ). Вообще о Донѣ и его достопримѣчательностяхъ написано и напечатано весьма много. Спеціального, впрочемъ, изслѣдованія кургановъ, находящихся въ области, не было. Вопросъ о народности строителей кургановъ съ каменными бабами также остался еще не рѣшеннымъ.

Курганы, городища и урочища.

Черкасскій округъ.

I. *Аксайская станица*. Въ юрту этой станицы находятся:

Городище «Кобяковка», съ правой стороны рѣки Дона на мысѣ горы, образуемомъ р. Дономъ и балкою Кобяковкою. Городище это имѣетъ форму правильного квадрата, одна сторона котораго въ длину имѣетъ 45 саж.; на городищѣ есть рвы и валы, отъ времени засыпавшіеся, почему и трудно опредѣлить вышину и ширину ихъ. Валъ, какъ видно, въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрытъ; площадь городка въ разныхъ мѣстахъ разрыта. Со стороны р. Дона сдѣланъ подкопъ, откуда брали землю для насыпи желѣзной дороги. Въ городкѣ находили золотыя монеты, которыя, какъ говорятъ, и теперь есть у казака Николая Богданова. О сооруженіи этого городка говорятъ, что онъ былъ основанъ для защиты отъ татаръ, аулъ которыхъ былъ на противоположной сторонѣ рѣки Дона, гдѣ находили татарскія (?) деньги подъ названіемъ «парички», пули и кусочки желѣза. Въ самомъ же городкѣ вырыты амфора прекрасной греческой работы и ручки отъ амфоры, на которыхъ были клейма завода съ острова Крита — до Р. X. Вещи эти отправлены въ С.-Петербургъ. Около этого же мѣста казачка Тюрина нашла золотыя монеты Понтійскаго царства, изъ которыхъ 5 штукъ купилъ казакъ Ив. Богдановъ, который чрезъ наказнаго атамана Хомутова отправилъ ихъ въ Императорскій Эрмитажъ. Говорятъ, что у сына его Н. Богданова, есть и теперь такія монеты. Городище это находится въ 1 верстѣ отъ станицы, на западъ отъ нея.

Въ юрту станицы есть и курганы:

1) Въ 1 верстѣ отъ городища и въ 2-хъ отъ станицы находятся до 20-ти кургановъ, круглой формы, вышиною отъ 1 до 4-хъ сажень.

2) «Гиреева могила» — въ полуверстѣ отъ городища; курганъ этотъ былъ разрытъ чиновниками отъ правительства, но неизвѣстно, что найдено въ немъ; по преданію въ немъ былъ зарытъ жившими тамъ татарами кладъ.

3) «Клеоновый курганъ» — находится на почтовой дорогѣ между г. Новочеркасскомъ и г. Ростовомъ.

4) «Персияновскій курганъ» — находится въ 2-хъ верстахъ отъ хутора Протагоновскаго.

Въ высоту каждый изъ этихъ 3-хъ кургановъ имѣетъ отъ 1 до 3 хъ саж., а въ окружности отъ 3-хъ до 5-ти саж.

5) Кромѣ того, въ 2-хъ верстахъ отъ станицы, на сѣверъ находится 30 кургановъ безъ названій; расположены всѣ они на Тузовскомъ лугу, одинъ отъ другаго въ разстояніи отъ 10—50 саж.

6) Рядомъ съ «Гиреевой могилой», за станицею, надъ горою, расположено 15 кургановъ безъ названій; находятся они одинъ отъ другаго въ разстояніи 15 саж.

II. *Багаевская станица.* Въ юрту этой станицы находятся :

1) Городище — «Старый городокъ» — за рѣкою «Старымъ Дюномъ», въ луговомъ мѣстѣ, на бугрѣ, въ 2¹/₂ верстахъ отъ станицы на юго-западѣ отъ нея; форму имѣетъ продолговатую, въ ширину имѣетъ ¹/₂ версты, въ длину 1¹/₂ версты. Говорятъ, что здѣсь когда-то жили казаки, а отъ нихъ въ 8 верстахъ на востокъ, гдѣ находится хуторъ Оедуловъ, жили татары. Главная квартира татарскаго князя была на курганѣ «Малюбашевомъ», отъ котораго до самаго городка были дворы казаковъ для скота. Когда женщины прїѣзжали доить коровъ, татары брали ихъ въ плѣнъ.

и 2) Курганы: «Селезневъ», «Малюбашевъ», «Острый», «Чекалинь», «Чебанъ», «Рубежный», «Три брата», «Четыре кургана» и «Кирпичный»; форму курганы имѣютъ круглую, въ высоту каждый имѣетъ до 10 саж., а въ окружности до 30 саж.; расположены въ разномъ разстояніи отъ станицы не далѣе 35 верстъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ нея. Говорятъ, что большая часть этихъ кургановъ получила свое названіе отъ татаръ. Около «Четырехъ кургановъ», молва народная говоритъ, опасно ѣздить, потому что тамъ являются устрашающія привидѣнія. На одномъ изъ кургановъ женщины нашли золотую дужку отъ ведра. На «Кирпичномъ» курганѣ находятъ кирпичи отъ какой то постройки. Курганы эти изслѣдуемы еще не были.

III. *Гниловская станица.* Въ юрту станицы есть городища :

1) Одно городище находится близъ станицы, имѣетъ форму круглаго кургана съ котловиною на верху, въ окружности имѣетъ до 400 саж., въ высоту до 20 саж. Въ городищѣ находили золу, кости животныхъ и черепки.

2) Другое городище, тоже безъ названія, находится близъ хутора Смерникова, при балкѣ Сухой Чалтуръ, въ саду мѣщанки А. Груневой, размѣры имѣетъ такіе же, какіе имѣетъ городище при станицѣ; на верху городища площадна. На этомъ мѣстѣ былъ городокъ, предохранявшій отъ татаръ.

3) «Лютинское городище» находится въ 20 верстахъ отъ станицы, противъ хутора Хоперскаго, на юго-западѣ; имѣетъ форму четырехугольника, каждая сторона котораго имѣетъ отъ 20 до 30 саж.; городище окружено вала-

ми, которые, впрочемъ, помыты водою; здѣсь находили пули и гробы покойниковъ. По преданію, городокъ былъ основанъ казаками, которыми командовалъ Лютинскій. Отсюда казаки пускались въ Азовъ къ туркамъ.

4) «Нижне-Рыково» — имѣеть видъ кургана; находится въ 27 верстахъ отъ станицы, въ хуторѣ Недвиговскомъ, внизу горы, подъ хуторомъ; въ окружности имѣеть 300 саж., въ вышину 12 саж.; въ 1868 г. при проложеніи полотно Ростовско-Азовской желѣзной дороги городище разрѣзано пополамъ до подошвы; при этомъ находили кирпичъ и черепки корчагъ.

5) «Верхне Рыково» — лежитъ въ 27 верстахъ отъ станицы, надъ хуторомъ Недвиговскимъ; имѣеть форму квадрата, каждая сторона котораго имѣеть по 120 саж. въ длину; городище окружено валомъ, высотой въ $2\frac{1}{2}$ аршина и рвами глубиною и шириною по 3 аршина. При изслѣдованіи въ 50 хъ годахъ, найденъ погребъ въ землѣ съ выходомъ, выложеннымъ камнемъ, а въ немъ найдены разной величины корчага, чашечки и куски мраморныхъ досокъ съ греческими надписями и изображеніями воиновъ, бронзовое паникадило, кости и черепки, а впоследствии съ нижней стороны гробницы, былъ открытъ ходъ къ р. Донцу, выложенный аршиннымъ камнемъ и имѣвшій въ вышину и ширину по $1\frac{1}{2}$ аршина. Верхне- и Нижне-Рыковы городища устроены греками; здѣсь былъ греческій городъ Танаисъ.

Въ юрту станицы есть курганы:

Около городища «Верхне-Рыково» съ сѣверной части находится нѣсколько небольшихъ круглыхъ кургановъ:

1) «Раскопанный» (онъ-же Бойковъ) въ окружности имѣеть 74 саж., въ вышину нельзя опредѣлить, такъ какъ онъ раскопанъ. Въ 1866 г. былъ раскопанъ крестъ-на-крестъ. Въ 1 верстѣ отъ станицы на сѣверъ.

2) Въ 2-хъ верстахъ отъ станицы на сѣверъ есть курганъ «Длинный», въ окружности имѣеть 159 саж., въ вышину съ востока 12 саж., по срединѣ 39 саж.; на курганѣ видны слѣды раскопокъ, произведенныхъ частными кладочкаталями; курганъ названъ по своей формѣ.

3) «Двойной», въ окружности имѣеть 117 саж., въ вышину съ востока 6 саж., съ запада 8 саж., до вершины по длинѣ имѣеть 26 саж.; лежитъ въ 300 саж. отъ станицы на сѣверъ.

4) «Бойковъ круглый» — въ окружности имѣеть отъ 70 до 80 саж., въ вышину отъ 2 до 9 саж.; на курганѣ видны слѣды раскопокъ; въ курганѣ найдены три каменные бабы безъ головъ и три скелета; въ курганѣ съ сѣверной стороны много камня; лежитъ въ 4 верстахъ отъ станицы на сѣверо-западъ.

5) «Каржовъ» курганъ—такой же величины и формы, какъ и «Бойковъ» въ 2 верстахъ отъ хутора Недвиговскаго на сѣверъ.

6) «Казачій» курганъ—такой же величины и формы, какъ и «Бойковъ»,

названъ такъ потому, что на немъ собирались казаки для раздѣла земли; лежить въ 7-ми верстахъ отъ хутора Недвиговскаго, на сѣверо-западѣ отъ хутора.

7) Кромѣ того на сѣверной сторонѣ станицы на 3-хъ краяхъ находится до 200 кургановъ. На 1-мъ кражѣ, гдѣ находится курганъ «Раскопанный», расположено до 40 кургановъ. На 2-мъ кражѣ, идущемъ отъ границы г. Ростова до Кательниковой балки, расположено 50 кургановъ; тутъ-то находится «Длинный курганъ». На 3-мъ кражѣ, идущемъ отъ границы г. Ростова до балки «Сухой чалтуръ» расположено до 100 кургановъ. Тутъ лежить и курганъ «Бойковъ». По преданію, всѣ эти курганы насыпаны въ давнее время кочевыми народами.

Въ юрту станицы есть урочища:

«Кульбаковское», «Ливенцево», «Русаково», «Гречановское», «Малаево» и «Костромино». Есть также нѣсколько балокъ.

IV. *Грушевская станица.* Въ юрту этой станицы находятся:

1) Два городища; одно продолговатой формы, а другое круглой, оба съ валами, которые имѣютъ въ вышину до $1\frac{1}{2}$ арш., а въ ширину до 2-хъ арш.; одно изъ нихъ находится на югѣ, другое на сѣверѣ. Около этихъ городищъ находятся небольшіе курганы, которые имѣютъ въ обружности 5 саж., а въ вышину по $1\frac{1}{2}$ саж. Городища расположены въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ станицы Грушевской.

Въ юрту станицы находятся 72 кургана; изъ нихъ 8 имѣютъ названія: «Шибальный», «Бузиновъ», «Пяти Братовъ», «Цауровъ», «Баба», «Лиманный», «Кочетовъ» и «Острый»; курганы разбѣяны по разнымъ мѣстамъ и имѣютъ разную величину, но не выше 3-хъ саж. и не шире 15 саж. Неизвѣстно, отъ чего получили свое названіе вышеупомянутые 8 кургановъ. Нѣкоторые изъ кургановъ находятся въ разстояніи 1 версты отъ станицы.

V. *Егорлыцкая станица.* Въ юрту этой станицы находится одно городище безъ названія; обозначено оно рвомъ, пространствомъ въ 114 квадрат. саж. Ровъ имѣетъ въ глубину 1 арш. По срединѣ городища находится 6 ямъ. Говорятъ, что въ древнее время здѣсь былъ татарскій аулъ. Вещей на этомъ мѣстѣ никто не находилъ. Мѣстность эта находится въ полуверстѣ отъ станицы, на востокъ отъ нея.

Въ юрту станицы есть и курганы. Всѣхъ кургановъ въ юрту Егорлыцкой станицы насчитываютъ 76. Разбѣяны они на пространствѣ отъ 3-хъ до 4-хъ верстъ; величина кургановъ различная; названій не имѣютъ, за исключеніемъ одного «Пьянаго». Въ 30-ти шагахъ отъ этого кургана, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ станицы, вправо отъ почтовой дороги, казакъ Иванченко

10 лѣтъ назадъ вырылъ 5 камней. Изъ нихъ 4 лежали, а пятый стоялъ на нихъ, на послѣднемъ вырублены были крестъ и буквы П. М.

VI. *Манычская станица*. Въ юрту этой станицы находятся курганы:

1) «Три караула» — получили свое названіе отъ того, что во время набѣговъ татаръ, въ давнее время, на нихъ стояли казацкіе кордоны; расположены въ полутора верстахъ отъ станицы на юго-западъ отъ нея; находятся другъ отъ друга на разстояніи 30 саж.; 1-й въ окружности имѣетъ 50 саж., въ высоту 7 саж., 2-й въ окружности 55 саж., въ высоту 5 саж., и 3-й въ окружности имѣетъ 55 саж., въ высоту 4 сажени.

2) «Сидоркинъ» курганъ — получилъ названіе, какъ говорятъ, оттого, что во время набѣговъ убить здѣсь крестьянинъ Сидорка; въ окружности имѣетъ 60 саж., въ высоту 7 саж.; расположенъ въ 2-хъ верстахъ отъ станицы на востокъ отъ нея.

3) «Большой курганъ» — названъ такъ по своей величинѣ; въ окружности имѣетъ 40 саж., въ высоту 3¹/₂ саж., въ 7 верстахъ отъ станицы на юго-востокъ отъ нея.

4) «Княжнѣй». Говорятъ, что на этомъ курганѣ жилъ татарскій князь, отчего курганъ этотъ и получилъ свое названіе; въ окружности этотъ курганъ имѣетъ 50 саж., въ высоту 60 саж.; расположенъ въ 7 верстахъ отъ станицы на востокъ отъ нея.

5) «Гилюнъ» — нѣсколько лѣтъ назадъ здѣсь имѣлъ кочевье калмыцкій гилюнъ, отчего курганъ этотъ и получилъ свое названіе; въ окружности онъ имѣетъ 48 саж., въ высоту 3 саж.; расположенъ въ 17-ти верстахъ отъ станицы, на востокъ отъ нея.

6) «Верблюды». Курганъ этотъ вмѣстѣ съ холмами имѣетъ большое сходство съ верблюдомъ, отъ чего и получилъ названіе, въ окружности имѣетъ до 100 саж., въ высоту 2 саж.; находится въ полуверстѣ отъ станицы. Кромѣ названныхъ кургановъ въ юрту Манычской станицы есть еще нѣсколько малыхъ кургановъ.

Въ юрту станицы есть урочище «Усмановъ лугъ», названное такъ оттого, что во время нападенія татаръ въ немъ жилъ татаринъ «Усманъ».

VII. *Мечитинская станица*. Въ юрту этой станицы въ разныхъ мѣстахъ есть небольшіе курганы, но безъ названій.

VIII. *Ольгинская станица*. Въ юрту этой станицы находятся слѣдующіе курганы:

1) «Два брата» — два совершенно равныхъ кургана, которые находятся въ 6 верстахъ отъ станицы Ольгинской, на югъ отъ нея; въ окружности каждый изъ нихъ имѣетъ 110 саж., а въ высоту 28 саж.

2) «Грошевой» — расположенъ около самой станицы; имѣетъ въ окружности 120 саж., чрезъ верхъ 25 саж.

3) «Лепаха» — въ 1 верстѣ отъ станицы; въ окружности имѣетъ 80 саж., въ высоту 20 саж.

4) «Средний» — въ 4-хъ верстахъ отъ станицы на юго-востокъ; въ окружности имѣеть 75 саж., чрезъ верхъ 25 саж.

5) «Цыганка» — въ окружности имѣеть 50 саж., въ высоту 15 саж., находится въ разстояніи $3\frac{1}{2}$ версть отъ станицы.

6) «Острый» — въ окружности имѣеть 135 саж., въ высоту чрезъ верхъ 40 саж., расположенъ въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ станицы.

7) «Песчаный» — въ окружности имѣеть 70 саж., въ высоту 23 саж.; въ 3-хъ верстахъ отъ станицы.

8) «Нетесъ» — въ окружности имѣеть 112 саж., въ высоту 32 саж., въ 15-ти верстахъ отъ станицы.

9) «Разрытый» — въ окружности имѣеть 60 саж., въ высоту 25 саж. Объ этомъ курганѣ говорятъ, что въ давнее время онъ былъ разрытъ, но къмъ и что найдено въ немъ, неизвѣстно; но отъ того, что разрытъ, онъ и получилъ названіе; находится въ 5-ти верстахъ отъ станицы.

IX. *Старочеркасская станица.* Въ юрту станицы есть остатки крѣпости; крѣпость имѣеть форму четырехъ-угольника, въ ширину и длину 1000 саж.; вокругъ нея сохранились валы, вышиною въ 2 саж. и 1 арш., и рвы шириною въ 1 саж., а глубиною 1 саж. 1 арш.; крѣпость находится въ 4 верстахъ отъ станицы Старочеркаской; крѣпость называется Аннинскою, построена по указу Анны Іоанновны инженеромъ Декулонгомъ въ 1729—31 годахъ.

Въ юрту станицы есть курганы: 1) «Татарскій», 2) «Пустынниковъ». 3) «Глубинный», 4) «Алитубскій» и 5) «Машкинъ», которые находятся отъ станицы въ разстояніи отъ 4 до 7 версть по лѣвую сторону: всѣ не высоки, одинъ отъ другаго лежать въ разстояніи отъ 200 саж. до 5-ти версть. Первый курганъ называется татарскимъ потому, что здѣсь было татарское кладбище, куда еще недавно прїѣзжали изъ Новочеркасска татары на богомолье.

Урочища: 1) «Монастырское», лежитъ въ 7-ми верстахъ ниже станицы; на немъ кирпичный памятникъ. 2) «Зеленое» въ 1 верстѣ отъ станицы. 3) «Красное» — въ 5-ти верстахъ и 4) «Бѣлое» въ одной верстѣ.

Усть-Медвѣдицкій округъ.

I. *Арчидинская станица.* Въ юрту этой станицы находятся городища:

1) «Городище»; мѣсто это отъ времени и отъ наноса песку потеряло всякій видъ. Говорятъ, что здѣсь была прежняя станица. Слѣды жилищъ были видны хорошо, но рѣка Медвѣдица занесла пескомъ остатки городища; городище лежитъ въ двухъ верстахъ отъ станицы.

2) «Городище» или «Крѣпость» — близъ хутора Абрамова, въ 15-ти верстахъ отъ станицы; тутъ замѣтны канавы, глубиною въ 2 аршина; имѣеть

видѣ крѣпости; кто рылъ эти канавы и для какой цѣли, неизвѣстно; это городище имѣетъ до 15-ти квадр. саж.

Въ юрту станицы есть и курганы:

1) «Подкепинскіе» — два большихъ кургана, стоящіе рядомъ; въ 3-хъ верстахъ отъ станицы, на западъ отъ нея.

2) «Манушкинъ», сверху разрытый, находится въ 10-ти верстахъ отъ станицы, на сѣверъ отъ нея.

3) «Бабій», — сверху тоже разрытый, лежитъ въ одной верстѣ отъ станицы, на сѣверъ отъ нея.

4) «Подгорный» — сверху разрытый, въ 3-хъ верстахъ отъ станицы, на востокъ отъ нея.

5) «Рыночный» — сверху тоже разрытый, въ 5-ти верстахъ отъ станицы, на востокъ отъ нея.

6) «Чичикинскій» — такой же, какъ и предыдущіе; находится въ 17-ти верстахъ отъ станицы близъ хутора Чичикинскаго.

7) «Желѣзниковъ» — похожъ на предыдущіе, въ 35 верстахъ отъ станицы, на востокъ отъ нея.

Всѣ эти 7 кургановъ по виду похожи одинъ на другой; величиной они одинаковы; въ ширину каждый имѣетъ по 7 саж., а въ высоту по 10 аршинъ.

Кромѣ того есть въ юрту станицы два интересныя мѣста: 1) Въ мѣловой горѣ, надъ рѣкою Медвѣдицею, находится пещера — длиною въ 6 аршинъ; въ глубинѣ пещеры есть комната, имѣющая въ ширину и длину по 4 арш., а въ высоту до 2½ арш.; въ 2-хъ верстахъ отъ станицы. 2) Другая пещера находится въ этой же горѣ, но эта пещера уже обвалилась; кѣмъ и когда вырублены эти пещеры, неизвѣстно.

II. *Кепинская станица.* Въ юрту этой станицы есть курганы:

1) «Три брата» — въ 35-ти верстахъ отъ станицы и въ 7-ми верстахъ отъ слободы Гуляевки; видѣ этихъ кургановъ круглый; лежатъ вмѣстѣ.

2) «Мазеновъ курганъ» — въ 5-ти верстахъ отъ станицы; видѣ кургана круглый; поверхность его разрыта; находили здѣсь кирпичи. Говорятъ, что здѣсь жилъ разбойникъ Мазена.

3) «Мечетный курганъ». Говорятъ, что на немъ была турецкая мечеть; находили тутъ кирпичи. Каждый изъ этихъ кургановъ имѣетъ въ окружности по 100 саж., въ высоту около 10 аршинъ.

III. *Клетская станица.* Въ юрту этой станицы есть нѣсколько незначительныхъ кургановъ и урочищъ: «Дружина», «Стрѣлка», «Скопинъ», «Тубочная», «Камышевъ» и «Островъ».

IV. *Малодѣльская станица.* Въ юрту станицы находятся курганы:

1) «Автоновъ», въ окружности имѣетъ 100 саж., въ высоту 3 саж., въ

30-ти верстахъ отъ станицы на востокъ, а отъ хутора Прудковскаго въ 7-ми верстахъ на востокъ.

Говорятъ, здѣсь жили разбойники съ атаманомъ Антономъ. Недавно изъ кургана добывали кирпичъ, котораго и теперь въ немъ еще много. Кирпичъ сложенъ въ немъ на подобіе стѣны.

V. *Перекопская станица*. Въ юрту этой станицы находятся городища.

1) «Ямки» — въ яру, называемомъ «Латушнымъ».

2) Тоже «Ямки» — въ вершинѣ яра «Каменнаго»; первое городище находится въ 7 верстахъ отъ станицы, а второе въ 3-хъ верстахъ; говорятъ, что въ древнее время на этихъ «ямкахъ» жили невѣрные; передаютъ, будто находили здѣсь бомбы.

Въ юрту Перекопской станицы есть курганъ «Царвихинъ»; имѣющій въ окружности 100 саж.

VI. *Распопинская станица*. 1) Въ самой станицѣ есть два кургана безъ названій; каждый курганъ въ окружности имѣетъ 10 саж., въ высоту 1½, аршина.

2) Группа изъ 3-хъ кургановъ, расположенныхъ вмѣстѣ при хуторѣ Зотовскомъ; такой же величины какъ и первые два кургана.

Впрочемъ, почти при каждомъ хуторѣ есть небольшие курганы.

VII. *Скуришеская станица*. Въ юрту этой станицы находятся курганы:

1) «Рытый» — имѣющій въ окружности 35 саж., въ высоту 3 саж.

2) «Частый» — такой же величины, какъ и «Рытый», на лѣвомъ берегу рѣки Медвѣдцы; бока кургана выпуклы; на верху его впадина.

3) 15-ть небольшихъ кургановъ. Говорятъ, что на этихъ курганахъ жили татары, пока ихъ не выгнали казаки. Находили здѣсь остатки кирпичей.

Въ юрту станицы есть балка «Орѣховая», длиною въ 4 версты, шириною въ 20 саж., въ 8 верстахъ отъ станицы.

VIII. *Даниловская волость*. Въ районѣ Даниловской волости находятся курганы:

1) Безъ названія; въ окружности имѣетъ 40 саж., въ высоту 1½ саж., въ 5-ти верстахъ отъ сл. Даниловки на западъ.

2) Тоже безъ названія; въ окружности имѣетъ 60 саж., въ высоту 2 саж.; одинъ отъ другаго въ 5-ти верстахъ.

3) «Попова могила», въ окружности имѣетъ 70 саж., въ высоту 1½ саж., въ 8 верстахъ отъ слоб. Даниловки на сѣверъ; названъ такъ потому, что при немъ имѣлъ посѣвъ священника.

4) «Сборная могила» -- два кургана; каждый имѣетъ въ окружности 70 саж., въ высоту 2 саж.; одинъ отъ другаго въ 250 саж., въ 8½ верстахъ отъ слоб. Даниловки на сѣверъ; названы такъ потому, что на нихъ собирався народъ для раздѣла земли.

5) «Золотая могила» — въ окружности имѣть 70 саж., въ вышину 3 саж.; въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ слоб. Даниловки на востокъ.

6) «Липовая могила» — въ окружности имѣть 70 саж., въ вышину 3 саж., въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ слоб. Даниловки на востокъ.

7) «Разломскія могилы» — два кургана, изъ нихъ 1-й въ окружности имѣть 70 саж., въ вышину 3 саж., на югъ; 2-й въ окружности имѣть 40 саж., въ вышину $1\frac{1}{2}$ саж., на западъ, въ 3-хъ верстахъ отъ слоб. Даниловки.

8) «Еремина могила» — въ окружности имѣть 60 саж., въ вышину 3 саж., въ 2-хъ верстахъ отъ слоб. Даниловки на югъ.

9) «Таранова могила» — въ окружности имѣть 60 саж., въ вышину 3 саж.; въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ слоб. Даниловки на западъ.

10) «Зуевы могилы» — два кургана, каждый въ окружности имѣть по 60 саж., въ вышину по 3 саж., въ 3-хъ верст. отъ слоб. Даниловки на востокъ.

11) «Вышевыя могилы» — два кургана; каждый въ окружности имѣть 60 саж., въ вышину 3 саж., въ 5-ти верстахъ отъ слоб. Даниловки на западъ.

IX. *Орховская волость.* Въ районѣ этой волости находятся курганы:

1) «Высокая могила» — имѣющая въ окружности 50 саж., въ вышину 2 саж. 2 четв., чрезъ верхъ 17 саж.; по срединѣ кургана есть впадина, имѣющая въ окружности 10 саж., въ ширину 3 саж. и 1 арш., въ глубину 2 арш.; есть тутъ же и еще 3 впадины. На западъ отъ кургана есть токъ, около котораго расположенъ валь, имѣющей въ окружности 35 саж., въ ширину 8 саж.; посреди тока есть насыпь въ родѣ могилы, имѣющей въ окружности 20 саж.; этотъ курганъ лежитъ въ 7-ми верстахъ отъ слоб. Орховой, названъ такъ потому, что находится на возвышенномъ мѣстѣ; говорятъ, что здѣсь жили разбойники.

2) «Чубагая могила». имѣющая въ окружности 41 саж., въ вышину 1 саж., чрезъ верхъ 11 саж.; находится въ 8 верстахъ отъ пос. Олейникова.

3) «Кирпичный» курганъ, имѣющей въ окружности 40 саж., въ вышину $1\frac{1}{4}$ саж., находится въ 15 верстахъ отъ поселка Олейникова; на немъ находили кирпичи.

и 4) Одинъ курганъ безъ названія.

X. *Чистяковская волость.* Въ районѣ этой волости находится одинъ курганъ, извѣстный подъ именемъ «Шпиля», въ 15-ти верстахъ на юго-западъ отъ слоб. Чистяковой, на балкѣ «Горѣловой» или «Осиновой». На этомъ курганѣ есть яма, въ родѣ землянки, имѣющая въ длину и ширину по 5-ти арш.; противъ ямы родникъ. Здѣсь, говорятъ, жили разбойники; уходя отсюда, они зарыли въ ямѣ золото и серебро. Крестьяне Лимаревы, вырвыши яму въ полтора аршина, нашли тамъ кости, золу и какую то посудину, накрытую осколками чугуна; продолжать раскопку побоялись.

Хоперскій округъ.

I. *Арсеновская станица.* Въ юрту этой станицы есть городища :

1) «Старый городокъ» — въ 3-хъ верстахъ отъ станицы на юго-западъ отъ нея, на правомъ берегу р. Хопра, среди лѣса на возвышенности; съ востока и юга «Городокъ» окруженъ Хопромъ, съ запада заливомъ Нелькинымъ, а съ сѣвера образовавшимся водотокомъ отъ канавы между Хопромъ и заливомъ Нелькинымъ; въ длину городище имѣетъ 200 саж., въ ширину 80 саж., построено для того, чтобы укрываться лѣтомъ и зимою отъ татаръ и разбойниковъ; весною же татары уходили отсюда на гору въ лѣсъ, находящійся на разстояніи одной версты отъ городка; это весеннее убѣжище называлось «Станками». Между «Станками» и «Старымъ городкомъ» было озеро съ мостомъ черезъ него; въѣздъ на гору до сихъ поръ называется «старымъ прогономъ».

2) Другое городище носить названіе «Крѣпость»; лежитъ оно на склонѣ горы; рвы и валы его хорошо видны; теперь эта крѣпость находится въ юрту Зотовской станицы; по преданію въ эту крѣпость жители городка уходили въ крайне опасныхъ случаяхъ.

Въ юрту станицы есть курганы :

1) «Два дерева» — продолговатый курганъ, имѣетъ въ окружности 200 саж., въ вышину 2 саж.; на верху его впадина; около него расположено нѣсколько малыхъ кургановъ; недалеко находится ущелье.

Всѣ курганы изрыты кладонскателями; лежатъ они въ 8 верстахъ отъ станицы на западъ отъ нея. Говорятъ, что когда-то росли на одномъ курганѣ два огромные дуба, и будто-бы здѣсь собирались разбойники. Курганъ былъ сторожевымъ мѣстомъ, такъ какъ съ него во всѣ стороны видно на разстояніи 50 верстъ. Съ него видны курганы станицъ: Слащевской, Алексѣевской и даже гора въ станицѣ Усть-Медвѣдицкой.

2) «Три брата» — группа изъ трехъ кургановъ, изъ коихъ каждый имѣетъ въ окружности 100 саж., въ вышину 1 саж.; расположены они въ рядъ, на разстояніи 50 саж. одинъ отъ другаго и въ 25-ти верстахъ отъ станицы. Здѣсь погребены, какъ говорятъ нѣкоторые, три брата, отчего курганы и получили свое названіе; другіе утверждаютъ, что свое названіе курганы получили отъ того, что всѣ они одинаковой величины и одинаково расположены.

3) Кромѣ того есть еще 7 кургановъ безъ названій; изъ нихъ первый имѣетъ въ окружности 30 саж., въ вышину 1 саж., въ 1 верстѣ отъ хутора Барминъ; другой имѣетъ въ окружности 50 саж., въ вышину $1\frac{1}{2}$ саж. и расположенъ тамъ же, третій находится на вершинѣ горы, въ 3-хъ верстахъ отъ станицы; четвертый, имѣющій въ окружности 100 саж., въ вышину 2 саж., находится въ хут. Красномъ близъ двора казака Генералова; 5-й имѣетъ въ окружности 100 саж., въ вышину 2 саж.; черезъ него идетъ дорога, лежитъ онъ

въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Краснаго; 6-й имѣетъ въ окружности 70 саж., въ высоту 1 саж.; продолговатой формы; на вершинѣ его впадина; лежитъ въ 8-ми верстахъ отъ хутора Ребрикова, и 7-й имѣетъ въ окружности 30 саж., въ высоту $1\frac{1}{2}$ саж., находится въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Сидорскаго. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ разрыты владоискателями, впрочемъ, не до окончанія. Обо всѣхъ этихъ курганахъ носится молва въ народѣ, что въ нихъ найдены боченки золота и серебра.

Въ юрту станицы есть урочище «Булаева лощина»; тутъ, говорятъ, былъ когда-то огромный лѣсъ, въ которомъ жилъ разбойникъ Булай съ своею шайкою; на протяженіи 4-хъ верстъ отсюда тянутся холмы песку; здѣсь былъ березовый лѣсъ; тутъ происходили и сраженія; на этомъ мѣстѣ находили стрѣлы и человѣческіе черепа.

Есть свѣдѣнія о нѣкоторыхъ археологическихъ находкахъ; такъ, въ хуторѣ Голенькомъ нашли скелетъ чelовѣка, въ головахъ у него было два большихъ глиняныхъ сосуда. Въ хуторѣ Могильномъ нашли панцырь, но затеряли его. На склонѣ горы есть канавы, неизвѣстно когда вырытыя.

II. *Булановская станица.* Въ юрту этой станицы находится городище — «Старый городокъ», въ 2-хъ верстахъ отъ станицы на юго-западъ отъ нея; форма его квадратная; здѣсь находили каменные котелки и молотки, а также желѣзныя стрѣлы.

Кромѣ того въ юрту станицы есть курганы:

1) Нѣсколько конусообразныхъ кургановъ, расположенныхъ около городища въ полтора верст. отъ станицы. 2) «Бражкинъ», имѣющій въ окружности 57 саж., въ высоту 8 саж. 3). «Кирилинъ», такой же величины, какъ и Бражкинъ. 4) «Длинный», который есть ничто иное, какъ цѣпь изъ 30 кургановъ, которые расположены полукругомъ; окружность этого кургана равна 92 сажениамъ.

Первые курганы насыпаны, какъ говорятъ, жителями «старога городка», которые, чтобы не быть застигнутыми непріятелями въ раслохъ, ставили на нихъ сторожевыхъ людей, которые и давали знать городку о приближеніи непріятеля.

III. *Бурацкая станица.* Въ юрту этой станицы находятся курганы:

1) «Карповскіе», лежащіе въ 9 верстахъ отъ станицы, на лѣвомъ берегу Хопра; первый изъ нихъ имѣетъ въ окружности 20 саж., чрезъ верхъ 12 саж.; второй въ окружности имѣетъ 10 саж., въ высоту 8 саж.

2) Три кургана безъ названій; два съ правой стороны рѣки Тишанки, имѣющіе чрезъ верхъ 6 саж., и третій въ 400 саж. отъ казенныхъ лѣсовъ. Говорятъ, что въ курганахъ зарыты кладъ.

Кромѣ того близъ хутора Нагаевского есть мѣстечко, называемое «Шанцы», т. е. рыч, длиною въ 1 версту, въ окружности 100 саж. Здѣсь говорятъ жили разбойники.

IV. *Добринская станица.* Въ юрту этой станицы находятся городища :

1) «Старый городокъ» въ полутора верст. отъ станицы на лѣвомъ берегу рѣки Хопра, круглой формы; мѣсто это окружено озеромъ; поверхность его равна 60-ти десятинамъ; видны ямы и камни, мѣстами лѣсъ. Когда-то тутъ жили предки теперешнихъ казаковъ.

2) «Городище одининское», продолговатое, равняется 2-мъ десятинамъ; на городищѣ есть ямы, тутъ жили когда то казаки, но за принятіе бѣглыхъ русскихъ они были выселены на мѣстность, лежащую ниже Пяти-избъ; прежнее-же ихъ мѣстожительство выжжено (свѣдѣнія заимствованы изъ архива).

Въ юрту станицы есть курганы :

1) «Громяные» — два кургана, изъ коихъ каждый имѣть въ окружности 40 саж., въ вышину 3 саж., расположены одинъ отъ другаго въ 20 саж., лежать въ 30-ти верстахъ отъ станицы; названіе свое получили отъ балки «Громяной» и хутора того-же имени.

2) «Безыменовскій», имѣющій въ окружности 25 саж., въ вышину 1¹/₄ саж.; лежитъ въ 12-ти верстахъ отъ первыхъ; названіе свое получилъ отъ балки «Безыменовской» и хутора того же имени.

Есть въ юрту станицы и урочища : 1) «Рыжьино поле», 2) «Поганая лука» (сюда возили павшей скотъ), 3) «Засика» (тутъ въ старину спасались отъ черкесъ).

V. *Дурновская станица.* Въ юрту этой станицы находится городище «Старая станица», или «Поляна»; городище имѣть въ ширину до 30-ти саж., въ длину до 150 саж.; мѣстность городища ровная; лежитъ въ 400 саж. отъ станицы. Говорятъ, что здѣсь была прежде Дурновская станица.

Въ юрту станицы есть и курганы :

1) «Ближній рытый» имѣющій въ окружности 15 саж., въ вышину 2 саж.

2) «Дальній рытый» — такой же величины какъ и предыдущій.

3) Пять кургановъ, расположенныхъ вмѣстѣ, но не имѣющихъ названій; всѣ они находятся въ 300 саженьяхъ отъ станицы.

4) «Длинный» курганъ, имѣющій въ окружности 25 саж., въ ширину 7 аршинъ.

5) «Стаховъ», имѣющій въ окружности 25 саж., въ вышину 8 аршинъ.

6) «Большой», имѣющій въ окружности 20 саж., въ вышину 5 аршинъ; лежитъ въ 400 саженьяхъ отъ хутора «Буерачнаго».

7) «Сборный» курганъ, имѣющій въ окружности 25 саж., въ вышину 2 саж.; въ полутора верст. отъ того же хутора.

8) «Орловъ», имѣющій въ окружности 25 саж., въ вышину 2 саж., въ 5-ти верстахъ отъ того же хутора.

9) Три кургана безъ названій, довольно большіе, въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Зихляйскаго.

10) Группа изъ 3-хъ кургановъ, расположенныхъ рядомъ; каждый курганъ имѣеть въ окружности по 15 саж., въ вышину по $1\frac{1}{2}$ саж.

11) «Сборный курганъ», имѣющій въ окружности 15 саж., въ вышину 6 аршинъ.

12) «Маячный», имѣющій въ окружности 20 саж., въ вышину 7 арш.; въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ хутора Долгаго, на сѣверо-востокъ отъ него.

13) «Черный», имѣющій въ окружности 10 саж., въ вышину 5 аршинъ, въ 7-ми верстахъ отъ хутора Долгаго.

14) «Сборный»—имѣющій въ окружности 20 саж., въ вышину $1\frac{1}{2}$ саж., въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ хутора Косова.

15) Нѣсколько небольшихъ кургановъ около станицы.

Въ юрту станицы извѣстны урочища: «Землянуха», «Гнилой», «Калачикъ», «Степная», «Острогъ», «Рябина», «Чичеватка и «Чиганая».

VI. *Котовская станица.* Въ юрту этой станицы находятся:

Городище «Старый городокъ», который есть ничто иное, какъ круглая площадь, окруженная притокомъ рѣки стараго Хопра, Ольшанки, и Новымъ Хопромъ; въ окружности городище имѣеть 600 саж., отъ станицы отстоитъ оно въ 2-хъ верстахъ на югъ отъ нея; на городищѣ ямы; говорятъ, что здѣсь была прежде Котовская станица.

Въ юрту станицы есть курганы:

1) «Большой маякъ», имѣющій въ окружности 10 саж., лежитъ въ 3-хъ верстахъ отъ станицы на югъ отъ нея, на западъ отъ «Стараго городка».

2) «Малый маякъ»—находится на разстоянн полуверсты отъ перваго.

3) Кромѣ этихъ кургановъ есть до 20 малыхъ кургановъ. На первыхъ двухъ курганахъ стояли часовые, такъ какъ съ нихъ видно было во все стороны на далекое разстоянн. Отъ этого они и получили названн «Маяковъ».

VII. *Кумылженская станица.* Въ юрту этой станицы находится:

Городища: 1) «Старое»; оно расположено въ лѣсномъ урочищѣ «Лука», въ 3-хъ верстахъ отъ станицы, на юго-западъ отъ нея; имѣеть круглую форму; въ окружности городище имѣеть до 600 саж.; здѣсь находили деньги, черенки и обломки оленьихъ роговъ. 2) «Новое»—лежитъ въ 8-ми верстахъ отъ станицы, на юго-западъ отъ нея; имѣеть форму четырех-угольную; въ длину имѣеть 400 саж., въ ширину 150 саж., посрединѣ его кладбище въ 900 квадр. саж., съ валомъ въ 2 арш. въ вышину и 4 арш. въ ширину. Въ 1840 году здѣсь была церковь.

Въ юрту станицы есть и курганы:

1) «Кошевъ», въ 200 саж. отъ Новаго городища и въ 8 верст. отъ станицы; въ окружности имѣеть 25 саж., въ вышину 5 арш., на верху его яма въ 2 арш. глубины и 4 арш. ширины.

2) «Потаповъ» имѣющій въ окружности 50 саж., въ вышину 5 арш.; конусообразной формы; на верху его есть яма въ 2 арш. ширины и 3 четверти глубины; съ сѣвера крутизна; замѣтно, что въ ней былъ какъ-бы выходъ, мѣсто это находится въ 1 верстѣ отъ станицы, на сѣверъ отъ нея.

3) «Вислый» — конусообразной формы — въ окружности имѣеть 64 саж., въ вышину 5 арш., на половинѣ его рыта яма; находится въ 8 верстахъ отъ станицы на сѣверъ отъ нея.

4) Пять кургановъ безъ названій.

«Вислый» курганъ названіе свое получилъ оттого, что когда-то на яблонѣ, росшей на немъ, былъ повѣшенъ за преступленіе какой-то человѣкъ. Въ этомъ курганѣ казакъ Бѣлоконевъ, рывши себѣ землянку, нашель человѣческіе кости и конскую голову съ удилами.

VIII. *Миулинская станица*. Въ юрту этой станицы есть городище «Большая гора», имѣеть форму квадрата, — въ 7 саж. длиною, посрединѣ его насыпь, на которой видны ямы глубиною въ 2 арш.; городище находится въ 1 верстѣ отъ хут. Назаровскаго.

Въ юрту станицы есть курганы:

1) Безъ названія; въ окружности имѣеть 40 саж., въ вышину 10 саж.; остроугольный; находится недалеко отъ городища.

2) «Тачковский», «Широкий» и «Высокий» — эти курганы расположены на Луговской горѣ близъ хутора Мещеряковского.

3) «Дункинъ» — на горѣ, «Деминъ» и «Разрытый» на бугрѣ близъ хутора Коновалова.

4) «Высокий», «Широкий» и «Красный» расположены противъ хутора Назарова, съ лѣвой стороны р. Тихой.

5) «Поповъ», два «Маячные» и два «Широкие», лежатъ около хут. Мѣвскаго.

6) «Круглый», «Понтильевъ», «Несохлый», «Полевой», «Антомоновъ», два «Жуликовыхъ» и «Гладковъ», расположены на возвышенныхъ мѣстахъ при хут. Мѣловатскомъ.

7) «Вадуринъ», «Юнкинъ», «Конный» и «Вѣденкинъ» — расположены на возвышенностяхъ при хуторѣ Бирюковскомъ.

8) «Гузюбрьковъ» и два «Разрытые» расположены на возвышенныхъ мѣстахъ при хуторѣ Батальщяковскомъ.

9) «Конный» и «Артемкинъ» — расположены на высокихъ мѣстахъ при хут. Громчанскомъ.

10) «Красный», «Перовой», «Четырех-угольный», два «Песчаные» и два «Лохматые», расположены при хуторѣ «Тиховскомъ».

Всѣ эти курганы, за исключеніемъ перваго, т. е. кургана безъ названія, называются по именамъ и фамиліямъ лицъ, которыя близъ кургановъ имѣли гумна, или же по своей формѣ.

11) «Глиница» — на высококомъ бугрѣ при хуторѣ Калмыковскомъ.

12) Шесть «Разрытыхъ», два «Караульныхъ», два «Голыхъ» — расположены на возвышенностяхъ при хуторѣ Подгорскомъ.

13) «Красный» и «Варваровка» — на высокихъ мѣстахъ при хуторѣ Варваринскомъ.

14) «Три брата», три безыменные и «Каменный» — расположены на равнинѣ въ полуверстѣ отъ хутора Правальскаго. Въ безыменныхъ курганахъ недавно, при добываніи изъ нихъ дикаго камня, найдено сѣдло съ желѣзными дугами и кости человѣка и животныхъ.

Всѣ перечисленные курганы, начиная отъ «Глиница», имѣютъ въ окружности по 40 саж., въ вышину до 3 саж.; стоятъ по одному и далеко другъ отъ друга. Урочища: «Пузо-Бѣлая заповѣдь», «Невъѣзжая», «Чернецкая» и «Каторима».

IX. *Слащовская станица.* Въ юрту этой станицы находится городище — «Старый городокъ», въ одной верстѣ отъ станицы, на лѣвомъ берегу рѣки Хопра; находится на луговой мѣстности, заросшей лѣсомъ; имѣетъ форму квадрата, сторона котораго равна 200 саж. Говорятъ, что здѣсь была прежде Слащовская станица.

Есть въ юрту станицы и курганы:

1) «Скоробогатовъ» въ 15-ти верстахъ отъ станицы, имѣющій въ окружности 20 саж., въ вышину 3 аршина.

2) «Сиволобовы» — въ такомъ же разстояніи отъ станицы, какъ и первый курганъ. Это три кургана, расположенные вмѣстѣ; каждый изъ нихъ имѣетъ въ окружности по 20 саж., въ вышину по 3 аршина.

3) «Большой курганъ» — въ полуверстѣ отъ станицы; въ окружности имѣетъ 70 саж., въ вышину 5 саж.

4) На возвышенностяхъ лежить много малыхъ кургановъ.

Первый курганъ названъ по балкѣ, въ которой скрывался между 1812—14 годами разбойникъ казакъ Скоробогатовъ, убитый проѣзжавшими торговцами.

X. *Тепикимская станица.* Въ юрту этой станицы находится городище — «Старый городокъ»; лежить на разстояніи 1 версты отъ станицы, надъ рѣкой Хопромъ; имѣетъ продолговатую форму; въ длину имѣетъ до 500 саж., въ ширину 200 саж., ровъ и валовъ здѣсь нѣтъ, однако замѣтны впадины, какъ-бы отъ погребовъ; преданій объ этомъ городищѣ не сохранилось.

XI. *Усть-Бузулукская станица.* Въ юрту Усть-Бузулукской станицы есть городища:

1) «Старый городокъ»; имѣетъ форму четырех-угольника; въ длину имѣетъ 200 саж., въ ширину 100 саж.; вокругъ него валъ вышиной въ 2 арш. и шириной до 4 саж.; на валу находятся почти сплошныя ямы, глубиной отъ $\frac{3}{4}$ до 2 арш. Говорятъ, что здѣсь прежде была станица, гдѣ жили казаки, выселяясь только на весну въ палатки на то мѣсто, гдѣ теперь станица. Городище находится въ полуверстѣ отъ станицы на сѣверъ.

2) «Старый городокъ» — возлѣ станицы за озеромъ на сѣверо-востокъ.

Въ юрту станицы есть курганы:

1) «Плоскій курганъ», — въ окружности имѣеть 15 верстъ, въ вышину 300 саж. Названъ такъ потому, что со всѣхъ сторонъ имѣеть плоскій откосъ. Въ 30-ти верстахъ отъ станицы на западъ.

2) «Маяки». На этомъ курганѣ, говорятъ, стояли часовые, наблюдавшіе за движеніями непріятелей; въ 5-ти верстахъ отъ станицы на югъ.

3) «Пески» — бугры песку, которые тянутся на 7 верстъ по лѣвую сторону рѣки Хопра. Здѣсь въ песку находили очень много стрѣлъ, длиною до 5-ти вершковъ.

Въ юрту станицы есть урочища: балки «Аникина» и «Дронкина»; одна отъ другой находятся въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ верстъ; здѣсь, какъ говорятъ, жили разбойники Аника и Дронь.

II. *Усть-Хоперская станица.* Въ юрту этой станицы находится городище, извѣстное подъ именемъ «Старого городка» по лѣвую сторону рѣки Дона, въ разстояніи одной версты отъ станицы, неправильной формы; однимъ угломъ оно подходитъ къ берегу рѣки Дона, по другой сторонѣ замѣчается неровность, заросшая кустарникомъ; занимаетъ городище пространство около 3-хъ верстъ; здѣсь находятся обыкновенной формы кирпичи и нѣкоторыя вещи: топоры, мѣдныя иконы, осколки чугуныхъ котловъ и друг. Изъ найденныхъ вещей сохранилась одна мѣдная икона, которая теперь хранится у казака Федора Хохлачева. Говорятъ, что на мѣстѣ городища была прежде станица.

Въ юрту станицы есть интересные курганы:

Два кургана «Большая и Малая мечеть» находятся на правой сторонѣ рѣки Дона, «Большая мечеть» находится въ 14-ти верстахъ отъ станицы, а «Малая» въ 17-ти, оба расположены по направленію къ станицѣ Еланской; въ вышину имѣеть до 7-ми саж.; въ окружности до 50 саж., курганы находятся одинъ отъ другаго на разстояніи 3-хъ верстъ.

Кромѣ этихъ двухъ кургановъ въ юрту Усть-Хоперской станицы есть еще слѣдующіе курганы: «Сидоровъ», «Куроракинъ», «Морозовъ» и нѣсколько небольшихъ, безъ опредѣленныхъ названій.

III. *Кутавская волость.* Въ районѣ волости находятся курганы:

1) «Семибратскіе» — три кургана вмѣстѣ; 1-й въ окружности имѣеть 12 саж., въ вышину 2 саж.; 2-й въ окружности имѣеть 50 саж., въ вышину $2\frac{1}{2}$ саж.; между курганами есть насыпь въ видѣ вала, длиною въ 20 саж., шириною въ 6 саж. Говорятъ, что на курганахъ жили 5 разбойниковъ; они убили тутъ когда-то 7 человекъ, отчего курганъ получилъ свое названіе.

Сальскій округъ.

Верхній улусъ 2-я сотня *). Въ юрту этой сотни находятся курганы:

1) «Съдловатый», названный такъ по изгибу на вершинѣ; въ окружности имѣеть 80 саж., чрезъ верхъ 24 саж.; лежитъ въ полутора верст. отъ Верхне-Старновскаго хутора.

2) «Шугуевъ» — названъ такъ по хутору, вблизи котораго находится (въ 200 саж. отъ хутора); въ окружности имѣеть 79 саж., чрезъ верхъ 32 саж.

3) «Терновскій», названъ такъ по тернямъ, которые когда-то были около него; въ окружности имѣеть 57 саж., чрезъ верхъ 22 саж.; лежитъ въ 2-хъ верстахъ отъ Нижне-Старновскаго хутора.

Средній улусъ 3-я и 5-я сотни. Въ юрту 3-й сотни находятся курганы:

1) «Шуры», имѣющій въ окружности 40 саж.; лежитъ близъ балки Амты, на югъ отъ нея, въ 20 верст. отъ сотеннаго правленія.

2) «Загестинъ» — названіе свое получилъ оттого, что вблизи его на рѣчкѣ растутъ загестинъ-чаканъ; въ окружности имѣеть 50 саж., въ вышину 8 саж., лежитъ надъ рѣчкою Малой Куберлей, въ 27-ми верстахъ отъ сотеннаго Правленія.

3) «Кутинъ» — названъ такъ потому, что здѣсь жилъ когда-то калмыкъ Кути, имѣеть въ окружности 50 саж., въ вышину 8 саж.; отъ «Загестина» лежитъ на версту южнѣе, а отъ сотеннаго Правленія на 28 верст.

4) «Абушинъ» — названъ такъ по калмыку Абушѣ, который жилъ на бугрѣ; въ окружности имѣеть 50 саж., въ вышину 8 саж.; лежитъ на Абушиновскомъ бугрѣ въ 25 верстахъ отъ «Загестина» и въ 5 верстахъ отъ сотеннаго Правленія.

5) «Джюджиновъ» — названъ такъ по имени жившаго вблизи его калмыка Джюджи; въ окружности имѣеть 50 саж., въ вышину 8 саж.; лежитъ въ 4-хъ верст. отъ Абушина, въ 1 верст. отъ сотеннаго Правленія.

Есть въ юрту сотни урочища: 1) «Четыре яра» и «Ульчудукъ», около рѣчки Малой Куберлей; первое названо такъ потому, что рѣка образуетъ четыре яра, а второе по жительству на немъ калмыка Ульчудука.

Въ юрту 5-й сотни находятся слѣдующіе курганы:

1) «Хуторской курганъ», названный такъ по мѣстонахожденію своему при балкѣ хуторской; въ окружности имѣеть 153 саж., чрезъ верхъ 35 саж.; лежитъ въ 20 верстахъ отъ хутора 5-й сотни.

2) Голо-Элиманскій — названный такъ по балкѣ того-же названія, въ окружности имѣеть 54 саж., чрезъ верхъ 23 саж.; лежитъ въ 15 верстахъ отъ хутора 5-й сотни.

*) Сотня въ административномъ отношеніи то же, что станичный юртъ и волость. съхъ калмыцкихъ сотенъ въ Войскѣ Донскомъ тринадцать.

Нижний улус 5-я сотня. Въ юрту этой сотни находятся слѣдующіе курганы:

1) Два кургана «Шара-булукъ», въ 10 верстахъ отъ сотеннаго Правленія; въ окружности имѣть по 70 саж., чрезъ верхъ 20 саж.; одинъ отъ другаго расположены въ разстояніи 60 саж.; названіе свое получили отъ колодца, (по русски «Желтый колодець»). Говорять, что подъ ними много чугуна, такъ какъ была здѣсь когда-то татарская чугунная лавка.

2) «Зегинъ-харъ-толга» — въ 10 верстахъ отъ сотеннаго правленія, та-кой-же величины какъ и первый; говорять здѣсь зарыто много цѣнныхъ та-тарскихъ вещей.

3) «Бау-мергинъ», имѣющей въ окружности 50 саж., чрезъ верхъ 15 саж., отъ «Зегина» находится въ 100 саж. Здѣсь говорять зарыта бочка денегъ.

4) «Хата—Булуцкій» — въ 300 саж. отъ сотеннаго правленія; въ окружности имѣть 70 саж., чрезъ верхъ 20 саж.; названіе его въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ «каменный колодець», Здѣсь говорять, зарыто татарами много цѣнностей.

Въ юрту этой сотни есть еще нѣсколько небольшихъ кургановъ.

Первый Донской округъ.

I. *Юрта Затлавской станицы.* Въ юрту станицы находятся курганы:

1) «Большой курганъ», средней величины; въ 2-хъ верстахъ отъ станицы на западъ.

2) «Өмнинъ» и «Бузиновъ» такой же величины какъ «Большой»; въ 7-ми верстахъ отъ станицы на сѣверъ.

II. *Юрта Маринской станицы.* Въ юрту станицы находится городище «Старый городокъ», безъ рововъ и валовъ; расположенъ въ 2-хъ верстахъ отъ станицы, говорять, что въ 1735 году здѣсь была станица; здѣсь казаки бились съ черкесами; 15 Августа совершается поминовеніе убитыхъ здѣсь; на мѣстѣ городка находили свинцовыя пули.

Курганъ — «Синій» или «Мамай»; въ окружности имѣть 48 саж., въ ширину 24 саж., въ вышину 3 сажени. Кругомъ рвы глубиною въ 2 арш., шириною 1½ саж.; въ 3-хъ верстахъ отъ станицы на сѣверо-востокъ. Говорять, что здѣсь проходилъ Мамай съ войскомъ, почему и названъ «Мамай».

Въ юрту станицы есть еще нѣсколько малыхъ кургановъ.

Урочища: «Запогромное», «Зимовное», «Старцевъ станъ», «Кривая Лука» «Моховское», «Өедотово», «Большой песочъ», «Яма» и «Дивы».

III. *Нижне-Кундрюческая станица.* Въ юрту этой станицы находятся слѣдующія лѣсныя урочища: 1) «Большой станъ», 2) «Өгибъ», 3) «Дубрава», 4) «Авилевскій» и 5) «Есиновскій».

IV. *Романовская станица*. Въ юрту этой станицы находится курганъ — «Кирпичный», въ окружности имѣеть 70 саж., въ высоту 3 саж.; расположенъ въ 3-хъ верстахъ отъ станицы, надъ протокомъ Соленымъ. Жители находили и теперь находятъ на немъ кирпичи въ 4 квадратныхъ вершка.

V. *Семикаракорская станица*. Въ юрту этой станицы находится городище, которое имѣеть видъ возвышенной крѣпости, на луговомъ мѣстѣ, въ 5-ти верстахъ отъ станицы; окружено валами, которые имѣють въ ширину 3 сажени, въ высоту $1\frac{1}{4}$ арш.; въ длину отъ сѣвера къ югу городище имѣеть 90 саженой, въ ширину отъ востока къ западу 86 саж.; посредиѣ городища находится площадка, окруженная валами; на углу съ южной стороны есть курганъ въ 2 саж. высоты; на углу съ сѣверной стороны есть тоже курганъ, имѣющій въ высоту 2 саж.; отъ него на западъ есть 3 кургана, имѣющіе въ высоту $1\frac{1}{2}$ сажени.

Есть въ юрту:

1) «Четыре брата», находящіеся одинъ отъ другаго въ близкомъ разстояніи, отъ станицы отстоятъ они на разстояніи 25 версть.

2) Есть еще нѣсколько ничѣмъ не замѣчательныхъ кургановъ.

VI. *Усть Быстрианская станица*. Въ юрту этой станицы находится:

1) Городища: «Старая станица»; на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла церковь находится часовня (наплица); мѣсто это находится на разстояніи одной версты отъ станицы. Когда изъ старой станицы жители переселялись въ новую, не извѣстно. Какъ на причину же переселенія жителей съ одного мѣста на другое, старожилы указываютъ на размывъ Донцомъ старой станицы. На мѣстѣ старой станицы находятъ кости и стрѣлы.

2) «Хайлова кузня»; почему такъ названо это городище и кѣмъ, неизвѣстно; находится оно въ 100 саж. отъ старой станицы и на разстояніи одной версты отъ настоящей. Это есть ничто иное, какъ углубленіе въ скалъ, при входѣ въ нее: имѣеть въ высоту 5 арш. и вмѣстимостью равно 5 квадратнымъ саженимъ.

3) «Совинъ островъ» лежитъ противъ «Хайловой кузни» чрезъ протоку р. Донца. Говорятъ, что на этомъ мѣстѣ былъ огромный лѣсъ; названіе свое это мѣсто получило оттого, что въ давнее время жители, будто-бы, однажды вооружились къ бою, принявши крикъ совъ за голоса разбойниковъ. Жителей въ насмѣшку и теперь дразнятъ, «сову воевали».

Есть въ юрту Усть-Быстрианской станицы интересные курганы:

1) «Разрытый» названіе свое получилъ отъ впадины, которая есть въ срединѣ кургана; курганъ лежитъ въ полуверстѣ отъ хутора Рубажнаго.

2) «Темень курганъ» имѣеть въ длину 30 саж., въ высоту 2 саж., лежитъ въ 7 верстахъ отъ хутора Верхне-Калиновскаго; здѣсь было выпажано золотое кольцо.

3) Курганъ, безъ особаго названія, находящійся между балками Рубежной и Деминой, интересенъ въ томъ отношеніи, что 10 лѣтъ тому назадъ казаки И. Губинъ и П. Крюковъ вырыли въ немъ двѣ каменные статуи мужскую и женскую, которыя и теперь цѣлы.

4) Курганъ, тоже безъ названія, лежитъ въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Потапова на востокъ отъ него; въ немъ вырыта казакомъ І. Войновымъ пара стремянъ; въ курганѣ была зарыта лошадь съ сѣдломъ, потому что находили остатки сѣдельнаго дерева и лошадиныя кости. Есть еще нѣсколько незначительныхъ кургановъ.

VII. *Мартыновская волость.* Въ районѣ этой волости есть нѣсколько незначительныхъ кургановъ.

Второй Донской округъ.

I. *Атаманская станица.* Въ юрту этой станицы находятся :

Хуторище Чебаковское, имѣющее длинную форму надъ рѣкою Джурюкъ-Саломъ; вблизи отъ него есть родникъ съ хорошей водой; находится въ 10-ти верстахъ отъ станицы и въ 6-ти верстахъ отъ хутора Шабалина.

Въ юрту станицы есть и курганы :

1) «Чирской», названный такъ потому, что стоитъ на границѣ хутора Шабалина, гдѣ поселились казаки Чирской станицы; въ длину курганъ имѣетъ 90 аршинъ, въ высоту 10 аршинъ; находится въ 4-хъ верстахъ отъ станицы на востокъ.

2) «Длинный», имѣющій въ окружности 100 саж., въ высоту 6 аршинъ, въ длину 30 саж.; находится въ 6-ти верстахъ отъ станицы на сѣверъ отъ нея; около него много мелвихъ кургановъ.

3) Три кургана безъ названій; изъ нихъ одинъ имѣетъ въ высоту 4 арш., второй 3 арш. и третій $2\frac{1}{2}$ арш.; находятся въ 8 верстахъ отъ станицы; одинъ отъ другаго отстоятъ на 20 саж.

4) «Исаевскіе курганы» названы такъ оттого, что около нихъ казакъ Исай имѣлъ пашни; въ окружности каждый курганъ имѣетъ 40 саж., а въ высоту 8 аршинъ; лежатъ въ 15-ти верстахъ отъ станицы, на сѣверъ отъ нея; около нихъ лежатъ мелкіе курганчики.

II. *Баклановская станица.* Въ юрту этой станицы находится нѣсколько кургановъ съ названіями: 1) «Таскинъ» — въ 3-хъ верстахъ отъ станицы; 2) «Мечетинскій», — въ 7-ми верстахъ, 3) «Бударка», — въ 6-ти верстахъ, 4) «Поляковъ», — въ 3-хъ верстахъ отъ станицы; первые 3 лежатъ въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Кандаурова; 5) «Сизовъ», — въ 10-ти верстахъ отъ хутора Сизова;

6) «Калмыковъ», въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Ремизова и 7) два кургана безъ названій; всѣ курганы, кромѣ послѣднихъ двухъ, находятся въ степи, на правомъ берегу рѣки Дона; каждый курганъ въ окружности имѣеть отъ 40 до 60 саж., въ высоту отъ 3-хъ до 4-хъ саж.; названія получили или отъ владѣльцевъ бывшихъ на нихъ гумень, таковы: «Таскинъ», «Поляковъ», «Калмыковъ», или отъ близъ лежащихъ хуторовъ: «Мечетинскій», Сизовъ» и т. п.

Далѣе слѣдуютъ курганы: 8) «Абраимъ», имѣющій въ окружности 100 саж., а въ высоту 5 саж.; 9) «Моисѣевскій», 10) «Генеральскій», 11) «Агатовъ», 12) «Большой», 13) «Заволокинъ», 14) «Частые» и 15) два кургана безъ названій. Курганы эти находятся въ степи, на лѣвомъ берегу рѣки Дона; расположены одинъ отъ другаго на далекомъ разстояніи и неправильно; только «Частые» расположены въ формѣ круга, средину котораго занимаетъ одинъ большой. Около всѣхъ кургановъ видны слѣды глубокихъ канавъ, изъ которыхъ очевидно брали землю при насыпаніи кургановъ.

Въ юрту станицы есть урочища: «Квачникъ», «Савинъ», «Гришинъ», «двѣ Семиныхъ», «двѣ Зипунницы», «Шигоры», «Шалуновъ», «Атаманская», «Синичиха», «Калмыцкій», «Сарма», «Заплавный», «Карагодки», «Пышкина» и многія другія.

III. *Голубинская станица.* Въ юрту этой станицы находится городище— въ 4-хъ верстахъ отъ станицы, имѣеть форму трехъугольной площадки, шириной въ 70 саж., длиной въ 100 саж.; рвы съ половины площади идутъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ; глубиной рвы въ полъаршина, шириной въ полтора аршина; около городища есть конусообразные курганы, имѣющіе въ окружности отъ 4 до 7 саж., въ высоту отъ 2 до 3 аршинъ; городище это было изслѣдовано гг. Крымовымъ и Сизовымъ.

Около станицы есть нѣсколько кургановъ, но безъ названій.

Есть въ юрту и урочища: 1) «Савинъ», 2) «Большое займище», 3) «Орѣховое», 4) «Лазарева поляна», 5) «Вязники» и 6) «Поляки».

IV. *Иловлинская станица.* Въ юрту этой станицы находится городище, имѣющее названіе «Старая станица»; лежитъ это городище въ 7-ми верст. отъ станицы, на лѣвомъ берегу рѣки Дона; въ 60-хъ годахъ здѣсь найдена каменная баба и взята въ Новочеркасскъ, въ городской садъ.

Въ юрту станицы кургановъ и урочищъ нѣтъ.

V. *Ново-Григорьевская станица.* Въ юрту этой станицы находятся курганы.

1) «Разрытый»—въ 25-ти верстахъ отъ станицы, на лѣвомъ берегу рѣки Дона; верхъ его заваленъ; на немъ 12 ямъ; въ курганѣ находили четырехъугольные и круглые кирпичи.

2) «Кирпичный»—въ 30-ти верстахъ отъ станицы; величиною съ большой стогъ, верхъ его заваленъ.

3) «Честовскій» — въ 7-ми верстахъ отъ станицы, на правомъ берегу рѣки Дона; верхъ его заваленъ.

4) «Шпиль» — находится на правомъ берегу рѣки Дона, въ 9-ти верстахъ отъ станицы.

5) «Маякъ» — на правомъ берегу рѣки Дона, въ 2-хъ верстахъ отъ станицы; верхъ на немъ разрытъ; здѣсь находили татарскія деньги, похожія на четвертакъ.

Кромѣ того въ юрту этой станицы есть еще нѣсколько небольшихъ кургановъ, которыхъ средины завалены.

Въ юрту станицы есть урочища: 1) «Суходомъ», тутъ находится курганъ «Разрытый», 2) «Большое липовское»; здѣсь находится курганъ «Кирпичный», и 3) на правой сторонѣ рѣки Дона: «Маякъ», «Честовское» и «Шпиль».

VI. *Нижне-Курмуарская станица.* Въ юрту этой станицы находятся курганы:

1) «Плясовъ» — кругообразный, имѣющій въ окружности 40 сажень, въ вышину 5 сажень, лежитъ въ самой станицѣ.

2) «Мурзавецкій», — имѣющій такую же форму, какъ и «Плясовъ», въ окружности имѣетъ 35 саж., въ вышину 6 сажень, находится въ 8-ми верстахъ отъ станицы.

3) «Лепунный», имѣющій продолговатую форму; въ окружности имѣетъ 40 саж. и въ вышину 6 саж.; находится въ 2-хъ верстахъ отъ хутора Королева.

VII. *Нижне-Чирская станица.* Въ юрту этой станицы нѣтъ ни городищъ, ни кургановъ. Но въ самой станицѣ есть урочище «Вѣковой дубъ», растущій надъ яромъ протока Боброва.

VIII. *Потемкинская станица.* Въ юрту этой станицы находится городище «Старый городокъ» — въ 2-хъ верстахъ отъ станицы, на сѣверъ отъ нея; въ окружности имѣетъ 2 версты; образуетъ поляну среди урочища «Старая лука»; слѣды ровъ и валовъ едва замѣтны. На этомъ мѣстѣ до Пугачевского бунта былъ Зимовейскій городокъ; послѣ казни Пугачева жители выселились на другое мѣсто; новая станица названа въ честь князя Потемкина «Потемкинскою»; рвы и валы на этомъ городищѣ окружаютъ, какъ говорятъ, мѣсто жительства казака Емельяна Пугачева. Мѣсто это было наказано кнутомъ чрезъ палача и проклято.

Есть въ юрту станицы и курганы:

1) «Золотой» — на старомъ городкѣ, въ 2 хъ верстахъ отъ станицы, названіе свое получилъ оттого, что поверхность его покрыта золотистымъ пескомъ; верхъ имѣетъ плоскій, въ окружности имѣетъ до 200 сажень.

2) «Пять карауловъ»; на этомъ курганѣ держались караулы во время холеры; лежитъ въ 5-ти верстахъ отъ станицы.

3) «Частые курганы» — группа, состоящая изъ пяти кургановъ.

4) «Наумкинъ» — въ 15-ти верстахъ отъ станицы на востокъ.

5) «Бударка» — продолговатой формы; находится въ 30-ти верстахъ отъ станицы, на юго-востокъ отъ нея.

6) «Федякинъ» — на западъ отъ станицы.

7) «Рожновъ» — въ 10-ти верстахъ отъ станицы, на западъ отъ нея; курганы эти состоятъ изъ песку; каждый изъ нихъ имѣетъ въ окружности отъ 80 до 150 саж.; названія свои получили отъ того, что на «Наумкиномъ» курганѣ замерзъ казакъ Наумкинъ; «Бударка» похожъ на баржу — будару; на «Федякиномъ» зарѣзанъ казакъ Федоръ; на «Рожновѣ» 100 лѣтъ назадъ повѣшенъ челоуѣкъ за убійство; «Частые» — названы по расположенію ихъ.

Въ юрту станицы есть урочища: 1) «Старая Лука»; 2) «Созонцы» — мѣсто, гдѣ былъ амбаръ Емельки Пугачева; 3) «Бабыя осада» — мѣсто, гдѣ спасались женщины отъ чересовъ разорившихъ станицу Романовскую; 4) «Большая», 5) «Молодая», 6) «Зимовская», 7) «Аксенскіе и Щельевскіе бугры».

IX. *Сиротинская станица.* Въ юрту этой станицы находятся курганы:

1) «Шиханъ» — въ 15-верстахъ отъ станицы; съ одной стороны — къ яру онъ крутъ, съ другой — къ станицѣ покатъ; на немъ есть еще курганъ, а на верху съ восточной стороны яма; здѣсь рыли яму и находили мелкіе уголья и песокъ. Есть преданіе, что здѣсь былъ поселокъ.

2) Въ юрту станицы есть курганы: «Каменная»; въ давнее время вырытъ здѣсь мѣдный сосудъ въ видѣ купола; курганъ этотъ находится въ 3-хъ верстахъ отъ станицы Сиротинской.

3) «Стожокъ» — на яру «Крутая равнина». Говорятъ, что здѣсь зарытъ кладъ; курганъ этотъ въ окружности имѣетъ 200 саж., въ вышину 30 саж.; со всѣхъ сторонъ крутъ, на верху его есть яма.

4) «Разрытый» — въ 2-хъ верстахъ отъ поселка Нижне-Бузиновскаго, между рѣками Ерикомъ и Лиской; въ окружности имѣетъ 15 саж., въ вышину 3 арш.; на вершинѣ его есть яма, въ углу этой ямы нашли дубовые крючья, въ родѣ тѣхъ, на которые кладется крыша.

Кромѣ того на «Песчаной горѣ» есть выходъ, выложенный въ глубь тесаннымъ камнемъ и усыпанный землею.

Есть въ юрту этой станицы урочища — «буеракъ Булавинскій», находится въ 6-ти верстахъ отъ хутора Луковина; здѣсь по преданію жилъ и укрывался разбойникъ Булавинъ со своей шайкой.

X. *Трехъ-Островянская станица.* Юртъ названной станицы не богатъ вообще курганами; наиболѣе интересны:

1) «Кирпичный» — въ 10-ти верстахъ отъ хутора Вертячаго; въ немъ находятъ кирпичъ.

2) «Голый» — въ 14 верстахъ отъ хут. Вертячаго, на юго-востокъ отъ него.

3) «Стожокъ» — расположенъ возлѣ самаго хутора Кубароженскаго, на востокъ отъ него.

4) «Фіоры» — въ полуверстѣ отъ станицы, на югъ отъ нея.

5) «Рытый» — въ 4-хъ верстахъ отъ станицы, на западъ отъ нея. Въ высоту эти курганы имѣютъ отъ 2 до 5 саж., въ окружности отъ 20 до 40 саж.; одинъ отъ другаго находится на разстояніи отъ 50 до 100 саж.

Урочища этой станицы слѣдующія: 1) «Ратное», 2) «Соколовскій островъ» и 3) «Черная тубка».

XI. *Юрта Терновской станицы.* Въ юрту станицы есть курганы:

1) «Мурзавецкій» — въ окружности имѣетъ 113 саж. 2 арш., чрезъ верхъ 40 саж. 5 $\frac{1}{2}$ арш., лежитъ на правой сторонѣ р. Дона въ 2 верстахъ отъ станицы.

2) «Большой курганъ» — въ окружности имѣетъ 97 саж. 2 $\frac{1}{2}$ арш., чрезъ верхъ 47 саж. 2 арш. и 13 вершковъ; лежитъ тоже на правой сторонѣ рѣки Дона въ 8-ми верстахъ отъ станицы.

XII. *Цылланская станица.* Въ юрту этой станицы находятся два городища.

1) Первое находится въ 7-ми верстахъ отъ станицы, съ лѣвой стороны р. Дона; форма его круглая; въ величину оно имѣетъ полверсту; валы имѣютъ въ высоту 2 саж., а въ ширину 2 арш.; рвы имѣютъ въ ширину 10 саж., глубиной 2 саж.; около городища есть курганъ, имѣющій въ окружности 50 саж., въ высоту 3 сажени.

2) Второе городище продолговатое — находится въ 6 верстахъ отъ станицы на правой сторонѣ р. Дона; въ длину оно имѣетъ около полуверсты; валы имѣютъ въ высоту 1 саж. 1 $\frac{1}{2}$ арш. и въ ширину 1 саж.; ровъ пѣтъ. Говорятъ, что городища эти принадлежали татарамъ. На курганахъ находятся квадратные камни и осколки сосудовъ. Лѣвое городище въ 1883 г. было исследовано членомъ Московскаго археологическаго общества В. И. Сизовымъ.

Есть въ юрту станицы и курганы:

1) «Конопинны» — находятся саженьхъ во 100 отъ хутора Полова. 2) «Бѣгучій», 3) «Антоновъ», 4) «Караулъ» и 5) «Воровскіе курганы»; всѣ эти курганы лежатъ по правой сторонѣ рѣки Дона; каждый изъ нихъ имѣетъ въ окружности 150 саж., въ высоту 3 саж.; неизвѣстно, отъ чего эти курганы получили свои названія.

Въ юрту станицы есть урочища:

1) «Зимовское» и 2) «балка Петайновская».

XIII. *Чернышевская станица.* Въ юрту этой станицы находятся слѣдующіе интересные курганы:

1) Одинъ находится близъ станицы, на Яновскомъ участкѣ; въ окружности имѣетъ 87 саж., чрезъ верхъ 29 саж.; курганъ этотъ на востокъ крутой, на западъ — пологій.

2) «Красноярскій» — находится въ 5-ти верстахъ отъ станицы, на востокъ отъ нея; въ окружности имѣетъ 136 саж., чрезъ верхъ 38 саж.; вокругъ кургана этого проходитъ валъ, заросшій травой.

3) Въ 5-ти саженьяхъ отъ «Красноярскаго» кургана лежитъ курганъ не имѣющій названія; на верху его яма, въ которой растутъ бузина и крушина, въ окружности этого кургана 67 саж., чрезъ верхъ 15 саж.

4) «Маячный» — находится въ 5-ти верстахъ отъ станицы; въ окружности имѣеть 55 саж., чрезъ верхъ 17 саж.

5) Безъ названія — находится въ 6-ти верстахъ отъ хутора Русаковского, близъ балки широкой; въ окружности имѣеть 66 саж., чрезъ верхъ 30 саж., на сѣверо-востокъ курганъ этотъ съ крутизною, на западъ пологъ; на верху его есть яма, родъ землянки.

6) Въ 10-ти саженьяхъ отъ этого кургана лежитъ курганъ, тоже безъ названія; по величинѣ онъ гораздо меньше предъидущаго.

7) «Садчиковъ» — лежитъ въ разстояніи одной версты отъ хутора Арженоскаго, на востокъ отъ него; на сѣверо-восточной сторонѣ этого кургана замѣчается что-то вродѣ дверей, ведущихъ въ какой-то проваль.

8) «Симоновъ» — лежитъ въ одной верстѣ отъ хутора Осиповскаго, на востокъ отъ него; въ окружности имѣеть 48 саж., чрезъ верхъ 16 саж., форму имѣеть продолговатую; на верху его яма.

9) «Бардаковъ» — въ 1 верстѣ отъ хутора Осиповскаго, на западъ отъ него, въ окружности имѣеть 70 саж., чрезъ верхъ 26 саж.; форму имѣеть круглую.

10) «Безъ названія» — въ 200 саж. отъ хутора Глазновскаго, на юго-западъ отъ него; въ окружности имѣеть 70 саж., чрезъ верхъ 22 саж.

11) «Кирпичный» — въ 5-ти верстахъ отъ хутора Варламова; въ окружности имѣеть 24 саж., чрезъ верхъ 8 саж.; въ ямѣ, находящейся на верху кургана, находятъ обыкновенной формы кирпичи и камни.

12) «Глазновскій» — въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Варламова; въ окружности имѣеть 120 саж., чрезъ верхъ 25 саж.; на западъ этотъ курганъ удлинень.

XIV. *Добринская волость.* Въ районѣ этой волости находятся :

1) «Старчики» — мѣсто старой слободы; лежитъ въ 4-хъ верстахъ отъ слободы Добринской, съ правой стороны рѣки Добрай; здѣсь видно нѣсколько ямъ, расположенныхъ рядомъ. Говорятъ, что около 90 лѣтъ тому назадъ, здѣсь было поселеніе графа Денисова. 2) «Старая слобода», находится въ 1-й верстѣ отъ Старчиковъ и въ разстояніи полутора версты отъ слободы Добринской; замѣтно, что постройки расположены были на протяженіи полутора версты по обѣ стороны рѣки. На старомъ селищѣ много ямъ, идущихъ въ два ряда одинъ отъ другаго, на разстояніи 5—6 саж.; это — мѣста домовъ; посрединѣ, какъ видно, шла улица, въ концѣ городища находится яма длиною въ 7 саж., шириною въ 4 саж. и глубиною въ $1\frac{1}{2}$ саж., съ канавою посрединѣ; тутъ, очевидно, былъ выходъ; кругомъ этой ямы какъ-бы остатки фундамента; на югъ отъ этого мѣста есть еще яма шириною въ 4 саж. Все это находится у самой рѣки Добрай — на курганѣ въ 7 саж. вышиною. На этомъ мѣстѣ также было поселеніе

крестьянъ Орлова-Денисова; рѣчка пересохла, но графъ прочистилъ, «сдобрилъ» ее, отчего она и получила свое названіе. На мѣстѣ стараго селища находятъ осколки камней и, очень рѣдко, кирпичи.

Въ районѣ волости есть курганы съ названіями:

1) Курганы на «Каменной» — группа изъ 7-ми кургановъ, стоящихъ рядомъ, въ одной верстѣ отъ балки Каменной, отъ которой и получили свое названіе, и въ такомъ же разстояніи отъ слободы Добринской, на югъ отъ нея; первый курганъ въ окружности имѣетъ 66 сажень, въ вышину 3 саж., съ валомъ; второй, третій, четвертый и пятый курганы каждый въ окружности имѣютъ по 30 саж., въ вышину по $1\frac{1}{2}$ саж.; седьмой курганъ имѣетъ въ окружности 41 саж., въ вышину 2 саж., съ небольшимъ валомъ; отстоятъ эти курганы одинъ отъ другаго на 50 саж.; въ первомъ изъ нихъ было вырыто много стрѣлъ, въ видѣ казачьей пики съ перьями на тупомъ концѣ древка; находимы были также человѣческія кости; вокругъ всѣхъ этихъ кургановъ съ сѣвера и востока находятся ложбины или впадины; отсюда, очевидно, брали землю для насыпки кургановъ.

2) Два кургана «на Длинной»; находятся въ 200 саж. отъ первыхъ кургановъ и въ полутора верстахъ отъ слободы Добрай; первый курганъ въ окружности имѣетъ 30 саж., въ вышину 1 саж.; съ двухъ сторонъ его есть ложбины; второй курганъ находится въ 100 саж. на востокъ отъ перваго, въ окружности имѣетъ 37 саж., въ вышину 2 саж., съ ложбинами; курганы эти изслѣдованы не были.

3) «Разрытые курганы» — три кургана, расположенные вмѣстѣ на самомъ верху балки Длинной, въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ слободы Добрай; первый курганъ имѣетъ въ окружности 27 саж., въ вышину $1\frac{1}{2}$ саж., первый курганъ отъ втораго кургана находится въ 6 саж.; второй курганъ въ окружности имѣетъ 26 саж., въ вышину 1 саж., а третій курганъ въ окружности имѣетъ 25 саж., въ вышину $\frac{1}{2}$ саж.; съ двухъ сторонъ каждаго кургана находятся ложбины; первый изъ этихъ кургановъ разрытъ, слѣдами раскопки остаются двѣ глубокия ямы; на этомъ курганѣ растеть яблоня.

4) «Трясинневскіе» — два кургана расположенные вмѣстѣ, на востокъ отъ «Разрытыхъ», въ 4-хъ верстахъ отъ нихъ, надъ Александринымъ логомъ; оба кургана въ окружности имѣютъ по 38 саж., въ вышину по 2 саж., съ двухъ сторонъ имѣютъ ложбины.

5) «Трясинниковъ» — въ полуверстѣ отъ предыдущихъ, на востокъ отъ нихъ; въ окружности имѣетъ 26 саж., въ вышину $1\frac{1}{2}$ сажени.

6) «Нагибины» — группа изъ 3-хъ кургановъ, расположенныхъ вмѣстѣ на гребнѣ; изъ нихъ первый въ окружности имѣетъ 42 саж., въ вышину 3 саж.; отъ этого кургана на востокъ идетъ большой въ 10 саж. валъ до другаго кургана, который имѣетъ въ окружности 50 саж., въ вышину 2 саж.;

отъ этого-же кургана до третьяго кургана ведетъ валъ въ 10 саж.; третій курганъ въ окружности имѣеть 30 саж., въ вышину 2 сажени.

7) 11 кургановъ безъ названій; каждый курганъ въ окружности имѣеть по 27 саж., въ вышину по 1 саж.; расположены на возвышенностяхъ; три изъ нихъ расположены вмѣстѣ; въ разстояніи 1 версты отъ этихъ кургановъ лежатъ еще два кургана; затѣмъ опять три кургана, расположенные одинъ отъ другаго на разстояніи 3-хъ верстъ; въ разстояніи 4-хъ верстъ отъ этихъ кургановъ есть еще три кургана, отстоящіе одинъ отъ другаго въ полуверстѣ.

8) «Луняинъ» и «Тараскинъ» — находятся близъ балокъ тѣхъ же названій на возвышенности; въ окружности имѣютъ по 40 саж., въ вышину по 4 саж.; на востокъ отъ нихъ есть лиманъ — безъ воды.

9) «Даммокинъ» — на лугу въ лѣсу, въ окружности имѣеть 27 саж., въ вышину 2 саж.; на верху его двѣ ямы, а вокругъ еще 4 ямы; говорятъ, что здѣсь жили разбойники; кругомъ кургана было 12 яблонь, изъ нихъ 4 и теперь еще растутъ.

Миусскій округъ.

I. *Анастасіевская волость*. Въ районѣ этой волости находятся слѣдующіе курганы:

1) «Глиняный курганъ» — находится въ 7 верстахъ отъ поселка Марѣинскаго, на возвышенномъ мѣстѣ, по лѣвой сторонѣ рѣки мокраго Еланчика; въ окружности имѣеть 63 саж., въ вышину 20 саж.

2) «Купеческій курганъ» — находится тамъ-же, гдѣ «Глиняный»; въ окружности имѣеть 63 саж., въ вышину 20 саж.; по обѣ его стороны на востокъ и югъ въ рядъ по 3 кургана; каждый изъ нихъ въ окружности имѣеть 26 саж., въ вышину 2 саж.

3) Далѣе на правой сторонѣ Еланчика, на вершинѣ балки Куцой, тоже идутъ курганы; изъ нихъ первый въ окружности имѣеть 60 саж., въ вышину 18 саж.; второй находится отъ перваго въ разстояніи 28 саж., въ окружности имѣеть 60 саж., въ вышину 20 саж.; третій находится на вершинѣ балки Шкарбовоной и имѣеть въ окружности 60 саж., въ вышину 16 саж. Эти курганы находятся въ 3-хъ верстахъ отъ слободы Анастасіевки.

4) На лѣвой сторонѣ Еланчика лежатъ три кургана: 1-й въ окружности имѣеть 50 саж., въ вышину 18 саж.; второй въ окружности имѣеть 16 саж., въ вышину 12 саж.; 3-й въ окружности имѣеть 14 саж., въ вышину 3 саж.

5) «Калиновскій» курганъ — на лѣвомъ берегу рѣки Еланчика, на возвышенности въ 4-хъ верстахъ отъ поселка Васильевскаго, въ окружности имѣеть 25 саж., въ вышину 20 саж.

6) «Баба» — тамъ же на возвышенномъ мѣстѣ въ 6-ти верстахъ отъ поселка Васильевского; въ окружности имѣеть 35 саж., въ вышину 15 саж.

7) «Хандогинъ» — курганъ на правомъ берегу рѣки Еланчика, въ одной верстѣ отъ поселка Васильевского; въ окружности имѣеть 30 саж., въ вышину 16 сажень.

II) *Астаховская волость*. Въ районѣ этой волости находятся слѣдующіе курганы:

1) «Попасный», 2) «Уланскій», 3) «Разсыпной», 4) «Бузиновъ», 5) «Королевъ»; находятся въ 4-хъ верстахъ отъ слободы Астаховой.

Урочище въ этой волости нѣтъ, но есть такъ называемыя «Злодѣйскія пещеры». Ихъ двѣ; находятся онѣ надъ рѣкою Крѣпкой, въ отъѣсной скалѣ; первая пещера (или печера) имѣеть видъ жилой комнаты, величиною въ 4 квадратныхъ аршинъ; къ западной сторонѣ ея есть нѣчто вродѣ стола или кровати; есть двое дверей: однѣ на востокъ, другія на сѣверь. Съ горы въ пещеру есть сходъ, который, впрочемъ, заваленъ; двери расположены одна противъ другой: къ рѣчкѣ и къ скалѣ. Вторая пещера внутри занимала до 6 квадратн. саж., въ вышину до 2-хъ саж. Пещера эта отъ времени осѣбла и засыпалась. По преданію, въ пещерахъ жили разбойники; первая пещера была, будто-бы, жилой комнатой, а вторая конюшнею; въ ней будто-бы были ясли изъ камня, а посреди деревянный столбъ, окованный желѣзомъ съ кольцами для привязи лошадей. Впрочемъ ничего не находили здѣсь. Пещеры эти находятся въ 3-хъ верстахъ отъ слободы Астаховой.

III. *Бобринковская волость*. Въ районѣ этой волости находятся 20 кургановъ: 6-ть близъ поселка Тузлово-Александровскаго и 11 кургановъ близъ поселка Ново-Красновскаго. Курганы эти стоятъ или одиноко, или по нѣскольку кургановъ вмѣстѣ. Курганъ, извѣстный подъ названіемъ «Верблюдь», по сходству съ верблюдомъ, имѣеть въ вышину 40 саж., въ ширину 15 саж., въ длину 60 саж. и находится въ 1¹/₂ верстахъ отъ поселка Тузлово-Александровскаго на лугу близъ р. Тузлова.

IV. *Голодаевская волость*. Въ районѣ этой волости находятся слѣдующіе курганы:

1) «Бабински могилы» — группа изъ 3-хъ большихъ и нѣсколькихъ малыхъ, которые тянутся отъ юго-запада къ сѣверо-востоку и соединены между собою насыпью; 1-й—имѣеть въ окружности 120 арш., въ вышину 24 арш.; 2-й — имѣеть въ окружности 114 арш., въ вышину 21 арш.; 3-й — въ окружности 66 арш., въ вышину 15 арш.; находятся курганы на разстояніи 6 верстъ отъ слободы Голодаевки.

2) «Убиенная могила» — группа изъ 3-хъ кургановъ; главный въ окружности имѣеть 162 арш.; въ вышину 33 арш.; названіе свое получилъ отъ того

что одинъ крестьянинъ убилъ на немъ пастуха; находятся въ 12-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ слободы Голодаевки.

3) «Кожомыны могилы» — идутъ цѣпью; главный курганъ имѣеть въ окружности 105 аршинъ, въ высоту 21 арш.; получилъ названіе отъ бывшаго вблизи хутора Кожомы; находится на разстояніи 12-ти верстъ на сѣверо-востокъ отъ слоб. Голодаевки.

4) «Каменскія могилы» — группа изъ 4-хъ кургановъ, изъ нихъ каждый состоитъ какъ-бы изъ двухъ кургановъ; главный имѣеть въ окружности 196 арш., въ высоту 24 арш.; получилъ названіе отъ дороги, идущей вблизи на поселокъ Каменку; находится въ 15-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ слободы Голодаевки.

5) «Кошевая могила» — получилъ названіе отъ сбора крестьянъ «кошемъ» предъ выѣздомъ на полевая работы; имѣеть въ окружности 177 арш., въ высоту 30 арш., находится въ 12-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ слоб. Голодаевки.

6) «Почтовые курганы» — группа изъ шести большихъ кургановъ. 1-й въ окружности имѣеть 93 арш., въ высоту 15-ть арш.; 2-й въ окружности имѣеть 108 арш., въ высоту 18 арш.; 3-й въ окружности имѣеть 219 арш., въ высоту 42 арш.; 4-й въ окружности имѣеть 123 арш., въ высоту 18 арш.; 5-й въ окружности имѣеть 192 арш., въ высоту 24 арш.; 6-й курганъ есть какъ-бы соединеніе трехъ кургановъ и имѣеть въ окружности 234 аршина, въ высоту 30 арш.; названіе свое получилъ отъ проходившей здѣсь почтовой дороги. Изъ нихъ 1-й, 2-й и вершина 5-го кургана разрыты; въ 1-мъ найдено нѣсколько статуй; во 2-мъ одна статуя. Кромѣ того преданіе гласить, что крестьяне Марченко и Цыба вырыли въ 1-мъ деньги.

7) «Бузиповые курганы» — группа изъ 14-ти кургановъ; главный изъ нихъ въ окружности имѣеть 199 арш., въ высоту 24 арш. 2-й въ окружности имѣеть 78 арш., въ высоту 12 арш.; получили названіе отъ росшей когда-то здѣсь бузины; 2-й курганъ разрытъ и покрытъ терномъ.

8) «Мержанка» — въ 6-ти верстахъ на востокъ отъ слоб. Голодаевки, имѣеть въ окружности 108 арш., въ высоту 24 арш.

9) «Безбражна могила» — получилъ названіе отъ хутора крестьянина «Безбражнаго»; имѣеть въ окружности 126 аршинъ, въ высоту 24 арш., находится въ 8-ми верстахъ отъ слободы Голодаевки на востокъ отъ нея.

Кромѣ того въ районѣ слободы Голодаевки находится еще нѣсколько малыхъ кургановъ, которые и носятъ названіе по мѣсту своего нахождения.

Въ районѣ волости есть урочище «Погребъ» — на лѣвомъ берегу Муса подъ крутымъ берегомъ; это есть ничто иное, какъ площадь, имѣющая въ окружности 6 саж.; по сторонамъ ея растутъ деревья. По преданію здѣсь былъ погребъ, въ коемъ были деньги; погребъ копали, но ничего въ немъ не нашли.

V. *Грабовская волость.* Въ районѣ этой волости находятся курганы:

1) «Острая могила»;—название свое получилъ оттого, что верхъ его выведенъ остро; въ окружности имѣеть 50 саж., въ высоту 10 саж.; на восточной сторонѣ его находится насыпной валъ, а въ концѣ вала на 25 саж. небольшой курганъ; на западѣ еще два небольшихъ кургана—1-й въ 90 саж., и 2-й въ 80 саж.; расположены въ 5-ти верстахъ отъ слоб. Грабовской на западѣ отъ нея. Кромѣ того около Глуховскихъ лѣсовъ много мелкихъ кургановъ. Преданіе гласить, что въ этихъ мелкихъ курганахъ до потопа хоронили покойниковъ богачей.

VI. *Дарьевская волость.* Въ районѣ этой волости находятся курганы:

1) «Сборный курганъ»—название свое получилъ оттого, что крестьяне на немъ собирались для раздѣла земли; имѣеть въ окружности 26 саж., въ высоту 7 арш., находится въ 7 верстахъ отъ слоб. Дарьевки.

2) «Куричій курганъ»—получилъ название отъ балки, въ вершинѣ которой стоитъ; имѣеть въ окружности 20 саж., въ высоту 5 арш.; находится въ 6-ти верстахъ отъ слободы Дарьевки.

Въ районѣ волости есть и урочища: 1) «Широкая балка» въ 1½ версты отъ слоб. Дарьевки; 2) «Кожная» — шириною 300 саж.; 3) «Куприянова» — шириною 60 саж.; оба въ 2-хъ верстахъ отъ слободы Дарьевки и 4) «Куричья»—шириною въ 30 саж., глубиной въ 15 саж.

VII. *Криничанская волость.* Въ районѣ этой волости находятся:

1) Городище «Городки» — возвышенность, имѣющая въ окружности 350 саж. и расположенная въ 120 саж. отъ рѣчки Кундрючьей; на этой возвышенности есть 12 ямъ, идеть параллельно искусственной балкѣ, на сѣверной сторонѣ которой находится перерытый ископателями руды курганъ. По разсказамъ жителей, «Городки» искусственно были перерѣзаны балкой. Болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, говорятъ, здѣсь былъ притонъ разбойниковъ, а чрезъ Кундрючью будто-бы былъ желѣзный мостъ, который здѣсь же гдѣ-то зарытъ. Городище это находится въ 8-ми верстахъ отъ слободы Криничанской на западѣ отъ нея.

Въ районѣ волости очень много кургановъ, изъ нихъ замѣчательны:

1) «Туръ» — въ окружности имѣеть 35 саж., чрезъ верхъ 15 саж., покрытъ искусственно камнемъ. Говорятъ, что на вершинѣ «Тура» былъ выложенъ камнемъ колодець, а въ него будто-бы вставленъ былъ столбъ, теперь вынутый. При размежеваніи земель, курганъ этотъ служилъ маякомъ. «Туръ» раздѣленъ межею пополамъ; находится онъ въ 4-хъ верстахъ отъ Криничанской слободы.

Вблизи названнаго кургана находятся еще три; 1-й на юго-западѣ въ 15-ти, саж. такой же формы, продолговатый, 2-й на востокъ въ 10-ти саж. обыкновенной формы, 3-й въ хъ ниже и меньше.

2) «Таловскіе курганы» — два кургана, имѣющіе общій корпусъ, а вершины отдѣльныя; въ длину вмѣстѣ имѣють 45 саж.; въ ширину, гдѣ слиты, 25 саж.; вершина южнаго кургана скрыта; найдены камни; курганы были искусственно покрыты хорошимъ камнемъ, который и забранъ на Донецко-каменно-угольную желѣзную дорогу; получили свое названіе отъ балки, вблизи которой находятся; расположены въ 10-ти верст. отъ Криничанской слободы.

3) На востокъ отъ «Таловскихъ кургановъ» находятся два кургана: 1-й въ 15-ти саж. отъ «Таловскихъ кургановъ», чрезъ верхъ имѣеть 30 саж., 2-й въ 35-ти саж. отъ вышеуказанныхъ кургановъ.

4) Вокругъ же «Таловскихъ кургановъ» — 10 маленькихъ кургановъ, которые называются «могилками».

VIII. *Маклевская волость.* Въ районѣ этой волости находятся курганы:

1) «Кардонные» — три вмѣстѣ; въ окружности имѣють отъ 32 до 47-ми саж., въ вышину отъ 2-хъ до 3-хъ саж.; круглой формы, названы такъ потому, что въ старину мимо нихъ шла кардонная или таможенная ливія; въ 2-хъ верстахъ отъ пос. Марьевки на востокъ.

2) «Острыя могилы» — тоже три кургана въ окружности имѣють отъ 27 до 84 саж., въ вышину отъ 2¹/₂ до 3 саж.; форму имѣють острую; въ 1¹/₂ верстахъ отъ поселка «Марьевки» на сѣверо-востокъ; названы по своей остроночной формѣ.

3) Нѣсколько кургановъ по сторонамъ дороги, ведущей изъ Марьевки въ поселокъ Нижне-Крынской; въ курганахъ находили камни, обдѣланные для постройки.

4) Кроме того есть интересные курганы безъ названій на Григорьевской экономической степи; 1-й въ окружности 34 саж., чрезъ верхъ 11 саж.; 2-й въ окружности 38 саж., чрезъ верхъ 22 саж.; 3-й въ окружности 25 саж., чрезъ верхъ 8 саж.

5) На землѣ г-жи Муженковой 5 кургановъ: 1-й въ окружности имѣеть 30 саж., чрезъ верхъ 13 саж.; 2-й въ окружности 32 саж., чрезъ верхъ 9 саж., 3-й въ окружности 22 саж., чрезъ верхъ 7 саж.; 4-й въ окружности 26 саж., чрезъ верхъ 9 саж., и 5-й въ окружности 21 саж., чрезъ верхъ 5 саж.

6) На крестьянской землѣ въ Григорьевской степи находится курганъ, имѣющій въ окружности 26 саж., чрезъ верхъ 10 саж.

7) «Берестовскій курганъ» имѣеть въ окружности 45 саж., чрезъ верхъ 15 сажень.

8) «Цымбаловъ курганъ» имѣеть въ окружности 42 саж., чрезъ верхъ 15 саж., находится на экономической степи.

9) «Баба» — въ окружности имѣеть 47 саж., чрезъ верхъ 17 арш., около него есть еще курганы; 1-й въ окружности имѣеть 45 саж., чрезъ верхъ 13 саж., 2-й въ окружности имѣеть 39 саж., чрезъ верхъ 9 саж., 3-й въ окруж-

ности имѣеть 25 саж., чрезъ верхъ 8 саж.; 4-й въ окружности имѣеть 45 саж., чрезъ верхъ 11 саж.; 5-й въ окружности имѣеть 24 саж., чрезъ верхъ 7 саж.

10) Курганы безъ названій: 1-й въ окружности имѣеть 42 саж. чрезъ верхъ 14 саж.; 2-й въ окружности имѣеть 29 саж., въ вышину 9 саж.; 3-й въ окружности имѣеть 37 саж., чрезъ верхъ 13 саж., надъ Магѣвской дорогой на вершинѣ Грузской балки.

11) «Горѣлая могила», одинъ въ окружности имѣеть 100 саж., въ вышину 34 саж., и кромѣ этого еще 3 кургана, въ 4-хъ верстахъ отъ поселка Калинова на востокъ.

12) «Бузиноватая могила», тоже 4 кургана; одинъ изъ нихъ въ окружности имѣеть 41 саж., въ вышину 2 саж. 1½ арш.; въ 5-ти верстахъ отъ зеленого поля на сѣверъ.

13) «Казацкая могила»; въ окружности имѣеть 30 саж., въ вышину 1 саж. 2 арш., въ 5-ти верстахъ отъ зеленого поля на сѣверъ. Название свое получилъ оттого, что здѣсь стояли казаки.

14) Безъ названій два кургана на Григорьевской экономической степи 1-й въ окружности имѣеть 46 саж., чрезъ верхъ 16 саж.; 2-й въ окружности имѣеть 29 саж., чрезъ верхъ 11 саж.

15) «Трусовскіе курганы»: 1-й въ окружности имѣеть 41 саж., чрезъ верхъ 14 саж., 2-й въ окружности 38 саж., чрезъ верхъ 13 саж., 3-й въ окружности 50 саж., чрезъ верхъ 17 саж. и 4-й въ окружности имѣеть 35 саж., чрезъ верхъ 12 саж.; находятся на Григорьевской экономической степи.

16) «Острый курганъ»; въ окружности имѣеть 20 саж., въ вышину 5 саж., въ 4-хъ верстахъ отъ поселка Евдокіевского на югъ.

IX. *Мѣшковская волость*. Въ районѣ Мѣшковской волости находятся:

1) Безъ названій два кургана круглой формы, средней величины; одинъ отъ другаго отстоятъ верстахъ въ 2-хъ; находятся въ 1-й верстѣ отъ поселка Калужскаго, 1-й лежитъ на востокъ, 2-й на западъ.

2) «Війская могила» — имѣеть въ окружности 10 саж., въ вышину 2 саж., на востокъ отъ слободы Артемовки.

X. *Федоровская волость*. Въ районѣ этой волости находятся 23 кургана. Самый большой изъ нихъ называется «Бурашкинъ»; название свое получилъ оттого, что лѣтъ 30 тому назадъ на немъ погребень калмыкъ Бурашка; имѣеть въ окружности 82 саж., чрезъ верхъ 28 саж.; находится въ 2-хъ верстахъ отъ слободы Федоровской, на югъ отъ нея.

2) Отъ него въ 10-ти саж. на юго-востокъ находятся еще два небольшіе кургана безъ названій.

3) Остальные 20 кургановъ расположены въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно по гребнямъ. Древнихъ названій этихъ кургановъ никто не знаетъ, и теперь называются они по дорогамъ, такъ: Федоровскій, Грековскій и т. д. Впрочемъ одинъ называется «Байбачій», потому что на немъ и вблизи его водились байбаги.

Донецкій округъ.

I. *Владимѣрская станица.* Въ юрту этой станицы находятся курганы:

1) «Гараськинъ», 2) «Савельевъ» и 3) «Ошбовскій». Последний курганъ получилъ свое названіе отъ балки Ошбей, близъ которой стоитъ онъ.

II. *Гундоровская станица.* Въ юрту этой станицы находится одно городище, расположенное на низменномъ мѣстѣ, которое занимаетъ полою водою, по лѣвую сторону рѣки Донца, отъ хутора старой станицы въ полутора верстахъ, на западъ отъ станицы. Городище извѣстно подъ названіемъ «Городокъ». Слѣдовъ рововъ и валовъ, когда-либо существовавшихъ, не замѣтно; остатковъ кирпича и камней нѣтъ; вещей никакихъ и никогда на мѣстѣ городища не находили. Одни только небольшія возвышенія (бугорки) и углубленія (ямы) свидѣтельствуютъ о бывшихъ когда-то на этомъ мѣстѣ землянкахъ.

Въ юрту станицы есть интересные курганы:

1) «Богатырь» — находится на лѣвой сторонѣ балки «Деревечки», не далеко отъ ея вершины, отъ хутора же «Деревечки» верстахъ въ четырехъ и отъ самой станицы верстахъ въ 35-ти. Около него въ разстояніи отъ 3-хъ до 4-хъ сажень другой большой курганъ; оба они имѣютъ въ высоту до 3-хъ сажень, а въ окружности до 25 сажень. Почему дано кургану такое названіе, никто не знаетъ, и въ народѣ объ этомъ никакихъ преданій не сохранилось.

2) «Ермакъ» — находится на низменномъ мѣстѣ, занимаемомъ водою во время разлива рѣки Донца, по лѣвую его сторону въ полутора верстахъ отъ хутора Старой станицы и въ полумверстѣ отъ вышеназваннаго городища на берегу Ермаковского озера; въ высоту этотъ курганъ имѣетъ отъ 4 до 5 саж. и въ окружности при основаніи до 200 сажень.

3) Водораздѣль рѣки Донца и Каменки съ ихъ притоками особенно богаты курганами, между которыми есть даже довольно большіе разказовъ о нихъ въ народѣ никакихъ нѣтъ.

III. *Юрта Калитвенской станицы.* Въ юрту станицы извѣстны городища:

1) «Старый городокъ». Это мѣсто находится на лѣвой сторонѣ р. Донца, въ 2-хъ верстахъ отъ станицы на востокъ; въ длину съ запада на востокъ имѣетъ 300 саж. и въ ширину съ сѣвера на югъ 150 саж. На восточной сто-

ронѣ его — крутая гора и лѣсъ, на югъ — р. Донецъ, на западъ р. Калитвенецъ. Надъ городкомъ теперь есть лѣсъ; въ лѣсу когда-то бывали даже олени. Лѣтъ 200 назадъ, какъ говоритъ преданіе, сюда спасались отъ татаръ всѣ окружныя жители. Казакъ Болдыревъ передаетъ, что про нападенія татаръ ему рассказывала мать, и что здѣсь былъ взятъ въ плѣнъ ея братъ Уколовъ. На городищѣ находили стальные плоскія стрѣлы въ 1 верш. длины, а также рога и головы оленей. Въ случаяхъ крайней опасности жители по дну р. Донца и кустарниками убѣгали во вновь населенную станицу.

2) «Городище» — близъ хутора Поцѣлуева. Здѣсь найдены два ручныя жернова — стариной работы.

3) «Хорошія горы» — остатокъ поселенія, расположены въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Евсѣяновскаго на востокъ отъ него. Здѣсь, говоритъ преданіе, днемъ укрывались татары, и ночью выходили на грабежъ.

4) «Городокъ» или «Станъ», назывался также «Почтаремъ», находится близъ хутора Перебойнаго. Передаютъ, что это мѣсто заселено было выходцами Старога городка предъ основаніемъ теперешней станицы.

Въ юрту станицы извѣстны курганы:

1) «Скальный», близъ старога городка, въ 2-хъ верстахъ отъ станицы, расположенъ въ скалѣ; въ окружности имѣетъ 30 саж., въ высоту 3 саж., на верху его яма въ видѣ ложеента.

2) «Караульный», въ окружности имѣетъ 40 саж., въ высоту 3 саж.; въ 10 саж. отъ него находится другой курганъ, имѣющій въ окружности 15 саж., въ высоту $1\frac{1}{2}$ саж.; расположенъ этотъ курганъ на лѣвой сторонѣ р. Донца. На караульномъ курганѣ, говорятъ, постоянно стояли караульные и, при приближеніи татаръ, зажигали солому, чтобы люди сбѣгались съ полей для защиты станицы. На курганѣ находили стрѣлы, курганъ находится въ 2-хъ верстахъ отъ станицы на югъ.

3) Еще курганъ безъ опредѣленнаго названія, но замѣчательный по величинѣ; онъ имѣетъ въ окружности 30 саж., въ высоту 3 сажени, на верху его есть углубленіе, стоитъ этотъ курганъ на возвышенной горѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Донца на юго-востокъ отъ хутора Дубовскаго; на немъ находили много стрѣлъ.

4) «Караульный» въ окружности имѣетъ 30 саж., въ высоту $2\frac{1}{2}$ саж.— находится близъ хутора Перебойнаго и въ 200 саж. отъ городка «Почтарь», куда во второй разъ переселились жители. Здѣсь днемъ стояли часовые, охранявшіе 2-й городокъ.

5) «Чумашиный»; въ окружности онъ имѣетъ 40 саж., въ высоту 4 саж., расположенъ онъ на высококомъ шпилѣ; названіе свое получилъ оттого, что мимо него проходила чумацкая дорога, находится въ 2-хъ верстахъ отъ хутора Перебойнаго на юго-востокъ.

6) «Три брата»; такъ названы находящіяся на возвышенности три кургана, изъ нихъ 1-й въ окружности—50 саж., въ высоту—5 саж.; 2-й въ окружности—9 саж. въ высоту $1\frac{1}{2}$ саж., на верху его ямы; 3-й курганъ находится сбоку на 2-мъ курганѣ. На этомъ курганѣ стояли пикеты, наблюдавшіе за татарами; названіе кургановъ само собою понятно; расположены они въ 2-хъ верстахъ отъ хутора Илюхина на югъ.

7) «Бузиновскій», расположенъ на возвышенности, въ окружности имѣеть 20 саж., въ высоту 3 саж., названъ такъ отъ росшей на немъ когда-то бузины, расположенъ въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Илюхина на западъ.

8) «Сударгинъ», — находится на возвышенности, въ окружности имѣеть 50 саж., въ высоту 5 саж., находится въ 7 верстахъ отъ хутора Илюхина на сѣверъ.

9) «Курганъ Крутой балки» — получилъ названіе отъ балки, расположенъ на возвышенности; крутъ, въ окружности 30 саж., въ высоту имѣеть $2\frac{1}{2}$ сажени; расположенъ въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ хутора Нижне-Ерохина на юго-западъ.

10) «Дуваннй» — на луговомъ мѣстѣ; въ окружности имѣеть 30 саж., въ высоту 2 саж.; на немъ собирались жители для дувана (дѣлежа) травы; находится въ 1 верстѣ отъ хутора Нижне-Ерохина.

11) «Табунный» — находится на низкомъ мѣстѣ; въ окружности имѣеть 50 саж., въ высоту 2 саж.; на немъ собирався табунъ; расположенъ онъ въ 200 саж. отъ хутора Плешакова на сѣверо-востокъ.

12) «Логачевъ» — названіе получилъ отъ балки Круглой, въ окружности имѣеть 25 саж., въ высоту 3 саж., расположенъ въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Плешакова на западъ.

13) «Крутой» — названіе получилъ отъ балки, расположенъ на возвышенности; въ окружности имѣеть 20 саж., въ высоту $1\frac{1}{2}$ саж., расположенъ въ 1 верстѣ отъ хутора Плешакова на югъ.

14) «Большой курганъ» — въ окружности имѣеть 30 саж., въ высоту 4 саж., верхъ имѣеть ложеобразный, находится въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ хутора Орѣшкина на сѣверо-востокъ.

15) «Митинъ» — на балкѣ, отъ которой и получилъ свое названіе; въ окружности имѣеть 30 саж., въ высоту 2 саж., находится въ $1\frac{1}{4}$ версты отъ хутора Орѣшкина на сѣверо-востокъ.

16) «Кардонный» — въ окружности имѣеть 15 саж., въ высоту 1 саж.; на этомъ курганѣ въ старину, говорятъ, стояли команды для защиты отъ татаръ, находится въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ хутора Орѣшкина на юго-востокъ.

17) Курганъ безъ названія, — находится на возвышенномъ хребтѣ на лѣвой сторонѣ р. Донца; въ окружности имѣеть 20 саж., въ высоту $1\frac{1}{2}$ саж., въ 1 верстѣ отъ хутора Муравлева на юго-востокъ; на немъ находили много стрѣль.

18) «Матюшинъ»,—находится на возвышенности; въ окружности имѣть 40 саж., въ высоту 4 саж., въ $1\frac{1}{4}$ версты отъ хутора Муравлева на сѣверо-востокъ; верхъ имѣть кругообразный; здѣсь, говорятъ, стояли денные карданы; названіе получилъ отъ балки.

19) «Бударный»,—на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, въ окружности имѣть 70 саж., въ высоту 7 саж., въ 5 верстахъ отъ хутора Муравлева на сѣверъ; на верху его углубленія и каменные рудутки; вокругъ саженьяхъ въ 50—лѣсъ и озеро; съ этого кургана видно во всѣ стороны версть на 70; на немъ былъ самый важный и главный пикетъ; названъ по сходству съ бударой—бѣркой.

20) «Полубударный»,—находится отъ «Бударнаго» въ 250 саж., въ окружности имѣть 30 саж., въ высоту 3 саж., въ $5\frac{1}{2}$ верстахъ отъ хутора Муравлева на сѣверъ.

21) «Хорошевскій»,—на высокомъ шпилѣ, къ балкѣ крутъ; въ балкѣ же такой лѣсъ, что нельзя спуститься и вылѣзть; въ окружности курганъ имѣть 25 саж., въ высоту 3 саж., въ 3-хъ верстахъ отъ хутора Верхне-Ясыновскаго на востокъ; подъ курганомъ находили, какъ говорятъ, развалины татарскаго жилища и много стрѣлъ.

22) «Большой курганъ»,— по гребню въ окружности имѣть 50 саж., въ высоту 5 саж., въ 4-хъ верстахъ отъ хутора Верхне-Ясыновскаго на сѣверо-востокъ; на верху кургана нѣчто въ родѣ ложементовъ; съ него видно болѣе чѣмъ на 50 версть въ окружности.

23) «Капустный»,— на вершинѣ балки, отъ которой получилъ свое названіе; въ окружности имѣть 30 саж., въ высоту 3 саж., въ двухъ верстахъ отъ хутора Верхне-Ясыновскаго на сѣверо-востокъ.

24) «Разрытый» — плоскій; въ окружности имѣть 50 саж., въ высоту 20 саж., въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ хутора Верхне-Сазонова на юго-востокъ; около него много мелкихъ кургановъ; неизвѣстно, когда и кѣмъ разрытъ, отчего и названіе свое получилъ.

25) «Мокрые курганы»,—въ окружности имѣть одинъ 60 саж., въ высоту 5 саж., на вершинѣ остръ, въ 5 верстахъ отъ хутора Сазонова на западъ; около него еще два кургана; названы курганы мокрыми потому, что около нихъ лежитъ никогда не высыхающее озеро.

26) «Арчашной» — въ окружности имѣть 40 саж., въ высоту 4 саж., въ 4-хъ верстахъ отъ хутора Сазонова на западъ.

27) «Прощальный»—въ окружности имѣть 30 саж., въ высоту 1 саж., въ 1 верстѣ отъ станицы; на немъ казаки, выходя на службу, прощаются съ родными.

28) «Разрытый» —двойной курганъ; въ окружности имѣть: 1-й 20 саж., въ высоту 1 саж.; 2-й въ окружности имѣть 10 саж., въ высоту $2\frac{1}{2}$ саж., въ 5 верстахъ отъ станицы на западъ; когда и кѣмъ разрытъ, неизвѣстно.

29) «Луничкинъ» — въ окружности имѣеть 35 саж., въ высоту $3\frac{1}{2}$ саж., въ 5 верстахъ отъ станицы на сѣверо-западъ; на верху есть впадины. Говорятъ, что на курганѣ стояли команды для обороны отъ татаръ; названіе получилъ отъ балки.

30) «Дубовый» — въ окружности имѣеть 40 саж., въ высоту 3 саж., въ 3 верстахъ отъ станицы на сѣверо-западъ; вершину имѣеть кругообразную; названіе получилъ отъ балки.

31) «Длинный» — имѣеть форму продолговатую; въ окружности имѣеть 20 сажень, въ высоту $1\frac{1}{2}$ саж., въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ хутора Забулдыгина на западъ; здѣсь, говорятъ, былъ караулъ. Въ 240 саж. отъ кургана остатки татарскихъ каменныхъ жилищъ.

32) «Вѣтровъ» — въ окружности имѣеть 20 саж., въ высоту 2 саж., въ 5 верстахъ отъ хутора Забулдыгина на сѣверъ; названіе свое получилъ отъ балки.

33) «Три брата» — три кургана расположенные вмѣстѣ; 1-й имѣеть въ окружности 8 саж., въ высоту 1 саж.; 2-й въ окружности имѣеть 12 саж., въ высоту 2 саж., отъ перваго расположенъ въ 20 саж.; 3-й находится въ 8 саж. отъ 2-го, въ окружности имѣеть 5 саж., въ высоту $\frac{1}{2}$ саж., въ 300 саж. отъ хутора Попова на сѣверъ.

34) «Ефремовъ» — въ окружности имѣеть 20 саж., въ высоту $2\frac{1}{2}$ саж., въ одной верстѣ отъ хутора Попова на сѣверо-востокъ; на верху его видны развалины каменныхъ стѣнъ и углубленіе въ 1 аршинъ; названіе получилъ отъ Ефремовскаго лога.

35) «Маячекъ» — въ окружности имѣеть 16 саж., въ высоту $1\frac{1}{2}$ саж., въ 200 саж. отъ хутора Попова на востокъ; на курганѣ во время нападенія татаръ зажигался маякъ, который давалъ знать объ опасности.

36) «Рѣдкой»; около него находятся еще 3 кургана безъ названій, въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ хутора Гусева на западъ.

IV. *Лузанская станица.* Въ юрту этой станицы находятся:

1) Городище, въ видѣ кургана, безъ названія; находится оно въ хуторѣ Югоновкѣ; въ ширину оно имѣеть 40 саж., камней на немъ нѣтъ; по срединѣ растутъ груша.

Есть въ районѣ станицы и курганы:

1) Одинъ безъ названія, въ окружности имѣеть 6 саж., въ высоту 6 аршинъ, посрединѣ его впадина; находится въ 300 саж. отъ поселковъ Подгорнаго и Хрящевки, на югъ отъ нихъ; жители добываютъ на немъ мелкій дикій камень.

2) Безъ названія — два кургана, каждый въ окружности имѣеть по 15 саж., въ высоту по 3 саж., на верху одного кургана яма; расположены

одинъ противъ другаго; находятся въ 9 верстахъ отъ вышеупомянутыхъ поселковъ, на югъ отъ нихъ.

3) Безъ названія — два кургана; каждый въ окружности имѣетъ по 30 саж., въ вышину по 3 саж.; острой формы, безъ впадинъ, находятся на горѣ; одинъ отъ другаго расположены въ 40 саж. и въ 1 верстѣ отъ хутора Югановки на сѣверъ отъ него.

4) «Гончаровскій». — въ ширину имѣетъ 10 саж., острой формы; посрединѣ его впадина, находится въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ поселка Герасимова на востокъ.

5) «Суровскій» — въ длину имѣетъ 20 саж., чрезъ верхъ 10 саж., продолговатой формы; въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ вышесказаннаго поселка.

6) «Плоскій» — въ окружности имѣетъ 30 саж., на каждой сторонѣ 15 саж., верхъ его плоскій; на верху кургана впадина, а въ ней стоитъ каменная баба — муж. п.; находится въ 5 верстахъ отъ поселка Верхне-Герасимова на западъ отъ него.

7) Въ 100 саж. отъ Плоскаго кургана стоятъ рядомъ три кургана; каждый имѣетъ въ вышину 10 саж.

8) Курганъ безъ названія; въ ширину имѣетъ 30 саж., въ вышину 3 саж., находится въ 10 верстахъ отъ поселка Верхне-Герасимова на сѣверъ отъ него; на этомъ курганѣ есть кирпичъ.

9) Курганъ безъ названія — въ окружности имѣетъ 10 саж., въ вышину 5 саж., на верху его впадина; находится въ $1\frac{1}{2}$ верст. отъ поселка Камышнаго на югъ.

Въ районѣ станицы есть двѣ балки: одна изъ нихъ извѣстна подъ названіемъ «верблюдъ», находится въ 400 саж. отъ поселка Подгорнаго; по срединѣ балки идетъ валъ, саженой въ 200 съ переломомъ; во время весенняго разлива воды жители находили по балкѣ старинныя деньги, стрѣлы и пули.

Другая балка извѣстна подъ названіемъ Камышной. Говорятъ, что въ ней зарыто 40 боченковъ золота. Нѣсколько человекъ рыли въ этой балкѣ и вырыли уже пещеру отъ подошвы балки по кручѣ ея до 10 саж., впрочемъ неизвѣстно, нашли-ли что-нибудь. Роятъ въ балкѣ и теперь.

V. Юртъ Усть-Бьлокамитвенской станицы. Въ юрту этой станицы извѣстны урочища:

1) «Авиловы горы», которыя суть не что иное, какъ отвѣсная скала, которая, перерѣзавъ русло р. Донца, опять возвышается на лѣвомъ берегу той же рѣки, а за станціей образуетъ каменную стѣну въ 180 футовъ. Въ одной изъ возвышенностей на половинѣ горы есть пещера Мурья. Существуетъ преданіе, что въ этой пещерѣ жилъ разбойникъ Авиль, отъ котораго гора получила свое названіе.

2) «Балка Габрикова». — По преданію здѣсь жили разбойники, наводившіе ужасъ на жителей, а позднѣе жили скитники, выходцы изъ Даниловской обители.

Въ юрту станицы извѣстны курганы:

1) Въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ станицы на востокъ — курганъ «Караулъ». Отъ основанія до вершины этотъ курганъ имѣетъ до 200 саж.; къ верху онъ постепенно суживается. На вершинѣ его есть площадка съ камнями. Съ этого кургана окрестности видны на далекомъ разстояніи. Говорятъ, что на курганѣ встарину стояли часовые, которые, зажигая солому и смолу, давали жителямъ знать о приближеніи непріятелей. Въ $\frac{1}{4}$ версты отъ станицы на югъ есть форштатъ.

2) «Пять братьевъ». Такъ называются 5 кургановъ, расположенныхъ кружкомъ. По срединѣ находится самый высокій; находится они на правой сторонѣ р. Донца, въ 4 верстахъ отъ поселка Богатаго.

3) «Стогъ», въ вышину имѣетъ 7 аршинъ; находится на правой сторонѣ р. Донца; походить на стогъ сѣна и расположенъ въ $1\frac{1}{2}$ верст. отъ поселка Бугураева.

VI. *Большинская волость.* Въ районѣ этой волости находятся:

1) Городище безъ названія; находится оно на правомъ берегу рѣки Большой; продольныя стороны равны 45 сажениамъ, поперечныя 35 сажениамъ, т. е. 1475 квадр. саж.; городище со всѣхъ сторонъ было обнесено рвами, по ширину и глубину ихъ нельзя опредѣлить, такъ какъ они распаханы; расположено въ 7 верстахъ отъ слободы на сѣверо-западъ. Говорятъ, что во время крѣпостной зависимости, крестьяне находили на городищѣ во время пахоты серебряныя ложки, кольца и кусочки листового желѣза (жести).

Въ районѣ Большинской волости есть и курганы. Два кургана изъ нихъ Большой и Малый «Четвертный» находятся къ западу отъ городища въ 30 саж. отъ него; Большой имѣетъ основаніе квадратное; въ окружности курганъ имѣетъ 136 саж., въ вышину $4\frac{1}{2}$ саж.; вершина кургана круглая, сѣверная сторона кургана запалая; въ 5 саж. отъ Большаго кургана есть Малый «Четвертный», имѣющій въ окружности 50 саж., въ вышину 5 саж.; этотъ курганъ имѣетъ форму лежачаго яйца; носъ его обращенъ на юго-западъ, прямо на сѣверо-западный уголъ «Большаго». Оба кургана лежатъ въ 6 верстахъ отъ слободы Большой. Говорятъ, что 200 лѣтъ назадъ здѣсь жили 100 разбойниковъ, атаманъ ихъ былъ Четвертный, отчего курганъ и получилъ свое названіе. Мѣстность эта была покрыта дремучимъ лѣсомъ. Разбойники, исповѣдавшіе магометанство, наводили ужасъ на страну. Однажды они взяли обозъ съ 12 человѣками; людей перерѣзали, за исключеніемъ одного красиваго и ловкаго молодого парня Савелія. Савелій нѣсколько разъ покушался убѣжать, но попытки къ побѣгу не удавались. Разбойники, ограбивши обозъ, хлѣбъ, бывший въ обозѣ, отнесли въ подземелье, находившееся въ курганахъ. Савелій впоследствии самъ сдѣлался разбойникомъ-поваромъ, который долженъ былъ рѣзать попавшихся людей. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Савелій

былъ уже старикомъ, случилось, что разбойники напали на отрядъ солдатъ, сопровождавшихъ обозъ, при этомъ 50 разбойниковъ попало въ плѣнъ. Между тѣмъ какъ одна часть солдатъ ушла съ обозомъ, другая, оставшаяся сторожить пойманныхъ разбойниковъ, была перерѣзана другими 50 разбойниками. Послѣ этого атаманъ Четвертный собралъ всѣхъ разбойниковъ и роздалъ имъ огромное число червонцевъ; но еще большее число червонцевъ и все добро было сложено въ подземелье въ подвалы, выходы у которыхъ завалены были землею. Разбойники разошлись, а Савелій былъ оставленъ жить не вдалекѣ, съ тою цѣлью, чтобы могъ наблюдать за сокровищами. Потерявшій надежду увидеть сотоварищей, 60-ти-лѣтній Савелій однажды сказалъ о богатствахъ, и также о томъ, что тутъ былъ колодезь, крестьянину Никитѣ. Они рыли, рыли подвалы, но земля отъ времени такъ отвердѣла, что не имѣя хорошихъ орудій, не могли открыть сокровища. Недавно крестьянинъ Савченковъ, разрывая курганъ «Большой», нашелъ пулю. Послѣ него 5 крестьянъ вырыли яму саженей въ 10 въ окружности и въ 3 саж. глубины. Въ самомъ центрѣ нашли насыпной черноземъ, расположенный четырехугольникомъ, въ размѣрѣ большого стола, и, порѣшивши, на основаніи преданія, что это былъ колодезь, оставили работу. Кромѣ того въ стѣнахъ ямы находили бѣлыя полосы, похожія на столбы, и выбѣленные мѣломъ; здѣсь найдены и кусочки мѣла.

Затѣмъ въ районѣ этой волости находятся 4 кургана, подъ названіемъ «Москалевы»; въ окружности они имѣютъ 30 саж., въ высоту 2 аршина; всѣ они расположены въ видѣ четырехугольника.

VII. *Карпово-Обрывская волость.* Въ районѣ этой волости находятся:

1) Городище безъ названія, форма его четырехугольная, одна сторона имѣетъ въ длину 60 саж., есть валы высотой въ 1½ аршина, ширину 1 арш.; городище это находится въ 1½ верст. отъ слободы Карпово-Обрывской на сѣверъ.

2) Два кургана около городища; форма ихъ круглая, каждый въ окружности имѣетъ 65 саж., въ высоту 3 саж.; одинъ отъ другаго чрезъ городище на разстояніи 100 саж., расположены въ 1½ верст. отъ слободы, одинъ изъ этихъ кургановъ былъ раскопанъ, но ничего въ немъ не найдено.

VIII. *Леоново-Калитвенская волость.* Въ районѣ этой волости находятся:

1) Курганы: «Бабина могила»; въ окружности имѣетъ 46 саж., въ высоту 6 аршинъ, находится въ 7-ми верстахъ отъ слободы Маньково-Калитвенской на востокъ отъ нея.

2) «Бурлацкая могила». Лѣтъ 100 назадъ бродяги, называемые тогда «бурлаками», выѣзжали сюда на покой и занимали здѣсь «кошъ»; въ праздники пьянствовали и боролись; курганъ этотъ имѣетъ въ окружности 35 саж., въ высоту 4 арш., находится въ 12-ти верстахъ отъ слободы Маньково-Калитвенской на западъ отъ нея.

3) Въ 30 саж. отъ «Бабиной могилы» находится «Малая могила».

4) «Сережина могила». Говорятъ, что 60 лѣтъ тому назадъ купецъ Серега остановился здѣсь и набиралъ гурты; въ окружности курганъ имѣеть 30 саж., въ вышину 4 арш.; расположенъ въ 8 верст. отъ слободы Мамыково-Калитвенской на западъ отъ нея.

Въ районѣ волости есть 1 балка—«Рубашонка»; здѣсь старикъ Рубашонка умеръ скоропостижно, отъ того балка и получила названіе; урочища:

1) «Репутановъ-яръ», 2) «Дудниковъ», 3) «Дорошевъ», 4) «Цыгановъ-яръ» и 5) «Гончариха», получили названія свои отъ фамилій крестьянъ, получившихъ здѣсь сѣносовъ отъ помѣщиковъ.

IX. *Нижне-Ольховская волость.* Въ районѣ этой волости находятся слѣдующіе курганы:

7-мъ кургановъ безъ названій. Первый изъ нихъ въ окружности имѣеть 20 саж., въ вышину 5 арш., расположенъ въ 2½ верстахъ отъ слободы Нижне-Ольховой; 2-й курганъ въ окружности—10 саж., въ вышину 5 арш., находится въ 5 верстахъ отъ слободы на югъ отъ нея; 3-й курганъ въ окружности имѣеть 12 саж., въ вышину 5 арш., въ 5-ти верст. отъ слободы, на сѣверо-западъ отъ нея; 4-й курганъ въ окружности имѣеть 12 саж., въ вышину 5 арш., лежитъ на югъ отъ 3-го кургана; 5-й тутъ-же, небольшой; 6-й курганъ—въ 3-хъ верст. отъ слободы на сѣверъ отъ нея, въ окружности имѣеть 25 саж., въ вышину 6 арш. и 7-й курганъ въ окружности имѣеть 25 саж., въ вышину 6 арш., находится на вершинѣ балки Гузіевой, въ 6 верстахъ отъ слободы на востокъ отъ нея.

X. *Мамыково-Березовская волость.* Въ районѣ названной волости находятся два кургана безъ названій.

XI. *Ольхово-Городищенская волость.* Въ районѣ названной волости находится городище, извѣстное подъ названіемъ «Синій курганъ», форма его овальная; въ окружности имѣеть 3 версты, въ вышину ½ версты; находится на разстояніи ½ версты отъ слободы, на югъ отъ нея, на берегу Калитвы; по всей поверхности городища разбросанъ кучами большой величины дикій камень.

Говорятъ, что въ давнее время здѣсь стояла бесѣдка, высѣченная изъ камня; на столбахъ ея будто-бы были выбиты: солнце, луна и ракъ. Въ народѣ есть преданіе, что здѣсь жили какіе-то «мамаи», и мѣсто это было сборнымъ для разбойниковъ, и что будто въ городищѣ есть погребъ, а въ немъ зарыты церковныя вещи и золотыя деньги.

XII. *Скасырская волость.* Въ районѣ этой волости есть нѣсколько малыхъ незначительныхъ кургановъ и три мѣстныхъ урочища, извѣстныя подъ именемъ «Задивовъ».

XIII. *Талово-Калитвенская волость.* Въ районѣ этой волости находятся курганы:

1) «Греговскій»; названъ такъ по балкѣ Греговой; находится въ одной верстѣ отъ поселка Исаевского.

2) «Большинскіе курганы»; два кургана получили свое названіе отъ идущей мимо нихъ дороги; находятся на разстояніи $6\frac{1}{2}$ верстѣ отъ поселка Исаевского.

XIV. *Районъ Терновской волости.* Въ районѣ волости находятся курганы:

1) «Шопкины»; это два кургана, изъ коихъ 1-й въ окружности имѣеть 70 саж., въ высоту 2 саж.; 2-й въ окружности — 50 саж., въ высоту $1\frac{1}{2}$ саж.; одинъ отъ другаго въ 20 саж.; въ 6 верстахъ отъ слободы Терновой на западъ. Говорять, что на нихъ жили разбойники съ атаманомъ Шопкинымъ.

2) «Морозовы», — два кургана, одинъ изъ нихъ въ окружности 60 саж., въ высоту 2 саж., 2-й въ окружности 50 саж., въ высоту 2 саж., одинъ отъ другаго въ 10 саж., а отъ Шопкиныхъ въ 4 верстахъ; въ 6 верстахъ отъ слободы Терновской на западъ. Говорять, что на этихъ курганахъ жили разбойники изъ ватаги Морозова.

XV. *Усть-Березовская волость.* Въ районѣ этой волости находятся:

1) Два городища, которыя называются «городками»; форма ихъ круглая; одно въ окружности имѣеть 5 саж., другое 6 саж.; валы у перваго имѣють въ высоту 1 арш., шириной 3 арш.; рвы глубиной въ $1\frac{1}{2}$ аршина; посреди ихъ бугорья, въ высоту равные съ валами; городки находятся въ 1 верстѣ отъ поселка Ильинскаго, на югъ отъ него.

Говорять, что городки эти сдѣланы разбойниками, которые здѣсь жили, и что въ подвалахъ ихъ были орудія и деньги. Одинъ городокъ, неизвѣстно кѣмъ, раскопанъ.

Въ районѣ волости есть курганы:

1) «Быстринскій» курганъ—двойной; въ окружности имѣеть 40 саж., въ высоту 6 арш., лежать въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ поселка Ильинскаго, на востокъ отъ него. Курганъ «Быстринскій» получилъ свое названіе оттого, что съ него виденъ другой курганъ, лежащій около рѣки Быстрой.

2) На западъ отъ этого кургана, въ 20 саж. отъ него, лежитъ курганъ, имѣющій въ окружности 15 саж., въ высоту 6 аршинъ.

3) Наконецъ въ районѣ этой волости есть еще нѣсколько малыхъ кургановъ. Говорять, что съ этихъ кургановъ жившіе здѣсь разбойники давали знать зажиганіемъ костровъ своимъ товарищамъ, жившимъ на другихъ курганахъ, о пробѣжающихъ.

XVI. *Дново-Новоселовская волость.* Въ районѣ этой волости находятся:

1) Городище, которое извѣстно подъ названіемъ «Городка»; форму имѣеть этотъ городокъ круглую; въ окружности имѣеть 49 саж.; вокругъ него есть

мало замѣтные валы и рвы на четыре угла; высоту валовъ и глубину рововъ опредѣлить невозможно, потому что они раскопаны и распаханы; около городка стоятъ курганы круглой формы. Говорятъ, что здѣсь жили черессы. Жители производили раскопки и находили черепки изъ красной глины толщиной въ $\frac{1}{2}$ вершка, уголь деревянный, остатокъ панциря, желѣзныя стрѣлы и сабли, но ничего этого не сохранилось въ настоящее время. «Городокъ» находится въ 4 хъ верст. отъ слободы на югъ отъ нея.

Есть въ районѣ волости и курганы. Всѣхъ кургановъ насчитываютъ 34; 1) 8 изъ нихъ находятся около «Городка»: 1-й изъ этихъ кургановъ имѣетъ въ окружности 28 саж., въ высоту $4\frac{1}{2}$ аршина, 2-й имѣетъ въ окружности 27 саж., въ высоту 4 арш., 3-й имѣетъ въ окружности 42 саж., въ высоту 5 арш., 4-й въ окружности имѣетъ 12 саж., въ высоту 3 арш., 5-й имѣетъ въ окружности 13 саж., въ высоту 4 арш., 6-й въ окружности имѣетъ 15 саж. въ высоту 3 арш., 7-й въ окружности имѣетъ 27 саж., въ высоту 4 арш., 8-й въ окружности имѣетъ 19 саж., въ высоту 3 арш. Говорятъ, что всѣ эти курганы служили защитой отъ чересовъ.

2) Одинъ изъ кургановъ называется «Токъ могилы»; названъ такъ при съемкѣ плана земель, въ окружности имѣетъ 62 саж., — въ высоту 7 арш., расположенъ въ 6 верстахъ отъ слободы Новоселовки, на сѣверъ отъ нея, при немъ находятся еще два кургана: 1-й въ окружности имѣетъ 18 саж., въ высоту 2 арш.; 2-й въ окружности имѣетъ 18 саж., въ высоту 2 арш., 1-й отстоитъ отъ «Токъ могилы» въ 12 саж., и 2-й въ 10 саж.

3) Извѣстны еще «Высокія могилы», названы эти курганы такъ по высотѣ, одинъ изъ нихъ имѣетъ въ окружности 48 саж., въ высоту 5 арш., другой въ окружности имѣетъ 60 саж., въ высоту 6 арш., находятся въ 4 верстахъ отъ поселка «Колодезя», на западъ отъ поселка.

4) Въ 5 верстахъ отъ того-же поселка на югъ расположены 5 кургановъ: 1-й въ окружности имѣетъ 30 саж., въ высоту 4 арш., 2-й въ окружности имѣетъ 55 саж., въ высоту 9 арш., 3-й въ окружности имѣетъ 30 саж., въ высоту 4 арш., 4-й въ окружности имѣетъ 42 саж., въ высоту 4 арш., 5-й въ окружности имѣетъ 26 саж., въ высоту 3 арш.

5) Въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ слободы Новоселовки на югъ отъ нея лежатъ два кургана; 1-й въ окружности имѣетъ 370 саж., въ высоту 10 саж., другой въ окружности имѣетъ 50 саж., въ высоту 4 арш., находится на западъ отъ перваго.

6) Кромѣ того еще 3 кургана: 1-й въ окружности имѣетъ 50 саж., въ высоту $4\frac{1}{2}$ арш., 2-й въ окружности имѣетъ 35 саж., въ высоту $2\frac{1}{2}$ арш. и 3-й въ окружности имѣетъ 31 саж., въ высоту $2\frac{1}{2}$ аршина.

7) Въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ слободы Новоселовки лежатъ три кургана:

1-й въ окружности имѣеть 31 саж., въ вышину $2\frac{1}{2}$ арш., 2-й въ окружности имѣеть 31 саж., въ вышину $2\frac{1}{2}$ арш., 3-й въ окружности имѣеть 30 саж., въ вышину $2\frac{1}{2}$ арш.

8) Въ 3-хъ верстахъ отъ той-же слободы лежать еще три кургана: 1-й въ окружности имѣеть 50 саж., въ вышину 6 арш., 2-й въ окружности имѣеть 40 саж., въ вышину 4 арш., и 3-й въ окружности имѣеть 35 саж., въ вышину 2 аршина.

9) Наконецъ, въ районѣ Яново-Новоселовской волости лежать еще три кургана: одинъ въ $3\frac{1}{2}$ верст. отъ поселка Колодезей, на сѣверъ отъ поселка, въ окружности имѣеть 43 саж., въ вышину 5 арш., другой въ $1\frac{1}{2}$ верст. отъ поселка Ивановки, на сѣверъ отъ него; въ окружности имѣеть 14 саж., въ вышину 5 арш., и третій находится въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ слободы Новоселовки на западъ отъ нея, имѣеть въ окружности 35 саж., въ вышину $1\frac{1}{2}$ арш. Тутъ-же подлѣ него лежитъ еще одинъ курганъ, имѣющій въ окружности 30 саж., въ вышину $1\frac{1}{2}$ аршина.

XVII. Районъ Яновской волости. Въ районѣ Яновской волости находятся курганы:

1) «Каменный», въ окружности имѣеть 30 саж., въ вышину $1\frac{1}{2}$ саж., названъ такъ потому, что когда-то изнутри его было вынута нѣсколько возовъ бѣлаго камня, который былъ сложенъ въ немъ подобно тому, какъ обкладываются выходы и погреба. Находится въ 830 саж. отъ поселка Верхне-Обливскаго на югъ.

2) «Саура» — въ окружности имѣеть 30 саж., въ вышину 1 саж. 2 арш., въ 160 саж. отъ 1-го.

3) «Головарь» — находится отъ Саура въ 160 саж., на «Головарѣ», какъ говорятъ по вершинамъ бывають слышны гулъ и звонъ, какъ-бы отъ колокольчика.

4) «Колмыгарь» — находится въ 350 саж. отъ «Головаря».

5) «Сибирскій» — находится 210 саж. отъ «Колмыгаря».

Въ нѣкоторомъ разстоянн отъ двухъ послѣднихъ кургановъ находятся валы шириною въ 5 сажень.

6) «Солдатъ» — въ окружности имѣеть 205 саж., въ вышину 2 саж.

А. Крылова.

О происхожденіи нынѣ существующаго общиннаго владѣнія въ Великороссіи.

И. Е. Энгельмана.

Какъ извѣстно, нынѣ существующее великорусское общинное владѣніе, съ правомъ на землю каждаго отдѣльнаго лица и съ передѣлами, для науки открыто было барономъ Гакстгаузеномъ, въ его извѣстномъ сочиненіи о Россіи. Но, конечно, эта форма землевладѣнія была хорошо извѣстна какъ помѣщикамъ, такъ и чиновникамъ по управленію казенному и податному. Не отдавая себѣ отчета въ принципиальномъ значеніи этой формы владѣнія ¹⁾, они видѣли въ общинномъ владѣніи форму весьма удобную для исчисленія и раскладки податей и оброка, а также при взысканіи недоимокъ. Оно считалось порядкомъ свойственнымъ крестьянскому быту и необходимымъ въ немъ. На общинное владѣніе смотрѣли какъ на что-то само собою разумѣющееся, всякому извѣстное, не требующее никакихъ изслѣдованій и разъясненій. Никто даже не задавалъ себѣ вопроса, возможенъ ли другой порядокъ или нѣтъ.

Открытіе барономъ Гакстгаузеномъ начала общиннаго владѣнія сдѣлано въ «замѣчательномъ десятилѣтіи» сороковыхъ годовъ. Этимъ открытіемъ воспользовались писатели самыхъ различныхъ, возникающихъ въ то время направленій. Относили безо всякихъ доказательствъ происхожденіе нынѣ существующаго великорусскаго общиннаго владѣнія къ древнѣйшимъ временамъ и ставили его въ причинную связь съ идеальными будто-бы порядками древнѣйшаго быта. Другіе выступили съ болѣе глубокими взглядами и обратили главное вниманіе на соціальное и экономическое значеніе общиннаго владѣнія.

Уже въ 1856 г. извѣстный ученый нашъ Чичеринъ доказывалъ, что существованіе общиннаго владѣнія землей не можетъ быть доказано до конца

¹⁾ Впрочемъ бывали и такіе помѣщики, которые отдавали себѣ отчетъ объ особенностяхъ и принципиальномъ значеніи общиннаго владѣнія, напр. внукъ сельдмаршала Минаха. Ср. объ этомъ любопытное сообщеніе Бинемана въ *Baltische Monatschrift* т. XXX. стр. 834—848.

XVI вѣка, и что происхожденіе его стоитъ въ тѣсной связи съ Московскими податными распорядками и съ введеніемъ крѣпостнаго права. Начался горячій споръ. Но не смотря на то, что для XIII, XIV, XV и XVI вв. дѣйствительное существованіе общиннаго владѣнія землею не могло быть положительно доказано, возобладало то мнѣніе, которое видѣло въ нынѣ существующемъ общинномъ владѣніи порядокъ вещей искони господствовавшій на Руси. Наконецъ, съ семидесятихъ годовъ и въ особенности въ новѣйшее время стало появляться множество изслѣдованій и сообщеній по вопросамъ общиннаго владѣнія. Началась живая разносторонняя работа, обогатившая науку огромнымъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Изъ довольно обширной литературы, въ которой участвовали и участвуютъ многіе ученые, присутствующіе на этомъ съѣздѣ, я желаю обратить вниманіе на изслѣдованіе г-жи Ефименко: О крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ.

Смотря на многіе недостатки изслѣдованія, на отсутствіе твердо установленнаго плана, и на многократныя повторенія, свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, чрезвычайно важны. Констатируя фактъ, что до XVI ст. существованіе нынѣшняго общиннаго владѣнія не можетъ быть доказано, ибо мы нигдѣ не находимъ его, г-жа Ефименко доказываетъ, что тѣ рѣдкіе примѣры общиннаго владѣнія землею изъ начала XVI вѣка, которые встрѣчаются въ актахъ именно служатъ доказательствомъ тому, что общинное владѣніе землею введено въ позднѣйшее время, въ виду удобства для раскладки и взысканія податей и оброка со стороны казны и землевладѣльцевъ.

Далѣе на основаніи актовъ, открытыхъ Ефименко, оказывается, что въ древнѣйшія времена на сѣверѣ Россіи крестьянское экономическое единство было «печице». Тагъ называется поселеніе отдѣльнаго семейства или рода, окруженное пахатными землями, сѣнокосами, лѣсомъ и другими угодьями. Въ этомъ поселеніи близкіе родственники подъ главенствомъ родоначальника, естественнаго или выборнаго, сидѣли вмѣстѣ, владѣли и пользовались землею сообща. Когда происходило расселеніе народа по печищамъ, мы не знаемъ, равно не знаемъ, когда прекратилось основаніе новыхъ самостоятельныхъ печищъ. Печище составляетъ экономическую единицу и въ древнѣйшее время, очевидно, состояло изъ одного двора. Даже въ позднѣйшее время печища весьма часто состояли изъ одного двора, но также, и даже большею частію, изъ 2—6 дворовъ, причемъ у каждаго была своя пахатная земля, въ каждомъ полѣ, и непремѣнно какія-либо угодья, въ особенности выгонъ и лѣсъ, общіе. Участки, принадлежавшіе къ отдѣльнымъ дворамъ, опредѣлялись наследственнымъ и вообще частнымъ правомъ.

Если въ печищѣ состоящемъ изъ 4 дворовъ, одинъ дворъ владѣлъ половиною всей пахатной земли и три остальныхъ каждый шестою частію, это значитъ, что печище первоначально раздѣлялось на двѣ половины, а затѣмъ

въ слѣдующемъ поколѣніи одна половина цѣликомъ переходила къ единственному сыну одного брата, а вторая раздѣлялась между тремя сыновьями второго брата. Большею частью въ печищахъ были 2, 3, 4, 5, много 6 дворовъ. Въ словарѣ Даля мы находимъ объясненіе, что печищемъ въ Архангельской губ. называется поселеніе, состоящее изъ 2--6 дворовъ.

Г-жа Ефименко называетъ такое владѣніе, гдѣ на одномъ печищѣ сидятъ нѣсколько семействъ, каждое на отдѣльномъ дворѣ, долевымъ владѣніемъ, и видитъ въ немъ особый видъ поземельнаго владѣнія, равно отличающагося какъ отъ частной собственности, такъ и отъ общиннаго владѣнія, словомъ такой видъ землевладѣнія, который, смотря по обстоятельствамъ, могъ-бы превращаться какъ въ частную собственность, такъ и въ общинное владѣніе, смотря по тому, подъ какими условіями происходило дальнѣйшее развитіе. Именно, если долевыя владѣльцы были собственниками земли, это владѣніе переходило въ подворное.

При долевымъ владѣніи производятся даже передѣлы, но не для осуществленія принадлежащаго каждому, будто-бы, равнаго права на землю, но, напротивъ, для того, чтобы удостовѣриться, соответствуетъ ли на самомъ дѣлѣ доля каждаго отдѣльнаго владѣльца той долѣ общаго количества земли, на какую онъ имѣетъ право по наслѣдству или вообще по частному праву, не произошло-ли фактическое увеличеніе одной доли на счетъ другой; дѣйствительно-ли одинъ владѣть половиною, другой третьей, третій шестой и т. д. долею пахатной земли печища. Для юриста ясно, что дѣло идетъ не о новой какой-то формѣ владѣнія, но объ общей собственности, гдѣ эта общая собственность раздѣляется съ общаго согласія на доли съ тѣмъ, чтобы каждый отдѣльный собственникъ могъ пользоваться своимъ отдѣльнымъ участкомъ. Жители печища весьма часто носятъ одно и тоже прозвище, одну и ту же фамилію, но со временемъ это измѣняется, нѣкоторыя доли переходятъ изъ рукъ въ руки, уступаются, продаются. Наконецъ, на основаніи частныхъ сдѣлокъ одни увеличиваются, другія уменьшаются. Встрѣчаются примѣры, что къ одному двору принадлежитъ болѣе половины печища, или болѣе одной третьей или шестой части печища, къ другой менѣе $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$.

Спрашивается, было-ли это долевое владѣніе и были-ли эти печища явленіемъ, свойственнымъ исключительно сѣверу, или эта форма землевладѣнія была форма общерусская?

По моему мнѣнію слѣдуетъ допустить, что и въ остальной Великороссіи, по всему вѣроятію, первоначальное или древнѣйшее расселеніе народа было по печищамъ, называемымъ здѣсь огнищами. На это указываетъ слово «огнищанинъ», встрѣчаемое въ «Русской Правдѣ».

Это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что еще долгое время отдѣльныя поселенія срединной Руси состояли изъ 6, 8, много изъ 10 и 12 дворовъ. На это указываетъ далѣе обычай, по которому дворъ отцовскій переходитъ къ млад-

шему сыну. Почему къ младшему? Потому, что для старшихъ были уже построены отдѣльные двory на печищѣ при жизни и при помощи отца.

Далѣе, при долевои владѣнии легко объясняется исключеніе отдѣленнаго сына отъ всякаго участія въ наслѣдствѣ. Отдѣленный выходилъ изъ печища или огнища и затѣмъ уже, ни въ какомъ случаѣ, не могъ участвовать въ долевои владѣнии, такъ какъ не участвовалъ въ обработкѣ печищной земли. При общинномъ владѣнии въ нынѣшнемъ смыслѣ такое исключеніе отдѣленнаго сына было-бы непонятно.

Тамъ, гдѣ крестьяне сидѣли на собственной землѣ, долевое владѣніе переходило въ отдѣльное подворное владѣніе. Это происходило на сѣверѣ Эсплошь да рядомъ, какъ доказываютъ акты, открытые г. Ефименко. Но долевое владѣніе встрѣчается и тамъ, гдѣ крестьяне сидѣли на чужихъ земляхъ. Здѣсь оно переходило въ общинное владѣніе, а именно на слѣдующемъ основаніи. Пока у землевладѣльца было достаточно земли, то онъ при умноженіи народонаселенія основывалъ новыя печища. Такимъ расселеніемъ землевладѣлецъ сохранялъ за собою народившіяся новыя рабочія силы, и его доходы умножались. Когда же у него не было достаточно земли, то онъ старался все таки удержать новыя рабочія силы за собою и прибѣгалъ къ передѣлу земли уже по равнымъ частямъ. Такіе передѣлы встрѣчаемъ въ XVI вѣкѣ. Но пока существовали крестьянскіе переходы, крестьяне могли и не соглашаться на передѣлъ, т. е. на уменьшеніе ихъ участковъ, и могли уходить. Но когда крестьянскіе переходы были заказаны и введено крѣпостное право, то и землевладѣльцу представлялась полная возможность распределять земли по равнымъ частямъ между всѣми своими крестьянами, уменьшая, по мѣрѣ надобности, отдѣльные участки. Такимъ образомъ, ему удобно было получать съ каждаго крестьянина равный оброкъ. На черныхъ земляхъ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Черныя земли были собственностью крестьянъ, которые платили съ нихъ подати. На эти подати современнымъ стали смотрѣть, какъ на оброкъ, и къ чернымъ землямъ примѣнено было монгольское воззрѣніе, что вся земля принадлежитъ великому князю. Когда приступили къ уравнию податей, то это уравниеніе влекло за собою и уравниеніе поземельное. Этотъ процессъ начался въ Московскомъ государствѣ въ XVI в. и окончился въ XVII.

На сѣверѣ Россіи крѣпостное право не проникло. Хотя тамъ, послѣ паденія Новгорода, почти вся земля, за исключеніемъ монастырскихъ вотчинъ, была объявлена землею великаго князя, но на самомъ дѣлѣ никакихъ перемѣнъ въ землевладѣніи не произошло. Фактически крестьяне по прежнему владѣли своими землями, какъ своею собственностью, съ которой платили подати, распоряжаясь ею вполне по собственному усмотрѣнію. Г-жа Ефименко доказываетъ документально, что здѣсь долевое владѣніе переходило въ частную собственность, которая господствовала въ XVII и еще въ XVIII вѣкѣ. Съ конца XVIII

вѣна, по распоряженію администраціи, вводится общинное землевладѣніе, при чемъ авторъ рисуеть намъ яркую картину столкновенія двухъ непримиримыхъ началъ, существующаго права на основаніи наслѣдства и новаго начала, выставленнаго администраціей, по которому всякій имѣеть право на равный участокъ земли. Она рисуеть весь безпорядокъ, происшедшій вслѣдствіе этихъ столкновений, такъ что на основаніи актовъ можно прослѣдить процессъ превращенія частной собственности въ общинное землевладѣніе шагъ за шагомъ. Это превращеніе окончилось въ 1829 году.

Изъ всего сказаннаго видно, что общинное землевладѣніе въ нынѣшней ея формѣ, съ правомъ каждаго на землю и съ передѣлами, не есть необходимое условіе существованія общины, не есть древнее учрежденіе, а установилось лишь въ XVI вѣкѣ, община же существовала и можетъ существовать и безъ общиннаго владѣнія землею.

Цѣль настоящаго реферата обратить вниманіе археологическаго съѣзда на важность собранныхъ госпожою Александрою Ефименко актовъ и на необходимость возможно полнаго изданія ихъ.

И. Ансолина.

О вновь открытыхъ матеріалахъ для исторіи лѣвобережной украины (Архивъ Полтавск. Губ. Правл.).

Д. И. Багалъя.

Еще будучи въ Кіевѣ, я обратилъ вниманіе на то, что въ архивѣ тамошняго губернскаго Правленія хранилась часть дѣлъ Малороссійской коллегіи. Бъ несчастью, не было никакой возможности опредѣлить—откуда, когда и какимъ образомъ эти дѣла попали въ Кіевъ. Дѣла эти представляли изъ себя безобразную кучу, разобраться въ которой не могъ даже редакторъ «Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей», А. А. Андріевскій, издавшій уже 6 выпусковъ «Матеріаловъ изъ архива Кіевскаго губернскаго Правленія».

Другая и самая большая часть архива Малоросс. коллегіи и Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничествъ хранилась, какъ извѣстно, въ Черниговѣ и теперь переведена въ Харьковъ. Но оставалось неизвѣстнымъ содержимое архива Полтавскаго губернскаго Правленія. Были только слухи, что тамъ тоже хранится часть дѣлъ бывшаго Черниговск. архива. Для того чтобы провѣрить на мѣстѣ эти слухи и познакомиться съ содержаніемъ старыхъ дѣлъ, я отправился въ Полтаву въ концѣ прошлаго іюля сего года. И мнѣ не пришлось раскисываться въ томъ, что я провелъ недѣлю въ архивной и городской пыли.

Начать съ того, что и старья дѣла хранятся въ прекрасномъ помѣщеніи (въ нижнемъ этажѣ присутственныхъ мѣсть), куда свободно проникаетъ и воздухъ и свѣтъ. Неудивительно, что документы, за самыми малыми исключеніями, вовсе не пострадали отъ сырости или мышей. Но что самое главное, къ нимъ имѣются описи (конечно канцелярскія), по которымъ, какъ я убѣдился на дѣлѣ, можно найти любой документъ ¹⁾. Старья дѣла занимаютъ отдѣльную комнату и заключаютъ въ себѣ отъ 200 до 250 связокъ, изъ коихъ каждая вѣситъ приблизительно $\frac{1}{2}$ пуда. Одна часть ихъ (меньшая) была прислана изъ Ека-

¹⁾ Мы только не могли найти одной связки; но и та, вѣроятно, попала не на свое мѣсто — въ дѣло Черниговск. намѣстничества.

теринославскаго намѣстническаго и Новороссійскаго губернскаго Правленій, а другая (большая) изъ Черниговскаго намѣстническаго Правленія. И тѣ и другія относятся къ территории вновь образованной Полтавской губерніи, входившей прежде въ составъ двухъ названныхъ намѣстничествъ. Первая категорія обнимаетъ время съ 1706 по 1802 годъ, вторая—съ 1782 по 1802 г. Уже изъ этого одного сопоставленія мы можемъ убѣдиться, что 1-я категорія несравненно интереснѣе второй: въ то время какъ 2-я заключаетъ въ себѣ *исключительно* дѣла *намѣстническія*, 1-я кромѣ того содержитъ и дѣла коллежскія. Въ виду этого я останавлиюсь главнымъ образомъ на дѣлахъ 1-й категоріи.

Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить дѣла, присланныя изъ архива Малороссійской коллегіи; всѣхъ ихъ около 30 связокъ. По содержанию своему они подходятъ къ тѣмъ дѣламъ Малороссійской коллегіи, которыя теперь хранятся въ Харьковѣ; тутъ мы находимъ массу тяжбныхъ дѣлъ за земли, жалобы на притѣсненіе старшины и воинскихъ командъ (великороссійскихъ), на привлеченіе казаковъ въ подданство, вѣдомости о казакахъ, высланныхъ на форпостную службу и рытье канавъ, о посполитыхъ, ушедшихъ отъ своихъ владѣльцевъ, дѣла объ опредѣленіи и выборѣ въ разныя войсковыя должности, и взаимныхъ отношеніяхъ казацкихъ урядниковъ и городскихъ магистратскихъ, о торговыхъ цѣнахъ, о колодникахъ, о наборѣ воловъ на армію и т. д.

Въ числѣ прочихъ, мнѣ попалось болѣе десятка дѣлъ, относящихся къ общественнымъ землямъ: о земляхъ отведенныхъ городу Самарѣ, о земляхъ принадлежащихъ мѣстечку Бѣликамъ, о свободныхъ сѣнокосахъ, захваченныхъ бригадиромъ Капнистомъ, объ общемъ казачьемъ полѣ, занятомъ Апостоломъ и др.

Изъ дѣлъ намѣстническихъ интересна только послѣдняя серія, гдѣ есть нѣсколько большихъ дѣлъ—1) объ учрежденіи въ Полтавскомъ полку земскихъ, городскихъ и подкоморскихъ судовъ (1763 г.); 2) По указу Правительствующаго Сената о выгонныхъ земляхъ (1782 г. на 631 л.); 3) О Турбаевскихъ жителяхъ, учинившихъ смертное убійство своимъ помѣщикамъ Базилевскимъ (1789 г. на 1064 л.); 4) По указу сената объ отобраниі у дворянъ Полтавской губ. грамотъ (1800 г. на 1451 л.); 5) О надѣленіи г. Константинограда выгонною 5-ти верстною дистанціей (1792 г. на 306 л.).

Всѣ эти документы несомнѣнно имѣютъ болѣе или меньшій интересъ для внутренней бытовой исторіи Малороссіи XVIII в., столь мало, какъ извѣстно, разработанной.

Но кромѣ указанныхъ матеріаловъ, мнѣ удалось открыть въ Полтавскомъ архивѣ еще одинъ памятникъ, котораго я уже не чаялъ здѣсь найти. Въ дѣлахъ, поступившихъ изъ Екатеринославскаго намѣстническаго Правленія, я нашелъ часть Румянцевской описи Малороссіи. Не мѣсто здѣсь распространяться о важномъ значеніи и печальной судьбѣ этого замѣчательнаго памятника

второй половины XVIII вѣка *). Извѣстно, что этотъ памятникъ былъ открытъ въ Черниговской казенной палатѣ неутомимымъ изслѣдователемъ южнорусской старины А. М. Лазаревскимъ. Но то была часть описи, обнимавшая Черниговскій, Нѣжинскій, Стародубскій и часть Кіевского полковъ; другая часть, обнимающая остальную часть Кіевского и почти весь Переясловскій полкъ, хранилась въ бібліотекѣ Кіевского университета. Ш. В. Лучицкій, возбудившій снова своими изысканіями интересъ къ Румянцевской описи, ѣздилъ специально въ Полтаву разыскивать остальную часть описи, обнимающую 5 Полтавскихъ полковъ—Полтавскій, Прилудній, Гадицкій, Миргородскій и Лубенскій, и нашелъ только нѣсколько связокъ Пирятинской сотни; всѣ остальные связки сгорѣли въ Полтавской казенной палатѣ, во время бывшаго тамъ пожара. Откуда и какимъ образомъ попала найденная мною часть въ Полтав. Губ. Правл., рѣшить мудрено, потому что на это нѣтъ никакихъ указаній. Въ самомъ Губ. Правл. одинъ изъ чиновниковъ, старожилъ, сообщилъ, что связки ея нѣкоторое время лежали въ беспорядкѣ въ архивѣ, не имѣя никакихъ описей, и только уже впоследствии были занесены въ каталогъ и перенумерованы.

Она состоятъ изъ 18 связокъ и заключаетъ въ себѣ отрывочныя неполныя, черныя и бѣлыя вѣдомости двухъ сотенъ Миргородскаго и 4-хъ Полтавскаго полковъ. Помѣщая болѣе подробное перечисленіе ея составныхъ частей.

1) Потоцкая сотня: мѣстечко Потоки.

2) Омельницкая сотня: Манжелей, Запсюлле, Ломанная, сл. Димидовка, сл. Васильевка, сл. Николаевка, сл. Пузанова, д. Пѣски, д. Злодѣвка.

3) Полтавская городова сотня: г. Полтава (часть) сел. Нижніе Млыны, с. Искровка, с. Крутой Берегъ, д. Грабиновка, с. Павленки, с. Ковалевка, с. Яковцы, с. Малыя Будищи, дер. Патлаевка, с. Ивончицы, с. Жуки, с. Трибы.

4) Полтавская первая полковая сотня: с. Петровка, с. Гавронцы, с. Ставовцы, с. Камянка, с. Таятоуловъ, с. Брусѣй; с. Семяновка, с. Осмачки, с. Зелененькаго.

5) Полтавская вторая полковая сотня: с. Пушкаревка, с. Милицы, с. Рыбцы, с. Мачухи, с. Ивашки, с. Супруновка, с. Шостаки, с. Куклинцы, с. Гужулы, с. Федороки, с. Головачи, с. Горбаневка, с. Ольшана.

6) Великбудисская сотня Полтавскаго полка: м. Великія Будищи, с. Диканька, Чернечный Яръ, Новые и Старые Млыны, Ровное, сл. Кочубеевка Гуджуловщина, сл. Комаровка, сл. Спасовка, сл. Буцковка, сл. Федоровка, сл. Го-

*) См. объ этомъ мою статью «Генеральная Опись Малороссіи», помѣщенную въ 11 кн. «Кіевской Старины» за 1883 г.

ловщина, мѣст. Рѣшетилровка, сюда же нужно отнести и нѣсколько частныхъ вѣдомостей о с. Демидовкѣ, Надеждѣ, Пещаномѣ, Черняковкѣ, Покровкѣ и Бутовой.

Было бы крайне желательно присоединить болѣе важные документы Полт. Губ. архива къ Харьковскому архиву Малороссійской коллегіи; это было бы не присоединеніе, а, вѣрнѣе сказать, воссоединеніе частей, находящихся другъ съ другомъ въ органической связи. Въ началѣ будущаго года я внесу въ этомъ смыслѣ предложеніе въ Харьковское историко-филологическое общество. Препятствій со стороны г. Полтавскаго губернатора никакихъ быть не можетъ, такъ какъ дѣла эти не нужны для справокъ. Все будетъ зависеть отъ того, расширится ли въ близкомъ будущемъ нынѣшнее помѣщеніе Харьковскаго архива и будутъ ли изысканы для него какія-нибудь матеріальныя средства.

Д. Багалъя.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ эстахъ, живущихъ въ предѣлахъ Псковской губерніи.

П. И. Висковатова.

Позволю себѣ, на нѣсколько минутъ, перенести вниманіе ваше на сѣверъ въ среду небольшого населенія, въ наши дни еще обитающаго на землѣ, бывшей чуть не колыбелью русской исторіи. Я говорю о небольшой группѣ финскаго народа, почти не затронутаго вѣковыми культурными движеніями, народа, клочками живущими близъ Изборска, на границѣ Псковской губерніи, прилегающей къ Лифляндіи.

Въ этомъ краѣ Псковской губерніи эстовъ насчитывается до 15 тысячъ. Они обитаютъ въ ста-четырехъ деревняхъ. Деревни эти расположены, по большей части, около малаго Пейпуса. Въ послѣднія десятилѣтія сильно развилось переселеніе эстовъ изъ Прибалт. края въ русскія губерніи и особенно въ Псковскую. Но не о нихъ рѣчь. Я желаю обратить вниманіе на эстское населеніе, которое, при проведеніи границы между Лифляндскою и Псковскою губерніями, осталось причисленнымъ къ послѣдней. Эсты эти все православнаго исповѣданія и уже этимъ отличаются отъ позднѣйшихъ переселенцевъ, своихъ единоплеменниковъ, исповѣдающихъ лютеранскую религію.

Среди этого древняго эстскаго населенія въ Псковской губерніи сохранились, по преимуществу, и старые народные обычаи и повѣрья. Здѣсь не было вліянія нѣмецкой школы и нѣмецкаго пастора, сильно ослабившихъ народное міровоззрѣніе эстовъ, живущихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Псковскіе эсты неграмотные; школа ихъ не коснулась. Православное духовенство еще не такъ давно оказывало на нихъ весьма малое вліяніе. Происходитъ это отъ того, что эсты эти сохранили языкъ свой; только мужчины понимаютъ по русски, научаясь языку уже позднѣе, въ столкновеніи съ русскимъ населеніемъ. Женщины зачастую совершенно не понимаютъ русскаго языка. Отъ этого и религіозное православное ихъ образованіе ничтожно. Христіанскія образы странно перемѣшались съ народными воззрѣніями и вѣрованіями. Они сохранили еще много обычаевъ, давно утраченныхъ въ Лифляндіи. Пѣсни, которыя здѣсь поются,

кажется, болѣе древни. Тутъ можно еще встрѣтить пѣвца, сопровождающаго пѣніе игрою на старинной эстонской арфѣ (*kannel*). Въ прибалтійскихъ губерніяхъ инструментъ этотъ, играющій важную роль въ эстскихъ селахъ, совершенно забытъ. Это чрезвычайно первобытный инструментъ, состоящій обыкновенно изъ семи струнъ, натянутыхъ на старый виллообразный сосновый сукъ. Въ длину онъ имѣетъ отъ 20 до 25 вершковъ. Въ ширину (въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ находится связка,) 4—5 вершковъ. Мѣдныя струны натянуты вросъ такъ, что слѣдующая на вершокъ короче предыдущей.

Инструментъ этотъ считается священнымъ. Народъ твердо вѣруеть, что если на такой старинной арфѣ играть въ присутствіи умирающаго, то смерть не коснется его, пока звучать струны и льется пѣсня. Если же звуки такой арфы раздаются надъ тѣломъ умершаго, то смерть не скоро коснется кого-нибудь изъ близкихъ его. Въ деревнѣ *Раква*, близъ рѣки Шузы, составляющей границу между Псковской и Лифляндской губерніей, еще нѣсколько лѣтъ назадъ жилъ сѣдой старикъ Филиппъ, по мѣстному выговору Гилиппъ, бывшій въ болышомъ почетѣ у окрестныхъ эстовъ. Народъ въ свободное время стекался у дома сѣдовласаго пѣвца, пѣвшаго пѣсни старины, какъ древній эстскій богъ пѣсенъ Ваннемуины. Этотъ Филиппъ рассказывалъ, что однажды, во время повальной болѣзни, свирѣпствовавшей въ краю, вся его семья была поражена ею. Смерть рѣяла надъ нею, а онъ неустанно перебиралъ струны и пѣлъ, и пѣлъ до глубокой ночи. Звонъ струнъ уносился далеко сквозь открытое окно хаты, и видѣлъ онъ, какъ подошла къ нему бѣлая фигура съ удлинненною головою; она заглянула въ избу, а онъ бѣшено ударилъ въ струны, и видѣніе исчезло, разошлось какъ туманъ. Семья же его была спасена.

Интересно народное повѣрье о происхожденіи этого инструмента. Однажды, такъ рассказывалъ старый Филиппъ, богъ Юмаль (*Jumal*) и древне-злой духъ (*Wana halb*) злой духъ побились объ закладъ, кто первый изобрѣтетъ музыкальный инструментъ. Богъ быстро создалъ арфу (*koppel*), а злой духъ долго трудился надъ рогомъ, когда же они испытали инструментъ, то побѣда осталась за богомъ Юмаль. Дьяволъ потомъ еще много изготовилъ инструментовъ, и гармонику и флейту, всѣ онъ перепробовалъ, всѣ имъ созданы, одна арфа божественна.

Лекторъ эстскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ Веске, нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтившій эту мѣстность, записалъ множество пѣсенъ народныхъ со словъ сказителей и сказительницъ. Между послѣдними особенное вниманіе заслуживаютъ пѣсни, сообщенныя старухой Тарьей (Дарьей) въ 10 верстахъ отъ упомянутой деревни Раква (въ селеніи Равакурмъ). Г. Веске списалъ между прочимъ со словъ ея пѣсню въ 250 строфъ. «Когда я записывалъ пѣсни эти, рассказывалъ неутомимый собиратель, меня окружила молодежь селенія, любопыт-

ствуя видѣть какъ пишутъ». Самый процессъ писанія былъ имъ любопытной новинкой.

Эсты эти глубоко вѣруютъ въ реальное существованіе того, что называется въ пѣсни. «Не думай — говорили они собирателю, что это сказки, нѣтъ, все это видѣли наши родичи», а въ пѣсняхъ еще выходятъ на сцену имена древнихъ вѣстскихъ боговъ: *Шоопі, Маналайнэ, Пльма* и проч.

Въ народныхъ вѣрованіяхъ апостолы заступили мѣсто старинныхъ божествъ. Они твердо увѣрены, что апостолы и, въ особенности, апостоль Іоаннъ странствовали и жили въ этой мѣстности. Около деревни *Меексэ* почитается дерево, подъ коимъ отдыхалъ апостоль Іоаннъ, подалеже — камень, на коемъ онъ поправлялъ обувь свою. Далѣе рѣчка, въ которой онъ обыкновенно умывался ¹⁾

Особенно распространено поклоненіе святой Аннѣ, которая впрочемъ съ Анною, чтимою въ православной церкви, повидимому, имѣетъ мало общаго. То, что извѣстно о странномъ культѣ этой «Анны», чрезвычайно напоминаетъ литовское языческое богослуженіе, о коемъ нѣсколько дней назадъ было говорено проф. Мѣржинскимъ въ сообщеніи о «прусскомъ романе». Около деревни *Сульби* находится огромная дуплистая сосна. Подъ нею, по вѣров. народнымъ, жила св. Анна. Здѣсь поила она овецъ, коими наконецъ подарила и осчастливила людей. Ежегодно 23 іюля ей приносится въ жертву бараньи головы. Они ставятся кругообразно, развѣшиваются шкуру одного изъ нихъ, и затѣмъ происходитъ пляска и пѣніе съ заклинаніями. Г-ну Веске не удалось, къ сожалѣнію, лично присутствовать при этомъ празднествѣ. Но онъ описываетъ (см. *Verhandlungen der gelehrten Estn. Gesellschaft*) пляски женщинъ при подобномъ же торжествѣ. Интересно, что важный атрибутъ народа составляютъ носимыя жепщинами на груди серебряныя бляхи или пражки, весьма сходныя съ тѣми, о коихъ на дняхъ говорилъ графъ Уваровъ въ сообщеніи своемъ по поводу объясненія наряда древнихъ руссовъ по Пбнъ-Фодлану, и Н. Еф. Бранденбургъ въ сообщеніи о фибулахъ.

Я тогда же имѣлъ случай заявить, что видѣлъ на Пейпусѣ подобныя же бляхи или фибулы, которыя носятъ безразлично и дѣвушками и замужними жепщинами. Нѣкоторыя весьма велики и вмѣстѣ съ серебряными цѣпями и ожерельями, носимыми вокругъ шеи и на груди, представляютъ у богатыхъ цѣнность въ 50, 60 и болѣе рублей. Во время народныхъ праздниковъ пляшеть иногда до 80 дѣвужекъ и жепщинъ, взявшись за руки; громко и явственно повторяютъ онѣ напѣвъ вслѣдъ за предводительницею, и пляшутъ

¹⁾ Сравн. Hartmann Inland (1860).

въ татъ, причеъ бусы и цѣпи, ударяясь о нагрудныя серебряныя бляхи, производятъ необычайный стукъ и звонъ.

Сообщенія г. д-ра Веске очень интересны. Жаль, что онъ за неимѣніемъ поддержки лишонъ былъ возможности надолго продлить тамъ свое пребываніе. Особенно важенъ собранный имъ грамматическій и филологическій матеріалъ. Г-нъ Веске не владѣетъ русскимъ языкомъ, что при изысканіяхъ въ томъ краю необходимо. Нѣтъ сомнѣнія, что русское населеніе края, русскіе обычаи и повѣрья повліяли на эстовъ, коимъ г. Веске и увѣряетъ, что эсты живутъ обособленную жизнь; однако онъ самъ сознается, что эсты въ Псковской губерніи отличаются добродушіемъ и привѣтливостью, чего никакъ нельзя сказать объ эстахъ Прибалтійскихъ, т. н. нѣмецкихъ губерній.

П. Висковатовъ.

РОДОСЛОВНАЯ ХОРВАТОВЪ.

А) Иванъ Самойловичъ Хорватъ,

вышедшій изъ Венгрии въ Россію въ 1751 г., принявъ на службу въ Россіи въ чинѣ генераль-лейтенанта, былъ главою эмиграціи Венгровъ [sic] въ Россію и заселилъ Новороссійскій край, называемый тогда Ново-Сербіей, былъ первый генераль-губернаторъ Новороссійскаго края, построилъ Новомиргородъ, гдѣ и жилъ, построилъ Елисаветградъ [sic] съ крѣпостію въ 1752 году.

Иосифъ Ив., генераль-лейтенантъ.

Дмитрій Ив., генер.-лейт. + жена его урожд. Солнцева.
умеръ на Кавказѣ.

Антонъ Ив. + урожд. изъ Татарина.

Первая жена его
урожд. Гр. Зу-
бова.

Вторая жена — вдова Анна Ив. Дегай (Dehaye).
(Сынъ ее отъ перваго брака — Левъ Павловичъ,
сенаторъ).

Александръ Дмитр. Пера-
мый мужъ ее по замѣ-
нѣ. Новосильцевъ убитъ въ
сраженіи въ 1828 г.
Во второмъ бракѣ за
гр. Ивельтъ. Дочь ихъ
Наташа.

Левъ Дмитр. + урожд. Кузина.
(умеръ въ Харьковѣ).

Александръ Левъ.

(развѣлся съ женою).

Марья Ант. въ замѣжъ за Жибуткинскимъ

Антонъ Николой женатъ на дочери се-
натора гр. Исаченъ.

Любовь Иосиф. въ
замѣжъ за кн. Го-
финскимъ.

Владиміръ Иос., младшій сынъ + Клеопатра, урожд. Ильинская
(во второмъ бракѣ за Клейнхельсомъ).

Иванъ Иос., старшій сынъ + Софья, урожд. кн. Львова.

Анна,
въ замужествѣ
за Зборницкимъ.

Елена.

Николой
(живетъ въ мѣстѣ Головино, въ Курск. губ.)

В) Дмитрій Самойловичъ Хорватъ, + Евфросинья Арсеньевна,
вышедшій изъ Венгрии въ Россію въ 1751
году, служилъ въ Россіи подполковникомъ,
жилъ въ Крыловѣ [что нынѣ Новогор-
плевскъ] гдѣ и умеръ.

С) Самуилъ Марковичъ Хорватъ, + Анна Юрьевна, урожденная
Акацатова,
подполковникъ, вышелъ изъ Венгрии въ
Россію малолѣтнимъ, племянникъ, не из-
вѣстно, въ какой степени Дмитрію и Ива-
ну Самойловичамъ Хорватамъ.

Старшая дочь ихъ, въ
замѣжъ за Орпакіемъ.

Екатерина Дмитріевна, въ замѣжъ
за майоромъ Сем. Степ. Пиччалетъ,
внучатъ, ген.-майоръ.

Иванъ Дмитріевичъ, генераль- + Татьяна Михайловна, дочь ге-
нерала, жилъ и умеръ въ Крым-
ской войнѣ.

Евфросинья, младшая дочь,
въ замужествѣ за Спарьякъ.

Екатерина, старшая дочь + Антонъ Самойловичъ (Алексій Самойловичъ).

Ульяна Павловна, въ
замѣжъ за кн. Федоръ
Корюковъ. Дети ихъ:
Дмитрій, Александръ,
Екатерина, Ольга и
Анна.

Дети ихъ: Александръ, Иванъ, Ан-
на, въ замужествѣ за генер. Шо-
вичъ, Надежда — за остроградскимъ,
Варвара — за Вортельномъ, Марія
— вдовствующая монахиня. Она по-
слѣдняя была отъ перваго брака,
спасаясь при догонѣннѣ ея каза-
ки въ Карпатахъ при провѣдѣ изъ
Венгрии въ Россію.

Татьяна Васильевна, дочь
ихъ, за Ант. Ильичемъ Шо-
стакъ.

Иванъ Антоновичъ, + Марія Онуфриевна,
младшій сынъ. урожд. Лисаненчъ.

Николой Ант. + Любовь Александровна,
старшій сынъ. урожд. Пиччалетъ.

Екатерина, Ольга, Анна, Софья и Николой
младшій въ
Шенювѣ
въ Антонъ
д. хар. г.

Николой, Михаилъ, Леонидъ, Алексій,
(умеръ въ (мѣсто въ (застрѣ- (мѣсто въ
Крыловѣ) въ Кур- (хлеба) (мѣсто въ
жончуга). (провецъ).
Егоръ, Сергій и Ольга.
(въ Одес.) (умеръ).

(жена его, Софья Давы-
довна, урожд. Захарова,
дети: Михаилъ,
Александръ, Ольга,
Евдѣя, Елена, Николай,
Любовь, Александръ,
Анна.

Дополненія къ Родословной Хорватовъ.

В. Н. Ястребова.

Оригиналь «Родословной Хорватовъ» найденъ мною въ семейныхъ бумагахъ Николая Ивановича Хорвата (изъ рода Самуила Марковича Хорвата), жительствующаго въ с. Шамовкѣ, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи. Мнѣ не удалось узнать, къмъ составлена родословная, но достовѣрность ея вполне подтверждается данными о представителяхъ рода, заключающимися въ другихъ фамильныхъ документахъ Николая Ивановича, и его личными показаніями; вѣроятно, она представляетъ собою дополненную редакцію болѣе древней родословной, но таковой мнѣ не попадалось.

Фамилію *Хорватъ* Николай Ивановичъ производитъ съ венгерскаго языка, утверждая, что повенгерски *хорватъ* значить *сербъ*.

Древнѣйшее свидѣтельство о родѣ Хорватовъ, найденное мною въ Шамовкѣ, заключается въ жалованной грамотѣ на дворянство, выданной императоромъ Леопольдомъ I въ 1689 году; она сохранилась въ латинской копіи и въ нѣсколькихъ переводахъ на русскій языкъ. Грамота выдана Анастасію Хорвату съ братьями Иваномъ, Маркомъ и Николаемъ; въ какомъ родствѣ съ ними находились Хорваты, перешедшіе въ Россію, не извѣстно.

Гербъ Хорватовъ таковъ: щитъ раздѣленъ на четыре части; въ верхнемъ ряду слѣва—левъ съ мечемъ, справа—голова старика въ коронѣ; внизу—слѣва щитъ съ крестомъ на верху, справа — пеликанъ, кормящій птенцовъ своею кровью; наверху главнаго щита — шлемъ, надъ нимъ рука съ мечемъ.

По семейнымъ преданіямъ, Николай Ивановичъ объясняетъ, что изображеніе пеликана пожаловано въ гербъ Хорватамъ за то, что кто-то изъ нихъ продовольствовалъ одно время отрядъ арміи на свой счетъ.

О старшихъ двухъ линіяхъ рода мнѣ не удалось получить какихъ либо свидѣній отъ Николая Ивановича; у него сохраняются только документы ли ніи Самуила Марковича, которые здѣсь передамъ въ извлеченіи.

Самойла Марковичъ Хорватъ вступилъ въ русскую службу въ 1754 г. имѣя 17 лѣтъ отъ роду; началъ службу въ гусарскомъ Хорвата полку, участвовалъ во взятіи Бендеръ и въ крымскомъ походѣ 1771 — 1774 гг.; въ отставку вышелъ, съ чиномъ подполковника, въ 1776 г., вслѣдствіе болѣзни и разстройства хозяйственныхъ дѣлъ; въ черновой прошенія объ отставкѣ находимъ указаніе на то, что имѣніе его (вѣроятно—Шамовка) разорено и сожжено, а люди уведены татарами во время нашествія ихъ на Новороссійскую губернію въ 1769 г.; по заявленію просителя, послѣдствія этого разоренія не были поправлены до 76 года, такъ что онъ терпѣлъ недостатокъ даже въ «пропитаніи себя, жены и дѣтей».

Документа на владѣніе имѣніемъ, о которомъ упоминается въ прошеніи объ отставкѣ, не сохранилось. По словамъ Николая Ивановича Хорвата, пра-дѣду его принадлежали слѣдующія населенныя мѣста:

1) Шамовка, названная такъ по его имени (Самойло, по сербски—*Шамо*); расположена на р. Рудой, притокѣ Ингульца.

2) Алексѣевка, на Ингульцѣ, выше впаденія въ него Рудой; носитъ имя сына Самойла Марковича; иначе называется Раказевичевой, по фамиліи прежняго владѣльца, капитана Молдавскаго гусарскаго полка, у котораго имѣние куплено Алексѣемъ Хорватомъ; купчей на землю не уцѣлѣло, но сохранилась купчая на мельницу съ 12 хатами, безъ земли, за что заплачено 300 р.; вѣроятно, Алексѣй рано умеръ и земля перешла къ отцу; въ родословную онъ не внесенъ, служебныхъ документовъ также не сохранилось никакихъ; не имѣется свѣдѣній и о томъ, былъ ли женатъ и имѣлъ ли дѣтей. Алексѣевка имѣетъ еще третье названіе Чичевка, неизвѣстнаго происхожденія.

3) Васовка, на р. Рудой.

4) Константиновка, на восточной вѣтви балки Скалевой, къ югу отъ Шамовки.

На имѣнія Самойла Марковича сохранились слѣдующіе документы:

1) 1774 г. купчая крѣпость. Жена отставнаго секундъ-майора Крыловскаго продала Самойлу Хорвату землю, доставшуюся ей отъ перваго ея мужа, поручика жолтаго гусарскаго полка Швана Федорова: ранговой 104 и на поселеніе 2 дворовъ 52 десятины земли, всего 156 дес., съ построенными на этой землѣ 6 дворами, въ округѣ шанца Дмитровскаго (въ районѣ жолтаго гусарскаго полка), при урочищѣ Черномъ лѣсѣ и р. Ингульцѣ, въ смежности дачъ Хорвата и монастырской слободы Уховки¹⁾; взяла 100 р.

2) 1777 г. межевая книга земли, отведенной Самойлу Хорвату подъ поселеніи 48 дворовъ, всего 1248 дес., при урочищѣ р. Рудой.

¹⁾ Уховка въ 1825 г. переведена въ Алешковскій уѣздъ.

3) Того же года межевая книга земли ранговой на 8 дворовъ, въ размѣрѣ 280 десятинъ, при урочищѣ р. Малаго Ингульца.

4) 1794 купчая. Отставной вахмистръ Замша продалъ ранговой земли, отведенной ему на 2 двора, и подъ поселеніе слободы на 6 дворовъ всего 208 десятинъ, на р. Рудой, съ правой стороны ея, въ смежности Чернаго лѣса и дачь Хорвата и Смича, съ водяной мельницей на Рудой; взялъ 780 руб.

Кромѣ того имѣется межевая книга 1777 г. отмежеваннѣмъ подъ поселеніе 6 дворовъ 156 дес. земли, выданная недорослю Алексію Самоиловичу Хорвату; ему отведенъ участокъ на р. Маломъ Ингульцѣ.

Послѣ 1794 года въ документахъ на имѣнія Хорватовъ замѣчается перерывъ. Но изъ размѣннаго листа внуковъ Самоила Марковича (1826 г.) видно, что послѣдній, равно какъ и сынъ его, Антонъ Самойловичъ увеличили ихъ приобретениемъ земель въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, а именно 1500 дес. въ деревнѣ Антоновкѣ ¹⁾ и 1558 десятинъ въ деревнѣ Анновкѣ (?); сверхъ того, Антонъ Самойловичъ получилъ въ приданное за женой своей, Екатериной Ивановной (также изъ рода Хорватъ) с. Реовку со 165 душами крестьянъ 1200 дес. земли и 80 дес. лѣса (по р. Цибульнику, бл. Крылова).

Самоилъ Марковичъ, по словамъ правнука его, Николая Ивановича, умеръ около 1820 г.; сынъ его, Антонъ Самойловичъ, умеръ раньше (въ 1808—9 г.), оставивъ подъ опекой сыновей Ивана и Николая; достигнувъ совершеннолѣтія, они подѣлили пополамъ каждое изъ трехъ наслѣдственныхъ имѣній (Реовское, Шамовское и Антоновское); но потомъ, въ 1826 году, помѣнялись ими: Иванъ получалъ Шамовку всю, а Николай Реовку; свою половину Антоновки Иванъ продалъ Николаю же.

Реовка досталась потомъ сыновьямъ Николая Антоновича; теперь часть ея принадлежитъ Михаилу Николаевичу, а другая во владѣніи дѣтей Леонида. Шамовка до прошлаго года принадлежала Николаю Ивановичу, но теперь она продана и прежній владѣлецъ оставилъ себѣ всего нѣсколько десятинъ.

Антоновка сыновьями Николая Антоновича продана -- одна часть Чечелю, другая Бурзинкевичу.

Въ размѣнномъ листѣ 1826 г. показано слѣдующее число душъ въ наслѣдственныхъ селахъ: въ д. Антоновкѣ 22 муж. и 20 ж.; въ д. Анновкѣ 22 муж. и 27 ж.; въ с. Реовкѣ 165 душъ; въ Алексѣевкѣ 46 муж. и 66 ж.

Относительно же Шамовки Александрійскаго уѣзда могу предложить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, на основаніи церковныхъ документовъ. Рождество-Богородицкая церковь въ Шамовкѣ (деревянная) выстроена попеченіемъ Са-

¹⁾ Иначе Шамовка, Березовка тожъ, на притогахъ Ингула Березовкѣ.

моида Марковича; заложена въ 1786 г., освящена въ 1788-мъ, 7-го февраля; въ 1820 году за ней писалось 120 десятинь пашенной и сѣнокосной земли. По церковнымъ документамъ, движеніе населенія въ Шамовѣ за 10 лѣтъ начала нашего столѣтія представляется въ такомъ видѣ:

1803 г.	—	499	муж.	436	жен.	125	дворовъ.
1805 «	—	460	«	380	«	115	«
1806 «	—	435	«	366	«	108	«
1808 «	—	411	«	346	«	102	«
1809 «	—	107	«	349	«	101	«
1810 «	—	47	«	41	«	103	«
1811 «	—	411	«	346	«	102	«
1812 «	—	419	«	408	«	104	«
1816 «	—	408	«	393	«	102	«
1819 «	—	422	«	444	«	105	«

По размѣнной

въ 1826 г. — 232 « 208 душъ.

Слѣдовательно, за 23 года прироста населенія въ Шамовѣ не замѣчается, а замѣчается, напротивъ, убыль.

В. Ястребова.

О Водянскомъ городищѣ въ Саратовской губерніи.

Н. А. Толмачова.

Въ первой половинѣ сентября 1854 года мнѣ пришлось прожить нѣкоторое время въ посадѣ Дубовкѣ, Саратовской губерніи, въ ожиданіи прихода парохода для дальнѣйшаго переѣзда; во время этого проживанія я слышалъ рассказы о существованіи близъ посада древняго городища. Мѣстность его, по словамъ рассказчиковъ, была защищена отъ нападений съ одной стороны крутымъ спускомъ къ долинѣ Волги, съ другой оврагомъ, съ остальныхъ сторонъ ограждена валомъ и рвомъ; мнѣ сообщали, что на городищѣ бывали находимы иногда и древнія вещи и татарскія монеты. Воспользовавшись представившимся случаемъ посѣтить указанную мѣстность, я имѣлъ возможность убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи на ней городища; это послѣднее показалось мнѣ по расположенію и устройству напоминающимъ тѣ городища, которыя я встрѣчалъ въ Казанской губерніи, во время поѣздокъ 1850 и 1851 годовъ и о которыхъ имѣлъ честь докладывать IV Россійскому Археологическому съѣзду въ 1877 году, въ Казани. Недостатокъ времени побудилъ меня отказаться какъ отъ измѣренія городища такъ и отъ составленія ему приблизительнаго плана; при осмотрѣ не встрѣтился, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ жителей ближайшихъ селеній, котораго я могъ-бы разспросить, не существуетъ ли преданій о времени построенія городища, о его бывшихъ обитателяхъ, о находимыхъ древнихъ вещахъ, и просить показать остатки зданій, если такіе остатки существуютъ. На обратномъ пути въ посадъ, пришлось проѣзжать мимо стоявшаго вблизи развалинъ на берегу Волги длиннаго деревяннаго зданія, оказавшагося возведеннымъ для соленія ловимой въ рѣкѣ рыбы; при зданіи я встрѣилъ сторожа, который, не будучи мѣстнымъ жителемъ, на предложенные ему относительно городища вопросы, къ сожалѣнію, не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ, но предложилъ въ даръ 96 подобранныхъ имъ на городищѣ, въ свободное время, мѣдныхъ старинныхъ татарскихъ монетъ. Монеты эти, по возвращеніи въ Казань, я передавалъ для опредѣленія покойному В. К. Савельеву.

Я узналъ впоследствии, что о городищѣ уже существовали свѣдѣнія въ печати. Въ 1-й книгѣ 27-й части журнала М. В. Д. (1838 г. Генварь) на 4-й и

5-й страницѣхъ отдѣла «Смѣсь», помѣщено было даже краткое описаніе его, въ статьѣ: «Водянское городище». Позволяю себѣ привести содержаніе статьи. «Отъ посада Дубовки вверхъ по Волгѣ, верстахъ въ 5, видны какіято развалины при рѣчкѣ Водяной, впадающей въ Волгу. Вѣроятно, тамъ было татарское селеніе или небольшой городокъ, ибо во многихъ мѣстахъ видны остатки каменныхъ зданій, много кирпича, камня, извести и глины. Сверхъ того тутъ весьма замѣтно бывшее укрѣпленіе, частію естественное, частію искусственное; съ Юга Волга, съ Сѣверо-востока балка (въ здѣшнемъ краѣ овраги или буераки называются балками) или буеракъ, крутой и весьма глубокой, въ коемъ протекаетъ рѣчка Водяная, отъ коей названіе получила и самая балка; съ Сѣвера тоже буеракъ, который улирается въ балку, съ Запада, отъ Дубовки, со стороны открытой и возвышенной стени, былъ глубокой ровъ и высокій валъ, доселѣ цѣлые. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развалинъ находили татарскія монеты, нольца, и проч. Окрестные жители не знаютъ, что тутъ было, ибо сей край еще недавно населенъ».

Просматривая изданный въ 1862 году «Списокъ населенныхъ мѣстъ Саратовской губерніи», составленный по свѣдѣніямъ 1859 года, я нашелъ упоминаніе о городищѣ и въ немъ. Остатки зданій есть также верстахъ въ двухъ выше посада Дубовки; здѣсь еще недавно находили монеты, посуду и другія мелочи (стр. XXVII).

Оба приведенныя извѣстія относятся, очевидно, къ видѣнному мною въ сентябрѣ 1854 года городищу, такъ какъ о существованіи другаго подобнаго въ этой мѣстности мнѣ не пришлось ни слышать въ бытность въ Дубовкѣ, ни встрѣтить указаній на то въ литературѣ въ послѣдствіи. Разница въ показаніяхъ о разстояніи городища отъ посада обусловлена безъ сомнѣнія тѣмъ обстоятельствомъ, что на нашихъ проселочныхъ дорогахъ нѣтъ верстовыхъ знаковъ, и число верстъ всякій проѣзжающій опредѣляетъ по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ.

Весьма возможно, что въ мѣстной Саратовской литературѣ или въ отчетахъ о путешествіяхъ по Россіи ученыхъ изслѣдователей прошлаго или текущаго столѣтій найдутся и еще упоминанія объ этомъ городищѣ, а можетъ быть и описанія его; но мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось встрѣтить ихъ пока.

Привожу списокъ монетъ, опредѣленныхъ покойнымъ В. К. Савельевымъ изъ числа вышеупомянутыхъ 96. Опредѣленія дѣланы были имъ и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ предшествовавшихъ, когда приходилось обращаться къ нему, — по сочиненіямъ Френа: Монеты хановъ улуса Джучіева и *Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae, Petropoli 1826*. В. К. Савельевъ имѣлъ обыкновеніе, просматривая подобныя монеты, диктовать свои диагнозы и приводить для каждаго вида ссылки на сейчасъ приведенныя сочиненія.

Въ приводимомъ перечнѣ я обозначилъ для краткости сочиненія Френа буквами: Мон Хан. и Вес.; лицевую сторону монетъ римскою цифрою I, оборотную цифрою II. Изъ 96 экземпляровъ, удобоопредѣляемыми В. К. нашель 58 (пятьдесятъ восемь).

Изъ описанныхъ Френомъ монетъ въ собраніи оказались слѣдующіе виды :

- 1) I. 16 пулъ деньги. I М. Сарайская. Годъ 721 (1321). II. Печать Соломона. (Мон. Хан. т. II Ф. LVII; Вес. стр. 209, № 12)..... 2
- 2) I. 16 деньговъ. II М. Сарайская. Годъ 731 (1330—31; Мон. Хан. т. X. Ф. CCCXXXIX; Вес. стр. 219 № 40)..... 2
- 3) I. Высочайшее повелѣніе и по краямъ: М. Сарайская. Годъ 737 (1336 — 7). II Левъ и солнце. (Мон. Хан. т. II Ф. XLVI; Вес. стр. 218 № 35). 10
- 4) I. Высочайшій ярлыкъ: вокругъ 16 пулъ деньги; II птица съ загнутою назадъ головою и 3 кружками; вокругъ: монета Сарайская; годъ 726 (1325—6; Мон. Хан. т. I. Ф. 31; Вес. стр. 211 № 17)..... 4
- 5) I. Монета Сарая Новаго. Годъ (отличается отъ обозначенія его на приводимой ниже по Resensio монеты: вмѣсто VIII поставлено VDI): 751 (1350—1). II. Распустившійся цвѣтокъ. (Вес. стр. 239 № 38)..... 1
- 6) I. Новый Сарай. Годъ 761 (1359—60). II. Распустившійся цвѣтокъ. (Мон. Хан. т. X Ф. CCCXLIV; Вес. стр. 295 № 1)..... 15
- 7) I. Хызръ-Ханъ. Бита въ Гюлистанъ. Годъ 762 (1360—1; Вес. стр. 267 № 12)..... 3
- 8) I. Хызръ-Ханъ. II. Монета Новаго Сарая. Вес. стр. 266 № 8).. 1
- 9) I. Монета Новаго Сарая. Слѣва и внизу: 16 деньговъ. II. Фигура, походящая на двуглаваго орла. (Мон. Хан. т. X, Ф. CCCXLIII; Вес. стр. 404 № 13)..... 20

Оказывается, что на всѣхъ опредѣленныхъ В. К. Савельевымъ монетахъ, изъ числа полученныхъ мною съ Водянскаго городища, обозначены мѣста чекани; такихъ мѣстъ показано три: Сарай, Новый Сарай и Гюлистанъ. Чеканенныхъ въ Сарай оказалось въ числѣ опредѣленныхъ 4 вида въ 18 экзempl.; въ Новомъ Сарай тоже 4 вида въ 37 экзempl., и въ Гюлистанъ 1 видъ въ 3 экзempl. Годъ чеканки поставленъ на 7 видахъ изъ 9; именно на монетѣ, чеканенной въ Гюлистанъ, на всѣхъ монетахъ, чеканенныхъ въ Сарай, и на двухъ изъ четырехъ видовъ монетъ, чеканенныхъ въ Новомъ Сарай. На видахъ монетъ, чеканенныхъ въ Сарай поставлены годы: 1321, 1325—6; 1330—1 и 1336—7; на монетѣ чеканенной въ Гюлистанъ поставленъ 1360—1 годъ; на видахъ монетъ, чеканенныхъ въ Новомъ Сарай 1350 — 1 и 1359 — 60-й годы. Изъ Золотоордынскихъ Хановъ В. К. прочиталъ имя одного только Хызра, или по русскимъ лѣтописямъ Кидаря, и притомъ на двухъ видахъ монетъ, изъ которыхъ одинъ чеканенъ былъ въ Новомъ Сарай, а другой въ Гюлистанъ.

Какія заключенія позволительно выводить изъ вышеприведенныхъ данныхъ относительно прошлой исторіи поселенія, оставившаго по себѣ слѣды въ описываемомъ городищѣ?

Совершенное умолчаніе русскихъ письменныхъ и печатныхъ историческихъ сочиненій о существованіи поселенія на мѣстѣ тепершняго городища въ русскія времена, а также и отсутствіе показаній о томъ, чтобъ въ числѣ находимыхъ на немъ вещей встрѣчались русскія,—заставляетъ предполагать, что въ послѣднія 3 столѣтія, со времени присоединенія края къ Россіи, мѣстность эта уже не была обитаема; нахожденіе на городищѣ золотоордынскихъ монетъ указываетъ на заселеніе ея во времена господства въ краѣ Хановъ Золотой Орды; если допустить предположеніе, что относительное обиліе монетъ, находимыхъ на городищѣ, можетъ служить указателемъ торговой дѣятельности поселенія и его процвѣтанія, то періодъ таковой дѣятельности и процвѣтанія золотоордынскаго поселенія, бывшаго на мѣстѣ Водянскаго городища, мы можемъ относить, судя по годамъ, вычеканеннымъ на найденныхъ тамъ монетахъ, къ царствованію хановъ отъ Узбека до Кидаря включительно; въ пользу предположенія о цвѣтущемъ состояніи поселенія въ бывшія времена могутъ быть приведены и показанія статьи Ж. М. В. Д. и «Списка населенныхъ мѣстъ Саратовской губерніи», о нахожденіи на городищѣ разваливъ зданій; валъ и ровъ служатъ указателями, что поселеніе было укрѣпленное, и какъ таковое, конечно, должно было имѣть гарнизонъ.

О времени возникновенія поселенія также какъ и о времени, когда люди удалились изъ него окончательно, по приведеннымъ даннымъ, конечно, нельзя дѣлать никакихъ заключеній; но нельзя упускать изъ виду и того соображенія, что концомъ существованія и это золотоордынское поселеніе, подобно многимъ другимъ, могло быть обязано походамъ Тамерлана въ девяностыхъ годахъ XIV-го столѣтія.

Доволя вышеизложенное до вѣдѣнія Собранія, я прошу снисхожденія къ неточностямъ, которыя могутъ быть найдены въ моемъ рассказѣ: желалъ бы, чтобъ эти неточности объясняемы были моимъ незнакомствомъ съ восточными языками и нумизматикой и малымъ знакомствомъ съ наукой о древностяхъ, особенно восточной половины Россіи. Позволяю себѣ заключить сказанное приведеніемъ еще одного соображенія, на которое я наведенъ былъ въ послѣдніе годы, случайнымъ просмотромъ напечатанной въ *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg*, VI-me série (Sciences politiques et cœt. tome III, S. Pétersb. 1836) статья Френа: *Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek im Süden von Saratow und einen dort unlängst gemachten Fund*. На стр. 77 авторъ приводитъ слѣдующія строки изъ введенія къ географическимъ таблицамъ Абульфеды, именно изъ отдѣла о рѣкахъ (я сообщаю ихъ въ русскомъ переводѣ):

«Рѣка Итилъ (Вола), протекиши вблизи Булара, или такъ называемаго Внутренняго Булара, въ дальнѣйшемъ ходѣ омываетъ лежащій на ея берегу небольшой городъ Укекъ, затѣмъ, продолжаясь къ югу, пробѣгаетъ близь деревни Бельджеменъ, а затѣмъ поворачиваетъ къ Ю.-В. и протекаетъ съ юго-западной стороны Сарая ¹⁾».

Френъ присовокупляетъ, что мѣстность Бельжемена еще не отыскана. Предлагаю на обсужденіе господъ ориенталистовъ, присутствующихъ на съѣздѣ, вопросъ: можетъ или не можетъ Водянское городище быть принято за слѣдъ упоминаемаго Абульфедою поселенія Бельджеменъ?

Н. Толмаковъ.

¹⁾ Привожу слова арабскаго писателя Абульфеды въ переводахъ: 1) Френа, 2) Рейске и 3) Рено. Dass der Itil Fluss (d. i. die Wolga), nachdem er in der Nähe von Bular oder dem sogenannten Inner Bulghar vorbeigeströmt, weiter hin die an seinem Ufer gelegene kleine Stadt Ukek bespüle, von da südlich beim Dorfe Beldschemen und darauf südöstlich sich wendend bei der Stadt Sarai sich vorbeifliesse. Beldschemen — dieser Ort ist bisher noch nicht wieder ausgemittelt worden. Рейске передаетъ эти слова въ слѣдующемъ переводѣ. Fluvius ol Atol (Wolga) est inter fluvios ejus tractus maximus atque celeberrimus, venit ab ultimo septentrione et oriente prorsus inculto, transitque urbem Balar, quam ambit a Septentrione et Occidente, quam Arabes appellant Bolgaram interiorem, cujus latitudo major est quinquaginta gradibus. A Balar procedit fluvius ad oppidum in sua ripa positum Ukak dictum. Inde ad pagum Balgaman versus meridiem, inde versus orientem flexus et meridiem, praeterit urbem Sarai, ab huius meridionali et occidentali latere. Est autem Sarai in ol Atoli septentrionali et orientali ripa. Hac missa finditur prope mare Choazarorum (seu Caspium) in fluvios ut dicunt 1001, qui omnes in dictum mare Caspium incidunt ab ejus parte septentrionale occidental. (Abulfedae Opus geographicum, ex arabico latinum fecit Io. Iacobus Reiske, Prolegomena стр. 173, въ Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friderich Büsching. IV Theil, Hamburg 1770).

Рено переводитъ такъ: L' Atel (nahr Alatel) est un des plus grands fleuves et des plus fameux de cette partie du monde. Il vient des contrées les plus reculées du nord et de l'orient, là où il n' y a pas de lieux habités et passe près de la ville de Bolar, dont il fait le tour du côté du nord-ouest. Bolar est la ville, appelée par les arabes la Bolgar intérieure (Bolgar aldakhila); sa latitude dépasse cinquante degrés. De Bolar le Volga se rend devant une petite ville nommée Oukak; il passe devant le village nommé Baldjaman et coule vers le midi; puis il tourne au sud-est, et passe devant la ville de Seray, du côté du sud-ouest. Seray se trouve sur les bords du fleuve du côté du nord-est. Arrivé près de la mer Caspienne, le fleuve se partage, dit-on, en mille et un bras, qui tous se jettent dans la mer, du côté du nord-ouest (Géographie d'Aboulféda, traduite de l'arabe en français par M. Reinand. Paris 1848. Tome II. Première partie. Prolegomenes. Fleuves, page 81. (Le Volga).

Архивныя данныя о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ.

Ө. Ө. Лашкова.

Смѣю думать, что VI Археологическому Съезду въ Одессѣ не безынтересно будетъ выслушать тѣ данныя, какія можно было собрать въ мѣстномъ архивѣ, о бейликахъ въ Крымскомъ ханствѣ. Помимо значенія этого вопроса для исторіи внутренняго состоянія ханства, а также выясненія того или другаго типа общественной организаціи, постановку его вызываетъ сама жизнь, точнѣе говоря, практика современнаго суда. Кассационный Департаментъ, въ своемъ рѣшеніи по дѣлу о бейликѣ Яшлавскихъ, назвалъ бейликъ маюратнымъ владѣніемъ. Я рѣшаюсь предложить благосклонному вниманію съѣзда очеркъ тѣхъ данныхъ по названному вопросу, какія мнѣ удалось собрать въ Архивѣ Таврическаго Дворянскаго Собранія и Губернскаго Правленія.

Таврическій Губернаторъ Мертваго сдѣлалъ 22 Апрѣля 1807 г. запросъ Губернскому предводителю Дворянства Нотарѣ о томъ, «какіе роды мурзь должны считаться бейскими». Предводитель Дворянства отвѣчалъ слѣдующее: Ширинскіе, Мансурскіе, Сиджеутскіе и Аргинскіе составляютъ первые четыре рода беевъ, второй же разрядъ беевъ составляютъ Кипчакскіе и Яшлавскіе. Далѣе онъ перечисляетъ мурзинскія фамиліи изъ капыхалновъ и улановъ въ такомъ порядкѣ: 1) Акъ-Мамбетъ-Оггинскіе, 2) Сеитъ Огданъ Карасубашинскіе, 3) Абдула-Огданъ Абланскіе, а изъ капыхалновъ: Апоракскіе, Даирскіе Кайкубатскіе, Тайганскіе, Битакскіе, Булганскіе и Мерхатскіе; наконецъ изъ черкесскихъ капыхалновъ: Салгирскіе, Аратунскіе и Альминскіе. Когда состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о разборѣ магаметанскихъ и греческихъ дворянскихъ родовъ, то Ширинскіе, Мансурскіе, Сиджеутскіе, Аргинскіе, Кипчакскіе, Яшлавскіе и прочіе изъ поименованныхъ родовъ представили въ Таврическое Дворянское Депутатское Собраніе документы, которыми они доказывали дворянское свое происхожденіе. Это были: во 1-хъ, ханскіе ярлыки и султанскіе фирманы, выданные предкамъ беевъ, во 2-хъ, сви-

дѣтельство дворянъ-мурзъ о родовитомъ происхожденіи ихъ и въ 3-хъ, родословныя бейскихъ фамилій. Въ этихъ документахъ заключаются любопытныя свѣдѣнія объ одной оригинальной формѣ государственнаго и аграрнаго устройства Крымскаго ханства, именно о бейликѣ. Ширинскіе представили 9 турецкихъ фирмановъ и 8 ханскихъ ярлыковъ и родословную за подписью племянника послѣдняго хана Шагинъ-Гирея и тридцати представителей древнѣйшихъ фамилій беевъ и мурзъ. Содержаніе документовъ слѣдующее: а) Фирманомъ Султана Сулеймана отъ 1681 г. былъ возобновленъ старый фирманъ, принадлежащій Кадыршѣ мурзѣ на право быть субашіемъ города Яни Шегеръ т. е. Новаго города и окрестныхъ деревень Мердемира и другихъ, жители которыхъ должны обращаться къ нему для разслѣдованія своихъ дѣлъ. Кромѣ того Кадырша мурза силою возобновленнаго фирмана имѣлъ право на жалованье въ 41,275 акча; б) Фирманъ султана Махмуда отъ 1727 года возобновляетъ старый фирманъ «почтенному калгѣ т. е. намѣстнику Ширинскаго владѣнія» Сеферъ Алію мурзѣ, на полученіе изъ Феодосійскаго казначейства 60 акча въ день; в) Фирманъ султана Османа отъ 1752 года повелѣваетъ, согласно представленію Крымскаго хана Арсланъ-Гирея Ахметшѣ и Бахтышѣ изъ «Умера т. е. князей Ширинскихъ» пользоваться деревнями Дегерминкой и Кизилташъ ¹⁾, состоящими въ Мангушской волости, уплачивая за это въ Феодосійское казначейство по 10 акча; г) Фирманъ Мустафы отъ 1753 года назначаетъ *племяннику* Крымскаго хана Алимъ-Гирея Богатыршѣ мурзѣ изъ «Умера т. е. князей Ширинскихъ» ежегодно по 50 т. акча; д) Фирманъ того же султана отъ 1755 года повелѣваетъ выдавать Исмаиль мурзѣ «изъ Шириновъ» ежедневно по 10 симъ хани акча изъ Феодосійскаго казначейства, а фирманъ отъ 1756 г. опредѣляетъ Ахметшѣ мурзѣ и Темуршѣ мурзѣ изъ «Умера т. е. князей Ширинскихъ» жалованье — первому 7275 акча ежегодно, а второму по 15 акча въ день. Кромѣ того Ахметшѣ мурзѣ особымъ фирманомъ отдаются въ пользованіе деревни Дегерминкой и Кизилташъ. и прежде находившіяся въ пользованіи рода Шириновъ, съ платежемъ 10,500 акча въ Феодосійское казначейство. Изъ содержанія фирмана видно, что Ахметша былъ племянникомъ Крымскаго хана. Наконецъ фирманъ султана Мустафы отъ 1766 г. жалуетъ Изманлу мурзѣ по 10 т. акча ежегодно, согласно просьбѣ Крымскаго хана.

Содержаніе же ярлыковъ, данныхъ Ширинскимъ ханами слѣдующее. 1) Капланъ Гирей и Селимъ Гирей въ 1716 г. жалуетъ *первенствующему* Ширину Османъ Бюю пенсію въ 150 грушевъ изъ доходовъ Керченскаго солянаго озера; 2) Мансютъ-Гирей жалуетъ въ 1730 г. Сеитшѣ мурзѣ Ширинскому

¹⁾ Кизилташъ и Дегерминкой входили въ составъ султанскихъ владѣній въ Крыму.

по 250 грушевъ; 3) Селимъ-Гирей въ 1733 г. — Темуршъ мурзѣ 40 грушевъ изъ суммъ Перекопскаго сбора; 4) Арсланъ Гирей въ 1748 г. возобновляетъ этому же Темуршѣ ярлыкъ на получение 40 грушевъ; 5) Ярлыкъ Алимъ Гирей хана и Саадетъ-Гирей хана, отмѣченный 1755 г., отдаетъ Темуршѣ мурзѣ пенсію въ 150 грушевъ и называетъ его «первенствующимъ въ родѣ Ширинскихъ и княжествъ». Наконецъ, любопытный ярлыкъ, принадлежитъ послѣднему хану Шагинъ-Гирею. Въ этомъ документѣ, помѣченномъ 1778 г., мы читаемъ сначала указаніе Шагина на то, что бывшіе до него ханы обращали особое вниманіе на Умера «которымъ всегда даровали особое преимущество, касательно ихъ бѣства, *предоставляя имъ право владѣть этимъ бѣствомъ т. е. княжествомъ одному старѣйшему изъ рода тѣхъ князей*». Затѣмъ бераатъ продолжаетъ: «на основаніи прежняго адата т. е. постановленія повелѣваемъ быть Мегметшѣ мурзѣ Ширинскому владѣтельнымъ Ширинскаго княжества беемъ и въ томъ выдаемъ ему сей бераатъ, по полученіи котораго, принявъ княжество Шириновъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, онъ исправно бы исполнялъ свою обязанность и разрѣшалъ бы для жителей Ширинъ, какъ по *части гражданской, такъ и духовной* и особо уважалъ заслуженныхъ у хановъ Ширинскихъ князей и другихъ сановниковъ».

Что касается родословной Ширинскихъ, позволю себѣ привести эту родословную въ томъ видѣ, какъ она хранится при дѣлѣ 1862 г. въ Архивѣ Тавр. Двор. Собр. «о дворянствѣ мурзъ Ширинскихъ».

Родъ беевъ Ширинскихъ есть первый изъ всѣхъ семи бейскихъ поколѣній татарскихъ. Ширинскіе, происходя отъ древнихъ завоевателей Крыма, всегда составляли въ ономъ первѣйшую въ народномъ собраніи степень. Предки Ширинскихъ пришли въ Крымъ отъ рѣки Волги съ подвластными имъ народами, коими всегда обладали и кои служили подъ ихъ знаменами. Старшій въ родѣ Ширинскихъ имѣетъ титулъ бея, второй по немъ имѣетъ титулъ калга, третій имѣетъ титулъ нурадинъ, а прочіе всѣ Ширинны хотя и именуется мурзами, но будучи, по знатности породы, уважаемы, имѣютъ преимущество предъ прочими другаго происхожденія мурзами. Титулъ же калга и нурадинъ имѣли только ханскіе и Ширинскіе роды. Предокъ Ширинскихъ былъ извѣстный Дангы-бей; прежде еще покоренія Крыма татарами, онъ владѣлъ за рѣкою Волгою многочисленнымъ народомъ. Потомки Дангы-бея Ширинскаго и во времена хановъ имѣли обширную политическую власть которую ханы предоставляли четыремъ родамъ беевъ: первый Ширинъ, второй Мансуръ, третій Барынъ и четвертый — Сиджеутъ, называвшіеся тогда по татарски Доргъ Караги; и безъ согласія сихъ четырехъ беевъ, ханъ самъ собою ничего относящагося къ управленію народомъ не могъ предпринимать. Дангы бей командовалъ войскомъ, а сынъ его Руктемиръ бей всегда находился при ханѣ Тохтамышѣ. Руктемиръ бей, за оказанныя хану вѣрныя и усердныя услуги, отъ коихъ зависѣло сохраненіе его

жизни и благосостоянія, возведенъ въ первые надъ всѣми подвластными хану бегами и народами, и дано ему первое мѣсто во время присутствія въ диванѣ и право сидѣть рядомъ съ ханомъ съ правой стороны его. Сверхъ того ханъ уполномочилъ Руктемиръ бея во всемъ его ханскомъ правленіи участникомъ, пожаловалъ его въ томъ грамотою съ тѣмъ, что безъ воли и согласія Ширинскаго бея никакія важныя государственныя дѣла не начинались бы и не оканчивались. Почему Ширинскій бей считался хану товарищемъ, для чего и пожалованъ отъ хана венецель, каковой самъ ханъ имѣлъ и печатью, называемою по татарски Бадемы Мугуръ, каковой печати болѣе никто изъ беевъ не имѣеть. И когда Руктемиръ бей по заслугамъ своимъ достигъ до важнѣйшей степени, то ханъ Тохтамышъ наконецъ выдалъ за него родную сестру свою Джашике Слухани, отъ которой Руктемиръ бей имѣлъ сына Тегене бея. Послѣ чего Тохтамышъ ханъ умеръ, а на мѣсто его поступилъ ханомъ Кадыръ Берды, по смерти коего власть Ширинскихъ беевъ до того возвысилась, что съ того времени послѣдующіе ханы избираемы были Ширинскими беями, и первый по Кадыръ Берды ханъ избранъ таковымъ Уду-Махметъ-Гирей ханъ Тегене беемъ Ширинскимъ. Сынъ его Маманъ бей при Хаджи Гирей ханѣ, имѣя знамена и подвластные ему народы, пришелъ отъ рѣки Волги въ Крымъ, оный завоевалъ, а когда Хаджи Гирей ханъ на 16-мъ году своего царствованія умеръ, то по смерти сего хана произошло между наследниками его междоусобіе, вслѣдствіе котораго старшій сынъ его Менгли-Гирей ханъ принужденъ былъ удалиться подъ защиту генуэзцевъ въ крѣпость Мангупъ, откуда плѣннымъ отвезенъ въ Константинополь. Между тѣмъ первый завоеватель Крыма Маманъ бей Ширинскій умеръ, а на мѣсто его поступилъ родной сынъ его Эменекъ бей, который при всемъ стараніи, не могши прекратить продолжавшагося въ Крыму междоусобія, принужденъ былъ отправиться самъ въ Константинополь къ Султану Фатти Мегмету, у котораго и просилъ возвращенія Менгли-Гирей хана съ условіемъ, что Крымъ и народъ, въ ономъ обитающій, долженъ состоять подъ властью турецкой Порты. На каковое предложеніе Султанъ охотно согласился, поставивъ съ своей стороны требованіе, чтобы впредь Крымскіе ханы были опредѣляемы съ утвержденія Турецкой Порты. Почему какъ Менгли-Гирей ханъ, такъ равно и Эменекъ бей приняли на вѣрность подданства Султану присягу. Первый изъ нихъ утвержденъ Крымскимъ ханомъ, а послѣдній пожалованъ отъ Султана важными подарками: бунчукомъ и прочими драгоценностями и знаменами. Оба они моремъ прибыли въ городъ Феодосію, а потомъ въ Старый Крымъ въ 1478 году. Съ того времени первый въ родѣ бей Ширинскій, при поступленіи на сію степень, пользовался дарованнымъ отъ Султана правомъ трехъ-бунчужнаго паши и командовалъ Крымскимъ народомъ, и до покоренія Крыма подъ Всероссийскую державу бей Ширинскіе были знаменитѣйшіе и сильнѣйшіе всѣхъ, такъ что по требованію ихъ Турецкая Порта смѣняла и опредѣляла въ Крыму хановъ.

Владѣніе беевъ Ширинскихъ заключало особенный удѣлъ, начинавшійся отъ Перекопа и простирающійся къ сторонѣ Азова.

Первые въ родѣ бея Ширинскіе имѣли непосредственное право на владѣніе по всему тому пространству всѣми землями. Въ послѣдствіи времени и внутри Крыма Ширинскіе владѣли землями и лѣсами, завоеванными предкомъ Маманъ-беемъ Ширинскимъ отъ генуэзцевъ и утвержденными за ними ханомъ Крымскимъ, каковыя земли находятся нынѣ въ Теодосійскомъ уѣздѣ при деревняхъ: Орталанъ, Таплы, Сарытана и Сала. И сверхъ того по тому же праву владѣли соляными озерами, именуемыми Анъ-Ташъ Кончекъ, Шейхъ Эли и на Арабатской стрѣлкѣ Тузь-Тубень съ землями, лежащими на стрѣлкѣ, за исключеніемъ части, определенной для Арабатской вѣрности. Ширинскіе получали въ свою пользу доходъ съ оныхъ и брали съ пропускаемаго чрезъ Арабатскую стрѣлку скота и разныхъ произведеній пошлину. При владѣніи же послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ Гирей, по волѣ его, Ширинскіе уступили все показанное имѣніе, а ханъ въ замѣнъ того опредѣлилъ Ширинскимъ жалованье. По присоединеніи Крыма къ Россіи все это имѣніе какъ ханское поступило въ казенное вѣдомство и Ширинскіе учинили на вѣрность Россійскому престолу присягу, приняты многіе въ Россійскую службу, жалованы чинами и отличіями. Россійскій фельдмаршалъ и генер.-губ. Таврической, князь Потемкинъ Таврической, извѣстень будучи о получаемомъ отъ хана Ширинскими жалованіи за уступленное хану имѣніе, назначилъ съ Высочайшаго соизволенія родоначальнику Мегметши бею Ширинскому ежегодно жалованья по двѣ тысячи рублей, которыя какъ онъ Мегметши бей, такъ равно и послѣдующіе за нимъ беи Ширинскіе до сихъ поръ по Высочайшему соизволенію получаютъ. А въ Бозѣ почившая Императрица Екатерина II, по покореніи Крыма подъ Россійскую державу, въ ознаменованіе признательности Ея и благоволенія къ знаменитому роду Ширинскихъ, Высочайше изъявить соизволила желаніе монаршее, чтобы въ Тавридѣ губернскіе предводители были изъ рода Ширинскихъ».

Второй родъ беевъ, — *Мансурскіе* представили въ доказательство своего дворянскаго происхожденія только два ханскихъ ярлыка, содержаніе которыхъ таково. Девлетъ-Гирей ярлыкомъ жалуетъ Ходжу-Достъ Мухамеду «старшему между своими сверстниками» 32 деревни, какъ сказано въ ярлыкѣ, «и прежде находившіяся подъ его властью и распоряженіемъ для владѣнія и распоряженія ими на прежнихъ основаніяхъ... и для учиненія въ нихъ самостоятельнаго разслѣдованія могущихъ произойти преступленій, подобно тому, какъ владѣли въ Крыму его предки, дабы отнынѣ никто не смѣлъ сопротивляться или противодѣйствовать, когда онъ, по примѣру своихъ предковъ, будетъ производить судъ и расправу по обнаружившимся преступленіямъ. Жителямъ упомянутыхъ 32 деревень запрещено переселяться въ другое мѣсто или вступать къ кому либо въ услуженіе. Далѣе, ярлыкъ объявляетъ—въ случаѣ, если Достъ-Муха-

медь «сядетъ на коня противъ враговъ ханскихъ, то и поселяне съѣли бы на коней вмѣстѣ съ нимъ на служеніе намъ». Ярлыкъ заканчивается угрозой тѣмъ, кто окажетъ неповиновеніе Ходжу-Достъ-Мухамеду, о наказаніи таковыхъ данъ уже приказъ. Другимъ ярлыкомъ, принадлежащимъ Мансурскимъ, ханъ Тохтамышъ-Гирей подтверждаетъ Ходжу Абдураману Мансуръ мурзѣ вышеприведенный фирманъ Девлетъ-Гирей.

Приведемъ теперь свидѣтельство, подписанное 12 благородными особами: «родъ Мансурскихъ происходитъ изъ семи бейскихъ фамилій Мансурскихъ беевъ отъ предка своего Эдиге-бей; потомки Эдиге-бей во времена ханскаго правленія имѣли власть на правленіе народами, въ которомъ принимали участіе 4 рода беевъ: 1-й Ширпъ, 2-й Мансуръ, 3-й Барынъ, 4-й Сиджеутъ, называемые *дортъ-караи*, безъ согласія сихъ 4-хъ беевъ ханъ самъ собою ничего къ управленію народовъ относящагося не могъ предпринимать». Владѣніе Мансурскихъ составляло въ 20-хъ годахъ—15 т. дес. при деревняхъ: Нурали, Бокатанъ, Такъ-Шейхъ, Конжалай, Тубинчи, Абай, Карачи Урлюкъ, Аизъ, Оглубай, Кюлгу, Баилы, Кинганъ, при чемъ имѣніе находилось въ раздѣльномъ владѣніи между представителями шести поколѣній Мансурскихъ беевъ.

Третій изъ поименованныхъ родовъ беевъ—*Сиджеутскіе* имѣютъ восемь ханскихъ ярлыковъ, въ видѣ фамильныхъ документовъ. 1) Самый ранній относится къ 1711 году и выданъ Менли-Гирей ханомъ, сыномъ Селимъ-Гирей, Исламъ мурзѣ на пользованіе всеми доходами деревни Байсу; 2) Тѣмъ же Менгли-Гиреемъ неизвѣстно когда (въ переводѣ ярлыка годъ не обозначенъ) выданъ ярлыкъ Мегметъ мурзѣ и Таймазъ мурзѣ на пользованіе доходами «и десятину въ Керчѣ отъ деревень Киркъ-Тай, Халаларъ и Барашъ»; 3) Селимъ-Гирей ханъ, сынъ Капланъ-Гирей, въ 1745 году октября 14-го дня *повелѣваетъ* Мегметъ бейю не заставлять жителей деревни Ени-Сала работать 12 дней, на что ему (хану) жаловались жители, а требовать, по установленію Капланъ-Гирей, только 8 рабочихъ дней; 4) Тоже самое повелѣніе заключаетъ въ себѣ другой ярлыкъ Алимъ-Гирей хана, сына Фетти-Гирей хана, подписанный 16 декабря 1763 года. Алимъ Гирей вновь напоминаетъ Мегметъ бейю, что жители деревни Ени-Сала обязаны, по установленію Капланъ Гирей, работать въ году не болѣе восьми дней; 5) Въ 1766 г. Саадетъ Гирей ханъ, сынъ Селимъ Гирей, отдаетъ дѣтямъ Сиджеутскаго владѣтеля Исламъ мурзѣ и Игинъ мурзѣ въ пользованіе всѣ тѣ доходы, которые получали отцы ихъ; 6) Въ 1774 году 25 февраля Девлетъ-Гирей ханъ, сынъ Арсланъ-Гирей хана, повелѣваетъ жителямъ деревни Ени-Сала быть во всемъ послушными Аметчѣ мурзѣ, исправно уплачивать десятину — *ушуръ* — и работать непременно 12 дней въ году. Этотъ Аметчи мурза въ 1767 г. 17 февраля получилъ отъ Магсютъ Гирей хана, сына Селяметъ-Гирей, ярлыкъ, «повелѣвающий ему быть начальникомъ надъ деревнею Ени-Сала и пользоваться изъ оной прежде получае-

мыми отцомъ его — Ахметъ беемъ съ братомъ Умеръ мурзою доходами». Наконецъ, послѣдній ярлыкъ, принадлежащій Сиджеутскимъ, это — ярлыкъ Селимъ-Гирей хана, сына Арсланъ-Гирей; на ярлыкѣ поправка въ печати Капланъ-Гирей хана. Содержаніе ярлыка заключаетъ въ себѣ повелѣніе Мегметъ-бею «пользоваться деревни Сиджеутъ доходами и прочими отъ прибывшихъ изъ Анадоліи подданныхъ: Павла Чергесова, сына его Бари Тодора, Хорозоглу Панаюта, сына его Темирша, сына Павла Или Тодорова, сына брата Александра, и всего отъ 4-хъ семействъ».

Къ сожалѣнію родословной Сиджеутскихъ не найдено. При дѣлѣ о дворянствѣ ихъ сохранилось лишь свидѣтельство тринадцати знатнѣйшихъ особъ-беевъ о томъ, что доказывающіе свое дворянское происхожденіе Батырша мурза и Бая мурза — «поколенія Сиджеутскихъ князей»; дѣдъ ихъ Мегметъ бей и отецъ Агметча мурза, хотя и не состояли на ханской службѣ, однако же были «почетнѣйшими сиджеутскими князьями» — такъ заключаетъ свидѣтельство. Изъ семейнаго же списка, составленнаго въ 1820 г., видно, что Бая и Батырша мурза владѣли въ то время небольшимъ имѣніемъ. Оно состояло изъ 2 т. зановъ ¹⁾ земли при деревни Коперликой, фруктоваго сада и лѣсной дачи. Этими имѣніемъ владѣлъ старшій Сиджеутскій Батырша и мурза (36 л.), младшій братъ Бая мурза (31 г.) не имѣлъ имѣнія.

Четвертый родъ беевъ, — по списку предводителя дворянства, — составляли *Аргинскіе*. Доказывавшій въ 1820 году свое дворянство Касынъ мурза Аргинскій представилъ четыре ханскихъ ярлыка и одинъ султанскій фирманъ. Въ виду того, что эти ярлыки, сравнительно, древнѣе ярлыковъ, принадлежащихъ Сиджеутскимъ, приведу ихъ цѣликомъ. 1) Девлетъ-Гирей ханъ. «Слово мое: Дано сіе отъ меня имѣть въ рукахъ Аргинскому почтеннѣйшему полномочному бею Ягмурчи хаджи въ томъ, что какъ онъ хаджи и предки его распорядителями были во время покойныхъ предковъ нашихъ, что они все самовольно распоряжалась надъ всѣми своими имѣніями и народами, также жалую и я, повелѣвая, дабы всѣ и старыя и молодыя народы, живущіе въ владѣніяхъ хаджія, послушались и повиновались ему въ полности, какъ во время предковъ нашихъ оныя повиновались, какъ-то: косить, пахать, отправляться съ нимъ куда онъ прикажетъ, или жить на мѣстѣ, въ чемъ данъ сей приказъ съ приложеніемъ перстанной моей печати. Эгира 958 года. Городъ Бахчисарай. 1543 по Россійскому счисленію». Второй ярлыкъ выданъ Мегметъ-Гиреемъ ханомъ 1570 отъ Р. Х. Вотъ онъ: «Рѣчь моя. Прежде отъ сего покойный мой отецъ Девлетъ-Гирей ханъ почтенному дворянину (Карачи) Джанъ-Мамбетъ бею *пожаловалъ* Аргинскую карди (т. е. полномочную бейскую власть) и велѣлъ сколько

¹⁾ Завъ = 3 русск. десят.

по принадлежности взятое и содержимое владѣть Аргинскому, а я также жалую и отдаю въ руки ферманъ и повелѣваю: покойный полномочный Ягмурча-Аджи бей и прежде его бывший бей какъ владѣли, такъ владѣть и полномочному Джанъ-Мамбетъ бею, по старому порядку, и не мѣшать владѣнію и надзиранію, и также братъ мой, наслѣдникъ, Адиль-Гирей, прочіе братья и сыновья и Аргинскіе мурзы, отнюдь не должны мѣшаться, а кто увидѣвши этотъ мой ферманъ не послушается и мѣшать будетъ, тому будетъ не хорошо. Алма-Сарай»

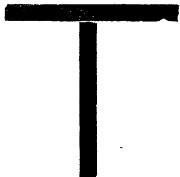
Третій ярлыкъ выданъ Исламъ-Гиреемъ ханомъ 1578 года. «Исламъ-Гирей хана рѣчь. Имѣющаго въ рукахъ этотъ ферманъ почтенный дворянинъ покойнаго Ягмурчи-Аджи бея сынъ Кара бей Аргинскою бейскою властью жалую и повелѣваю какъ старшему временемъ (лѣтами) изъ среды братьевъ владѣть принадлежащими слугами, какъ владѣли покойный Ягмури-Аджчи бей и Джамбетъ бей, отцы и дѣды ихъ, и прежде служившіе старые и молодые люди также служили этому Кара-бею и его слушались, вмѣстѣ съ нимъ ходили бы верхомъ и пѣшкомъ по его повелѣнію (т. е. выходили бы на войну и на работу); и султаны, беи и мурзы отнюдь не мѣшали бы удерживать обитателей въ рукахъ и владѣть Кара-бею пахатными и сѣнокосными землями, и также лѣсной и выгонной пастбищными землями. Приложивши мою печать, отдать ферманъ». Г. Бахчисарай.

Четвертый ярлыкъ, данный 1092 г. отъ Эгира (1680 г.) Мурать-Гиреемъ ханомъ, жалуетъ Батыршѣ бею карачи (т. е. полномочному) Аргинскому бею часть дани, получаемой изъ Москвы. Каждый разъ, лишь только прибудетъ посоль изъ Москвы, Батырша бей, показавъ данный ярлыкъ, имѣетъ получить свою часть.

Кромѣ ханскихъ ярлыковъ при дѣлѣ о дворянствѣ рода Аргинскихъ бевъ сохраняется еще одинъ фирманъ султана Ибрагима (отъ 1053 г. отъ Эгиры). Этимъ фирманомъ султанъ утверждаетъ права Тогай мурзы на пользованіе доходами деревень Кефейскаго и Судакскаго округовъ ¹⁾ въ размѣрѣ 20,618 акча, повелѣваетъ жителямъ этихъ деревень, въ случаѣ войны, «становиться подъ знамена бея» и во всемъ ему повиноваться.

Изъ другихъ документовъ видно, что Аргинскіе имѣли свое знамя, которымъ они предводительствовали во время войны и свой гербъ.

Г Е Р Б Ъ.

¹⁾ Судакскій и Кефейскій округъ принадлежали султану.

Наконецъ изъ семейнаго списка оказывается, что Аргинскіе имѣютъ свое владѣніе «называемое Аргинъ-Найманъ». Въ 20-хъ годахъ оно заключало 25,637 десятинъ и состояло въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ Аргинскихъ.

Пятымъ родомъ въ числѣ первыхъ бейскихъ фамилій, игравшихъ роль въ Крымскомъ ханствѣ, долженъ быть родъ Барынскихъ. Но Предводитель дворянства въ своемъ донесеніи Таврическому губернатору умалчиваетъ о немъ, и намъ трудно объяснить его молчаніе объ этомъ родѣ. Одно можно предположить, судя потому, что въ архивѣ не найдено дѣла о дворянствѣ Барынскихъ, что родъ Барынскихъ или пришелъ въ упадокъ во времени утвержденія русскаго владычества въ Крыму, или выѣхалъ, по присоединеніи Крыма, въ Турцію, хотя въ спискѣ мурзъ, выѣхавшихъ въ Турцію — фамилія Барынскихъ не упоминается. Переходя къ слѣдующей линіи бейскихъ родовъ, которая въ вышеназванномъ донесеніи Предводителя дворянства названа второю, мы встречаемся съ родомъ Кипчакскихъ.

Къ сожалѣнію, архивъ даетъ самыя скудныя свѣдѣнія о Кипчакскихъ. Это потому, что Кипчакскіе искали утвержденія правъ въ дворянствѣ по службѣ, какую они занимали при русскомъ владычествѣ, и потому не представили своихъ фамильныхъ документовъ. Изъ дѣла о дворянствѣ ихъ рода можно извлечь данныя лишь о ихъ земельномъ владѣніи. Оно состояло изъ деревень: Баки-Эли, Контугай, Аджели (въ Симферопольскомъ уѣздѣ) Юкары-Кипчанъ, Ашага-Кипчанъ, Кердали (въ Перекопскомъ уѣздѣ) и въ томъ же уѣздѣ при разныхъ деревняхъ до 1800 дес. Это имѣніе принадлежало въ 20-хъ годахъ Суинъ-Гази Кипчакскому нераздѣльно съ тремя сестрами. Другой Кипчакскій Джеламъ мурза имѣлъ свое имѣніе въ размѣрѣ болѣе 2,500 дес. въ Симферопольскомъ уѣздѣ при деревняхъ: Кады-Эстеръ-Кой и Конече.

Остаются Яшлавскіе. Послѣ Ширинскихъ Яшлавскіе имѣютъ самыя интересныя документы. Къ сожалѣнію изъ богатаго собранія фамильныхъ документовъ, какимъ обладаютъ въ настоящее время Яшлавскіе, какъ мнѣ это передавали очевидцы, найдено только два ханскихъ ярлыка и родословная беевъ Яшлавскихъ; остальные документы ревниво охраняются владѣльцами. Но и имѣющіяся на лицо документы — рѣдкаго интереса.

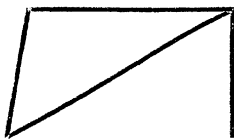
Начну съ ярлыковъ. Одинъ ярлыкъ выданъ 1047 г. отъ Эгира (1612 г. Р. Х.) ханомъ Батыръ-Гиреемъ на имя Ички бея и Джантемиръ бея. Прежде всего ханъ утверждаетъ ихъ «яко древнихъ владѣтелей города Кирны, именуемаго нынѣ жидовскимъ городкомъ, и затѣмъ опредѣляетъ бею дань съ жителействующихъ въ этомъ городѣ жидовъ и армянъ въ слѣдующемъ размѣрѣ «по древнему положенію»: отъ убоя каждой скотины — 60 акча, отъ арбы съ овцами — по 1 акчѣ, отъ арбы съ припасами или товарами 4 акча, отъ бочки съ привозимаго и отвозимаго вина 15 акча, словомъ сказать, изъ того городка жители яко ихъ беевъ подданные, гдѣ только будутъ имѣть имѣніе, со

всего давать платежъ, хотя бы кто съ нихъ изъ стороннихъ на откупъ брать и для продажи въ другія мѣста вывозилъ, а сверхъ того и подушныя деньги, безъ прекословія жители платить обязаны имъ беямъ, также съ вѣнчанныхъ въ законный бракъ людей, вмѣсто денегъ подарками медомъ по 120 акча. А болѣе сего моего положенія и они Ички бей и Джантемиръ бей да не осмѣлятся превозвышающимъ количествомъ взыскивать». Другой ярлыкъ Менгли-Гирей хана и Саадеть-Гирей хана, помѣченный 1136 г. Эгиръ (1720 г. Р. Х.) отдастъ Яшлавское бейство, «старшему лѣтами между родственниками» Шаганъ мурзѣ бею для управленія и владѣнія имъ на прежнемъ основаніи со взиманіемъ слѣдующей дани съ своихъ подданныхъ: за убой скотины — 6 акча, за убой овцы или козы — 1 акча, отъ каждаго выюка, доставляющаго фрукты и ленъ—1 акча, отъ двухъ-колесной арбы -- 4 акча, отъ каждой бочки вина 15 акча, отъ каждой мажары, отвозящей лѣсъ и купеческіе товары въ Феодосію— 2 акча; отъ полной бочки вина, доставленной съ Альмы или Бельбека въ ханскіе города, мѣстечки или деревни — 100 акча, отъ каждаго брака неагометанскаго закона одинъ батманъ меду; за вино, доставленное въ Чуфуть-Кале изъ виноградниковъ Альмы и Бачи отъ каждай бочки—15 акча, отъ каждой арбы, вывозящей виноградъ для продажи — 7 акча. Даннымъ бераатомъ Шаганъ мурза долженъ быть признанъ беемъ».

Что касается родословной Яшлавскихъ, то по своему интересу она заслуживаетъ того, чтобы привести ее въ подлинникѣ. «Родъ беевъ Кудаланъ Яшлавскихъ есть одинъ изъ 7-ми бейскихъ покровнѣй, извѣстныхъ въ Крыму всему народу, происшедшихъ отъ древнихъ завоевателей Крыма и составляющихъ превышую въ ономъ степень. Предокъ Яшлавскихъ Абанъ бей Кудаланъ въ прошедшихъ вѣкахъ пришелъ въ Крымъ отъ рѣки Волги и привелъ съ собою подвластные ему народы, коими всегда обладалъ и кои служили подъ его знаменами. Въ Крыму онъ завоевалъ еврейскій городъ Киръ, что нынѣ Чуфуть-Кале, неприступный по натуральному положенію, со всѣми его землями, и поселился въ Яшдагъ т. е. на полянахъ въ молодомъ лѣсѣ, между городомъ Киромъ и рѣкой Альмой, отъ чего прозвался Яшлавъ, и потомки его и народъ распространились въ разныхъ мѣстахъ, имъ приобрѣтенныхъ. Первородный въ фамиліи Кудаланъ Яшлавскихъ восходитъ въ достоинство бея, который до присоединенія Крыма къ Россійской державѣ ограничивалъ зависимость свою Крымскому хану, яко верховному повелителю государства, единымъ выходомъ своимъ на войну; меньшіе же мурзами называются. Беи Кудаланъ-Яшлавскіе, какъ древніе владѣтели города Кира, брали со всѣхъ городскихъ жителей, яко со своихъ подданныхъ, подать деньгами и вещами, какъ то: со скота, овощей, съѣстныхъ припасовъ, съ вина, съ недвижимыхъ имѣній, съ душъ и вѣнчанныхъ браковъ, о чемъ подробно извѣяснено въ подтвердительной грамотѣ, данной отъ Крымскаго хана Батыръ-Гирея Джантемиръ бею Яшлавскому. Родовыя

имѣнія ихъ, переходящія цѣлостно старшему въ родѣ, и именно: округа деревни Бюкъ-Алтаци съ соленымъ на оной озеромъ и другія называемыя потому Яшлавъ-Бейлыкъ, отъ самой глубокой древности состояли во владѣніи ихъ на правѣ собственности, въ каковомъ правѣ и Россійское правительство ихъ застало. Многіе изъ рода Кудаланъ-Яшлавскихъ служили турецкимъ султанамъ и были отъ нихъ жалованы, какъ то Муратъ мурза пенсіономъ, о чемъ значится въ грамотѣ, данной ему султаномъ Махмутомъ, а другіе внутренними въ Крымъ при ханѣ бейли и пашами, какъ о томъ въ родословіи показано.

Г. бѣ беевъ Кудаланъ-Яшлавскихъ, имѣющій указанную ниже форму,

называется *таганъ* и употребляется отъ глубокой древности до нынѣ въ фамиліи ихъ. Бейликъ Яшлавскихъ «Яшлавъ-бейликъ» заключалъ въ себѣ въ 1820 году — 11,500 десятинъ въ Симферопольскомъ уѣздѣ и находился во владѣніи старшаго въ родѣ Акъ-бея Яшлавскаго. Родственники Акъ-бея, представители низшихъ трехъ-вѣтвей рода — Султанша мурза, Бая мурза и Айвазъ мурза имѣли собственные участки, при деревняхъ: Отаркой, Біели и Бюкъ-Яшлавъ. Бейликъ Яшлавъ въ 1842 г., какъ видно изъ втораго семейнаго списка, перешелъ по порядку старшинства къ оставшемуся въ живыхъ Айвазъ бееу.

Возвращаясь за тѣмъ къ отвѣту Таврическаго Предводителя Дворянства, кончу его объясненія о бейскихъ родахъ. Перечисливъ первые четыре бейскіе рода, онъ говоритъ: «все поименованные четыре рода ни въ какія другія ханскія службы не поступали, кромѣ на тѣ мѣста, гдѣ должно опредѣлять султановъ или беевъ, и за первые три рода (Шириновъ, Мансуровъ и Сиджіутовъ) отдавались въ замужество ханскія и султанскія дочери». О вторыхъ же родахъ (Кипчанскихъ и Яшлавскихъ) продолжаетъ: «эти два рода не поступили на ханскую службу и не принимали отъ него никакихъ должностей. Они имѣютъ у себя по старшинству беевъ, которые властны были судить всякія дѣла, кромѣ воровства и смертоубійства». Что же касается родовъ изъ капыхалковъ и улановъ, то о нихъ сказано, что поступали на ханскую службу и почитались по полученнымъ отъ хана чинамъ.

Объединяя представленныя архивныя свѣдѣнія, можно установить слѣдующіе факты.

Въ Крымскомъ ханствѣ существовало семь знатнѣйшихъ родовъ беевъ, идущихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Ширины, Мансуры, Барыны, Сиджіуты и Аргины, и во второй линіи Кипчанскіе и Яшлавскіе. Родоначальники этихъ

фамилий перекочевали въ Крымъ изъ Золотой Орды, съ береговъ рѣки Волги, и своимъ переходомъ содѣйствовали образованію Крымскаго юрта. Таковъ былъ Дангы бей родоначальникъ Шириновъ, Эдиге-бей родоначальникъ Мансурскихъ, Абакъ-бей Яшлавскій. Поселившись съ своими ордами, они заняли значительныя участки въ Крыму и этимъ самымъ положили основаніе крупной земельной аристократіи, напоминающей западно-европейскій феодализмъ. Какъ глава-патріархъ перекочевавшей въ Крымъ орды, бей управлялъ своимъ народомъ и вмѣстѣ съ ханомъ держалъ въ рукахъ кормило правленія и всего Крымскаго юрта. Мало по малу, по мѣрѣ осложненія жизненныхъ отношеній и развитія государственной жизни юрта, и власть бей—осложняется: патріархальный характеръ его власти уступаетъ мѣсто государственному. Бей начинаютъ различаться значеніемъ и предѣлами своей власти: одніе фамиліи дѣлаются болѣе значительными, другія отступаютъ на второй планъ. Ханъ, возвысившійся теперь на степень верховнаго обладателя всего Крыма и къ тому же со времени Менгли-Гирея получающій утвержденіе своей власти отъ Султана, узаконяетъ право этихъ главъ-патріарховъ, которые превращаются уже въ владѣтелей отдѣльныхъ областей орды. Это былъ представитель цѣлаго племени въ управленіи государствомъ, владыка въ своей области, собирающій дань съ подданныхъ, производящій судъ и расправу, набирающій войско и выставляющій его въ поле противъ враговъ ханства.

По увѣренію родословной Шириныхъ беевъ, Порта даже смѣняла и опредѣляла хановъ по ихъ требованію. Будучи по своему происхожденію близки къ хану, Ширины естественно отдавали своихъ дочерей за ханскихъ сыновей и наоборотъ, и этимъ самымъ еще болѣе упрочивали свое вліяніе въ управленіи ханствомъ. Мансуры, происходя изъ рода Эдиге, представляли собою не меньшую власть въ ханствѣ и служили, подобно первымъ, однимъ изъ ограниченній самодержавной власти хана. Таковы были и Сиджеуты вмѣстѣ съ Барынами, о которыхъ родословная Шириныхъ говоритъ, что безъ согласія ихъ и первыхъ двухъ родовъ беевъ ханъ не могъ предпринимать ничего изъ того, что относилось къ управленію ханствомъ. Кинчакскіе и Яшлавскіе стояли ниже по своему значенію и вліянію, чѣмъ первые роды, но не смотря на это, пользовались такими же правами какъ и первые. По крайней мѣрѣ, только въ ярлыкахъ Яшлавскихъ можно найти полное опредѣленіе тѣхъ правъ и обязанностей, какія имѣлъ бей въ своей области. Аргинскіе, какъ видно изъ ярлыковъ, выданныхъ имъ ханами, были полновластными владыками въ своихъ бейликахъ и, подобно Ширинамъ, получали дань изъ Москвы, изъ чего можно заключить, что съ теченіемъ времени Аргины стояли весьма близко къ управленію и играли немаловажную роль въ судьбѣ своего государства.

Такимъ образомъ указанные бейскіе роды, благодаря своему происхожде-

нію и своему участію въ заселеніи и образованіи Крымскаго юрта, образовали родъ олигархіи, ограничивающей самодержавную власть хана.

Но если по отношенію къ хану и государству бей былъ только совѣтникомъ и помощникомъ, то по отношенію къ цѣлой области, заселенной народомъ, ведущимъ свое происхожденіе изъ древности, онъ былъ полновластнымъ владыкой. О предѣлахъ его власти можно судить по ярлыкамъ Яшлавскихъ, гдѣ ханъ опредѣляетъ даже размѣръ дани, платимой бею. Ширины въ своей области завели образъ жизни на подобіе ханскаго. У нихъ былъ калга, нурадинъ, были султаны, свои мурзы, чиновники, словомъ сказать, былъ цѣлый дворъ, напоминающій бахчисарайскій. Подобные дворы, хотя, можетъ быть, съ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ дворъ Ширинскихъ, существовали и въ другихъ бейскихъ родахъ. Несомнѣнно одно, что званіе калги и нурадина существовало у всѣхъ беевъ и принадлежало вторымъ по старшинству въ родѣ.

Будучи помощниками въ управленіи всѣмъ ханствомъ и полновластными владѣтелями въ своихъ областяхъ, бей такъ или иначе могли почерпнуть законную силу своей власти только изъ источника всей власти вообще, и такимъ былъ ханъ, получавшій утвержденіе отъ самаго халифа-султана. Если бей, какъ глава патріархъ своей орды, сначала почерпалъ силу изъ дѣйствительнаго своего положенія, то съ теченіемъ времени, съ развитіемъ государственныхъ формъ и съ установленіемъ въ Крыму мусульманской власти, бей находилъ подтвержденіе своей власти и своихъ правъ въ верховной санкціи хана. И дѣйствительно, каждый ханъ, вступая въ управленіе ханствомъ, ярлыками подтверждаетъ права беевъ и бей, вступая въ управленіе своей областью, обращаются къ хану за ярлыками. Таковы всѣ ярлыки, представленные Ширинами, Мансурами, Аргинами, Яшлавскими и Сиджеутскими. Ярлыкъ и былъ той формой, посредствомъ которой придавалась законность и верховное освященіе правамъ бейской власти.

Правда, такой бей, какъ напр. Мансуръ, выставившій въ поле до 8 т. человекъ войска, могъ и не имѣть ханскаго ярлыка, и быть сильнѣе самого хана, но по гражданскимъ понятіямъ мусульманъ онъ все таки считался подвластнымъ хану, который всегда былъ для него господиномъ и владыкой и неповиновеніе которому считалось преступленіемъ, ведущимъ за собою тяжкую кару. Ханскій ярлыкъ, выданный бею, не только санкціонировалъ его власть; онъ устанавливалъ преемство самой власти. Приведенные нами ярлыки выданы, главнымъ образомъ, вступавшимъ въ управленіе бейликомъ, наследникамъ или калгамъ самихъ беевъ. Одинъ изъ ярлыковъ Аргинскихъ даетъ возможность установить даже особый терминъ для выраженія этого понятія: ярлыкъ Девлетъ-Гирея жалуетъ Джанъ-Мамбетъ бею аргинское карди-бейство «т. е. полномочную бейскую власть» послѣ смерти Ягмурчи-Аджи «полномочнаго» бей.

И дѣйствительно бейская власть переходила къ старшему въ родѣ, и пока

родовыя отношенія были просты и родъ, самъ по себѣ, былъ не великъ, до тѣхъ поръ не требовалось обращенія къ посторонней власти для установленія преемства бейлиговъ. Это дѣлалось само собою и происходило совершенно естественно. Но по мѣрѣ осложненія родовыхъ отношеній и по мѣрѣ увеличенія самой власти хана, для дѣйствительнаго и законнаго установленія наследованія, бей обращаются къ верховной власти, которая однако не измѣняетъ ничего въ ихъ родовыхъ отношеніяхъ, а только утверждаетъ въ бейскомъ достоинствѣ имѣющагося на лицо старшаго въ родѣ.

Но если бей, въ силу легальнаго права своего существованія, какъ ближайшіе помощники въ управленіи ханствомъ и непосредственные владѣтели своихъ областей, обращаются къ верховной власти, обладавшей халифскимъ благословеніемъ, за савкціей, то въ территоріальномъ отношеніи они не нуждались въ подобномъ обращеніи: ихъ владѣнія — бейлиги — непосредственно принадлежали роду и переходили къ старшему въ родѣ; ханъ только утверждалъ права старшаго, вступившаго въ управленіе бейликомъ. Въ остальномъ бейлиги оставались крупными земельными владѣніями, образовавшимся изъ земель, занятыхъ родоначальниками для кочевья своей орды. Такъ Абакъ-бей Яшлавъ занялъ мѣсто въ Яшдагѣ на пространствѣ между городомъ Киромъ и рѣкой Альмой. Мансуръ-бей привелъ свою орду на нынѣшнюю Евпаторійскую степь и тамъ расположилъ свои кочевья. Неудивительно поэтому, что въ 20-хъ, 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, указанные нами фамиліи беевъ имѣли на полуостровѣ имѣнія въ 15 т., 20 т. дес. земли. Такъ Ширинскіе, по присоединеніи Крыма, имѣли во владѣніи цѣлый кадылыкъ т. е. уѣздъ, въ нынѣшнемъ Тео-досійскомъ уѣздѣ, такъ называемый въ официальныхъ бумагахъ: «Ширинскій кадылыкъ». Мансурскіе имѣли въ 20-хъ годахъ въ своемъ владѣніи болѣе 15 т. дес. земли въ Евпаторійскомъ уѣздѣ. Бейлигъ Аргинскихъ, называвшійся Аргинъ-Наймалъ, заключалъ въ себѣ 25,637 десят. земли (въ Симферопольск. уѣздѣ). Кипчакскіе, хотя имѣли не болѣе 5,000 съ лишнимъ десятинъ земли, но легко допустить, что большая часть нынѣшняго Перекопскаго уѣзда принадлежала во времена хановъ имъ, судя по множеству названій деревень, носившихъ и носящихъ и теперь имя Кипчакъ. Наконецъ Яшлавскіе изъ огромнаго бейлига сохранили порядочный участокъ земли, — почти въ 12 т. д. Въ такихъ бейлигахъ жилъ бей вмѣстѣ съ своимъ народомъ, образовавшимся изъ орды, перекочевавшей въ Крымъ и покоренныхъ туземцевъ. Это были его подданные, которыми бей, какъ владѣтель, управлялъ. Какъ собственникъ, онъ получалъ доходы отъ всѣхъ жителей безъ исключенія, независимо отъ платежей, указанныхъ въ ярлыкахъ Яшлавскимъ. Доходы эти состояли въ полученіи ушуровъ и зеятовъ:—десятой доли изъ произведеній почвы и 40 части изъ скота. Кромѣ того, какъ видно изъ ярлыковъ, принадлежащихъ Сиджеутскимъ, поданные обязаны были отбывать до 8 дней работы въ годъ. Этими днями бей

пользовались для вывлочки соли изъ озеръ, у кого они были, для рубки лѣса, для обработки садовъ или другихъ хозяйственныхъ надобностей и менѣе всего для обработки земли, такъ какъ они не нуждались въ этомъ, благодаря ушурамъ. Что касается жителей, занимавшихъ подъ обработку или для пастбища участки въ бейликахъ, то они пользовались этими участками совершенно безпрепятственно — «по стародавнему обычаю» — и совершенно самостоятельно, конечно, не имѣя надъ ними права обладанія и распоряженія. Пользованіе землями бейликовъ происходило совершенно естественно, подобно тому, какъ пользовались землею въ древности, когда перекочевали въ Крымъ со своими стадами. Никакихъ опредѣленій права на землю у нихъ не было: земли были, бей не обрабатывалъ ихъ, вотъ жители и занимаютъ свободныя мѣста, за владѣніе коими несутъ бейю только десятину.

Такимъ образомъ жизнь Крымскихъ татаръ, сложившаяся изъ разныхъ элементовъ кочеваго быта и осѣдлаго — государственнаго, выработала особый типъ владѣній: типъ бейликовъ. Если бейликъ по своему характеру напоминаетъ феодальное владѣніе, соединяя съ территоріальнымъ правомъ права политическія, то по своему составу, по своей исторіи, онъ разнится настолько, насколько разнится исторія Германцевъ, завоевавшихъ римскія области, отъ исторіи татаръ, перекочевавшихъ въ Крымскій полуостровъ.

Мнѣ кажется, что установившееся мнѣніе о бейликахъ, какъ о *настоящихъ феодальныхъ владѣніяхъ*, во всемъ схожихъ другъ съ другомъ, должно быть, въ виду представленныхъ мной данныхъ, подвергнуто пересмотру.

В. Лашковъ.

Старый земскій обычай ¹⁾.

Ө. И. Леонтовича.

Обычное право можно назвать *бытовой* формой права. Оно образуется и дѣйствуетъ въ народной жизни независимо отъ закона, какъ вѣщное выраженіе съ незапамятныхъ временъ живущихъ въ народной памяти правовыхъ воззрѣній и правилъ, однообразно соблюдаемыхъ и примѣняемыхъ въ жизни въ силу общаго убѣжденія въ ихъ необходимости и обязательности. Обычное право — первый по времени, а иногда очень долго и единственный источникъ права. Оно особенно присуще древнѣйшимъ стадіямъ народной жизни, когда еще не выработалось въ народѣ сознание о его національно-государственномъ единствѣ и народъ живетъ дробными автономными союзами (родами, общинами), каждый съ своей особой, мѣстной системой обычного права. На высшихъ ступеняхъ культуры, особенно въ пору образованія государственнаго быта, старыи обычаи, ограничивающійся исключительно мѣстными интересами, постепенно уступаютъ мѣсто другимъ, болѣе развитымъ формамъ права — ряду, закону и пр.

Какъ показываютъ все историческія свидѣтельства, славяне изстари жили по обычаямъ предковъ и помимо обычного права долго не знали никакихъ другихъ формъ права. Идея права высказывалась у нихъ въ понятіи *правды*, какъ объективной нормы права. Тотъ же терминъ употреблялся въ старое время и въ другихъ значеніяхъ: права въ субъективномъ смыслѣ, справедливости или правомѣрности, суда и пр. ²⁾.

¹⁾ Цель настоящей замѣтки — намѣтить нѣкоторыя стороны вопроса объ обычномъ правѣ, не вполне разъясненна въ наукѣ, въ особенности раскрыть по возможности точно настоящій смыслъ и значеніе основныхъ понятій обычного права славянъ — правды, обычая, пошлины, закона и пр.

²⁾ П. Мрочекъ-Дроздовскій, въ своихъ «Исслѣдованіяхъ о Русс. Правдѣ» (стр. 1—44), сдѣлалъ опытъ подробнаго анализа понятій «правды» по древнимъ памятникамъ русскаго права. Анализъ г. Мрочка оказывается, впрочемъ, не во всехъ частяхъ вѣрнымъ. Авторъ въ особенности невѣрно рѣшаетъ вопросъ о генезисѣ понятій «правды» — отъ общаго къ частному, а не наоборотъ, какъ-бы слѣдовало по существу дѣла. Авторъ ограничивается исключительно анализомъ избраннаго вопроса по памятникамъ русскаго права, не обращаетъ вниманія на данныя сравнительнаго языкованія и исторіи права другихъ славянскихъ народовъ.

Въ значеніи *права въ объективномъ смыслѣ* (jus, droit, Recht,) «правда» извѣстна самымъ древнимъ памятникамъ права всѣхъ славянскихъ народовъ (см. Маціевскаго Hist. prawod. Stow. I, 115; Иречка Sl. pr. I, 145; Даничица Rjejn. s. voce «правда» и пр.) У нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ (Словинцевъ) еще въ XVI в. мѣстное право называлось «stara pravda» (Иреч. Sl. pr. I, 145). У насъ точно также изстари придавалось «правдѣ» значеніе объективной нормы права. Особенно рѣзко формируется это понятіе правды въ старыхъ «докончаньяхъ» русскихъ земель и князей съ нѣмецкими (ганзейскими) городами. По самому положенію дѣла, въ этихъ памятникахъ раньше другихъ долженъ былъ выясниться вопросъ о правѣ русскомъ и нѣмецкомъ съ точно опредѣленной формулировкой понятія права. Въ древнѣйшемъ памятникѣ этого рода, докончаньи Новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г., вся совокупность правилъ, составляющихъ предметъ докончанья, носить общее названіе «правды»¹⁾. Въ Смоленскомъ договорѣ 1229 г. правдою называется не только вся сумма правовыхъ нормъ, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія между Смоленской землей и нѣмецкими городами, но и каждая изъ такихъ нормъ въ отдѣльности²⁾. Тѣ же формулы правды воспроизводятся въ Смоленскомъ договорѣ 1230 г.³⁾ и другихъ памятникахъ. Въ нѣмецкихъ спискахъ докончаній «правда» обыкновенно переводится словами: Rechtesheit, Recht (см. Андреевскаго Дог. Новг. съ Нѣм., 19). Въ значеніи же объективной нормы права правда употребляется въ позднѣйшихъ памятникахъ, наприм. въ Псковской и Новгородской судебных грамотахъ. Правило Псковской судебной грамоты о платѣ за татбу мелкаго скота называется «старой правдой» (ст. 112). Князь и посадникъ, по Псковской судебной грамотѣ, должны судить «взираа въ правду», т. е. на основаніи мѣстнаго права, по Псковской пошлинѣ (обычаямъ)⁴⁾. Выраженіе нашихъ судебных грамотъ: «судить въ правду» (напр. Новг. с. гр. 25, 27), означаетъ тоже самое, что въ старыхъ хорватскихъ и сербскихъ уставахъ: «се пита с правдомъ закономъ», — «да ище правдомъ по закону» (см. Иречка Slav. Recht, I, 41; мое

¹⁾ «Се язъ князь... послалъ емь посла своего Григу на *сеи правдѣ*». Затѣмъ идетъ изложеніе отдѣльныхъ правилъ таковой правды. См. Буданова—Владим. Христом., изданіе 3-е, стр. 92.

²⁾ См. Будан. Христ. I, 98 и слѣд. «чтобы миръ между русскими и латинянами былъ твердъ, положили написать *правду* («ажбы нальзлъ правдоу то валсати»), которой обязаны держаться русскіе относительно латинявъ, а латиняне относительно русскихъ». Изложеніе отдѣльныхъ правилъ этой правды имевтъ общій титулъ: «Здѣ починаеться правда». Затѣмъ и каждое правило въ отдѣльности имѣло значеніе правды. Напримѣръ, ст. 34: «Всякому латинескому члвкоу свободѣвъ путе изъ Гочкого берега до Смольнеска безъ мыта. *Тая правда есть Роуси* изъ Смольнеска до Гочкого берега».

³⁾ Напр., «взяти ему та правда, которая то въ томъ городѣ». См. Рус. Достоп. II, 245.

⁴⁾ «Приведенное выраженіе равнозначительно съ выраженіемъ: «а посаднику и тысяцкому судить *по русскому обычаю*». См. Карамз. Ист. V, прим. 106.

Древн. Хорв.—Далм. зак. 94). Въ такомъ же смыслѣ говорится въ докончаньяхъ в. князя Литовскаго Казимира съ Новгородомъ и Псковомъ (1440 г.) о судѣ по «княжей правдѣ» или «Псковской правдѣ», т. е. на основаніи мѣстнаго права Литвы или Новгорода и Пскова (см. Ак. Зап. Рос. I, 38, 39). Вообще говоря, въ старое время, чуть ли не до времени Уложенія царя Алексія Мих., мѣстныя системы права отдѣльныхъ русскихъ земель носили общее названіе правды—Новгородской, Псковской, Московской, Ростовской и пр. (см. Пол. соб. лѣт. IV, 29; VII, 134; А. А. Э. I, 40; А. З. Р. I, 38 и др.) Старое возрѣніе на правду въ смыслѣ объективнаго права доселѣ живеть въ народной памяти, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ пословицъ, упоминающихся иногда еще въ старыхъ лѣтописяхъ: «и Мамай правды не съѣлъ»; «сильные пишутъ правду»; «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ» (см. П. С. Л. I, 66; Рус. Истор. Собр. III, 39) и пр.

На понятіи правды, какъ права въ объективномъ смыслѣ, основанъ цѣлый рядъ техническихъ выраженій, встрѣчающихся въ древнихъ нашихъ памятникахъ: а) «правду налѣзть», т. е. опредѣлить юридическое правило, законъ, а также возстановить нарушенное правило, обычай; б) «взять правду» — поступать по праву или обычаю; в) «дозрѣть правды», «порозумѣть правды» — разсмотрѣть, на чьей сторонѣ право, въ чью пользу говорить обычай; г) «правда дать» «правду уставить» — издать законъ, уставъ (Будан. Христ. I, 98; Нпат. лѣт. 466; П. С. Л. IV, 176; V, 134; А. Э. Э. I, 138; А. З. Р. I, 8; А. И. I, 23; Соб. гос. гр. I. 28) и т. п.

Понятіе, противоположное правдѣ въ объективномъ смыслѣ, выражалось словами: *неправда*, *кривда* (кривина по южно-слав. памят.). Поступать «безъ правды» или «чинить кривду» — значило нарушать обычай, было равнозначительно съ выраженіемъ: «учинить черезъ пошлину» (Нигон. л. III, 159; IV, 143; Собр. г. гр. II, 9, II). Нарушать правду — обычай значило «изневолить» землю (напр. П. С. Л. I, 220), произвести насиліе, «мятежъ житія сего», какъ выражается епископъ Владим. Серапіонъ, рисуя въ своемъ словѣ безотрадную картину «неправды и насилій» въ Русской землѣ XIII в. (см. Прав. Соб. 1858, іюль, 486 и слѣд.)¹⁾ Возрѣніе на кривду и силу, какъ понятія, несовмѣстимыя съ правдой, доселѣ живеть въ народныхъ пословицахъ: не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ; гдѣ сила владѣеть, тутъ законъ уступаетъ; јаёе право него шаё;

¹⁾ См. также Прав. Соб. 1858, авг.—слово XIII в. о судѣ надъ мірской неправдой, одолѣвшей міръ. Сюда же относится народный стихъ: «плачь земли», съ тѣмъ же мотивомъ — жалобой творцу на мірскую неправду, — въ Чтен. въ обществ. истор. и древ. 1848, № 9.

kde sila vévod, ku právu se nechodi; krv (убійство) učini, a ne postaví zla zákona и пр. ¹⁾.

Правдой назывались въ старое время не только объективныя нормы права, но и самыя акты и сборники законовъ и обычаевъ. Сообщая извѣстiе о смерти Ярослава Влад., лѣтописецъ прибавляетъ: «иже правду устави судебниѣ» (П. С. Л. IV, 176). По Софійской лѣтописи, Ярославъ «давъ имъ (Новгородцамъ) правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите» (ib. V, 134). Здѣсь рѣчь идетъ о древнѣйшемъ памятникѣ русскаго права, носящемъ названiе Рус. Правды ²⁾. Вышеуказано, что докончанье Новгорода съ нѣмцами 1195 г., по своему содержанию, носить названiе правды. Такое же названiе дается докончанью съ нѣмцами 1257 г.: «а се стара наша правда и грамота, на чемъ цѣловали отци ваши, и вашъ крестъ» (Рус. Лив. А. 9.) Названiе правдой разныхъ грамотъ (судныхъ и уставныхъ въ особенности) встрѣчается еще въ памятникахъ XV в. ³⁾

Въ древнихъ памятникахъ права юго-западныхъ славянъ объективныя нормы права называются, кромѣ правды, также *право*, *правъ*, *правина* ⁴⁾. Въ томъ же значенiи право упоминается въ нашей начальной лѣтописи («иоимъ собѣ князя, ижебы. судилъ по праву», — П. С. Л. I, 8) и затѣмъ въ старыхъ западно-русскихъ памятникахъ ⁵⁾. Въ восточно-русскихъ уставахъ и

¹⁾ Пословицы противоположнаго характера (сильные пишутъ правду, и пр.) отгосятся къ болѣе позднимъ эпохамъ паденiя земскихъ пошлинъ и зарожденiя господства закона, когда появилась и такая пословица: идѣе законъ, ту и обидѣ много (упоминается въ старыхъ лѣтописяхъ, — П. С. Л. I, 57).

²⁾ Титулъ второй половины краткой Правды гласитъ: «Правда оставлена Русскою землею».

³⁾ Въ посланiи митроп. Фотiя Псковичамъ 1416 г., между прочимъ, говорится: «учинили есте (Псковичи и кн. Дмитр. Александр.) цѣлованiе и *правду даи* межъ себя... учинили присягу и дали *установленную грамоту*». Грамота замѣняетъ правду первой цитаты. См. А. И. I, 23.

⁴⁾ См. Мацѣевичаго Hist. pr. sl. I, 117, 127. О jus Slavicum см. Lisch Jahrb. XV, 74, 234. «Правъ» и «правина» встрѣчаются по преимуществу въ старыхъ сербо-хорватскихъ памятникахъ. «Ми князь Дубровачки хотѣе по нашихъ прѣвѣхъ почтеномъ обычаю свакому нашу *правъ* показати» (Mikl. Mon. 497; ср. 491 и др.) «И како е ваша *правина*, уговористе, да путника прѣдаде Тръстеничане на станьцѣ» (ib. 7). «Що ми естъ записаль прадѣ и дѣдъ и родитель царьства ми господинъ свето позивши царь о законѣхъ и о всаконихъ *правинахъ*» (ib. 161).

⁵⁾ Въ договорахъ Полоцка съ Ригой находимъ терминъ «право» въ прямомъ значенiи jus: «ино его тамъ судять по своему праву; Полочанiнъ судится по своему праву; учинить тыи коловолы по старому праву» и пр. (см. Рус. Лив. Ак. 119, 120, 129; Ак. А. Э. I, 16). Въ русскихъ спискахъ Вислицкаго статута и другихъ польскихъ уставовъ, дѣй-

грамотахъ «право» встрѣчается лишь въ общемъ значеніи «правдиво, справедливо» («судить имъ право», — Пск. с. гр. ст. 4; Новг. с. гр. 4). Какъ общее, родовое понятіе законовъ и уставовъ, «право» входитъ у насъ въ употребленіе не раньше прошлаго вѣка.

«Правда» употребляется въ старыхъ нашихъ памятникахъ еще въ другихъ и притомъ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ:

- права въ субъективномъ смыслѣ ¹⁾,
- правомѣрности или справедливости вообще ²⁾,
- суда въ смыслѣ юрисдикціи, подсудности ³⁾,
- суда въ смыслѣ судебного разбирательства, процесса ⁴⁾,
- судебныхъ доказательствъ вообще ⁵⁾,
- послушества ⁶⁾,
- присяги, крестоцѣлованія ⁷⁾,
- суда Божьяго—испытаній, ордалий ⁸⁾ и
- оправданія по суду ⁹⁾.

стовавшихъ въ сосѣднихъ съ Польшей русскихъ областяхъ, «право» употребляется въ смыслѣ суда («стать къ праву», «завать къ праву») и самые статуты называются «правыми книгами» (А. З. Р. I № 2, ст. 23, 27 и пр.; № 27, ст. 4).

¹⁾ «Аще ли искушенія сего не дасть створити, мѣстникъ да погубить правду свою» (Буд. I, 7, ст. 12; ср. Рус. Лив. А. 5). Въ южно-слав. актахъ употребляются въ томъ же смыслѣ «правда, правъ, правина, достоѣние» (Mikl. Mon. 7, 29, 43; ср. Данч. Рјечн. S. V.), въ актахъ западныхъ славянъ—*pravo*, *pravoty* (Мацѣев. I, 116).

²⁾ «Олегъ же надѣяся на правду свою, яко правъ бѣ въ семь» (Лавр. л. 229 д.; ср. Ипат. 354). Сюда относятся народныя пословицы, иногда весьма древнія: Московеная правда (поговорка, вошедшая въ употребленіе съ времени образованія Москов. государства, въ ироническомъ смыслѣ неправомѣрности); безъ правды не житье, а вытье; правда бессудна; правда у Бога, кривда на землѣ и пр.

³⁾ «И людемъ не доходити княже правды» (П. С. Л. I, 93). Въ южно-слав. законникахъ и статутахъ юрисдикція опредѣляется въ см. «правды княжей, кметской или жупской (общинной), облужбленной (суда третьей) и пр. (см. мое соч. Др. Хорв. — Далм. зак. 21, 94).

⁴⁾ «Ино господѣ обыскать правда «звѣсто» ино тотъ судъ судити.—Пск. с. гр. 18 и 61). Витебляне обязались въ 1300 г. Рижанамъ «обиды не створити... нашей братья правда дати» (Рус. Лив. А. 26).

⁵⁾ «Ино ему правда дати на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ» (Пск. с. гр. 46).

⁶⁾ «На правду холону не вылазити» (Р. Пр. Кар. сл. 99). Въ значенія же послушества «правда» известна и южно-слав. памятникамъ: «упросивше правда Дмитра: имаше ли сведоке» (Щучич. Спом. 35).

⁷⁾ «Ино ему правда дати на своей части; а цѣлованью быти одному» (Пск. с. гр. 106).

⁸⁾ «Искавше ли послуха не налѣзуть... тогда дати имъ правду желѣзо» (Р. Пр. Тр. сл. 17). «Правда Божья»—поле, судеб. поединковъ. См. Труды Мос. Общ. Ист. и др. III, 82).

⁹⁾ «Ино приставомъ на се поставитъ люди... а ты люди, ставъ на судѣ, рекутъ какъ право передъ Богомъ... ино тымъ приставомъ правда дати, а тотъ человекъ въ татьбѣ» (Пск. с. гр. 57).

Въ связи съ «правдой» въ значеніи суда и различныхъ моментовъ судебной дѣятельности стоитъ ближе всего формула: «*правда дать*». Исслѣдователи обыкновенно понимаютъ эту формулу въ смыслѣ присяги, крестоцѣлованія; между тѣмъ, изъ памятниковъ видно, что упомянутая формула имѣла самый разнообразный смыслъ и значеніе. «Дать правду» значило: дать уставъ, грамоту (см. приведенное выше посланіе митроп. Фотія Псковичамъ 1416 г.—А. И. I, 23), дать судъ, вести судебное разбирательство, процессъ (см. выше), представить доказательства, цѣловать крестъ («*правда дать, къ правдѣ вести, вѣрить*») и наконецъ оправдать по суду. Послѣднія четыре формулы принадлежатъ, главнымъ образомъ, Псковской судной грамотѣ. Наиболѣе отчетливо констатируется въ ней тождество формулъ: «*правда дать*» и «*цѣловать крестъ*», только въ трехъ статьяхъ—51, 104 и 106.

Дѣло въ томъ, что почти во всѣхъ статьяхъ Псковской грамоты, въ которыхъ говорится о присягѣ, вопросъ о послѣдней непременно ставится альтернативно: «хочетъ самъ цѣловать, или ему (противнику) положить у креста» (предоставить ему оправдаться собственнымъ крестоцѣлованіемъ); иногда прибавляется: «или съ нимъ на поле лѣзеть». Если цѣлованіе замѣняется формулой: *правда дать*, то указанная альтернатива выражается такъ: «государю правда дать, или изоринку *впритѣ*» (напр. ст. 51), или: «хочетъ на поле лѣзеть, или своего истца къ *правдѣ ведетъ*» (ст. 13). И дѣйствительно, альтернативность въ указанномъ смыслѣ составляетъ существенный характеръ присяги по Псковской грамотѣ. Гдѣ нѣтъ такой альтернативности и употребляется одна формула: «*правда дать*», безъ точнаго указанія на нее (въ другомъ мѣстѣ одной и той-же статьи, напр. въ 104 и 106) въ смыслѣ присяги, тамъ тождество формулы: «*правда дать*» съ присягой подлежитъ большому сомнѣнію.

Вся бѣда въ томъ, что старые памятники далеко не отличаются строгой технической формулировкой нѣрѣдко самыхъ основныхъ понятій. Одинъ и тотъ-же терминъ зачастую употребляется въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ,—каждый разъ исследователь долженъ строго вдумываться въ дѣло, внимательно изучать вопросъ со всѣхъ сторонъ, не только по внутреннему его содержанию, но и по самой формѣ его выраженія. Каждый разъ приходится съ трудомъ восстанавливать точный смыслъ статей, сообразно съ употребленіемъ данныхъ выраженій въ другихъ аналогическихъ случаяхъ, также съ характеромъ и строемъ статей и т. п. Къ такимъ техническимъ терминамъ принадлежитъ и выраженіе Псковской судной грамоты: «*правда дать*». Кромѣ указанныхъ выше трехъ статей грамоты (51, 104 и 106), въ которыхъ этому термину дается значеніе «крестоцѣлованія», есть еще 8 статей, гдѣ то-же самое выраженіе употреблено въ трехъ различныхъ значеніяхъ: оправдать, представить доказательства и обратиться къ суду (подвергнуть дѣло судебному разбирательству). Въ виду того, что указанные статьи не всегда вѣрно глоссируются исслѣдова-

телями (Энгельманомъ, отчасти Будановымъ и др.), необходимо рассмотреть эти статьи нѣсколько подробнѣе, съ цѣлью посильнаго разъясненія точнаго смысла занимающей насъ формулы: «правда дать».

Остановимся прежде всего на статьѣ 57, не представляющей большаго затрудненія при объясненіи встрѣчающейся въ ней формулы: «правда дать». Въ этой статьѣ рѣчь идетъ о приставахъ, которые не могли исполнить порученія судьи произвести на мѣстѣ «обыскъ» по татьбѣ, вслѣдствіе того, что они не были допущены къ обыску («согнаны со двора») тѣмъ, у кого предназначался послѣдній по распоряженію судьи. Въ подтвержденіе своего показанія о сопротивленіи, приставы должны представить свидѣтелей и, если послѣдніе покажутъ, что дѣйствительно «тотъ человекъ тѣхъ приставовъ со двора согналъ, а обыскивати имъ не далъ», то «тымъ приставамъ *правда дать*, а тотъ человекъ въ татьбѣ». Если же показаніе приставовъ не оправдается послухами, «ино тыи пристави не въ пристави, а тотъ татьбы своей не донскался, чиі таковыи приставы». Выраженіе: «правда дать» проф. Будановъ совершенно вѣрно глоссируетъ: «приставовъ *оправдать*» (Христ. I, 155, пр. 120). И это совершенно понятно: послушество въ данномъ случаѣ исключало всякую необходимость въ другихъ доказательствахъ,—присяга здѣсь была тѣмъ болѣе неумѣстной, что по Псковской пошлинѣ приставы имѣли таковой-же присяжный характеръ, какъ и другіе органы стараго земскаго наряда.

Въ такомъ-же значеніи *оправданіа* по суду употреблена формула: «правда дать» въ статьѣ 56-й. Статья эта гласитъ: если кто либо заявитъ на судѣ притязаніе на вещь, познанную у другаго лица и, по заявленію послѣдняго, купленную имъ на торгу (но у кого куплена вещь, не знаетъ), то тотъ, у кого познана вещь, долженъ сослаться на «добрыхъ людей». Если эти послѣдніе покажутъ, что спорная вещь дѣйствительно куплена предъ ними на торгу, то, по выраженію Псков. суд. грамоты, «тотъ правъ, оу кого имаются (свидѣтели), и цѣлованья ему нѣтъ; а не будетъ у кого свидѣтелей, ино ему *правда дати*, а той не донскался». Выраженіе: «правда дати» обыкновенно глоссируется изслѣдователями въ смыслѣ привести къ присягѣ (см. Будан. Христ. I, 154, пр. 118), т. е., иначе говоря, въ данномъ случаѣ, при неизбѣннн въ личности свидѣтелей, послушество *замѣняется* присягой, какъ самостоятельнымъ доказательствомъ.

Разсматриваемая статья стоитъ въ связи съ статьѣй 46 й, трактующей о томъ-же предметѣ, — а обѣ вмѣстѣ воспроизводятъ одно изъ старыхъ процессуальныхъ положеній, извѣстныхъ еще Рус. Правдѣ (см. Карамз. сп., ст. 33). Замѣтимъ прежде всего, что въ старое время въ процессѣ существовали строго опредѣленные типы судебныхъ доказательствъ, каждый, такъ сказать, съ своей особой компетенціей, допускавшей замѣну однихъ доказательствъ другими лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Понимка при «лицѣ», «знаменія» (синяки или

кровавые знаки при побояхъ и пр.), «заповѣдъ» («закличъ на торгу» по дѣламъ о татьбѣ), имѣли по Рус. Правдѣ вполне рѣшающее значеніе, не могли замѣняться ни послушествомъ, ни судомъ Божиимъ (ротой, желѣзомъ и другими испытаніями). Затѣмъ, по «тягамъ» поклепнымъ (безъ «лица») послушество являлось основной формой судебныхъ доказательствъ, требовавшейся по всякимъ дѣламъ личнымъ и имущественнымъ. Замѣна послушества ротой (присягой) или испытаніями допускается Рус. Правдой собственно лишь, какъ исключеніе: по дѣламъ личнымъ и имущественнымъ, если они возникали по клепу (соединявшемуся съ отвѣтственностью общины и съ платежомъ виръ и продажъ), по вещнымъ и долговымъ искамъ — только по менѣ важнымъ сдѣлкамъ (по займу, наприм., не свыше 3-хъ гривенъ кунъ), по личному найму, по гостьбѣ — куплѣ и поклажѣ (въ виду особаго характера этихъ сдѣлокъ, совершавшихся и безъ послуховъ), также по дѣламъ съ иноземцами. Какъ будетъ показано ниже, всякаго рода договорныя сдѣлки должны были, по стародавнему обычаю, совершаться публично, при участіи послуховъ, — отсюда послушество (рядство) являлось кореннымъ условіемъ юридической защиты всякихъ формъ имущественнаго оборота и договорныхъ отношеній. Напротивъ, рота и присяга, какъ самостоятельныя средства юридической защиты и охраны правъ, допускались лишь съ характеромъ чрезвычайныхъ мѣръ; къ нимъ можно было прибѣгать только въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣлявшихся обычаемъ. Рота и испытанія могли, при обыкновенномъ теченіи процесса, сопутствовать послушеству (напр. отъ послуховъ иногда требовалась присяга подтверждающая или очистительная), но не замѣнять его. Тѣ-же начала имѣли силу и въ данномъ случаѣ, т. е. примѣнялись къ искамъ о вещахъ, приобретенныхъ на торгу и оказавшихся татебными. У кого были познаны такія вещи, тотъ долженъ былъ по Рус. Правдѣ указать на сводѣ, у кого куплены эти вещи; если-же отвѣтчикъ не зналъ продавца лично и не могъ привести его на сводѣ, то онъ долженъ былъ сослаться на тѣхъ, при комъ совершена сдѣлка (на «свободныхъ мужей» или мытника): дѣло и рѣшалось окончательно по присяжнымъ показаніямъ «видоговъ» (Бар. сп. 33). Ни откуда не видно, чтобы Рус. Правда допускала роту или испытаніе, если не будетъ видоговъ: послушество въ данномъ случаѣ было такимъ-же необходимымъ и рѣшающимъ доказательствомъ, какъ и наприм. поймка убійцы или тата при «лицѣ» (на мѣстѣ преступленія), — ни лицо, ни послушество, не могли замѣняться никакими другими доказательствами. Ученіе Рус. Правды о составѣ судебныхъ доказательствъ и ихъ взаимномъ отношеніи основано на общихъ началахъ, дѣйствовавшихъ въ старое время въ правѣ всѣхъ славянъ. Начала нашей Правды о лицѣ, знаменіяхъ, заповѣди, поклепѣ, послушествѣ, ротѣ и испытаніяхъ цѣлкомъ воспроизводятся въ древнемъ правѣ Чеховъ и другихъ юго-западныхъ славянъ (см. Иреч. Recht in Böhmen. I, 55 и сл.; II, 120 и сл.; Macejow. Hist prawod. Slow.; см. мою статью — Рус. Прав. и Лит. статутъ).

То-же самое нужно сказать, какъ вообще о характерѣ и составѣ доказательствъ по Псков. суд. грамотѣ, такъ и въ частности о составѣ доказательствъ по дѣламъ о вещахъ, приобретенныхъ на торгу и оказавшихся табными.

По Псковской судной грамотѣ, какъ и по Рус. Правдѣ, лицо, даже выимка «поличнаго» (по оговору татя,—см. ст. 60), имѣли на судѣ рѣшающее значеніе. Послужество точно также считалось ординарной «исправой», «правдой», по всѣмъ сколько нибудь важнымъ дѣламъ—личнымъ (разбою, обидамъ и пр.) и имущественнымъ (татьбѣ, договорамъ и т. п.) По вещнымъ и долговымъ искамъ конкуренція съ послужествомъ допускалась только для «записей», а не для роты или поля. Запись и послужество могли, при извѣстныхъ условіяхъ, дополняться ротой или полемъ¹⁾; но эти послѣднія не могли совершенно замѣнять собой послужества. Мало того: Псковская грамота не знаетъ дикой вѣры, изъ-за которой собственно допускалась въ эпоху Рус. Правды замѣна послужества испытаніями или ротой (при немѣннѣй послуховѣ) по убійству и другимъ дѣламъ, влекшимъ за собой отвѣтственность общины. Съ отмѣной этого послѣдняго института разширилась и прагматика послужества, какъ исключительнаго судебного доказательства. Замѣна послужества допускается по Псковской грамотѣ лишь по такимъ дѣламъ, какъ купеческое дѣло (ст. 101), сблюденіе (поклажа, — ст. 17) и дѣла съ чужеземцами (ст. 105). Сюда же Псковская грамота относитъ поруку (101), мастерство (41, 102) и скруту (договоръ о приданомъ,—91)²⁾. По этимъ договорамъ, какъ и по поклажѣ, не были обязательны ни послужество, ни записи,—въ случаѣ споровъ можно было сдаться на «судъ Божій»—роту или поле³⁾. Вотъ сравнительно небольшой кругъ дѣлъ, по которымъ не требовалось безусловно послужество и въ замѣнъ его допускалась присяга или поле. По всѣмъ прочимъ дѣламъ оба эти доказательства могли имѣть значеніе лишь дополнительнаго, а не самостоятельнаго средства судебной защиты. Въ Псковской грамотѣ, какъ и въ Рус. Правдѣ, не находимъ никакихъ ясныхъ и категорическихъ указаній, чтобы по сдѣлкамъ договорнымъ

¹⁾ Наприм., по поземельнымъ дѣламъ (при противорѣчивыхъ или по чему либо недостаточныхъ записяхъ), по долговымъ обязательствамъ, изорничеству, личнымъ обидамъ и проч.

²⁾ Въ Рус. Правдѣ о послѣднихъ трехъ договорахъ не упоминается; но ничто не мѣшаетъ допустить, что та «пошлина», которая записана въ Псковской грамотѣ въ статьяхъ объ этихъ договорахъ, могла дѣйствовать, какъ обычай, и раньше, въ эпоху Правды.

³⁾ По дѣламъ о «жениномъ и мужнемъ платыи», оставшемся по смерти мужа или жены, родные умершаго не могли требовать присяги отъ оставшагося въ живыхъ супруга, но должны были довольствоваться тѣмъ, что онъ имъ отдастъ «право по души», т. е. по совѣсти, безъ присяги. См. Пск. с. гр. 90.

(кромѣ дѣлъ, указанныхъ выше), при отсутствіи послуховъ, допускалась присяга или поле. Съ этой-то основной точки зрѣнія слѣдуетъ глоссировать и статьи Псковской судной грамоты о татевныхъ вещахъ, купленныхъ на торгу. Что касается относящейся сюда 46-й статьи, то она состоитъ изъ двухъ различныхъ частей: въ первой опредѣляется общее требованіе или положеніе о томъ, какъ должно быть разрѣшено дѣло; вторая же половина статьи («а не поставитъ его» и пр.) говоритъ о самомъ исполненіи такового требованія. Общее требованіе, констатируемое въ первой половинѣ 46-й статьи, сводится къ слѣдующей формулѣ: «тотъ, у кого познана вещь, купленная на торгу, долженъ поставить продавца (на сводъ), а если не знаетъ, у кого куплена вещь, то «ему правда дать (пока оставимъ безъ перевода) на томъ, что чисто будетъ на торгу купилъ, а съ татемъ не подѣлился». Затѣмъ слѣдуетъ вторая половина статьи—о самомъ выполненіи общаго правила, положеннаго въ предыдущей формулѣ: «а не поставитъ его, а самъ не укралъ, ни пословицы не было—будетъ, ино тотъ не доискался». Слова: «а самъ не укралъ, ни пословицы не будетъ», категорически указываютъ на «видоковъ»¹⁾ Рус. Правды, къ которымъ отвѣтчикъ, не могущій поставить продавца спорной вещи на сводъ, долженъ былъ обращаться и которые подтверждали, что онъ «чисто будетъ (предъ ними) на торгу купилъ», «самъ не укралъ, ни пословицы не было». Полный текстъ второй половины 46-й статьи будетъ слѣдующій: «и если дѣйствительно окажется, что тотъ, у кого познана вещь, не поставитъ продавца этой вещи, а въ подтвержденіе своей правоты сошлется (какъ требовалъ обычай, записанный еще въ Рус. Правдѣ) на свидѣтелей, и эти послѣдніе покажутъ, что онъ при нихъ купилъ спорную вещь, самъ не укралъ, причемъ противъ отвѣтника не будетъ заявлено «пословицы» (т. е. не будетъ высказано послухами чего либо направленнаго противъ чести и добраго имени отвѣтника), то отвѣтчикъ считается «правымъ, а тотъ (истецъ) не доискался». Изъ сказаннаго видно съ полной очевидностію, что выраженіе первой половины 46-й ст.: «правда дать» слѣдуетъ глоссировать не въ смыслѣ привода къ присягѣ (такъ глоссируетъ Будановъ,—см. Христ. I, 151, пр. 107), а вообще въ смыслѣ *представленія доказательствъ*, ближайшее значеніе которыхъ (какъ выше показано, въ смыслѣ послушества) и констатируется во второй половинѣ статьи.

Таковъ же, въ существѣ дѣла, точный смыслъ и 56 статьи, также трактующей о татевныхъ вещахъ, купленныхъ на торгу. Въ первой половинѣ этой статьи опредѣляется болѣе точно положеніе рассмотрѣнной выше 46-й статьи: если будутъ представлены свидѣтели, которые подтвердятъ, что дѣйствительно

¹⁾ «Пословицу» можно было констатировать только путемъ послушества.

спорная вещь куплена предъ ними на торгу, то отвѣтчикъ «правъ, — цѣлованья ему нѣтъ». Затѣмъ слѣдующая половина статьи воспроизводитъ отрицательную постановку вопроса, когда не будетъ свидѣтелей, т. е. когда вещь не была приобретена публично, на торгу, предъ свидѣтелями, и потому (какъ того требовалъ старый обычай) владѣніе ею не пользовалось защитой на судѣ. Въ такомъ случаѣ Рус. Правда рѣшаетъ дѣло въ пользу истца и обвиняетъ отвѣтчика, не представившаго свидѣтелей ¹⁾. Ни откуда не видно, чтобы вопросъ о послушствѣ иначе ставился въ Псковской грамотѣ, допускавшей въ данномъ случаѣ такое же рѣшеніе, какъ и въ Рус. Правдѣ: «ино ему (т. е. истцу, настоящему хозяину вещи) правда дать, а той не доискался», — иначе говоря, истецъ (хозяинъ вещи) *оправдывается* въ своемъ притязаніи на спорную вещь, отвѣтчикъ же, купившій татѣбную вещь и не представившій свидѣтелей сдѣлки, «не доискался» ²⁾ своихъ правъ на неправильно приобретенную имъ вещь.

Въ такомъ же смыслѣ «оправданія по суду» слѣдуетъ переводить выраженіе: «правда дать» въ 55-й статьѣ — объ искахъ по наследственному или завѣщательному имуществу (отморшинѣ или приказному). Конструкція этой статьи вполнѣ аналогична съ 46-й статьѣй. Въ первой половинѣ формулируется общее требованіе, какъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ по Псковской пошлинѣ: въ случаѣ притязанія стороннихъ лицъ къ наследственному имуществу, отъ наследника требуется не приводъ къ присягѣ, а лишь одна ссылка на «сосѣдей или стороннихъ людей», которымъ «вѣдомо» дѣло. Затѣмъ во второй половинѣ статьи рѣчь идетъ примѣнительно къ данному случаю: если дѣйствительно будетъ сдѣлана наследникомъ ссылка на послуховъ и послѣдніе подтвердятъ его показаніе («скажутъ, какъ право предъ Богомъ»), то «ему (наслѣднику) правда дать». т. е. онъ *оправдывается*, съ признаніемъ за нимъ права на спорное имущество, «какъ чисто отморшину». Чтобы получить возможность перевести выраженіе: «правда дать» въ излюбленномъ смыслѣ привода къ присягѣ, Энгельманъ, а за нимъ и Будановъ (Христ. I, 153, пр. 116 и 117), вводятъ частицу *не* ³⁾ въ текстѣ второй половины статьи ради того, что

¹⁾ Формула Рус. Правды: «провиновался еси, оже еси послуха не ставилъ» (Кар. сп. 48), несомнѣнно имѣла силу не только по долговымъ, но и вообще вещнымъ искамъ.

²⁾ По старому процессу объ стороны являлись на судѣ «истцами», (см. напр. Пск. суд. гр., ст. 13). Отвѣтчикъ, не представившій достаточныхъ доказательствъ законности приобретѣнія вещи, оказавшейся татѣбной, «не доискивался» права на спорную вещь. Законнымъ же способомъ приобретѣнія вещи путемъ купли считалось въ старое время совершеніе сдѣлки на торгу, публично, съ участіемъ послуховъ (рядцевъ).

³⁾ «а только (*не*) будетъ чловѣкъ 4 и 5». Дѣло въ томъ, что дальше слѣдуетъ: «скажутъ какъ право предъ Богомъ»; если читать первую цитату по глоссѣ Энгельмана, то будетъ совершенно не понятна вторая цитата, которая именно и говоритъ о *бмти* свидѣтелей, показывающихъ «какъ право предъ Богомъ».

будто бы «смыслъ здѣсь настоятельно требуетъ частицы *не*». Никакой настоятельности здѣсь нѣтъ; и безъ всякой натяжки, а главное — безъ извращенія самаго текста памятника, дѣло объясняется весьма просто.

Въ виду сказаннаго о сродствѣ ученія о доказательствахъ по Рус. Правдѣ и Псковской грамотѣ, легко объясняются также статьи 42 и 51 (объ искахъ по изорничеству), въ которыхъ также находится формула: «правда дать», вводившая изслѣдователей своей неопредѣленностью въ заблужденіе касательно настоящаго смысла упомянутыхъ статей, въ особенности первой. Статья 51 изложена довольно ясно: если изорникъ отказывается удовлетворить требованіе хозяина уплатить ему «покруту» (потому-ли, что ея вовсе не бралъ, или бралъ, да уже возвратилъ), то хозяинъ долженъ на судѣ подтвердить свое требованіе ссылкой на послуховъ и, кромѣ того (очевидно, ради большей гарантіи изорника, въ виду его зависимаго положенія), «дать правду», т. е. подкрѣпить послушество своей *присягой* или предоставить изорнику оправдаться цѣлованіемъ. Присяга здѣсь допускается *при* послушествѣ, но не можетъ замѣнять его, если не окажется послуховъ. Последнее положеніе составляетъ содержаніе второй половины статьи: если хозяинъ «не поставитъ людей», то онъ «покруты своея не доискался», очевидно потому, что при сдѣлѣ о ней не ставилъ послуховъ (какъ требовалъ обычай) и этимъ лишился возможности защищать ее на судѣ. Изложенная статья ставитъ дѣло довольно ясно. За то 42-я статья, говорящая также объ изорничествѣ, возбуждаетъ разнорѣчіе въ ея пониманіи, а въ особенности въ пониманіи встрѣчающейся въ ней формулы: «правда дать» ¹⁾. Точный смыслъ этой статьи таковъ: «отрогъ» (переходъ крестьянъ въ положенный срокъ, по желанію-ли послѣднихъ, или по волѣ самаго хозяина, не желающаго держать ихъ у себя) полагается въ Филипово заговѣнье; «а иному отрогу не быти». Если хозяинъ, въ противность этому закону, рассчитаетъ изорника до установленнаго срока и потребуетъ отъ него полного расчета (по договору изорничества, за все срочное время), изорникъ-же откажется удовлетворить требованіе хозяина, то (при разбирательствѣ спора на судѣ) изорнику «правда дать», т. е. онъ *оправдывается*, а хозяинъ «не доискался». О присягѣ со стороны изорника здѣсь не можетъ быть рѣчи: фактъ незаконности требованія хозяина самъ за себя говорилъ. Такой фактъ удостоверялся свидѣтельскимъ показаніемъ о времени отказа изорника: какъ слѣдуетъ доказывать въ спорахъ по изорничеству, показываетъ выше разобранная 51 статья, требующая здѣсь безусловно послушества.

Формула: «правда дать» встрѣчается въ двухъ статьяхъ (94 и 95) въ

¹⁾ Энгельманъ переводитъ ее въ смыслъ привода къ присягѣ, Будановъ — вообще доказательствъ (Христ. I, 149, пр. 100).

смыслъ—«обыскать правду», т. е. *разсмотрѣть дѣло судебнымъ порядкомъ* (ср. ст. 18 и 61).

Статья 94 я гласить: если наследникамъ (братьямъ, живущимъ вмѣстѣ) будетъ заявлена долговая претензія на ихъ умершаго отца (безъ записи послѣдняго), при чемъ наследники откажутся отъ удовлетворенія таковой претензіи (потому-ли, что долгъ уплаченъ, или его не дѣлалъ отецъ), то «вѣтшему брату (какъ представителю семьи) правда дать», т. е. онъ долженъ обратиться къ *разбирательству дѣла по суду*; если затѣмъ по суду окажется, что долгъ дѣйствительно не уплаченъ, то братья должны уплатить его изъ общаго имущества, а остатокъ дѣлать между собой (если пожелаютъ жить отдѣльно).—Такое-же толкованіе слѣдуетъ давать выраженію: «правда дать» въ 95 статьѣ. Въ ней рѣчь идетъ о братьяхъ, племянникахъ и дядяхъ, живущихъ вмѣстѣ, причемъ «меньшій братъ искористуется серебромъ» у брата своего или дяди и затѣмъ будетъ отказываться отъ возврата взятыхъ денегъ (корысть—собственно то же, что ростъ, проценты). Дѣло, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, разрѣшается формулой: правда дать, т. е. возникшій споръ *разбирается судомъ* и затѣмъ, хотя-бы по суду братъ не оказался виновнымъ («какъ за нимъ не будетъ»), тѣмъ не менѣе онъ можетъ требовать раздѣла общаго имущества. О тайномъ присвоеніи имущества и о присягѣ (см. Будан. Хр. I, 167, пр. 194) здѣсь едва-ли можетъ быть рѣчь.

Наконецъ, выраженіе: «правда дать» употреблено въ 110 статьѣ Псков. грамоты въ значеніи представленія *доказательствъ*, какъ это видно изъ прямого смысла статьи.

Въ заключеніе приведемъ другія формулы «правды», употребляющіяся въ старыхъ памятникахъ, то въ смыслѣ присяги, послушества, то вообще суда.

Въ смыслѣ присяги «правда» употребляется въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

привести къ правдѣ: «и воеводы ихъ приведше по ихъ вѣрѣ къ правдѣ... приведше къ шерти» (П. С. Л. VIII, 273; ср. Мухан. Сборн. № 1, 9, 23 и пр.); дать *клятву* или крестное цѣлованіе при составленіи грамоты: «и грамоту напиши съ правдою» (Поучен. Влад. Мон. — Лавр. лѣт. 245); «*правда съ жеребья*»—приводъ къ присягѣ по жребію: «а давати исцемъ межъ себя правду съ жеребья» (А. А. Э. I, 257; ср. III, 36).

Мрочекъ—Дроздовскій относитъ сюда также выраженіе: «правда на обѣ стороны», встрѣчающееся въ догов. грамотѣ кн. Ивана Влад. Пронскаго съ Витовтомъ Литовскимъ, 1430; но, судя по смыслу статьи, «правда» означаетъ здѣсь не присягу, а *судъ*: «а судьямъ *цѣловавъ крестъ* безъ всякія хитрости, а *правду* на обѣ сторонѣ; а что ся судьи сопруть о которыхъ дѣлѣхъ, ино положить на осподаря в. кн. Витовта» (А. А. Э. I, № 26). Дѣло въ томъ, что споры между Пронцами и Литовцами разбирались судьями, назначавшимися обо-

ими князьями. Эти-то судьи, по крестному цѣлованію, и давали «правду на обѣ стороны», т. е. рѣшали дѣла по жалобамъ Понцевъ и Литовцевъ; если же судьи не согласятся между собой въ рѣшеніи дѣла, то послѣднее переходить на судъ вел. князя.

Въ смыслѣ послушества правда употребляется въ разныхъ выраженіяхъ: «слаться съ суда на правду» — ссылаться на послуховъ во время судоговоренія; ссылка «на общую правду» — ссылка обѣихъ сторонъ на однихъ и тѣхъ же послуховъ; «*правда изъ виноватыхъ*» — ссылка на послуховъ съ обязательствомъ подчиниться ихъ рѣшенію; «*отводная правда*» — ссылка безъ такового обязательства; «*заволостная правда*» — ссылка на послуха изъ другой волости (см. А. И. I, 154; III, 192; доп. А. И. IV, 43; А. А. Э. I. 121; IV, 112, 232). Специально подъ правдой разумѣлся вызовъ послуховъ на судъ: «ѣхать (приставу, по ссылкѣ сторонъ) на правду»; «правду предъ прикащикомъ поставить»; «на правду вдвое» (или — «на правду два») — плата приставу вдвое за ѣздъ для вызова свидѣтелей къ суду; «суда съ правдою» — право судьи посылать приставовъ для вызова послуховъ по ссылкѣ сторонъ (А. А. Э. I, 13, 215, 221. См. Мрочекъ-Дроздовскаго Исслѣд. о Рус. Пр. 24 исслѣд.)

Въ виду разнообразія значеній «правды» естественно возникаетъ вопросъ, какое изъ ея понятій можно считать первоначальнымъ, кореннымъ и какія производными? Полагаютъ, что въ общемъ, родовомъ понятіи правды, какъ права, «выражалось все правосозерцаніе нашихъ предковъ», — что «разложеніе этого понятія на виды — дѣло послѣдующаго праворазвитія» (Мрочекъ — Дрозд. Исслѣд. о Рус. Пр. 2). «Правда въ смыслѣ *права* дала свое имя и главнѣйшему въ старину доказательству, свидѣтельскимъ показаніямъ, или тому, что составляетъ сущность его, присягѣ, а вслѣдствіе этого слово правда стало употребляться и въ смыслѣ присяги вообще... «Этотъ смыслъ слова правда (какъ права), будучи древнѣйшимъ, былъ первоначальнымъ, прямымъ». «Затѣмъ уже имя правда могло быть перенесено съ права, какъ цѣли суда, на то дѣйствіе, которымъ эта цѣль на судѣ достигалась» (ib. 21). Есть основаніе предполагать, однако, совершенно обратный ходъ развитія различныхъ понятій правды не отъ рода къ виду, а именно наоборотъ¹⁾. Едва-ли можно утверждать съ полной достовѣрностію, что понятіе правды, какъ права, было «древнѣйшимъ» и потому первоначальнымъ, кореннымъ. По нашимъ памятникамъ, какъ и по

¹⁾ На такой порядокъ развитія вообще понятій указываетъ, между прочимъ, глубокой знатокъ старины, Вестужевъ—Рюминъ: «родословіе *слова* есть раскрытіе пути, которымъ шло сознаніе, придавая постепенно частному признаку, первому поравившему вниманіе, общее значеніе, или восходя отъ чисто физическаго смысла къ смыслу нравственному». См. Истор. I, 7.

памятникамъ другихъ славянъ, «правда—послушество, присяга или судъ» отличаются такой-же древностю, какъ и «правда — право». Судя по всѣмъ даннымъ о ходѣ «праворазвитія» въ человѣческомъ общежитіи, слѣдуетъ полагать, что отвлеченная идея «права» не явилась сама собою сразу во всеоружіи, — идея эта, напротивъ, представляетъ результатъ долгаго процесса праворазвитія, результатъ борьбы разнообразныхъ жизненныхъ отношеній и интересовъ, столкновеніе которыхъ вызываетъ необходимость въ ихъ защитѣ путемъ какъ самосуда, такъ и общественнаго наряда. Судъ и его главные атрибуты, хотя-бы въ самыхъ примитивныхъ формахъ, должны были явиться раньше, чѣмъ вполне сложилась въ общемъ сознаніи отвлеченная идея права. Въ этой идеѣ нужно усматривать не начало, а напротивъ—вѣнецъ праворазвитія. Такой ходъ дѣла подтверждается вполне и данными сравнительной филологіи. Первичное значеніе славянской «правды» тянетъ къ суду (даже просто битвѣ, борьбѣ, спору) и только позже, при дальнѣйшемъ ходѣ праворазвитія, названія суда и его отдѣльныхъ моментовъ могли быть перенесены съ суда на общее, родовое понятіе права. По своему коренному значенію, славянская правда несомнѣнно совпадаетъ съ санскр. *parivāda* (*litigatio, procès*), отъ корня *vad* (*dīcere, loqui, vociferari*); отсюда *vāda* (*accusatio*), *vādin* (*обвинитель*), а съ прибавкой *pari* (*споръ, борьба*)—*parivāda* (*судъ, судоговореніе, судебный споръ, борьба*); отъ того же корня—*avavāda, avavada, upavāda* (*imputatio, blāme* и пр.) Отсюда—съ одной стороны, славян. — «вадити», освадити, освада, вада, — литов. *wadinti* — звать, называть (*rawadinti* — позывать къ суду, — срав. славян. «поводъ» — лице, зовущее на судъ), а съ другой—правда—изъ «пра» (*прия—споръ*) и «вада» (*обвиненіе*) — по первоначальному значенію судебный споръ, борьба, судоговореніе. Съ правдой находится въ генетической связи и славян. *право*—отъ арийскаго корня *rag* (*schlagen, kämpfen*); отсюда—слав. *рга—прия, борьба, споръ*; ср. старосербское «парьба» или «парьна» (*lis, тяжба*), «параць», «парць» — *procurator, истецъ* ¹⁾. Вообще говоря, генезисъ различныхъ понятій, совпадающихъ въ одномъ и томъ же терминѣ, объясняется всегда въ смыслѣ перехода видовыхъ понятій къ родовымъ, обобщеннымъ: чѣмъ матеріальнѣе понятіе, тѣмъ она несомнѣнно древнѣе, — отвлеченныя, родовыя понятія представляютъ результатъ обобщенія и, слѣдоват., являются позже образовавшимися понятіями. Въ виду сказаннаго можно полагать, что ходъ развитія различныхъ понятій правды въ общемъ былъ таковъ: правда первоначально обозначала просто борьбу — рогу, судъ Божій, испытанія, послушество и другіе моменты

¹⁾ См. А. Pictet, *Les origines Indo-Européennes*, 2-е изд. III, 160; А. Fick, *Vergl. Wörterb.* 1870 стр. 281; Vaníček *Griech.—Lat. Wörterb.* 1877, стр. 512; Mikl. *Mon.* 39, 287, 342, 379, 475 и пр.; Ср. Дьячича Речникъ. s. voce «парьба, парць».

суда, затѣмъ самый судъ и наконецъ родовыя, общія понятія — права, правотѣрности и справедливости ¹⁾).

Внѣшнимъ выраженіемъ правды у всѣхъ славянъ изстари служили *народные обычаи*. Въ памятникахъ древняго русскаго и вообще славянскаго права народные обычаи носятъ различныя названія: обычая, права (норова), преданія, пошлины или старины, закона, также покона, устава и урока. Всѣ эти термины даютъ указанія на различные моменты образования и дѣйствія обычного права. Остановимся сначала на обычаяхъ и нравѣхъ, по своему значенію отличающихся отъ пошлины и пр.

I. *Обычай* (mos, consuetudo, ἔθος, Gewohnheit, Sitte, coutume) — наиболее древній и распространенный у всѣхъ славянъ ²⁾ терминъ, употреблявшійся изстари для обозначенія дѣйствій и правилъ съ обычно — правовымъ характеромъ. «Обычай» упоминается въ разсказѣ начальной нашей лѣтописи о внутреннемъ бытѣ русскіхъ славянъ: «имяху бо обычаи и законъ отецъ своихъ» и пр. (П. С. Л. I, 6). Въ смыслѣ правовой нормы, обычай постоянно упоминается въ древнихъ памятникахъ: «а пошлину давайте по обычаю» (А. И. I, 1, 3 и пр.). «Мірской» или «земскій» обычай ³⁾ противопоставляется «церковному обычаю» или «закону отъ Бога» (см. Павлова Памятн. др. кан. пр. 101,

¹⁾ Таковъ же генезисъ слав. *суда* (чешск. суда, литов. sudas). Объясненіе первоначальнаго значенія суда даетъ санскритъ: корень *śudh*, *śundh*—purificare; отсюда—*śuddhi* очищеніе, *śuddha* обвиненіе, *śōdhu* обвиняемый, *śōdhaka*—обвинитель и пр. Славян. «судить» первоначально тоже, что скр. *śudh*—очищаться отъ обвиненія (ср. выраженіе: вода «святочудна», т. е. очистительная).—Подобнымъ же переходомъ видовыхъ понятій къ родовымъ объясняются различныя значенія *скота* — имущество, деньги, казна, сокровище и наконецъ животное (скотъ), составлявшее главный предметъ степнаго хозяйства стараго кочевника, — съ переходомъ къ осѣдлой культурѣ долго удерживается старое названіе дѣвностей и вообще имущества.—Можно привести много другихъ терминовъ, образовавшихся также путемъ перехода названія вида къ названію рода: хорват. «гуса, хусарьство» (хищничество, разбой)—первоначально похищеніе коровъ, битва изъ-за стада; челядь—кочующая группа индивидовъ, человекъ-кочевникъ и пр. (См. Pietet Orig. Indo-Europ.).

²⁾ Терминъ «обычай» особенно употребителенъ въ южно-славянскихъ памятникахъ. «Дохотке обетуемо дати кралевству по чигу и обычаю» (Miklos. Mon. 276); «како то е био нашехъ старехъ обичаи добри» (ib. 237); «како е нихъ почтени и красни обичаи» (ib. 292); «нашъ обичаи вѣ одписати» (Пудич Спом. 29); «наша опкина нема обичая заковати никому динаре» (ib. 36). По Полицкому статуту судьи должны были руководиться обычаями: «имаю видити и разгледати и промисливши процинити ничъ по закону и обичаю, зачь се не могу прем све ричи у штатутъ поставити» (мое соч. — др. Хорв. Далм. зак. 64; ср. 39, 42 и др. См. Miklos. Lexic., Даничича и Вука Ріечн. s. voce обичай; Jungmann Słownik s. v. obyczaj).

³⁾ Въ Стоглавѣ обычай такъ опредѣляется: «обычай земли есть написанъ законъ земскій; обычай инъ законъ» (гл. 42).

166, 389; А. Ш. I, 40). Дѣйствія, нарушающія обычай, составляютъ «лукавый» или «лихой» обычай (А. Ш. I, 5, 16); поступать противъ обычая значить «новую правду ставить», «неправду дѣлать» (Рус. Лив. Ак. 27), «дѣять новину» (П. С. Л. IV, 209), поступать со «лжею» (ib. I, 231) и пр.

Въ одинаковомъ смыслѣ съ обычаемъ употребляется изстари у славянъ терминъ — *правъ* (норовъ¹⁾). Начальная лѣтопись ставить *правъ* рядомъ съ обычаемъ и закономъ, какъ равнозначющія выраженія: «имяху бо обычай свои и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой *правъ*» (П. С. Л. I, 6). «Норовъ» по памятникамъ приравнивается къ закону: «онъ же (Святославъ) не послуша матере, твораше норovy поганскія; како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ» (ib. 27). Стародавніе *правы* пользовались у славянъ такимъ же значеніемъ и силой, какъ и всякій народный обычай; народная пословица доселѣ гласить: «норовъ не боровъ,—откормить его не убить»; «всякъ своему *праву* работаетъ» и пр.

По своему коренному понятію, обычай заключаетъ въ себѣ указаніе на моментъ *происхожденія* правовыхъ нормъ. Обычай —отъ «быть» (какъ *Gewohnheit* —отъ *wohnen*) —то, что «бытуется», практикуется въ людскомъ обыкнѣ (обыкнѣ),—что требуется «бытомъ», возникаетъ и устанавливается *сообразно* съ условіями человѣческаго общегитя.

Исторія застааетъ человѣческія общества уже съ болѣе или менѣе сложившимися и окрѣпшими обычаями и потому не даетъ вполнѣ категорическаго отвѣта на вопросъ о томъ, какимъ именно путемъ слагались первоначально эти обычаи. Здѣсь возможенъ цѣлый рядъ предположеній, основанныхъ главнымъ образомъ на явленіяхъ позднѣйшей исторіи, которыя однаго не всегда тождественны съ явленіями первычныхъ обществъ.

Вопросъ о начальномъ происхожденіи правовыхъ обычаевъ не новъ. Еще въ средніе вѣка легисты, выводившіе всѣ нормы права изъ воли законодателя, видѣли въ обычномъ *правѣ* неписанные законы, установившіеся путемъ привычки и молчаливо одобренные законодателемъ. Господствовавшее въ прошломъ вѣкѣ индивидуалистическое ученіе допускало первоначальное, такъ называемое «естественное состояніе» людей съ его «великой безурядицей» (*bellum omnium contra omnes*),—регулированіе такой безурядицы было дѣломъ воли, соглашенія отдѣльныхъ лицъ (господство автономнаго начала въ дѣлѣ образованія права). Въ началѣ настоящаго столѣтія формулируется и упрочивается надолго въ наукѣ новое ученіе (исторической школы) о происхожденіи обычнаго

¹⁾ Miklos. Mon. 4: «когда елика раздѣливъ и законъ давъ и *правы* уставы и владыки надъ ними по *праву* и по заводу раставль». См. Mikl. Lexic, Данич. Ріечн. s. v. «*правъ*».

права, именно подъ вліяніемъ творческихъ силъ, кроющихся въ народномъ духѣ и сознаниі 1). Лучшіе представители новѣйшихъ ученій (органическаго — Аренсъ, реалистическаго — Терингъ и др.) стараются примирить и пополнить воззрѣнія старыхъ школъ о начальныхъ моментахъ возникновенія права, путемъ выясненія объективныхъ условій 2) человѣческаго общежитія, неотразимо вліяющихъ на образованіе права. Всѣ эти ученія находили и находятъ отголоски въ трудахъ изслѣдователей по исторіи русскаго права. Воззрѣнія старой славянофильской школы развились, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ ученія исторической школы. Въ новѣйшее время начинаютъ получать у насъ право гражданства воззрѣнія органической и реалистической школъ; но также не совсѣмъ утратило силу и ученіе индивидуалистической школы прошлаго вѣка, съ ея гипотезами о «великой безурядицѣ» естественнаго (до—обычнаго) состоянія, о творческой силѣ воли и сознаниія отдѣльной личности (начало автономіи, и пр.) 3).

1) Школа эта учила, что право есть плодъ всей народной жизни, — его начала искони вложены въ народномъ духѣ. Впрочемъ, какъ училъ одинъ изъ корифеевъ этой школы — Савининъ, въ народномъ сознаниі коренятся лишь общія основы права, — частности могутъ быть созданы и навывкомъ: онѣ «не даны въ народномъ сознаниі, а возникаютъ въ силу континуитета человѣческихъ поступковъ» (System d. röm. Rechts. 1830. I, § 12). Словомъ, сознательный народный элементъ въ образованіи права историческая школа ставитъ на первомъ планѣ; моментъ непосредственности, инстинктивности на всѣхъ ступеняхъ развитія права имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Позже дѣлались поправки въ ученіи исторической школы: вмѣсто «сознаниа народа» подставляли «общее мнѣніе опредѣленнаго круга людей» (Kierulf Theorie d. gem. Civilrechts, 9 и сл.).

2) Къ нимъ относятся: условія общественной среды (рода, семьи, общины, государства), физическія условія страны — климатъ, почва и пр.

3) Ученіе индивидуалистической школы прошлаго вѣка воспроизводится, хотя и въ обновленной формѣ, въ историко-юридическихъ трудахъ проф. Сергѣевича (см. его «Издѣл. и лекціи по исторіи рус. права»). По его ученію, образованію нормъ права предшествуютъ отдѣльныя дѣйствія; сперва накаплиются прецеденты. Обычай поэтому — первоначальная норма, управлявшая людскими дѣйствіями: до обычая были автономныя дѣйствія, самоопредѣленіе въ формѣ самоуправства. «Въ начальной исторіи права каждаго общества надо предполагать великую безурядицу». Какія-же силы создаютъ право? Какое либо убѣжденіе и, слѣдоват., убѣжденіе о правѣ можетъ имѣть только отдѣльный человѣкъ. Объ убѣжденіяхъ народа или племени можно говорить только, какъ о суммѣ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ. Изъ индивидуальнаго убѣжденія, проявляющагося въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, надо выводить обычное право, а слѣдоват. и первое право, возникшее въ исторіи. Обычное право возникаетъ, благодаря дѣйствію индивидуальнаго сознания насущныхъ интересовъ человѣка, подъ вліяніемъ котораго опредѣляется тотъ или другой способъ его дѣйствія. Это начало самоопредѣленія (автономіи). Въ его основѣ — личный интересъ, личное усмотрѣніе о томъ, что должно быть при данныхъ условіяхъ, а не отвлеченная идея правды или справедливости. Развивая свою мысль далѣе, проф. Сергѣевичъ утверждаетъ, что творцомъ обычая является не просто человѣкъ, но человѣкъ передовой энергическій, сильный. «Образъ дѣйствія, избранный нѣкоторыми, всегда болѣе энергиче-

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чрезъ человѣка, въ немъ же и для него возрождаются и живутъ правовыя идеи и правила; но весь вопросъ въ томъ, *какъ*, подъ вліяніемъ какихъ *внѣшнихъ и внутреннихъ силъ*, возрождаются и крѣпнута эти идеи и правила въ памяти человѣка, въ силу ли одной привычки, или же въ силу началъ, искони заложенныхъ въ народномъ духѣ и сознаниі; имѣло ли здѣсь рѣшающее значеніе исконное самостоятельное творчество и самоопредѣленіе личности, или же все опредѣлялось разными внѣшними, подавляющими силами, абсолютно исключавшими на первыхъ порахъ исторіи всякую возможность индивидуальнаго самоопредѣленія?

Нельзя отрицать извѣстнаго значенія «привычки» въ дѣлѣ правообразованія, но это значеніе не имѣетъ ничего общаго съ силой творчества: «привычка лишь *укрѣпляетъ* дѣйствіе однообразныхъ нормъ, а не создаетъ ихъ» (Буданова Обзоръ ист. рус. пр. 1, 63). Привычка оперируетъ надъ образова-

скими людьми, становится общою нормою. Путемъ пассивнаго подражанія дѣйствіямъ передовыхъ людей слугается наконецъ и общее убѣжденіе. Если обычай идетъ отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, то повятно, что первыми дѣятелями обычнаго права были люди энергичскіе и сильные, а первоначальное обычное право—правомъ сильнаго. Опредѣленіе и охраненіе правъ въ началѣ исторіи было дѣломъ частнаго усмотрѣнія. Насколько однако все эти положенія послѣдовательно проведены, показываетъ рядъ другихъ положеній того же автора, въ корнѣ уничтожающихъ его основныя положенія объ индивидуальномъ усмотрѣніи, самоопредѣленіи и автономіи передовыхъ и сильныхъ людей, какъ о совершенно и абсолютно свободномъ, правосозидающемъ началѣ. Во 1-хъ, изъ положенія о томъ, что обычное право возникаетъ изъ индивидуальнаго усмотрѣнія и дѣйствій энергичскихъ и сильныхъ людей—первыхъ дѣятелей и творцовъ обычнаго права, само собою должно бы вытекать положеніе о томъ, что въ дѣлѣ созданія обычая «народъ» остается не при чемъ,—что обычай по своему происхожденію всегда и вездѣ имѣетъ личный характеръ. Проф. Серг. однако иначе думаетъ и въ концѣ концовъ рѣшительно переходитъ на сторону исторической школы: «обычай не имѣетъ личнаго происхожденія, онъ *безличенъ*; обычай *выходитъ изъ народа*, какъ безличной массы, все такъ думаютъ и все такъ поступаютъ» (Исслѣд. 76). Во 2-хъ, проф. Серг. смотритъ на индивидуальное усмотрѣніе и самоопредѣленіе, какъ на непосредственную правопроизводящую силу; но въ слѣдъ затѣмъ онъ переходитъ на сторону стараго ученія, искавшаго происхожденіе обычнаго права въ силѣ привычки поступать извѣстнымъ образомъ: «самоопредѣленіе само по себѣ не творитъ еще обычнаго права»,—его творитъ «*инертная сила обыкновенія*». «Привычка можетъ порождать правовыя нормы» (Исслѣд. 83). Наконецъ, въ 3-хъ не признавая положенія исторической школы о непосредственности (инстинктивности) образованія обычнаго права помимо индивидуальнаго убѣжденія и сознанія, проф. Серг. затѣмъ полагаетъ однако, что въ дѣлѣ возникновенія обычая (становящихся обязательными въ силу присутствующаго челоуку свойства слѣдовать разъ намѣченному пути) «есть что-то общее съ свойствомъ физическихъ тѣлъ, извѣстнымъ подъ именемъ инерціи» (Исслѣд. 83). Но дѣйствовать по законамъ инерціи не значитъ-ли дѣйствовать «помимо индивидуальнаго сознанія», повинувшись непосредственному, инстинктивному чувству?

шимися уже, но еще не окрѣпшими нормами; не будь послѣднихъ, не имѣла бы мѣста и привычка.

Силу творчества въ дѣлѣ правообразованія нельзя приписывать и «народному духу и сознанию» — первоисточнику права по учению исторической школы. Ученіе это справедливо называютъ не историческимъ: оно предполагаетъ бытіе «единого народнаго убѣжденія» и общихъ народныхъ обычаевъ, которые бы искони были дѣйствующимъ правомъ цѣлаго народа, что однако вовсе не подтверждается, какъ положительный историческій фактъ. Исторія человѣческихъ обществъ вовсе не подтверждаетъ ученія исторической школы объ исключительной національности права и о «народномъ убѣжденіи», какъ коренномъ источникѣ права. Исторія не знаетъ первоначально ни народнаго единства, какъ сознательнаго политическаго принципа (дѣлающаго возможнымъ «единое народное убѣжденіе»), ни общихъ народныхъ обычаевъ, какъ естественнаго продукта общаго народнаго убѣжденія и сознания. Въмѣсто того нерѣдко весьма долго имѣетъ мѣсто жизнь въ разнѣ, мелкими союзами, а не цѣлыми народами; начальная исторія имѣетъ дѣло весьма долго съ разнообразіемъ обычаевъ, дѣйствіе которыхъ ограничивается лишь тѣсной средой мелкихъ союзовъ и стоитъ въ зависимости отъ степени культуры, условій эконоимической и общественной жизни и пр. Сходныя черты въ обычаяхъ нельзя выводить изъ «единства народнаго духа»; черты эти объясняются ближе всего одинаковостью условій общежитія, воспроизводящихъ и сходныя правовыя нормы и институты.

Еще менѣе можно назвать историческимъ ученіе объ *автономіи* и *индивидуальномъ усмотрѣніи* лица, какъ первоисточникѣ права. Исторія учитъ, что начальныя основы права не имѣютъ ничего общаго съ произволомъ, не отдѣлимыхъ отъ «индивидуальнаго усмотрѣнія». Не «праву сильнаго» обязаны своимъ бытіемъ такіе факты, какъ сходство, а иногда полная тождественность обычаевъ разныхъ народовъ, раздѣленныхъ пространствомъ и временемъ; «право сильнаго» ничего не можетъ подѣлать съ культурными условіями жизни степнаго кочевника, осужденнаго этими условіями къ опредѣленному *modus vivendi* сообразному съ степной культурой. Въ этомъ отношеніи новѣйшія ученія (органической и особенно реалистической школы) стоятъ на болѣе твердой, исторической почвѣ. Они выходятъ изъ той мысли, что не индивидуальное творчество и усмотрѣніе, не воля и самоопредѣленіе отдѣльнаго лица, но *объективныя*, жизненныя отношенія даютъ содержаніе и бытіе праву вообще, а тѣмъ болѣе, праву обычному,—ученіе о реальныхъ, объективныхъ, вѣхъ личности лежащихъ основахъ и источникахъ, изъ которыхъ собственно возникаетъ и на которыхъ зиждется все право на низшихъ ступеняхъ его развитія. Здѣсь «народъ» и «личность» подставляются «внѣшней средой» и «обществомъ», «общественнымъ интересомъ» или «соціальными фактами» (см. Муромцева Опредѣл. права, 914)

Здѣсь не частное или индивидуальное усмотрѣніе, убѣжденіе и сознаніе, не индивидуальное самоопредѣленіе «энергической и сильной» личности, но элементъ необходимости, инстинкта, законы природы человѣка и человѣческаго общежитія, какъ и окружающей человѣка физической природы, считаются первоосновой и источникомъ правовыхъ идей и правилъ во всѣхъ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Направленіе большинства объективистовъ, при всѣхъ ихъ крайностяхяхъ и увлеченіяхъ, выражается въ строго-научномъ стремленіи поставить въ наукѣ на первомъ планѣ серьезное пониманіе «объективной жизни» и по возможности точно опредѣлить роль этическихъ и объективныхъ факторовъ въ дѣлѣ правообразованія.

Наиболѣе близкой къ истинѣ можно считать слѣдующую формулу начальныхъ моментовъ правообразованія: «первоисточникъ права есть *природа человека*¹⁾ (физическая и моральная), подчиненная такимъ-же законамъ, какъ и природа органическая и неорганическая. Право на первой ступени является *чувствомъ* (инстинктомъ); такова мечь, защита дѣтей родителями и обратно; таково право владѣнія (вообще такой характеръ право сохраняетъ въ семейныхъ и родовыхъ союзахъ). Все поступаютъ одинаково не по силѣ подражанія одному, а одновременно и повсюду, по силѣ дѣйствія одинаковаго чувства» (см. Будагова.—Владим. Обзоръ ист. рус. пр. I, 62). И это совершенно понятно: какъ отдѣльный человѣкъ, въ пору своего младенческаго возраста, такъ и каждая общественная группа, въ первыя эпохи своей совмѣстной жизни, ведутъ иногда очень долго совершенно безсознательную жизнь, слагающуюся подъ гнетущей силой чисто рефлексивныхъ импульсовъ и движеній, «предписываемыхъ» неуловимой природой внѣшней среды, природой самаго человѣка и условіями людскаго общежитія, (слѣдоват., строгимъ закономъ необходимости, а не чистымъ «индивидуальнымъ усмотрѣніемъ»),—импульсовъ и движеній, пзъ совокупнаго дѣйствія которыхъ и слагался первоначально общій людской «навыкъ», незатѣйливый *modus vivendi* первычныхъ (родовыхъ) союзовъ.

¹⁾ Въ одномъ изъ памятникѣвъ древней нашей письменности («Словъ о правдѣ и неправдѣ») весьма характерно опредѣляется происхожденіе правды и кривды:

«Первое створена бысть правда Богомъ въ человѣцѣхъ, потомъ-же отъ непріязнена ума въста неправда, и нача боротися въ человѣцѣ, и пріяша человѣци неправду, а правду отвергоша, и оставиа правда въ свои воли ходити, да погибають, яко изволиша. Въста бо на дѣвство блудъ и погуби дѣвство, въста на чистоту скверна, лютость на кротость, въста гнѣвъ на тихость, на любовь ненависть, въста несытость на постъ и пѣяство на трезвость, въста обида на смиреніе, разбой на братолюбіе, въста скупость на щедрость и немилосердіе на милость, въста беззаконіе на сохраненіе закона, и ина вся въсташа неправедная на праведная дѣла». Въ заключеніе «слово» указываетъ на дѣлъ человѣка — исканіе правды путемъ воздержанія и отверженія отъ неправды и неправедныхъ дѣлъ (см. Памят. стар. рус. словесн. IV, 213).

Чуть-ли не всѣ обычаи такихъ союзовъ имѣли такой-же характеръ неизбежнаго, предписаннаго самимъ «бытомъ», *modus vivendi*, какъ и *modus* проявленія и дѣйствія чисто физическихъ инстинктовъ и отправления, дѣйствующихъ не самопроизвольно, но всегда въ строгомъ соотвѣтствіи съ внутренней ихъ природой (*modus* утоленія голода, половыхъ влеченій и пр.). Месть—основная форма самозащиты родичей — не установлена по ихъ индивидуальной усмотрѣннѣ и автономіи; этотъ «повальный» обычай старыхъ родовыхъ союзовъ коренится въ чисто физиологическомъ инстинктѣ самосохраненія, одинаково проявляющемся въ первычномъ человѣкѣ и дикомъ животномъ. Его вызываетъ къ жизни не «общее убѣжденіе» или воля и сознаніе личности, но самая природа человѣка. Такіе-же чисто физиологическіе инстинкты и влеченія природы первычныхъ людей лежатъ въ основѣ такихъ обычаевъ, какъ порука родичей живущихъ родовыми группами (инстинкты, встрѣчающіеся и у нѣкоторыхъ по родъ животныхъ), первычныя формы брачныхъ связей (по инстинкту поддержанія рода), имущественныхъ отношеній и т. д. Всѣ такіе обычаи возникаютъ и затѣмъ дѣйствуютъ не потому, что того требуетъ «установившаяся прагтика» или сила подражанія и привычки, но потому, что иначе не можетъ жить первычный человѣкъ,—данные приемы и способы дѣйствія предписываются самими условіями быта родовыхъ союзовъ. Исторія учитъ, что въ дѣлѣ правоваго творчества господство очень долго остается за внѣшней силой, царившей надъ чело-вѣкомъ въ первычныхъ обществахъ,—что свободное чело-вѣческое самоопредѣленіе и автономія являются лишь, какъ добываемый вѣковыми успліями и борьбой вѣнецъ всей общественной цивилизаціи народовъ. Индивидуальное самоопредѣленіе и автономія въ людскомъ обществѣ не сразу даются людямъ, но появляются только въ силу долгаго воспитанія и общественной дисциплины людей и, слѣдоват., возможны лишь на сравнительно высокихъ ступеняхъ чело-вѣческой цивилизаціи. Автономныя дѣйствія и индивидуальное самоопредѣленіе людей (допускаемыя индивидуалистическимъ ученіемъ уже на первыхъ порахъ сложенія чело-вѣческихъ обществъ, еще «до обычая») не иначе мыслимы, какъ подъ тѣмъ условіемъ, что чело-вѣкъ въ окружающей его средѣ автономно дѣйствуетъ и самоопредѣляется сознательно, — безсознательной автономіи и безсознательнаго самоопредѣленія нѣтъ и быть не можетъ. Автономно дѣйствующій чело-вѣкъ долженъ уже имѣть предъ собой и хранить въ своей памяти необходимый для его самоопредѣленія запасъ предварительно сознанныхъ и внѣшно выражаемыхъ идей и правилъ, долженъ уже имѣть свой индивидуальный *modus vivendi*, непременно предполагающій для своего сложенія и образованія, если не твердый обычай, то во всякомъ случаѣ какой либо начальный «навыкъ», рядъ какихъ либо приспособленій и началъ. Говорить о самоопредѣленіи и автономіи и въ то-же время отрицать всякій сколько нибудь прочный навыкъ, всякое предварительно выработанное, руководящее на-

чало. значить по меньшей мѣрѣ допускать очевидную логическую несообразность.

(Нужно поэтому полагать, что какъ бы ни была примитивна жизнь людей, не имѣ нельзя жить безъ всякихъ правилъ и обычаевъ, — такова уже первобытная природа человѣка и человѣческаго общества; что поэтому обычай—извѣчная и «первоначальная норма» права,—что гдѣ только люди ведутъ совмѣстную жизнь, тамъ непременно есть и обычай, ведется-ли эта жизнь въ формахъ примитивной культуры звѣроловаго быта, или въ формахъ болѣе развитаго и организованнаго общежитія людей. Позволительно, поэтому, сомнѣваться въ исторической правильности и доказательности мысли о томъ, что «въ начальной исторіи права каждаго общества надо предполагать великую неурядицу» (Сергѣевича Исслѣдов., 86).) Слѣдуетъ, напротивъ, думать, что какъ естествоиспытатель не можетъ и не въ правѣ считать «неурядицей» жизнь физическихъ организмовъ первичныхъ, эмбриологическихъ формъ, потому только, что они не представляютъ «правильности» и «порядка» высшихъ, сложныхъ организмовъ, такъ и изслѣдователь эмбриологическихъ явленій въ жизни социальныхъ организмовъ, если только онъ не руководится готовымъ, предвзятымъ «учеиємъ», откроетъ въ основѣ такихъ явленій не неурядицу, а болѣе или менѣе явственные «законы» и «учрежденія», на нашъ субъективный взглядъ неправильныя и представляющія «великую неурядицу», по дѣя современниковъ бывшія вполне упорядоченными и законченными (см. мою статью въ Жур. Мин. Пр. 1874, июль, стр. 122—124). Позволительно сомнѣваться въ исторической правдивости и другаго положенія, стоящаго въ тѣсной связи съ учеиємъ о «великой неурядицѣ» въ первичныхъ обществахъ. Положеніе это гласить: возникнувъ изъ индивидуальнаго усмотрѣнія людей энергическихъ и сильныхъ, обычай, по праву сильного, становится обязательнымъ для всѣхъ слабыхъ, — лишь одному сильному дозволено «дѣйствовать по своему», безнаказанно, изо дня въ день, нарушать дѣйствующій обычай (вѣдь онъ—дѣло рукъ сильного) и этимъ полагать «начало образованія новаго обычая», руководясь лишь «личнымъ интересомъ, личнымъ усмотрѣнiемъ о томъ, что должно быть при данныхъ условіяхъ, а не отвлеченной идеей правды или справедливости» (Сергѣев. Исслѣд. 83—84).

Отсюда, нужно полагать, старый мудрецъ, въ своей формулѣ: *fiat justitia — pereat mundus*, защищалъ и оберегалъ не абсолютное начало правды, но лишь одно право сильного, личному интересу котораго жертвуется цѣлый міръ; нужно думать, что и славянинъ гарантировалъ неприкосновенность того же рабскаго начала—права сильного, создавая цѣлый рядъ подобныхъ же пословицъ: «болѣе је да село пропадне, него у селу обычай; болѣе је землю продати, него јој обычай; все минется, одна правда останется» и пр. Нужно полагать, что и грубые славяне времяя Прокопія считали свои обычаи ненаруши-

мой «святыней» ¹⁾ вовсе не потому, что въ нихъ выражалась «правда», но просто потому, что ихъ сильные, передовые люди создали эти обычаи и слабымъ смертнымъ волей-неволей нужно было сообразоваться съ установленной ими «практикой». Тому же источнику слѣдовало бы приписать и установленіе такихъ обычаевъ, какъ, напримѣръ, гостепріимство, имѣвшее у старыхъ славянъ до того строгій, религиозно-правовой, обязательный характеръ, что для соблюденія этого обычая виѣнялось даже воровство ²⁾. И все изъ-за того только, что такъ установили по своему усмотрѣнію и ввели въ обязательную практику энергичскіе и сильные люди... Думается намъ, что въ подкладкѣ всего этого ученія о происхожденіи и дѣйствіи обычаевъ скрывается полиѣйшая фальшь. Не рабское начало, не право сильного, создали первобытную «народную правду», не на нихъ держалась и держится доселѣ вся ея живая сила и дѣйствіе. (Откуда, какъ не изъ законовъ необходимости, «предписанныхъ» самой природою человѣка,—изъ врожденной ему инстинктивной способности (чувства) къ приспособленію къ даннымъ условіямъ общежитія (а не изъ-за того только, что такова «практика», установленная передовыми и сильными людьми). возникло господствующее у многихъ народовъ воззрѣніе на извѣстные обычаи, какъ на религиозно-обязательныя догмы.) Строгая обязательность данного *modus vivendi* для всѣхъ и каждаго несомнѣнно лежитъ доселѣ въ основѣ кочевыхъ обычаевъ нашихъ восточныхъ инородцевъ, съ ихъ религиознымъ убѣжденіемъ, что съ переходомъ къ осѣдлой жизни (немыслимой въ виду мѣстныхъ условій степнаго быта) «они должны потерять свободу» ³⁾. При данныхъ условіяхъ среды, кочевая жизнь съ свойственными ей обычаями и экономической культурой (исключительно скотоводческой и звѣроловной) — для степняка единственное спасеніе; въ ней для него вся «правда», — внѣ ея ему грозитъ гибель и потому иного строя жизни, при данныхъ условіяхъ, онъ не знаетъ и не понимаетъ. «Практика», какую заводила наша администрація (энергичскіе и сильные люди по теоріи проф. Сергѣевича) у киргизовъ или калмыковъ, въ видахъ пріученія ихъ къ земледѣлію и осѣдлой жизни, не привела ни къ чему: она разбива-

¹⁾ *Aliarum etiam rerum fere omnium ratio ab utrisque Barbaris servatur eadem. fuitque olim constituta* (см. Procopii Caesarensis de Bello Gothico, lib. III, c. 14).

²⁾ *Slavorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris crastina hospitibus disparties. Si quis vero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio removisse deprehensus fuerit, hujus dominum vel facultates incendio consumere licitum est; atque in id omnium vota pariter conspirant, illum inglorium, illum vilem, et ab omnibus exhibendum dicentes, qui hospiti partem negare non tenuisset* (См. Helmoldus, Chronicon Slavorum lib. I, cap. 82).

³⁾ См. мое сочиненіе «Къ исторіи права русскіхъ инородцевъ. Калмыцкое право, I, 231 и слѣд...

ласть о неодолимыя мѣстныя условія, допускавшія для степняка лишь одинъ, возможный въ безплодной и безпріютной степи, *modus vivendi* — кочеванье и связанную съ нимъ хищническую систему степнаго хозяйства. Здѣсь-то, въ этихъ мѣстныхъ условіяхъ, въ томъ, что для степняка-кочевника единственные источники жизни—скотоводство да хищничество (другія культурныя формы жизни для него недоступны и мало понятны), нужно искать корень всѣхъ степныхъ обычаевъ, всю ихъ внутреннюю правду и цѣлесообразность; здѣсь ни индивидуальное усмотрѣніе отдѣльнаго лица, ни право сильного, ничего не создадутъ.

Могущество и сила такихъ условій таковы, что народныя обычаи, образовавшіеся на ихъ почвѣ, нерѣдко держатся безъ перемѣнъ цѣлыя вѣка, трактуются дѣйствительной народной святыней, народной правдой; чтобы сломить такіе обычаи, нужно сперва въ корнѣ измѣнить вызвавшія ихъ условія. Глубокое убѣжденіе въ правдѣ народнаго обычая, переходящаго отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ родовая святыня, вкореняется всею жизнью степнаго кочевника. Хищникъ искренно вѣритъ въ «доблесть» и «правду» разбоя и грабежа, и не потому, что такъ требуетъ «господствующая практика», но потому, что таково пониманіе правды въ степномъ хищникѣ, сложившееся и окрѣпшее въ немъ подъ гнетущимъ вліяніемъ окружающей его среды. Если бы въ жизни дѣйствительно такъ было, какъ утверждаетъ индивидуалистическая теорія, мы бы видѣли, какъ быстро и невозбранно, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ людей энергическихъ и сильныхъ (дѣйствующихъ по пословицѣ: «каждый молодецъ на свой образецъ»), нарушаются старыя обычаи и вводятся вмѣсто нихъ новыя, — мы бы присутствовали при непрерывной и постоянной смѣнѣ обычно-правовыхъ нормъ народной жизни. Но не такъ все это происходитъ въ жизни: проходятъ нерѣдко тысячелѣтія, а жизнь съ ея вѣками слагавшимися нормами остается все таже. Тутъ, очевидно, дѣйствуетъ какая-то упругая и неизмѣнная сила, а не преходящія начала личнаго «самоопредѣленія» и «права сильного».

II. Если термины «обычай» и «нравъ» даютъ указанія на происхожденіе обычнаго права, то другая группа названій народныхъ обычаевъ касается *дѣйствія* уже установившихся нормъ обычнаго права. Сюда принадлежатъ: преданіе, старина и пошлина ¹⁾).

¹⁾ Мы остановимся здѣсь только на менѣ разъясненныхъ вопросахъ: объ общемъ значеніи этихъ терминовъ и о формахъ выраженія обычно-правовыхъ нормъ, — формахъ, служащихъ главными источниками распознаванія обычнаго права. Что касается собственно *свойствъ* обычнаго права (соблюденія, повторяемости, разнообразія или партикуляризма

Преданье (*parádisos*, *traditio*) встрѣчается во всѣхъ древнихъ славянскихъ памятникахъ въ смыслѣ обычно-правовой нормы, живущей и сохраняющейся въ народной памяти въ силу наследственной передачи отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ грамотѣ 1391 г. вопросъ о принадлежности Дубровнику жупы Коновальской опредѣленъ «по старѣхъ писемѣхъ и по старѣхъ пометарѣхъ, добрѣхъ людѣхъ, кон *су чули одь еднега колъна до другога*» (Mikl. Mon. 217) ¹). Въ такомъ-же смыслѣ обычая, переходившаго отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ завѣтъ отцовъ, говорить о преданьи начальная русская лѣтопись: «имяху бо обычай свои и законъ отецъ своихъ и преданья».

«Преданью» соотвѣтствуютъ «старина» и «пошлина» — термины, наиболѣе употребительные въ памятникахъ для обозначенія старыхъ земскихъ обычаевъ. Оба эти термина указываютъ на основной моментъ *правосохраненія* — дѣйствія «правды» въ смыслѣ изстаринныхъ обычаевъ, соблюдаемыхъ въ видѣ однообразныхъ дѣйствій и нормъ, какъ они «пошли» изъ старины, сложились и окрѣпли въ силу стародавней практики и сохраненія въ памяти народной, путемъ передачи ихъ «изъ рода въ родъ». *Пошлиною* считалось все, что «пошло» отъ дѣда и отъ отецъ», что «бывало отъ начала міра» (П. С. Л. III, 79). Старый обычай назывался «земскою изъ начальства (т. е. изначала) пошлиною» (А. Н. I, 40), «отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ утвержденемъ» (П. С. Л. I, 97), «устроеньемъ стьнимъ и дѣднимъ» (ib, 54). Бытовые порядки, практиковавшіеся изъ старины, мотивируются въ памятникахъ древнерусской письменности такой формулой: «всему тому есть обычай испоконъ вѣка, да и дѣло то не писанное, а уложено старыми людьми недаромъ» ²). Можно сказать, что почти нѣтъ ни одного памятника древнерусскаго права, въ которомъ бы не дѣлалось ссылки на старый обычай, пошлину, — «какъ то пошло исперва (изначала и пр.) отъ дѣдъ и отецъ» ³). Пошлиною назывались не только мірскіе, но

обычаевъ, ихъ консервативности и пр.), то этого вопроса мы не будемъ касаться въ настоящемъ случаѣ, въ виду того, что онъ достаточно разработанъ. См. Буданова Обзоръ I, 64; Сергвѣича Исслѣд. 76, моя Ист. рус. пр. > 83; о разработкѣ обыч. пр. (Жур. Мин. Пр. 1878, т. 198, стр. 146).

¹) Въ грамотѣ сербскаго краля Стевана (1228 г.) Жичскому монастырю на имѣніе, между прочимъ, приведены старыя брачныя правила, основанныя на преданьи и церковныхъ уставахъ: «и по тому Божествни съ законъ наоучивше по црковному оуставоу и прѣдани» (Mikl. Mon. 14). Въ грамотѣ Стевана Уроша 1357 г. «преданье» употреблено въ прямомъ значеніи обычая: «и дръжещу ми сяктрось царьствами по прѣданію же и уставу» (ib. 161).

²) См. «Старый обрядникъ» въ Правосл. Собес. 1860, III, 288.

³) Въ докончанья Новгородца съ князьями мотивируются обычными формулами пошлины и старины. Въ договорной грамотѣ 1265 отдѣльныя статьи постоянно ссылаются на

и церковные обычаи (см. Павлова Памятн. 233, 240). Пошлина соответствовала «правдѣ»: «судить по пошлинѣ» было равнозначительно съ «судить въ правду по крестному цѣлованію» (А. А. Э. I, 87). По «посаженьи» князей имъ «давали княжую пошлину» (т. е. обязывали вести княжій нарядъ по старымъ земскимъ обычаямъ); князья съ своей стороны «цѣловали крестъ по всей Псковской пошлинѣ» (Псковская лѣтопись Погодина 77, 82 и пр.) Одинаковое значеніе съ пошлиною имѣла старина: «какъ то пошло у васъ, то ваша добрая старина» (А. И. I, 10); «судить по старинѣ» или «судъ вѣдать по старинѣ» значило то-же, что «судить по пошлинѣ» (Новг. с. гр. 2, 3, 23 и пр.)¹⁾. Пошлина и старина практиковались не въ одномъ Новгородѣ и Псковѣ (см. Псков. суд, гр. 85, 103; Новг. с. гр. 2, 3 и пр.), но и въ другихъ русскихъ земляхъ: обычай сходиться на вѣча существовалъ, по словамъ лѣтописца, въ Новгородской, Смоленской, Кіевской, Полоцкой и другихъ волостяхъ «изначала», т. е. считался вездѣ стариной, пошлиной, стародавнимъ, исконнымъ обычаемъ (П. С. Л. I, 160). Эта-то пошлина была всеобъемлющимъ началомъ древнерусскаго быта. «Вся жизнь древнихъ княженій опредѣлялась обычаемъ. Частныя и государственныя права подчинялись его дѣйствию: права князей и на рода, право наслѣдованія, мести, выкупа, право собственности и т. д.; все было основано на обычаяхъ» (Сергѣевича Исслѣд. 96). Все, что «порушало старину», считалось «новиной», «мятежнымъ житіемъ», «злымъ обычаемъ», «беззаконіемъ». Гдѣ рушилась пошлина, тамъ бывала «избѣжа велика и боры частыя», — «христіанамъ становилось пакостно и душевредно» (см. П. С. Л. IV, 124, 209; А. И. I, 23 и пр.) Подобное воззрѣніе на старый обычай держится и въ московскую эпоху; въ особенности оно рѣзко высказалось въ протестѣ Стоглава противъ «злыхъ обычаевъ», заносимыхъ изъ другихъ странъ: «въ коейждо убо странѣ законъ и отчина, а не приходять другъ ко другу, а своего обычая

старый обычай, какъ на главный источникъ: «что пошло тебе и твоимъ мужемъ, како то пошло»; «тако, княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отця Ярослава»; «а дворяномъ твоимъ ходити по пошлинѣ, какъ пошло исперва»; «а что пошло князю, а то княже» и пр. (Собр. гос. гр. I, 1 и слѣд.) Тѣже формулы пошлины встрѣчаемъ и въ друг. грамотахъ: «а вязего не пошло по Новгородской волости»; «а холопа и половника не судити безъ господаря.. тѣко пошло»; «а кто купецъ, поидеть въ свое сто, а смердь поидеть въ свой погостъ: тако пошло въ Новгородѣ» и пр. (ib. 10, 14); «судати намѣстнику по Новгородской пошлинѣ»; «какъ пошло при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ» и пр.

¹⁾ «Отняли баше Юрьевци старинъ Псковскихъ много» (Пск. лѣт. Погод. 77); «Новгородъ держати по старинѣ»; «ходити и учити доброй старинѣ.. по пути отецъ своихъ ходити и жити» (Соб. гос. гр. I, 1, 22). О старинѣ см. П. С. Л. III, 1, 9; IV, 126, 209 и пр.; А. А. Э. I, 27. О церковныхъ обычаяхъ въ значеніи старины см. Павлова Пам. 233, 385, 386, 388, 700; А. А. Э. I, 87.

каждо законъ держать. Мы же разныхъ странъ беззаконій осквернихомся, обичая злая отъ нихъ пріемше, тѣмже отъ тѣхъ странъ томимы есмь и расточаемы виною нашею» (Стогл. гл. 39). Старина и пошлина въ особенности обозначали *судебные обычаи*, охранявшіеся и державшіеся на судѣ и нарядѣ, какъ обязательные для всѣхъ обычаи, и въ этомъ смыслѣ вполне соответствовали древне-герм. Weisthümer-Judicia, Schöffengericht, Gebraucherichten и пр. (см. Zöpf. Deut. Rechtsgesch. 9). Судъ «по пошлинѣ» или «старинѣ»—обычная формула судебныхъ обычаевъ (Пск. с. гр. 85, 103; Новг. с. гр. 2, 3, 24; А. А. Э. I, 27, 87 и пр.); въ договорахъ съ нѣмцами выраженіе: «судить по пошлинѣ» обыкновенно переводится: «broke, brokerichten, gebraucherichten» (см. Андреевскаго догов. Новг. съ нѣм. 24, 28,* ст. III, XII). Самые акты, основанные на старыхъ земскихъ обычаяхъ, получали иногда названіе старинъ и пошлинъ. Грамота князя Александра, данная Пскову на основаніи псковскихъ пошлинъ, считалась «старинной», обязательной для всѣхъ: «а будетъ то ваша старина: и вы по той старинѣ ходите» (А. И. I, 10). Псковскія судная грамота, составленная на основаніи грамотъ прежнихъ князей и приписокъ Псковскихъ пошлинъ, носила названіе «пошлинной» грамоты (ст. 108).

Эти-то пошлины и старины *дѣйствовали* въ русскихъ земляхъ и волостяхъ въ разнообразныхъ формахъ и видахъ. Сама жизнь, путемъ непосредственнаго творчества природы человѣческой (чувства), создавала юридическія правила и хранила ихъ въ видѣ дѣйствій, обрядовъ, символовъ, пословицъ и проч. «Народъ первобытной эпохи не помнитъ, чтобы когда нибудь избрѣлъ онъ свой языкъ, мнѳологію, законы, обычаи и обряды. Всѣ эти національныя основы уже глубоко вошли въ его нравственное бытіе, какъ самая жизнь, пережитая имъ въ теченіи многихъ доисторическихъ вѣковъ, какъ прошедшее, на которомъ твердо покоится настоящій порядокъ вещей и все будущее развитіе жизни»¹⁾. Обычное право проявляется въ разнообразныхъ внѣшнихъ формахъ, которыя въ особенности на первыхъ порахъ исторіи представляютъ важнѣйшіе, а иногда и единственные источники непосредственнаго познанія обычнаго права. Таковы прежде всего манипулятивныя формы проявленія обычнаго права—конкретные казусы и дѣйствія, правовые обряды и символы, и словесныя формы, правовая абстракція—слово (правовая терминологія), формулы и пословицы.

Манипулятивная (мимическая, нѣмая) форма проявленія и дѣйствія обычнаго права господствуетъ въ полной силѣ у народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, у которыхъ правовыя идеи выражались не столько путемъ абстракціи и формулированія словомъ, сколько въ видѣ различныхъ ма-

¹⁾ Буслѣева Историч. очерки рус. народн. словесн. I, I.

нипуляцій, путемъ мимики, *внѣшнихъ дѣйствій и движеній*, обрядовъ и символовъ—условныхъ фактовъ и дѣйствій, служившихъ для выраженія правомѣрности извѣстныхъ явленій. Юридическое значеніе манипуляцій и символовъ въ быту первычныхъ людей стоитъ въ тѣсной связи, какъ съ первоначальной разобщенностію общественныхъ группъ, съ ихъ мимическими способами сношеній (отсюда, наприм., «нѣмая» торговля дикихъ), такъ и съ первобытнымъ вѣрованіемъ въ чарующую силу человѣческаго слова и дѣйствія, исполненіе которыхъ всегда отражается въ извѣстныхъ явленіяхъ, вызываетъ намѣченныя дѣла и результаты (сила заговора и разныхъ манипуляцій,—см. Аванасьева Поэт. воззрѣнія I, 413, 431 и пр.). вмѣсто словесной формы выраженія понятій, опредѣлявшихъ разнообразныя людскія отношенія, первычный человѣкъ выражалъ ихъ опредѣленнымъ движеніемъ руки и пр. Только послѣ совершенія обычной манипуляціи, обряда или символа, данное дѣйствіе (сдѣлка и пр.) считалось законно совершившимся, пріобрѣтало полную юридическую силу. Такія манипуляціи и символы, однообразно воспроизводимые во всѣхъ аналогическихъ случаяхъ и выражающіе опредѣленные юридическія понятія и правила, служатъ лучшимъ показателемъ въ дѣлѣ распознаванія обычнаго права. Манипулятивныя и символическія формы господствовали въ старое время въ правѣ славянъ, какъ и другихъ народовъ. Таковы, напримѣръ, манипуляціи, обряды и символы, извѣстные всѣмъ древнимъ славянамъ и нерѣдко удержавшіеся до нашихъ дней: «посаженіе князя на столъ» — символъ законности пріобрѣтенія власти; «попора» — символъ примиренія, совершавшійся надъ убійцей въ томъ случаѣ, когда съ нимъ мирились родичи убитаго; «рукобитіе» (по рукамъ, manu ad manum, Hand in Hand)—символъ заключенія договоровъ; «передача дерна» — символъ пріобрѣтенія поземельныхъ правъ; «постриги», также «посаженіе на коня» или «врученіе меча или лука» — символы, совершавшіеся у славянъ надъ юношами, по достиженіи ими опредѣленнаго возраста, какъ акты признанія юноши равноправнымъ членомъ рода или семьи, дружины и пр.; «смѣщеніе крови» и «борьба» — символы побратимства; различныя брачныя символы и обряды, напоминавшіе рим. confagatio и пр. ¹⁾

Правовыя *формулы* и *поговорки* — болѣе совершенная форма выраженія обычнаго права. Слово — одно изъ наиболѣе раннихъ «переживаній» древней культуры всѣхъ народовъ ²⁾. Еще въ 20-хъ годахъ Гриммъ (Deut. Rechtsalterth.)

¹⁾ См. Калмыкова о символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности. Спб. 1839; Макушева извѣстія иностр. 143; Энгельмана о пріобрѣтеніи права собств. на землю, 9 и слѣд.; Шпилевскаго объ источникахъ, 6 и слѣд.; Н. Загоскина методъ и средства изученія древн. истор. рус. пр. (Учен. зап. Казан. унив. 1877, № 1); Буданова Обзоръ 63. Ср. также Grimm deut. Rechts—Alterthümer.

²⁾ «Слово—первый памятникъ духовной жизни человѣка; родословіе слова есть раскрытіе пути, которымъ шло сознаніе». См. Бестужева-Рюмина Ист. I, 7.

полагалъ, что «unsere Sprache ist auch unsere Geschichte». Термины являются первой попыткой народа выразить въ свойственной человѣку формѣ первоначальный кругъ понятій, усвоенныхъ народомъ, — въ языкѣ наглядно выражается наслоение бытовыхъ понятій и представлений разныхъ временъ и поколѣній. Путемъ изученія терминовъ, коренныя формы которыхъ образовались еще въ темныя доисторическія эпохи, можно до извѣстной степени возстановить кругъ первичныхъ идей и понятій о предметахъ, знаніе о которыхъ приобрѣтено народомъ въ незапамятныя времена, и такимъ образомъ можно ознакомиться съ древнимъ бытомъ народа, даже такихъ эпохъ, отъ которыхъ не дошло до насъ никакихъ другихъ исторически достовѣрныхъ памятниковъ. Теперь считается вполне доказаннымъ фактомъ, что обширный циклъ названій предметовъ и понятій, одинаковыхъ у славянъ и другихъ племенъ общаго арійскаго корня, сформировался у нихъ еще до расселенія ихъ — въ тѣ эпохи, когда они составляли цѣльную, нераздѣльную племенную единицу ¹⁾. Таковъ обширный кругъ родственныхъ и семейныхъ названій у славянъ, употребляемыхъ съ незапамятныхъ временъ для обозначенія отношеній мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, старшихъ родичей къ младшимъ, затѣмъ степеней родства, многихъ другихъ отношеній права гражданскаго, уголовнаго и пр., — отношеній, терминологія которыхъ представляетъ иногда поразительное сходство съ правовыми терминами другихъ народовъ арійскаго корня. Все это раскрываетъ предъ нами широкое поле для изученія правовыхъ идей и воззрѣній, образовавшихся у славянъ еще въ темныя эпохи ихъ совмѣстной жизни съ другими арійскими народами, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что источникъ-юристъ, особенно въ виду современнаго развитія сравнительнаго языкознанія, не въ правѣ обходиться безъ помощи филологіи. Введеніе въ исторію права главнѣйшихъ выводовъ, добытыхъ исторіей языка и сравнительнымъ языкознаніемъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно привести къ плодотворнымъ результатамъ, особенно въ дѣлѣ разъясненія вопроса объ исходныхъ моментахъ въ исторіи права даннаго народа. Въ этомъ отношеніи справедливо замѣчаютъ, что сравнительному языкознанію выпало на долю открыть новую эру въ историко-сравнительномъ изученіи общественныхъ и политическихъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, арійскихъ племенъ. Указывая на происхожденіе индо-германскихъ нарѣчій изъ общаго вѣтвѣ или источника — древне-арійскаго языка, филологія доказываетъ тѣмъ самымъ фактъ сожитія арійскихъ народовъ въ періодъ времени, который она отказывается опредѣлить (см. Юрид. Вѣстн. 1878, № 1, стр. 9), и доставляетъ возможность воспроизвести, по дан-

¹⁾ См., наприм., Воцеля дрв. бытов. исторія слав., въ переводѣ Задерацкаго, стр. 44

нымъ языкознанія, фактъ существованія общеплеменныхъ учреждений, возникшихъ еще въ первоначальной родинѣ этихъ племенъ ¹⁾. Въ настоящее время можно считать прочно установившеюся мысль о томъ, что воплѣвъ удовлетворительныя доказательства исконности данныхъ учреждений можно находить не столько въ самомъ фактѣ сходныхъ видоизмѣненій ихъ въ быту одноплеменныхъ народовъ (сходство можетъ быть результатомъ различныхъ причинъ — не только общаго племеннаго происхожденія, но и дѣйствія одинаковыхъ законовъ и причинъ или же простаго заимствованія учреждений), сколько въ самомъ языкѣ. Рѣшающимъ моментомъ считается здѣсь то обстоятельство, что аналогическія учреждения имѣютъ однокоренныя названія, употреблявшіяся въ общеплеменномъ языкѣ, и притомъ именно въ томъ техническомъ смыслѣ, въ какомъ данные термины встрѣчаются впоследствии. Для признанія такого сходства унаслѣдованнымъ, большинство изслѣдователей полагаетъ достаточнымъ, если термины, обозначающіе сходныя учреждения, происходятъ отъ общаго корня, или если они по смыслу совершенно вѣрно переводятъ одно другое; но, по справедливому замѣчанію проф. Сергѣевича, при отсутствіи сходнаго технического выраженія для обозначенія даннаго учреждения, общаго всѣмъ родственнымъ народамъ, всѣ заключенія о томъ, что это учрежденіе принадлежитъ эпохѣ, предшествовавшей раздѣленію родственныхъ народовъ, будутъ только предположеніемъ (см. Сборн. госуд. знаній VП, 46). Границы пользованія филологическими данными для цѣлей исторіи права можно опредѣлить приблизительно слѣдующимъ положеніемъ: сходство въ однокоренныхъ техническихъ названіяхъ учреждений указываетъ лишь на то, что въ старину эти учрежденія, наслѣдованныя и болѣе или менѣе видоизмѣненные въ позднѣйшемъ быту родственныхъ народовъ, уже начали складываться еще въ пору ихъ со-

¹⁾ А. Кунъ (Zur ältesten Geschichte d. Indogerm. Völker, въ сборн. Вебера—Indische Studien. 1850, I) и Гриммъ (Geschichte d. deut. Sprache, 1848) первые показали путь, которымъ можно выводить изъ етнологическихъ данныхъ древнѣйшую исторію народовъ. Заслугу этому дѣлу затѣмъ оказали А. Pictet (Les origines Indo-Europeenes ou les Ariens. 3 изд., 1880) и особенно А. Fick (Die ehemalige Spracheneinheit d. Indo-Germanen Europas, 1873, и Vergleich. Wörterb.). Есть также труды другихъ етнологовъ въ томъ-же направленіи: Лассена, М. Мюллера, Адельунга Шлегеля, Эйхгофа, Юсти, Гвинги, Бенфея, Куно, Боппа, Потта, Шлейхера, Асколи, Шмидта, Лавровскаго, Будиловича и др. Въ послѣднее время историки-юристы (Фриманъ, Гернъ и др.) дѣлаютъ опыты примѣнить къ исторіи права результаты сравнительнаго языкознанія. На анализъ данныхъ правовой терминологіи основанъ цѣлый рядъ работъ нѣмецкаго юриста В. Leist: а) Die realen Grundlagen u. die Stoffe d. Rechts, 1877 (Civilistische Studien, IV Heft); б) Obsequium-Verhältniss (Glück Leist, Commentar, V, 20 — 145); в) Zur Gesch. d. röm. societates. 1881; г) Graeco-italische Rechtsgeschichte 1884. Гриммъ еще въ 20-хъ годахъ обратилъ вниманіе на правовую терминологію; см. его Deutsche Rechtsalterth., 1—6. Весьма обстоятельный обзоръ трудовъ культурно-лингвистическаго характера сдѣланъ О. Шрадеромъ, въ его «Сравнит. языковѣд. и первобыт. исторіи» (перев. съ нѣм. Спб. 1886).

вмѣстной жизни; но отсюда никакъ еще нельзя выводиться, что эти учрежденія были детально такія же, какъ и позже. Изъ сходства родственныхъ и семейныхъ терминовъ у всѣхъ арійскихъ народовъ нельзя еще, наприм., заключать, что въ пору ихъ совмѣстной жизни, до раздѣленія, существовалъ у нихъ такой же благоустроенный семейный бытъ, какъ и нынѣ (какъ полагали Кунъ, Пиктэ, Лавровский и др.). Данные языка констатируютъ собственно одинъ фактъ существованія въ старину сходныхъ институтовъ, до извѣстной степени могутъ разъяснять ихъ бытовые основы, общій смыслъ и содержаніе; но на основаніи филологическихъ данныхъ еще нельзя воспроизвести до подробностей живой и дѣльный образъ всего народнаго быта. Въ этомъ отношеніи нужно пользоваться данными сравнительнаго языкознанія съ большою осторожностью; указанія филологівъ необходимо восполнять данными иного порядка: историческими преданіями и переживаніями, сохранившимися въ позднѣйшія эпохи, — также этнологическими наблюденіями надъ бытомъ расъ и племенъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія и пр. Лишь на почвѣ всей совокупности доступныхъ для изслѣдованія и пробѣренныхъ строгой научной критикой, лингвистическихъ, этнологическихъ и историческихъ данныхъ можно воспроизвести болѣе или менѣе опредѣленную картину первобытной жизни даннаго народа ¹⁾.

(Перейдемъ теперь къ *формуламъ* и *пословицамъ*, представляющимъ собой одну изъ древнѣйшихъ формъ выраженія человѣческихъ понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основныхъ понятій и явленій стараго обычнаго права. Что на первыхъ порахъ исключительно выражалось внѣшнимъ дѣйствіемъ и символомъ, то позже формулируется словомъ, высказывается въ афористической формѣ, въ видѣ краткихъ изрѣченій, формулъ и пословицъ, въ которыхъ выражались народныя понятія о правѣ, какъ готовые аксіомы или рѣшенія по разнымъ юридическимъ казусамъ ²⁾). При первичномъ вѣрованіи въ силу чарованія слова ³⁾, термины могли пріобрѣсти значеніе манипуляцій (звуковыхъ) съ символическимъ характеромъ, могли выражаться въ строго опредѣленныхъ формулахъ, неизмѣнно употреблявшихся въ извѣстныхъ случаяхъ. Такія формулы въ особенности пріурочивались къ процессуальнымъ дѣйствіямъ ⁴⁾). У славянъ доселѣ со-

¹⁾ О методѣ и границахъ пользованія филологич. данными см. М. Ковалевскаго о методологич. приемахъ при изученіи ранняго періода въ исторіи учреждений (Юридич. Вѣстн. 1879, I, 9; отдѣльно—1880); В. Сергѣевича Право и государство въ исторіи (Сборн. государ. знан. VЦ, 44, и Изслѣдов. и лекціи); Загоскина Методъ и средства изученія и пр., 262.

²⁾ «Ersten Abstractionen alles Rechtes sind die Rechtssprüchwörter». Warnkönig Jurist. Encycl. 94.

³⁾ См. Аванасьева Поэтич. воззар. I, 404 и слѣд.

⁴⁾ Въ древнемъ римскомъ процессѣ, наприм., и стороны, и судьи должны были произносить всегда извѣстныя, точно опредѣленныя формулы показаній на судѣ, вопросовъ и

хранилось много пословиць (иныя съ символическимъ характеромъ), образовавшихся еще въ глубокой древности, въ которыхъ высказываются народныя понятія о правѣ ¹⁾. Пословицы нерѣдко обращались въ постоянныя юридическія формулы, употреблявшіяся для обозначенія какихъ либо юридическихъ дѣйствій и понятій. Многія изъ такихъ старинныхъ пословиць послужили формою закона ²⁾. Въ Рус. Правдѣ, Псковской грамотѣ, старыхъ докончаньяхъ и другихъ памятникахъ весьма часто встрѣчаются правила, выражающіяся въ однообразной формулѣ и несомнѣнно взятая изъ народныхъ пословиць. Нѣкоторыя изъ такихъ древнихъ формулъ уцѣлѣли до нашихъ дней. Содержание формулъ — пословиць обнимаетъ всѣ стороны общественной и правовой жизни народа, причемъ нерѣдко даются указанія на институты глубокой старины. Старыя пословицы имѣютъ большею частію строго казуистическій характеръ; очевидно, они образовались изъ отдѣльныхъ бытовыхъ случаевъ и дѣйствій. Наконецъ, въ пословицахъ высказываются правовыя нормы не только въ положительной, но и въ отрицательной формѣ («міръ не судья, были бы сватовья» ³⁾).

Приведемъ главнѣйшія формулы—пословицы, записанныя въ старыхъ памятникахъ, а также и нѣкоторыя изъ современныхъ пословиць, сохранившіяся еще отъ первыхъ временъ исторіи.

Старая славянская *община* воспроизводится доселѣ въ пословицахъ:

Дворъ обо дворъ и калитка на дворъ — намекъ на семейную общину (задругу).

отвѣтовъ. То-же замѣчается и въ правѣ нѣкоторыхъ славянъ, наприм., чеховъ, у которыхъ процессъ былъ обставленъ строгими формальностями, сходными съ римскими судебными формулами. По народнымъ воззрѣніямъ, слово—то-же, что законъ, клятва (рота), какъ это видно изъ многихъ народныхъ поговорокъ. Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы. До слова крѣпись, а давши слово, держись. Слово законъ, держись за него, какъ за жолъ. Слово въ вѣкъ не сломится. Слово — не воробей, вылетитъ—не поймаешь. На правду мало словъ. Право—велико слово — обычная формула клятвы, употреблявшаяся въ старое время при рѣшеніи тяжбъ и споровъ (Снегирева Русскіе въ своихъ пословицахъ, I, 134, 136). Въ памятникахъ «слово» употребляется иногда въ смыслѣ рѣшенія, постановленія: «а се за то ялися послове по Новгородскому *слову* и по Новг. грамотѣ» (А. А. Э. I, 58).

¹⁾ Значеніе пословицы выражается во многихъ народныхъ поговорахъ: Старая пословица во вѣкъ не сломится. Старая пословица не мимо молвится. Одна рѣчь не пословица. Не всякое слово пословица. На пословицу ни суда, ни расправы. Вѣлый свѣтъ—не околица, пустая рѣчь—не пословица. На рынкѣ пословицы не купишь. Загадка, разгадка, да семь верстъ правды и пр. (Даль).

²⁾ См. Снегирева Рус. въ своихъ послов. III, 7.

³⁾ См. Буданова Обзоръ, I, 63—64. Первый опытъ разработки русскихъ правовыхъ пословиць принятительно къ исторіи права сдѣланъ въ 30-хъ годахъ И. Снегиревымъ, въ его изслѣдов. «Русскіе въ своихъ пословицахъ» I—IV. 1831—34. Лучшій сборникъ пословиць, въ томъ числѣ юридическихъ, принадлежитъ В. И. Далю: «Пословицы русскаго народа» I—II. 1879.

Мірз никто не судить, одинъ Богъ. *Мірз* тонокъ да дологъ. *Мірская шея* толста. Съ *міру* по ниткѣ, голому рубашка (*мірская самопомощь*). Что *міромъ* положено, тому и быть такъ.

Не въ нашъ *конз* бьетъ. Онъ не нашего *кона* (держится противной стороны, тинеть къ другой общинѣ). Вся бѣда на кону (быть на чередѣ, править дѣломъ).

Не купи себѣ домъ, купи себѣ *сосѣда*.

Стати *всѣмъ* за одинъ; либо животъ, либо смерть за правду Новгородскую (кругов. *порука*; лѣтоп.)

Дума на Великой (рѣкѣ), а сердце на Волховѣ (побратимство Новгорода съ Псковомъ). На чемъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть. Како намъ любо, также створимъ (отнош. старшаго города къ пригороду, — П. С. Л. I, 1176 г.)

Не мало пословиць сохранилось также касательно старыхъ *общественныхъ классовъ*:

Молодой (*дружинникъ*) на битву, а старый — на думу. А боярамъ и *случамъ* вольнымъ воля (догов. грамоты князей). На поле съѣзжаются, родствомъ не считаются (*мѣстничество*). Чинъ чина почитай, а меньшей садись на край (послѣ отмѣны мѣстничества). Хоть лыкомъ шить, да почитай его.

Не бывать *попу* въ холопѣхъ, а холопу въ попѣхъ (послѣ запрещенія крестьянамъ вступать въ духовное званіе). Лучше жить въ попѣхъ, нежели въ холопѣхъ.

Гдѣ *смердъ* думалъ, тамъ Богъ не былъ. Смердей взглядъ пуще брани. Мѣха не надуть, а смерда не научить. Холопъ не смердъ, а мужикъ не звѣрь. На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день (крестьянскій выходъ). Вольному воля, а ходячему путь (тоже). Куда голова, туда и животы (тоже). Вотъ тебѣ, бабушка, будетъ Юрьевъ день (угроза раздѣлаться въ Юрьевъ день). Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ (намекъ на выходъ крестьянъ оголенными помѣщикомъ). Волкъ — то на волѣ, да и воетъ доволѣ (положеніе переходящихъ крестьянъ въ старое время). Ни кола, ни двора, ни перегороды (перехожіе крестьяне). Наряжается, какъ баба на Юрья (великій праздникъ).

Чей хлѣбъ кушаешь, того и слушаешь (старое *закупничество*). По мужъ *роба*, по робѣ холопъ (Рус. Пр.). Въ боярскій дворъ ворота широки, да вонъ узки (кабала). Кабала вверхъ ведетъ, а неволя внизъ. Холопское слово — что рогатина (отношенія къ господину). Не роженъ — не сынъ, не купленъ — не холопъ. Неволя холопу, а воля господину. Ужъ видѣнъ холопъ: серьга въ ухѣ. Не держи безъ кабалы.

Положеніе старыхъ земскихъ *князей* обрисовывается цѣлымъ рядомъ формулъ и поговорокъ:

Бнязь шедръ отецъ есть *всѣмъ* (Дан. Заточн.) Не имѣй себѣ двора близъ князя двора; не держи села близъ князя села (тоже). Плохова князя телята

лижутъ. Коль худъ князь, такъ въ грязь. Тебѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина; быть за одинъ до живота (договоры между князьями). Быти вездѣ за одинъ до своего живота: а кто князю другъ, то и тебѣ другъ, а кто будетъ князю недругъ, то и тебѣ недругъ. Аще кому насъ будетъ обидя, то ты прави (П. С. Л. II, 22). Кождо да держитъ отчину свою (ib. I, 109) Показывать отъ себя путь князю; быти по волѣ Новгородской; цѣловать крестъ на всей Псковской пошлинѣ; весь порядокъ положити съ княземъ (отношенія общины къ князю, — П. С. Л. II, 117; IV, 224, 251). Что пошло князю, а то княже (догов. Новгород. 1265). До Бога высоко, до царя далеко. Царевъ гнѣвъ посолъ смерти. Гдѣ царь, тамъ и орда.

Есть пословицы, намекающія на старья *вѣча* :

На одномъ вѣчѣ, да не одни рѣчи (требованіе единогласія). Вольнѣе торгу (вѣча) вѣтъ. Площадная рѣчь (мірской приговоръ), что виноватаго сѣчь; площадная рѣчь, что деньги беречь. Новгородцы такали, да Новгородъ и протакали. Разошлась Новгородская власть (вѣче), разошелся и Новгородъ.

Старые *думцы* и *старцы земскіе* также оставили свой слѣдъ въ поговоркахъ и пословицахъ :

Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишень будетъ (Дан. Заточн.) Молодъ князь, молода и дума. Первый въ совѣтъ, первый въ отвѣтъ. Красота граду старые мужи и честна дума старыми и бѣлыми сѣдинами сущихъ (Ник. лѣт. V, 29). На совѣтъ чужой не ходи; пока позовутъ, погоди. Не спрашивай стараго, а бывалаго (лучшіе мужи, знахори). Гдѣ старья, тамъ и статья (значеніе старцевъ). У семи нянекъ дитя безъ глазу; у семи пастуховъ не стадо (намекъ на «лихолѣтье» — семибоярщину послѣ ц. Васил. Ив.).

Старый *земскій нарядъ* оставилъ по себѣ память въ нѣсколькихъ поговоркахъ :

Не гонись за рядовичемъ, лови атамана. По ватагѣ и атаманъ, по овцамъ пастырь. Каковъ попъ, таковъ и приходъ. На службу не накушайся. Что намѣтитъ дьякъ, тому и быть такъ. Гряды пахалъ, да въ воеводы попалъ Умный, что староста губный: всякъ его боится. Худой миръ лучше доброй брани. Миръ стоитъ до рати, а рать до мира (Карамз. II, прим. 227).

Сохранилось также не мало старыхъ пословицъ, относящихся къ *частно-правному* быту :

✓ Твоей домъ — твоя воля. Дома — какъ хочю, а въ людяхъ — какъ велеть. Хозяинъ въ дому, какъ Авраамъ въ раю.

✓ Мужъ крѣпокъ по женѣ, а жена крѣпка по мужу (ср. Рус. Пр. Кар. сп. 120). Не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣтъ (Дан. Заточн.). Нашего поля прибыло, а вашего поля убыло (намекъ на старую умычку — на играхъ въ полѣ, «между селами»).

✓ Держи деньги въ темнотѣ, а дѣвку въ тѣснотѣ (старое *затворничество*). Всякъ бы про дѣвушку слышалъ, да не всякъ бы ее видѣлъ (тоже). Въ клѣткѣ птицы, а въ теремѣ дѣвицы.

Невѣста родится, а женихъ на конь садится (намекъ на «посаженъе на коня» — символъ *принятія въ дружину*). Отрѣзанный ломоть къ хлѣбу не пристанеть (намекъ на положеніе члена семьи, *выходящаю* изъ нея). Кто старъ, тотъ отецъ, а кто молодъ, тотъ братъ (слова Псков. князя Довмонта къ дружинѣ). Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью.

Братъ не братъ, такъ отдай мой крестъ (*побратимство*).

Чей дворъ, того и хоромы. Чей конь, того и возъ. Чей берегъ, того и рыба. Чья земля, того и хлѣбъ (Догов. Новгород. XV в., — Истор. Росс. іерар. III, 562). Чья земля, того и городьба. Что взято, то свято (*займище* — право перваго занятія). Куда плугъ, соха и коса (топоръ) ходили (формула опредѣленія *границъ владѣнія*; древ. нѣмец. — *wohin pflug und sense gehet*; рим. — *quo falx et arater ierit*). Купилъ есмь деревни.. со всеми угодыи, что изстари по тягло (опредѣленіе *принадлежностей* имущества).

↪ Дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сынови (Рус. Пр. и соврем. пословица). Сестра при братьяхъ не вотчинница.

↪ Како ся будетъ *рядилъ*, на томъ же стоять (Рус. Пр.); тако же есть рядъ, яко же *рядилъ*; чья воля старъ, та и правъ (рядъ). Жить по ряду, вести череду. Махнули пола объ полу, ударили рука объ руку. Что сусѣдъ просить, то и дай, съ нимъ не рядись. Гдѣ кабалено, тамъ и пито. У кого купишь, тому заплати. Уговоръ паче денегъ. Пословица всему дѣлу порѣшница. Уговорецъ — дѣлу родной братецъ.

По *уголовному праву* можно также указать на нѣсколько формулъ, удержавшихся въ старыхъ памятникахъ, а иногда сохранившихся и въ современныхъ пословицахъ:

↪ Воръ воруетъ, міръ горюетъ (общин. порука). Кинешма да Рѣшма кутятъ да мутятъ, а Сойдогда убытки платитъ (тоже). Третья вина виновата. Десятая вина виновата (ответственность общины). Вора миловать, добраго губить (еще Влад. Св. упрекалъ духовенство за снисходительность). Безъ вины виновать. Повинную голову и мечъ не счѣтеть (упоминается уже въ Москов. памятникахъ). Не всяго лыко въ строку. Всяка вина виновата. Виноватаго кровь — вода, а невиннаго — бѣда. Оже убіетъ мужъ мужа, мстити брату брата и пр. (Рус. Пр.) Мертвый у воротъ не стоитъ, а свое возметъ (намекъ на старыя виру). Въ отпертыя двери лѣзутъ звѣри (ср. Рус. Пр. Кар. 38, 39 — о татѣбѣ скота изъ клѣти). Безъ вины мужа волости не лишати (старыя договор. грамоты князей). А кто преступитъ крестное цѣлованіе, а Богъ ему судья (П. С. Л. I, 97). Оже князь извинитъ (нарушить рядъ подъ присягой) — въ волость, а мужъ — въ голову (ib. 119).

Наконецъ по *суду* сохранилось въ старыхъ актахъ и народной памяти много формулъ, намекающихъ иногда на институты глубокой древности :

✓ Свой судъ короче (самосудъ). Миръ не судья, быля-бы сватовья. Не бойся закона, бойся судьи. Законы миротворцы, да судьи врючкотворцы. Судья что плотникъ: что захочетъ, то и вырубить. Судить съ обѣ стороны по крестному цѣлованью (смѣстный судъ; соб. г. гр. I, 48). И быти дѣлу дому, какъ третьи приговорять. Свои собаки грызутся, а третья не приставай. ✓ Братчина судить какъ судьи (Пск. с. гр. 113).

Кто купецъ, пойдетъ въ свое сто, а смердь пойдетъ въ свой погость: тако пошло въ Новгородъ (подсудность; догов. Новг. 1305). Гдѣ орудье почнеть, ту его и кончатъ (собр. гр. I, 23). Судомъ потянути по землѣ и по водѣ (ib. 48, 169). Судомъ потянути по удѣломъ, гдѣ кто живеть (ib. 76). Тата гдѣ имугъ, туго судять (ib. 173). Гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати (Рус. Лив. ак. 9). Въ которой волости человекъ извиниться, ту ему правда дати (ib. 13).

Кому съ кимъ *тяжа*, судъ дати безъ перевода (ib. 13). ✓ Судъ вѣдать по старинѣ (Новг. с. гр. 2, 3). Судить имъ право (въ правду) по крестному цѣлованью; судомъ не метитись, не отчитись (не дружить); безъ исправы человека не погубити (Пск. с. гр. 3; Новг. с. гр. 1, 9, 27 и пр.).

Кто купилъ, а тыи знаетъ своего *истца* (соб. г. гр. I, 6). Звать истцу истца (Пск. с. гр. 13). ✓ Богъ любить праведника, а судья ябедника (ср. Рус. Пр. Ак. 1).

Промиловался еси, оже еси не ставилъ *послуховъ* (Р. Пр.) Холопу на правду не вылазити (ib.). Холопъ на холопа послухъ. Знайку на судъ ведутъ. Легко воровать, какъ семеро норовять (намегъ на 7-ное число послуховъ — очистниковъ).

Жельза (ордали) и змѣя боится. Правда тяжеле золота, а на *водъ* (тоже) всплываетъ. ✓ Въ *поль* (поединкѣ) двѣ воли, кому Богъ поможетъ. Лежачаго (на поединкѣ) не бьютъ.

Сууженая не посуживать. Рѣшено-вершено. Грамотъ не посуживати (Пск. с. гр.).

Кромѣ пословицъ, начала обычного права выражаются также въ другихъ памятникахъ чисто-народнаго творчества. Таковы старыя славянскія *вѣщбы*, *пльни*, *былины* и *сказанія*, дающія нерѣдко драгоценныя указанія на правовые институты глубокой старины. По вѣрному замѣчанію историковъ, въ первичныхъ обществахъ замѣчается удивительная цѣльность всего быта и воззрѣній народныхъ. «Языкъ, мифологія, поэзія, право, нравы, обычаи, стоять въ самой тѣсной, неразрывной связи между собою. Поэзія была для народа эпохи первобытной выраженіемъ, не только мифа и языческаго обряда, но и судебного порядка; потому у римлянъ *сатпен* имѣло значеніе судебного

изрѣченія, закона; точно также и славянская вѣщба, кромѣ чарованій и поэзіи, имѣла смыслъ и юридическій... Народная поэзія—это тѣ-же лѣтописи, только не записанныя, а пропѣтыя. Иное въ ней сказывается новизною, иное содержитъ остатки глубокой древности. Въ народной поэзіи наглядно выражается то причудливое наслоеніе историческихъ слѣдовъ разныхъ временъ и разныхъ поколѣній, изъ котораго органически слагается всякая народность¹⁾. Дѣйствительно, народъ, стоящій на низкихъ ступеняхъ развитія, не выросшій еще изъ патриархальныхъ формъ жизни, всякое проявленіе мысли формулируетъ въ поэтическомъ созерцаніи,—пѣсней, сказаніемъ, легендой передаетъ свои вѣрованія и воззрѣнія на память другимъ поколѣніямъ. Недаромъ народная поговорка гласитъ: «пѣсня бль». Въ этихъ-то пѣсняхъ, былинахъ и сказаніяхъ проглядываетъ высказанная въ поэтической формѣ народная мысль о правѣ, религіи и пр. У славянъ доселѣ удержались подобныя «живыя лѣтописи»—вѣщбы, пѣсни, былины, легенды и сказанія, служащія очень важнымъ источникомъ для изученія общественнаго и частнаго быта древнихъ славянъ²⁾. Вѣщбы упоминаются часто въ древнихъ чешскихъ легендахъ, у Далемилла, Ститнаго и др., въ такомъ же смыслѣ, какъ и римское *carmen* или скандин. руны, серб. вѣштина (знаніе) и пр. Вѣщба (сѣть *vetiti*, вѣщать, говорить)³⁾ означаетъ вообще вѣщаніе, прорицаніе, просто сказаніе, пѣснь, затѣмъ и специально — сказаніе «знатоковъ права» (вѣщихъ людей, см. ниже),—словомъ, вѣщба употреблялась не только въ смыслѣ чарованія и поэзіи, но имѣла и юридическій смыслъ⁴⁾. Образцы старыхъ славянскихъ вѣщбъ можно видѣть въ древнѣйшихъ былинахъ, легендахъ и пѣсняхъ сербскихъ, хорватскихъ, русскихъ и пр. Многіе изъ такихъ памятниковъ безспорно должны быть причислены къ числу важнѣйшихъ актовъ чисто народнаго творчества, рисующихъ нерѣдко въ яркихъ краскахъ древнѣйшій общественный бытъ славянъ. Наши старыя былины даютъ, на примѣръ, ясныя намеки на слѣды института «материнства» (матернитета, *Mutterrecht*) въ быту богатырей Владимірова цѣля⁵⁾. Есть также не мало старыхъ сербскихъ пѣсень,

¹⁾ Буслаева Историч. очерки рус. нар. словесн. и искуств. I, 1, 6; его же Сравнит. изуч. народ. быта (Рус. Вѣст. 1872. Окт., 713). Ср. также J. Grimm Poesie im Recht (*Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft.* Bd. 2); Macejowski Hist. prawod. Slowian. I, 121; Иречек Slov. pr. I, 152; Das Recht im Böhm. I, 43.

²⁾ Таковы, наприм., пѣсни, собранныя Караджичемъ и др.

³⁾ *Mater Verborum* глоссируетъ вѣщбу—*vaticinia*.

⁴⁾ См. Šafarik u. Palacki die ält. Denkmäler d. böhm. Sprache, 97; Иречка Sl. pr., I, 152; Recht in Böhm. I, 44; Аванасьева Поэтич. возр. Славянъ I. 405 послѣд.; Мацѣевского Hist. I, 121; Снегирева Русскіе въ своихъ поговоркахъ I, 23.

⁵⁾ См. Буслаева Сравнит. изученіе народнаго быта (Рус. Вѣстн. 1872, Окт., 704—708).

затрoгивающихъ нерѣдко очень важные вопросы по древнему славянскому праву. Наприм., пѣсня «на просидби» говоритъ о старомъ обычаѣ умычки невѣстъ «силомъ», чрезъ «уводника»; пѣсня: «Баю Пивлянинъ» и «Перович Батрич»—объ обычаѣ мести съ религиознымъ характеромъ (вмѣсто: «отмстить за убитаго», говорится въ пѣсняхъ: «осветити душу убитаго»), также о денежныхъ выкупахъ, дававшихся по обычаю отмстнику, и пр. ¹⁾ Былины въ особенности заключаютъ богатый *миеологическій* матеріалъ, представляющій также не мало данныхъ для познания раннихъ формъ общественныхъ отношеній. Миеологическія данныя, какъ извѣстно, не ограничиваются только религиозными представленіями и понятіями: мнѣе—вообще способъ пониманія вещей, первичная форма мыслить и выражаться, и потому большая часть мнѣевъ—болѣе или менѣе удачное толкованіе представленій первичныхъ людей объ окружающихъ явленіяхъ, въ особенности объ идеальномъ мірѣ, жизни высшихъ духовъ и пр. Народныя вѣрованія переносили въ область миеологии тѣ же общественныя отношенія, которыя первичные люди видѣли въ своей дѣйствительности, — по этимъ вѣрованіямъ жизнь высшихъ существъ (боговъ) построилась по образцамъ и формамъ человѣческой жизни. Понятно отсюда, на сколько важны для древней исторіи права различныхъ арійскихъ народовъ тѣ указанія миеологии, какія она даетъ, наприм., касательно семейныхъ отношеній, существовавшихъ въ быту боговъ по миеологическимъ представленіямъ славянъ и другихъ арійскихъ племенъ,—о пещерномъ и пастушескомъ бытѣ веддійскихъ боговъ и т. п. Но какъ и въ дѣлѣ пользованія лингвистическими данными, примѣненіе данныхъ миеологической древности къ дѣлямъ исторіи права требуетъ большой осторожности. «Не всегда легкое разграниченіе въ миеологическихъ сказаніяхъ, съ одной стороны—области поэтическаго воспроизведенія дѣйствительности, съ другой—фантастическихъ вымысловъ, составляетъ причину невѣрности многихъ заключеній, полученныхъ путемъ односторонняго примѣненія этого метода, безъ достаточной провѣрки ихъ методомъ историко-сравнительнымъ» ²⁾.

Обычное право затѣмъ выражается въ правовыхъ дѣйствіяхъ и нормахъ, констатируемыхъ старыми «*пошлинными*» *уставами* и сборниками (Рус. Прав., Псковская и другія грамоты), *лѣтописями* ³⁾ и другими однородными источни-

¹⁾ См. Вука Караджича Српске Народне пјесме I, 2; III, 215, 465.

²⁾ См. «Юрид. Вѣстн.» 1878 № I, 20. Объясненіе данныхъ славянской миеологии примѣнительно къ исторіи древней культуры славянъ см. Буслава «Сравнит. изученіе народн. быта» («Рус. Вѣстн.» 1872, Окт.); Аванасьева поэтич. воззрѣнія славянъ на природу. Ср. также труды по сравнит. миеологии: M. Müller Essais s. Myrphologie comparée; В. С. Миллера Очерки арійской миеологии, 1876 и др.

³⁾ Въ старое время княжескихъ «усобицъ» земской (до-московской) эпохи лѣтописи имѣли, между прочимъ, значеніе оффициальныхъ источниковъ для опредѣленія правъ князей на столы. Въ 1432 г. вел. князь Василій Васильевичъ велъ въ Ордѣ споръ съ кня-

нами, также *показаніями свѣдущихъ лицъ*, выросшихъ и постоянно живущихъ въ той средѣ, гдѣ дѣйствуетъ обычай (показанія старцевъ, знатоковъ права,— см. ниже объ органахъ обычнаго права), наконецъ, судебными актами и актами юридическихъ сдѣлокъ, въ которыхъ данныя сдѣлки и дѣйствія совершаются согласно съ существующими обычно-правовыми нормами ¹⁾).

✓ III. Къ третьей группѣ терминовъ, обозначающихъ по старымъ памятникамъ обычное право, относятся: *законъ, поконъ, уставъ и урокъ*. «Обычай» и «пошлина» обозначаютъ, какъ правовые, такъ и простые этнографическіе обычаи, разсматривающіеся со стороны ихъ образованія или же дѣйствія. «Законъ» и другіе приведенные выше термины специально указываютъ на *правовой обычай*, въ смыслѣ «мірскаго устава», опредѣлявшаго общій земскій порядокъ, обязательную для всѣхъ норму, или границу, предѣлъ между правдой и неправдой.

По словамъ Константина Порфиророднаго, древніе славяне имѣли свои «законы» (*Зѣсѣ каи ζάκων* ²⁾). «Законъ» (закоп) знаютъ историческіе и юридическіе памятники всѣхъ южныхъ и западныхъ славянъ именно въ смыслѣ правовой нормы. Этотъ терминъ доселѣ удерживается въ особенности въ правѣ южныхъ славянъ ³⁾. У насъ о законѣ говорятъ: начальная лѣтопись (имяху бо обычай свои и законъ отецъ своихъ,— П. С. Л. I, 6), договоры съ греками (уставъ, поконъ и законъ русскій), Русская Правда (вирные законы) и позднѣйшіе памятники.

Весь вопросъ сводится къ тому, какъ понимали законъ въ старое время,— такъ ли, какъ теперь, т. е. въ значеніи нормы, устанавливаемой законодательной властію, или же закону давалось одинаковое значеніе съ обычаемъ?

Вопросъ этотъ рѣшается различно. Многіе изслѣдователи, смотря на дѣло глазами своего времени, склонны вообще «видѣть въ прошломъ тѣже явленія, къ которымъ привыкли и въ окружающей ихъ дѣйствительности» (Сергѣевича Изслѣд. 90). Еще изслѣдователи прошлаго вѣка полагали, что законы въ на-

земъ Юрьемъ Дмитриевичемъ: «князь великій по отчеству и по дѣдству искаше стола своего, князь же Юрьи *мтотисци* и старыми списки и духовною отца своего». См. П. С. Л. VIII, 96. О значеніи лѣтописей и другихъ однородныхъ источниковъ распознаванія обычнаго права см. Буданова замѣтку въ «Обзорѣ» I, 63.

¹⁾ Объ этихъ источникахъ распознаванія обычнаго права см. мою статью—«о разработкѣ обычнаго права», въ Жур. Мин. Пр. 1878 г., т. 198, стр. 155—158, 172—177. См. также Сергѣевича Изслѣд., 96; Буданова Обзоръ, I, 63.

²⁾ Const. Porphir. De adm. Imp., cap. 38, стр. 170.

³⁾ Законъ Винодолскій, законі grada Zagreba и пр. Терминъ «законъ» замѣтованъ у славянъ албанцами; онъ извѣстенъ также литовцамъ—*zokapas, moš*. См. Мацеіев. Hist. prawod. I, 122; Иречка Sl. pr. I, 144, 150; мое Хорв.—далм. зак. 63 и пр.; Miklos. Lex., Карадж. и Данич. Рјечи. s. v. «законъ».

стоящемъ смыслѣ издавна были у славянъ и что у насъ, наприм., Русская Правда существовала «за нѣсколько вѣковъ» до Ярослава ¹⁾. Раковецкій прямо настаиваетъ на древнихъ обще-славянскихъ писанныхъ законахъ, собранныхъ въ одномъ кодексѣ, подобномъ Ведамъ или Зендъ-Авестѣ (см. Prawda Ruska I, 115, 131, 243). Мацеіовскій точно также полагаетъ, что Несторъ говоритъ не только объ обычаяхъ, но и законахъ, сохранявшихся письменно: законы Рус. Правды могли дѣйствовать уже во время договоровъ съ греками (Hist. prawod. I. 122). И позднѣйшіе изслѣдователи видятъ въ «законахъ» греческихъ договоровъ, или прямое указаніе на Рус. Правду, которая могла уже существовать въ то время (Тобинъ), или же вообще различаютъ законъ лѣтописей и договоровъ X в. отъ обычая и «покона» въ такомъ же смыслѣ, какъ lex отъ consuetudo (см. Срезневскаго о договорахъ Руссовъ съ Греками, въ Извѣст. Ак. наукъ, III, 282). Того же воззрѣнія держатся и нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ — юристовъ ²⁾.

По другому воззрѣнію, законъ въ старину означалъ тоже, что и обычай. Въ этомъ смыслѣ древнимъ славянскимъ «законамъ» вполне соотвѣтствуютъ на Западѣ средневѣковые «leges populares или leg. barbarorum»; какъ въ старыхъ славянскихъ памятникахъ дѣлались ссылки на «законы», такъ и въ средневѣковыхъ сборникахъ законовъ франкскихъ и германскихъ постоянно встрѣчаемъ ссылки на старые leges (наприм. lex Salica); но ссылки эти имѣли въ виду собственно не законы, а живые обычай, послужившіе матеріаломъ для самихъ сборниковъ, но не вполне въ нихъ исчерпанные. Въ средніе вѣка lex понимали не только въ смыслѣ римскаго писаннаго закона, но и обычая — consuetudo (отсюда «lex consuetudinis» ³⁾) Въ такомъ именно смыслѣ понимаютъ

¹⁾ См. предислов. къ «Рус. Правдѣ», издан. любителями отеч. исторіи 1799. См. также Эпина исторію и пр.

²⁾ См. Шпилевскаго объ источникахъ рус. права, 4; ср. его же Союзъ родств. защиты, 60. Первоначально того же воззрѣнія держался и Будановъ—Владимірскій. Въ своихъ глоссахъ къ статьямъ греч. договоровъ Будановъ приводитъ противоположеніе, дѣлаемое Срезневскимъ между закономъ въ смыслѣ lex и покономъ въ смыслѣ consuetudo (*leges*), и затѣмъ прибавляетъ: «въ 6 ст. Игорева договора упоминаются «уставъ и законъ» русскій въ смыслѣ уголовного закона, что еще рѣшительнѣе указываетъ на существованіе закона какъ lex; но въ какой формѣ могъ существовать этотъ законъ, догадаться трудно» (Христом I, 9). Въ «Обзорѣ ист. рус. пр.» уже не дѣлается различія между обычаемъ, закономъ и покономъ (I, 62).

³⁾ По словамъ Цёппеля, «man verstand nämlich im Mittelalter, abweichend von dem römischen Sprachgebrauche, unter «Lex» überhaupt jede schriftliche Rechtsaufzeichnung, selbst wenn sie nur Gewohnheitsrecht enthielt; auch wurde sogar häufig das nicht aufgeschriebene Gewohnheitsrecht als Lex bezeichnet» (см. Zöpfl Deut. Rechtsgeschichte, 9; ср. Laspeyres, über d. Entstehung d. Libri Feudorum, 208; Pardessus, La loi Salique и пр.

западные глоссаторы значеніе славянскаго «ζάκων» Константина Порфиророднаго, впервые сообщившаго свѣдѣнія о славянскихъ законахъ: «καὶ ἕτε ποιήσαντες αἱ Παλιναίται πρὸς τὸν βασιλικὸν τοῦ θρόνου κατὰ τὰ ζάκωνα αὐτῶν. (De Thematibus et de administrando imperio cap. 8, стр. 73); ἢ καὶ ἄρχοντα κατὰ τὰ τῶν χαζάρων ἔθος καὶ ζάκων» (въ латин. переводѣ—more ac consuetudine) πεποιήμασι » (ib. cap. 38, стр. 170). Бандури, въ своихъ «Animadversiones in Const. Porph. lib. de adm. imp.», говоритъ, что подь выраженіемъ «ζάκων» нужно разумѣть законъ, какъ писанный, такъ и не писанный, — *lex et consuetudo* ¹⁾. Точно также по глоссѣ Дюканжа, ζάκων — *lex, mos receptus, vox barbarica* (Ducangii Gloss. med. graec., s. voce ζάκων). Тоже возрѣніе на значеніе термина «законъ» усвоено историками права славянъ южныхъ и западныхъ. Крестичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Душановомъ Законникѣ, приходитъ къ тому заключенію, что главнымъ источникомъ этого сборника древнихъ сербскихъ законовъ послужили старые славянскіе «законы», подь которыми разумѣлись въ старину у вѣхъ славянъ народные обычаи (см. «Разматрания Душан. Закон», въ Гласникѣ VI, 94) ²⁾. У насъ еще Эверсъ, въ своемъ классическомъ изслѣдованіи о древнемъ русскомъ правѣ, полагалъ, что славяне жили по обычаямъ предковъ и первоначально вовсе не знали законовъ (Древ. рус. пр. 5, 7, 12, 15). Въ 40-хъ годахъ Снегиревъ указывалъ на то, что Несторъ называетъ обычаи и преданья «законами отецъ» (Русскіе въ своихъ пословицахъ, III, 8). По мнѣнію проф. Дювернуа, «въ языкѣ лѣтописи слово законъ употребляется иногда въ смыслѣ закона отцовъ и дѣдовъ, иногда въ смыслѣ закона Божьяго. Позже, для понятія о правѣ, которое возникло не изъ личной чьей либо воли, а составляетъ исконный порядокъ, древній языкъ употребляетъ слово пошлина

Lex въ средневѣковыхъ источникахъ имѣлъ и другія значенія: закона священнаго, церковнаго (das alte Testament) и римскаго права. По коренному своему генезису, «lex» совпадаетъ съ «jus» (отъ ju, jug—соединить)—отъ корня lag, lig — связывать, ligare; въ этомъ смыслѣ lex, какъ и jus, является связующимъ началомъ въ обществѣ, совпадаетъ съ понятіемъ pactum, foedus, др.-нѣм. Ewa и Reht (Recht), слав. редь (см. ниже). Таковъ-же коренной смыслъ сканд. lagh (обычай). См. Ascoli въ Zeitschr. vergl. Sprachforsch. v. Kuhn, XVII, 256; Brugmann, въ Studien f. griech. lat. gramm. v. Curtius, VII, 308; Corssen Ueb. Aussprache I. 444. Принимаютъ также другой корень lex—leg, lag—лежать, упрочивать, полагать, утверждать; въ такомъ смыслѣ lex совпадаетъ съ нѣм. Gewohnheit или слав. «обычай»—что «бытуется», принято въ жизни за норму (см. Bugge въ Studien v. Curtius, IV, 205; Curtius Grundzüge d. griech. Etymol. 367).

¹⁾ «Τὰ ζάκωνα — vox Illyrica corrupte scripta, uti passim apud Graecos recentiores voces occurrunt alienigenae corruptae: zakon quippe in singulari numero, seu ut nostrates scribunt sakon vel sacon, legem significat tam scriptam quam non scriptam, hoc est legem et consuetudinem; et in plurali zakona seu sacona—leges et consuetudines. См. Banduri «Animadversiones», стр. 307.

²⁾ Ср. также Иречка Slov. pr. I, 144.

или старая пошлина» (Источники, 29). Весьма метко определяется значение «закона» въ «Исслѣдованіяхъ» проф. Сергѣевича. По его словамъ, «очень трудно думать, чтобы съ X уже вѣка у насъ существовала опредѣленная законодательная власть, которая творила право по своему усмотрѣнію». Слово законъ «означаетъ тѣже обычаи. Нашъ начальный лѣтописецъ упоминаетъ не одни только законы отцевъ, но и обычаи отцевъ. Слова: законы и обычаи замѣняютъ у него одно другое. Преданія, идущія отъ отцовъ, онъ безъ различія называетъ то обычаями, то законами. Эти законы и обычаи имѣютъ у него одинъ и тотъ же источникъ: дѣятельность отцовъ. Все мѣсто лѣтописи, въ которомъ встрѣчаются эти слова, представляетъ образчикъ столь свойственнаго древнему языку многословія. Въ своемъ описаніи внутренняго быта славянскихъ племенъ, лѣтописецъ подъ рядъ, безъ всякаго различія, говоритъ о нравахъ славянъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, объ образѣ ихъ жизни, о пищѣ, о юридическихъ обычаяхъ (порядокъ брака) и, наконецъ, о религиозныхъ обрядахъ. Онъ передаетъ все, что извѣстно о бытѣ славянъ, но безъ всякаго обособленія внѣшней обстановки жизни отъ нравовъ и юридическихъ обычаевъ, а этихъ послѣднихъ отъ религиозныхъ обрядовъ. Всѣ собранныя имъ черты суть для него одинаково обычаи, законы отцовъ и преданья. Можно ли, при такомъ смѣшеніи нравовъ, права и религіи, думать, что въ области права онъ различаетъ уже обычай отъ закона и въ томъ именно смыслѣ, какъ можемъ различать ихъ мы? Затѣмъ, «законъ и поконъ» договора Олега съ греками «такъ-же нѣтъ никакого основанія понимать въ смыслѣ противоположенія закона обычаю (по Срезневскому). Если примемъ такое противоположеніе, то придемъ къ невозможному выводу,—что въ X вѣкѣ, кромѣ народныхъ языческихъ обычаевъ, было еще языческое религиозное законодательство. Предположеніе совершенно невѣроятное» (Исслѣд. 91—93).

Вѣрность изложенной формулы закона въ смыслѣ народнаго обычая рѣшительно подтверждается массой данныхъ, находимыхъ въ памятникахъ старой славянской письменности.

Въ старыхъ южно-славянскихъ памятникахъ не дѣлается никакого различія между обычаемъ, правомъ и закономъ: это понятія совершенно тождественныя. Въ грамотѣ конца XII в. (1198), данной Сербскимъ великимъ жупаномъ Стефаномъ Неманей Хиландарскому монастырю, находимъ такое же многословіе и повтореніе однозначачихъ выраженій, какъ и въ начальной нашей лѣтописи: «и когожде езика раздѣливъ и законъ давъ и нравы, оуставы и владыки надъ ними по правоу и по закону раставль своюю прѣмудростию» (Miklos. Mon., 4) ¹⁾. Доселѣ законъ у сербовъ означаетъ не только lex и

¹⁾ Въ смыслѣ обычая законъ встрѣчается во многихъ сербскихъ актахъ стараго времени: «да насъ уздържишь у всѣхъ добрыхъ старыхъ законехъ» (Пуцичъ Спомен. 11);

religio, но и mos, Sittē; въ послѣднемъ значеніи этотъ терминъ употребляется въ народныхъ пѣсняхъ у южныхъ славянъ ²⁾). Тоже значеніе дается закону въ старыхъ хорватскихъ уставахъ и статутахъ ¹⁾. Въ нашей начальной лѣтописи законъ употребляется въ общемъ значеніи народныхъ нравовъ и обычаевъ: «якоже се и при насъ нынѣ Половци законъ держатъ отецъ своихъ — кровь проливати.. ядуще мертвечину и *ими обычаи* отецъ своихъ творять» (П. С. Л. I, 7). Тоже самое словоупотребленіе находимъ и въ позднѣйшихъ историческихъ актахъ. Въ грамотѣ (1395 г.) митрополита Клиріана Псковичамъ «правилу» (церковному закону) противопоставляется «законъ», какъ мірской обычай, Псковская пошлина: предлагая Пскову отвергнуть приписки, сдѣланныя владыкою Діонисіемъ къ грамотѣ в. князя Александра противно «Псковскимъ пошлинамъ» митрополитъ говоритъ: «Денисей не свое дѣло дѣлалъ, не по закону (т. е. Псков. пошлинѣ) и не по правиламъ» (церковнымъ) (А. П. I, 10). Любопытное опредѣленіе обычая и закона даетъ Стоглавъ: «въ коейждо убо странѣ законъ и отчина, а не приходятъ другъ ко друзей, но своего обычая кійждо законъ держить» (гл. 39); «обычай земли есть неписанъ законъ земскій; обычай инъ законъ» (гл. 42). Въ первой формулѣ законъ именно означаетъ правило, основанное на обычаяхъ. Доселѣ въ общжитіи народъ называетъ свои обычаи предковскими законами (Соловьева очеркъ нравовъ, обыч. и религіи славянъ, въ Архивѣ Калачова 1850, I, 45). Пзстари «законъ» выводился изъ одного источника съ обычаями — изъ дѣяній «отецъ своихъ», — возрѣніе, встрѣчающееся не только въ начальной лѣтописи (П. С. Л. I, 6, [7]), но и въ позднѣйшихъ

«да имъ се не пометаю добри закони» (ib. 2); «да ихъ уздырже у добръхъ увѣтехъ и законехъ, како су прьво были» (ib. 110); «овѣзми увѣтомъ и закономъ и начиномъ» (Mikl. Mon. 188).

¹⁾ Караджичъ (Рјечн., 177) приводитъ слѣдующую сербскую пѣсню, въ которой законъ употребленъ въ смыслѣ обычая:

«Остави намъ колу дара, законъ ти је —
Сарајево огнемъ изгорјело!
Што у тебе зли законъ постаде:
Да се глуже буде удовице,
Остављају лијене дјевојке —
Наша невјесто, зла ти вечера!
Тога закона нема овјенак».

²⁾ Уставы Винодолской и Вепринской общинъ называются «законъ Винодолскій» «законъ» общины Вепринской — въ смыслѣ сборника обычаевъ Винодола и Вепринца; въ такомъ-же смыслѣ «законники» Загребя, Каствы и другихъ хорватскихъ и далматскихъ общинъ, также серб. «Законники» Душана, называются законами. Въ Полициомъ Статутъ обычай постоянно называется закономъ: «хоте стари законъ»; «естъ стари законъ», — «что е био стари законъ» — законъ — обычай отличается отъ «повада, разлогъ, одлука, наредба» и пр. См. мое Хорв.-далм. зак. 63; Буданова Неиздан. зак. юго-зап. слав. (Ж. М. Пр. 1881, т. 214, стр. 93).

историческихъ актахъ. Въ увѣщательной грамотѣ (1468 г.) Новгородцамъ, желавшимъ поддаться польскому королю, митрополитъ Филиппъ упрекаетъ ихъ въ забвеніи старыхъ Новгородскихъ обычаевъ, въ такихъ выраженіяхъ: «забывающіи великую вашу старину и закона отецъ своихъ и дѣдовъ своихъ и прадѣдовъ» (Собр. гос. гр. I, 22).

Указаніе Раковецкаго на параллель между древне-славянскими «досками» (книгами) и арійскими ведами и авестами нисколько не можетъ служить подтвержденіемъ мысли о существованіи у древнихъ арійцевъ и славянъ законовъ въ собственномъ смыслѣ. Въ основаніи ведъ (какъ и римскихъ XII таблицъ, монголь. яс и писаницъ и пр.) лежали исключительно старые родовые обычаи: ни древнимъ арійцамъ, ни средневѣковымъ франкамъ, германцамъ и славянамъ не были еще извѣстны законы, не было и законодателей въ нашемъ смыслѣ слова. Какъ будетъ сказано ниже, сборники «законовъ» въ старое время вездѣ составлялись одинаково: «старцы» и вѣщатели права («вѣщіе», т. е. свѣдущіе люди, «знахори») у всѣхъ арійскихъ народовъ лишь собирали и записывали старые обычаи, но не творили законовъ по своему усмотрѣнію, помимо обычнаго права. Въ этомъ смыслѣ и нужно понимать слова Массуди (943—957 г.) и другихъ арабскихъ писателей X вѣка о томъ, что славяне не повинуются законамъ: «Slaves n'obéissent á aucune loi révélée... n'on point d'idée des lois». (См. Charmoy, 308; Frähn, 51).

Начальная наша лѣтопись даетъ понятіе о законѣ, какъ о нормѣ, повидимому, отличной отъ обычая. Называя народные обычаи и преданья «закономъ отецъ своихъ», Несторъ въ то же время говоритъ: «комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычай (П. С. Л. I, 6) ¹⁾; хотя и здѣсь едва ли еще можно видѣть прямое указаніе на законъ, издаваемый законодателемъ по своему личному усмотрѣнію. Какъ кажется, въ приведенной цитатѣ лѣтописи выражается лишь та мысль, что у однихъ народовъ дѣйствующіе обычаи сохраняются путемъ устнаго преданья (собственно обычая), у другихъ же они были и записаны.

По вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, первый путь къ новому словопользованію закона (какъ собственно *lex*) проложило знакомство русскихъ людей съ греческими кормчими и другими переводными памятниками греческой письменности. Греческій *νόμος* не подходилъ подъ понятіе обычая, ибо греческое право вносило новыя начала, къ которымъ у насъ не было привычки; «законъ» не представлялъ такого неудобства, — имъ и стали переводить греческій *νό-*

¹⁾ Будаповъ видить здѣсь прямое «различіе между закономъ *собственно* и *обычаемъ*». См. Обзоръ I, 62.

мог¹⁾. Точно также къ «уставной» дѣятельности князей, первоначально основанной на пошлинахъ, долго не примѣнялось названіе закона²⁾. Лишь въ пору позднѣйшей, болѣе самостоятельной указной дѣятельности князей стали постепенно слагаться въ народной памяти понятія о законѣ въ настоящемъ смыслѣ, что и выразилось въ цѣломъ рядѣ новыхъ пословицъ о законѣ и законнигахъ. Официальныя названія грамотъ и пр. стали терять въ народѣ старое значеніе,—онѣ и указную дѣятельность князей и царей, подобно церковнымъ привиламъ, стали въ своихъ поговоркахъ и пословицахъ окрещивать «закономъ». Такова лѣтописная поговорка: «идѣже законъ, ту и обидѣ много»³⁾,—поговорка, рѣзко высказывающая протестъ противъ закона, какъ новой формы права, шедшей въ разрѣзъ съ обычаемъ. Последній вездѣ, у всѣхъ славянъ, считался народной святыней, истинной «правдой», квалифицировался эпитетами «добрыхъ, почтенныхъ, старыхъ, красныхъ» обычаевъ и законовъ. Старый сербъ не даромъ говорилъ: «больше је да село пропадне, него у селу обычај». Напротивъ, законъ (въ смыслѣ lex), по-народному воззрѣнію, граничитъ съ обидой, кривдой, новиной, нарушающей «правду», и пр. Вотъ рядъ народныхъ пословицъ, однородныхъ съ приведенной выше лѣтописной поговоркой: гдѣ законъ, тамъ и преступленіе; строгій законъ виновныхъ творитъ; не будь закона, не стало бы и грѣха; хоть бы всѣ законы пропали, только бы люди «правдой» жили⁴⁾; законъ что наутина: шмель проскочитъ, а муха увязнетъ; законъ — дышло: куда захочешь, туда и воротить, и пр.⁴⁾

¹⁾ См. Исслѣд. 93. Наприм., въ одномъ актѣ 1414 г. «закономъ» названы церк. уставы въ отличіе отъ обычая: «и по давному обычаю и закону укрѣплено бысть единой митрополды быти во всей русской церкви» А. И. I, 27. Въ Псков. судн. грамотѣ отъ пошлины отличаются «строки» — отдѣльныя статьи грамоты; см. также грамоту 1447 г.: «а ся строка написана у васъ въ обояхъ грамотахъ» — докончальной и перемирной (А. И. I, 78).

²⁾ Даже въ царскую эпоху продукты законодательной дѣятельности по старому официально назывались грамотами, уложеніями и пр.; законами продолжали называться по преимуществу народные обычай. Самое понятіе московскихъ царей о своей законодательной дѣятельности еще весьма не опредѣлилось и цари въ своихъ «указахъ» и уставахъ всегда старались опереться на обычай (См. Сергѣевича Иссл. 93).

³⁾ См. Карамз. Ист. III, пр. 172. Приведенная пословица высказана лѣтописцемъ при описаніи неурядицы въ княземъ народѣ при Андрѣе Боголюбскомъ. Снегиревъ не безъ основанія относитъ эту пословицу къ заимствованнымъ изъ памятниковъ классической письменности: «summa jus, summa injuria» (de officiis Цицерона), «summa jus, summa malitia» (у Теренція К.). См. Снегирева Рус. въ своихъ пословиц. I, 93.

⁴⁾ У славянъ западныхъ и южныхъ находимъ такія-же пословицы: Vrch práva, vrch krivdy (strengre Recht, gewiss Urrecht); holé prisne právo, holé bespráví; sto vise zakona, to vise prestupljenja; strozji zakoni, to vise krivaca; práva jak pavucina, brouk se probíje, a na muchu vina; ustawy jako pajeczyna, mucha ulgnie, bák ja przebíje.

Законъ давалъ обычно — правовымъ началамъ, какъ строго юридическое содержаніе, такъ и необходимую санкцію въ смыслѣ обязательныхъ для всѣхъ нормъ права. Касательно генезиса и внутреннего значенія закона — обычая установились довольно точныя воззрѣнія въ нашей историко-юридической литературѣ. Бар. Розенкампфъ и другіе изслѣдователи ¹⁾ сближаютъ слово «законъ» съ *конъ*—начало, граница, предѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ міръ, община. Подобно тому, какъ въ старыхъ скандинавскихъ памятникахъ «lagh» означалъ міръ или общество и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовавшіе въ немъ обычаи, такъ и въ славянскихъ памятникахъ слово «конъ» значило то и другое. Отсюда и «законъ» означалъ порядокъ, принятый и санкціонированный міромъ, и въ этомъ смыслѣ законъ приравнивался вообще къ мірскому или земскому обычаю. Въ общинѣ (міръ-конѣ), на которой въ слабо слагающемся государствѣ, главнымъ образомъ, опиралась охрана личности и собственности, «должна была первоначально опредѣляться и мѣра права и способъ его защиты дѣлъ всякаго ея члена» ²⁾. По объясненію проф. Сергѣевича, «слово законъ происходитъ отъ кона; конъ означаетъ начало, а вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ, границу. Отсюда въ словѣ законъ полагается граница человеческой дѣятельности, или свободѣ; законъ есть тотъ порядокъ, которому человѣкъ долженъ подчиняться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но и обычай есть тоже порядокъ, подчиненіе которому обязательно; а потому обычное право представляется уму со всѣми признаками закона и можетъ быть названо закономъ» ³⁾. Обѣ глоссы «закона», въ существѣ вещи, не противорѣчатъ одна другой, а лишь взаимно восполняютъ себя: первое воззрѣніе (законъ — установленіе міра) указываетъ на генезисъ понятія закона, второе (законъ—обязательный для всѣхъ порядокъ, или предѣлъ человѣч. дѣятельности) опредѣляетъ юридическое содержаніе закона.

Изложенное ученіе о генезисѣ закона и о связи его съ *кономъ*—міромъ вполнѣ подтверждается данными сравнительнаго языковознаія, указывающими на аналогическое словоупотребленіе соответственныхъ терминовъ въ языкахъ славянъ и другихъ арійскихъ народовъ. Корень славян. «законъ» и «конъ» — *ga, gan*—начинать, рождать, производить, происходить и пр. Отсюда рядъ производныхъ: а) въ общемъ значеніи начала, какъ и предѣла, конца, — напр. др. герм. *kant*, и б) скр. *gana, ganas*—семья, родъ, народъ и пр.; лат. *gens*; ирл. *gineal, cinéal, cine*; камвр. *senel*; гот. *kuni*; др. герм. *gau*—съ одинаковымъ зна-

¹⁾ См. Розенк. Обзор. Коричей, изд. 2-е, 249; Карамз. Ист. II, прим. 88; Раковецк. Prawd. Rus. I, 112; II, 133, прим. 38; Попова Рус. Правда въ отнош. къ угол. праву, 100; Дювернуа Источники, 29.

²⁾ См. Дювернуа, 29.

³⁾ Сергѣевича Изслѣд., 92. Ср. также Снегирева Рус. въ своихъ послов. III, 7: законъ ставится въ связь съ *конъ*—начало, предѣлъ, конецъ.

ченіемъ рода, позже общины, расы и пр. ¹⁾ Таково же коренное значеніе и славянскаго «кона»—начала и предѣла съ одной стороны и міра—общины съ другой. По славянскимъ памятникамъ, «конь» означаетъ *initium*, ἀρχή—начало и конецъ, глава, граница и предѣлъ, а по русскимъ памятникамъ, кромѣ того, міръ, община ²⁾.

Отъ того же корня «*gan*» происходитъ другое славянское выраженіе «*поконъ*», равнозначительный съ закономъ и кономъ. У южныхъ славянъ «*поконъ*» означаетъ ἀρχή, *initium*; сербо-хорв. «*поконьникъ*» (ἀρχηγός, *dux*) указываетъ на конь—общину (см. Mikl. Lex. s. v. *поконъ*). У насъ доселѣ *поконъ* удерживаетъ старое значеніе закона (Далъ Толков. слов.) Терминъ этотъ извѣстенъ самымъ древнимъ памятникамъ — договорамъ съ греками X вѣка и Русской Правдѣ, въ общемъ смыслѣ *mos*, обычая, закона ³⁾.

Уставъ и *урокъ* употребляются въ древнихъ памятникахъ русскаго права, какъ понятія, параллельныя съ закономъ и кономъ. Въ договорѣ Игоря (ст. 6) говорится: «и тѣ показанъ будетъ по закону греческому, по *уставу* и по закону русскому» (Будан. Христ. I, 15). Какъ въ законѣ нужно здѣсь видѣть тотъ же обычай, такъ и *уставъ* не означаетъ здѣсь собственно правилъ, установленныхъ законодательною властью (каковой въ русскихъ земляхъ еще не могло быть въ X вѣкѣ). Здѣсь рѣчь идетъ просто о правилахъ, уставленныхъ предковскими обычаями. Такая же точно параллель замѣчается въ Русской Правдѣ между *покономъ* и *урокомъ*. «*Поконы*», или «*законы вирные*», ко-

¹⁾ См. Pictet Les Orig. Indo-Europ. III, 86 — 87; ср. Fick Vergl. Wörtl., 16, 28; Böhtlingk Sanscrit.—Worterb. 56; Vanicek Griech. — Lat. Wörterb.—186.—Отъ того же корня—*gan*—происходятъ арийскія названія главъ родовыхъ и позже общинныхъ союзовъ; слав. конязь (князь, князъ)—скр. *ganaka* (джанака, джанатри), лат. *genitor*, др. герм. *chuning*, англ. *king*, сканд. *konung* и пр. (см. Pictet).

²⁾ Въ славянскихъ языкахъ производныя отъ *кона*: *исконя* (изначала), *испоконъ* вѣку, *конать*, *доконать*, *докончанье* и пр.; «отъ *кона* до *кона*» (отъ начала до конца); серб. *кона*—сосѣдка, *конакъ*—дворъ (См. Mikl. lex s. v. *конъ*; Караджича Рјечн. 288). Въ Рус. Правдѣ (Кар. сп. 34) — «оному вести (украденнаго челядина) по *конамъ* до 3-го свода». Ср. городскіе «концы» въ Новгородѣ и другихъ древнерус. городахъ, также «*контяны*» полабскихъ славянъ (Гильеердинга Ист. балт. слав).

³⁾ Снегирева Рус. въ своихъ послов. III, 8; Срезнев. о догов. 282; Сергѣев. 92. Въ Рус. Правдѣ законъ и *поконъ* замѣняютъ одинъ другаго, какъ равнозначящіе терминъ: тр. сп. 7: «а се *поконы* вирниі были при Ярославѣ»; Кар. сп. 7: «се бо *законы* вирные были при в. князѣ Ярославѣ». Мрочекъ—Дроздовскій (Исслѣд. о Рус. Пр. II, 233), принимая чтеніе академич. списка краткой Правды («а се *поклоны* вирные,—ст. 42), объясняетъ «*поклонъ*» въ смыслѣ поклона, поклоннаго, т. е. приношенія на поклонъ,— что позже называлось прогонами въ значеніи доходовъ чиновника. Но такое толкованіе не вѣрно; оно основано на испорченномъ текстѣ Правды. Объ испорченности 42-й ст. академ. списка Правды см. Буданова Христом. I, 34.

торые «были при вел. князѣ Ярославѣ», названы (въ акад. спискѣ Правды) «оурокомъ Ярославимъ» ¹⁾. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и уроки, упоминающіеся въ Правдѣ подъ именемъ мостовныхъ, городныхъ, татевныхъ, желѣзныхъ и судебныхъ (см. Р. Пр. ак. 42, 43; кар. 39, 42, 100, 108, 109, 118) ²⁾. Оба термина — уставъ и урокъ — несомнѣнно славянскаго происхожденія. Они особенно употребительны въ южно-славянскихъ памятникахъ. Въ нихъ уставъ означаетъ тоже, что въ русскихъ памятникахъ поконъ: *брос*, *terminus*, *finis*, вообще *regula*, *constitutio*, *definitia*, *sententia*, *дбѣга*, наконецъ *lex*, *decretum* (см. Miklos. Lex. и Данч. Рјечн. s. v. оуставка). Основное понятіе устава—порядокъ, основанный на старинѣ, установленный обычаемъ: «естества оуставка»; «безъ оустава творю» (не держась обычнаго порядка); «коеждо повелѣние свой имать оуставка (т. е. основаніе); «оуставка чрънрьчьскъ, церковный» и пр. Въ сербскихъ грамотахъ «оуставка» отождествляется съ «правинами», или порядкомъ, установленнымъ по обычаю: въ 1348 г. Стефанъ Душанъ далъ церкви св. Михаила и Гавриила грамоту жалованную (хрисовуль) на Браншпу «съ седи и сълюдми, съ виногради, и съ планинами, и съ доходьки... и съ всеми *правинами и устави*», т. е. со всеми порядками (*constitutio*) и принадлежностями, установленными стародавнимъ обычаемъ (см. Mikl. Mon. 134). Иногда «оуставка» ставится въ прямую параллель съ «прѣданиемъ» (ib. 161). Такое же общее значеніе *constitutio*, *sententia*, *regula*, уставленныхъ обычаемъ, дается въ сербскихъ памятникахъ и термину «*оурокъ*», имѣвшему также видовыя значенія — *portio*, *dies constituta* и пр. (см. Miklos Lex., Данч. Рјечн. s. v. оурокъ).

Тотъ же моментъ обычнаго, установившагося порядка, или «наряда» ³⁾, лежитъ въ основѣ понятій «устава» и «урока» и по древнерусскимъ памятникамъ: въ нихъ законъ, поконъ, уставъ и урокъ употребляются безразлично, какъ понятія, параллельныя одно другому. «Нарядъ», прочно установившійся «отъ отецъ и дѣдъ», и назывался въ старину покономъ, уставомъ, уставленіемъ, строемъ или устроеніемъ, утвержденіемъ и пр. Это подтверждается цѣлымъ рядомъ положеній, находимыхъ въ лѣтописи и другихъ источникахъ: «яко кто дерзнетъ помыслити благое сие *уставление* (обычай) превратити лу-

¹⁾ «То ти оурокъ Ярославъ» — акад. сл. 42.

²⁾ Въ позднѣйшихъ памятникахъ находимъ также другія, видовыя значенія урока въ смыслѣ оброчной дѣни, или оброка, платившагося по точно опредѣленнымъ окладамъ (П. С. Л. I, 56; Собр. гос. гр. I, 323; Карамз. Ист. V, прим. 210; Гагемейстера Розыскан. о еванг. 22, 94), — урочнаго времени, наприм., найма (Пск. с. гр. 39), — обычныхъ угодій, или урочищъ (церкви даны «земли, воды и урокъ... и дани, и хлѣбъ, и пошлыны», — см. Павлова Памяти. др. канон. пр., 700 и пр.

³⁾ «Форма устава соответствуетъ преимущественно (лѣтописному) понятію наряда», — Владиміръ думалъ съ дружиною объ уставѣ земельмъ» (Дювернуа Источники, 30).

кавымъ обычаемъ»,—новиной, нарушающей старую пошлину (А. И. I, 5); «обаче то есть отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ *утверженіе*» (П. С. Л. I, 97); «бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о *строи* земленѣмъ, и о ратехъ, и *устанѣ* земленѣмъ.. живаше Володимеръ по *устроенью* отьню и дѣдню» (ib. 54); «слышахъ насиліе отъ князей въ васъ и того ради пришелъ есмь к вамъ, скорбя и тужа о своей вотчинѣ, о Новѣгородѣ, яко и *старыи* сіи *обычаи* в васъ перемѣняютца—прежнихъ князей *устаны*» (Никон. лѣт. 307); всему тому есть обычай искононъ вѣку, да и дѣло то не писанное, а *уложено старыми людьми* не даромъ» (Прав. Соб. 1860, III, 288). Значеніе устава, какъ прочно установившагося порядка, доселѣ живетъ въ народной памяти, сохранившей цѣлый рядъ пословицъ, очевидно весьма древняго происхожденія: не долго той землѣ стоять, гдѣ начнутъ уставы ломать (больше же землю продати, него јој обычай изгубити,—южно-слав. посл.); гдѣ добры нравы, тамъ хранятся и уставы; не дорога пѣсня, да дорогъ уставъ, и пр.

Въ виду сказаннаго легко объясняется значеніе *уставной* дѣятельности, приписываемой лѣтописью и другими источниками старымъ русскимъ князьямъ ¹⁾. Ихъ «уставы» нельзя оцѣнивать съ современной намъ точки зрѣнія на указную дѣятельность законодательныхъ органовъ. Если, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, въ Московскую эпоху еще не было сознанія о томъ, что «воля князей, какъ субъекта верховной власти, творить право», то «могли ли князья до—Московского періода быть проникнуты сознаніемъ, чуждымъ даже Московскимъ государямъ, что ихъ усмотрѣніе творить право?» (Ислѣд. 586, 594), Ни общины (въ лицѣ вѣчъ), ни старые князья не сознавали идеи творчества законодательной функціи: ихъ заботой было лишь охраненіе старой пошлины—главной и единственной основы, какъ «пошлинныхъ» грамотъ вѣчъ, такъ и тѣмъ болѣе «уставовъ» князей. Уставы древняго времени нужно ставить рядомъ не съ указами, регламентами и уложеніями новаго времени, а главнымъ образомъ съ поконами и пошлинами русскихъ земель, знавшихъ лишь одну форму права—«обычаи и законы отецъ своихъ и преданья».

IV. Эта-то уставная дѣятельность старыхъ общинъ и князей, цѣликомъ опирающаяся на обычномъ правѣ, особенно рельефно проявляется въ *рядѣ*:—стародавней формѣ, въ какой выражалась у всѣхъ славянъ идея правды, какъ объективной нормы права, регулировавшей *междусюзный* бытъ общинъ, земель и волостей.

¹⁾ Олегъ «устави» дани (П. С. Л. I, 10). Ольга «устави» по Мстѣ повосты и дани (ib. 25). «Правда оуставлена Роуской земли, егда ея съвокупи Изяславъ» и пр. (Рус. Правда). «А се оуставилъ в. кн. Владимиръ Всеволодовичъ» (ib.). Всеволодъ далъ Новгородцамъ «волю всю и уставы старыхъ князъ» (П. С. Л. I, 210). «Аще кого хотите жаловати, жалуйте, а кого хотите казнити, казните, якоже имате старыи уставъ прежнихъ князъ въ васъ учинень, тако творите» (Никон. лѣт. 303) и пр.

Рядъ—первое проявленіе *сознательнаго элемента* въ процессъ правообразования. Въ понятіи обычая, пошлины, покона, моментъ обязательности обычныхъ правилъ опредѣляется силой привычки, давности, старины, — тѣмъ, что «такъ пошло», такъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ ведется на міру и т. п. Въ основѣ всѣхъ такихъ понятій и формулъ лежитъ непосредственное чувство правды, въ силу котораго соблюдался данный *modus vivendi*, налѣченный и, такъ сказать, предписывавшійся самой природой человѣка и человѣческаго общенія. Рядъ впервые вводитъ въ правообразование и правоохраненіе сознательные элементы—волю, соглашеніе. Обычно—правовыя нормы въ формѣ ряда становятся обязательными, юридически—необходимыми, не по непосредственному чувству, не по привычкѣ или давности, а въ силу акта свободной воли — единенія, союзности, закрѣпляемой клятвой и порукой.

Первыя начала ряда находимъ еще въ быту первычныхъ стадныхъ группъ и организованныхъ родовъ кочевыхъ племенъ, — въ институтахъ родового патронатства, побратимства, поруки и въ особенности въ «рядѣ» вождей и главъ родовыхъ группъ, освящаемомъ и санкціонируемомъ вѣдьмьей, заповѣдью Божества, открывающаго свою волю родовымъ вождямъ и жрецамъ (заповѣди древнихъ евреевъ).

Рядъ начинаетъ пріобрѣтать силу существеннаго фактора правообразования и правоохраненія еще въ пору образования первычныхъ родовыхъ группъ. На началѣ ряда обосновались родовое патронатство и побратимство—исконные обычая, путемъ которыхъ складывались первыя начала и зародыши организованныхъ родовыхъ союзовъ. Таковы, прежде всего, союзныя товарищества, заключавшіяся отдѣльными лицами ради взаимной помощи (въ бѣдѣ и пр.), также ради различныхъ общественныхъ цѣлей (военныхъ и религіозныхъ). Формы побратимства вполне образовались у славянъ и другихъ арійскихъ племенъ еще въ языческое время. Лица, заключавшія побратимство, по старымъ славянскимъ обычаямъ, открываютъ жилы и смѣшиваютъ кровь. Древне-русское побратимство совершалось, какъ видно изъ былинъ, также посредствомъ борьбы: заключающіе союзъ самопомощи (братотворенія) боролись и, если силы оказывались равными, борцы заключали между собой рядъ побратимства ¹⁾. Подобная форма ряда самопомощи указываетъ на равенство отношеній между рядцами. Переживанія отъ этого обычая находимъ еще въ христіанское время, когда «братотвореніе» совершалось у насъ съ особыми церковными обрядами ²⁾. Товарищества имѣли въ виду, главнымъ образомъ, союзъ самозащиты: рядъ по-

¹⁾ По былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, богатыри и «молодцы», при встрѣчѣ другъ съ другомъ, пробуютъ взаимно свои силы и, если эти силы окажутся равными, борцы заключаютъ между собой договоръ побратимства (См. Стихотвор. Кирши., изд. 3-е, 51).

²⁾ См. Правосл. Собес. 1859, I, 369, 371.

братимства обязывалъ ко взаимной помощи и мести за обиды или убійство побратима. Таіе союзы самопомощи и самозащиты заключали дружинники на случай ратныхъ «путей»¹⁾. Ради защиты отъ «лихихъ» людей заключали подобныя же «братства» цѣлыя группы лицъ, наприм., у старыхъ чеховъ — нерѣдко цѣлыя общины, вступившія въ рядъ братства, подъ названіемъ «rossoby» и «hopitvu» (см. Иречка Sl. рг.). Подобныя же союзныя товарищества составлялись ради цѣлей промышленныхъ (для охраненія торговыхъ каравановъ, какъ было, наприм., въ обычай между гостями ганзейскими и русскими и пр.)²⁾ и религиозныхъ (церковныя братства и пр.). «Братчина»³⁾ Псковской судной грамоты — переживание товариществъ съ политическимъ характеромъ, имѣла религиозное значеніе, собиралась въ праздники для народнаго пиршества въ складчину⁴⁾.

¹⁾ По лѣтописямъ и былинамъ, побратимство заключаютъ князья, богатыри, «молодцы». По древней славянской легендѣ о происхожденіи побратимства, братство крестное установлено самимъ Богомъ, подъ угрозой проклятія тому, кто, будучи въ братствѣ, «не вѣрнѣтъ» въ брата, нарушаетъ союзъ побратимства (См. Памятн. стар. рус. слов., изд. Костомаровымъ, I, 123). «Побрататься» значило заключить союзъ «братства» (названнаго, крестоваго), сдѣлаться «другами», «братями названными», «братьями крестовыми». Символы братства—борьба, порука, мѣна оружіемъ или крестами. Братство обязывало выручать брата въ бѣдѣ, мстить за него: «когда надо мною будетъ безвременнице, поспѣшайте—то, братьица, ко мнѣ на выручку»; «крестами братались—слухать большему брату меньшаго, а меньшему брату большаго. . дружка за дружку стоять». Побратимство считалось священнымъ «закономъ», котораго нельзя «переступать»; законъ братства трактовался выше братства естественнаго: «а будь мнѣ паче брата родимаго... сіе убо братство болѣ брата рожденнаго» (см. П. С. Л. I, 28; VIII, 96 г.; Костомарова Памятн. старин. рус. слов. I, 2, 123—125; Лѣтоп. рус. слов. Тихонова IV, отд. II. 4, 8; стихотвор. Кириши Данилова, 51; пѣсни Кирьевскаго I, 8, 11, 76; II, 2. 17; пѣсни Рыбникова I, 39, 41, 68, 96; Прав. Собес. 1859, I (житіе Ростов. архіеп. Кирилла).

²⁾ Характеръ братствъ имѣли также старыя «ватаги» лодейныя (рыболовныя), сокольничьи и пр. Отношенія между «ватаманами» или «старостами» и «другами», «поважниками», «осначами» и пр. во многомъ напоминаютъ отношенія между побратимами (см. Карамз. Ист. IV, прим. 206, 328; А. А. Э. I, 1, 39, 67, 102, 104; А. И. I, 70, 96).

³⁾ Пск. с. гр. 113. Одинаковое значеніе съ братчинами имѣли «пиры» и «покормы». См. Пск. с. гр. 27, 34, 80; Рус. Пр. Кар. сп. 4; П. С. Л. II, 83; А. А. Э. I, 50, 72, 102, 104, 113, 122; Дон. А. И. I, 3; А. Ю. 234; А. Юр. быта I, 31; Павлова Пам. 8, 104; Пам. старин. рус. слов. I, 2; Стихотв. Кириши, 52.

⁴⁾ «Братчина» и «братство» извѣстны памятникамъ другихъ славянъ. Въ Винодолскомъ Законникѣ (конца XIII в., ст. 11)3 упоминается «братштина», влаждующая «сборомъ»—общимъ имуществомъ—и платящая десятину при его раздѣлѣ. Полицкому Статуту (1400 г.) извѣстно «братство» — по видимому то-же, что задруга (см. Kukuliev. Ark. V, 302, ст. 92, 245). См. также Рейца объ устройствѣ далмат. город. общинъ, 74 — 77, 123. Въ польскихъ статутахъ (напр. въ Варскомъ 1420 г.) подъ «bractwami» (fraternitates) разумѣлись ремесленныя артели (см. Гельцеля Wisl. Stat., 327). Такія-же ремесленныя

Нѣтъ сомнѣнiя, что происхожденiе обычая побратимства принадлежитъ еще той глубокой стариѣ, когда имѣли политическую силу кровные союзы и хищничество, на что указываютъ самые символы заключенiя союза— смѣшенiе крови и борьба. Есть, далѣе, данныя, указывающiя на присутствiе начала ряда въ дѣлѣ образованiя семейныхъ союзовъ. По свадебнымъ обычаямъ славянъ, женихъ окруженъ дружиной побратимовъ, собиравшихся на улычку невесты и дававшихъ клятву стоять другъ за друга «за единую каплю крови». Когда по обоюдному согласiю супруговъ расторгался бракъ, разводившiеся точно также заключали союзъ побратимства (Павлова Памят. I, 851). Договорно-союзный элементъ, вообще говоря, ясно проглядываетъ во всемъ строѣ древне-славянской семьи, имѣвшей значенiе товарищества, основаннаго на рядѣ, соглашенiи членовъ. На это указываетъ самое происхожденiе слова «семья»: въ нашихъ старыхъ памятникахъ выраженiе «семья» употреблялось въ значенiи товарищества, заговора, стачки («не семьянитъся на государя» — не дѣлать противъ него заговора). Тотъ-же элементъ ряда замѣчается и въ организацин старыхъ родовъ: по смерти естественнаго главы рода, послѣднiй могъ держаться лишь искусственно, путемъ наряда, устанавливавшагося по соглашенiю родичей. Члены рода могли усыояться и изъ чужеродцевъ, путемъ усыновленiя и «братоворенiя».

Союзы побратимства извѣстны въ особенности у кочевниковъ, подверженныхъ постояннымъ нападенiямъ со стороны собѣдныхъ хищниковъ: «обратство» (славян. побратимство) у средне-азиатскихъ монголовъ имѣло мѣсто не только между цѣльными родами и племенами, но и отдѣльными лицами. По адатамъ кавказскихъ горцевъ, приемъ «пришленца» въ родъ на положенiи равноправнаго члена возможенъ былъ путемъ присяжнаго побратимства съ родомъ. Въ видахъ самопомощи горцы заключали между собой еще въ нынѣшнемъ столѣтiи «соприсяжничества» — товарищества, обнимавшiя цѣлые роды (см. мое соч. Адаты).

Особенно для насъ важенъ, по своей аналогiи съ славянскимъ побратимствомъ, кавказскiй адатъ куначества. Кунакъ—чужеродецъ, заключавшiй союзъ родоваго патронатства съ лицомъ, принадлежавшимъ къ другому роду. Куначество возникло изъ старой племенной розни горцевъ. Лицо, не принадлежавшее по крови къ данному роду, трактовалось въ отношенiи къ нему, какъ врагъ, лицо безправное; учрежденiе правовой защиты чужеродцевъ и являлось въ формѣ куначества, устанавливавшаго для чужеродца извѣстныя права въ родѣ

«братства» (*fraternitas, societas, contubernii* и пр.) были въ старое время въ городахъ Литов. княжества; упоминаются также братства церковныя, «панскiя» или свѣтскiя (См. собр. древ. грамотъ г. Вильно I, 31, 87, 89, 90, 96; II, 2, 13; собр. гр. Минска, 79, 112, 115, 139).

его патрона — кунака. Чужеродецъ, являвшійся «гостемъ» въ другомъ родѣ, долженъ былъ имѣть въ немъ кунака, чтобы подъ его защитой пользоваться обезпеченнымъ положеніемъ. Отсюда связь куначества, съ одной стороны, съ «гостьбой», какъ купеческимъ дѣломъ, а съ другой—съ обычаемъ «гостепрѣимства», несомнѣнно возникшимъ первоначально на почвѣ бытовой розни родовыхъ союзовъ и имѣвшимъ вездѣ въ старое время такой-же религіозно-правовой характеръ, какъ и вообще родовое патронатство. Таковъ-же генезисъ и древнеримскаго кліентства, аналогическаго съ монгольскимъ ойратствомъ и кавказскимъ куначествомъ.

Слѣдуетъ полагать, что и славянскіе институты побратимства, братчины, *rossob* и *honiv* возникли первоначально на той-же почвѣ родоваго хищничества, отрицавшаго правоспособность личности внѣ ея рода и племени, и потому имѣли въ старину бытовое значеніе родоваго патронатства, именно въ пору сложения у славянъ патриархальныхъ, кочевыхъ формъ быта. Подобно куначеству кавказскихъ горцевъ, побратимство древнихъ славянъ — основная форма родоваго патронатства, выражалось въ рядѣ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ родовыхъ группъ, вступавшихъ между собой въ союзъ самопомощи, символизируя союзъ фикціей, заимствованной изъ кровныхъ формъ общества. Въ такомъ значеніи побратимство могло явиться гораздо раньше возникновенія института «круговой поруки», возводящей самопомощь, сперва основывавшуюся на простомъ соглашеніи побратимства, въ строго-обязательный институтъ родовой, а затѣмъ и общинной жизни. Но порука не отменяла стараго побратимства; напротивъ, оба института могли совершенно естественно идти рука объ руку,—первый — какъ обязательный союзъ самопомощи (въ силу принципа *genti adscriptio*), второй—какъ совершенно свободная (договорная) кооперация самозащиты и самопомощи индивидовъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ.

Необходимость въ рядѣ возникаетъ сама собой изъ розни, партикуляризма обычнаго права въ первичныхъ обществахъ, съ ихъ совершенно замкнутой жизнью, безъ признанія правовыхъ нормъ въ междусоюзныхъ отношеніяхъ, представлявшихъ лишь одно господство хищничества и полное отрицаніе права. «Обычное право возникаетъ не въ народѣ и даже не въ племени, а въ каждой группѣ людей, ведущихъ *совмѣстную жизнь*» (Сергѣев. изсл. 84). Даже больше: обычай, въ первичныхъ, непосредственныхъ формахъ своего образованія, является въ народной жизни представителемъ всего индивидуальнаго, сепаратнаго,—имѣетъ дѣло лишь съ индивидуальными отношеніями отдѣльныхъ лицъ и мелкихъ родовыхъ или территоріальныхъ группъ, ведущихъ совмѣстную жизнь, дѣйствуетъ лишь тамъ, гдѣ жизнь слагается непосредственнымъ путемъ, на исключительной почвѣ конкретныхъ случаевъ, индивидуальныхъ дѣйствій, поступковъ и отношеній (см. Ж. М. Пр. 1878, т. 198, стр. 151). Гдѣ нѣтъ такой индивидуальной бытовой практики, тамъ нѣтъ почвы и для непосредствен-

наго возникновенія обычая, какъ это и имѣло мѣсто между старыми, обособленными родами и общинами, относившимися между собою по началу отрицанія права, мести, хищничества.

Иныя явленія замѣчаемъ въ пору возникновенія союзности между обособленными родами. При отсутствіи непосредственно дѣйствовавшихъ здѣсь правовыхъ обычаевъ, нужно было искусственно создавать, на почвѣ существовавшихъ родовыхъ порядковъ, правовыя нормы тамъ, гдѣ царило дотошъ «безправдѣ». Рядъ родовъ и общинъ, вступавшихъ между собой въ союзныя отношенія, являлся первымъ и основнымъ актомъ, вводившимъ правовыя нормы въ междусоюзный бытъ послѣднихъ. Путемъ такого ряда не создавались однако законы въ собственномъ смыслѣ: рядъ только расширялъ дѣйствіе старыхъ обычаевъ, практиковавшихся дотошъ въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ родовъ и общинъ, дѣлалъ ихъ обязательными также въ междусоюзныхъ отношеніяхъ этихъ родовъ и общинъ.

Типическимъ образомъ такого ряда можетъ служить «яса» (буквально рядъ, союзъ), на основаніи которой монгольскіе роды вступили между собой въ родовое «ойратство» (союзъ побратимства) при Чингисѣ, образовавшемъ изъ разрозненныхъ и враждебныхъ дотошъ родовъ сплоченный политическій союзъ — монгольское «ойратство». Организационныя начала ойратства и формулированы въ «ясѣ», составленной на родовомъ курилтаѣ или хурулѣ (вѣчѣ) монгольскихъ вождей. Въ основу ясы положенъ былъ союзный рядъ вождей монгольскихъ — жить между собой въ мирѣ, на основаніи стародавнихъ родовыхъ обычаевъ, принятыхъ вождями въ качествѣ нормъ, обязательныхъ для союзныхъ племенъ и внесенныхъ въ ясу — общеплеменной уставъ монгольскаго ойратства (см. мое соч. «Изъ истор. пр. инородцевъ»).

Такое же значеніе у кавказскихъ горцевъ имѣетъ «маслагатъ» (рядъ, соглашеніе, союзъ), путемъ котораго мелкіе роды и общины устанавливали между собой мирныя, союзныя отношенія и опредѣляли въ этой сферѣ правовыя нормы, превращавшіяся затѣмъ въ прочныя племенные обычай (см. Адагы, I, введеніе). У Осетинъ (арійскаго племени) обычай и вмѣстѣ рядъ носить названіе «арьдау» — терминъ, вполне соответствующій скр. *rgu* (*jus*), зенд. *gahañ* (*rastah-or-do, consuetudo*), лат. *regula, ordo* или славян. ряду (редь, наредь и пр.)¹⁾; «арьдау» имѣлъ такой-же генезисъ и значеніе въ быту Осетинъ, какъ и маслагатъ у остальныхъ горцевъ (см. Адагы I, 4).

Тотъ же моментъ союзаго соглашенія, ряда, имѣлъ мѣсто въ образованіи средневѣковаго обычного права западно-европейскихъ народовъ. Кромѣ *leges populares* или *barbarorum* (позже *Volksrechte*, соответствующихъ нашимъ

¹⁾ См. Pictet, III, 141

обычаямъ—законамъ или поконамъ) и Weisthümer (Schöffenrecht, Iudicia—пошлина, старипа, собств. судебные обычаи), обычное право средневѣковыхъ германцевъ называлось также *Ewa* ¹⁾ (Eua, Efa, Ea, Ehe и пр.), *Pactum* (Pactus, Pacht), позже *Willkühren*,—термины, означавшіе Bündniss, Vertrag, foedus, Ueberkunft; а также и народный обычай (lex consuetudinis). Древне-герман. «Ewa» ставять въ параллель съ рим. leg. sacrae, въ смыслѣ «gezunfti» (Einigung), gericht, iudicium, forum и jus (Recht, Echt и Acht). Основное понятіе Ewa и Willkühren—«autonomisches Stammesrecht»—право автономныхъ племенъ, вступившихъ между собой въ союзныя отношенія, на основаніи клятвеннаго ряда, или соглашенія народныхъ вѣчь и князей (см. Zöpfel Deut. R.—gesch., 9—10).

Тѣже явленія замѣчаемъ и въ древнемъ правѣ славянскихъ народовъ. Въ славянскихъ памятникахъ находимъ *редь* ²⁾, наредь (наредьба, оуредь, врьдъ, оурядство), также *начинь* (чинь), *увить*, *завезь*, *одлука* и пр., имѣвшія тоже значеніе, что и древне герман. Ewa или pactum. Обычаи, констатированные путемъ союзнаго соглашенія, утверждались клятвою (клетвь) ³⁾ и порукую (обѣтъ, обещаніе, обеканіе) и становились, такимъ образомъ, обязательными нормами для общинъ, вступавшихъ по ряду въ союзныя отношенія, какъ члены одной «жупы» (жупанства), «обкины», «земли» и пр. Союзныя общины, подъ общимъ названіемъ «клетвенниковъ» ⁴⁾ (foederatus, iurejurando obstrictus), подчинялись «законамъ», которые санкціонировались ихъ союзнымъ рядомъ. Такое значеніе имѣють, наприм., «законы» Винодольскіе, Загребскіе или Баставскіе, типическіе образцы союзныхъ рядовъ, опредѣлявшихъ взаимныя отношенія общинъ, главнымъ образомъ, на основаніи стародавнихъ предковскихъ обычаевъ.

¹⁾ Древнеѣм. éwa соответствуетъ скр. éva, évas (ходъ, поступокъ, обычай, нравъ), отъ корня i — идти, происходить. См. Picetet, III, 141; Leist Die real. Grundlagen, 49; Grimm d. Rechtsalterth. 417. Ср. Fick, Wörterb. s. v. éwa.

²⁾ Пуцичъ Спом. 53, 67, 80, 110, 133, 146; Mikl. Mon. 116, 187, 188, 276, 459 и пр. *Редь* соответствуетъ скр. «rgu» — право, отъ корня rg, arg, rag — regere, regum esse, splendere. Производныя: зенд. *raz* (erez)—rectum esse, *rāza*—justitia; перс. *ragah*—порядокъ, *ras'ah*—обычай; осет. *арьдау*—обычай; лат. *regula, rectus*; гол. *raihts*—судъ, агс. *reht*, древнегерм. *reht* (Recht), сканд. *ret* — jus, iudicium, др. прл. *rect* — lex, кимвр. *rhaith* — право, жугу, слав. *редь* — соглашеніе, обычай, порядокъ и пр. См. Picetet, III, 91, 141. Таковъ-же генезисъ и рим. *jus* — отъ корня *ju, jug* = соединять, связывать, вступать въ союзъ и проч. *Jus* — такое-же связующее начало, какъ скр. *rgu*, нѣм. *Recht* или слав. *редь* (Vaněček. 761).

³⁾ Mikl. Mon. 20, 23, 25, 39 и пр. Пуцичъ Спом. 65.

⁴⁾ См. напр. Mikl. Mon. 44: «я жупанъ Радославъ есмь вѣрньнъ клетвенияъ господу краду угрьскомуу».

Рядъ вполне извѣстенъ и древнерусскимъ памятникамъ. О рядѣ говорятъ лѣтописи и разные акты и памятники княжей эпохи. Но весь вопросъ въ томъ, нужно ли считать рядъ частнымъ контрактомъ, въ его обыкновенномъ, частно-правномъ значеніи (т. е. такимъ актомъ, въ которомъ все зависитъ отъ индивидуальной воли и усмотрѣнія контрагентовъ), или же въ рядѣ нужно искать иное специфическое значеніе? Подъ рядомъ, о которомъ трактуютъ лѣтописи и древніе акты, разумѣлась прежде всего общая норма, порядокъ, правило, законъ (въ договорахъ съ греками: «урядиться» — постановить, «уряженье» — распоряженіе). Въ источникахъ рядъ тождественъ съ выраженіями: «нарядъ, «порядъ» или «обрядъ» ¹⁾. «Рядиться въ рядъ», или «рядить по ряду», «дать рядъ» значило тоже, что «творить нарядъ», «положить порядокъ» строить нарядъ и пр. (см. П. С. Л. I, 104, 159 и др.; Собр. г. гр. I, 31; Доп. А. И. I, 4). Нарядъ же понимался въ общемъ смыслѣ порядка, основаннаго на обычаяхъ. Въ лѣтописномъ сказаніи о призваніи князей говорится: «почаша сами въ собѣ володѣти: и не бѣ въ нихъ *правды*.. поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву («и *рядилъ по ряду*» или «по праву»)..*а наряди* въ ней нѣтъ» (П. С. Л. I, 8). Что въ началѣ цитаты названо правдой, то въ концѣ—нарядомъ, —рядить «по ряду» значило поступать или распоряжаться по правдѣ, управлять по народной пошлѣнѣ, какъ главной основѣ общественнаго порядка ²⁾. Значеніе ряда въ смыслѣ нормы права видно и изъ другихъ техническихъ терминовъ, имѣвшихъ одинаковое съ рядомъ значеніе, наприм. уставъ или *свѣщаніе* греч. договоровъ (указъ, грамота). Вообще въ старину у насъ рядъ имѣлъ тоже значеніе, что и славян. редь или древ. герман. Ewa, ractum (см. выше), т. е. означалъ обычай, норму или правило обычного права, державшееся въ народномъ преданіи или изложенное письменно въ рядахъ и докончаньяхъ. Рядъ, затѣмъ, означалъ актъ соглашенія—*докончанье*, договорную грамоту, въ которой формулировались нормы, принятыя по ряду вѣча, князей и пр. Наконецъ, рядъ означалъ и самый *способъ примѣненія* обычно—правовой нормы къ

¹⁾ См. П. С. Л. 8, 104, 158, 159; П, 22 и пр. Собр. гос. гр. I, 2, 6, 15, 30, 31. Доп. А. И. I, 4. Въ смыслѣ-же ряда употреблялись выраженія: *пословица* (Собр. г. гр. I, 48) и *смолвка* (П. С. Л. III, 88: «прѣзжали вѣмецкіе послы въ Новгородъ на смолвку»).

²⁾ Такое-же понятіе дается ряду и въ памятникахъ чисто народнаго творчества. Въ былинахъ встрѣчаемъ такіа указанія: «говорятъ ему (Ильи Муромца) мужики Бвжеговцы: ой же ты, русскій могучій богатырь! стань-ко къ намъ суды судить да ряды рядить»; «сидитъ тутъ царь Азвякъ—суды рассуживаетъ и ряды разряживаетъ». См. Пѣсни Рыбникова III, 25; Стихотв. Кирши, 21. Въ старыхъ славянскихъ памятникахъ князья и вообще лица, стоявшіи во главѣ общинъ и земель, называются «наредниками, нарядьбениками, наредбениками, уредниками», въ смыслѣ *rector, constitutor, curator, «привелетъ, magistratus, officialis* (см. Пудичъ Спомен. 11, 32, 40, 105, 108; Breviarium Glagolit. Croat. 325).

данному казусу (по прецеденту и пр.) Въ такомъ значеніи равнозначительны съ рядомъ «*дума, еднанье, одиначество, пословица, смолака, слово*» и проч. Этотъ-то рядъ былъ главнымъ явленіемъ древняго юридическаго быта русскіихъ земель въ теченіе всей князей эпохи; путемъ ряда образовались федераціи (союзы «братства») земель и волостей и создана была вся система древнерусскаго обычнаго права, особенно дѣйствовавшаго въ *междусоюзныхъ* отношеніяхъ общинъ, слагавшихся въ автономныя земли — волости. Самыя формы союзности славянскихъ жупъ и русскихъ волостей устанавливались по типамъ *побратимства*, какъ оно опредѣляется, наприм., въ былинахъ о старыхъ русскихъ богатыряхъ. Подобно тому, какъ богатыри — побратимы назывались братьями «большимъ» и «меньшимъ» и обязывались «слушать большому брату меньшаго, а меньшему брату большаго, а дружка за дружку стоять» (пѣсни Рыбник. I, 39, 41, 96), такъ и, наприм., Псковъ по отношенію къ Новгороду назывался «младшимъ братомъ» (Псковичи говорили Новгородцамъ: «*господо братіе! како печалуетеся нами, своею братьею младшею*», — П. С. Д. III, 89). Извѣстныя названія русскихъ князей, бывшихъ въ рядѣ, — *старшими* или *большими*, *младшими* и *ровными* братьями, несомнѣнно воспроизводятъ аналогическія формулы древнеславянскаго побратимства; названія, употреблявшіяся между князьями — *дядями* и *племянниками*, точно также не больше, какъ воспроизведеніе формулъ побратимства: старшій побратимъ считался «дядею» для дѣтей младшаго брата (см. Прав. Соб. 1859, I, 371).

Рядъ лѣтописей и старыхъ актовъ нельзя ставить въ параллель съ *частноправнымъ договоромъ*; рядъ общинъ и князей вовсе не имѣлъ того случайнаго характера, какой ему иногда приписывается (пр. Сергѣевичъ). Элементъ случайности начинаетъ вкрадываться въ междукняжескіе ряды лишь съ тѣхъ поръ, какъ князья, освѣщеніе по волостямъ, стали обособляться и получать возможность самовластныхъ дѣйствій, шедшихъ въ разрѣзъ съ народнымъ обычаемъ. Но ряды этой эпохи нисколько не имѣли частно-правнаго характера, — въ нихъ начинаютъ высказываться первыя начала государственнаго порядка, ставшія подъ конецъ княжеской эпохи вообще укореняться въ народномъ быту (см. мою статью — о задружно-общин. характерѣ полит. быта древн. Россіи).

Замѣтимъ при этомъ, что древнѣйшія формы частно-правнаго ряда (договора, сунлетки, пословицы, слова, еднанья, докончанья, — у другихъ славянъ — *smiluvy, shody, sliba, zaweza, uvita* и пр.) образовались несомнѣнно подъ вліяніемъ первычнаго, «групповаго» ряда старыхъ родовъ и общинъ, — рядъ въ послѣдней формѣ, можно думать, предшествовалъ образованію частно-правнаго ряда. Дѣйствительно, судя по всѣмъ даннымъ, относящимся къ этому вопросу, можно полагать, что первычною сферой ряда были не индивидуальная жизнь и отношенія отдѣльныхъ лицъ, но именно междусоюзныя отношенія цѣлыхъ

общественныхъ группъ—старыхъ родовъ и территориальныхъ общинъ. Являясь главными и чуть ли не единственными дѣятелями имущественнаго оборота, а слѣдоват. и главными субъектами правъ вещныхъ, роды и общины вели весь свой имущественный и хозяйственный обиходъ въ формѣ разнаго рода сдѣлокъ, докончаній и пр. Члены рода не имѣли индивидуальнаго объекта для договорной сдѣлки отъ себя лично и потому, если участвовали въ рядахъ, то всегда по сдѣлкамъ своего рода и племени. Первоначальная неразвитость договорнаго начала въ индивидуальной жизни личности была естественнымъ результатомъ господствовавшей въ эпоху первобытной культуры имущественной общности,—контрагентами являлись не лица (по своимъ индивидуальнымъ сдѣлкамъ), а дѣлы группы ихъ—роды съ ихъ первичными развѣтвленіями, которыя, являясь коллективными субъектами правъ, вступали между собой въ докончанья и ряды. Въ пору старой розни родовъ и вообще первоначальнаго господства грубыхъ хищническихъ формъ жизни свободное начало ряда вовсе не могло имѣть мѣста. Сколько нибудь пригодная для него почва открывается только со времени замирения родовой розни и хищничества, когда роды, жившіе совершенно обособленною жизнью, начинаютъ сплачиваться въ болѣе или менѣе организованные союзы. Въ это-то время договорное начало начинаетъ примѣняться въ отношеніяхъ между союзными родовыми группами. Въ свою очередь территориальная община также являлась субъектомъ имущественныхъ правъ и заключала ряды; но она уже признаетъ отдѣльное имущество (прію, прокъ, собиуну) лица и «инокоштыны» (семьи). Рядомъ съ имущественнымъ оборотомъ общины (семейной и территориальной) развиваются обороты и сдѣлки между отдѣльными лицами. Изъ сказаннаго ясно, что индивидуальная жизнь личности могла опредѣляться свободнымъ рядомъ, лишь начиная съ эпохи осѣдло-общинной культуры, когда личность постепенно приобретаетъ самостоятельное значеніе, становится субъектомъ правъ личныхъ и имущественныхъ. Съ этихъ поръ рядъ начинаетъ приобретать частно-правный характеръ, являясь основной формой имущественнаго и вообще хозяйственнаго и бытоваго оборота не однихъ родовъ и общинъ, но и отдѣльныхъ лицъ. Слѣды стараго порядка находимъ въ народныхъ обычаяхъ, сохраняющихъ доселѣ память о былой жизни «отцовъ и дѣдовъ», не знавшихъ индивидуальнаго имущественнаго оборота и частныхъ сдѣлокъ по дѣламъ личнымъ. «Что сусѣдъ просить, то и дай, съ нимъ *не рядисъ*», — формула несомнѣнно первобытной имущественной общности, удержавшаяся въ народной поговоркѣ, какъ переживаніе, смыслъ котораго забыть на родомъ, но которое въ старину имѣло вполне реальное значеніе.

Первичный общественный характеръ всякаго рода сдѣлокъ объясняетъ *публичность* совершенія и заключенія договоровъ и всякихъ обязательствъ, — требованіе, которое по древнему славянскому и русскому праву считалось существенно необходимымъ для признанія дѣйствительности не только обществен-

ной, но и частной сдѣлки, совершаемой въ договорной формѣ. Ряды общинъ и земель должны были совершаться «на міру» — на общихъ народныхъ сходкахъ (вѣчахъ) именно потому, что такіе ряды были общимъ дѣломъ всего міра, касались въ равной мѣрѣ всѣхъ членовъ общины. То-же требованіе публичности стало затѣмъ примѣняться и къ частнымъ сдѣлкамъ. Подобно тому, какъ у древнихъ чешскимъ, хорватскимъ или сербскимъ памятникамъ всякія сдѣлки между членами общинъ должны были совершаться «свитло, билодано» (публично) на торгу, предъ сходкою сосѣдей (см. мое соч. Др. Хорв.-далм. зак.), такъ и у насъ въ теченіе всей земской эпохи требовалось, чтобы всѣ сколько нибудь важныя сдѣлки производились на торгу, предъ сосѣдами, — позже (особенно со времени развитія письменной формы сдѣлокъ) съ «доклада» судѣ, князю и пр. Публичностью договорныхъ сдѣлокъ объясняется Псковская пошлина о внесеніи въ «ларь св. Троицы», не только вѣчевыхъ грамотъ и рядовъ князей, но и болѣе важныхъ актовъ по частнымъ дѣламъ (Пск. с. гр. 32, 38).

Изъ первычнаго-же характера договорныхъ сдѣлокъ вытекало само собою важное значеніе и роль *послушества* при ихъ заключеніи. Ряды общественные (наприм., у насъ договоры съ греками X вѣка или позднѣйшія докончанья князей и общинъ между собой и съ нѣмцами) заключались при посредствѣ «сольбы», составлявшейся изъ представителей («словъ») общинъ и князей по ихъ «велѣнію» (слову), заключавшихъ союзные ряды. Такая-же сольба въ существѣ дѣла имѣла мѣсто и въ сферѣ частно-правныхъ сдѣлокъ. По древнему славянскому праву, главнымъ актомъ укрѣпленія договоровъ считалось заключеніе ихъ при послухахъ. Но это не были только частные сторонники контрагентовъ: они являлись органами общины, которые санкционировали своимъ присутствіемъ дѣйствительность данной сдѣлки. Являясь на «торгъ» въ качествѣ «добрыхъ мужей» — представителей общины («ямци», «одговорници» по хорват. памятникамъ), свидѣтели—послухи принимали отвѣтственное участіе въ совершавшейся предъ ними сдѣлкѣ — въ роли «вѣщихъ» (свѣдущихъ) людей, наприм., оцѣнщиковъ, опредѣлявшихъ стоимость предмета договора, и вообще въ значеніи посредниковъ, третей между контрагентами (хорв. цинци, чеш. *prostředníci, odhadníci, mediatores* или *taxatores* — см. Иречка *Sl. pr.* II, 285; мое соч. — др. хорв.-далм. зак. 92).

Вѣтшая обстановка, при какой по старымъ обычаямъ совершались у всѣхъ аріяцевъ общественные ряды, съ ихъ различными *мануляціями* и *символическими дѣйствіями*, усвоена была затѣмъ и частно-правными договорами. Присутствіе послуховъ-рядцевъ и добрыхъ людей, совершеніе сдѣлокъ на міру, на сходкахъ, предъ сосѣдами, было достаточной гарантіей правильности и дѣйствительности общественныхъ и частныхъ рядовъ. При данной общественной обстановкѣ, всякій договоръ въ старое время могъ являться въ словесной формѣ, какъ указываютъ на это и самые термины договоровъ —

емлува, сгода, пословица, слово и пр. Но это форма болѣе поздняя: ей несомнѣнно предшествовала нѣмая «суплетка» и «завезъ» (вспомнимъ первичную «нѣмую» гостѣбу и нѣмыя формы образованія права), — договоры общественные, а затѣмъ и частные, совершались первоначально у славянъ, какъ и у древнихъ римлянъ или германцевъ, путемъ различныхъ манипуляцій и дѣйствій, имѣвшихъ символическій характеръ. «Рука» — символъ человѣческой силы и воли — является главнымъ юридическимъ актомъ договоровъ: контрагенты «сплетались» руками (отсюда названіе договоровъ «суплетка») ¹⁾ или били по рукамъ, символизируя этимъ свою сдѣлку и придавая ей юридически-обязательный характеръ. «Рукобитье», «порука», («обѣтъ» съ клятвой) и передача предмета договора «изъ рукъ въ руки» (даже при покупкѣ невѣсты) считались у славянъ символическими дѣйствіями, укрѣплявшими силу всякихъ договоровъ и рядовъ ²⁾.

Затѣмъ, болѣе важные ряды должны были сопровождаться клятвой стороной; «заповѣдью», «ротой» или «крестнымъ цѣлованьемъ» и другими символическими дѣйствіями съ религіознымъ характеромъ. (Олегъ и Игорь, при заключеніи договоровъ съ греками, полагали предъ Перуномъ щиты и оружіе, на которомъ и клялись). Религіозно-символическій характеръ нѣкоторыхъ договорныхъ обрядовъ, возникшихъ еще въ пору общественныхъ рядовъ, виденъ изъ ихъ наименованій: «богомолье», «литки», «zavdavki» (питье), указывающихъ на употребленіе въ старое время при рядахъ религіозно-жертвенныхъ возліаній ³⁾. Слѣды такихъ символовъ сохранились въ «магарычахъ» старыхъ западно-русскихъ актовъ, извѣстныхъ доселѣ въ народныхъ обычаяхъ и пословицахъ, напр., — «гдѣ кабадено, тамъ и пито», — «пропить» невѣсту значить выдать замужъ, а по старой терминологіи — продать невѣсту за магарычъ ⁴⁾.

У славянъ всякіе общественные и частные ряды заключались по «доскамъ» (деревяннымъ таблицамъ), бывшимъ въ употребленіи у всѣхъ древнихъ народовъ. По словамъ Шафарика (Die ält. Denkm. 98), доски содержали какъ-бы веленія божества, въ видѣ изрѣченій, или формулъ, начертанныхъ на доскахъ,

¹⁾ Пск. г. гр. 103.

²⁾ По древнему русскому праву, рукобитье имѣло мѣсто не только при куплѣ — продажѣ, займѣ и другихъ частныхъ сдѣлкахъ, но и при рядахъ на самомъ судѣ. Напр., при дачѣ срочной грамоты о явѣ въ судъ къ условленному сроку требовалось отъ сторонъ крестное цѣлованіе: «да и по рудѣ (тутъ-же предъ судьей) ему ударити съ истцемъ своимъ» (Новг. с. гр. 24).

³⁾ См. Иречка Recht I, 54. О жертвенныхъ возліаніяхъ см. Аванасьева Поэтич. возвр. II, 46, 252.

⁴⁾ У малороссовъ доселѣ въ обычѣ — при заключеніи всякихъ сдѣлокъ, въ особенности по куплѣ, заручинамъ и пр., приносить водку, которая и распивается въ знакъ заключенія сдѣлки, подъ названіемъ «злывокъ», «завдавокъ», магарыча.

как наиболее действительное, символическое средство придать содержавшимся в них правилам значение непосредственных заповѣдей Божиихъ¹⁾. У чеховъ, до позднѣйшаго времени, всякаго рода общественные и частные акты и ряды назывались по старой памяти досками (*dsky krajské, zemske, trhove* и пр.). Доски, въ качествѣ актовъ низшаго разбора, упоминаются также въ нашихъ лѣтописяхъ и Псковской судной грамотѣ (ст. 30 и др.; ср. П. С. Л. I, 210). Южнымъ славянамъ извѣстны были *книги* въ одинаковомъ значеніи съ досками (*кпеје, кпје*—пень, дерево, доска)²⁾. У насъ письменная форма рядовъ употреблялась издревле (договоры съ греками X в.); еще въ былинахъ говорится о «грамотахъ» и «заповѣди великой» съ «подписью» богатырей и молодцовъ, заключавшихъ рядъ побратимства (Пѣсни Рыбникова I, 96; Лѣтоп. русск. слов. Тихонр. IV—народ. пѣсни, 4). Рус. Пр., впрочемъ, еще не знаетъ письменныхъ частныхъ рядовъ, совершавшихся, повидимому, словесно, при послухахъ; грамоты и записи становятся обычнымъ явленіемъ въ Псковской судн. грамотѣ.

По древнему славянскому праву, всякая «*smluva*» была «*svata*»,—безусловно обязательна для рядцевъ. Подобное воззрѣніе констатируется цѣлымъ рядомъ формулъ, сохранившихся въ народныхъ поговоркахъ и нерѣдко записанныхъ въ древнихъ памятникахъ. Такова, напр., формула Рус. Правды: «*како ся будетъ рядилъ, на томъ же и стоять*» (въ другихъ статьяхъ: «*такъ же есть рядъ, яко же рядилъ*»), несомнѣнно образовавшаяся еще въ начальную пору общественныхъ рядовъ и въ эпоху Правды ставшая примѣняться и къ частно-правнымъ договорамъ³⁾. Неисполненіе ряда общинъ и князей влекло за собой «разбратіе», или прекращеніе «братства» и союзныхъ отношеній; «разверженіе»⁴⁾ ряда и крестнаго цѣлованія снимало съ рядцевъ обязанности, налагавшіяся на нихъ союзнымъ рядомъ. Для общинъ наступало «размирье», «нелюбие», разрѣшавшееся «судомъ Божиимъ» (бранью) и затѣмъ «разратьемъ», заключеніемъ новаго ряда, излагавшагося въ докончальныхъ и крестныхъ грамотахъ (П. С. Л. I, 97, 108, 117; II, 28 и пр. Соб. гос. гр. I, 15, 52 и пр.).

¹⁾ Таковы евр. «заповѣди», рим. XII «таблицы», монг. «пайзе» и «писаницы» на скалахъ и доскахъ деревянныхъ и металлическихъ и пр. См. мое соч. Къ исторіи права рус. инородц. Ойрат. уставъ, 189, 207, 210, 233.

²⁾ Впрочемъ, этотъ терминъ въ смыслѣ *littera* производятъ также отъ одного корня съ *kanning* (знакъ). См. Иречка *Slov. pr.* I, 151; II, 230; его-же о *dskach zemskich* (Сар. 1862). О доскахъ см. сочин. *Hasner, Demuth, Naan* и *Safarik*. См. мою ист. рус. пр. I, 100.

³⁾ Обязательность исполненія договоровъ высказывается въ цѣломъ рядѣ народныхъ пословицъ: *уговоръ паче денегъ; пословица всему дѣлу норѣшница* и пр.

⁴⁾ Нѣ только быше не *развержено* крестное цѣлованіе Новгороду съ Нѣмци» (П. С. Л. III, 89). Нарушеніе союзнаго ряда называется въ былинахъ *разбратіемъ*. «Какъ возговоритъ молодцу Абезской князь: покажи-ка грамотку отъ князя Володимира; а живемъ мы все съ нимъ не въ *разбратіи*, а въ согласіи и въ сватовствѣ живемъ, въ братствѣ названомъ» (Лѣтоп. рус. слов. Тихонр. IV, отд. II, 4).

Случаи нарушения союзного ряда князьями и слѣдовавшего затѣмъ разбратья и размирья разрѣшаются обыкновенно слѣдующей формулой: «а кто преступитъ крестное цѣлованіе, а Богъ ему судья» (П. С. Л. I, 97 и др.); но известно было и болѣе опредѣленное правило: «оже князь извинитъ—въ волость, а мужъ—въ голову» (ib, 119). «Изгойство» князей являлось конечнымъ результатомъ нарушения ряда. Точно также и «мужу» грозило за неисполнение ряда, если не полное изгойство, то во всякомъ случаѣ приволакиванье къ суду, штрафы, «выдача головою до искупа», а въ иныхъ случаяхъ и полная потеря свободы ¹⁾).

V. Право, какъ непосредственное, инстинктивное чувство первобытнаго человѣка, сохраняется въ первичныхъ родовыхъ группахъ, не нуждавшихся въ точномъ опредѣленіи и формулированіи нормъ права ²⁾). Сознательные элементы начинаютъ сказываться въ процессѣ правообразования лишь съ тѣхъ поръ, какъ мелкія родовыя группы, путемъ союзного ряда, вступаютъ между собой въ правовыя отношенія, сплачиваются въ организованные племенные союзы. Въ эту-то пору родовой культуры выдѣляется дѣятельность особыхъ *органовъ* или *вычитателей* обычнаго права. Обычай, образовавшіеся первоначально въ разрозненныхъ родовыхъ группахъ, получали затѣмъ признаніе въ большихъ племенныхъ союзахъ, какъ обязательныя для нихъ заповѣди божества, открываемыя родовыми вождями и жрецами. Въ своихъ *leges sacratae* вожди и жрецы возвѣщали религіозныя и правовыя догмы, какъ волю самихъ боговъ, и этимъ придавали имъ обязательную силу для всѣхъ родовыхъ группъ, вступавшихъ между собой въ племенные союзы. Такую патриархально-теократическую подкладку имѣло право у всѣхъ древнихъ народовъ, жившихъ въ формахъ родового быта. Первичные законы, легшіе въ основу племенныхъ союзовъ, коренились собственно въ изстаринныхъ родовыхъ обычаяхъ, считавшихся народной святыней, велѣніями самаго божества. Племенные вожди и жрецы не создавали законы по своему личному усмотрѣнію; ихъ заповѣди не имѣли субъективно-произвольнаго характера; напротивъ, онѣ являлись строго объективнымъ выраженіемъ родовыхъ обычаевъ, санкционированныхъ откровеніемъ боговъ и авторитетомъ племенныхъ вождей.

¹⁾ См. наприм., Р. Пр. Кар. сп. 68—70. Неисполненіе ряда дѣлало недѣйствительнымъ и возникавшее изъ него обязательство. Въ 1300 г. Витебскій князь Михаилъ за взятаго имъ у нѣмецкихъ гостей коня порядился дать имъ «проводы» (стражу, проводниковъ) изъ Смоленска; но это не было исполнено княземъ. Требуя отъ князя коня, нѣмцы говорили: «княжо, тимъ словомъ (договоромъ) не дослужилъ ся еси того коня. Аже бы ты у своемъ слове стоялъ, а нашу братню проводилъ бы, мы быхомъ не поминали того коня» (Рус. Лив. Ал. 27).

²⁾ См. Буданова—Владим. Обзоръ ист. Рус. Пр. I, 63.

Изъ сказаннаго видно, что въ пору сложенія племенныхъ союзовъ правообразование носило монополичный характеръ: одни родовые вожди да жрецы «знали» правовыя догмы, развившіяся на почвѣ родовыхъ обычаевъ и получившія религиозную санкцію, — власть вождей, путемъ такой санкціи и подъ авторитетомъ родового наряда, дѣлала обязательными племенные обычай, какъ предписанія и заповѣди боговъ. Корни такой формы правообразования нужно искать въ дѣломъ складѣ первичныхъ обществъ, построенныхъ на дружинно-родовыхъ и теократическихъ началахъ и усвоившихъ родовымъ вождямъ и жрецамъ монополию наряда и знанія религиозныхъ и правовыхъ догмъ. Въ особенности выдающуюся роль въ этомъ отношеніи игралъ въ древнихъ обществахъ *жреческій* классъ, въ которомъ изслѣдователи (Герингъ) справедливо видятъ «юристовъ» древнихъ временъ («Literary Class» по Мэну). Жреческіе классы «вѣщателей» права извѣстны были древнимъ арійскимъ народамъ. Таковы индійскіе brahman'ы и pathikrit'ы, греческіе gerphurai (γερφουραί) и римскіе pontifices¹⁾, одинаково являвшіеся вѣщателями и истолкователями jus sacrum древнихъ арійцевъ²⁾.

Вѣщателей права находимъ также у другихъ, не—арійскихъ народовъ, въ особенности у семитовъ и монгольскихъ племенъ. Древніе народныя вожди евреевъ—библейскіе патриархи и пророки—имѣли значеніе вѣщателей и хранителей религіи и права; позднѣйшій талмудизмъ представляетъ также созданіе раввината—главнаго органа религиознаго и праваго сознанія евреевъ. Такого же значеніе ламаизма въ быту средне-азиатскихъ кочевниковъ, нашихъ калмыковъ, бурятъ и другихъ монгольскихъ племенъ. Ихъ родовые вожди и жрецы (ламы) являются органами и вѣщателями права³⁾; подобно тому, какъ говорятъ о религіи и разъясняютъ священныя книги буддистовъ и ламаитовъ считается для «непосвященныхъ» дѣломъ не дозволеннымъ⁴⁾, такъ и въ об-

¹⁾ См. Leist Graeco—Ital. Rechtsgeschichte, 182—187; Marquardt Staatsverw. III, 228—230; Ihering Geist des röm. Rechts Thl. II, Abthl. II, 415; Zimmer Altind. Leben; Maine Lectures on the early history of Institutions; Сокольскаго о значеніи вѣщателей права въ первобытныхъ обществахъ (Времен. Демид. Юрид. Лицея 1875, кн. X, стр. 625 и слѣд.).

²⁾ Подобно браминамъ и повтиоексамъ, греч. геэирей были истолкователями священнаго права—*soi peri ta patria iera êkynotai kai архіерейс*. Позже у грековъ являются особы хранители законовъ—*legum custodes, νομοφυλακες* (см. Leist Graeco — Ital. Rechtsgesch., 185 и сл.).

³⁾ По показаніямъ наблюдателей, калмыки-простолюдины не имѣютъ никакого понятія о своемъ обычномъ правѣ,—его *знаютъ* лишь родоуправители да ламы. См. статью бар. Бюллера въ Отеч. Зап. 1846 № 11, стр. 11, 13—16.

⁴⁾ По Пратимокша-Сутрѣ (древнему буддійскому уставу), къ числу запрещенныхъ поступковъ (раситтійа) относится, «если духовный въ связаномъ изложеніи объясняетъ законъ непосвященному», или «сообщитъ непосвященному о высшихъ человѣческихъ законахъ». См. Прат.—Сутра, перевод. Минаевымъ, стр. 42, пп. 4 и 8.

шественныхъ дѣлахъ могутъ дѣйствовать лишь своего рода «посвященные» — родовые вожди и ламы (жрецы), которымъ изстари усвоится монополія наряда и знанія религиозныхъ и правовыхъ догмъ ¹⁾. Можно указать на такое же значеніе родопривителѣй и жрецовъ у нѣкоторыхъ племенъ американскихъ и африканскихъ. Ихъ племенные главы пользуются нерѣдко религиознымъ почитаніемъ, являются жрецами; признаются также особые вѣщіе люди, знахари, свѣдущіе въ народныхъ обычаяхъ ²⁾.

Въ средневѣковой Европѣ правообразованіе выходитъ изъ-подъ вліянія родовыхъ и жреческихъ элементовъ. Жрецы-вѣщатели права существовали въ историческое время только у кельтовъ, населявшихъ западныя окраины Европы — Галлію, Британію и Ирландію. Британскіе и Гальскіе друиды (*druides*) и ирландскіе брегоны (*brehons*), въ языческую пору, были облечены жреческою властію, монополизировавшею знаніе религиозно-правовыхъ догмъ, какъ это было вездѣ въ древнихъ обществахъ, — право друидовъ и брегоновъ считалось такимъ же священнымъ, какъ и *jus sacrum* рим. pontifices ³⁾.

У германскихъ народовъ сохранились въ историческое время лишь немногія переживанія отъ древнихъ родовыхъ порядковъ, нѣкогда господствовавшихъ у всѣхъ арійцевъ. Сюда относятся древне-нѣмецкіе *wizan*, *gevizo* ⁴⁾, соотвѣтствующіе вѣщимъ людямъ — вѣщунамъ и вѣдьмамъ (*Hexe*) ⁵⁾: связь такихъ вѣщунновъ съ древне-арійскими племенными старѣйшинами — жрецами кон-

¹⁾ См. мои сочин. Къ истор. права рус. инородц. Ойратскій уставъ, 16: калм. право, 380.—У кавказскихъ горцевъ племенные адаты образовались путемъ «маслагата» (соглашенія) старшинъ (саахвалъ—бѣлобрадыхъ стариковъ) родовыхъ и общинныхъ. См. мое соч. Адаты 1, 7 и слѣд.

²⁾ См. Waitz *Anthropologie* II, 129; Зибера *Очеркъ первоб. экон. культуры*, 451 и слѣд.

³⁾ О друидахъ см. Caesar, *Commentarii de bello Gallico*, VI, 13—14; Strabon, IV, 4. Ср. Laferrière *Hist. du droit Franç.* II, 25 и др. У бриттовъ друиды носили также названіе *bardes*. См. Myvirian, *Archeolog. of Gales* III, 291. О брегонахъ см. *Ancient Laws of Ireland*, published under the Direction of the Brehon Laws Commission. 3 volumes; *Maine Lectures on the early history of Institutions*; Сокольскаго о вѣщателяхъ права, 639—652.

⁴⁾ Отъ корня *vid* — *scire*, *cognoscere*; производныя: скр. *vëttar* (знатокъ, мудрый), ирл. *fiadh* (свидѣтель), англо-сакс. *gewita*, *gewitnes* (мудрый), сканд. *vita*, *vitni*, гот. *witan*, нѣм. *vitzig* (судья) и пр. (*Pictet* III, 164). Гриммъ, между прочимъ, указываетъ, что древненѣмецкій языкъ называетъ судей и поэтовъ однимъ и тѣмъ-же именемъ творцовъ, изобрѣтателей (*finder, schaffer, schöffen*),—совпаденіе понятій, сходное съ славянской вѣщбой и рим. *salmen* — пѣснь, прорицаніе и судебное изрѣченіе (см. *Grimm, Deut. Rechts alterth.* 45).

⁵⁾ По объясненію Гримма, нѣм. *hexe* (сканд. *hagr*—*artificiosus, dexter*)—то-же, что лат. *saga*, т. е. мудрая, вѣщая жена (*Deut. Mythol.* 992).

статифируется приписываемыми вѣщимъ людямъ у германцевъ, какъ и славянъ, свойствами, вообще присущими древнимъ родопрарителямъ. Подобно послѣднимъ, вѣщіе люди, по германскимъ повѣрьямъ, обладаютъ даромъ прорицанія, чарованія, врачеванія и сверхъестественнаго знанія; знахори призываются, какъ и у славянъ, для совершенія разныхъ обрядовъ въ семейномъ быту, наприм. на свадьбахъ и пр. (см. Grimm, Deut. Mytholog. 992, 1007, 1042; ср. Аванасьева Поэт. возр. III, 441, 442, 466).

Въ пору образованія у германцевъ большихъ территориальныхъ союзовъ вѣщателями и хранителями права въ судахъ и народныхъ собраніяхъ являлись вообще свободные члены общинъ (vicini, proximi) — лучшие или добрые мужи, знатоки правовыхъ народныхъ обычаевъ, подъ общимъ названіемъ boni или idonei homines (viri), prud'hommes (pros homes), sapientes, Wittii, Wissen-den ¹⁾. Въ древнихъ народныхъ судахъ германцевъ добрые мужи, въ качествѣ «знахорей» обычнаго права, являлись въ роли присяжныхъ судей—sagibarones, rachimburgii, позже schörfen (schöffen), scabini ²⁾. Тѣже добрые мужи, знатоки народныхъ обычаевъ, являлись вѣщателями права въ древнихъ народныхъ собраніяхъ германцевъ и призывались мѣстными князьями и королями въ качествѣ совѣтниковъ и думцевъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ земскомъ нарядѣ въ теченіе всего средневѣковаго періода исторіи германскихъ народовъ. У франковъ роль такихъ вѣщателей права играли sapientes ³⁾ или sagibarones (senatores)—въ частности proceres, rectores (графы—правители отдѣльныхъ общинъ) и iudices (scabini), позже вообще «bons coutumiers», подъ которыми разумѣлись судьи, старѣйшины и вообще члены общинъ, основательно знавшие правовые обычай послѣднихъ ⁴⁾. У фризовъ такіе sapientes назывались также

¹⁾ О вѣщателяхъ права у средневѣковыхъ германцевъ см. Zöpfl Deut. Rechtsgesch. 16 и др.; Laferrière Hist. du droit Franç. III, 74 и слѣд.; Gfrörer Zur Geschichte deut. Volksrechte im Mittelalter, I, 92 и пр.; Grimm, Weisthümer и Rechtsalterthümer; Waitz Das alte Recht и Deut. Verfassungsgeschichte; Pardessus Lex Salica, Савиньи, Вальтеръ и др. О вѣщателяхъ скандинавскихъ и исландскихъ см. Maurer, die Entstehungszeit der älteren Gulapingsläg (Abhandl. d. München Akademie Bd. XII, Abthl. III); ero-же Island., 52, 211 и слѣд.; Grimm въ Zeitschr. für Geschichtl. Rechtswissensch. III, 82; Laferrière, Hist. du droit Franç. III, 73, 118, 119; Stiernhöök, de jure Sueonum et Gothorum antiquo; Стрингольмъ, походы Викинговъ, перев. Шемякина, II, 56; Liljegen Diplóm. Sæc; Herzberg Grundtråkkene i den åldste Norske Proces. 156; Sígurdsson, Lögsgumanna tal ga lögmanna á Islandi (Sáfu til sögu Islands, II).

²⁾ См. Gfrörer I, 92, 103, 106, 117, 119; Waitz alte Recht, 291; Verfassungsgesch. II, 421; Zöpfl., 862—864; Grimm Rechtsalterth. 783 и др.

³⁾ Въ прологѣ къ Lex Ripuariorum, напр., говорится, что для составленія законовъ Теодорикъ «elegit viros sapientes, qui in regno suo legibus antiquis eruditi erant». См. Zöpfl, 34.

⁴⁾ См. Zöpfl, Laferrière и др.; о «bons coutumiers» см. Laferrière V, 341.

legislatores или, по мѣстному выраженію, asega ¹⁾). Знатоки и вѣщател. права извѣстны были въ древнемъ Валлисѣ подъ названіемъ *vir consuetudinum* ²⁾), у Скандинавовъ — *legifer, legislator, lögmann, lögmadr* или *lagmadr* ³⁾), въ Исландіи — *lögsögumadr* ⁴⁾).

Институтъ вѣщателей права въ особенности прочно утвердился у древнихъ Скандинавовъ. «Легманы» (мужи закона) существовали въ Швеціи и Норвегіи съ незапамятныхъ временъ. Они избирались народомъ (въ Норвегіи королемъ) и существовали въ каждой провинціи; кромѣ того, избирался главный легманъ для всей страны. Являясь подобно римскимъ трибунамъ блюстителями народныхъ пошлинъ и вольностей, легманы были по преимуществу вѣщателями и истолкователями обычнаго права въ народныхъ судахъ и вѣчевыхъ собраніяхъ. По древнему скандинавскому обычаю, легманы излагали ежегодно свои «вѣщанія—саги» (*lög—saga*) въ особыхъ народныхъ собраніяхъ, учреждавшихся съ этою цѣлью разъ въ годъ. Вѣщанія вѣчевыя длились обыкновенно въ теченіе нѣсколькихъ дней, когда легманы изясняли всенародно правовые обычаи, имѣвшіе въ странѣ силу закона ⁵⁾).

Аналогическое же учрежденіе вѣщателей права существовало въ норвежской колоніи, занявшей въ IX стол. Исландію ⁶⁾. *Lögsögumadr* избирался вѣ-

¹⁾ По одной древней хроникѣ, король Фризавъ «*congregavit duces, comites et reliquum populum christianum cum legislatoribus et fecit omnes leges in regno suo legere*» (*Zöpfl*, 44). Добавленія къ *lex Frisionum* приписываются *sapientes*: «*Additis Sapientum — Judicia*» (*Schöffenweissthümer*; см. *ib* 45). Мѣстнымъ названіемъ такихъ *legislatores* и *sapientes* было *asega*: «*Ille asega non habet quemquam judicare nisi plebs elegerit ipsum... tunc tenetur scire omnia jura quae sunt kesta et londriuch it est petitiones et edicta*» (*Richthofen, Friesische Rechtsquellen. Die XVIII Kueren*, p. 4).

²⁾ Въ прологѣ къ древнимъ Валлійскимъ законамъ говорится: «*Hunc librum Blegoridus exaravit vir consuetudinum, quae memoria tenebantur et legum scriptarum sui temporis calentissimus*». См. *A. Owen, Ancient Laws of Wales. 1841*.

³⁾ См. *Maurer Island.*, 211. Въ *Сагъ Олава* св. о скандин. легманахъ говорится: «*Quodsi discrepent leges omnia ista ad normam legis Ursaliensis componentur, atque legiferi omnes caeteres legifero, qui Tiundiae est, erunt inferiores... Singulis legibus singuli praesunt legiferi, puorum apud colonos praecipua est auctoritas: lex enim erit quietidille sanxierit*». Такіе *legiferi* назывались также *legislatores* (см. *Liljegen Diplom. Suec. I*, 131).

⁴⁾ См. *Maurer Island*, 52, 211.

⁵⁾ См. Сокольскаго о вѣщателяхъ права, 654—657.

⁶⁾ Роды, поселившіеся въ Исландію, послали въ началѣ X в. (въ 927 г.) одного изъ своихъ старшинъ (Ульфеота) въ Норвегію для изученія обычая въ старой родинѣ. Этотъ-то первый вѣщатель права (*Lögsögumadr*), возвратившись изъ Норвегіи чрезъ три года, послѣ совѣщанія съ старшинами, предложилъ составленные имъ законы вѣчу, на которомъ они и были провозглашены, какъ обязательныя для всѣхъ нормы права. Затѣмъ ежегодно въ определенное время вѣщатели излагали устно законы предъ народнымъ собраніемъ и только въ 1117 г., по рѣшенію вѣча, они были записаны въ сборникъ—*Grágás*, дѣйствовавшимъ въ Исландіи до 1275 г.—времени подчиненія ея Норвегіи. См. *Maurer Island.*, 49; *Laferrière III*, 73, 118.

чемъ обыкновенно на три года въ качествѣ вѣщателя права для всего народа, изъ лицъ, свѣдущихъ въ правѣ и принадлежавшихъ большею частію къ правящимъ родамъ, въ которыхъ крѣпко держались традиціонные обычаи народа. Дѣятельность исландскаго вѣщателя относилась главнымъ образомъ къ народнымъ вѣчамъ (Allding): ему принадлежало въ нихъ предсѣдательство и правовыя вѣщанія (lōgsaga) и совѣты по всякимъ законодательнымъ вопросамъ. Кромѣ того, по образцу норвежскихъ лагмановъ, исландскій вѣщатель права ежегодно, въ особыхъ вѣчевыхъ собраніяхъ, всенародно излагалъ систематическія вѣщанія (urpsaga) по разнымъ отдѣламъ мѣстнаго права, такъ чтобы въ теченіе трехлѣтія, на какое избирался каждый вѣщатель, были изложены все законы. Lōgsögumadr принималъ также участіе въ процессѣ въ качествѣ третейскаго судьи и давалъ судьямъ въ потребныхъ случаяхъ указанія и совѣты по юридическимъ вопросамъ¹⁾. Эти-то вѣщатели права являлись главными органами, дѣятельность которыхъ направлялась на поддержаніе въ народной памяти правовыхъ обычаевъ, путемъ «вѣщанія» ихъ въ народныхъ собраніяхъ и судахъ. Обычай всенароднаго изустнаго вѣщанія законовъ, по видимому, не составлялъ особенности скандинавской отрасли германцевъ; по мнѣнію изслѣдователей, въ древнее время нѣчто подобное скандинавскому обычаю вѣщанія законовъ могло практиковаться и у другихъ германскихъ племенъ (см. Laferrière Hist. III, 73—74)²⁾.

Обычай, сохранившіеся путемъ традиціи вѣщихъ людей, записывались позже въ сборники, извѣстные подъ общимъ названіемъ *leges populares*, или *leges barbarorum*. По самому существу дѣла, вѣщатели права являлись въ этомъ случаѣ главными дѣятелями, по показаніямъ которыхъ народные обычая вносились въ древнія «правды» германскихъ племенъ. Какъ видно изъ источниковъ, въ составленіи *leges populares* принимали главное участіе собранія общинныхъ и племенныхъ старинъ (*optimates, comites, proceres, rectores gentis* и пр.) и свѣдущихъ людей (*judices, schöffen, sapientes, deputati, legislatores* и пр.), причемъ редактированіе сборниковъ законовъ поручалось большею частію лицамъ, слышавшимъ специальными знатоками народныхъ обычаевъ. Декретированіе составленныхъ такимъ образомъ «leges» принадлежало народнымъ собраніямъ и королямъ³⁾. Вообще говоря, составленіе и ревизія древнихъ *leges barbarorum* были

¹⁾ См. Maurer Island, 211 и слѣд.

²⁾ Обычай всенароднаго объявленія законовъ въ опредѣленные періоды времени (обыкновенно ежегодно) практиковался позже, между прочимъ, въ городахъ, входившихъ въ составъ Ганзейскаго союза. Такой обычай записанъ въ «Скръ», по которой жила въ Новгородѣ община (дворъ) ганзейскихъ гостей (см. Андреевскаго о договорахъ съ нѣмцами). Все эти обстоятельства подтверждаютъ мысль о возможности изегариннаго существованія у германскихъ народовъ обычая изустнаго «вѣщанія» законовъ въ народныхъ собраніяхъ.

³⁾ Въ прологѣ къ *Lex Salica* говорится: «Gens Francorum inelyta... dictaverunt Saileam legem Proceres ipsius gentis, qui tum temporis apud eandem erant rectores. Sunt

актомъ опроса свѣдущихъ людей: «*dictare legem*» означало въ старое время составленіе законовъ на основаніи свидѣтельства лучшихъ мужей-шефеновъ и другихъ свѣдущихъ въ правѣ членовъ общинъ (См. Zörfl, 16, 17; Laferrière III, 74, 80 и др.).

Изданіе официальныхъ сборниковъ обычнаго права имѣло мѣсто до позднѣйшаго времени во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Германскіе Weissthümer (Scita) XIII—XV вѣковъ записывались въ сборники главнымъ образомъ на основаніи свидѣтельства общинъ, корпорацій или коллегій шефеновъ о существующихъ обычаяхъ данныхъ мѣстностей (см. Zörfl, 100; Grimm, R. alterth. 783, 957). Это дѣло въ особенности получило широкое развитіе во Франціи въ XIII—XVI вѣкахъ: въ это время было приведено въ извѣстность и издано въ цѣломъ рядѣ сборниковъ обычное право чуть-ли не всѣхъ французскихъ провинцій. Сборники такіе составлялись на основаніи изетари установившихся пріемовъ распознаванія и констатированія народныхъ обычаевъ. Сюда относится такъ назыв. «*enquête (или preuve) par tourbes*»—распознаваніе обычнаго права путемъ спроса свѣдущихъ «*окольныхъ людей*», подтверждавшихъ существованіе и дѣйствіе въ данной мѣстности опредѣленныхъ правовыхъ обычаевъ. *Enquêtes par tourbes*, установившіяся путемъ стародавней практики ¹⁾, были

autem electi de pluribus viri quatuor... Qui per tres mallos convenientes omnes causarum origines sollicite discurrendo, tractantes de singulis, iudicium decreverunt hoc modo» (см. Zörfl, 21). Для составленія *leges Ripuariorum* были избраны «*viros sapientes, qui in regno suo legibus antiquis eruditi erant*»; составленные ими законы декретированы были народнымъ собраніемъ (см. ib., 34; Laferrière, III, 96). Въ составленіи *leges Alamannorum* участвовало 139 народныхъ представителей — 33 *episcopis*, 34 *ducibus* et 72 *comitibus* vel *cetero populo* (Zörfl, 38). *Lex Frisionum* также составленъ на вѣчъ: «*congregavit duces, comites et reliquum populum christianum cum legislatoribus* (по другимъ извѣстіямъ *sapientes v. aega*), et fecit omnes leges in regno suo legere, et tradere unicuique homini legem suam et emendare ubicumque necesse fuit, et emendatam legem scribere ut iudices per scriptum iudicassent» (ib. 44). Въ составленіи *leges Burgundionum* участвовали: *optimates, comites*, королевскіе чиновники и «*iudices omnes deputati* (въ числѣ 32-хъ) *etiam militantes*» (ib. 54. Laferrière, III, 102). Для составленія *Leges Valliae* было созвано въ 943 г. народное собраніе, въ которомъ участвовали, крохъ высшаго духовенства и бароновъ, по 6 депутатовъ отъ каждаго судебного округа. Собраніе избрало 12 свѣдущихъ въ правѣ мужей для составленія законовъ, причемъ редактированіе ихъ было поручено свѣдущему въ народныхъ обычаяхъ лицу (*Bleguwyrd'u* — «*vir consuetudinum, quae memoria tenebantur et legit scriptarum sui temporis calentissimus*»); составленные такимъ образомъ законы были признаны народнымъ собраніемъ обязательными для всего народа (Zörfl, 71). Такимъ-же образомъ, на основаніи «*вѣщбъ*» (*lögsaga*) лагмановъ, были составлены сборники древнихъ скандинавскихъ и исландскихъ законовъ (исланд. *grágás* въ 1117 г., унландскіе законы въ 1296 г. и пр.).

¹⁾ *Enquêtes par tourbes* практиковались еще въ XIII в. въ отдѣльныхъ французскихъ провинціяхъ. Наприм., на основаніи показаній мѣстныхъ знаточковъ обычнаго права (*prud'hommes, arbitres* и пр.) издавы были сборники обычнаго права Прованса въ 1235 г., Montpellier 1232, общины Albi 1212 и пр. (См. Laferrière V, 136, 232, 340, 562).

санкционированы ординасомъ Карла VII въ 1459 г. о порядкѣ редактированія и декретированія обычного права. Распознаваніе обычаевъ производилось обыкновенно на мѣстѣ провинціальными собраніями (*assemblées locales*) путемъ разслѣдованія чрезъ околныхъ людей, не менѣе 10-ти «свидѣтелей» (*témoins*) — мѣстныхъ практиковъ, адвокатовъ и другихъ свѣдущихъ лицъ (*bons coutumiers*), основательно знавшихъ мѣстные обычаи. Изложенные ими письменные обычаи подвергались повѣркѣ второй группы «*coutumiers*» (тоже изъ 10-ти *témoins*) и затѣмъ окончательно редактировались особой королевскою комиссіею, состоявшею каждый разъ изъ мѣстныхъ нотаблей и юристовъ. Сборники, редактированные комиссарами, представлялись въ парламентъ и наконецъ декретировались королемъ въ качествѣ обязательныхъ для всѣхъ законовъ. Обычаи, редактированные комиссарами на основаніи *enquête par tourbes* и получившіе королевскую санкцію, назывались *coutumes homologuées*, а самые акты, ихъ санкционировавшие, — *lettres patentes* (или *placards*) *d'homologation de coutumes*. Такъ велось дѣло познания и декретированія обычного права во Франціи до половины XVI вѣка, когда было издано около 30-ти провинціальнахъ системъ обычнаго права, главнымъ образомъ, на основаніи *enquêtes par tourbes* и *homologation* мѣстныхъ обычаевъ ¹⁾.

Въ Англіи старинные сборники обычного права (напр., валлійскіе законы X в.) составлялись правительствомъ также при дѣятельномъ участіи знатоковъ народныхъ обычаевъ (*vir consuetudinum*, — см. выше). Кромѣ того, въ Англіи изстари установилась своеобразная традиція въ дѣлѣ познания обычного права: общее и мѣстное обычное право Англіи имѣетъ по преимуществу архивный, актовой характеръ, стоитъ въ тѣсной связи съ судебной практикой, изстари познается на основаніи судебныхъ рѣшеній по обычаю, внесенныхъ судьями въ особые акты и книги (*public Repositories*) и публикуемыхъ для общаго свѣдѣнія въ *Reports*. Обычай, внесенный въ *Reports*, получалъ силу закона, обязательнаго для судовъ; лучшимъ доказательствомъ существованія обычая считаются въ Англіи издавна судебныя рѣшенія, которыя поэтому вполнѣ обязательны для судей, обязанныхъ свято исполнять констатированное въ нихъ обычное право ²⁾.

Письменные сборники обычного права являлись въ средніе вѣка и помимо прямого вліянія общественной власти, какъ дѣло частныхъ лицъ, въ интересахъ практическихъ записывавшихъ извѣстные имъ правовые обычаи въ отдѣльныхъ сборникахъ и записяхъ, дѣлавшихся доступными для частныхъ

²⁾ См. Klimrath *Travaux sur l'histoire du droit français* II, 141 — 157; Laferrière V, 82; VI, 266, 341.

¹⁾ См. Жур. Мин. Пр. 1878, т. 198, стр. 153, 155.

лицъ и судей. Подобныя сборники и записи иногда прямо утверждались и объявлялись обязательными общественною властью, или же приобретаали официальное значеніе постепенно, путемъ примѣненія ихъ въ практикѣ судебной и административной. Таково, напримѣръ, происхожденіе Саксонскаго и Швабскаго зеркалъ въ Германіи, также многихъ книгъ (Reports) или сборниковъ общаго права (common law) въ Англіи ¹⁾.

Въ восточной половинѣ Европы только у однихъ литовцевъ, подобно кельтамъ Запада, удержался въ историческое время особый классъ жрецовъ—вѣщателей права. Жрецы давали прорицанія, гадали по крику птицъ, лѣчили болѣзни, произносили заклятія, а также участвовали въ судѣ, являясь здѣсь въ такой же роли вѣщателей права, какъ и кельтскіе друиды, древне-германскіе *sapientes* или скандинавскіе лагманы. Верховный жрецъ назывался у литовцевъ «криве-кривейте», т. е. судья судей (см. Боричевского о литовцахъ, въ Жур. Мин. Пр. 1844, IV, 15 и слѣд.; Балинскаго и Лининскаго *Starożytności* и пр.).

У славянъ вѣщатели права извѣстны были съ древнихъ временъ подъ названіемъ *вѣщичь* людей (вѣщтецъ, *vitiez* и пр.). Связь ихъ съ древнимъ институтомъ родовыхъ старѣйшинъ—жрецовъ констатируется традиціонными представленіями славянъ о функціяхъ вѣщичь людей съ ихъ «вѣщбами» (см. выше). «Вѣщче люди» заключаютъ въ себѣ понятіе лицъ, обладавшихъ вообще жреческими свойствами—даромъ прорицанія, сверхестественнаго знанія, волшебства и врачеванія, затѣмъ поэтическаго творчества и суда—знанія священныхъ заклятій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ и другихъ функцій, свойственныхъ жрецамъ и родовымъ главамъ—«старикамъ» (какими по славянскимъ повѣрьямъ являются вѣщче люди, вѣдуны), обладавшимъ «священнымъ» вѣдѣніемъ (см. Аванасьева Поэтич. воззрѣнія славянъ, III, 423, 426. 441, 466). Славянской «витезь» (судья, у русскихъ—герой) вполне соответствуетъ древне-нѣм. *withing*, *witzig*, *wizan* и пр. (отъ корня *vid*—*scire*; см. выше). Въ *Mater verborum* «вѣщтецъ» глассируется въ смыслѣ *vates*, *propheta divinus*, т. е. лица, вѣщающаго по наитію свыше, по внушенію боговъ. У южныхъ славянъ «вѣштацъ» и «вѣштица» — тоже, что у русскихъ «вѣдунъ» и «вѣдьма» (нѣм. *hexe*) или синонимическія имъ названія «знахаря» и «знахарки», вѣщупа, колдуна, вообще мудраго, свѣдущаго. Вѣщче люди и знахари позднѣйшей эпохи, утративъ непосредственную связь съ языческаго старинною, всю сущность дѣла полагаютъ въ чарованіи и сопутствующихъ ему обрядахъ и доселѣ сохранили у всѣхъ славянъ значительное вліяніе на домашній бытъ въ особенности простонародн ²⁾. Указанія на вѣщичь людей находимъ въ самыхъ древнихъ сла-

¹⁾ См. Zórn, 132. 151; ср. Жур. Мин. Пр. 1878, т. 193, стр. 152.

²⁾ Аван. I, 406, 414: «Еще недавно почти всякая мѣстность (въ Россіи) имѣла своего колдуна, и на Украинѣ до сихъ поръ убѣждены, что нѣтъ деревни, въ которой не было-бы

вянскихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, по свидѣтельству древней чешской хроники, у Крока, племеннаго главы чеховъ, положившаго первыя начала земскаго ихъ устройства, было три *отци* дочери: одна владѣла силой врачеванія, другая была жрицей, научила чеховъ поклоняться богамъ и приносить имъ жертвы, третьей (Любушѣ) принадлежали судъ и расправа (см. Chron. Kosmy Prag.; ср. Иречка Recht I, 65). У южныхъ славянъ еще въ памятникахъ XIV вѣка названіе *отцихъ*, *мудрыхъ* мужей примѣнялось къ членамъ общинъ, являвшимся на судъ и нарядъ въ роли добрыхъ мужей, вѣщателей права, или же отряжавшимся общинами въ качествѣ пословъ (поклисаровъ) для заключенія союзнаго ряда съ сосѣдними землями ¹⁾. Въ древне-русскихъ памятникахъ названіе «вѣщихъ людей» употребляется то въ общемъ смыслѣ людей мудрыхъ, обладавшихъ подобно древнимъ жрецамъ «священнымъ» вѣдѣніемъ, то въ специальномъ значеніи вѣдуновъ, знахарей и колдуновъ. Въ первомъ смыслѣ назывался «вѣщимъ» в. кн. Олегъ ²⁾. Такое же общее значеніе нужно давать названію «вѣщій», усвоенному въ словѣ о полку Игоревѣ князю Всеславу и пѣвцу Бояну ³⁾. Въ специальномъ значеніи вѣдмъ этотъ терминъ встрѣчается

вѣдмы. Къ нимъ прибѣгаютъ въ нуждѣ, просятъ ихъ помощи и совѣта; на нихъ-же обращается и отвѣтственность за все общественныя и частныя бѣдствія» (ib. III, 422). Вѣщіе мужи, какъ знатоки народныхъ обычаевъ, необходимы для славянина при всякомъ скольконибудь выдающемся случаѣ въ его семейномъ и хозяйственномъ обыкновѣ: вѣщунъ совершаетъ разные обряды, объѣзжаетъ съ особыми манипуляціями поля для предохраненія ихъ отъ порчи, охраняетъ человѣческое жилище отъ нечистой силы, является необходимымъ лицомъ чуть ли не при всякой свѣдлѣ, заручинахъ и свадбѣхъ, когда онъ беретъ молодыхъ отъ порчи и пр. Во всякъ затруднительныхъ обстоятельствахъ (въ случаѣ кражи или иной пропажи и бѣды, въ случаѣ угрожающей мести врага и пр.) простолюдинъ прибѣгаетъ къ помощи и совѣту вѣщихъ людей, владѣющихъ силой обличать воровъ, отыскивать потерянную вещь и пр. Все эти переживанія отъ языческаго стариннаго сохранились доселѣ у русскихъ и другихъ славянъ (ib. III, 422, 439, 440).

¹⁾ Въ Хрисовулѣ сербскаго царя Стевана, 1349 г. на земли, пожалованныя церкви св. Маріи въ Архилевичи, отводъ земель съ обозначеніемъ межъ предоставляется вѣщимъ людямъ: «и за сія села вса упомену брать царства ми севастократоръ Дьянь, яко да си оутешс меге, коидѣ соу симь селищемъ, и такози повелѣ царство ми, да поге самь с *вѣщими людьми*, да ю теше, и оутесавши да принесе царству ми, и царство ми записа меге сіе симь селомъ всѣмъ» (Mikl. Mon. 144). Въ грамотѣ сербскаго краля Стевана Дабича, 1392 г., названіе «мудрыхъ мужей» присволяется поклисарамъ (посламъ) Дубровника, отряженнымъ къ сербскому правительству для заключенія ряда о «вободьщинахъ», предоставленныхъ Дубровнику прежними сербскими правителями (ib. 221).

²⁾ Сообщая объ этомъ, летописецъ прибавляетъ: «бяху бо люди погани и невѣгласи» (П. С. Д. I, 13). По замѣчанію Аванасьева, «и поганый, и невѣгласъ употреблялись старинными памятниками для обозначенія всего языческаго, непросвѣщеннаго христіанствомъ». Ясно, что слово вѣщій имѣло въ язычествѣ религіозный смыслъ. (Аван. I, 407). По объясненію Карамзина, «вѣщій» — мудрый, предвидящій будущее, прозорливый (Ист. I, пр. 315).

³⁾ У Всеслава, рожденнаго отъ волхвованія и обращавшагося въ различныхъ животныхъ, была «вѣщяя душа» въ тѣлѣ. Тотъ-же эпитетъ придается пѣвцу Бояну: «Боянъ

въ Псковской лѣтописи, сообщающей подъ 1411 г. о сожженіи въ Псковѣ 12 «жонке вѣщихъ» (см. Псков. Лѣт., изд. Погодинымъ, 49), соответствующихъ по другимъ памятникамъ «вѣдьмамъ» и «вѣдунамъ», занимавшимся «вѣдовствомъ»¹⁾. Названіе вѣщихъ людей и вѣдуновъ *знахорями* примѣняется въ старыхъ юридическихъ актахъ также къ послухамъ, присутствовавшимъ въ качествѣ «добрыхъ людей» на судѣ, напр., по поземельнымъ дѣламъ, опредѣлявшихъ правомѣрность владѣнія и пр. (см. Мейчика Грамоты XIV и XV вѣковъ, 30, 43, 51, 52).

Въ историческое время обычное право славянъ, какъ и германцевъ, стоитъ внѣ всякихъ непосредственныхъ вліяній со стороны старыхъ религиозно-родовыхъ элементовъ. Вѣщателями права являлись у славянъ «мужи» — свободные члены общинъ. Подъ общимъ названіемъ «добрыхъ людей», мужи были главными дѣятелями, гдѣ только шла рѣчь о народныхъ обычаяхъ — въ судѣ, управленіи и другихъ сферахъ общественной и частной жизни. Значеніе «добрыхъ людей» у славянъ весьма метко характеризуется встрѣчающимся въ одномъ изъ старосербскихъ памятниковъ названіемъ ихъ «старыми пиметарями, кои су чули одъ еднога колъна до другога»²⁾. (Добрые люди назывались «пиметарями» въ смыслѣ знатоковъ обычного права, изстари сохранявшагося въ народной памяти, переходившаго отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ «законъ отецъ своихъ», незапамятная пошлина, старина. Исслѣдователи славянской старины давно уже опредѣлили значеніе «добрыхъ людей», какъ вѣщателей (*viva vox*), или органовъ обычного права²⁾.) Въ старыхъ юридическихъ памятникахъ юго-

бо вѣщій еще кому хотяше пѣнь творити, то растыкашея мыслію по древу, сърымъ волкомъ по земля, сызымъ орломъ подъ облакъ. Персты Бояна названы вѣщими: «своя вѣщца прѣсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу поговаташе» (Рус. Достоп. 26, 200—202).

¹⁾ Въ Никои. лѣтописи (II, стр. 357) сообщается, что въ 1227 г. явились въ Новгородѣ волхвы, вѣдуны, потворници и пр. Въ одномъ древнемъ церковномъ памятникѣ (въспросъ священнической) ставится вопросъ о вѣдмахъ: «Атъ вѣдьма погубитъ чловѣка зельемъ, что опитемъ? А тое опитемъ 15 лѣтъ» (Павлова Памят. 862, п. 26). О «вѣдовствѣ» и «вѣдствѣ» говорятъ древніе церковные уставы—Владимира св. и Всеволода Новгородскаго: вѣдовство отличается здѣсь отъ потворей, чародѣянія, волхвованія и зелейничества (см. Утина собраніе памяти. 396, 408).

²⁾ Въ грамотѣ жупана Бѣляка 1396 г. вопросъ о принадлежности Дубровнику жупъ Конавальской и Виталинской разрѣшенъ «по старѣхъ писемъхъ и по старѣхъ пометарѣхъ по добрѣхъ лудехъ, кои су чули одъ еднога колъна до другога и по вѣдущѣхъ бѣльзѣхъ и зламень: на Цапгатѣ при мори естъ биль градъ стари Дубровникъ полагъ жупе Конавальске, коему граду присгоше жупа Конавальска, и бше му племени то жупа и друге земля и мѣста»... Mikl. Mon. 217.

⁴⁾ См. Морощкина Рѣчь объ уложеніи ц. Алекс. Мих., 16; ср. Мацейов. Hist. I, 121; III, 180, 262; IV, 97; Майкова судъ присяжныхъ (Рус. Слово 1861).

западныхъ славянъ такіе вѣщатели права обыкновенно называются «мужами» или «людьми добрыми», «мудрыми», «вѣщими», «boni или fidedigni viri». Это были земскіе люди, представители общинъ, являшіеся въ дѣлахъ законодательныхъ и земскихъ вѣщателями и хранителями обычаевъ народныхъ и вообще имѣвшіе въ старое время очень важное значеніе въ общественной жизни всѣхъ славянъ. Общины отряжали добрыхъ мужей, въ качествѣ своихъ представителей (ямцовъ и одговорниковъ), на народныя собранія (вѣча и соборы) ¹⁾. Добрые люди принимали участіе во всѣхъ земскихъ дѣлахъ, особенно если при этомъ требовалось знаніе мѣстныхъ обычаевъ, по которымъ вершились дѣла административныя и судебныя. Такимъ образомъ, добрые люди являлись оцѣнщиками («цинци достойни» по Полицкому Статуту) при отчужденіи племенщины и въ другихъ случаяхъ,—напримѣръ они оцѣнивали раны и убытки, понесенныя обиженнымъ, опредѣляли цѣну воровскихъ вещей, правомѣрность владѣнія и пр. (см. выше о послушествѣ при заключеніи рядовъ). Общины и земли, вступавшія въ союзныя отношенія, имѣли въ своихъ добрыхъ или вѣщихъ мужахъ пословъ ²⁾ — посредниковъ, чрезъ которыхъ общины заключали ряды и опредѣляли взаимныя отношенія между собой, на основаніи правовыхъ нормъ, ближайшими «паметарями» которыхъ являлись добрые люди; точно также и всякіе междусоюзныя споры и дѣла вершились тѣми же добрыми мужами — вѣщателями обычнаго права союзныхъ общинъ. Старые князья, заправлявшіе своимъ нарядомъ исключительно по народнымъ обычаямъ, не могли обходиться безъ лучшихъ мужей—знатоковъ такихъ обычаевъ: лучшіе мужи были кореннымъ элементомъ въ составѣ древне-славянскихъ думъ, радъ или совѣтовъ, участвовавшихъ въ старое время у всѣхъ славянъ въ земскомъ нарядѣ князей и другихъ общинныхъ нарядниковъ (старшинъ). Народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ рѣдко участвовавшій въ общественныхъ дѣлахъ (только на вѣчахъ), принималъ въ нихъ участіе чрезъ посредство выборныхъ, добрыхъ мужей, отряжавшихся общинами въ каждомъ данномъ случаѣ, для отправленія тѣхъ или другихъ обязанностей по общинному наряду, и игравшихъ въ такихъ случаяхъ роль вѣщихъ людей, присяжныхъ вѣщателей и хранителей обычнаго права общинъ. Добрые люди, словомъ, являлись въ старомъ земскомъ нарядѣ славянскихъ общинъ главными вѣщателями и проводниками правовыхъ воззрѣній народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оберегателями народныхъ пошлинъ и «свободъ»

¹⁾ Такъ было, напримѣръ, въ Полицѣ, въ которой вѣча въ обыкновенныхъ случаяхъ составлялись изъ главарей (общинныхъ старшинъ) и ямцовъ и одговорниковъ—выборныхъ отъ сельскихъ общинъ, изъ коихъ состояла Полицкая жупа. См. мое соч. древ. Хорв.-далм. зак. 77.

²⁾ По южно-славянскимъ памятникамъ—поклисарь=*εποκριστήριος*, legatus. См. Даниичичъ. Рѣчникъ, sub voce «поклисарь».

щинъ». Особенно выдающаяся роль, по самому существу дѣла, должна была принадлежать добрымъ людямъ, какъ «паметарямъ» права, въ сферѣ суда, гдѣ въ старое время все основывалось на обычаяхъ: главными дѣателями здѣсь естественно являлись знатоки—вѣщатели обычного права, примѣнявшагося въ судебной практикѣ старыхъ славянскихъ общинъ. Такими вѣщателями права на судѣ являлись добрые мужи, избиравшіеся общинами или самими сторонами въ значеніи *viri iudices, scabini, судей «ротныхъ», «заkletвенныхъ»* или «пороты», «поротниковъ» (*sudei rotni, porotci* и пр.), также третьей (судци облублиени, душники, *gokovnici, jednacze* или *skladcze* и пр.) Такие добрые люди вершили судебныя дѣла въ значеніи самостоятельныхъ судей (поротники и трети), а также и въ составѣ вѣщъ (на торгу) или состояли при князьяхъ (напр. «судци заклетвени» при Полицкомъ князѣ) и другихъ общинныхъ нарядникахъ¹⁾.

Другой органъ обычного права славянъ представляетъ *господа, владаніе* или *гласари*—общинные старѣйшины и князья, думы (рады, совѣты) и вѣча (веча, купы, соборы и пр.). Князья и старѣйшины общинъ являлись у славянъ по своему призванію стражами и оберегателями народныхъ пошлинъ; князю, шедшему въ разрѣзъ съ народными обычаями, грозило непремѣнно изгонство: онъ лишался волости, подобно всякому другому старшинѣ, нарушавшему пошлины и лишавшемуся черезъ то наряда въ общинѣ (см. Иречка *Recht I*, 42; II, 41 и слѣд.). Главной опорой княжяго наряда являлись существовавшіе у всѣхъ славянъ думцы и совѣтники—*consilarii, nobiles, barones*, племенные люди и пр., являвшіеся въ княземъ судѣ и нарядѣ, какъ замѣчено выше, въ качествѣ «добрыхъ людей»—вѣщателей права²⁾. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, въ особенности въ средневѣковыхъ далматскихъ и хорватскихъ общинахъ, существовали до позднѣйшаго времени особые общественные органы, которые, подобно греческимъ номофилаксамъ или римскимъ трибунамъ, стояли на стражѣ закона, являлись въ специальной роли хранителей и оберегателей права. Таковы Полиціе «опчени» приставы и прокаратуры, сеньскіе *examinatores nobiles jurati*, въ другихъ далматскихъ общинахъ—*tribuni, defensores communes, advocati juris communis, syndici communes*,

¹⁾ См. Mikl. Mon. 114, 175, 217, 221, 251, 274, 501; Helmold Chron. I, 16; Rzyszczewski Cod. diplom. III, 347 и др.; Raszyński Cod. 65 и др.: ср. Рейца Полит. устр. Далм. общинъ 73, 74, 107; мое соч. Древ. Хорв.-далм. зак. 54, 91, 96 и слѣд.; Perwolf Staroslov. rādu 16, 49.

²⁾ См. мое соч. Хорв.-далм. зак. 53, 54, 83, 88, 96; Смирнова Городскія общины Далмаціи въ X—XI в. (Жур. Мин. Пр. 1881, т. 214, стр. 118, 293, 296). *Turba nobilem*—совѣтъ общинныхъ нобилей при князьяхъ обозначалъ, по обычаямъ далматскихъ общинъ, такое-же собраніе знатоковъ, вѣщателей права, какъ и древне-русскія думы, польскія рады и пр. См. Смирнова, 302.

дубровницкіе «парци окиньски» и пр.; аналогическое-же значеніе имѣли у другихъ славянъ соки, клеветники и ябетники ¹⁾).

Официальные сборники обычного права (статуты, законники и пр.), появившіеся въ древнее время у славянъ южныхъ и западныхъ, были дѣломъ общинной «господы» и добрыхъ мужей — вѣщателей и хранителей права въ славянскихъ общинахъ. Мужки, обыкновенно «старцы», т. е. лица, знавшія вполнѣ мѣстные обычаи, не творили, а лишь «припоминали» и записывали стародавнія нормы права съ тѣмъ, чтобы лежашіе въ ихъ основѣ народныя обычаи не приходили въ забвеніе, не искажались или измѣнялись на практикѣ, при примѣненіи ихъ судьями и главарями.

Наиболѣе типическимъ образцомъ такой формы распознаванія и записыванія обычного права служитъ составленіе Винодольскаго «закона». Законникъ хорватской общины Винодола составленъ въ 1288 г., по рѣшенію вѣча (вкуп), желавшаго сохранить на будущее время свои «старе искушене (испытанные) законы», которые безъ письменнаго изложенія жили въ памяти старыхъ людей. Избраннымъ на вѣчѣ старѣйшинамъ (старѣшимъ ²⁾), которые «болѣ помнили о законахъ своихъ отцовъ и слышали о нихъ отъ своихъ дѣдовъ», поручено было всѣ добрыя испытанные законы Винодола положить на письмо и свести въ одинъ «законъ», чтобы они впродъ не пришли въ забвеніе («од сада наприд могу се улети блуэнѣ те ричи»). Законы, записанные выборными «по волѣ оптинске и единымъ пристаненемъ и нареенемъ», утверждены вѣчемъ цѣлаго Винодола ради постояннаго соблюденія (блуэне) обычаевъ (см. мое соч.—древ. хорв.-далм. закон., 15). На такихъ-же точно основаніяхъ составленъ былъ въ 1507 г. «законъ» хорватской общины Вепринца. Собраніе мужей городскихъ, для предупрежденія на будущее время неурядицы въ народѣ ³⁾, порѣшило записать старыя «законы», которые всегда были соблюдаемы (держаны) общиной, съ

¹⁾ Въ Полицѣ общины избирали особыхъ приставовъ (опчени пристави): они «сидятъ въ судѣ» и участвуютъ въ совершеніи всякихъ «стварей и дугованья меу людьми», вездѣ надзирая за исполненіемъ наредбъ и законовъ и оберегая общинныя права; въ случаѣ ихъ нарушенія приставы должны были «валити» — открывать виновныхъ и вести ихъ предъ общину (см. мое соч. Хорв.-далм. зак. 91). Съ такой-же ролью оберегателей права цѣлой земли являлись земскіе прокаторы, трибуны и другіе органы правоохраненія въ старыхъ славянскихъ общинахъ (см. ib. 85—88; Мацѣев. Hist. III, 270; Рейца Полит. устр. 4б, 190, 191; Иреч. Sl. pr. I, 177; II, 216; Смирнова, въ Жур. Мин. Пр. 1881, т. 214, стр. 299—о трибунахъ въ далм. общинахъ).

²⁾ Винодольское вѣче избрало для составленія «закона» 39 мужей: дворникъ (глава княж. двора), 9 сатниковъ (городскихъ старшинъ) — по одному отъ cadaго винодольскаго града, 2 судьи, 12 духовныхъ (плованы, проведы и попы) и 15 мірскихъ лицъ. Отъ cadaго города участвовало въ составленіи законника отъ 3 до 6 представителей.

³⁾ «Da bi se odsada napredak kikoli škandalı meju plkom zгаjali tre manı» (Жур. Мин. Пр. 1881, т. 214 стр. 135).

тѣмъ, чтобы они впредь сохранялись и всегда находились на письмѣ. Съ этою цѣлью «старые мужи», помнившіе обычаи за сто лѣтъ¹⁾, записали законы, подтвержденные старой «господой» и передававшіеся по преданію отъ мужа къ мужу («zakoni, ki muz do muza ramesase») ²⁾. Такихъ-же старыхъ паметарей народныхъ обычаевъ пужно видѣть въ мужахъ, которые въ 1388 г., по рѣшенію Сеньскаго вѣча (congregatio), были избраны для составленія статута изъ старыхъ законовъ и обычаевъ Сеньской общины ³⁾. Вообще говоря, статуты, появившіеся въ нѣкоторыхъ южно-славянскихъ общинахъ еще въ византійскій періодъ (до IX в., — напр., статуты г. Арбе ⁴⁾) и основанные на мѣстныхъ правовыхъ обычаяхъ, могли не иначе составляться, какъ старыми мужами—«паметарями» народныхъ обычаевъ. При полномъ господствѣ у славянъ обычнаго права не могло быть и мысли объ особой законодательной функціи, творящей правовыя нормы помимо обычнаго права: «старцы, припоминающіе обычное право, — не законодатели; они только передаютъ нормы, а не творятъ ихъ» ⁵⁾. Такими старцами, припоминавшими обычное право, являлись въ старой Польшѣ «stargoźcy»: сборники обычнаго права, появившіеся съ XIII вѣка въ разныхъ земляхъ польскихъ, составлялись на такихъ-же основаніяхъ, какъ на западѣ *leges barbarorum* или Винодольскій законъ, т. е. на основаніи *reque par tourbes*—опроса околныхъ людей — старожильцевъ объ извѣстныхъ имъ мѣстныхъ обычаяхъ. Показанія старожильцевъ записывались и вносились въ сборники, послужившіе позже главнымъ источникомъ польскихъ статутовъ (см. Жур. Мин. Пр. 1889 г., мартъ, 199). Путемъ такой «передачи» нормъ обычнаго права паметарями, старожильцами, вообще вѣщателями права и могли составляться старые славянскіе «статуты» и «закопники», представлявшіе собой не больше, какъ сборники правовыхъ обычаевъ отдѣльныхъ общинъ, жупъ и цѣлыхъ земель. Таково несомнѣнно происхожденіе хорватскихъ «закопновъ», записанныхъ въ знаменитомъ «Полицкомъ статутѣ» (1400 г.), какъ и происхожденіе древнихъ статутовъ чешско-моравскихъ, напр., статута Конрада конца XII в., позднѣйшихъ «zrizen zemskych» и пр. ⁶⁾. Распо-

¹⁾ «Toga leta se nahajahu muži na Veprince, ki pamečahu let 100, od let sto bio župan Cohil, župan Brnko, ki pameti let 90, župan Bratković, ki pameti let 70, župan Fabić, ki pameti let 80, i tu białe veča starich muži, ki su zapametili staru gospodu». См. Жур. Мин. Пр. 1881 т. 214, стр. 135.

²⁾ См. проф. Буданова—Владим. Незяданые законы юго-зап. славянъ въ Жур. Мин. Пр. 1881, т. 214, стр. 96 и 135.

³⁾ См. Архив Кукулъевича III, 155.

⁴⁾ См. мое соч. Хорв.-далм. зак. 11.

⁵⁾ См. Буданова, въ Жур. Мин. Пр. 1881, т. 214, стр. 97.

⁶⁾ См. Ferwolf, *Staroslov. gady*, 48. Старые славянскіе «закопники» собраны Иречкомъ, въ его «*Svod zakonu slovanskich*» (1880). Нѣкоторые позднѣйшіе статуты и закоп-

знание и передача на письмѣ обычно-правовыхъ нормъ, вообще говоря, представляютъ совершенно тождественныя явленія у средневѣковыхъ германцевъ, славянъ и другихъ арийскихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи составленіе «leges», напримѣръ, средневѣковыхъ Франковъ или Валлійцевъ ничѣмъ, въ существѣ дѣла, не отличается отъ составленія «законовъ» Винодольской или Вепринской общинъ. Западно-европейскіе sapientes, boni homines, viri consuetudinum, legislatores, lagmadr, asega и пр. играли въ дѣлѣ распознаванія и редактированія leges barbarorum ту же самую роль, какъ и въ славянскихъ общинахъ выборные паметари, старые мужи, старожилы и добрые люди, свѣдущіе въ обычномъ правѣ и записывавшіе его въ «законахъ», издававшихся по вѣчевымъ рѣшеніямъ общинъ.

Затѣмъ, подобно тому, какъ на Западѣ въ старое время сборники leges появлялись помимо всякаго участія общественной власти, въ видѣ частнаго дѣла отдѣльныхъ лицъ (см. выше), такъ и у славянъ были въ употребленіи частныя сборники обычнаго права, нерѣдко получавшіе официальное признаніе. Такая форма передачи обычно-правовыхъ нормъ въ особенности практиковалась въ старое время у чеховъ. До XVI вѣка чешскіе судьи руководились по преимуществу частными сборниками законовъ, появившимися въ различное время; таковы, наприм., Pravo země ceské, Rad práva zemského, Wyklad práva cesk. Андрея Дубскаго, Knihy dewateru o práwých země české Викторина Вшеградскаго и пр. (см. Иречка Slov. pr., Мацѣвскаго Hist. и пр.).

Что касается *древне-русскихъ земель*, то въ нихъ изстари извѣстны были вѣщатели права, да и вообще говоря, древнее русское право развивалось и дѣйствовало въ такихъ-же совершенно аналогическихъ формахъ, какъ и право другихъ славянъ и вообще арийцевъ. Въ частной жизни, въ судѣ и нарядѣ — вездѣ, гдѣ только возникали правовые вопросы, главными дѣятелями являлись у насъ въ старое время непременно *вѣдоки* — *мужи, люди добрые* или *лучшіе*, именно въ значеніи вѣщателей или органовъ обычнаго права, — ни частныя сдѣлки не заключались, ни дѣла судебныя, административныя и законодательныя не вершились, безъ болѣе или менѣе дѣятельнаго участія въ нихъ добрыхъ мужей. Необходимость въ вѣщателяхъ и хранителяхъ права обуславливалась всеѣмъ складомъ древне-русской жизни. Какъ уже замѣчено выше, вся

ники (наприм., сербскій законникъ Душана, Вислицкій статутъ, чеш. Majestas Carolina и пр.), въ которыхъ замѣчаются болѣе или менѣе сильныя вліянія элементовъ, чуждыхъ обычному праву народа, могли *составляться* на вѣчахъ путемъ законодательнаго творчества; но тѣмъ не менѣе и здѣсь статутыя положенія объ институтахъ, взятыхъ изъ обычнаго права народа, не «творились», а могли «передаваться» только мужами — «паметарями», вѣщателями обычнаго права, каковыми на земскихъ вѣчахъ являлись сербскіе «властели большіе и малые» или чешскіе и польскіе barones, rany-rada и пр.

жизнь старыхъ русскихъ земель опредѣлялась обычаемъ. Въ частной и общественной жизни все было на немъ основано, а между тѣмъ онъ держался на одномъ преданьи, могъ познаваться лишь путемъ личнаго опыта «свѣдующихъ» людей—органовъ и вѣщателей права (*enquête par tourbes*). Всякая гражданская сдѣлка, порождавшая извѣстныя права и обязанности, могла приобрѣтать правовую силу только путемъ воздѣйствія на нее общины, совершалась поэтому публично, при участіи органовъ общины, гарантировавшихъ дѣйствительность всякихъ сдѣлокъ и обязательствъ, возникавшихъ между отдѣльными лицами. Затѣмъ круговая порука, лежавшая въ основѣ стараго земскаго строя, необходимо вызывала участіе общины или ея представителей во всѣхъ стадіяхъ суда и наряда; это въ особенности нужно сказать о дѣлахъ уголовныхъ, влекшихъ за собой отвѣтственность общины (дикая вира). Участіе земскаго элемента (боарь, старцевъ, посадниковъ, судныхъ мужей) въ судѣ и нарядѣ князей и ихъ мужей—намѣстниковъ и волостелей являлось, наконецъ, естественною необходимою въ виду первоначальнаго положенія въ русскихъ земляхъ князей и ихъ намѣстниковъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, они представляли собой чуждый элементъ, мало знакомый съ мѣстными порядками, и потому «должны были или судить совершенно произвольно (что на дѣлѣ могло вести къ изгойству тѣхъ и другихъ), или обратиться къ такимъ лицамъ, которыя знали мѣстный обычай» (см. Дмитр. Ист. суд. инст. 46»).

Возрѣніе на «добрыхъ людей», принимавшихъ участіе въ разнообразныхъ частныхъ сдѣлкахъ и во всѣхъ сколько нибудь важныхъ общественныхъ дѣлахъ именно въ роли вѣщателей права, нельзя считать новостью въ наукѣ. Подобное возрѣніе стали высказывать изслѣдователи русской старины еще полстолѣтіе тому назадъ. Уже въ 30-хъ годахъ Морошкинъ указывалъ на древне-русскихъ «добрыхъ людей», какъ на органы обычнаго права: «право жить въ народныхъ обычаяхъ, и *вѣщатели* его суть цѣловальники, люди добрые, люди лучшіе; они наполняютъ формы суда матеріальнымъ содержаніемъ» (см. Морошк. Рѣчь объ уложеніи и послѣд. его развитіи, 16). Роль добрыхъ людей въ качествѣ *судныхъ мужей* давно уже опредѣлена въ наукѣ довольно точнымъ образомъ. Вѣщатели и органы обычнаго права являлись на судѣ въ качествѣ судныхъ мужей-представителей общины, людей земскихъ, которые должны были вѣщать и узнавать правду или, по точному выраженію старыхъ памятниковъ, «стеречи правду» (или «правду беречи»), т. е. являлись на судѣ вѣщателями права, съ такими же функціями, какъ и древне-германскіе *boni* или *idonei homines*, *rachinburgii*, *schöpfen* (*schöffen*, *Urtheilfinder*), *scabini* и пр. (см. Дмитриева Истор. судеб. инстанцій, 41 и сл.; Бѣляева о позем. влад., въ Времен. XI, 6; Шпилевскаго Объ источникахъ рус. права, 31; Дюверпуа Источники права, 94 и др.). Что касается добрыхъ людей и мужей, являвшихся на судѣ въ старое время въ роли *послуховъ*, то значеніе ихъ подлежитъ

спору: рядомъ съ изслѣдователями, признающими общественное значеніе добрыхъ людей—послуховъ, какъ вѣщателей и оберегателей права, доселѣ есть изслѣдователи, считающіе старыхъ послуховъ—добрыхъ людей лишь простыми «очевидцами», свидѣтелями факта, а не права ¹⁾. Съ 50-хъ годовъ начинается выясняться въ нашей историко-юридической литературѣ воззрѣніе на общественную дѣятельность «добрыхъ людей» въ смыслѣ свидѣтельства общины—института, аналогическаго съ enquête или receive par tourbes средневѣковаго европейскаго права, и при томъ не только въ отношеніи къ «суднымъ мужамъ», но и къ «добрымъ людямъ—послухамъ», принимавшимъ участіе въ совершеніи частныхъ сдѣлокъ и въ цѣломъ производствѣ процесса. Энгельманъ и Пахманъ первые подмѣтили характерную черту свидѣтелей, особенно «постороннихъ людей», сближавшую ихъ съ судьями: показаніе такихъ послуховъ «всегда имѣло безусловную силу,—дѣла рѣшались всегда по нему» (см. Энгельмана Систем. излож. гражд. законовъ Псков. суд. гр., 136; Пахмана О судеб. доказательствахъ, 47). Еще опредѣленнѣе ставится этотъ вопросъ послѣдующими изслѣдователями. По замѣчанію проф. Демченка, «сила показаній послуховъ не могла зависѣть отъ степени ихъ убѣдительности для суда, ни подлежать опроверженію противной стороны». Русская Правда видитъ въ послухахъ «лицъ, которыя являлись на судъ или сами собою, какъ бы *по общей къ тому обязанности*, или хотя и по призыву тяжущихся, но не въ качествѣ сторонниковъ того или другаго изъ нихъ, съ цѣлью убѣдить судъ въ справедливости самыхъ ихъ показаній, а какъ *постороннія лица*, отъ которыхъ можно было узнать обстоятельства судебного спора независимо отъ тяжущихся» ²⁾. Послухи «были вмѣстѣ и *судьями фактическаго вопроса* въ дѣлѣ, оставившими для суда собственно только опредѣленіе юридическихъ послѣдствій признаннаго ими факта» (см. Демченка Историч. изслѣд. о свидѣт. показ., 47—48) ³⁾. Поучительны также замѣчанія проф. Дювернуа по вопросу о «свободныхъ мужахъ—

¹⁾ Еще недавно такое воззрѣніе было высказано г. Липнякимъ, въ критической статьѣ по поводу «Грамотъ XIV и XV вѣковъ» Мейчика (См. Жур. Мп. Пр. 1885 г., сент., 148 и слѣд.), и Мрочекъ—Дровдовскимъ, въ его «Изслѣдованіяхъ о Рус. Правдѣ», П., 246.

²⁾ Вслѣдствіе этого и показанія послуховъ «имѣли силу *независимо* отъ показанія стороны, которая на нихъ ссылалась, т. е. независимо отъ того, согласовались ли они въ своихъ показаніяхъ съ нею, или же нѣтъ».

³⁾ Слѣды прежняго значенія свидѣтелей еще долго оставались въ послѣдующемъ законодательствѣ. Наибольше они замѣтны въ Псковской грамотѣ—особенно въ свидѣтельствѣ *стороннихъ людей*, запечатлѣнномъ прежнимъ характеромъ. Слѣды стараго послушества сохранились еще въ первомъ Судебникѣ. См. Демченка Изслѣд. 56 и слѣд. Подъ «сторонними людьми» разумѣлись собств. «окольные сосѣди», не участвовавшіе въ дѣлѣ (см. Пек. гр. 34 и пр.).

послухахъ», какъ институтъ, имѣвшемъ по своей первоначальной природѣ значеніе свидѣтельства общины или ея представителей ¹⁾. Для юридической силы всякой сдѣлки, всякаго акта требовалось по древнему русскому праву присутствіе свободныхъ мужей: если такіе люди были при передачѣ вещи, при взятіи денегъ, тогда вещь будетъ принадлежать на правѣ собственности купив-

¹⁾ Для выясненія природы древнерусскаго послушества проѡ. Дювернуа весьма остроумно сравниваетъ русскіихъ послуховъ съ древними римскими testes и съ герман. boni homines и приходитъ къ заключенію о полной аналогіи всѣхъ этихъ институтовъ. Руководясь извѣстными трудами Савинья и Іеринга, Дювернуа такъ опредѣляетъ значеніе римскихъ testes и германскихъ boni homines. Testes (rogati) означали по древнему римскому праву *представителей* римскаго народа (въ числѣ пяти — по одному представителю отъ каждаго народнаго класса), присутствіе которыхъ непремѣнно требовалось при всякой гражданской сдѣлкѣ. Народные представители были необходимы для самаго существованія сдѣлокъ. «Дѣйствія лица, направленные къ установленію права, могли получить освѣщеніе голосомъ всего народа или его представителей; безъ таково освѣщенія не существуютъ самыя важныя послѣдствія совершеннаго лицомъ дѣйствія. Римскіе testes непремѣнно мужи, puberes, cives romani. Если дѣйствіе совершено предъ этими лицами, то въ актѣ участвуютъ не два только лица, за ними другая сила. Нарушеніе или неуваженіе такого акта, котораго юридическія послѣдствія гарантируетъ весь народъ или свободно призванные его представители, будетъ поступкомъ, направленнымъ прямо противъ юридическаго порядка. Въ сдѣлкѣ заключался какъ бы заранѣе произнесенный въ присутствіи всѣхъ классовъ народа приговоръ. Въ формѣ совершенія сдѣлокъ, въ ихъ составѣ, въ ихъ содержаніи можно различить такіе элементы, что понятіе сдѣлки, судебнаго рѣшенія и закона представится намъ въ совершенно новомъ сочетаніи. Простой актъ завѣщанія будетъ заключать въ себѣ элементъ закона, это не сдѣлка въ нашемъ смыслѣ, — это по силѣ дѣйствія настоящій законодательный актъ. Простой контрактъ включаетъ въ себѣ опять не одну волю и соглашеніе частныхъ лицъ,—въ немъ скрывается какъ бы заранѣе установленный приговоръ. Для произведенія всѣхъ такихъ рѣшающихъ послѣдствій сдѣлки требуется одно,—надо, чтобы она совершена была передъ пятью свидѣтелями, quinque testes, cives romani, puberes» (см. Дювернуа Источн. 96—97). Тотъ-же элементъ общественнаго представительства, санкціонировавшаго и защищавшаго на судѣ права, возникшія изъ сдѣлокъ, замѣчается въ древнегерм. *boni homines*; они призываются то какъ свидѣтели сдѣлокъ, то какъ Urtheilfinder'ы. Для сдѣлки нужны тѣ-же лица, что и для суда. Свидѣтели сдѣлки—не простые очевидцы событія. Въ нихъ скрывается другое значеніе. Они существенно необходимы для того, чтобы возникла юридическая сдѣлка. Безъ свидѣтелей не будетъ сдѣлки, какъ не будетъ судебнаго приговора, если нѣтъ шефеновъ. Свидѣтели, подобно рим. testes, гарантируютъ дѣйствительность сдѣлки, защищая ея на судѣ. «Что совершено предъ свободными людьми, на томъ лежитъ отпечатокъ права, — это не простой фактъ, не простая передача вещи, это переносъ прова собственности или установленіе обязательства, которое будетъ имѣть силу предъ судомъ. Въ германскомъ мірѣ, какъ и въ римскомъ, свободный человѣкъ дѣйствуетъ во имя права: одинъ только голосъ общины или одни свободные мужи, представляющіе свою общину, могутъ узнать и дать силу праву. Все право состоитъ изъ ихъ изрѣченій (Willkühgen), всѣ юридическія отношенія ими поддерживаются, всѣ сдѣлки гарантированы ихъ присутствіемъ или участіемъ» (см. Дювернуа Источн. 93—94, 98—99).

шему,—тогда будетъ настоящій заемъ, настоящій долгъ. Если нѣтъ свободныхъ послуховъ, тогда нѣтъ никакой сдѣлки, никакого права, никакого иска. Едва нужно отыскивать право, узнать его, словомъ, какъ только рождается *юридическій вопросъ*, тотчасъ же нужны свободные люди, все равно—свидѣтели сдѣлки или рѣшители спора, но именно свободные, призванные сторонами мужи, которые принимаютъ на себя открытѣ право. Присутствіе свободныхъ послуховъ не просто удостовѣряетъ фактъ. Ихъ присутствіе сообщаетъ юридическую силу такимъ дѣйствіямъ, которыя безъ того остались бы простымъ фактомъ. Свидѣтель сдѣлки былъ не только очевидцемъ, но въ тоже время содѣйствовалъ сторонамъ. Послухи сдѣлокъ должны были утверждать, давать силу праву, возникавшему изъ сдѣлки,—должны были не только *знать*, но еще и *стоять за правду и противъ неправды*. Такимъ образомъ, «понятіе *содѣйствія* и понятіе *въдущаго* заключаются въ достоинствѣ свидѣтеля, какъ его представляла древняя мысль... Сопоставляя этотъ смыслъ послушества (пособничества при совершеніи сдѣлки) съ первоначальнымъ значеніемъ свидѣтеля, какъ челоуѣка въдущаго, мы получаемъ оба необходимыхъ качества, на которыхъ нѣмецкіе ученые строятъ свои заключенія объ роли, которую играла въ древнемъ судѣ сперва община, потомъ свободные ея представители» (см. Дювернуа Источники права, 99—103) ¹⁾.

Въ самыхъ наименованіяхъ, какія придаются въ старыхъ памятникахъ лицамъ, участвовавшимъ въ частныхъ сдѣлкахъ, также въ судѣ и другихъ земскихъ дѣлахъ, въ роли рядцевъ-послуховъ, пособниковъ, знахарей и рѣшителей споровъ, раскрываются всѣ основныя функція, какія вообще въ старое время вездѣ отправляли вѣщатели и хранители права.

Общимъ, родовымъ наименованіемъ такихъ лицъ было *мужи* ²⁾. Такъ на-

¹⁾ Такихъ-же воззрѣній, о значеніи древнерусскаго послушества держатся и позднѣйшіе изслѣдователи. Мейчикъ, наприм., въ замѣчаніяхъ объ изданныхъ имъ грамотахъ XIV и XV вѣковъ, смотритъ на «мужей-старожильцевъ, добрыхъ людей и знахорей», какъ на «представителей общественной совѣсти», своимъ отзывомъ опредѣлявшихъ правомѣрность сдѣлокъ и обладавшихъ «цѣлостнымъ и конкретнымъ знаніемъ права». По мнѣнію автора, «понятіе послуха оказывается весьма сложнымъ: начинаясь простымъ свидѣтельствомъ, оно постепенно возвышается до роли свѣдущихъ людей и присяжныхъ. Роль послуха искони была проникнута общественнымъ характеромъ. Она коренилась въ той дѣятельной взаимопомощи, которая въ древнемъ строѣ русской жизни шла рука объ руку съ самодѣятельностію личности» (См. Мейчика Грамоты 43 — 44, 51, 54). Будановъ — Владимірейскій точно также не считаетъ послуховъ Рус. Пр. только свидѣтелями-очевидцами; послухи — «пособники» сторонъ на судѣ, — «свидѣтели заключенной сдѣлки, которые въ то-же время были судьями относительно этой сдѣлки. Не только въ искахъ, возникавшихъ изъ договоровъ, но и уголовныхъ, «послухи должны разсудить» (Эплога зач. 16, ст. 7 См. Христ. I, стр. 28, прим. 19; Обзоръ ист. II, 260).

²⁾ Въ одинаковомъ смыслѣ съ мужами говорится также о *людяхъ*: они являются на судѣ какъ послухи, съ ними гонится слѣдъ и пр. (см. Р. Пр. Кар. 78, 88, III).

зывались у всѣхъ славянъ члены общины вообще и въ особенности лица, занимавшія въ ней выдающееся положеніе. «Племенитые, мудрые, добрые мужи» или просто «мужи», по старо-славянскимъ памятникамъ, обозначаютъ по преимуществу старцевъ, старшинъ, властелей, бояръ и вообще выдающихся членовъ общины, противопологавшихся кметамъ, смердамъ (*smardones*) и пр.¹⁾ Такое же значеніе дается мужамъ въ русскихъ памятникахъ. Старшіе дружинники и бояре назывались (наприм., по Рус. Правдѣ) по преимуществу мужами и противопологались «молоди», смердамъ и пр. Затѣмъ и вообще, въ отношеніи къ своей общинѣ и волости всякій свободный и полноправный ея членъ, въ качествѣ «земскаго» человѣка, земца, получалъ эпитетъ «мужа», отличавшій его съ одной стороны отъ отрока и холопа, а съ другой—отъ чужеземца, человѣка чужаго, заволостнаго, принадлежавшаго къ другой общинѣ, волости или землѣ. По своему коренному смыслу, «мужъ» у славянъ означалъ вообще людей выдающагося положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ «свѣдущихъ», сближавшихся до извѣстной степени съ «вѣщими», «мудрыми» людьми²⁾. Мужемъ считал-

¹⁾ См. Miklos. Mon. 8, 221; Пуличъ Стен. 48 и пр., «Всі людие нѣсу еднаци: есу властеле и есу кметии» (Пулич. 3),—противоположеніе, подъ которое можно подставить противоположеніе мужей и смердовъ, людиновъ, встрѣчающееся въ Рус. Правдѣ.

²⁾ Филологи-слависты даютъ различныя объясненія генезиса слова «мужъ». *Миклошичъ* производить его отъ корня «мь» (*man, ma, думать, мыслить*) и сближаетъ съ гот. *manpa* и нѣм. *man*, въ смыслѣ думающаго, мыслящаго, вѣдущаго (см. Mikl. Lexic. Paläosl. 395). *Шлейхеръ* и *Шимкевичъ* приравниваютъ сл. «мужъ» къ скр. *manuga* (*Urmensch*, рожденный отъ Ману послѣ потопа); Шлейхеръ, впрочемъ, признаетъ, согласно съ Миклошичемъ, и самостоятельное славянское образованіе отъ корня «man» (см. Schleicher Formenlehre d. kirch. Slaw. Sprache, 111; Шимкевича Корнесловъ рус. яз. 1842). Покойный проф. П. А. Лавровскій останавливается на значеніи слова мужъ въ степеняхъ человѣческаго возраста: «здѣсь встрѣчаемъ понятіе силы, крѣпости, мощи, почему мужъ—синовимъ человѣка *крѣпкого, сильного*. Въ этомъ смыслѣ сл. мужъ сближается съ лат. *vir* (отъ кор. *vir*—быть сильнымъ, крѣпкимъ, отсюда *virah*—герой) и происходитъ отъ корня *mah*—расти, быть сильнымъ (*crecere, potentem esse*). Лавровскій, согласно съ Боппомъ (*Glossar. Sanscrit.*), сравниваетъ съ «мужемъ» гот. *mag*, нѣм. *mögen* и *mahst*, слав. могу, мощи. «Переходъ отъ кореннаго значенія *расти* къ *силѣ*, господству и возрасту, соединяющему въ себѣ эту силу, оправдывается другимъ санскр. терминомъ *vardh* (*crecere, augete*): здѣсь удерживается понятіе власти, господства,—*vardha*—возмужалый человѣкъ, старецъ (т. е. крѣпкій, мужественный). Отсюда понятію, почему мужъ у славянъ означаетъ людей извѣстнаго положенія—свободныхъ, сильныхъ, владѣвшихъ полнымъ правомъ гражданства, иногда воиновъ» (см. Лавровскаго Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ, — въ Прилож. къ XII тому Записокъ Акад. наукъ 1867, стр. 3—6). Не считая себя компетентнымъ въ филологическихъ вопросахъ, не могу однако не указать (см. текстъ) на замѣчательную форму, которою древній славянскій языкъ выражалъ дѣятельность мужа, именно не въ смыслѣ силы, а *вѣднія, знагорьства*, — что, какъ кажется, оправдываетъ корнесловъ мужа въ смыслѣ думца, человѣка вѣдущаго, согласно съ анализомъ Миклошича—отъ *ma, man* — думать, мыслить, понимать. Въ языкахъ западно-европейскихъ и

ся тотъ, кто пользовался въ своей общинѣ значеніемъ и свободой, за кѣмъ признавались всѣ права члена общины, а главное — кто личнымъ опытомъ извѣдалъ ея порядки и обычаи и потому могъ имѣть мнѣніе и голосъ при всякихъ частныхъ сдѣлкахъ, какъ и на судѣ, нарядѣ, вѣчѣ и вообще по всякимъ земскимъ дѣламъ. Мужемъ могъ быть тотъ, кто по дѣламъ частнымъ и общественнымъ, по меткому выраженію старыхъ русскихъ актовъ, владѣлъ способностію «*мужевать*», или, что одно и тоже, «сказывать знахорство», «*послушествовать*», «правду стеречи» — словомъ, быть вѣшателемъ и хранителемъ народныхъ обычаевъ — пошлинъ. Въ старыхъ славянскихъ памятникахъ дѣятельность мужей выражалась словами: мужьѣти — *virum fieri*, мужь — ствовати — *virili agiter* (см. Miklos. Lexic. Palaeosl.). На что, главнымъ образомъ, направлялась дѣятельность мужей, весьма наглядно показываютъ рус-

азіатскихъ арійцевъ нѣтъ ни одного названія мужа, которое-бы непосредственно можно было сближать съ арійскимъ корнемъ *mah* (расти); только въ готскомъ языкѣ встрѣчаются названія мальчика (*magu*) и дѣвочки (*mavi*, вѣсто *magvi*), въ смыслѣ подростковъ (о *mah* и его производныхъ см. Fick Vergl. Wörterb. I, 168—169, 388; Vaníček Wörterb., 682, 685). Всѣ названія «мужа» возводятся къ тремъ корнесловамъ: *ma*, *man* (думать, мыслить, понимать, вѣдать), *er*, *var*, *vir* (*arcere*, *tegere*, *sustendere*) и *ar* (*netzen*, *besprengen*). а) Отъ *ma*, *man*, болыинство филологовъ производятъ: скр. *manu*, *manus*, *manuga* — человѣкъ, *Urmensch*, мудрецъ; зенд. *manus*—герой, др.-герм. *man*, *manna*, *menior*—Denker, мужъ; гот. *manpa* (см. Fick I, 164]—165, 391; Vaníček. 659; Pott, I, 965; Deecke Verwandtsch.-Namen, 44, 171). б) Отъ *er*, *vir*, производятъ: скр. *virá*—сильный человѣкъ, мужъ, — *virah*—герой; зенд., *vira*—мужъ, герой; лат. *vir*; др. ирл. *fer*, *fir*; кимвр. *gwt*; др. нѣм. *wër*; гот. *vaira*, *vairs*; литов. *vugas*; латыш. *virs*—вездѣ въ смыслѣ мужа (см. Fick I, 221, 786; II, 241; Vaníček. 967—968; Pictet II, 256; Böhntlingk Sanser. Wört. VI, 1296; Curtius Grundzüge 576; Alquist Kulturwört. 204; Kurschat Wört. II, 44). Въ славян. языкѣ первичное арійское значеніе мужа, повидимому, сохранилось въ словѣ «дѣверъ» — братъ мужа буквально «сомужникъ». Слово дѣверъ различно производятъ; наиболее подходящій корнесловъ—*dā* принимать участіе (съ прибавкой *er*, *var*)—сомужникъ. Ср. скр. *daivar*, *devar*, греч. *δαίρ*, лат. *levir*, литов. *deveris* (см. Fick I. 100; Vaníček. 353 и слѣд.; Mikl. Lex. 185. Pictet I, 65; Kurschat II, 44; M. Müller Myth. comp. 42; Лавров. 70—73). в) Отъ *ar* производятъ: скр. *nar*, *naga*, *Urmensch*, мужъ; зенд. *nar* мужъ, гр. *ἀνῆρ*, *ἀνῆρως*; умбр. *ner* мужъ, герой; ирл. *near*—*nert vis*, *valor*, *Mannheit* (см. Fick. I, 128, 649; Vaníček. 50; Böhntlingk IV, 54; Curtius 308). У финно-тюркскихъ племенъ, какъ показываютъ изслѣдованія Альвиста и Ванбери, нѣкоторые названія мужа образовались, повидимому, подъ вліяніемъ арійскихъ корнеслововъ: отъ *man*—фин. *mies*, лив. *mies* и *imi* (*imm*—*saugen*); отъ *vir*: фин. *uros*, мадьяр. *ur*, зырян. *verõs*, *veres*; въ языкахъ татаръ, якутъ, чувашъ и ир. есть названія мужа—*er*, *ar*, *ir* и др., повидимому, также отъ арій *ar* (см. Alquist Kulturwört. 204; Siögren Liv. Wört. 21, 62, 277; Vambéry Etym. Wörterb. d. Turko-Tat. Sprachen, 33 — 34). Кромѣ заимствованныхъ отъ арійцевъ названій мужа, въ языкахъ тюрко-финскихъ есть и національные термины (см. Vambéry 6, 90, 194, также словари: Böhntlingk Sprache d. Jakut., Alquist Mordv. Gramm., Савваитова Зырян. слов., Злотницкаго Чуваш. слов., Остроумова Слов. Казан. татаръ и др.).

скіе юридическіе акты стараго времени. Въ старыхъ правыхъ грамотахъ (по поземельнымъ и другимъ дѣламъ) нерѣдко встрѣчаемъ такіа техническіа выраженія: «ихъ-же *знахорь* инъ не по нихъ *мужевали*» (см. Ак., относ. до юрид. быта, 638), т. е. лицо, на которое сдѣлана ссылка, какъ на послуха— знатока, могущаго сообщить суду свѣдѣнія касательно обстоятельствъ спорнаго дѣла, дало свѣдѣнія не полныя, или же вовсе отказалось, по невѣдѣнію, отъ дачи какихъ либо свѣдѣній по дѣлу («знахори ихъ того не мужевали») и пр.¹⁾ Кто не обладалъ вѣдѣніемъ, знаніемъ, потребнымъ въ данномъ случаѣ (по суду, наряду и пр.), тотъ не могъ считаться и мужемъ, не могъ «мужевать»; голосъ такого мужа не имѣлъ никакого рѣшающаго значенія въ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра: при судебномъ разбирательствѣ поземельнаго спора князя Оболенскаго съ Троицко-Сергіевымъ монастыремъ, «знахори», выставленные каждой стороной отдѣльно, «сказали свое знахорьство» путемъ «отвода» межъ спорныхъ земель, причемъ княжескіе знахори сказали неполное знахорьство («мы по сесь дубъ по сухой между знаем, а дале не знаем»), тогда какъ монастырскіе знахори произвели на мѣстѣ точный отводъ земель. Знахорьство послѣднихъ получило значеніе рѣшающаго акта, легшаго въ основу судебного приговора: вел. князь «межу имъ (монастырю) велѣлъ судие учинити по тому, какъ имъ ихъ знахори отвели» (см. Мейчика Грамоты, Прилож. III, № 3, стр. 107). Такіе знахори назывались мужами (ib. стр. 109). Название мужей, по памятникамъ, примѣняется къ рядцамъ и послухамъ, присутствовавшимъ при частныхъ сдѣлкахъ, къ лицамъ, дававшимъ показанія на судѣ, бывшимъ на «сводѣ» или «гоненіи слѣда», «разводѣ» или «разъѣздѣ» земель. Мужи опредѣляли размѣръ мѣстныхъ повинностей (наприм. монастырскихъ крестьянъ) и податей (посошной и пр.), согласно съ стародавней пошлиной,—изъ нихъ избирались «судные» мужи, «бояре» и думцы княжіе; они же наконецъ дѣйствовали «на торгу», какъ главные «вѣчники», голосъ которыхъ принимался въ основу вѣчевыхъ рѣшеній.

Мужей, въ смыслѣ «вѣдущихъ» или «вѣщихъ» членовъ общины, нужно видѣть въ упомянутыхъ выше знахоряхъ, также видокахъ, свидѣтеляхъ, послухахъ и судныхъ мужахъ, людяхъ свободныхъ, добрыхъ или лучшихъ, старцахъ или старожильцахъ, окольныхъ и постороннихъ людяхъ, сосѣдяхъ, рядцахъ, сидѣльцахъ, заѣздицахъ и пр. Постараемся сначала опредѣлить по возможности точно первоначальное, коренное значеніе мужей, носившихъ перечисленныя выше названія.

¹⁾ «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю»—извѣстная свидѣтельская формула, по всей вѣроятности образовалась еще въ пору старыхъ мужей-вѣщателей.

Знахорь — древний славянский институт. Знахори-мужи, являвшиеся на судъ и нарядъ въ качествѣ свѣдущихъ членовъ общины, упоминаются не только въ старыхъ русскихъ, но и сербскихъ памятникахъ ¹⁾, и всегда съ одинаковымъ значеніемъ людей вѣдущихъ (вѣщихъ), знающихъ и т. п. ²⁾.

Что касается *видока*, о которомъ говоритъ главнымъ образомъ Рус. Пр. ³⁾, то коренное, первичное значеніе этого термина, сколько извѣстно, вовсе не разъяснено нашими юристами-историками. Обыкновенно полагаютъ, что видокъ (отъ «видѣть») — *testis de visu*, свидѣтель-очевидецъ (см. Пахмана о судеб. доказат. 125—127, Довернуа, 100—101 и др.). Дѣло въ томъ, что, какъ уже замѣчено выше, одни и тѣ-же правовые термины въ старыхъ памятникахъ употребляются нерѣдко въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ, смотря по мѣсту и времени изданія актовъ, въ которыхъ встрѣчаются данные термины. Въ Рус. Правдѣ и памятникахъ позднѣйшихъ эпохъ можно найти совершенно одинаковые термины и названія; но дѣло въ томъ, что ихъ внутренній смыслъ можетъ вовсе не совпадать и потому отъ значенія данного термина по памятникамъ, напримѣръ, московской эпохи, не всегда можно заключать къ значенію этого-же термина въ древнее время, — обстоятельство, которое не всегда имѣютъ въ виду изслѣдователи. Мрочекъ—Дроздовскій, напримѣръ, въ своихъ глоссахъ терминовъ Рус. Правды, встрѣчая въ одномъ московскомъ актѣ слово «видокъ» въ значеніи свидѣтеля-очевидца, не затрудняется глоссировать и видока Рус. Правды, какъ *testis de visu* (см. Изслѣд. о Рус. Пр. II, 135). Такой приемъ еще можно было-бы оправдать, если-бы слово «видокъ» употреблялось въ Рус. Правдѣ исключительно въ смыслъ свидѣтеля, дающаго на судѣ свои показанія; но Рус. Правда говоритъ, кромѣ того, о такой роли видока, которая не имѣетъ ничего общаго съ судебной дѣятельностію *testis de visu*. Видоками въ эпоху Русской Правды назывались, кромѣ свидѣтелей (какъ увидимъ, въ роли славянскихъ «помочниковъ» и «очистниковъ»), также мужи или послухи («rosly» по древн. чешскому праву), *предъ которыми* на конахъ (*osadach* чеш-

¹⁾ См. Miklos. Lexic. Palaeosl. s. v. знахорь.

²⁾ Миклошичъ сопоставляетъ древне-славянскаго «знахоря» съ *gnarus*, отъ кор. *gna*—*cognosco*, *уѣдѣти*. Но Пятъ отъ того-же корня произошли скр. *gnatar* — свидѣтель и хранитель, оберегатель, греч. *γνωστῆρ*, дат. *cognitor*—знаюкъ, защитникъ и пр. (см. Pictet III, 164—165). По Герингу значеніе древ.-герм. свидѣтеля также сводится къ понятію знающаго, *Wissender* (*Geist d. Rom. Recht*, I, 143).

³⁾ Послѣ Рус. Правды слово видокъ скоро исчезаетъ въ нашихъ памятникахъ и замѣняется знахоремъ или просто свидѣтелемъ и послухомъ. Позже лишь изрѣдка употребляется въ актѣхъ наименованіе видокъ, утратившее однако первоначальное значеніе и означавшее просто очевидца: «а скажетъ ища, что у него отняли чужіе животы. . а на грабенъ видокъвъ итъ, и ивъ въ томъ присужати цѣлованье съ жеребья» (см. А. А. Э. III, 36).

скихъ, копахъ или купахъ — литов.-русскихъ народныхъ сходкахъ) велся «сводъ» по вещнымъ и долговымъ искамъ и которые въ данномъ случаѣ имѣли такое-же значеніе, какъ и позднѣйшіе «судныя мужи» по поземельнымъ и другимъ дѣламъ или древн. герм. Urtheilfinder'ы—Schöffen, scabini и пр. (см. Р. Пр. ак. сп. 14, 15; кар. 44; ср. Иречка Изслѣд. о жупн. судахъ, въ архивѣ Калачова, VI, 40—41; мое соч. Рус. Правда и Лит. стат. 76—79). Видоками затѣмъ назывались «свободные мужи» или «послухи», которые «выводились» въ замѣнъ свода (когда истецъ «начнетъ не знати, оу кого боудеть коушилъ» вещь, оказавшуюся татебною), въ качествѣ лицъ, опять таки *предъ которыми* была куплена спорная вещь (Пр. Кар. 33; ср. 36). Въ обоихъ случаяхъ послухи «смѣняются» видоками. По этому поводу, проф. Дювернуа замѣчаетъ: «насъ не должно смущать такое явленіе: мы знаемъ, что Рус. Правда не составляетъ первообразнаго акта старой юридической практики, — что это искусственно образованный (?) сборникъ. Въ подлинныхъ актахъ сдѣлокъ, которые дошли до насъ отъ позднѣйшаго времени, мы ни разу не встрѣтимъ названіе видока вмѣсто названія послуха. Въ этихъ актахъ употребляются довольно безразлично только два названія, послухи и добрые люда» (Источн. 101). Дѣйствительно, въ подлинныхъ актахъ позднѣйшаго времени не встрѣчаемъ замѣны послуха видокомъ и это совершенно понятно: какъ уже замѣчено, слово видокъ исчезаетъ въ нашихъ памятникахъ послѣ Русской Правды. Не совѣмъ исчезаетъ однако самое понятіе, соединявшееся въ эпоху Правды съ словомъ видокъ, — что въ старое время разумѣлось подъ именемъ видока, то позже стало входить въ понятіе знахоря. Знахори-же и послухи употребляются позже въ актахъ столь-же безразлично, какъ и послухи и добрые люди. Смѣну послуховъ видоками нельзя объяснять «искусственнымъ образованіемъ» Рус. Правды; при ближайшемъ изученіи дѣла оказывается, что въ данномъ случаѣ (какъ и въ другихъ) не можетъ быть рѣчи о Правдѣ, какъ «не первообразномъ актѣ старой юридической практики». Оказывается, что именно въ употребленіи слова видокъ и въ замѣнѣ его словомъ послухъ Правда весьма твердо стоитъ на почвѣ «старой юридической практики», воспроизводитъ «достоинство послуха, какъ его представляла древняя мысль», въ смыслѣ «вѣщателя», знахоря «пошлинъ» и вмѣстѣ «посла», представителя общины, — достоинство, которое старая мысль совмѣщала въ одномъ и томъ-же органѣ «добрыхъ людей» — вѣщателей и хранителей права (см. выше). Можно, конечно, представлять и всякаго очевидца факторовъ знанія: «всякій, кто знаетъ что-либо, есть *знахарь, свѣдѣтель*, а коли на него ссылаются на судѣ, то онъ тамъ дѣйствуетъ прямо въ смыслѣ судебного доказателя» (Мрочекъ—Дроздовъ, 245). Но все дѣло въ томъ, что старая мысль не всякаго «знатока» представляла *знахаремъ, вѣдокомъ и свѣдѣтелемъ*: все зависѣло здѣсь отъ объекта знанія, характера дѣятельности знатока и сферы примѣненія его знаній къ дѣлу, а потому и могутъ

быть весьма резонныя «причины видѣть въ послухѣ (прибавимъ, и видокѣ) фактора тяжбы», отличнаго отъ очевидца-свидѣтеля.

Коренное значеніе *видока*, какъ и *свидѣтеля*, объясняется данными сравнительнаго языковеденія. Филологи уже давно производятъ оба эти термина отъ одного и того-же корня, но только не въ смыслѣ «видѣть», а «*вѣдѣти*», «*вѣдать*» (*scire*, а не *videre*). Русской формѣ приведенныхъ терминовъ соотвѣтствуетъ старославянская форма—*вѣдокъ* или *вѣдомъ* (ἐπιστήμων, gnarus), *свѣдѣтель*¹⁾ (μαρτυς, testis), также *свѣдокъ* (*consciens, testis*). Последняя форма преобладаетъ въ западно-русскихъ памятникахъ (свѣдокъ, сведокъ, сведомъ, светки, —А. Ю. и Зап. Рос. I, № 22, V. Времен. XVI, 18; Лит. Стат. 1529, VII, 2, 16, 28 и др.; Рус. Пр. и Лит. Ст. 55, 71) и въ актахъ юго-западныхъ славянъ²⁾. По даннымъ сравнительной арійской филологіи, «свѣдѣтель» и «вѣдокъ» происходятъ отъ общаго корня *vid* (*scire*); отсюда также скр. *vēttar* (*vēdtar*) знатокъ, мудрый, ирл. *fiadh*, гот. *veitrōds*, англ.-сакс. *gewita*, сканд. *vitni*, др. герм. *gewizo*, *vitzig*—вездѣ въ значеніи слав. свѣдѣтеля³⁾. Въ точно опредѣленномъ значеніи «вѣдушаго» употребляется слово «свѣдѣтель» въ Несторовой лѣтописи, при описаніи наказаній, какимъ Богъ (судья — свѣдѣтель, т. е. вѣдающій, знающій людскія прегрѣшенія) подвергаетъ людей за грѣхи: «вы бо уклонистеся отъ пути моего, глаголетъ Господь, и соблазнисте многи: сего ради буду *свѣдѣтель* скорѣ на противныя, и на прелюбодѣйца, и на кленущаяся именемъ моимъ во лжу». (П. С. Л. I, 72). Въ грамотѣ митрополита Кирилла II (XIII в.) слово «*свѣдѣтель*» употреблено въ смыслѣ поручителя, вѣдающаго дѣло: «Да кто свободенъ боудеть отъ всеѣхъ сихъ винъ поручениемъ отца духовнаго, понеже и *пороучиться* ѿ поплъ инѣхъ съ прочими добрыми свѣдѣтели, да поставятъ и» (въ попы). По правиламъ Владимірскаго собора, изложеннымъ въ грамотѣ Кирилла, епископъ, поставляя кого либо въ попы, долженъ предварительно «*истязать* житіе его преже поставленья», путемъ обыска «*знаемыхъ соуспѣдей*, его же знаютъ издѣтска». Сосѣди на обыскѣ у епископа являлись поручителями въ томъ, что «житіе (поставляемаго) чисто, дѣвство соблюдиши» и пр. (Павлова Памят. 89--91).

¹⁾ «Вѣдокъ» и «свѣдѣтель» встрѣчаются въ памятникахъ церковно-славянскихъ, также въ актахъ южныхъ славянъ. См. Mikl. Lexic. Palaeosl. s. v. вѣдокъ и свѣдѣтель.

²⁾ По серб. памятникамъ—*сведок, свједок, свидок*; хорват. — *сведок, свидок*—свидочество, свидочба,—словин. *svēdok*, чешск. — *svědek*, польск. — *świadek*. См. Mikl. Lex.; Иречка Slov. рг.; мое Хорв.-Далм. зак.—41, 146.

³⁾ См. выше, стр. 176. Отъ того-же корня происходятъ и другія производныя въ славянскихъ языкахъ: вѣште, вѣче, виче и вѣчникъ или вѣшникъ—*ματιώδης, sediosus*; вѣщба, вѣщій, вѣщтыць (*magus*), *veščec, vještac, vščunъ, vščunъ* и пр. (См. Lexic. Miklos, Давичича, Вука, Юнгмана и пр.).

Не совсѣмъ точно опредѣляется также коренное значеніе слова *послухъ*. Терминъ этотъ стоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ «видокомъ» и «захоремъ»: этими терминами обозначаются два различныя качества (знаніе «правды» и ея охрана), которыми каждый «мужъ» долженъ непременно обладать и проявлять въ своей общественной дѣятельности. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что названіе «послуха» произошло отъ того, что онъ непосредственно *слышалъ* обстоятельства, о которыхъ свидѣтельствуетъ, или же знаетъ о данныхъ обстоятельствахъ по *слуху* отъ другихъ, т. е. по наслышкѣ» (Энгельмана гражд. зак., 137; Пахмана О судеб. доказ. 48—49; ср. Демченка о показ. свидѣт., 25). Полагаютъ, далѣе, что послухъ есть *testis de auditu*, какъ видокъ—*testes de visu*; послухъ—лицо, *слушавшее* или присутствовавшее при заключеніи сдѣлки, о которой даютъ показанія на судѣ (Пахмана О суд. доказ., 125—127; Мрочекъ—Дрозд. О Рус. Правдѣ, 246) ¹⁾. По мнѣнію другихъ, «правильнѣе объяснять названіе послуховъ изъ того, что они *слушались* приглашенія контрагентовъ присутствовать при заключеніи сдѣлки» (Демченка О свидѣт. показ., 9). Затѣмъ считаютъ возможнымъ, что «послухи стали такъ называться, потому что на нихъ *слались* стороны» (шлюсь, слатися, посылатися, послухъ),—послухи являлись на судѣ *пособниками* того, кто «послался» на нихъ. (См. Дювернуа, 102; Буданова—Владим. Обзоръ Ист. II, 260). Есть основаніе думать, что коренное значеніе слова послухъ произошло не отъ «слышать, слушать, слушаться или слатися», но отъ глаг. *слать, посылать*—*mittere, πέμπειν, ἀποστέλειν*. Послухъ означалъ мужа, члена общины, который являлся при заключеніи договоровъ, при разводѣ земель, на сводѣ и по другимъ земскимъ дѣламъ, не потому только, что на него слались или его призывали тяжущіеся или лица, заключавшія сдѣлку, но потому, что мужъ *обязанъ* былъ являться по частнымъ и общественнымъ дѣламъ, требовавшимъ по обычаю не-

¹⁾ Подъ это послѣднее опредѣленіе подходятъ лишь нѣкоторые, а не все виды послушества, и потому предложенная формула послушества не можетъ быть признана общимъ, всеобъемлющимъ, кореннымъ критеріемъ этого института. Если кто либо присутствовалъ при сдѣлкѣ и затѣмъ на судѣ заявлялъ себя послухомъ по данному дѣлу, т. е. *testis de auditu*—свидѣтелемъ, «слушавшимъ» сдѣлку и пр., то гдѣ и ради чего будетъ заявлять себя такимъ-же *testis de auditu* тотъ, *передъ* кѣмъ на конѣ (сходкѣ) велся сводъ? Въдъ такой «послухъ» (какъ и «видокъ») является на сводѣ самъ въ роли «Urtheilfinder»—судьи, рѣшающаго «по ротѣ» дѣло, бывшее предметомъ свода. Въ роли судьи во всякомъ случаѣ не подходитъ эпитетъ *testis de auditu*. То-же нужно сказать и о «послухахъ» при «гоненіи слѣда», «разъездѣ» земель и пр.

премѣннаго присутствія мужей (при договорахъ и пр.). На нихъ-то въ потребныхъ случаяхъ община и «въскладывала» или «слагала» послушество (Р. Пр. кар. 77), т. е. *посылала ихъ* «на правду» въ качествѣ своихъ представителей, «служившихъ» общему дѣлу. Если мужи являлись («вылазили на правду») и сами собою или по ссылкѣ на нихъ частныхъ лицъ, какъ на послуховъ, то тѣ и другіе (т. е. и послухи, и тѣ, кто слался на нихъ) поступали въ этомъ случаѣ все таки не самопроизвольно, а по обязанности ¹⁾, отъ которой едва ли можно было отказываться, безъ ущерба для самаго дѣла (напр., безъ потери иска) и не идя въ разрѣзъ съ лежавшей на каждомъ членѣ общины повинностью взаимопомощи, круговой поруки и отвѣтственности. Мужи —видоки и послухи, предъ которыми по Рус. Правдѣ ведется на конахъ сводъ по имущественнымъ и долговымъ искамъ, назывались въ старыхъ чешскихъ памятникахъ *послами* (въ другихъ случаяхъ послухи назывались *poselnice*, *poselkupe* и пр.; см. Иречка о жупн. судахъ, въ Архив. Калачова, VI, 40—41; ср. его же Slov. pr.; Miklos. Lex.). Русскимъ послухамъ и чешскимъ посламъ и поселницамъ соответствовали хорватскіе «добрые мужи» (сосѣди), которые подъ названіемъ «приставовъ», «одговорниковъ» и «ямцовъ» (семць, емца, јамас-спросог,—емство *vadimonium*,—Mikl. Lex.) производили «свидочбу» и вообще принимали участіе по призыву общины въ земскихъ дѣлахъ, требовавшихъ особенныхъ свѣдѣній или рѣшенія по совѣсти — «домисли и кушенци» (см. мое соч. Хорв.—далм. зак., 91, 92, 146). Такая же параллель существуетъ, съ одной стороны, между «сольбой» (посольствомъ), отправлявшейся «слами», «послами», «послухами» ²⁾ старыхъ русскихъ князей и земель для заключенія рядовъ между собой, также съ греками, нѣмцами и пр., а съ другой — «послушествомъ» лицъ, присутствовавшихъ при различныхъ частныхъ рядахъ, производившихъ «разъѣздъ», или отводъ земель и т. п. Послухи, какъ и послы, не играли роли только пассивныхъ зрителей, не были только «очевидцами» или «слушателями» происходившаго предъ нимъ: по выраженію Эклоги, «послухи должны разсудить» (зач. 16, ст. 7). Они лично участвовали въ рядахъ и разъѣздахъ въ качествѣ посредниковъ, рядцевъ, «разъѣздчиковъ» и притомъ ихъ послушество касалось не одной фактической, но и правовой стороны дѣла. Очень хорошей иллюстраціей дѣла въ этомъ именно направленіи можетъ служить одна старая сербская грамота временъ краля Стефана Остоя (1400 г.). Для отвода земель, данныхъ воеводѣ Грвою, произведенъ былъ на мѣстѣ обыскъ о земляхъ: составленъ былъ «зборъ» (осада чешская, кона литов.) изъ мѣстныхъ жителей — «осидниковъ», людей добрыхъ, старожильцевъ, — избранные изъ ихъ среды присяжные мужи — ротники показали не только межи, села и угодя, но и заяви-

¹⁾ На такую обязанность, между прочимъ, совершенно основательно указываетъ проф. Демченко (см. О свид. показ., 47).

²⁾ Въ Смолен. договорѣ «послы» и «послухи» употребляются въ одинаковомъ значеніи — *представителей общины* (см. Будан. Христ. I, 98, 110, прим. 54).

ли, что «одъ корена» (изстари) тѣ земли принадлежали кралю — него твоего прьваго било и саде твое, волань е дръжати, волань е оддати» (см. Miklos. 247—249). Въ старыхъ славянскихъ памятникахъ «посламъ» придается значеніе—легатовъ (посыль—legatus, nuncius, ἀποστόλος, πρεσβευτής), мѣстоблюстителей (ποστοπρηγής, locum tenens: «мѣстный блюститель, рекше посыль», по старымъ кормчимъ), заступниковъ, ходатаевъ, защитниковъ, пособниковъ, наконецъ лицъ, отправляющихъ служебности (posel—negotium, minister) или совершающихъ обряды (при священнодѣйствіи, напр., хорват. «послюе», — см. мое Хорв.—дамм. зак. 155). Понятіе предстательства и заступничества за правду съ одной стороны и служебности правдѣ съ другой несомнѣнно лежитъ также въ основаніи послушества по древне-русскимъ памятникамъ. Въ смыслѣ предстателя, заступника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пособника, о послухѣ говорится, напримѣръ, въ лѣтописномъ словѣ по случаю смерти Галицкаго князя Владиміра Васильковича: «добръ *послухъ* (заступникъ, ходатай, предстатель, защитникъ) благвѣрью твоему обителиче святая церковь Богородици Маріа, юже созда прадѣдъ твой на правовѣрнѣй основѣ, идѣже и мужественное твое тѣло лежить... Добръ зѣло *послухъ* (пособникъ, помощникъ) братъ твой Мьстиславъ, его же сотвори Господь намѣстника по тобѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрью положенія, но паче прилагающа, не казняща, но вчиняюща» (П. С. Л. II, 221).¹⁾ Затѣмъ, съ послушествомъ, какъ и съ сольбой у другихъ славянъ, соединилось также понятіе представительства по обязанности или служебности (послушествовать, какъ и poslovati = servire). Являться на «опыты» (опросы) и «обыски», производившіеся въ старое время по земельнымъ и другимъ дѣламъ

¹⁾ Въ смыслѣ *заступничества* или защиты «правды» говорится о послушествѣ также въ Печерскомъ Патерикѣ: проваженный, не вѣруа въ Чудотворца-Цѣлителя Алимпія—Иконописца, прибѣгаетъ за исцеленіемъ къ вождьамъ, но затѣмъ, принеши покаяніе, обратился къ препод. Алимпію, какъ «послужу» въ смыслѣ ходатая или предстателя предъ Богомъ въ его грѣхѣ. Мрочекъ—Дроздовскій и въ этомъ случаѣ видитъ въ послухѣ простаго «свидѣтеля»; впрочемъ, авторъ квалифицируетъ свидѣтеля словомъ «посредникъ», но такая квалификація здѣсь вовсе не уместна: посредникъ — собственно Urtheilfinder, онъ вникаетъ въ существо дѣла, долженъ «разсудить», тогда какъ «свидѣтель» только констатируетъ свое *собственное* visu, auditu и пр. (См. о Рус. Правдѣ, стр. 242). Въ такомъ-же именно смыслѣ предстателя предъ Богомъ, заступника или защитника правды (на случай нарушенія рѣда) приводятся въ старыхъ грамотахъ рядныхъ, судныхъ и другихъ, въ качествѣ «послуховъ», мѣстные угодники: «а на то послухъ св. Михайлъ и на тоже рядци и послухи» — уцоянугу затѣмъ 5 лицъ (см. А. Ю. № 257, III). Какъ св. Михайлъ являлся въ роли защитника правды предъ небеснымъ судьей, такъ и остальные рядцы и послухи должны были являться предъ земнымъ судьей не въ качествѣ только очевидцевъ сдѣлки, но именно въ дѣятельной роли защитниковъ *правъ* обиженой стороны.

«людьми добрыми *всею волостію*» (наприм. А. Ю. № 6), было обязанностию несомнѣнно каждаго члена общины; но на дѣлѣ здѣсь имѣло мѣсто конечно не повальное привлеченіе къ дѣлу всей волости, а лишь послушество — выборъ изъ нея «лучшихъ мужей», какъ волостныхъ представителей (ямцовъ и одговорниковъ хорват, пословъ чешск.) «которые бы то достаточнѣ вѣдали» и послужили своимъ знаніемъ и опытностію общему дѣлу ¹⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ памятникахъ церковнаго права, знающихъ только свидѣтелей-очевидцевъ, слово послухъ употребляется въ этомъ значеніи, — является уже понятіе о *жепослушствѣ* въ нашемъ смыслѣ слова (запрещается ставить въ попы того, кто «въ живѣ послушствѣ былъ боудеть»,—Павлова Пам. 91).

Значеніемъ «мужей», какъ представителей общины, вѣдавшихъ «знахорствомъ» по земскимъ дѣламъ и пошлинамъ, опредѣлялись и другія качества, которыми долженъ былъ обладать всякій, кто являлся въ роли мужа. ✕

Мужами могли являться «*тутошніе*» ²⁾ или «*окольные люди*», «окольные сосѣди» или просто «сосѣди», «люди земскіе» или «городскіе», люди «всей волости», наконецъ «чужіе люди» и «люди посторонніе» (см. Р. Пр. кар. 88; Пск. суд. гр. 9, 15, 34, 51, 55, 66, 76, 100; Грам. Мейч. 25, прилож., № 1 и др.; А. Ю. № 6, 140, 144; Сборн. Муханова 278; Горчагова О земел. влад. прилож. № 7, I; А. Юр. б. I, 53; Времен. XVI, 18 и др.). Приведенныя названія мужей имѣютъ, въ существѣ дѣла, одно значеніе—*сосѣдей*, т. е. лицъ, принадлежащихъ къ одной общинѣ и взаимно связанныхъ солидарностію общихъ интересовъ (взаимопомощи и круговой поруки). Подъ «чужими» или «посторонними людьми» нельзя разумѣть лицъ, принадлежащихъ, наприм., къ другой волости или другой землѣ. Здѣсь разумѣются люди, которые могли «вылазить на правду»; на такихъ людей можно было «вскладывать послушест-

¹⁾ См. А. З. Р. I, 233: права на землю Кіевскаго Пустынскаго монастыря были констатированы «опытомъ», какой, по давнему обычаю, произвелъ Черкасскій староста, избравъ изъ окольныхъ жителей «добрыхъ старыхъ людей, которые бы то достаточнѣ вѣдали и урочища справедливѣ сознали.., и они то все передъ нами и иншими нѣкоторыми добрыми людьми повѣдали». Подобнымъ-же образомъ, какъ видно изъ одной указной грамоты в. кн. Ивана III (1496 г.), «обыскъ» по поземельному дѣлу былъ произведенъ *лучшими людьми*, «взятыми» мѣстнымъ волостелемъ изъ «тамошнихъ людей — старожильцевъ» (Мейчина Грам., 24 — 25). О такомъ-же обыскѣ людьми добрыми *всею волостію* (т. е. избранными изъ волостныхъ людей) см. А. Ю. № 6.

²⁾ «Тутошніи» противопоставались «*пришедшіе*», не принадлежавшіе къ мѣстнымъ мужамъ—старожиламъ. Въ такомъ смыслѣ, наприм., говорить летопись о «пришедшихъ» въ разсказъ о томъ, что въ 1093 г. Святополкъ, только что избранный кіев. княземъ, «не сдумавъ съ большей дружиною огню и стряя своего, но совѣтъ сътвори съ пришедшими съ нимъ», — здѣсь подъ «большой дружиной» разумѣются мѣстные бояре — старожилы, съ которыми по обычаю князя совѣщались (См. П. С. Л. I, 93).

во»,—они могли «мужевать» и слѣдов. были во всякомъ случаѣ солидарны съ другими членами общины. Такіе мужи, словомъ, принадлежали къ «сосѣдямъ» же, но только такимъ, которые не были заинтересованы въ данномъ дѣлѣ, были въ отношеніи къ нему людьми «чужими, посторонними». (наприм. по владѣнію землей, жительству въ одной семьѣ и пр.)¹⁾ По литовскому праву «*сумезники*» и «*пограничники*» означали мужей, составлявшихъ «копные» суды по поземельнымъ дѣламъ и соответствовавшихъ восточно-русскимъ суднымъ мужамъ, избиравшимся изъ сосѣдей (см. мое соч. О крестьян. Юго-Зап. Россіи, 47—52, и Рус. Прав. и Лит. Ст., 83—84). Иноземцы и иностранцы (наприм. колбязи и варяги), уже по тому одному, что они не были «тутошними», «земскими» людьми, членами данной общины, не подлежали въ ней никакимъ служебностямъ, не могли поэтому являться и послухами на одинаковомъ основаніи съ тутошними людьми. По литовскому праву въ светки не допускаются «люди незнаемые, не тубыльцы, чужеземцы» (Рус. Пр. и Лит. Стат. 57). Въ восточно-русскихъ актахъ древняго времени нѣтъ по этому вопросу точныхъ указаній, кромѣ Новг. суд. грамоты, запрещающей «Псковитину» (какъ иноземцу) послушествовать по дѣламъ Новгородца (Будан. Хр. I, 190). Если по дѣламъ, касавшимся иноземцевъ, послушество не было обязательнымъ еще въ эпоху Псковской грамоты²⁾ (см. выше), то ничто не мѣшаетъ допустить, что для иноземцевъ также не могло быть обязательнымъ являться самимъ въ роли

¹⁾ См. Пек. с- гр. 16; ср. Демченка, 27 — 28. То-же самое нѣкло мѣсто и въ древнемъ правѣ другихъ славянъ: мужи, люди добрые, поротняки, не могли быть избираемы изъ лицъ, находившихся въ близкихъ семейныхъ или пріятельскихъ связяхъ съ сторонами (см. мое соч. Хорв.-далм. зак. 147). По нашимъ памятникамъ есть указаніе, впрочемъ, на *дадей*, въ качествѣ послуховъ, присутствовавшихъ при раздѣлѣ вотчины между братьями, — боковое или вообще дальнее родство не препятствовало послушеству (Мейч. Грам. VI, № 2). По закону судному людямъ требуется, чтобы послухи не состояли съ сторонами во враждѣ или тяжбѣ; не допускаются къ послушеству также дѣти противъ родителей (Рус. Достоп. II, 152). По Литовскому Статуту въ светки не допускаются участники въ дѣлѣ (Рус. Пр. и Лит. Стат. 57).

²⁾ Представительство сосѣдей или «свидѣтельство общины» (*preuve par tierces* среднев. европ. права), было обязательно только по дѣламъ самой общины или ея членовъ, но не иноземцевъ, не входившихъ въ составъ «сосѣдей» и потому не пользовавшихся правомъ послушества, т. е. защиты общиной ихъ правъ на судѣ и пр. Чужеземцы по древней Правдѣ защищались на судѣ по обидамъ «ротой» (личной присягой). Лишь по позднѣйшей Правдѣ, когда чужеземцы стали входить въ болѣе тѣсныя связи съ «тутошними» или земскими людьми, защита на судѣ послушествомъ по поклену сдѣлалась доступной и для иностранцевъ, хотя и съ меньшимъ числомъ послуховъ (два, а для земскихъ людей—семь). См. Р- Пр. ак. 9; кар. 15. Точно также по древнему праву юго-западныхъ славянъ, «добрые люди» могли быть избираемы только изъ дѣйствительныхъ членовъ общины, а не изъ иноземцевъ (изванскихъ по Полицкому Статуту, — см. мое соч. Хорв.-далм. зак. 147).

послуховъ и вообще мужей по дѣламъ «тутошнихъ людей». Какъ видно изъ старыхъ договоровъ съ нѣмцами и изъ другихъ актовъ, мужи изъ нѣмцевъ въ качествѣ «послуховъ» и «судныхъ мужей» могли являться только по дѣламъ русскихъ съ нѣмцами, или между самими нѣмцами (см. Утина Собрание памят. 22; Рус. Лив. Ар. 19, Anh. № 1; Tobien ält. Tractate, стр. 92, Art. VП, п. 1).

Затѣмъ, не всѣ «тутошніе люди» могли принимать на себя обязанности мужей. Таковыми могли быть только свободные люди, считавшіеся полноправными лицами, въ настоящемъ смыслѣ «сосѣдами» и «мужами». Основной формулой древняго русскаго права было: «тяжи вси соудятъ съ послухы съ свободными; на правду холопоу не вылазити», — «послоушество на холопа не въскладають». Рус. Правда допускаетъ къ послоушеству, въ видѣ исключенія (по нуждѣ), только дворскаго боярскаго тиуна, а по незначительнымъ дѣламъ — закупа (Рус. Пр. Кар. 33, 77, 99, 100).¹⁾ Тѣ же начала имѣли силу въ древнемъ литовскомъ правѣ: «а холопу и робѣ не вѣрити (вѣры не няти), а ни на свѣточство ихъ не пуцати»; въ светки допускалась домашняя челядь только «по нуждѣ», особенно когда дѣло шло о домовыхъ гвалтахъ и другихъ важныхъ преступленіяхъ (см. мое соч. — Рус. Пр. и Лит. Стат. 56). По Новгород. суд. грамотѣ, «холопъ на холопа послухъ», т. е. холопъ можетъ послоушествовать только по дѣламъ, касавшимся холопа же (Будан. Христ. I, 190).

Нужно было, далѣе, обладать особыми личными качествами для того, чтобы свободный членъ общины могъ «мужевать», являться въ роли вѣдога, послуха или суднаго мужа. По древнему праву, мужевать могли только люди добрые или лучшіе²⁾, т. е. лица, заслуживающія довѣріе по своимъ нравственнымъ качествамъ и опытности (fidedigni), пользовавшіяся въ своей средѣ хорошей репутаціей. О послухахъ — добрыхъ людяхъ говоритъ Рус. Правда³⁾ и позднѣйшіе памятники, напр. Смоленскій договоръ 1229 г.⁴⁾, въ особенности же грамоты судныя, данныя, жалованныя, раздѣльныя и пр.⁵⁾ Тоже названіе «добрыхъ людей» придавалось суднымъ мужамъ, предъ которыми производился

¹⁾ См. Деиченка о свидѣт. показ. 25. По чешскому Zřízení zemske (§ 33 и 279). къ послоушеству тоже допускались только лица свободныя, не бывшія въ числѣ «служебныя». То же самое могло имѣть мѣсто и въ правѣ другихъ славянъ (см. мое соч. Хорв.-далк. 147). О недопущеніи рабовъ и вольноотпущенныхъ къ послоушеству см. зак. суда людемъ (Рус. Достоп. II, 163).

²⁾ Какъ уже показано выше, «мужи» — вѣщатели права на судъ и ирядѣ, послухи и пр., въ средневѣковыхъ памятникахъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ, квалифицируются по преимуществу эпитетомъ добрыхъ или лучшихъ мужей — boni, idonei или fide digni homines (viri); то же было у насъ въ старое время.

³⁾ См. Рус. Правду, въ Изслѣд. Калачова, ст. LXVIII.

⁴⁾ См. Будан. Христ. стр. 102, п. 13.

⁵⁾ См. А. Ю. № 5, 260, I; Грам. Мейчика 30 и слѣд.

судъ¹⁾, также посламы, которые «про миръ трудились» — заключали договоры съ нѣмцами²⁾ и пр. О необходимости довѣрія къ нравственнымъ качествамъ послуховъ можно заключать, между прочимъ, изъ общаго запрещенія Рус. Правды «вѣрять» татямъ и людямъ, «поглавшимъ куны и бѣжавшимъ въ чужую землю» (Рус. Пр. Кар. 133). Законъ судный людямъ предписываетъ «искати послухъ истиненъ и впросити истовыя послухы, боящаяся Бога, нарочиты, не илуще — ни мерзости, ни лукавства», и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ принимать послухами тѣхъ, «иже когда облицаются лжуще, преступающе законъ Божій или житіе имуще скотско»³⁾. Тѣже качества требовались отъ послуховъ и въ позднѣйшее время⁴⁾. По древнему литовскому праву точно также не допускаются въ светки люди, бывшіе «у злой славе межъ околицы». Светки должны быть люди добрые — «доброе славы, вѣрыгодные, неподозрѣные, цнотливые, богобойные», люди, не бывшіе никогда «въ поволаныи околицы и въ фальшерствѣ», — не уличенные въ воровствѣ и другомъ проступкѣ, не наказанные по суду лишеніемъ чести и пр. (см. мое соч. Рус. Пр. и Лит. Ст. 56). Съ другой стороны, понятіе «добрыхъ людей» не ограничивалось довѣріемъ, основаннымъ только на хорошихъ нравственныхъ качествахъ послуха: требовалось также довѣріе и къ его не менѣе хорошимъ знаніямъ и опытности. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нѣкоторыя указанія, извлеченныя изъ старыхъ актовъ. Послы, участвовавшіе въ заключеніи Смоленскаго договора 1229 г., безразлично называются людьми добрыми, умными, лучшими (Буд. Хр. I, 97, 98, 110). «Опытъ» (опросъ) о земельныхъ правахъ Кіевскаго Пустынскаго монастыря произведенъ былъ, по давнему обычаю, старостою (Черкасскимъ) чрезъ сосѣдей, избранныхъ изъ мѣстныхъ старожилловъ въ качествѣ «добрыхъ людей», которые бы то *достаточно вѣдали* и урочища *справедливо сознали*: «сознаніе правды» въ данномъ случаѣ путемъ точнаго указанія и отвода межъ и было сдѣлано добрыми людьми предъ судьей и «иными нѣкоторыми добрыми людьми» (судными мужами)⁵⁾. Въ данномъ примѣрѣ и послухи, и судные мужи, какъ оди-

¹⁾ Смоленскій договоръ 1229 г. говоритъ о «докончаньи орудій (о судѣ) предъ судьями и предъ добрыми людьми» (Будан Христ. I, 107, п. 33). По уставной Вязозерской грамотѣ 1488 г. намѣстникъ судить съ добрыми людьми (ib. II, 64, п. 19).

²⁾ См. введеніе Смолен. договора 1229 г (Будан. Христ. I, 98).

³⁾ Рус. Достоп. II, 151—153; см. Демченка, 26—27.

⁴⁾ Въ одномъ старомъ юридическомъ актѣ читаемъ: «И Троицей слуга Ивашко Алексеевъ билъ челомъ писцомъ, а сказалъ: «ставить, господине, въ старожильцехъ Балахонцы Васна Кабатчика, и тотъ, господине, Васко не добрый человекъ; пренесъ того онъ на Балахны по торгому и кнутъ съ битъ» (См. Федотова—Чеховскаго Акты, относ. до гражд. расправы, I № 75).

⁵⁾ А. З. Р. I, 233. По Литов. Статуту не допускаются въ светки «шаленые, которые розуму не мають» (Рус Пр. и Лит. Стат. 57). Въ смыслъ-же «опытнаго», «свѣдущаго», говоритъ Данилъ Заточникъ о «доброму думъцѣ», съ которымъ «князь високаго слова додумаетца» (см. Памятн. Росс. словесн. XII в., изд. Калайдовичемъ). Здѣсь добрый думца соответствуетъ «большой дружинѣ», «мужамъ смыслимымъ» — главнымъ совѣтникамъ князей (П. С. Л. I, 98).

наково люди добрые, имѣютъ значеніе лицъ, «вѣдающихъ правду», пользующихся довѣріемъ не только по своимъ хорошимъ личнымъ качествамъ, но и по своей опытности и «сознанію правды». Община по своимъ земскимъ дѣламъ, отдѣльные ея члены по своимъ сдѣлкамъ и тяжбамъ «вѣскладали» послушество на такихъ мужей съ добрымъ именемъ, которые «достаточно вѣдали» дѣла земскія и частныя, *лучше другихъ мужей знали правду* («справедливѣ сознали») въ такихъ дѣлахъ. Отсюда въ нѣкоторыхъ атакахъ послухи съ такими качествами называются прямо *лучшими людьми*. Для примѣра приведемъ указную грамоту в. князя Ивана III (1496 г.) судьѣ Звѣреву объ «развѣдѣ» земель, составлявшихъ предметъ спора между Троицкимъ монастыремъ и разными частными лицами: «И ты бы къ нимъ на тѣ земли ѣхалъ, взявъ съ собою старость и крестьянъ *лучшихъ* да того бы еси обыскалъ тамошними *людми лучшими*—старожильцы, чьи то земли изъ старины, да тѣ бы еси имъ земли розвѣхалъ» (Мейчика Грам. 25). Нельзя не вспомнить при этомъ *лучшихъ людей*, входившихъ въ составъ населенія древне-русскихъ земель, какъ особый классъ людей, выдающихся по своему общественному положенію,—людей добрыхъ, «большихъ» — бояръ или бояръ. Несомнѣнна не только аналогія, но и прямая связь бояръ съ добрыми и лучшими мужами-вѣщателями и хранителями правды въ земскихъ дѣлахъ. Такіе мужи, необходимо существовавшіе въ каждой общинѣ, и составляли собственно зародышевые элементы, изъ которыхъ постепенно слагалось и затѣмъ пополнялось древне-русское боярство (о лучшихъ людяхъ — боярахъ см. Буданова — Владим. Обзоръ Ист. Рус. Пр. I, 11, 23). Такихъ «лучшихъ мужей» Древляне посылали къ Ольгѣ (числомъ 20); тѣ же лучшіе люди «держажу Деревьску землю». Это были старѣйшины, выдающіеся по своему положенію и опытности земскіе люди, которые затѣмъ подъ именемъ старцевъ и бояръ являются въ совѣтахъ съ князьями главными вѣщателями «правды» въ земскихъ дѣлахъ.

Необходимо указать еще на одно не маловажное достоинство, которое непременно предполагалось въ мужахъ, — достоинство *старыхъ людей* (отцовъ, старцевъ, стариковъ, старожильцевъ) ¹⁾. Вспомнимъ древнее названіе обычая «пошлиной» и «старинной». Вѣдать предковскую старину и пошлину, въ подробностяхъ не записанную ни въ какихъ уставахъ, державшуюся только на преданьи, привычкѣ и однообразной бытовой практикѣ, могли только люди, долго прожившіе на свѣтѣ, всесторонне извѣдавшіе жизнь своимъ личнымъ

¹⁾ Кромѣ людей свободныхъ, добрыхъ или лучшихъ и стариковъ, древнее литовско-русское право не допускало къ «досветченью» (свѣточеству) лицъ, хотя принадлежавшихъ къ «околичнымъ сосѣдямъ», но бывшихъ «невѣрными», также христіанъ, не бывшихъ на исповѣди у плебановъ и поповъ, не принимавшихъ причастія и не знавшихъ главныхъ молитвъ—«патеръ и вѣрую» (Рус. Пр. и Лит. Стат. 57). На бытовой источникъ такихъ положеній указываютъ обычаи, соблюдавшіеся въ старой Запорожской Сѣчи при приемѣ въ назваки (тѣ же мужи) новиковъ: первые вопросы, какіе имъ предлагались, касались вѣры, — «вѣруешь ли въ Бога и знаешь Отче нашъ и вѣрую?»

долговременнымъ опытомъ и потому хорошо знавшіе всё порядки своей земли, всю ея обстановку, всё пошлыны и старины, по которымъ она жила «отъ отецъ и дѣды». Выше приведено (изъ древняго обрядника) народное воззрѣніе на пошлыны — обычай, «уложенные старыми людьми недаромъ» (Прав. Соб. 1860, III, 288). Объ этихъ-то вѣщателяхъ правды въ древне-русскихъ земляхъ отзывается лѣтописецъ: «красота граду старые мужи и честна дума старыми и бѣлыми сѣдинами сущихъ» (Никон. лѣт. V, 29). «Лучшіе люди» земли — «старцы» (старѣйшіе, старѣйшины) составляли земскіе совѣты, бывшіе изстари въ обычай у всѣхъ славянъ. У насъ о лучшихъ людяхъ, «державшихъ» землю (Древлянскую), и о совѣтахъ «старѣйшинъ градскихъ» (въ Бѣлгородѣ при Владимірѣ) говоритъ начальная лѣтопись, какъ объ изстаринныхъ народныхъ институтахъ. Старцы затѣмъ участвуютъ въ совѣтахъ съ князьями и дружиной (старцы — совѣтники Владиміра св., участвовавшіе въ рѣшеніи вопросовъ о жертвахъ богамъ отроками и дѣвцами, о принятіи новой вѣры, о вирахъ и пр.). Обычай вообще требовалъ звать на думу съ князьями прежде всего *старыхъ* бояръ; совѣтъ съ «уными» (дѣцкими, молодью), а не съ «мужами», являлся повинной, нарушеніемъ пошлыны ¹⁾. Въ Новгородскомъ совѣтѣ, состоявшемъ исключительно изъ земскихъ бояръ, главную роль играли старые посадники и тысяцкіе. Даже въ позднѣйшую пору, когда боярская дума стала терять прежнее самостоятельное значеніе ²⁾, не совсѣмъ утратилось воззрѣніе на *старыхъ* бояръ, какъ наиболѣе компетентныхъ думцевъ. Это видно, между прочимъ, изъ духовной Симеона Гордаго, говорившаго братьямъ: «слушали бы есте отца нашего, владыки Амегаѣя, также старыхъ бояръ» (собр. г. гр. I, 24). Этимъ-то мужей — старыхъ бояръ несомнѣнно касается Заточникъ, говоря о «добромъ» думцѣ въ противоположность «лихому» ³⁾. Такое же значеніе имѣли мужи на *тыцахъ*. По вѣчевымъ обычаямъ древне-русскихъ земель, полноправными вѣчниками являлись свободные мужи — *отцы*, не дѣти и отроки. Отказы ваясь отъ войны съ Юріемъ Долгорукимъ, Кіевское вѣче въ 1147 г. рѣшило:

¹⁾ Всеволодъ Ярославъ «нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створи съ ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды»; Лавр. лѣт. подъ 1093 г.; ср. также Ипат. лѣт. подъ 1169 г. — извѣстіе о Владимірѣ Мстиславичѣ, вопреки обычаю рѣшившемся вести совѣтъ съ дѣцкими (младшей дружиной) «безъ мужей своихъ». По лѣтописямъ наиболѣе компетентные думцы — «большая, первая» или «старшая» дружина, бояре, мужи «смыслоніи, витшіе, лучшіе, добрые», «нарочитые» и т. п. (см. наприм. П. С. Д. I, 93).

²⁾ Обязательность для старыхъ князей совѣщаній съ боярами совершенно основательно признается изслѣдователями (см. напр. Будаnova, Обзоръ Ист. I, 26).

³⁾ «Зъ добрымъ бо думцею князь висока стола додумаетца, а съ лихымъ думцею думаетъ, и малаго стола лишень будетъ» (Памят. Росс. Словесн. XII в., изд. Калайд.). — О боярской думѣ см. Будаnova — Влад. Обзоръ ист. Рус. Пр. (I, 23, 133), гдѣ изложено съжатый, но обстоятельный очеркъ старой думы; ср. Ключевского Боярская дума, 1882.

«оже се Ольговичь, ради ся, за тя бьемъ и съ дѣтьми, а на Володимере племя на Гюргевича не можемъ руки поднять» (П. С. Л. II, 35). «Дѣти», хотя и способные носить оружіе, не участвуютъ въ вѣчѣ (Буданова Очеркъ, I, 30). «При равенствѣ правъ всѣхъ отцовъ, старшіе дѣтами, *старики* естественно играли передовую роль на вѣчахъ¹⁾. Это преобладающее значеніе старшихъ возрастомъ, людей, дожившихъ до сѣдыхъ волосъ, есть совершенная необходимость въ обществѣ, въ которомъ всѣ источники вѣдѣнія ограничиваются личнымъ опытомъ. Кто больше жилъ, тотъ и умнѣе, ибо онъ больше видѣлъ, больше наученъ опытомъ; онъ можетъ дать мудрый совѣтъ» (Сергѣевича Исзѣдов., 215)²⁾. Понятно отсюда, что и на судѣ, въ качествѣ судебныхъ мужей и послуховъ-знахорей, могли являться только «сосѣди-старики» или «старожильцы». Это въ особенности нужно сказать о процессѣ по поземельнымъ дѣламъ, предполагавшемъ всегда разбирательство вопросовъ о владѣніи «по старинѣ» (давностномъ владѣніи),—разбирательство, въ которомъ могли участвовать, по самому существу дѣла, только «старожильцы»³⁾. «Объими старцами» называются, наприм., въ западно-русскихъ правовыхъ грамотахъ судные мужи, предъ которыми велось разбирательство о межахъ (А. З. Р. I, 30, 175; см. мое соч. Рус. Пр. и Лит. Стат. 84). По Псковской судной грамотѣ, сябры (совладѣльцы), участвовавшіе въ тяжбѣ о землѣ или борти, отводятъ свои земли и борти «*оу стариковъ*», т. е. посредствомъ показаній старожильцевъ, въ границахъ, обозначенныхъ въ ихъ общей «купной» (купчей) грамотѣ (см. Буданова Христ. I, стр. 170, п. 106). Какъ видно затѣмъ изъ старыхъ русскихъ грамотъ правовыхъ, разъѣздныхъ, раздѣльныхъ, купчихъ и пр., заѣздицы, разъѣздные или обыскные люди, производившіе на мѣстѣ, въ присутствіи судей (или самихъ рядцевъ, если дѣло шло о составленіи купчей на землю или о полюбовномъ раздѣлѣ земли, безъ суда), отводъ (заводъ, разъѣздъ, заѣздъ, обыскъ, опытъ

¹⁾ «Владиміръ въ 987 г. спрашиваетъ совѣта у бояръ своихъ и старцовъ градскихъ; остальные граждане, не старцы, обозначенные лѣтописцемъ общимъ терминомъ «всѣ людіе», присутствуютъ во время этого совѣщанія князя со старцами, но играютъ болѣе скромную роль,—они выражаютъ только одобреніе совѣту старцевъ: и бысть къ ба рвчѣ ихъ (бояръ и старцевъ) князю и всемъ людемъ» (Сергѣевича Исзѣд., 215).

²⁾ «Около первыхъ рус. князей были бюстители и знатоки обычнаго права—лучшіе земскіе люди, *старцы*... Большимъ уваженіемъ, большою представительностію въ древности пользовались эти старцы, не вслѣдствіе родовыхъ счетовъ, не какъ представители родовъ, которые будто-бы тогда существовали, какъ цѣлыя, замкнутыя въ себѣ единицы: это были только домохозяева, отцы семействъ, а не безграничные представители цѣлыхъ родовъ, какъ учитъ такъ назыв. родовая теорія нашей исторіи. Старцевъ болѣе уважаютъ, слушаютъ не въ силу ихъ родовачальнической власти, а потому что они предполагаются болѣе опытными, бывалыми, болѣе, лучше молодыхъ знающими. Гдѣ старья, тамъ и статья, говоритъ рус. пословица; но другая говоритъ еще: не спрашивай старога а бывалаго» (Шпилевскаго Объ источник., 13).

³⁾ Съ понятіемъ о «старожильствѣ» всегда связывалось понятіе о знаніи дѣла. На практикѣ нерѣдко случалось, что послужъ, приглашенный стороной по поземельному дѣлу, показывалъ, что онъ не *старожильецъ* и потому не знаетъ даннаго дѣла: такой послужъ представлялъ быть послухоу, а сторона, на него ссылавшаяся, теряло дѣло (см. Мейч. 52).

и пр.) земель, всегда избирались изъ мужей или людей старыхъ, старожильцевъ—сосѣдей («сумежниковъ» и «пограничниковъ» по Литов. статуту), считавшихся въ то же время людьми добрыми, знахорями ¹⁾ (см. Акт. Юр. быта, I, 169; А. Ю. № 5, 8; А. З. Р. I, 30, 175, 233; Муханова, № 271, 284, 324; Времен. XVI, 16; Мейчига грам. 24, 30 и др.,—прилож. IV, № 1,—VIII № 4; Горчакова О земельн. влад. 299 и слѣд.; мое—Рус. Пр. и Лит. Стат. 83—84). Судебная практика стараго времени показываетъ, что не—старожильцы, т. е. лица, не достигшія обычнаго возраста старцевъ, не могли принимать на себя «знахорство» на судѣ, — противъ показанія не—старожильца можно было возражать, предъявлять отводъ ²⁾. Таково было значеніе мужей-старцевъ, несомнѣнно являвшихся въ старину главными вѣщателями и хранителями правды въ дѣлахъ земскихъ и частныхъ. При строгой автономности и консерватизмѣ обычнаго права, при несложности и крайней простотѣ всѣхъ жизненныхъ порядковъ стараго времени, при замкнутости и разбивчивости общинъ, обычаи могли въ ихъ средѣ до тонкостей пользоваться общеизвѣстностью, могли быть доступными въ особенности для «старцевъ», извѣдавшихъ несложную жизнь своимъ многолѣтнимъ опытомъ и потому являвшихся вполне компетентными «вѣдоками» и «знахорями» по всѣмъ земскимъ дѣламъ (см. Жур. Мин. Пр. 1878, т. 198, стр. 157).

Основные качества, отличающія мужей по старымъ памятникамъ, весьма рельефно воспроизводятся доселѣ въ цѣломъ рядѣ народныхъ поговорокъ и

¹⁾ По старымъ сербскимъ грамотамъ XIV в. русскимъ знахорямъ—старожильцамъ вполне соответствуютъ *вѣщие люди*, производившіе подобно первымъ отводъ земель: «да поге (пойдетъ) самъ (властель, правитель) с вѣщими людьми да ю теше (опредѣлить межи земель, пожалованныхъ монастырю), и оутесавше да приведе царству ми» (Miklos. Mon. 144; ср. также 248).

²⁾ На подобный отводъ есть указаніе въ дѣлѣ Троицко-Серг. монастыря съ княземъ Оболенскимъ (1496) о спорномъ владѣніи землей. Князіе знахори (Михалевъ съ товарищи—4 лицами) показали на судѣ, что кн. Оболенскій владѣлъ землей 30 лѣтъ; между тѣмъ, противная сторона, опираясь на обычай старожильства, указала на то обстоятельство, что въ числѣ княжихъ знахорей оказывается Гридка Алексѣевъ, которому еще нѣтъ 30 лѣтъ: «кно, гдине, знахору Гридкѣ Алексѣеву трицати лѣт от роду нѣтъ, и ты, гдине судя, пожауди, обыщи лѣт его да постави ег пред великим князем». Указаніе такое сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы знахорство князя было признано судомъ недействительнымъ. Не видно однако, чтобы судья производилъ обыскъ о лѣтахъ Гридки.—последній не былъ устраненъ отъ знахорства (Мейчига Грам. прилож. III, № 3, стр. 107). Данный примѣръ показываетъ, что въ концѣ XV в. сталъ терять прежнюю свою силу обычай старожильства, строго соблюдавшійся въ теченіе всей земской эпохи. Какъ видно изъ старыхъ дѣлъ о земельныхъ тяжбахъ, судьи всегда ставили сторонамъ обычный вопросъ: «естъ-ли у тебя на то селищо *знахори, люди добрые, старожильцы*»,—настоятельно требовали отвѣта: «а знахори, гдине, люди добрые, старожильцы у насъ на ту землю есть.»

пословицъ, большинство которыхъ образовалось, какъ можно думать, еще въ ту пору, когда разсмотрѣнныя выше понятія знахора, людей добрыхъ и старцевъ имѣли въ общественной жизни вполне реальное значеніе.

Таковы пословицы, касающіяся *послуховъ, знахорей, вѣдоковъ, людей вѣщихъ, добрыхъ, лучшихъ* :

По посольству и отвѣтъ держать.

На лѣдъ пословъ пошлю, а на медь самъ пойду.

Посла ни съкутъ, ни рубятъ, а только жалуютъ.

Холопъ на боярина не послухъ.

Легко воровать, какъ семь норовать (семь послуховъ Рус. Пр.).

Не добывайся знахарства, добывайся разума.

На кладъ знахара не надо.

Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожить. Баба ворожила, да на двоѣ положила. Баба на двоѣ сказала (намекъ на «вѣщихъ» людей).

Богъ одинъ видѣлъ, а люди знаютъ.

Слово вѣдуномъ ходить.

Знаеть въ Казани, что люди сказали.

Знайку въ судъ ведутъ, а незнайка дома сидить.

Незнайка лежитъ, а знайка бѣжить.

Знайка немогузнайка.

До кого что не доходило, тотъ того и не знаетъ.

Видѣлъ не видалъ, слышалъ не слыхалъ.

Не спрашивай стараго, спрашивай бывалаго.

Бывалые въ людяхъ говорятъ, не бывалые дома сидятъ.

На всякаго мудреца довольно простоты.

Сколько головъ, столько умовъ.

Глухой осудить, умный разсудить.

Умный, что староста губный: всякъ его боится.

Съ боярами знаться, ума набратъся.

Городское телятко умнѣе деревенскаго дитятки.

Близкій сосѣдъ лучше дальней родни.

Много народу, да людей мало.

Лучшихъ нѣтъ, такъ хорошъ и этотъ.

Безобычному человѣку съ людьми не жить.

И въ самоѣдахъ не безъ людей.

Кто добрыхъ людей не слушаетъ, тотъ Богу спорщикъ.

На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей.

И сатана въ славѣ, да не по добру.

Честь умъ рождаетъ, а безчестье и послѣдній отымаетъ.

Особенно много пословиць сохранилось касательно *старыхъ людей*, въ древнемъ значеніи мужей знанія и опыта:

Молодой работаетъ, старый умъ даетъ.

Гдѣ старья, тутъ и статья.

Что дворъ, то говоръ; что старецъ, то ставецъ.

Дѣтянка съ сѣдинкой вездѣ пригодится.

Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе.

Не годами старь, а норовомъ.

Много знать, скоро состарѣешься.

Какъ вырастешь съ мать, все будешь знать.

Молодой на битву, а старый на думу.

Собралися думу думать кулики, на болотѣ сидючи.

Молодъ князь, молода и дума.

Первый въ совѣтъ, первый въ отвѣтъ.

Самъ старь, да душа молода.

Старый воронъ не каркнетъ мимо.

Стараго воробья и на мякиѣ не поймашь.

Старый конь (воль) борозды не портить.

Старый конь мимо не ступить.

Старый волкъ знаетъ толкъ.

Стараго волка въ тенета не загонишь.

Сѣдина въ бороду — умъ въ голову.

Старь да дюжь.

Старина съ мозгомъ.

Старина — что диво.

Старые пророки померли, а новые правды не сказываютъ.

Борода съ ворота, а ума и съ прикалитокъ нѣту.

Старь да малъ — дважды глупъ.

Старь да умень — два угодя въ немъ.

Новгородъ, Новгородъ, а постарше большаго.

Живеть и меньшее лучше большаго.

Большему больше и надобно.

Про то знаютъ большіе, у кого бороды пошире.

Вѣдаютъ про то старшіе, першіе.

Старшихъ и въ Ордѣ почитаютъ.

Старшему первая чарка и первая палка.

Будь большой, а слушайся меньшихъ.

Старья чти яко отца, а молодья яко братью.

Кто старь, тотъ отецъ, а кто молодъ, тотъ братъ.

Какъ старшіе положить, на томъ и пригороды стануть (современная по-

словица, очевидно удержавшаяся отъ известной древней поговорки, записанной въ лѣтописи).

Po starjesini Bog pomaga (хорв.).

Zna vrag mnogo, jer je star (хорв.).

Dla tego diabel mudry, ze starý (польс.).

Ko je mudar, dovoljno je star (хорв.).

J z mlade hlavy soud pravý (чеш.).

U mladiega pogovora nema (хорв.).

Gdje je dobra starjesina, vesela je sva družina (хорв.).

Jedno se goloj, a drugo sijedoj bradi pristoji (хорв.).

Kad te stariji kore, čuti i slusaj, ako i njesi kriv (хорв.).

Слушай стары—тѣ, за да устарѣешь (болг.).

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ вопроса: ради чего, ради какихъ цѣлей «вскладали» на «мужей» участіе въ земскихъ и частныхъ дѣлахъ, — въ виду какихъ именно *общественныхъ потребностей* и *задачъ* они «мужевали», — являлись думцами, вѣщниками, судными мужами, рядцами, послухами, видоками и т. д.?

Касательно функций мужей въ качествѣ *земскихъ* и *княжескихъ советниковъ* и *думцевъ, вѣщниковъ, судей* и *судныхъ мужей* теперь не можетъ быть никакого серьезнаго спора. Въ наукѣ прочно установилось положеніе о томъ, что земскіе люди и мужи, принимавшіе активное участіе въ дѣятельности старыхъ совѣтовъ, думъ, вѣчъ и судовъ, отправляли, въ существѣ дѣла, одну и ту-же общественную функцію — *вѣщителей* и *хранителей правды* въ дѣлахъ земскихъ. Функція эта намѣчена была отчетливо въ пору перваго же призванія князей, явившихся съ своей дружиной «володѣть и судить по праву», «рядить по ряду, по праву». Формула эта затѣмъ неизмѣнно воспроизводится въ обычныхъ положеніяхъ: «судить въ правду», «по старинѣ», по пошлинѣ» и пр., — положеніяхъ, встрѣчающихся во всѣхъ послѣдующихъ докончаньяхъ земель съ князьями, въ позднѣйшихъ судныхъ и другихъ «пошлинныхъ» грамотахъ. Какъ уже замѣчено, князья и княжіе мужи, по самому своему положенію, въ качествѣ нарядниковъ и судей, постоянно переходившихъ съ мѣста на мѣсто, изъ одной волости въ другую, мало могли «вѣдать» мѣстные пошлины, по которымъ обязательно вершились всѣ земскія дѣла, — князья и намѣстники поэтому должны были рядить дѣла или «совершенно произвольно, или обратиться къ такимъ лицамъ, которыя знали мѣстный обычай», — къ «вѣдокамъ», «лучшимъ» земскимъ людямъ, старожиламъ. Судные мужи, избиравшіеся въ старое время изъ земскихъ людей для того, чтобы «сидѣть» на судѣ у намѣстниковъ и тиуновъ,

«правды стережи» («правды беречи») ¹⁾, отправляли въ дѣлѣ мѣстной юстиціи и мѣстнаго наряда тѣже самыя функціи, что и земскіе мужи, сидѣвшіе на вѣчѣ или у князя «въ сѣняхъ» — на княземъ судѣ и нарядѣ (бояре, посадники и пр.). На вѣчѣ, въ княжей думѣ и на судѣ, какъ общины и ея органы (въ закличѣ, на конахъ, на торгу и пр.), такъ и князей и княжихъ намѣстниковъ и тиуновъ, земскіе мужи являлись вездѣ въ одной неизмѣнной роли: они «берегли», «стерегли правду», являлись ея «сторожей» ²⁾, т. е. вѣщателями и хранителями правды во всѣхъ земскихъ дѣлахъ. Такой «сторожей» правды на княземъ судѣ въ древнемъ Новгородѣ были посадники, приставы и докладчики ³⁾, въ другихъ земляхъ бояре — на судѣ у самаго князя и судные мужи (дворскіе, сотники и пр.) — у намѣстниковъ и пр. ⁴⁾. Такихъ же вѣщателей и стражей правды нужно видѣть въ Новгородскихъ боярахъ и житыхъ (по 2 боярина и по 2 житыхъ отъ каждой стороны), сидѣвшихъ на судѣ посадника и намѣстника, какъ и въ житыхъ (по 2 отъ каждой стороны) — на владычнемъ судѣ (П. С. Л. IV, 91, 92; ср. Новг. суд. гр., п. 5). Точно также бояре и другіе мужи, «посылавшіеся» князьями и общинами на порубежныя, смѣтные (общіе) и третейскіе суды, имѣли несомнѣнное значеніе «сторожи» — вѣщателей и хранителей правды по дѣламъ, разбиравшимся на этихъ судахъ (см. Собр. гос. гр. I, 23, 28 и др.).

Что касается значенія и роли мужей, которые въ старое время (въ эпоху Рус. Правды, главнымъ образомъ) являлись на судѣ подѣ именемъ «людей», «видокосовъ» и «послухововъ», то, какъ уже замѣчено, вопросъ этотъ доселѣ возбуждаетъ между учеными разныя, нерѣдко совершенно противоположныя мнѣнія. Мы

¹⁾ П. С. Л. IV, 287. Ср. Карамз. Истор. VП, 187, прим. 362; Солов. Истор. V, 466; Дмитріева Ист. суд. инст. 40—49; Вьялева о позем. влад. (Вречен. XI, 6—8); Шпилевскаго. Объ Источн., 33, 34, 48 и др.

²⁾ «Сторожей» (сторожа) названы въ одной старой грамотѣ XV в. мужи, сидѣвшіе въ качествѣ судей на смѣтномъ судѣ (см. Сборн. Муханова, 339), именно въ значеніи оберегателей не одной власти и правъ князя, но и главнымъ образомъ хранителей и оберегателей правды на судѣ.

³⁾ Собр. г. гр. I, 14, 87; А. А. Э. I, 57; Буд. Хр. I, 186, 190 — 191, 204.

⁴⁾ О «судныхъ мужахъ» говорится впервые въ одномъ судномъ дѣлѣ временъ Дмитрія Донскаго, хотя до самаго конца XV в. законодательство молчитъ о нихъ. «Законъ» долго не заботился объ этомъ обычаѣ, ибо долго не обращалъ вниманія на внутреннее устройство суда, довольствуясь однимъ опредѣленіемъ количества судебныхъ пошлинъ. Въ первый разъ говорится въ законахъ о намѣстничьихъ судѣ съ лучшими людьми въ Вѣлозерской уставной грамотѣ 1488 г. (См. Дмитріева Ист. Суд. Инстанц. 41; ср. Мейчикя Грам. 31, 33 и др.).

давно уже высказали свое мнѣніе по данному вопросу въ статьѣ: «Русская Правда и Литовскій Статутъ», также въ «древнемъ хорватско-далматскомъ законодательствѣ». Не входя поэтому въ подробный разборъ вопроса, мы изложимъ въ настоящемъ случаѣ лишь нѣсколько поправокъ и дополненій къ сказанному нами раньше.

Ближайшее изученіе Рус. Правды, сравнительно съ другими памятниками древняго русскаго (въ особенности литовскаго) и славянскаго права, какъ намъ кажется, позволяетъ свести людей, мужей, видюковъ и послуховъ къ двумъ отдѣльнымъ типамъ «мужей», принимавшихъ различное участіе въ судѣ въ эпоху Рус. Правды. Таковы:

а) *Testes de visu u de auditu* по личнымъ и имущественнымъ обидамъ (Рус. Пр. ак. сп. 38, кар. 4, 37, 79, 99, 100);

б) *Testimonium vicinorum* (*preuve par tourbes*): 1) *мужи* и *послужи*, присутствовавшіе при частныхъ сдѣлкахъ и актахъ (кар. 33, 36, 45 — 48, 111, 115, 119); 2) *мужи*, предъ которыми была сдѣлана «заповѣдь» о правонарушеніи личномъ или имущественномъ (ак., 2, 28; кар. 27, 29); 3) *соприсяжники*, поротцы — помощники и очистники (ак. 2, 9, 28; кар. 15, 17, 24, 26, 78, 79) и 4) *сѣдущіе окольные люди*, присутствовавшіе при гоненіи сѣда, на сведѣ и пр. (ак. 14, 15; кар. 44, 88).

Остановимся сначала на *testes de visu u de auditu*. Замѣтимъ прежде всего, что о свидѣтеляхъ-очевидцахъ по личнымъ и имущественнымъ правонарушениямъ (убійству, членоповрежденіямъ, личнымъ обидамъ, татьбѣ и пр.) Рус. Правда почти совершенно умалчиваетъ. Указаніе на очевидцевъ въ настоящемъ смыслѣ слова дается лишь въ двухъ статьяхъ Правды, именно 4-й ст. кар. сп. «о оубинствѣ соудѣ» («оже боудеть оубилъ въ свадѣ или въ пирю *явлено*») и 79-й ст. кар. сп. — «о зобѣ» («оже выбьютъ зубъ, а кровь *оувидать* оу него въ ртѣ»). Затѣмъ, что касается «людей», о которыхъ говорятъ статьи: 38 ак. сп. («аще оубьютъ татя на своемъ дворѣ... а *люди боудоутъ видѣти связанъ...*»¹⁾, 99 и 100 Кар. сп. (объ испытаніи желъзомъ «по рѣчамъ» людей свободныхъ и холоповъ)²⁾, то здѣсь разумѣются собственно такіе свидѣтели, которые, не будучи вовсе очевидцами по главному факту, служившему предметомъ процесса, знали лишь о побочныхъ обстоятельствахъ — *уликахъ*, служившихъ основаніемъ для возбужденія «поклепа» противъ уличаемаго³⁾. Дѣло въ

¹⁾ Та-же статья воспроизведена въ Кар. сп. 37.

²⁾ Ст. 99: «по сего (*холопа*) *рѣчи азъ емлю тѣ*» (на желъзо); ст. 100: «еже емлетъ на желъзо по *свободныхъ людемъ рѣчи*».

³⁾ По 38 ст. ак. сп. и 37 кар. сп., основаніемъ поклепа по убійству татя лицованнаго (задержаннаго на мѣстѣ преступленія) служить то обстоятельство, что «люди видѣли (татя) *связана*», — обстоятельство, естественно наводящее на мысль о томъ, что татѣ за-

томъ, что ученіе Правды о свидѣтеляхъ-очевидцахъ скрывается въ ученіи о о лицѣ и знаменіи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое свидѣтели по дѣламъ объ убійствѣ или татѣбѣ, личной обидѣ и пр.? Здѣсь нужно разумѣть лицѣ, бывшихъ при «свадѣ или на пиру», — при чемъ непосредственно, на ихъ глазахъ («явлено»), было совершено убійство (кар. сп. 4). Сюда же нужно относить лицѣ, захватившихъ татя или убійцу на мѣстѣ преступленія во дворѣ, клѣти и пр. (ав. 38).

Свидѣтели-очевидцы, конечно, имѣли всегда важное значеніе въ процессѣ. Но дѣло въ томъ, что то рѣшительное значеніе, какое придаетъ Рус. Правда лицу, знаменію и заповѣди, опредѣлялось собственно *свидѣтельствомъ общины* — сосѣдей и стороннихъ людей, которые сбѣгались на крикъ убитаго или вообще на зовъ (закличь, заповѣдь) потерпѣвшаго, захватывали обидчика на мѣстѣ преступленія или «видѣли» лицо и знаменіе — клокъ бороды, синяки, кровь (при выбитіи зуба) и пр. (Рус. Пр. ав. сп. 2, 28, — кар. 4, 24, 29, 78, 79). Констатированное такимъ путемъ «лицо», также «знаменіе» и «заповѣдь» не только не требовали никакихъ другихъ доказательствъ, но и дѣлали излишнимъ формальное разбирательство дѣла на судѣ. Кто пойманъ на мѣстѣ преступленія и о комъ сдѣлана «заповѣдь» (или закличь) сосѣдямъ или вообще стороннимъ людямъ, тотъ подлежалъ штрафу безъ особаго разслѣдованія дѣла, — «поклепъ» не имѣлъ мѣста ни при лицѣ и знаменіи, ни при заповѣди.

«*Лицо*» вообще занимало очень важное мѣсто въ процессѣ воѣхъ славянъ, само по себѣ служило обвиненіемъ для того, кто пойманъ былъ «при лицѣ». Преступникъ «лицованный» (*prilicny, licovany, licny*), пойманный «*prilici*», извѣстенъ старому чешскому праву; для изобличенія его, оно не требуетъ никакихъ доводовъ, кромѣ «лица», удостовѣреннаго очевидцами, если они заставали преступника на мѣстѣ преступленія, а глав. образомъ «оповѣдью» (*opovidani*) сосѣдямъ (см. Пречка Исслѣд. въ Архив. Калач. VI, 44; Slov. Pr. I, 183—185, 188; II, 223). Лицу Правды и чешскаго права соответствуетъ «знамене» Винодольскихъ законовъ, — какъ и «кличованный злотворацъ» вполне напоминаетъ лицованнаго преступника чешскаго права. Поимка преступника съ знаменемъ, на мѣстѣ преступленія, если при томъ учиненъ кличь, по Винодольскимъ законамъ, сама собой изобличала его въ преступленіи, устраивая необходимость въ «тужбѣ», «остаченіи» и другихъ поклепныхъ актахъ. Поимка преступника съ «знаменемъ» должна была всегда сопровождаться кличемъ о помощи («*вапити*» — по-

держанъ былъ на мѣстѣ безъ сопротивленія, связанъ и затѣмъ уже убить. Точно также по статьямъ 99 и 100 кар. сп., поклепъ по «тяжамъ» (убійству, татѣбѣ и пр.) можетъ имѣть своимъ основаніемъ *речи* людей, изводящихъ подозрѣніе противъ подсудимаго, напр., заявленіемъ о томъ, что его видѣли проходившимъ близъ того мѣста, гдѣ совершена кража, и т. п.

магайте») ¹⁾. Людямъ, сбѣгавшимся на кличь, показывалось лицо и самъ преступникъ; дѣло рѣшалось затѣмъ на судѣ, безъ особаго изслѣдованія, по показаніямъ обиженнаго и «верованихъ сведоковъ», какъ заставшихъ виновнаго при лицѣ, такъ и тѣхъ, кому послѣ клича дѣлалось «показане» (заповѣдь Рус. Пр.) о шкодѣ. Тотъ же порядокъ имѣлъ мѣсто въ процессѣ по Полицкому статуту, также требовавшему, при поимкѣ преступника «лицемъ», оповѣди о томъ сосѣдямъ (Др. Хорв.-далм. зак. 39—40, 46, 141—142). У насъ, въ эпоху Правды, преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія (при лицѣ), также наказывался безъ особыхъ поклепныхъ дѣйствій (см. Данге Исслѣд. объ угол. пр. 256). Обязанность сосѣдей являться на *воль* разбиваемыхъ людей существовала у насъ еще въ эпоху Уложения ц. Алек. Мих. (XXI, 59). Тотъ же порядокъ сохранялся и въ древнемъ литовско-русскомъ правѣ: лицованный мужебойца или вообще злочинецъ (*homo facionatus*), пойманный «на горячомъ учинку», судится безъ «позва», на основаніи присяги истца съ околичными сосѣдами, которые созывались путемъ клича, «поволанья и оказыванья» (заповѣди Рус. Пр.) убійства и пр. (см. Рус. Пр. и Лит. Стат., 50—51, 63, 70—71).

По дѣламъ о побояхъ и вообще личныхъ обидахъ *знаменіе* имѣло такое-же рѣшительное значеніе, какъ и «лицо» при убійствѣ или татѣбѣ; для юридической силы знаменія требовалось, какъ и при лицѣ, чтобы знаменіе было «заповѣдано», чтобы его «видѣли» другіе. Требованіе это ясно выражено въ литовскомъ правѣ, какъ и въ правѣ другихъ славянъ ²⁾. Въ Рус. Правдѣ «знаменію» 2-й статьи ак. сп. («кровавъ или синь надбраженъ»), 24 ст. кар. сп. (кровавъ или синь) и 78 ст. (порветъ бородоу, а выметъ знаменіе) вполне соответствуетъ въ статьѣ о выбитіи зуба (79 ст. кар. сп.) выраженіе: «а кровь *оувидятъ* оу него въ ртѣ». Здѣсь дается категорическое указаніе не только на очевидцевъ, въ присутствіи которыхъ былъ выбитъ зубъ, но и на тѣхъ, кому была кровь показана, по заключу или заповѣди потерпѣвшаго.

По дѣламъ объ «изгибели» (утратѣ или пропажѣ вещей — затерянныхъ или украденныхъ) и убѣжавшемъ или уведенномъ челядинѣ, когда нѣтъ соб-

¹⁾ Такой кличь обязательно налагалъ на сосѣдей и вообще слышавшихъ его повинность являться на помощь каждому, кто находится въ бѣдѣ, нуждается въ защитѣ. По древнему польскому праву, когда неизвестенъ убійца, вина улачивается сосѣдами, которые могли слышать крикъ убитаго и не явились на помощь. См. *Seabisc diplom.* Даниловича I, № 125.

²⁾ По Литовскимъ памяткамъ, «слушными, добрыми» знаменія (знаки) считаются только тѣ, кои были предъявлены добрымъ людямъ или-же уряду (См. Рус. Пр. и Лит. Стат. 64). По Винод. и Полицкимъ законамъ, знаменіе (трат, кѣрв, знаки и пр.) должны быть также «показаны верованнымъ сведокамъ» и «приказаны к правдѣ» (Древ. Хорв.-далм. зак. 46, 150). Тоже самое требовалось и древнимъ чешскимъ правомъ (См. *Иречаа Slov. pr.*)

ственно ни лица, ни знаменія (т. е. тать, уведшій коня или челядина, успѣлъ скрыться, не пойманъ при лицѣ, на мѣстѣ преступленія), послѣднія со всеми ихъ юридическими послѣдствіями вполне замѣняются *закличемъ* или *заповѣдью*. Объявленіе о пропажѣ, сдѣланное на торгу, предъ сосѣдями, освобождало потерпѣвшаго отъ обязанности вести дѣло судебнымъ порядкомъ (путемъ «свода»); послѣ заклика онъ могъ безъ суда взять свою вещь, познанную въ рукахъ другого (Рус. Пр. Бар. 27, 29; ср. Калачова Исслѣд. о Рус. Пр. 128, 129; Буданова Христ. I, 44 — 45). Въ старое время объявленіе на торгу съ указаннымъ характеромъ составляло обще-славянскій обычай. По древнему чешскому праву, хозяинъ пропавшей или украденной вещи долженъ былъ, тотчасъ послѣ открытія пропажи, сдѣлать о томъ «*opovidani trhem*», показать созваннымъ сосѣдямъ (осадѣ) особенности пропавшей вещи, чтобы каждый ее зналъ; хозяинъ затѣмъ могъ взять свою вещь, у кого ее найдетъ, безъ суда, вслѣдствіе одного объявленія. Безъ суда нельзя было отбирать познанную вещь только тогда, когда не было въ свое время объявлено сосѣдямъ о ея пропажѣ (см. Исслѣдов. Иречва въ Архивѣ Калач. VI, 39 — 40; Slov. pr. I, 182; П, 22). Чешской оповѣди или закличу и заповѣди Рус. Пр. соотвѣтствуетъ «*указане*» Винодольскаго закона. Если сосѣди созывались посредствомъ клича («*ванити — помагайте*»), при поимкѣ виновнаго на преступленіи, то тѣмъ болѣе это необходимо было при шкодѣ безъ лица. «*Указане*» состояло въ заявленіи о шкодѣ стороннимъ людямъ, созваннымъ посредствомъ клича (Др. Хорв.-далм. зак. 40). Подобнымъ-же образомъ, по Полицкому Статуту, господарь поля или огорода, замѣтивъ «*попашу*», «*щету*» и пр., долженъ тотчасъ «*оповидити га придь свидочбом*» — «*иним усвидочити*», — въ данномъ случаѣ «*свидочба*» и «*ини*» соотвѣтствуютъ чешской осадѣ и литовской копѣ — сходкѣ сосѣдей и добрыхъ (стороннихъ) людей, созванныхъ потерпѣвшимъ для объявленія имъ о понесенной имъ потерѣ и шкодѣ (ib 143). Литовское право точно также требовало заклика или объявленія на торгу — «*поволанья*», объявленія о татѣбѣ или шкодѣ сосѣдямъ (околицѣ), собраннымъ на копу (сходку), — такое поволанье, подтвержденное свидѣтельствомъ околицы, принимается послѣ за одинъ изъ важныхъ доводовъ истца. Старое значеніе заклика на торгу съ его послѣдствіями (правомъ истца брать свою вещь безъ суда) удержалось въ литовскомъ правѣ, впрочемъ, только по дѣламъ о бѣглыхъ челядинахъ; въ другихъ случаяхъ истецъ, познавъ послѣ заповѣди свою вещь въ рукахъ другаго лица, представлялъ его въ урядъ, для разбирательства дѣла на общемъ основаніи (см. Рус. Прав. и Лит. Стат. 75).

Изъ сказаннаго ясно, что сосѣди и сторонніе люди, видѣвшіе лицо и знаменіе или узнавшіе объ «изгибели» по заповѣди потерпѣвшаго, являлись главными органами, придававшими лицу и знаменію юридическую силу. Лицо, знаменіе и заповѣдь состояли такимъ образомъ въ тѣсной, неразрывной связи не

только съ *testes de visu* и *testes de auditu*, но и главнымъ образомъ съ *testimonium vicinorum*: все это не больше, какъ лишь различныя стороны одного и того-же института—процесса по дѣламъ «лицованнымъ», констатированнымъ свидѣтельствомъ общины—на основаніи «заповѣди» предъ сосѣдами и вообще сторонними людьми. При наличности «заповѣди» судебная сторона дѣла считалась законченной. *Urtheilfinder*'ы въ такихъ случаяхъ являлись въ лицѣ стороннихъ людей, предъ которыми была «заповѣдана» обида или «изгибель». Присутствуя на заповѣди, такіе люди какъ-бы напередъ изрекали судебный приговоръ, на основаніи котораго потерпѣвшему разрѣшалось отбирать свою вещь, у кого-бы она послѣ ни оказалась, обидчикъ же штрафовался безъ дальнѣйшаго разбирательства дѣла на судѣ.

Такое-же рѣшительное значеніе въ гражданскомъ процессѣ имѣлъ другой видъ свидѣтельства общины — *мужи, послухи, рядчи, сидельцы, запвдници* и пр., присутствовавшіе при разнообразныхъ частныхъ сдѣлкахъ и актахъ. Послухи были на дѣлѣ такими-же *Urtheilfinder*'ами, какъ и «люди» по «лицованнымъ» и «заповѣданнымъ» правонарушеніямъ. Подобно тому, какъ люди, «видѣвшіе» лицо или знаменіе и присутствовавшіе при «заповѣди», устранили своимъ присутствіемъ всякія сомнѣнія въ дѣйствительности обиды и правонарушенія, такъ и въ дѣлѣ гражданскихъ сдѣлокъ послухи не допускали никакихъ возраженій противъ юридической силы сдѣлокъ, предъ ними заключенныхъ, и слѣдоват. устранили самую возможность судебного разбирательства по вопросу о дѣйствительности и законности такихъ сдѣлокъ. Рѣшительная сила послушества по частнымъ сдѣлкамъ шла дальше: послушество составляло *conditio sine qua non* частной сдѣлки (исключенія указаны выше) и потому отсутствіе послуховъ дѣлало недѣйствительной самую сдѣлку, отнимало у нея всякую юридическую силу, всякую возможность защиты ея на судѣ¹⁾. Въ то время, какъ личныя и имущественныя правонарушенія не «лицованныя» и не «заповѣданныя» не лишали все-таки потерпѣвшаго юридической защиты, вызвали особую дѣятельность общины въ процессуальной формѣ «поклепа» (см. ниже), частныя сдѣлки не «лицованныя», заключенныя безъ послуховъ, въ старое время вовсе не пользовались никакой общественной охраной.

Эти начала имѣли мѣсто въ древнемъ правѣ вѣсѣхъ славянъ. По Винодольскому «закону», главнымъ условіемъ дѣйствительности договоровъ (кромя сдѣлокъ незначительной цѣнности—до 20 солдиновъ) было совершеніе ихъ въ присутствіи свидѣтелей: судебной защитой пользовалась только такая сдѣлка, которая была «учинена предъ сведоки» (см. Др. Хорв.-далм. зак. 26). Точно также Полиційскій Статутъ требуетъ, чтобы при болѣе важныхъ сдѣлкахъ непре-

¹⁾ «Провиновался еси, оже еси послоуха не ставилъ» (Р. Пр. Кар. сп. 48).

мѣнно были свидѣтели и притомъ не въ простой роли зрителей—очевидцевъ, но именно въ роли рядцевъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ сдѣлкахъ—въ качествѣ оцѣнщиковъ (цинци), опредѣлявшихъ стоимость предмета договора и пр. Договоры, касавшіеся недвижимыхъ имуществъ, должны были производиться не иначе, какъ публично («свитло, билодано»), на «сборѣ» — на народной сходкѣ или предѣ княземъ, непремѣнно съ участіемъ въ сдѣлкахъ стороннихъ людей, сосѣдей: послѣдніе въ качествѣ «добрыхъ людей» — представителей общины, являлись посредниками контрагентовъ; они производили оцѣнку предметовъ сдѣлки, опредѣляли межи продаваемого или мѣняемаго двора, участка земли и пр. Лишь одни «добрые люди» придавали юридическую силу сдѣлкамъ, заключавшимся при ихъ участіи и посредничествѣ. Полиціей Статутъ считаетъ, наприм., сдѣлку продажи «правой и законитой» въ такомъ только случаѣ, если она произведена по обсужденію и оцѣнкѣ добрыхъ людей—«по цинцихъ достоиннихъ, кп процине и стимаю по своѣои кушенци (по разсмотрѣнію, по совѣсти) онои, ча е таи племенщина вридна» (стоитъ). Совершеніе важнѣйшихъ сдѣлокъ на міру, «свитло, билодано», при участіи добрыхъ людей, мотивировалось не только тѣмъ обстоятельствомъ, что только община (или ея представители—добрые люди, наши послухи) могла санкционировать права и обязательства, возникавшія путемъ сдѣлокъ, но и въ виду того, что при всякой подобной сдѣлкѣ могъ всегда возникать вопросъ о правѣ («близкихъ») на выкупъ имущества, отчуждаемаго путемъ продажи, мѣны и пр. (ib. 123) ¹⁾. Въ силу такихъ-же условій, по чешскому праву, главнѣйшія сдѣлки, особенно договоры купли-продажи, непремѣнно должны были совершаться публично, на *trhu* (сходкѣ сосѣдей), — непремѣнно должны были принимать участіе въ важнѣйшихъ сдѣлкахъ добрые люди—*prostrednici, odhadnici, arbitri, mediatores* или *taxatores*, потому что только ихъ участіе въ сдѣлкахъ придавало послѣднимъ полную юридическую силу (См. Иречка Sl. pr. II, 287 — 288).

Изъ сказаннаго ясно, что въ древне-славянскомъ правѣ гражданскія сдѣлки и тѣсно связанное съ нимъ послушество вездѣ имѣли однѣ и тѣ-же формы и

¹⁾ По Полицкому обычаю, до совершенія сдѣлки на торгу всегда дѣлалась предварительная оповѣдь о предстоящей продажѣ племенщины, съ вызовомъ «близиковъ», желавшихъ выкупить отчуждаемое имущество. Тотъ-же порядокъ имѣлъ мѣсто и въ правѣ другихъ славянъ. См. Др. Хорв.-далм. зак. 119—120. Замѣтимъ при этомъ, что въ связи съ институтомъ выкупа по *ius propinquis et vicinitatis* стоитъ институтъ мужей — оцѣнщиковъ (цинци, *taxatores* и пр.), опредѣлявшихъ цѣнность имущества продаваемого, мѣняемаго и пр., именно въ видахъ огражденія интересовъ близкихъ или сосѣдей, имѣвшихъ право выкупа на отчуждаемое имущество. Не будь регулируемо это дѣло представителями общины, продавецъ и покушникъ имѣли-бы полную возможность фактивно поднимать цѣнность имущества до полной невозможности для близкихъ воспользоваться своимъ правомъ выкупа.

значение. Сдѣлки должны были совершаться публично; добрые люди, присутствовавшіе при сдѣлкахъ, имѣли значение представителей общины — посредниковъ между контрагентами, регулировавшихъ и закрѣплявшихъ заключенную ими сдѣлку, вмѣстѣ съ возникавшими изъ нея гражданскими правами и обязательствами. Затѣмъ, участіе свидѣтелей въ частныхъ сдѣлкахъ несомнѣнно было обязательно и для контрагентовъ, и для самихъ свидѣтелей: въ качествѣ представителей общины послѣдніе играли въ частныхъ сдѣлкахъ такую-же обязательную роль посредниковъ -- *Urtheilfinder*овъ, какъ и шефены въ судебныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи формы частныхъ сдѣлокъ, по преобладавшимъ въ нихъ элементамъ третейства, представляли весьма близкую аналогію съ формами древняго суда, проникавшагося, какъ извѣстно, также началами третейства: тѣ-же стороны — рядцы, тѣ-же посредники — судьи и та-же рѣшительная, непрерываемая сила ихъ сдѣлки — приговора. Такая аналогія, какъ кажется, не могла имѣть случайнаго характера: сходство здѣсь было естественнымъ результатомъ одинаковости источника, изъ котораго возникли первычныя формы частной сдѣлки и суда. Выше указано на первоначальный общественный «рядъ», основныя формы котораго были затѣмъ усвоены гражданской сдѣлкой. Такая-же генетическая связь несомнѣнно установилась между третействомъ междусоюзнаго ряда и возникшими затѣмъ третейскими формами древняго суда. Разъ-же существовало коренное сродство договорныхъ и судебныхъ формъ, естественно могли установиться также аналогическія черты между послухами — посредниками сдѣлки и судными мужами процесса ¹⁾.

Тѣ-же самыя черты легко подмѣтить и въ формахъ послушества частныхъ сдѣлокъ по древнему русскому праву. Публичный характеръ главнѣйшихъ сдѣлокъ вносили извѣстенъ Рус. Правдѣ и Псковской грамотѣ: договоръ купли—продажи, наприм., долженъ былъ совершаться у насъ въ старое время, какъ и у другихъ славянъ, «на торгу», публично, въ присутствіи сосѣдей. Затѣмъ, упомянутая выше обязанность контрагентовъ имѣть при своихъ сдѣлкахъ послуховъ непременно предполагаетъ невозможность отказа со стороны

¹⁾ Свидѣтели сдѣлки и по древнимъ *leges barbar.* Германцевъ имѣли такое-же значение, какъ и по древне-славянскому праву. По словамъ Маурера, по древнему норвежскому праву, сдѣлки обыкновенно совершались публично на сходкахъ сосѣдей — «*fjöldi mann*». Въ лицѣ послуховъ — «*bðar*» (сосѣдей), присутствовавшихъ при сдѣлкахъ, являлись органы общины, укрѣплявшіе законность сдѣлокъ: «*Hier haben aber die beigezogenen Personen nicht et wa blöz zu Zwecken der Beweisführung zu dienen, sondern sie als unparteiische Vermittler für die formelle u. materielle Billigkeit u. Rechtsbeständigkeit des Vorganges zu sorgen haben*» (см. V. Maurer, *Zur nord. german. Rechtsgesch.*, въ *Krit. Vierteljahreschr. f. Gesetzgeb. u. Rechtswiss.* v. Bechmann 1889, Bd. XXXI, p. 207).

тѣхъ, кто приглашается присутствовать при сдѣлкѣ: только подъ этимъ условіемъ и осуществима обязанность контрагентовъ совершать сдѣлки всегда въ присутствіи послуховъ. Дѣйствительно, при внимательномъ разсмотрѣніи вопроса, необходимо допустить, такъ сказать, обоюдную обязанность — и для контрагентовъ имѣть при сдѣлкѣ послуховъ, и для послуховъ являться къ сдѣлкѣ и на судъ по первому требованію сторонъ. Разъ мы признаемъ въ послушестве *представительство общины*, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ допустить естественное послѣдствіе такого представительства — обязанность представителей общины являться послухами по первому зову контрагентовъ. Въ древнихъ памятникахъ (Р. Правдѣ, Цесковской судн. грамотѣ и пр.) нѣтъ нигдѣ ни слова о томъ, чтобы сторонніе люди и сосѣди *обязательно* являлись въ качествѣ послуховъ къ сдѣлкамъ и въ судъ для защиты такихъ сдѣлокъ въ потребныхъ случаяхъ; но одно молчаніе памятниковъ еще не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ не признавать исконности данного института потому только, что о немъ не говорятъ древніе памятники ¹⁾. Объ обязанности послуховъ являться въ судъ говорится впервые въ законахъ московской эпохи ²⁾. Развитое въ Судебникѣ 1497 года правило объ обязательной явкѣ послуховъ въ судъ нужно разсматривать не какъ извращеніе и «утрату первоначального смысла послушества» и предвѣтника «будущихъ сыскныхъ стремленій суда, гдѣ власть станетъ допытываться правды, вынуждать ее силой», какъ думаетъ проф. Дювернуа ³⁾, но именно въ смыслѣ переживанія древняго «свидѣтельства общины», налагавшаго на сосѣдей повинность являться въ судъ послухами — пособниками по частнымъ сдѣлкамъ ⁴⁾.

Въ дѣятельности древне-русскихъ мужей — послуховъ, какъ и добрыхъ людей — посредниковъ юго-западныхъ славянъ, ясно проглядываетъ *посредничество представителей общины*, — институтъ, совершенно аналогичскій съ посреднической-же дѣятельностію пословъ общественныхъ рядовъ или

¹⁾ Судные мужи, наприм., упоминаются въ законахъ съ конца XV в., хотя судебная практика знала ихъ гораздо раньше (см. выше).

²⁾ «А послухъ не поидеть предъ судью, есть-ли за нимъ рѣчи, нѣтъ-ли, ино на томъ послухъ исцево и убытки и все пошлины взяты, а съ праветчиномъ о еромъ тому послуху судъ» (См. Будал. Христ. II, стр. 88, ст. 50).

³⁾ См. Дювернуа Источ. 394; ср. Буд. Хр. II, 88, примѣч. 82. Изложенное воззрѣніе проф. Дювернуа совершенно не вяжется съ его основнымъ и, по нашему мнѣнію, совершенно правильнымъ ученіемъ о послушестве, какъ «свидѣтельствѣ общины» (стр. 99, 103). Разъ признанъ послѣдній институтъ, необходимо допустить и его неизбежное послѣдствіе — *обязанность* представителя общины являться въ судъ въ качествѣ послуха — пособника по частнымъ сдѣлкамъ.

⁴⁾ Совершенно вѣрная мысль по этому вопросу высказана Мейчикомъ, въ его замѣчаніяхъ по поводу издаваемыхъ имъ «грамотъ XIV—XV вв.» (см. стр. 53).

мужей древняго процесса. Подобно тому, какъ въ древнѣйшихъ международныхъ рядахъ и докончаніяхъ фигурируютъ два различные вида органовъ — добрые мужи и послухи, или въ старомъ судѣ старожилыцы-знахори и судные мужи, такъ и въ процессѣ образованія гражданскихъ актовъ и сдѣлокъ стараго времени принимаютъ совмѣстное участіе два отдѣльные органы: *мужи* и *послухи*, каждый съ своей особой компетенціей. Подъ мужами разумѣлись лица, которыя, въ силу своего послушества и въ видахъ регулированія сдѣлокъ сообразно съ требованіями правды, участвовали въ самомъ «порядкѣ», «торговлѣ», «дѣлѣ», «лѣнѣ», «разъѣздѣ» (разводѣ или отводѣ земель по границамъ, межамъ и угодыамъ), — «сидѣли на души» (участвовали въ установленіи завѣщательныхъ условій въ духовныхъ грамотахъ), у купчей, кабалы, данной и пр. Кромѣ мужей и людей добрыхъ (или просто людей), такія лица носятъ спеціальныя названія знахорей, рядцевъ, заѣздницъ (разъѣздныхъ людей), сидѣльцевъ и пр.¹⁾ Затѣмъ, совмѣстно съ мужами присутствуютъ при совершеніи актовъ и сдѣлокъ послухи, какъ совершенно особый органъ, имѣвшій своей задачей укрѣпленіе сдѣлокъ, признаніе за ними полной силы юридическихъ актовъ. При составленіи одной подлюбовной записи (1498 г.), разводъ земли по границамъ (съ точнымъ указаніемъ межъ) вели знахори: «а на то послухи» — отдѣльные два лица (А. Ю. Б. I, 112). Различіе между мужами и послухами особенно характеризуетъ старыя Новгородскія и Двинскія грамоты. Въ одной Новгородской купчей XIV в. говорится, что игумень Василій купилъ землю у Игнатія Кузнеця: «а на торговлѣ были люди (поименованы 3 лица) .. а на заводи (самомъ раздѣлѣ земель по межамъ) были» другія три лица. При совершеніи другой купчей на землю, было 7 послуховъ, «а на заводи» — три лица (см. Времен. XVI, стр. 16 — 18). Точно также въ Двинскихъ духовныхъ послухи и люди являются, какъ два особые органы: «а на то Богъ послухъ и отецъ мой душевный, а на души были люди (или безъ этого наименованія) такіе-то» (Мейч. 97). Функции мужей и послуховъ иногда отправляются одними и тѣми-же лицами, удерживавшими за собой оба наименованія, иногда-же носившими и одно названіе — людей, мужей или послуховъ. Совмѣщеніе качествъ мужей и послуховъ дѣйствительно могло имѣть мѣсто при совершеніи духовныхъ и другихъ сдѣлокъ, которыя по самой природѣ своей не требовали рѣзкаго разграниченія ролей мужа и послуха. Затѣмъ позже, когда сдѣлка переходила на докладъ, являлась свѣтской или духовной власти, «роли мужей и

¹⁾ По источникамъ «мужи» участвуютъ рѣшительно во всѣхъ гражданскихъ актахъ и сдѣлкахъ. О *знахоряхъ* см. А. Ю. Б. I, 112; *рядцахъ* — А. Ю. № 257, I, III, IV, VI; Опис. Рум. Муз., 105; Муханова № 300; *людяхъ* — А. Ю. Б. I, 53; *людяхъ добрыхъ* — А. Ю. 260, I; *мужахъ* — А. Ю. 71, XXXI, 233, — Мейчина, Прилож. VIII, 4, 10; *завѣщательныхъ* — Мухан. 324; *сидѣльцахъ* — Мейчика, стр. 64, 97, — А. Ю. 233 и пр. Въ западно русскихъ актахъ мужи носятъ общее названіе *свѣдковъ*, — см. Времен. XVI, 18.

послуховъ сливались, ибо тѣ и другіе свидѣтельствовали по одному и тому-же предмету. И вотъ причина, по которой два понятія, различныя между собой въ исходныхъ моментахъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи смѣшались» (Мейч. 97) ¹⁾. Примѣры смѣшенія функцій мужей и послуховъ нерѣдки въ старыхъ актахъ: «а на то (куплю) послухи (10 лицъ)... а на отводѣ были тѣ-же мужи» (Мейч., Прилож. VШ, 4). Въ Новгородскихъ рядныхъ XV в. обыкновенно говорится: «урядился рядомъ (по раздѣлу земли)... а на то рядци и послухи такіе-то», — поименованы 4 лица (А. Ю. 257, I); «се урядилися (по раздѣлу рыбныхъ ловель)... а на то послухъ св. Михаилъ и на то-же рядци и послухи», — поименованы 5 лицъ (ib. Ш); «а на то рядци и послухи» — 6 лицъ (ib. VI). Мужи и послухи носятъ затѣмъ одинаковое наименованіе — послуховъ, мужей или людей ²⁾, особенно если одни и тѣ-же лица участвуютъ въ различныхъ актахъ, совершавшихся одновременно. Въ одной купчей и мѣновной грамотѣ XV в. говорится, что, для уничтоженія череповошцы, князь Иванъ Вас. промѣнялъ у Троицко-Серг. монастыря земли и прикупилъ смежный участокъ у частнаго лица: «а на то у насъ послуси на мѣну и на куплю и на раздѣздъ», — поименованы 5 лицъ (Мухан. 340); по другой грамотѣ — «а у кабалы и у купчей сидѣли мужи» — 7 лицъ (А. Ю. 233). Мужи и послухи, по общему обычаю, выставлялись отъ каждой стороны особо. Въ одной Новгородской рядной говорится: «се урядилися Федоръ Онкифоровичъ съ Матвѣемъ Ивановичемъ на землю дядевщину... а на то рядци съ Федоровѣ *половинъ* — тысяцкій Новг. (и еще 3 лица).. а съ Матвѣевѣ *половинѣ*» (2 лица; — см. Опис. Румян. музея, 105; ср. Мухан. 330). При полюбовномъ раздѣлѣ земель между волостію и монастыремъ «сѣзжались» на земли мужи волостные и монастырскіе ³⁾, какъ и земли князей разводились отъ земель другихъ владѣльцевъ обыкновенно мужами, выставлявшимися каждой стороной. Представителями князей-землевладѣльцевъ являлись въ такихъ случаяхъ мѣстные сотники, старосты или дворецкіе съ крестьянами-старожильцами тѣхъ волостей, въ которыхъ лежали разводимыя земли; со стороны другихъ владѣльцевъ являлись крестьяне и другіе старожильцы. Иногда приглашались въ

¹⁾ То-же самое практиковалось и въ старой судебной практикѣ: одни и тѣ-же лица могли быть и свидѣтелями, и судными мужами. Въ одной правой грамотѣ сказано: «А на судѣ были мужи Череповецкіе волости. А коли грамоту правую далъ, а тогда были тѣ-же мужи да Угринъ Федоровъ» (Бѣляева о поэм. влад. въ Времен. XI, 8; А. Ю. № 3; Архивъ Калач. 1855, отд. Ш, стр. 135; Дмитриева, 44).

²⁾ См. А. Ю. Б. I, 52; II, 126, 147, 156; Мухан. 272; Мейч. Прилож. VП, 1; VШ, 10; А. Ю. 71, XXI, 260, I, Времен. XVI, 16 и пр.

³⁾ Въ дѣловой грамотѣ 1395 г. говорится: «а се сѣзжались на землю: старци (и еще два лица, очевидно, представители монастыря), а земскихъ людей были такіе-то (4 лица), а монастырскихъ людей были» (3 лица). См. А. Ю. Б. I, 53.

качествѣ мужей представители ближайшихъ мѣстностей (см. Мейч. 56). Подобнымъ же образомъ роль мужей по западно-русскимъ актамъ играютъ обыкновенно сосѣдніе владѣльцы—«сумежники» и «пограничники» (см. выше); иногда же выставляются мѣстные сословные представители — старожилыцы, близко знакомые съ дѣломъ¹⁾. Рядомъ съ представительствомъ каждаго контрагента въ отдѣльности, практиковался также обычай выставлять общихъ мужей—«съ обѣ половины», по выраженію актовъ. Въ одной Новгородской рядной XV в. говорится: «а на порядцѣ (были) съ обѣ половины: тысяцкій» и еще 5 лицъ, избранныхъ сторонами сообща (А. Ю. 257, II). Обыкновенно же въ такихъ случаяхъ просто говорится въ актахъ: «а на то послуши съ обѣ половины» (напр., мѣстный сощій и еще два лица) и пр.²⁾. Укажемъ, наконецъ, на особаго рода послушество (и именно «съ обѣ половины») при сдѣлкахъ — призывъ въ качествѣ послуховъ самаго Бога или его св. угодниковъ, конечно, не какъ простыхъ свидѣтелей, но какъ дѣятельныхъ судей—заступниковъ, могущихъ придать акту «нерушимую» юридическую силу и крѣпость и защищать его «правду» отъ возможныхъ въ будущемъ нарушителей. Выше указаны Новгородская рядная и Двинская духовная, въ которыхъ составъ послушества опредѣляется такъ: «а на то послухъ *Св. Михаила* и на то же рядци и послухи» (А. Ю. 257, III); «а на то *Богъ* послухъ и отецъ мой душевный, а на души были люди» (Мейч., 97). Призывъ Бога и св. угодниковъ въ частныхъ актахъ, кажется, можно разсматривать, какъ переживаніе «богомолій» (см. выше) и вл�атьвъ, встрѣчающихся въ древнихъ публичныхъ рядахъ и уставахъ. Въ XIV и XV вѣкахъ контрагенты призывали Бога и его св. угодниковъ послухами своихъ частныхъ сдѣлокъ и актовъ ради такихъ же побужденій, какъ и составители договоровъ съ Греками или старыхъ церк. уставовъ, ограждая ихъ крѣпостью и неприкосновенность «проклятіемъ святыхъ», «мestью» и «судомъ Божиимъ» (см. Будан. Христ. I, 11, 214, 224, 230). Послушество святыхъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ и частныхъ рядахъ и актахъ XIII - XV вв.

¹⁾ Какъ видно изъ одной Галицкой купчей 1351 г., на «торговлю» были выставлены представители отъ всѣхъ мѣстныхъ классовъ: «а то свѣдоци: мѣстичи 2 лица).. а се бояре (2 л).. а се сусѣдъ соколици Описаніи, а се деаци (4 л).. а се бортинци» (4 л.). Всего 13 лицъ (см. Времен. XVI. 18). Солловное представительство отчасти замѣтно и въ актахъ восточно-русскихъ: послухами при мѣнѣ землями частнаго лица съ митрополичьимъ дворцкимъ (1456) были: «митрополичи бояре» (1 л).. «да в князя боярини» (1 л.) и еще 6 лицъ (Иванова Опис. гос. арх. 209; ср. А. Ю. Б. II, 156). Въ старомъ Новгородѣ было значительно развито представительство «лучшихъ» классовъ, въ особенности бояръ, житыхъ и купцовъ: въ качествѣ пословъ, также мужей, сдѣвшихъ на судѣ владичнемъ, посадника и пр., отряжались обыкновенно отдѣльные представители отъ бояръ, житыхъ и пр. (см. выше).

²⁾ См. А. Ю. 260, II. Ср. ib. 257, I, III, IV; 260, I и пр.

замѣняется именно заклѣтіемъ, судомъ Божьимъ. Такова, наприм., приведенная выше лѣтописная формула: кто (изъ князей) преступитъ крестное цѣлованіе, «а Богъ ему судья»: здѣсь «судья» употребленъ въ такомъ-же смыслѣ, какъ въ частныхъ рядахъ и актахъ «послухъ». Различіе между мужами и послухами, на нашъ взглядъ, довольно удачно объяснено г. Мейчикомъ путемъ сравненія такого различія съ однороднымъ явленіемъ въ нашей старой судебной практикѣ — различіемъ между старожильцами (разъѣздчиками или знахорами) и судными мужами, «стерегущими правду»; значеніе такихъ-же стражей правды въ гражданскихъ сдѣлкахъ имѣли послухи, «сидѣвшіе на души», у «торговли» и пр. (Мейч. Грам. 97). Съ своей стороны, считаемъ возможнымъ указать на еще болѣе подходящее, по своему сродству, явленіе въ практикѣ международныхъ сношеній древне-русскихъ земель. Въ древнѣйшемъ памятникѣ этой практики—договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ нѣмецкими городами 1229 г., находимъ совершенно аналогическіе органы, участвовавшіе въ составленіи этого договора,—добрыхъ мужей и послуховъ (см. Будан. Христ. I, 98, 110). Дѣятельность первыхъ опредѣляется въ договорѣ выраженіемъ: «пре сеи миръ *трудоулился*»,—вторые-же «се орудіе *исправили*», т. е. рассмотрѣли и утвердили (ратификовали его своими печатами и подписями). Добрые люди и послухи въ данномъ случаѣ одинаково являются *этцательными права*, долженствовавшего облечься въ договорную форму. Первые (два мужа: представитель нѣмцевъ — Раульѳъ изъ Касселя и представитель русскихъ—Тумашъ Смольнянинъ) дали матеріальное содержаніе договору, «написали правдоу», положили ее въ отдѣльныхъ статьяхъ договора (*redaction de coutumes*); вторые (19 послуховъ — представителей отдѣльныхъ общинъ) отпращивали функцію девретированія обычаевъ (*homologation de coutumes*). ✚

Такія-же функціи «вѣщателей и стражей правды», въ существѣ дѣла, составляли принципиальную задачу старыхъ мужей и послуховъ, принимавшихъ участіе въ частныхъ актахъ и сдѣлкахъ: *регулированіе матеріальнаго содержанія* сдѣлокъ сообразно съ условіями и требованіями правды (*redaction de actes*) было дѣломъ мужей—знахорей, рядцевъ, разъѣздныхъ людей и сидѣльцевъ,—самое-же *укрѣпленіе сдѣлокъ*, признаніе ихъ «правыми и законными» актами (*homologation de actes*) лежало на обязанности послуховъ. Отсюда становится совершенно понятнымъ первоначальный смыслъ техническихъ выраженій: «идти на правду», «слаться на правду» и др., примѣнявшихся къ послухамъ въ дѣлахъ судебныхъ. Это были настоящіе «знахори» и «стражи правды»,—слаться на нихъ значило дѣйствительно «слаться на правду». Мужья и послухи, участвовавшіе въ старое время въ заключенія сдѣлокъ, являлись въ судѣ, не какъ простые свидѣтели *de visu* или *de auditu*, но какъ органы общины, констатировавшіе на судѣ вопросы о «правдѣ», законности сдѣлки, въ свое время ими регули-

рованной и укрѣпленной въ полной силѣ, не подлежаваго никакому спору, юридическаго акта, обязательнаго для всѣхъ, кого онъ касался. Отсюда, съ одной стороны, устраненіе «возраженій» и «суда» по существу самыхъ сдѣлокъ съ послухами, т. е. по вопросамъ о дѣйствительности и законности сдѣлокъ, укрѣпленныхъ послухами и потому, подобно дѣламъ о «лицованныхъ» и «заповѣданныхъ» обидахъ, не допускавшихъ никакого дальнѣйшаго «вершенія» на судѣ,—а съ другой — невозможность судебной защиты сдѣлокъ безъ послуховъ, въ силу основной формулы стараго послушества — «провиновался еси, оже еси послуха не ставилъ». Простые свидѣтели, являющіеся въ судѣ для показаній,—лица, присутствовавшіи при заключеніи сдѣлки только въ качествѣ очевидцевъ, констатируютъ предъ судомъ о *своёмъ visu*, о томъ, что они «были» при сдѣлкѣ, но и только, — здѣсь еще не можетъ быть рѣчи о законности или незаконности самой сдѣлки, и потому простые свидѣтели — очевидцы не могутъ устранять судебного разбирательства сдѣлокъ по ихъ существу, со стороны ихъ правильности и законности. И наоборотъ: вопросъ о законности сдѣлки самъ собою устраняется и не допускаются никакія возраженія противъ юридической силы сдѣлки, разъ свидѣтель является на судѣ въ роли *послуха*, т. е. органа общины, констатирующаго вопросъ о самой «правдѣ» сдѣлки. Одно показаніе такого послуха о его *visu*, о томъ, что «принемъ», при его участіи, совершена сдѣлка, было совершенно равнозначительно съ показаніемъ о ея законности и потому обязывало судью тотчасъ-же прекратить дальнѣйшее разбирательство дѣла: «послухъ» не могъ присутствовать при сдѣлкѣ иначе, какъ только въ автономной роли представителя общины, укрѣплявшаго своимъ присутствіемъ юридическую силу сдѣлки и придававшего ей полное значеніе юридическаго акта, не подлежаваго больше никакому «перевершенью». Судебный споръ по сдѣлкѣ съ послухами могъ имѣть мѣсто не по существу самой сдѣлки, а лишь касательно ея послѣдствій — *исполненія* возникавшихъ изъ нея правъ и обязательствъ; но, какъ сейчасъ увидимъ, на судѣ въ такихъ случаяхъ фигурировали мужи, совершенно отличные отъ послуховъ сдѣлки.

Инымъ характеромъ и составомъ отличается свидѣтельство общины по дѣламъ о *правонарушеніяхъ не лицованныхъ и не заповѣданныхъ*, а также по дѣламъ, касающимся *исполненія обязательствъ* по гражданскимъ актамъ и сдѣлкамъ.

Раньше было замѣчено, что по личнымъ и имущественнымъ правонарушеніямъ не «лицованнымъ» и не «заповѣданнымъ» потерпѣвшій не лишался судебной защиты,—указанныя правонарушения вызывали особую дѣятельность общины въ процессуальной формѣ *поклопа*. Послѣдній стоитъ въ тѣсной связи съ цѣлымъ строемъ средневѣковой общины: «въ тѣсномъ мірѣ первоначально

опредѣлялась и мѣра права, и способъ его защиты для всякаго ея члена», — на мѣрѣ — общинѣ, «главнымъ образомъ, опиралась охрана личности и собственности» (Дювернуа, 29). Отсюда институты мѣрскаго взаимопомощи и отвѣтственности (договорная и дикая вира). Община вездѣ, во всякомъ положеніи, защищала своего члена, являлась съ нимъ въ судъ ради «сосѣдской помощи», помогала ему въ платежѣ пеней и вообще отвѣчала за него въ случаѣ какихъ-либо провинностей и проступковъ съ его стороны, соединенныхъ съ обидой и нарушеніемъ правъ другихъ лицъ. Мѣрская охрана личности и собственности, въ случаѣ правонарушеній, выражалась въ томъ, что по первому крику или зову (закличу) потерпѣвшаго сосѣди обязаны были являться къ нему на помощь, захватывая виновнаго «при лицѣ», выслушавъ «заповѣдь» потерпѣвшаго и проч. (см. выше). При отсутствіи лица, знаменія и заповѣди (т. е. когда виновный успѣлъ скрыться, не было въ наличности очевидцевъ и не сдѣлано въ свое время заклича и заповѣди), мѣрская охрана личности и имущества состояла въ *поддержкѣ общинной поклены*. Въ старомъ обвинительномъ процессѣ, развитомъ въ славянскомъ и средневѣковомъ европейскомъ правѣ, покленъ (пра, парна, тужба, остачене, поволане и проч.) означалъ судебное обвиненіе, направлявшееся противъ подозреваемого, не пойманнаго при лицѣ, совершившаго преступленіе безъ свидѣтелей и привлекаемаго къ отвѣтственности на основаніи разныхъ уликъ или же просто по одному подозрѣнію въ совершеніи преступленія. Органами общины въ такихъ случаяхъ являлись: а) *calumniatores, accusatores, defensores, procuratores*, слав. парьци, клеветштини, соки и ябетники — мужи, игравшіе въ старомъ общинномъ судѣ официальную роль публичныхъ обвинителей (см. выше), и б) *сосѣди*, являвшіеся на судѣ по покленнымъ дѣламъ въ качествѣ *пособниковъ* сторонъ, ихъ *соприсяжниковъ* — *juratores, conjuratores, consacramentales, coadjutores, testes jurati, testes de credulitate, Eideshelfer, Mitschwörende* и проч. Такіе пособники избирались обыкновенно изъ сосѣдей сторонами или общиной (какъ было у чеховъ — на осадахъ, судебныхъ сходкахъ) и касались не подлежащихъ разсмотрѣнію суда фактовъ, а самой личности сторонъ; они утверждали подъ присягой, что показаніе сторонъ заслуживаетъ довѣрія или нѣтъ. По Полицкому Статуту, наприм., поротники отвѣтника могли показать противъ стороны, ихъ вызвавшей: «да ние честанъ ни встанъ» (ст. 158), и этимъ придать полную достовѣрность тужбѣ (поглену) истца. По древнему чешскому праву, очистники, избравшіеся на осадахъ (сходкахъ), утверждая «*dobru aneb zlu povest*» стороны, выражали мнѣніе общины — *testimonio fori communis* (Иречка, въ Арх. Калач. VI, 26). Пособники были необходимы не только ради судебной защиты сторонъ, но и въ интересахъ самой общины, обязанной охранять личность и собственность своихъ членовъ и вмѣстѣ отвѣчать за всѣ ихъ проступки платежемъ композицій (*Wiergeld*, вира,

продажа, глоба и пр.)¹⁾. Пособниковъ могли имѣть обѣ стороны: порядокъ пособничества зависѣлъ отъ обстоятельствъ дѣла. Если поклепъ истца основанъ былъ на одномъ лишь подозрѣннн, то истецъ обязанъ былъ подкрѣпить свой поклепъ личной присягой съ своими пособниками (самъ—треть, самъ—семь и пр.); при наличности-же уликъ, представленныхъ истцомъ въ подкрѣпленіе поклена, обязанность соприсяжничества падала на отвѣтника, долженствовавшего «очиститься» отъ обвиненія присягой съ своими пособниками. Допускалось иногда обоюдное соприсяжничество: въ одно и то-же время давалась истцу и отвѣтчику возможность отцѣловаться — очиститься отъ обвиненія или подтвердить дѣйствительность поклена²⁾. Главная суть пособничества состояла въ присяжномъ отзывѣ сосѣдей, членовъ общины, о личныхъ качествахъ призывавшихъ ихъ сторонъ (*fidedigni viri* или нѣтъ),—причемъ требовалось именно полное согласіе между самими пособниками, выражавшееся въ произнесеніи ими клятвы вполнѣ согласно («слово противу слова» по Рус. Пр., «не умань-каю», безъ ошибки, по Винод. зак.) съ ротой, или установленной на то формулой присяги. Самое число пособниковъ опредѣлялось различно, смотря по

¹⁾ «Если поклепъ направлялся противъ одного изъ членовъ (общины), влагавшихся въ виру, то, очевидно, въ интересъ всѣхъ членовъ было «отсочить» поклепъ; иначе, при негосочевнн, они обязаны были платить виру вмѣстѣ съ виновнымъ. *Для такого-то отсоченія поклена, касавшагося общины*, послѣдняя и выставляла очистниковъ. Въ ихъ лицѣ вся община, влагавшаяся въ виру, принимала самое дѣятельное участіе въ процессѣ» (см. Рус. Прав. и Лит. Стат. 71).

²⁾ Пособниковъ одной стороны можно было «возвращать», т. е. если, наприм., истецъ представилъ 6 пособниковъ и присягнулъ съ ними, то противной сторонѣ дозволялось вездѣ за этимъ немедленно обратиться къ помощи своихъ пособниковъ, какъ-бы возвращая присягу истца, дѣлая ее недѣйствительной, при чемъ число пособниковъ должно было каждый разъ увеличиваться по герман. праву (*Grimm*), а по славянскому уменьшаться обыкновенно вдвое, втрое и пр. По Полицкому Статуту, наприм., въ искахъ вещныхъ истецъ можетъ отприсягнуть самъ—шесть, а если рота возвращена, то истецъ присягаетъ самъ—трѣть съ новыми пособниками. По дѣламъ о племенщинахъ, если одна сторона присягнетъ съ 12-ю поротниками, то противная сторона можетъ тотчасъ-же присягнуть съ столькими-же поротниками; первая сторона опять присягаетъ, но уже съ «половицомъ» поротниковъ (съ шестью); если порота опять будетъ возвращена, то присяга идетъ снова съ «половицомъ»—самтрѣть, а при новомъ возвратѣ—самдругъ. Если и эта порота возвращается, то первая сторона, съ которой началась порота, обязана сама присягнуть безъ поротниковъ; если противникъ въ свою очередь присягнетъ, то первая сторона можетъ «вромъ речи», т. е. произнести обыкновенную божьбу, безъ строгихъ формальностей роты; если тоже самое сдѣлаетъ противникъ, то дѣло рѣшалось «простомъ ричью» первой стороны (Древ. Хорв.-далм. зак. 149). Обоюдная порота имѣла мѣсто и въ древ. чешск. правѣ (см. Чтен. общ. ист. 1846, II, 21, 22).

большой или меньшей важности дѣла, по которому призываются пособники; но обычай всегда требовалъ ихъ въ точно опредѣленномъ и иногда весьма значительномъ составѣ. Винодольскій законъ, наприм., устанавливаетъ при разбоѣ присягу съ 85 пособниками, при убійствѣ — «само педесет», при изнасилованіи — съ 25-ю, большой татьбѣ — 12, малой — 6 поротниками. Все это *minimum*'ы: законъ весьма часто предлагаетъ сторонамъ: «наиди поротники како болѣ море, како болѣ ви, како наиболѣ ви и море» (Древ. Хорв.-Далм. зак. 44). И это понятно: отзывъ пособниковъ рѣшалъ все дѣло, — ихъ же отзывъ былъ голосомъ цѣлой общины; отсюда — чѣмъ тяжелѣе является проступокъ, служащій предметомъ поклела, тѣмъ большимъ довѣріемъ должны пользоваться стороны въ своей общинѣ, чтобы могли рассчитывать на полную ея защиту и охрану, а слѣдовательно и тѣмъ большее число пособниковъ должно являться на судѣ въ качествѣ представителей общины.

На такихъ общихъ основаніяхъ институтъ пособничества — свидѣтельства общины по поклепнымъ дѣламъ существовалъ въ правѣ всѣхъ средневѣковыхъ народовъ, какъ существенно-необходимая принадлежность стараго обвинительнаго процесса, цѣльнымъ основаннаго на дѣятельности общины или ея представителей. Свидѣтельство общины — самая характерная, типическая особенность обвинительнаго процесса, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ вездѣ существовалъ въ средніе вѣка. Отрицать пособничество общины и признавать вмѣстѣ съ тѣмъ другіе институты стараго обвинительнаго процесса (заповѣдь, лицо и пр.) значить по меньшей мѣрѣ игнорировать *органическую* природу средневѣковаго права вообще и стараго обвинительнаго процесса въ частности. Разъ въ древнемъ памятникѣ изслѣдователь открываетъ институты, относящіяся, наприм., къ «лицу», «заповѣди» и «поклепу», онъ непременно долженъ допустить также существованіе пособниковъ, хотя-бы въ самомъ памятникѣ не сохранилось точныхъ и несомнѣнныхъ указаній на нихъ, именно потому, что указанные институты органически связаны съ свидѣтельствомъ общины. проявляющимся въ формѣ пособничества соприсяжниковъ и пр.¹⁾ И дѣйствительно, институтъ соприсяжниковъ изстари извѣстенъ средневѣковому праву всѣхъ европейскихъ народовъ (см. Grimm, Gfrörer, Zöpfl, Laferrière и др.). *O testes jurati*, ротникахъ, поротѣ (порота, поротье), помочникахъ и очистникахъ, светкахъ ротныхъ и пр. говорятъ всѣ древнѣйшіе памятники права славянъ

¹⁾ Историкъ въ этомъ отношеніи долженъ слѣдовать, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, методу естествоиспытателя, способному по одной части открытаго имъ организма возстановить вполне научнымъ образомъ составъ всего организма.

южныхъ и западныхъ ¹⁾. Затѣмъ, въ «людяхъ», «видокахъ» и «послухахъ», требуемыхъ Рус. Правдой по дѣламъ поклевнымъ, скрываются именно германскіе Eideshelfer'ы или славян. помочники-очистники. «Поздній остатокъ древнѣйшей формы свидѣтелей-очистниковъ, пособниковъ» изслѣдователи не безъ основанія находятъ въ Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ, установившихъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, требующихъ послушества, выступалъ только одинъ послухъ (Пек. гр. 27, Новг.—22, ср. замѣтку Будан. въ Христ. I, стр. 141, прим. 67 и 78, но еще раньше Демченка — о свидѣт. показ., 64). Псковской и Новгородской судн. грамотамъ принадлежитъ оцѣнка стараго института «сосѣдской помощи», выражавшейся въ древнее время именно въ коллективномъ пособничествѣ на судѣ (см. Сергѣевича Изслѣд., 570)²⁾. Эта-то со-

¹⁾ О поротникахъ по Винодольскому закону, Загребскому и Полицкому Статуту см. Мос.—Древ. Хорв. далм. зак. 43, 54, 146; о чешскихъ пособникахъ (protospicel, ocsicnici) см. Иречка Изслѣд. о жупн. судахъ (Архивъ Балач. кн. 6) и Slov. pravo: о польскихъ сведкахъ — помочникахъ и очистникахъ см. Вислицкій Статутъ (А. З. Р. I, 2, п. 109, 130, 131).

²⁾ О такой «помощи» и «пособникахъ» нетловой стороны на вѣчевой судѣ упоминаетъ лѣтопись подъ 1342 г. (И. С. Л. III, 82) Объ отнятіи сосѣдскаго пособничества въ коллективной формѣ говоритъ 58 статья Псков. грамоты: «а на судѣ *помочью* не ходити. лѣсти въ судебницу двѣма сутажникомъ, а *пособниковъ* бы не было ни съ одной стороны». Кто были эти пособники указываетъ 70 статья: а за церковною землею и на судѣ *помочью сунди* не ходять. ити на судѣ старостаъ за церковную землею. Сосѣдской помощи Псковской грамоты соответствуетъ «наводка» Новгородской грамоты: «А истца на истца *наводки* не наводити, ни на посадника, ни на тыссеского, ни на владычня намыстника, ни на иныхъ судей, ни на докладшиковъ» (ст. 6); «Отъ конца, или отъ улицы, и отъ ста и отъ ряду, ити *ятцомъ* двѣма человекомъ, а инымъ на *пособие* не ити къ суду, ни къ росказу. А будетъ *наводки* отъ конца, или отъ улицы, или ото ста, или отъ ряду»... (ст. 41). «Ятцы» соответствуютъ «пособникамъ» Псков. грамоты и «отвѣтчикамъ» — представителямъ сторонъ Новг. грамоты (см. статьи послѣдней: 15 — 19, 32). По поводу старой «сосѣдской помощи» и «пособниковъ» проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: «Древнѣйшій процессъ является борьбою сторонъ и при томъ не одного только истца и отвѣтника, но вмѣстѣ съ ними и ихъ товарищей, сосѣдей, которые готовы душу свою положить за то, что ихъ сосѣдъ правъ». «Пособниками были сосѣди, которые, конечно, хорошо знали того, на защиту кого выступали. Такъ какъ между сосѣдями истца и отвѣтника, которые приходили съ ними въ судъ, какъ пособники, нерѣдко происходили столкновѣнія, то Псковская судная грамота и воспрещаетъ впродъ ходить въ судъ съ пособниками» (Изслѣд., 570). Конечно, это обстоятельство могло служить ближайшимъ и, такъ сказать, послѣднимъ поводомъ отнятія коллективнаго пособничества на судѣ; но была болѣе общая, коренная причина, дѣлавшая сосѣдскую помощь практически излишней, ненужной, по крайней мѣрѣ, для самой общины. Въ эпоху Псковской грамоты уже стала выходить изъ бытовой практики матеріальная *ответственность* общины за своихъ членовъ (дикая вира), — отвѣтственность, которая вмѣстѣ съ институтомъ *взаимопомощи* (договорная вира), какъ замѣчено выше, вызывала и поддерживала необходимость въ судебной помощи и охранѣ сосѣдей. Разъ-же потеряла силу главная причина, должно было исчезнуть и ея послѣдствіе.

сѣдская помощь и основанная на ней дѣятельная роль на судѣ помощниковъ и очистниковъ удерживались въ полной неприкосновенности до позднѣйшаго времени въ правѣ юго-западной Россіи, какъ незапамятная народная старина. Литовскій Статутъ содержитъ вполне развитое ученіе о пособникахъ и очистникахъ, и именно какъ русскомъ, туземномъ, а не заимствованномъ обычаѣ, развитомъ въ духѣ старо-славянскаго права (о подробностяхъ см. мою статью—Рус. Пр. и Лит. Стат., 56—63).

Воззрѣніе на послуховъ Правды по дѣламъ поклепнымъ, какъ на институтъ, аналогическій съ древнегерм. Eideshelfer'ами и славян. помочниками — очистниками, не представляетъ чего либо новаго въ нашей историко-юридической литературѣ. Еще 30 лѣтъ тому назадъ воззрѣніе это было развито въ общемъ весьма обстоятельно въ почтенномъ трудѣ проф. Демченко—Историч. изслѣдованіе о свидѣт. показ. (18 и слѣд.) и затѣмъ дополнено Ланге (Объ уголовномъ правѣ Русской Правды). Того-же воззрѣнія держатся лучшіе изъ современныхъ представителей нашей историко-юридической науки — проф. Сергѣевичъ (Изслѣдов., 568—572), проф. Владимірскій — Будановъ (Христом. I, стр. 40, прим. 20) и др. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы въ настоящее время указанное воззрѣніе было развито вполне доказательно во всѣхъ деталяхъ вопроса: изслѣдователи нерѣдко усматриваютъ пр. стыхъ свидѣтелей-очевидцевъ тамъ, гдѣ слѣдовало-бы видѣть помочниковъ или очистниковъ и пр. Даже больше: нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, благодаря малому знакомству съ сравнительнымъ правомъ и плохому пониманію основныхъ институтовъ древняго русскаго права, а также благодаря совершенно элементарнымъ приемамъ глоссированія древнихъ памятниковъ, приходятъ просто къ повальному отрицанію института «соприсяжниковъ» въ эпоху Рус. Пр. (см., напр., Мрочекъ—Дроздов. Изслѣд. о Рус. Пр., II, 238 и слѣд.). Оставляя въ сторонѣ «новыя воззрѣнія» молодыхъ изслѣдователей, считаемъ однако не лишнимъ напомнить здѣсь главнѣйшія статьи Рус. Правды, въ которыхъ, по нашему посылному разумѣнію, нужно искать указанія на институтъ пособниковъ, аналогическихъ съ герм. Eideshelfer'ами и славян. поротой. Къ такимъ статьямъ мы относимъ нижеслѣдующія :

а) «Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока челоувѣоу томоу; аще не боудеть на немъ знамениа никотораго же, то-ли приидеть видокъ; аще ли не можеть, тоу томоу конецъ» (ак. сп. 2) ¹⁾.

¹⁾ Сюда-же относится однородная статья: 1) «Аще же приидеть кровавъ иоужь либо синь, то не искати ему послуха» (ак. 28). 2) «Иже приидеть кровавъ мужь на дворъ или синь, то видока емоу не искати, но платити емоу продажи 3 гривны; аще ли не боудеть на немъ знамениа, то привести емоу видокъ: слово противоу слова, а кто ли боудеть началъ, то тому платити 60 кунъ; аще же и кровавъ приидеть или боудеть самъ началъ а выстоупять послуся, то то емоу за платъжь, оже и били» (Кар. 24).

Сомнѣніе въ правильности толкованія «видака» и «послуха» въ смыслѣ очевидцевъ, свидѣтельствующихъ о «фактѣ» (*testificatio de veritate*), возбуждается прежде всего въ виду основнаго положенія древняго права о томъ, что чувство обиды должно быть удовлетворено, путемъ ли личной мести, или «сосѣдской помощи» (см. выше; ср. Дювернуа, 25). Разъ мы согласимся съ приведеннымъ толкованіемъ, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо допустить, что Рус. Правда весьма плохо гарантировала личность «мужа»,—что въ ея время считалось совершенно безнаказаннымъ самое тяжкое оскорбленіе дѣйствіемъ, если только оно нанесено безъ «знаменія» и наединѣ, безъ свидѣтелей («не боудеть знаменія» и «не можетъ привести видака»—«тоу томуоу конецъ»). Такой выводъ, однако, едва-ли можно признать сколько нибудь правдоподобнымъ, а между тѣмъ онъ совершенно логически вытекаетъ изъ 2-й статьи Правды, разъ мы признаемъ правильнымъ глоссированіе словъ: «видокъ» и «послухъ», какъ свидѣтелей—очевидцевъ факта, и допустимъ, что синяки и кровавые пятна, при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, считались «знаменіемъ», съ тѣмъ рѣшительнымъ характеромъ, какой придаетъ послѣднему Рус. Правда. По изложенному толкованію 2-я статья Рус. Правды укладывается въ слѣдующую формулу: «есть синяки и кровавые знаки, не нуженъ свидѣтель; нѣтъ знаменія, нужно представить свидѣтеля — очевидца; нѣтъ ни знаменія, ни свидѣтеля—томуоу конецъ: нанесенная мужу обида остается не удовлетворенной». Все дѣло въ томъ, что по древнему праву не всякіе синяки и другіе знаки, какъ уже замѣчено выше, считались «знаменіемъ», съ характеромъ рѣшающаго дѣло доказательства. Для того, чтобы знаменіе обладало свойствомъ дѣлать совершенно излишнимъ представленіе другихъ доказательствъ, требовалось, чтобы, по своимъ юридическимъ качествамъ и всей своей обстановкѣ, знаменіе вполне соответствовало «лицу», т. е. чтобы синяки и знаки были «заповѣданы»,—чтобы подвергшійся обидѣ крикомъ (въ закличъ) звалъ людей на помощь и «заповѣдалъ» имъ объ обидѣ, чтобы были слѣдуют. люди, которые по возможности въ самый моментъ нанесенія обиды, по закличу и заповѣди, «видѣли», если не самаго обидчика при лицѣ, то во всякомъ случаѣ «горячіе» слѣды обиды — кровавые пятна и другіе знаки. Свидѣтельство окольныхъ людей, «видѣвшихъ» на мѣстѣ знаменіе по кличу и заповѣди потерпѣвшаго, было собственно свидѣтельствомъ самой общины и потому, какъ таковое, устраняло необходимость въ другихъ доказательствахъ обиды. Но затѣмъ Рус. Правда не оставляетъ безъ преслѣдованія виновника обиды и въ томъ случаѣ, когда, нанеши обиду безъ свидѣтелей и безъ видимыхъ знаговъ, обидчикъ скрывается, потерпѣвшій же не могъ крикомъ призвать людей на помощь (дѣло могло быть въ пустомъ мѣстѣ) и своевременно сдѣлать окольнымъ людямъ «заповѣдь». Обычай въ такихъ случаяхъ уполномочивалъ потерпѣвшаго искать удовлетворенія путемъ «поклопа», поддержаннаго сосѣдской

помощью—присяжнымъ свидѣтельствомъ помочниковъ—вѣдоковъ, или (что одно и то-же) послуховъ, т. е. представителей общины, подкрѣпившихъ показаніе потерпѣвшаго своимъ заявленіемъ о томъ, что послѣдній по своимъ личнымъ качествамъ не можетъ обвинять напрасно. При этомъ потерпѣвшій, заявившій поклепъ безъ всякихъ матеріальныхъ уликъ противъ виновнаго, долженъ, по выраженію Правды (Кар. 24), «искати» и «привести» (собственно избрать) видока: выраженіе «искати» вовсе не подходитъ къ очевидцу,—его наличность, сама собою, опредѣляется фактомъ его нахождения во время дѣла. Тутъ, очевидно, нужно искать и приводить иныхъ лицъ. Затѣмъ, Правда (Кар. 24) требуетъ, чтобы показанія послуховъ были единогласны («слово противу слова») ¹⁾, или, что еще правильнѣе (см. выше), чтобы присягающий дословно, безъ ошибокъ, исполнилъ роту ²⁾. 24-я статья пространной Правды о «мужѣ кровавѣ», далѣе, указываетъ, что у насъ, какъ и у другихъ славянъ и германцевъ, допускалась обоюдная порота. Мужъ «кровавый» подкрѣпляетъ свой поклепъ присягой пособника—«видока»; но и противная сторона, уличающая истца въ томъ, что онъ самъ «почалъ» драку, можетъ «выступить» съ своими «послухами» — очистниками, подкрѣпить достовѣрность своего показанія присягой съ послухами и этимъ освободиться отъ отвѣтственности, «очиститься» отъ поклена. Дѣло кончалось ничѣмъ, если мужъ «кровавый», заявившій поклепъ объ обидѣ, не находилъ послуха — пособника, который бы подкрѣпилъ достовѣрность поклена: сосѣдская помощь не оказывалась общиной мужу, не пользовавшемуся въ ней довѣріемъ, доброй «славой» и именемъ ³⁾.

¹⁾ См. Демченко. О свид. показ., 53.

²⁾ Въ данномъ случаѣ обвиненный даетъ показанія, присягая сам-другъ, т. е. съ однимъ послухомъ, случай, по поводу котораго въ Правдѣ не было бы рѣчи о «единогласіи» послуховъ. Тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ аналогическая практика соприсяжничества у другихъ славянъ, показанія пособниковъ действительно должны были быть вполне согласными между собой, именно въ такомъ смыслѣ, что каждый пособникъ долженъ былъ произнести формулу присяги (роту) «слово противу слова», присягать вполне согласно съ ротой, безъ всякихъ ошибокъ и отступленій отъ роты.

³⁾ «Отсоченье» поклена путемъ испытаній, при неотысканіи послуховъ-пособниковъ, допускалось только по такимъ дѣламъ, которые влекли за собою матеріальную отвѣтственность общины (по убійству, татьбѣ и пр.). Для отсоченья поклена, касавшагося общины, Правда устанавливаетъ другой способъ отсоченья поклена, когда по какой либо причинѣ (въ особенности, если обвиняемый не пользуется въ общинѣ доброю славой), не окажется на лицо очистниковъ и общинѣ будетъ угрожать взысканіе за члена, не пользующагося въ ней доброю славой, преступленіе котораго не совсѣмъ одинакомъ доказано. Въ такихъ случаяхъ обвиняемый подлежалъ испытанію желѣзомъ» (Рус. Правда и Лит. Стат. 71). Въ эпоху Рус. Пр. община не несла никакой матеріальной отвѣтственности по личнымъ обидамъ ея членовъ, почему дѣла по обидамъ всегда вершились однимъ соприсяжничествомъ,—не требовалось испытанія, если не было пособниковъ.

б) «Аще ли ринеть мужь мужа, либо отъ себе, либо къ сеоѣ три гривнѣ; а видока два выведеть, или боудеть варягъ или колбѣгъ, то на роту (ак. 9) ¹⁾».

Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, дѣло о толчкахъ и побояхъ палицей или жердью различно рѣшается, смотря по тому, будетъ ли «знаменіе», или нѣтъ, — иначе говоря, сдѣлалъ ли своевременно обиженный закличъ и заповѣдь, «видѣли»-ль знаменіе люди, или нѣтъ. Было на лицо знаменіе съ кличемъ и заповѣдью, видоки не требовались; вчинался поклепъ «безъ знаменія» и «заповѣди», потерявшій, не представившій никакихъ уликъ противъ обидчика, долженъ былъ «вывести» видоковъ, т. е. отыскать такихъ-же пособниковъ, какъ и при поклепѣ «кроваваго» мужа. Точно опредѣленіе число видоковъ (въ данномъ случаѣ 2, по убійству 7, — см. Кар. 15), по сираведливому мнѣнію изслѣдователей, служить главнымъ показателемъ въ пользу того, что видоки или послухи по дѣламъ поклепнымъ не «очевидцы, или вообще знающіе что-либо о фактѣ преступленія (иначе, какъ потребовать, чтобы ихъ непременно было 7?), а помощники отвѣтника (или истца), подтверждающіе его добрую славу, — соприсяжники» ²⁾. Такимъ-же показателемъ служить, какъ намъ кажется, и то различіе, какое устанавлиеть Правда между средствами судебной защиты для «мужей» (туземцевъ, членовъ общины) и

¹⁾ Варианты пространной Правды: «Иже побьхнеть мужь мужа либо къ себѣ, либо отъ себя, или палицею или жердью ударить, а видока два выдуть, то 3 гривны продажи; аще боудеть варягъ или колбѣгъ, то *полная видока* вывести и идеть на роту»; «Аще ли пхеть мужь мужа либо къ себѣ, либо отъ себя, либо по лицу ударить, или жердью ударить, а безъ *знамени*, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аще боудеть варягъ или колобѣгъ, крещеніи не имѣя, а боудеть има бои, а *видока не боудеть*, ити има на роту по своей вѣрѣ, а либо на жребіи, а виноватый въ продажѣ, во что и обловать» (Будан. Христ. I, 43, 44, прим. 36).

²⁾ См. Будан. Христ. I, 40, прим. 20. «При такомъ обвиненіи (поклепѣ, имѣвшемъ мѣсто, когда нѣтъ свидѣтелей-очевидцевъ, виновный не схваченъ на мѣстѣ преступленія, потерявшій-же не сдѣлалъ въ свое время клича и заповѣди) можно было снять съ себя виру, представивши 7 послуховъ. Ясно, что эти послухи не могли быть свидѣтелями въ настоящемъ смыслѣ слова; въ данномъ случаѣ 7 послуховъ отрицають фактъ обвиненія, она говорятъ, что такой-то человекъ не совершилъ убійства. Нельзя быть свидѣтелемъ отрицательшаго факта, нельзя видѣть, что такой-то человекъ не совершилъ убійства. Надо думать, что эти 7 послуховъ не свидѣтели факта, а свидѣтели доброй славы. Самое число 7 служить достаточнымъ основаніемъ видѣть въ этихъ 7 послухахъ не свидѣтелей, а послуховъ, подобныхъ тѣмъ, какими были по германскому праву соприсяжники. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя требовать, чтобы было 7 свидѣтелей, а не менѣе, потому что, смотря по обстоятельствамъ, ихъ могло быть 1, 2, 3 и болѣе, тогда какъ послуховъ можно требовать произвольное число» (Сергѣев. Исслѣд. 571). Тѣ-же соображенія примѣняются вполне и къ *двумъ* видокамъ, какимъ необходимо было «вывести» при поклепѣ по толчкамъ и побоямъ жердью или палицей (Кар. 26).

иностранцевъ (варяговъ и колбягъ). Разъ мы считаемъ видоконъ и послуховъ простыми свидѣтелями — очевидцами, будетъ рѣшительно непонятно, почему Правда требуетъ отъ истца—мужа очевидцевъ (двухъ или семь), а отъ истца—варяга или колбяга — только роту (по краткой Правдѣ) или свидѣтелей (по пространной), но непременно въ *меньшемъ* числѣ (по личнымъ обидамъ 1¹), по убійству 2 послуха). Привиллегія, предоставляемая въ данномъ случаѣ иностранцамъ, не находить для себя рѣшительно никакого оправданія. Разъ-же мы видимъ въ видокахъ и послухахъ пособниковъ общины, а не очевидцевъ, дѣло объясняется весьма просто: какъ уже раньше замѣчено, иностранецъ, не будучи членомъ общины и слѣдоват. не пользуясь правомъ на «состѣдскую по-

¹) Изъ сопоставленія положенія краткой Правды: «или будетъ варягъ или колбягъ, то на роту», съ положеніемъ простр. Правды: «аже боудеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идеть на роту», проф. Владимірскій—Буд. находить возможнымъ вывести въ переводъ такое положеніе: «противъ варяга и колбяга недостаточно было двухъ свидѣтелей: требуется полное число ихъ (въроятно 7); тогда какъ самъ иностранецъ доказываетъ искъ или очищаетъ себя безъ свидѣтелей одною присягой» (Христ. I, 44, прим. 36). Намъ кажется, что съ подобной глоссою едва ли можно согласиться. Въ 9-й статьѣ кратк. Правды и 26-й простр. Правды излагается одно и то-же положеніе, но только въ различныхъ редакціяхъ,—тамъ и здѣсь рѣчь идетъ только о *потерпѣшемъ* и о выводимыхъ ими видокахъ, и только: варягъ или колбягъ простран. Правды точно также выводятъ *за себя* видоконъ, какъ и по кратк. Правдѣ,—нѣтъ ни малѣйшаго основанія толковать выраженіе: «аже боудеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести», въ такомъ смыслѣ, что «противъ варяга и колбяга было недостаточно 2-хъ свидѣтелей, а требовалось полное число свидѣтелей». Мы считаемъ совершенно бездоказательной мысль о томъ, что большее или меньшее число послуховъ зависѣло будто бы отъ того, противъ кого они выводятся. Последнее обстоятельство въ данномъ случаѣ не имѣло никакого значенія: противъ кого-бы не выводились послухи, но все дѣло въ томъ, что они въ своихъ показаніяхъ касались *только* личности того, *къ* кому выводились, *кого* они призывались защищать или хулить; для нихъ и фактическія обстоятельства дѣла, и противная сторона, были совершенно безразличны. Какъ показано выше, число пособниковъ зависѣло *исключительно* отъ характера и состава преступленія, по которому выводились пособники: чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ больше требовалось пособниковъ. Какъ видно по всему, Рус. Правда, подобно другимъ славянскимъ памятникамъ, устанавливаетъ *полное* (минимальное) число пособниковъ въ различномъ размѣрѣ, смотря по преступленію: статьи о синакахъ и кровавыхъ пятнахъ имѣютъ въ виду простое оскорбленіе дѣйствіемъ и потому требуютъ 1 видока; толчки и побои палицей или жердью (какъ и ладонью, тулою стороной меча, батагомъ, чашею и пр.)—болѣе квалифицированныя обиды, соединенныя съ оскорбленіемъ *чести*, требуютъ повтому и большее число послуховъ (2); по убійству требовалось 7 пособниковъ. Все затрудненіе, повидимому, состоитъ въ томъ, какъ понимать выраженіе: «*полный видок*». Судя по варианту («полная видока вывести» Кар. сп. = «а видока не будетъ» друг. списковъ), мы склонны видѣть здѣсь *одного* видока (по убійству 2). Въ данномъ случаѣ слово «полный» употреблено въ такомъ-же смыслѣ, какъ и доселѣ въ простонародьи понимается «полый».—цѣльный, единый.

мощь», не имѣлъ возможности «искать» и «выводить» пособниковъ со стороны общины и потому по необходимости ограничивался лишь личной присягой (а не съ соприсяжниками), какъ это именно установлено краткой Правдой; только позже, когда иностранцы стали вступать въ болѣе близкія связи съ общинами, послѣднія открыли для нихъ возможность пособничества, но все-таки съ меньшимъ числомъ пособниковъ, чѣмъ это требовалось отъ «мужей», и при томъ не въ видѣ обязанности, а только одной *возможности*, — не добудеть видога иностранецъ, онъ можетъ по прежнему ограничиться одной ротой или замѣнить ее жребіемъ («а видога не будетъ, ити има на роту по своей вѣрѣ, а любо на жребіа»).

в) «Аще на кого будетъ поклепная вира, то оже боудеть послуховъ 7, то же выведеть вироу, то они имоуть вѣроу: паки ли варягъ или инъ кто, то 2» (Кар. 15).

Въ виду сказаннаго выше о значеніи «поклена» и послуховъ по дѣламъ поклепнымъ, нѣтъ надобности останавливаться на настоящей статьѣ, которая, по своей опредѣлительности, дѣйствительно составляетъ «краеугольный камень для доказательства тождества послуховъ съ соприсяжниками». Замѣтимъ только, что въ настоящей статьѣ говорится не объ «очистникахъ» обвиняемого (какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи), а о «помочникахъ» обвинителя: «если обвинитель представилъ 7 послуховъ, то обвиненіе считается доказаннымъ» (Будан. Христ. I, 40), а вира—«выведенной», т. е. не сверженной, сведенной или снятой съ обвиняемого (Ланге)¹⁾, а именно удостовѣренной, доказанной, подлежащей высканію съ обвиняемого.

г) «Искавъ же ли послуха и не налѣзеть, а исца начнетъ головою клепати, томуо дати исправа (правду въ друг. сп.) желѣзо; такоже и во вѣсѣхъ тяжахъ и въ татѣбѣ, и въ поклепѣ, оже не боудеть ли истца (лица)»—Кар. 17.

Статья эта указываетъ на условія, при какихъ допускается послушество въ смыслѣ присяжнаго пособничества сосѣдей: а) «оже не боудеть *лица*»²⁾

¹⁾ Слово «вывести», впрочемъ, доселѣ употребляется также не только въ смыслѣ представлять, доказать, но и уничтожить, свергнуть. Послѣдній смыслъ имѣть глаг. вывести въ выраженіи: «вывести пятно на платѣ».

²⁾ *Лицо* Правды; по «новому» воззрѣнію, понимается въ такомъ-же смыслѣ, какъ теперь *личное*, и такое воззрѣніе полагается въ основу отрицанія послушества въ смыслѣ соприсяжничества. «Послушество *уподобляется* въ смыслѣ доказательства *личному*, но личное говорить только о фактѣ. Опять — автъ ни одной черты похожей на соприсяжничество» (Мроч. Дрозд. Изслѣд. о Р. Пр. II, 241). По поводу «уподобленія» лица личному невольно приходитъ на мысль приведенное выше указаніе проф. Сергѣевича на изслѣдователей, которые, смотря на дѣло глазами своего времени, «видятъ въ прошломъ тѣ-же явленія, въ которыхъ привыкли и въ окружающей ихъ дѣйствительности». Автору упомянутаго уподобленія, прежде чѣмъ его высказывать, слѣдовало-бы справиться съ Грим-

и б) «въ поклепъ». Здѣсь рѣчь идетъ объ «очистникахъ» отвѣтчика, котораго истецъ «начить головою клепати». Для сверженія поклепа отвѣтчикъ долженъ «искать» и «налѣзть»¹⁾ пособниковъ, которые-бы могли своимъ присяжнымъ отзывомъ очистить его отъ обвиненія, а общину освободить отъ обязанности помогать ему въ платежъ виръ и продажъ. Не будутъ отысканы пособники, которые-бы взяли на себя защиту обвиняемаго, послѣдній уже исключительно въ интересахъ общины подлежитъ испытаніямъ (желѣзомъ или водой), а по незначительнымъ дѣламъ—ротъ²⁾.

д) «А хто порветь бородоу, а выметъ знаменіе, а боудуть людие, то 12 гривень продажи; а иже безъ людей, то въ поклебѣ нѣтъ продажи» (Кар. 78).

е) «Оже выбьютъ зубъ, а кровь оувидать оу него въ ртѣ, а люди влѣзутъ (вылѣзутъ), то 12 гривень продажи» (Кар. 79).

Въ основѣ обѣихъ статей лежатъ тѣ-же общія начала мірской охраны личности, чтѣ и въ основѣ первой изъ приведенныхъ выше статей (о «кровавѣ мужѣ»). Выраженіе первой статьи: «выметъ знаменіе», вполне соответствуетъ выраженію второй: кровь *оувидать* оу него въ ртѣ; здѣсь категорически указывается на людей, которые «видѣли» кровь, какъ очевидцы, а во всякомъ случаѣ, какъ лица, явившіяся на мѣсто по закличу и заповѣди потерпѣвшаго. Тѣмъ-же самымъ сосѣдскимъ *visu* характеризуется и знаменіе: какъ актъ «заповѣданный» окольнымъ людямъ, знаменіе, подобно лицу, должно было устранять необходимость въ другихъ доказательствахъ. Лишь при недостаткѣ такого акта, «вылазили люди», но уже не въ качествѣ простыхъ свидѣтелей, а именно пособниковъ—представителей общины³⁾.

момъ (изъ него авторъ ознакомился съ герм. соприсяжниками): авторъ убѣдился бы, во 1-хъ, что, по средневѣковому праву, *лицо* (согрис) означало явчѣ другое, мало похожее на поздѣйшее «поличное», и во 2-хъ, что древнее германское право ставило для соприсяжниковъ точно такія-же условія, какъ и наша Правда, т. е. отсутствие лица и заповѣди: наличие поклепа и пр.—словомъ, нашлось-бы много чертъ не одного «уподобленія», но именно прямого сродства между нашимъ послушествомъ и герм. соприсяжничествомъ по дѣламъ поклепнымъ.

¹⁾ «Искать» и «налѣзть» указываютъ и здѣсь не на очевидцевъ, а на пособниковъ.

²⁾ Выше указано, что по личнымъ обидамъ, не влекшимъ за собою матеріальной отвѣтственности общины, поклепъ оканчивался однимъ послушествомъ, безъ испытаній или присяги.

³⁾ Понимая, очевидно, въ изложенномъ смыслѣ обѣ статьи, проф. Владим.-Будановъ переводитъ первую изъ нихъ такъ: «если у кого будетъ вырвана борода и обиженный *ими* представить вещественныя улики (лучше-бы — доказательства), *ими* свидѣтелей (?), то оскорбитель платитъ 12 гр. продажи». И во второй статьѣ «союзы: *а... а...* слѣдуетъ перевести: *ими... ими...* (Христом. I, 62—63).

Органы общины принимали немаловажное участие также въ другихъ процессуальныхъ актахъ и дѣйствіяхъ. Сюда относится въ особенности такъ называемое гоненіе слѣда и сводъ.

Подъ *гоненіемъ слѣда* разумѣлась особая форма общиннаго суда по татѣбѣ и вообще «гибели», когда преступникъ не пойманъ на мѣстѣ преступленія, но оставилъ послѣ себя слѣдъ. Въ такихъ случаяхъ устанавливалась погоня за воровъ,—виновнаго раскрывали путемъ «гоненія слѣда», который, по вѣрному замѣчанію проф. Владим. — Буданова, приравнивался въ процессуальномъ отношеніи вообще къ «лицу»¹⁾. Село или «товарь», къ которымъ приведетъ слѣдъ, должны были «отсочить» отъ себя слѣдъ или ѣхать съ истцомъ на слѣдъ, не «отбиваться»; иначе отвѣтственность падала на все село или товарь. Эта-то погоня за татемъ производилась потерпѣвшимъ «съ чужими людьми и съ по-слоухы» (Кар. 88)²⁾.

Кто именно разумѣется подъ именемъ *чужихъ людей* и *послуховъ*, съ которыми потерпѣвшій гонить слѣдъ? Въ Правдѣ не дается никакихъ ближайшихъ разъясненій по этому вопросу. Полагаютъ, что это были «поняты» (Ланге) или-же обыкновенные свидѣтели факта, о которомъ они показываютъ на судѣ (Мрочекъ—Дроздов., II, 241). Намъ кажется, что настоящій вопросъ ближе всего можетъ быть разъясненъ, если обратимъ вниманіе на другіе древніе памятники, въ которыхъ сохранился институтъ гоненія слѣда. Сюда принадлежитъ прежде всего Литовскій Статутъ: въ немъ весьма обстоятельно развито ученіе о «гоненіи слѣда (*vestigium*) въ якой кольвекъ шкодѣ покраденной», причемъ совершенно категорически выясняется роль «околичныхъ сосѣдей», съ которыми потерпѣвшій преслѣдуетъ вора по слѣдамъ. «Поднявъ» слѣдъ своей шкоды, истецъ созываетъ, по давнему обычаю, *попу изъ добрыхъ людей, околичныхъ сосѣдей*, и гонить съ ними слѣдъ. Если слѣдъ приведетъ къ селу

¹⁾ Предполагалось, что тамъ, гдѣ лежатъ «лицо», тамъ скрывается и преступникъ. Понятіе о «лицѣ» расширяется еще болѣе: лицомъ признается самый *слѣдъ*, оставляемый преступникомъ, или вещью. Разыскивая покражу по «слѣду», истецъ можетъ всегда потерять эти слѣды; тамъ, гдѣ они теряются, тамъ предполагается преступникъ» (Будан. Обзоръ ист. р. пр. II, 259).

²⁾ О гоненіи слѣда упоминаютъ памятники XV в. Въ жалов. грамотѣ Нижегородскаго князя Данила Борисовича Благовѣщенскому монастырю (1414 г.) говорится: «А у кого учинится якова гибель и кто пригонитъ какой слѣдъ на монастырскія земли, на Мишно и на тѣ пустоши, къ кому на чью землю, и государь тое земли обрѣзъ (?) у него возьметъ да слѣдомъ ведеть; а не сведуть слѣду съ своео земли и гибельщикъ у него *обыцетъ дворъ и поля*: а не выметъ поличнаго, ино у него гибель пропаде, а тому государю гибели не платитъ, у кого слѣдъ утернетъ; а кого *позовутъ на слѣдъ*, и онъ на слѣдъ не поведетъ, или обрѣза не возьметъ, и тому та гибель платитъ» (А. А. Э. I, 18). Однородныя-же правила находимъ еще въ трехъ грамотахъ первой половины XV в. (см. ib. 21, Мухан. Сборн. № 119; Иванова Описан. госуд. архива, стр. 207).

или дому, то истецъ посылаетъ въ нихъ добрыхъ людей съ требованіемъ выдать вора, или вывести слѣдъ «зъ грунту земли села своего». Село или хозяинъ дома, не выдававшіе вора, должны взять у причьвшей копы слѣдъ и вывести его до другой границы, куда приведетъ слѣдъ. Если село не выведетъ слѣда, отобьется отъ него или уничтожить слѣдъ, то копа, остановившаяся на гоненьи слѣда, посылаетъ за вознымъ (приставомъ), «осумовываетъ» съ нимъ шкоду, на основаніи присяжныхъ показаній истца «самъ—треть» (т. е. съ пособниками) и «прилагаетъ» свое осумованье къ селу. Копы съ вознымъ объявляетъ затѣмъ уряду гродскому, который назначаетъ срокъ уплаты (Рус. Прав. и Лит. Стат., 80). Подобное-же гоненіе слѣда извѣстно было древнему чешскому и польскому праву. У чеховъ этотъ институтъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ *stopa*. По первому призыву потерпѣвшаго о помощи, сосѣди обязаны были являться на мѣсто, составляли изъ себя «осаду» (*sochnine*) — сходку сосѣдей, безъ всякаго участія въ ней органовъ общественной власти. Осада сосѣдей шла съ истцомъ «ро *stopě*» вора; жители села или двора, куда приведетъ слѣдъ, вызывались осадой на слѣдъ и обязаны были отвести отъ себя слѣдъ, — иначе они платили всѣ убытки истцу. Погоня за воромъ по слѣду могла быть исполнена вмѣсто потерпѣвшаго сокомъ (см. выше), къ числу специальныхъ обязанностей котораго входило также преслѣдованіе воровъ по горячимъ слѣдамъ (отсюда названіе сока—*investigator rei furtivae*). Сокъ указывалъ и вообще розыскивалъ воровскіе слѣды, шелъ по нимъ съ сосѣдами, осматривалъ домъ, къ которому приводилъ слѣдъ и т. д. Если жители не выдавали вора и не удовлетворяли тутъ-же потерпѣвшаго, то истецъ или сокъ, при помощи свидѣтельства сосѣдей (*testimonium vicinorum*), обращались къ власти (уряду), принуждавшей виновныхъ къ удовлетворенію потерпѣвшаго. Такой-же отвѣтственности подлежали сосѣди потерпѣвшаго, когда они, по его призыву, не выйдутъ на осаду и не помогутъ истцу въ преслѣдованіи вора: убытки истца вознаграждали сосѣди сообща (см. Иречка, въ Архивѣ Калач. VI, 41 и слѣд.; Slov. право, гл. о сводѣ и слѣдѣ). Точно также древнему польскому праву извѣстенъ *slad*—повинность общины помогать потерпѣвшему въ погонѣ по слѣдамъ вора. Сосѣди, по первому «волянью» потерпѣвшаго, обязаны были идти съ нимъ по слѣду «злудѣя», —если они откажутся идти, то платятъ истцу его шкоду. Затѣмъ, если состоялась погоня за воромъ, жители той мѣстности, куда приведетъ слѣдъ, обязаны были, по требованію сходки, гонившей слѣдъ, выдать вора или вознаградить всѣ убытки потерпѣвшаго. Повинность помогать истцу въ преслѣдованіи вора не распространялась только на общины, жившія по нѣмецкому праву. Порядки, сходные съ чеш. *stopой* и польск. *slad'омъ*, имѣли мѣсто въ старое время и въ Венгріи (см. А. З. Р. I, 2, п. 49; Zbiór praw Litew. 48, прим. 27; Danilowicza Skarbiec dyplom. I, № 64; Hełcel Pomniki starodaw. zwyczej. prawa и пр.).

Изъ сказаннаго можно заключать съ полною очевидностію, что «слѣдъ» представлялъ институтъ древняго права, по своей общей природѣ и юридической силѣ совершенно аналогическій съ «лицомъ»: оба эти института составляли, по замѣчанію славянскихъ изслѣдователей, «auszergerichtliches Verfahren», первичную процессуальную форму, основанную исключительно на дѣятельности общины—«сосѣдей» и «окольныхъ людей», безъ всякаго участія нарядниковъ и вообще официальныхъ представителей общественной власти (см. Иречка Das Recht in Böh. I, 57)¹⁾. Слѣдъ, подобно лицу, опирается цѣлкомъ на дѣятельность общины, представляетъ собой одну изъ наиболее характерныхъ формъ стараго «самосуда» и «самопомощи» общины. Какъ при «лицѣ» сосѣди, созданные потерпѣвшимъ путемъ заклича и присутствовавшіе при его «заповѣди», являлись единственными Urtheilfindern, устранявшими своимъ «сосѣдскимъ» приговоромъ дальнѣйшее разбирательство дѣла на судѣ, такъ и на «слѣдѣ» чужіе люди и послухи, являвшіеся на помощь по кличу потерпѣшаго и гнавшіе съ нимъ слѣдъ, не играли только скромной роли «понятыхъ» или «простыхъ свидѣтелей факта»²⁾, но были автономными «рѣшителями» дѣла. Добрые люди и послухи (копа литов., осада чеш.), гнавшіеся за воровъ по слѣдамъ, являлись авторитетнымъ органомъ «самосуда» общины; именемъ и властью послѣдней они «требовали» отъ тѣхъ, къ жилию кого приводилъ слѣдъ, чтобы «отсочили» слѣдъ, т. е. выдали вора или отвели слѣдъ, ѣхали дальше по слѣду съ потерпѣвшимъ и его послухами. Разъ село, куда приводилъ слѣдъ, отказывало истцу въ томъ и другомъ, «отбивалось» отъ выдачи вора и отъ дальнѣйшей погони за нимъ, гоненіе слѣда приостанавливалось: прибывшіе по слѣду «чужіе люди» и «послухи» составляли изъ себя судебную сходку (копу лит., осаду чеш.).—одни изъ таковыхъ людей (по обычаю, записанному въ литовскихъ и чешскихъ памятникѣхъ) присягали съ истцомъ въ качествѣ его «помочниковъ»,—другіе-же исполняли настоящія судебныя функціи—«осумовывали» (оцѣняли) убытки истца и затѣмъ «прилагали» (объявляли)

¹⁾ Такое участіе власти вводится лишь позже, когда общинный судъ сталъ вообще падать (см. Иречка Das Recht in Böh. II, 122—123).

²⁾ «Свидѣтели факта» и «понятые» только показываютъ на судѣ о своемъ *visu* или объ известныхъ имъ фактахъ. рѣшающая роль принадлежитъ именно *суду*; между тѣмъ, ни откуда не видно, чтобы Правда требовала особаго формальнаго разбирательства *на судѣ* по показаніямъ «понятыхъ», гнавшихъ слѣдъ,—напротивъ, какъ при лицѣ, заповѣданномъ сосѣдямъ, устранялся формальный судъ, такъ и при «слѣдѣ» послухи, гнавшіе слѣдъ, были сами и *судьями*. Это категорически доказывается данными стараго литовскаго права, какъ и права другихъ славянъ. Понятіе «понятыхъ» принадлежитъ новой исторіи процесса,—переносить подобное-же понятіе на институты древняго права значитъ «смотреть на дѣло глазами своего времени, искать въ прошломъ тѣ-же явленія, къ какимъ привыкли въ окружающей дѣйствительности».

свой приговоръ тѣмъ, кто отбился отъ слѣда. Если отбившіеся отъ слѣда продолжали и послѣ того сопротивляться, не удовлетворяли истца согласно приговору сходки, то дѣло переходило къ общественной власти (уряду), но не для новаго «вершенія» дѣла, а лишь для понужденія виновныхъ къ удовлетворенію потерпѣвшаго ¹⁾.

Съ такимъ-же характеромъ Urtheilfinder'овъ, а не простыхъ свидѣтелей (какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи), являлись «видоки», «мужи» и «послухи», предъ которыми велся *сводъ*, или *изводъ*. По татѣбнымъ дѣламъ *сводъ* имѣлъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій, не сдѣлавъ своевременно заповѣди на торгу предъ сосѣдами, познавалъ послѣ свою вещь у другаго лица. О *сводѣ* по татѣбѣ и вообще пропажѣ вещей, при указанныхъ условіяхъ, говорятъ Рус. Правда, Псковская грамота, Двинская и Бѣлозерская уставныя грамоты ²⁾. Затѣмъ, какъ видно изъ междуняжескихъ докончаній XIV и XV вѣковъ, «изводъ», кромѣ татѣбы, допускался еще по разбою, душегубству и грабежу ³⁾. По Рус. Пр. на «изводѣ» разбираются, кромѣ того, споры, возникшіе изъ долговыхъ обязательствъ (ар. 14; ср. кар. 44). По Псковской грамотѣ споры по изорничеству ведутся также на *изводѣ*, или, что одно и то-же, «въ заклчѣ»; вообще въ заклчѣ вершились дѣла по личному найму (для работъ)—по спорамъ хозяевъ съ изорниками, огородниками, кочетниками (рыболовами), мастерами — плотниками и наймитами (Пск. гр. 39, 44, 87). Наконецъ, слѣды *свода* нужно видѣть въ 10 статьѣ Псков. грамоты о судѣ по «лѣшей» (лѣсной) землѣ: стороны, представлявшія не сходныя одна съ другою грамоты, «да оба *изведутца* по своимъ грамотамъ».

Во всѣхъ такихъ случаяхъ *сводъ* имѣлъ различный составъ, хотя всегда удерживалось одно и то-же родовое его понятіе. *Сводъ* по татѣбѣ ведется, какъ видно изъ Рус. Правды, «по конамъ»—сходкамъ сосѣдей, предъ «видоками»,—въ этомъ случаѣ *своду* по конамъ, по всему видно, соотвѣтствуетъ разбирательство дѣлъ «въ заклчѣ» по Псковской грамотѣ. Иски по долговымъ обя-

¹⁾ Лишь позже, какъ видно изъ Литов. Статута послѣднихъ двухъ редакцій, въ случаѣ отказа отъ уплаты по приговору коны, дѣло велось по повзу, «съ права», общимъ «урядовымъ» порядкомъ; но и здѣсь *testimonium vicinorum*, главнѣйшѣ слѣдѣ, имѣло такое-же рѣшающее значеніе, какъ и свидѣтельство послужковъ по частнымъ сдѣлкамъ,—противъ свидѣтельства сосѣдѣй, участвовавшихъ въ гоненіи слѣда, не допускались никакія возраженія (Лит. Стат. 1566, XIV, 6; 1588, XIV, 9 и пр.).

²⁾ См. Р. Пр. ар. 13, 15,—кар. 30, 32, 34, 36; Псков. грам., 54; Двин. и Бѣлоз. гр. въ А. А. Э. I, 13, 123.

³⁾ «А иметь (разбойникъ, татѣ, грабежникъ, душегубецъ) ся просити на *изводѣ*, ино его на *изводѣ* пустити». См. договоръ в. кн. Василія Вас. съ кн. Твер. Борисомъ Александр. 1451 (Собр. г. гр. I, 173). Такую-же формулу находимъ еще раньше въ договорѣ в. кн. Василія Дмитр. съ Твер. кн. Михаиломъ Алекс. 1398 (А. А. Э. I, 14).

зательствамъ разбираются по краткой Правдѣ (14) на «сизводѣ предъ 12-ю человекъ»; по договору новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г., въ такихъ-же искахъ имѣютъ мѣсто «12 мужъ послухы, идетъ ротъ» (Будан. Христ. I, 95, п. 10); по пространной Правдѣ, вмѣсто извода предъ 12 мужами, вообще «выводятся послуси, ти поидуть на ротоу» (Кар. 44).

Самый modus веденія свода устанавливался различно, смотря по роду дѣла. Сводъ по татбѣ и вообще утратѣ вещей состоялъ въ томъ, что тотъ, у кого собственникъ познавалъ свою утраченную вещь, долженъ былъ назвать, отъ кого онъ ее приобрѣлъ; этотъ, въ свою очередь, указывалъ своего продавца и т. д., пока въ результатѣ такой непрерывной цѣпи ссылки на продавцевъ не дойдутъ до «конечнаго» татя, какимъ признавался тотъ, кто не могъ указать на продавца и вообще не могъ ничѣмъ оправдать законности приобрѣтенія очутившейся въ его рукахъ чужой вещи¹⁾. Гораздо проще велся сводъ по долгамъ или личному найму: по «закличу» истца «сводились» (свести—deducere, ablesen) судьи, стороны и послухи, дѣло разяснялось показаніями (судоговореніемъ) сторонъ и послуховъ, — въ результатѣ сводъ оканчивался, какъ и всякій процессъ, приговоромъ судей.

Всѣ эти отрывочныя данныя о сводѣ далеко не разясняютъ всей сути дѣла. Въ особенности не яснымъ представляется интересующій насъ вопросъ о роли, какую играли «коны», также «видоки» и «послухи», присутствовавшіе на сводѣ. Изложенныя данныя могутъ быть надлежаще поняты, если обратимся

¹⁾ На основаніи такого процесса свода изслѣдователи подводятъ его то подъ понятіе «виндикаціи» по искамъ вещнымъ (Будан. Христ. I, 27), то «очной ставки» въ нашемъ смыслѣ (Ланге), то особой формы очной ставки, въ видѣ «процесса хожденія со двора во дворъ» (Серг. Изсл., 572). Намъ кажется, что всѣ такія опредѣленія не даютъ указанія на родовое понятіе свода, въ особенности же вовсе не подходятъ къ своду по долговымъ обязательствамъ или по личному найму: здѣсь вовсе не имѣетъ мѣста то, что характеризуетъ сводъ по татбѣ, — ссылка на различныхъ лицъ, отъ которыхъ приобрѣталась спорная вещь. Да и по дѣламъ татбнымъ сводъ нельзя уподоблять виндикаціи или очной ставкѣ. Vindicatio—лишь часть процесса, а не весь процессъ по вещнымъ искамъ (какъ сводъ): виндикація—первый моментъ судоговоренія, состоявшій въ формулахъ, съ одной стороны, утвержденія истца предъ судей о его правѣ на спорную вещь, а съ другой — отрицанія этого права отвѣтчикомъ. Очная ставка—тоже только часть процесса, равнозначительная съ свидѣтельскимъ показаніемъ,—сводъ, напротивъ, обнималъ цѣлый процессъ, на которомъ рѣшались фактическіе и юридическіе вопросы. Затѣмъ, «процессъ хожденія со двора во дворъ» вовсе не составлялъ непрѣмной принадлежности свода: сводъ велся не по дворямъ, а «по конямъ» — судебнымъ сходамъ, состоялъ изъ ссылки на продавцевъ, тутъ-же находившихся между собиравшимися на сводъ по «закличу» истца соседями. Если и имѣло мѣсто «хожденіе», то лишь при ссылкѣ на продавца, жившаго въ другой общинѣ; но и тамъ непрѣменно составлялась сходка, на которой разбиралось дѣло, а не «ходила по дворямъ».

къ древнему праву другихъ славянъ, такъ какъ сводъ, подобно слѣду и другимъ институтамъ, принадлежалъ къ исконнымъ явленіямъ древнеславянскаго быта. Въ особенности подробное ученіе о сводѣ, какъ вполне развитомъ институтѣ, принадлежитъ древнему чешскому праву ¹⁾.

У славянъ сводъ составлялъ въ старое время основную форму *общиннаго суда*. По чешскому праву, «svod», подобно storē, всегда производился на «osadach» (сходкахъ) сосѣдей, первоначально безъ всякаго участія и вмѣшательства органовъ общественной власти (см. Иречка Recht II, 122). По татебнымъ дѣламъ (безъ «orovēdi») сводъ велся такъ-же, какъ и по Рус. Правдѣ, т. е. состоялъ изъ послѣдовательнаго ряда ссылокъ на продавцевъ, отъ которыхъ была приобрѣтена вещь, служившая предметомъ свода. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлалась на сводѣ ссылка на продавца, принадлежавшаго къ другой общинѣ (той-же земли или уряда), сводъ переходилъ на осаду этой общины, куда являлись также истецъ и «послы» (наши послухи и видоки) первой осады, на которой начался сводъ. Такія осады сосѣдей учреждались не только по татѣбѣ, но и по другимъ уголовнымъ дѣламъ, также по вещнымъ и долговымъ искамъ; всякіе споры по договорамъ, также о «дѣлинахъ» и межахъ у старыхъ чеховъ были предметомъ свода на сосѣдскихъ «осадахъ», съ участіемъ присяжныхъ судей и свидѣтелей-поротцевъ. Лишь позже, начиная съ Статута Конрада, стала постепенно ограничиваться компетенція стараго общиннаго суда на сосѣдскихъ осадахъ. Въ упомянутомъ Статутѣ, напр., требуется, чтобы сводъ по татѣбѣ и утратѣ вещей производился не иначе, какъ въ присутствіи «урядовыхъ» (жупныхъ) судей, съ участіемъ въ судѣ не всей осады, но только одного или двухъ сосѣдей—«*unus vel duo de vicinatu illo*» (Иречка Das Recht in Böhme, II, 122; ср. его-же Исслѣд. о жупн. судахъ, въ Архивѣ Калач. VI, и Slov. právo v Čechách а на Могачѣ).—Точно такое-же значеніе имѣлъ «зводъ» по литовско-русскому праву. Въ старое время сводъ по татебнымъ дѣламъ (когда не было сдѣлано «поволање» — заповѣдь Правды или «orovēd» чеш. права, и утраченная вещь познана въ рукахъ другаго) велся на «копахъ» — сходкахъ сосѣдей, вполне аналогическихъ съ чешскими осадами или конами Рус. Правды, съ соблюденіемъ такого-же порядка въ ссылкахъ на «заводцевъ» («*evictores*» латин. текст. Лит. Стат. — продавцевъ познанной вещи) и вообще въ веденіи всего свода, какъ и по Рус. Правдѣ и чешскому праву. Лишь со

¹⁾ Въ серб. Законникѣ Душана говорится о сводѣ слѣдующее: «Ако-ли кто што ухвати удавлено или украдено лицемъ или силомъ узето буде: сваки о томъ да даа сводъ» (Закон. § 143). Институтъ свода по татебнымъ дѣламъ имѣлъ мѣсто и въ древнемъ германскомъ правѣ, и при томъ рѣшительно въ такихъ-же формахъ, какъ и по старымъ чешскимъ или русскимъ памятникамъ (см. Bernhöft, 24. Brunner и др.; ср. Сергѣевича Иссл., 573).

времени Волынскаго Статута (1566) сосѣдскія копы стали терять прежнее самостоятельное значеніе и сводъ производился урядовымъ порядкомъ. предъ судьями (см. Лит. Стат. 1529, XIII, 17; 1566, XIV, 2; 1588, XIV, 1, 3) На такихъ-же сходкахъ, путемъ свода не только жителей одного села, но и въ важныхъ случаяхъ—нѣсколькихъ селъ и мѣстечекъ цѣлою «околицы», истецъ могъ «всякой шкоды своее доходити копою». Въ случаѣ разбоя, убійства и пр., когда преступникъ не пойманъ, люди и мѣшане всей околицы, въ окружности на милю, сводились на копу, на которой путемъ «опыта» (опроса копниковъ) и розыскивался «злодѣй». О такихъ копахъ Литов. Статутъ говоритъ, какъ объ обычаяхъ, «бывшемъ здавна на Руси и инде». Гдѣ копы вышли изъ практики, тамъ (по третьему Статуту) должны быть назначены «коповища» (мѣста сходокъ околицы), съ припиской къ нимъ селъ, обязанныхъ становиться на копу. На копахъ держатся старые «порядки и поступки», издавна существовавшіе на Руси (см. Рус. Пр. и Лит. Стат. 73, 80, 82). — Тотъ-же «сводъ» сосѣдей на копахъ имѣлъ мѣсто по искажъ вещнымъ и по обязательствамъ, возникавшимъ изъ договоровъ. Еще въ Рус. Правдѣ находимъ на мекъ на то, что поземельныя дѣла (о нарушеніи межъ и пр.) велось общиннымъ порядкомъ: виновный розыскивался «по верви»¹⁾. Литовское право констатируетъ изстаринные бытовые способы веденія дѣлъ о межахъ и испашахъ на «копахъ», сходкахъ сосѣдей (см. мое соч.—о крестьянахъ юго-зап. Россіи, 47—52). Вообще говоря, въ старое время, по общимъ славянскимъ обычаямъ, поземельныя споры вездѣ вершились на сходкахъ, цѣлою общиною, первоначально безъ участія органовъ власти. На этотъ порядокъ, какъ замѣчено выше, намекаетъ Правда²⁾; онъ же практиковался у старыхъ чеховъ (см. выше)

¹⁾ Въ Правдѣ говорится, что если «будеть расчѣнена земля пли на земли знаменіе естъ» (знаменіе—орудіа звѣриной или пичьей охоты), также если «разломаеть борть пли кто посѣчетъ древо на межѣ», то «*по верви* искати тяти въ себѣ, а любо платити продажу» (см. Калачова Исслѣд. о Рус. Пр. 131, СХХІХ). Ошибочно понимая «знаменіе» въ смыслѣ знака или слѣда шкоды, Ланге полагаетъ, что расслѣдованіе виновнаго производится въ данномъ случаѣ путемъ «гоненія слѣда», — толкованіе едва-ли правильное. «Искать по верви» именно означало расслѣдованіе виновнаго путемъ «свода» членовъ верви, собиравшихся по закличу петца на сосѣдскую сходку и обязанныхъ или выдать виновнаго, или платитъ продажу и «тагьбу», т. е. общественную пеню и убытки потерпѣвшаго. Будановъ, по нашему мнѣнію, не вѣрно утверждаетъ, что при «слѣдѣ» община платитъ только продажу, а не тагьбу.—частную пеню: въ составъ какъ дикой вры, такъ и «общинной» продажи, несомнѣнно входили общественная пеня и частные убытки, какъ это несомнѣнно доказывается всеми древними памятниками славянскаго права (Будан. Христ. I, 63, пр. 111; ср. Древ. Хорв.-Далм. зак., 31, 37, 139).

²⁾ Русская Правда, впрочемъ, уже знаетъ и урядовые порядки разбирательства дѣлъ: «Аще брѣтѣа растяжуются предъ княземъ о задницѣ, то которыхъ дѣтскими идеть ихъ дѣлти» (Бр. 117). Нужно замѣтить, однако, что въ эпоху Правды едва-ли установилось строгое разграниченіе компетенціи суда княжескаго и общиннаго. Отъ самихъ сторонъ завязало—обратиться-ли къ суду князя, или-же ограничатся судомъ сосѣдскимъ, въ закличь, на копахъ, торгу и пр.

Общинные-же порядки процесса по поземельнымъ дѣламъ вполнѣ извѣстны литовскому праву. По древнимъ западно-русскимъ правовымъ грамотамъ, дѣла о межахъ — «обводы» («разъѣханье», «указыванье» границъ и пр.), по старому дневному обычаю, велись предъ «обчими старцами» (судными мужами восточно-русскихъ правовыхъ грамотъ), представленными, обоими тяжущимися, въ присутствіи урядника и «светковъ» (см. А. З. Р. I, 30, 175). По Литовскому Судебнику (1468), при поземельныхъ спорахъ отряжаются на мѣсто (спорныя земли) «ѣздоки» и «судьи», которые и производили «разъѣздъ» по давнимъ обычаямъ (см. Zbiór praw Litew. 51, 117; ср. А. З. Р. I, 175). Эти-то обычаи легли въ основаніе статутowychъ постановленій о «правахъ земскихъ» — границахъ, межахъ и копахъ (см. VIII раздѣлъ Статута 1529, IX разд. Стат. 1566 и 1588). Поземельные споры, по Статутамъ и суднымъ актамъ, ведутся на «копахъ» (или—сводахъ, опытахъ, обводахъ, разводахъ, разъѣздахъ, выѣздахъ, выѣханьяхъ и пр.) изъ судей, или ѣздоковъ, добрыхъ людей (сумежниковъ и пограничниковъ) и светковъ. «Добрые люди» были на копахъ именно судьями факта и права. Копка составлялась всегда изъ опредѣленнаго числа добрыхъ людей — изъ 18 сумежниковъ «съ obu сторонъ» (т. е. отъ каждой стороны особо по 18-ти мужей). Затѣмъ, изъ каждыхъ трехъ мужей избирался сторонами одинъ «присяжный светокъ», пока не составится 12-ти (по 6 мужей съ каждой стороны). Эти-то выборные мужи, «добрые люди» или «мужи—копники» (см. Иванишева о сель. общинѣ юго-западн. Россіи) и производили «обводъ», «объѣханье» границъ и вообще рѣшали всѣ вопросы факта и права. Въ старое время по поземельнымъ спорамъ, какъ и вообще по всякимъ другимъ дѣламъ, вѣрившимся путемъ «свода» на сходкахъ сосѣдей, обычай, какъ замѣчено выше, не требовалъ участія въ сводѣ органовъ власти (наряда). Отступленія отъ стараго славянскаго обычая замѣчаются впервые въ Судебникѣ 1468 года и окончательно устанавливаются въ Литовскихъ Статутахъ: поземельнымъ сводомъ руководить по Статутамъ не сходка сосѣдей, какъ было въ старину, но урядникъ — ѣздокъ, который выслушиваетъ добрыхъ людей — копниковъ («присяжныхъ» мужей) и светковъ и затѣмъ представляетъ все дѣло уряду, пославшему его на копу (Стат. 1529, VIII, 1—10; Ст. 1566, IX, 4 — 9). Съ учрежденіемъ во второй половинѣ XVI в. особаго подкоморскаго уряда (по образцу такого-же уряда, введеннаго раньше въ польскихъ земляхъ для спеціальнаго завѣдыванія поземельными дѣлами (см. Рус. Прав. и Литов. Стат. 36, прим. 2), еще болѣе ограничилось значеніе и роль общиннаго элемента въ судѣ по поземельнымъ дѣламъ. Въ Статутѣ 1588 г. «добрые люди» (старые самостоятельные копники — судьи) совершенно сравниваются съ простыми «светками»; въ это время, собственно говоря, уже не было «копъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о нихъ источники прежняго времени. Съѣзды подкоморскаго уряда удерживаютъ одно названіе копъ: все ихъ устройство

стало проникаться началами «урядоваго» (приказнаго) суда (см. Стат 1588, IX, 3—5, 16 и др.).—Тѣ-же самые порядки общиннаго свода старое литовско-русское право устанавливало и по другимъ вещнымъ и обязательственнымъ искамъ. Неясныя начала Рус. Правды въ этомъ случаѣ вполне развиты въ положеніяхъ Литов. Статута: объ «обычнхъ судьяхъ», которые на сосѣдскихъ сходкахъ «присуждаютъ» по всякимъ дѣламъ о шкодѣ (кромѣ дѣлъ, влекшихъ лишеніе жизни, чести и свободы и подлежащихъ урядовому суду), назначаютъ срокъ «заплатѣ» и «грабятъ» въ случаѣ уклоненія виновнаго отъ взысканія; о «заводѣ», имѣвшемъ мѣсто не только по дѣламъ о татѣбѣ, но и по другимъ вещнымъ и долговымъ искамъ; объ общинномъ порядкѣ процесса по долговымъ и другимъ искамъ, путемъ «заповѣди на торгу», т. е. свода предъ сосѣдами (только съ третьяго Статута стали запрещать, наприм., взысканіе долговъ не урядовымъ порядкомъ, а путемъ «сосѣдской помощи» — заповѣди на торгу— см. Ст. 1529, XII, 11; Ст. 1566, XIII, 3, 6; Ст. 1588, XIII, 3, 4); о «копашъ» и «добрыхъ людяхъ», предъ которыми могли производиться иски по «испашамъ» и другимъ имущественнымъ шкодамъ и пр. Въ процессѣ по всемъ этимъ дѣламъ начинаютъ преобладать урядовые порядки лишь со втораго и особенно третьяго Статута, когда копные суды, основанные на старо-славянскомъ сводѣ общины, были окончательно подчинены судамъ урядовымъ (см. Рус. Пр. и Лит. Стат., 85—86).

Въ виду изложенныхъ данныхъ о древнемъ славянскомъ сводѣ легко устранить разныя недоразумѣнія, существующія между нашими изслѣдователями въ воззрѣніяхъ касательно упомянутаго института. Принципіальная природа свода и, если не всё его детали, то во всякомъ случаѣ основныя формы вездѣ были въ старое время несомнѣнно однѣ и тѣ-же, съ той лишь разницей, что въ однихъ памятникахъ не ясно развитъ институтъ, указаны лишь нѣкоторыя его черты и особенности, самая-же сущность института остается невысненной (какъ въ Рус. Правдѣ), тогда какъ другіе памятники (въ данномъ случаѣ памятники чешскаго и литовскаго права) своей обстоятельностью даютъ ключъ къ полному уразумѣнію даннаго института. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что природа свода по Рус. Правдѣ и другимъ древнимъ памятникамъ русскаго права опредѣляется точно такъ-же, какъ и по памятникамъ права другихъ славянъ, т. е. въ смыслѣ *коренной формы старой самопомощи и самосуда сосѣдей* (общины), первоначально имѣвшаго мѣсто по всемъ «поклпнымъ» дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ и лишь позже уступившаго мѣсто суду особыхъ органовъ земскаго наряда. Касательно «коновъ», по которымъ ведется сводъ, также не можетъ быть никакого сомнѣнія: это — такія-же сходки сосѣдей, какъ и копы литовскія или осады чешскія. Сводъ по одному и тому-же дѣлу могъ послѣдовательно вестись на нѣсколькихъ конахъ, именно въ случаѣ ссылокъ на продавцевъ, жившихъ въ разныхъ общинахъ: въ каж-

дой такой общинѣ сосѣди должны были собираться на конѣ, разѣ была сдѣлана ссылка на какого либо члена общины, какъ на продавца вещи, оказавшейся татебной. Что касается затѣмъ занимающаго насъ вопроса о значеніи мужей—видоковъ и послуховъ, принимавшихъ участіе въ сводѣ, то мы не видимъ никакой возможности согласиться съ воззрѣніями, какихъ держатся наши изслѣдователи по этому вопросу. Одни изслѣдователи усматриваютъ въ «видокѣ» 15 ст. краткой Правды (ак. сп.) просто свидѣтеля — очевидца, *testis de visu* (Мроч.—Дроздов. 135); другіе квалифицируютъ его названіемъ «свидѣтеля покупки» (Сергѣевичъ Иссл., 573) или «посторонняго свидѣтеля, необходимаго для правильнаго производства свода» (Владим.-Будановъ Христ. I, 28, пр. 20). Что видокъ, при которомъ велся сводъ, не имѣлъ значенія «свидѣтеля покупки», совершенно категорически доказывается самой Правдой: свидѣтели покупки («свободные мужи» или «мытникъ»), по 33 ст. простр. Правды (Кар, сп.), выводятся лишь тогда, когда купившій татебную вещь на торгу «начнетъ не знати оу кого боудеть коупилъ», т. е. когда на сводѣ прекращается ссылка на продавца. Разѣ-же на сводѣ имѣется въ наличности самъ продавецъ (на него дѣлается ссылка тѣмъ, у кого познана воровская вещь), вовсе не требуется видокъ,—продавецъ исключаетъ свидѣтели покупки. Точно также едва ли вѣрно опредѣляется положеніе на сводѣ видока, въ смыслѣ «посторонняго свидѣтеля, необходимаго для правильнаго производства свода». Необходимость въ такомъ свидѣтелѣ, какъ и вообще въ «свидѣтелѣ — очевидцѣ», можно-бы допустить лишь въ томъ предположеніи, что сводъ ведется исключительно самими потерпѣвшимъ, какъ его частное, личное дѣло, въ формѣ, наприм., «процесса хожденія со двора во дворъ», и затѣмъ вопросъ о результатахъ такого «хожденія» передается истцомъ на рѣшеніе судьи; при такомъ положеніи дѣла, дѣйствительно необходимо было-бы присутствіе и даже, пожалуй, содѣйствіе посторонняго лица, которое-бы контролировало дѣйствія истца и затѣмъ удостоверяло на судѣ «правильность производства свода». Ничего подобнаго, однако, не могло быть въ дѣйствительности: сводъ вели съ истцомъ другіе органы и о результатахъ его истецъ не докладывалъ никакому постороннему судѣ. Сами сосѣди, собиравшіеся на конѣ, руководили сводомъ и затѣмъ сами-же были и безапелляціонными судьями всего дѣла. Зная общій характеръ и составъ свода, какъ и разъясненное раньше значеніе видоковъ, можно уже изъ простаго сопоставленія 15 ст. краткой Правды, указывающей на веденіе свода «*при видоцѣ*», съ 34-й ст. пространной Правды, говорящей о веденіи свода «*по конамъ*», вывести заключеніе о тѣсной связи между видокомъ и конами. Подъ видоками разумѣлись въ данномъ случаѣ или просто сосѣди, созданные истцомъ на конѣ для разслѣдованія его дѣла и игравшіе на устанавливаемомъ въ такомъ случаѣ сводѣ роль судныхъ мужей, или-же тѣ видоки—послухи, которые, при переходѣ свода въ другую общину (когда была сдѣлана

ссылка на какого либо ея члена, какъ продавца воровской вещи), вмѣстѣ съ истцомъ шли, какъ послы — представители своей общины (см. выше о чешск. сводѣ), для веденія свода на новомъ копѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ видоки имѣли значеніе не простыхъ свидѣтелей-очевидцевъ, а именно авторитетныхъ Urtheilfinder'овъ¹⁾.

Такое-же разногласіе существуетъ доселѣ касательно «12-ти человекъ», предъ которыми ведется «изводъ» по долговымъ обязательствамъ. Въ такихъ мужахъ уже давно историки видятъ нѣчто общее съ институтомъ югу (полагали даже, что такое югу занесено къ намъ варягами изъ ихъ родины, гдѣ существовалъ институтъ присяжныхъ судей), позднѣйшими «судными мужаами», избравшимися общинами на общемъ основаніи съ лучшими земскими людьми — «беречи правду» на судѣ (см. наприм., Шпилевскаго Источн. 33). Позже стали по этому вопросу высказываться новыя возрѣнія. Такимъ образомъ, Ланге, не понявъ специфической роли послуховъ и мужей Правды, считаетъ «12 человекъ» простыми свидѣтелями, не признаетъ за ними значенія судныхъ мужей. Онъ не понимаетъ, почему «приводили къ такимъ судьямъ подудимаго только въ томъ случаѣ, когда онъ *ся запирали почнетъ*», и обходились безъ нихъ въ другихъ случаяхъ, при признаніи виновнаго. Проф. Владимірскому — Буданову принадлежитъ слѣдующее мнѣніе по данному вопросу: «коммиссія 12 состоитъ изъ *послуховъ, свидѣтелей заключенной сдѣлки*, которые въ то же время были *судьями* относительно этой сдѣлки». Въ 44 ст. пространной Правды «роль судей въ случаѣ спора (приданная послухамъ по ст. 14 ак.) *смѣняется ролью простыхъ свидѣтелей*, которые подтверждаютъ существованіе сдѣлки и ея неисполненіе присягою предъ общественною властію». Такихъ-же свидѣтелей авторъ видитъ и въ 12-ти мужахъ — послухахъ договора 1195 г. (см. Христ. I, 28, 51, 95).

Чтобы надлежащимъ образомъ понять настоящей вопросъ, нужно сначала рѣшить, отъ чего именно должникъ могъ «запираться» такъ, чтобы его запирательство могло быть предметомъ судебного разбирательства на сводѣ,—отъ самой-ли сдѣлки съ кредиторомъ, или отъ ея послѣдствій — обязательствъ, какія возникали для должника изъ сдѣлки? При тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, при какой въ старое время вершились всякія сдѣлки,—именно при публичности и, слѣдоват., общензвѣстности сдѣлокъ, совершавшихся на міру («на торгу»), при спеціальномъ органѣ такой публичности—послушествѣ, какъ уже замѣчено

¹⁾ Въ 15 ст. кратк. Правды правильнѣе было-бы, вмѣсто выраженія «при видоцѣ», читать—«при *видоцехъ*», такъ какъ конь составлялся изъ многихъ сосѣдей — видоковъ, а при переходѣ свода въ другую общину, туда шелъ истецъ, какъ и при «сдѣлѣ», не одинъ съ видокомъ, а съ «коноемъ», хотя, быть можетъ, и въ меньшемъ составѣ, чѣмъ тотъ конь, на которомъ начался сводъ.

выше, устранявшемъ всякія «возраженія» и самый «судъ» по существу заключенной при подобныхъ условіяхъ сдѣлки, едва ли могло быть предметомъ свода «запирательство» должника по существу самой сдѣлки, т. е. едва ли можно было вступать на сводѣ въ судебное разбирательство вопроса о самомъ существованіи сдѣлки. Подобно «лицованной» и «заповѣданной» татѣбѣ или другому правонарушенію, гражданская сдѣлка именно потому, что она лицована, т. е. заключена «на міру» и укрѣплена послушествомъ, не подлежала сама по себѣ никакому судебному разбирательству. При запирательствѣ должника по существу сдѣлки, кредиторъ обязанъ былъ одно сдѣлать: констатировать при содѣйствіи послуховъ сдѣлки предъ подлежащей властью о существованіи долговаго обязательства и потребовать принятія мѣръ къ побужденію должника исполнить принятое имъ на себя обязательство, — полная безспорность вопроса не допускала никакого дальнѣйшаго разбирательства дѣла на сводѣ. Иначе долженъ былъ стоять вопросъ, когда рѣчь шла о послѣдствіяхъ сдѣлки — о самомъ исполненіи обязательства, возникавшаго изъ заключенной сдѣлки. Должникъ могъ вовсе не отрицать сдѣлки, а лишь утверждать, что онъ уже удовлетворилъ истца или же отказывается отъ удовлетворенія, потому что не можетъ этого сдѣлать, наприм., по несостоятельности и т. п. Такой именно случай и можетъ только предусматривать 14 ст. краткой Правды, говорящая о «запирательствѣ» должника при взысканіи съ него долга и объ учреждавшемся по этому поводу сводѣ предъ 12 человекъ. Здѣсь дѣйствительно былъ предметъ для судебного разбирательства на сводѣ. Но все дѣло въ томъ, что при указанной постановкѣ вопроса послухи сдѣлки рѣшительно ни въ чемъ не могутъ помочь дѣлу, — здѣсь должны оказать «сосѣдскую помощь» и посредничество иные послухи — судные мужи, задачей которыхъ было «беречи правду» въ частной и общественной жизни и которые, въ качествѣ сосѣдей, хорошо знали всю обстановку и всѣ дѣла судившихся предъ ними на сводѣ.

Признавать въ 12 мужахъ свидѣтелей сдѣлки не дозволяетъ, кромѣ того, и самое число послуховъ: въ Правдѣ нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намега на то, чтобы сдѣлки совершались непременно при 12 послухахъ¹⁾. Точно также едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что въ 44 ст. пространной Правды (Бар. сл.) говорится о послухахъ, при которыхъ будто бы должно было имѣть мѣсто «не только совершеніе, но и прекращеніе сдѣлки», и именно предъ «тѣми же

¹⁾ Въ 33 ст. пространной Правды есть указаніе на *двухъ* свободныхъ мужей — свидѣтелей сдѣлки, на которыхъ слѣдовало ссылаться, когда тотъ, у кого оказалась татебная вещь, не зналъ, у кого именно онъ купилъ эту вещь. Если признать въ 12 мужахъ татѣбѣ-же послуховъ сдѣлки, какъ и два мужа 33 статьи, то трудно понять, почему по татѣбѣ требуется только два послуха, а по долгамъ — въ шесть разъ больше?

самими» послухами (Будан. Хр. I, 51). Ни въ Правдѣ, ни въ другихъ древнѣйшихъ памятникѣхъ, нѣтъ никакихъ категорическихъ указаній, которыя хотя-бы приблизительно подтверждали положеніе о томъ, что послухи требовались при прекращеніи сдѣлки на такомъ-же точно основаніи, какъ и при ея совершеніи. Напротивъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи 44 ст. Правды оазывается, что статья эта нисколько не даетъ повода выводить изъ нея положеніе, сколько нибудь похожее на изложенное выше. 44-я статья Правды (пространной) говоритъ о послухахъ истца: «оже нань (на того, кто «запирается») послуси выведеть (истецъ), то ти поидуть на ротоу, а онъ (истецъ) възметъ коуны свои». Истецъ доказываетъ при посредствѣ своихъ послуховъ, что подсудимый не уплатилъ слѣдуемаго съ него долга. Значить, въ данпомъ случаѣ послухи касаются факта неудовлетворенія по обязательству; но «нельзя быть свидѣтелемъ отрицательнаго факта», — нельзя «видѣть», какъ таковой-то человѣкъ не исполнилъ лежавшаго на немъ обязательства ¹⁾. — Затѣмъ, въ 12 мужахъ нельзя искать и пособниковъ, подтверждавшихъ своей присягой добросовѣстность истца. Какъ уже мы знаемъ, пособники допускались въ эпоху Рус. Правды лишь по преступленіямъ личнымъ и имущественнымъ, которыя могли влечь за собой отвѣтственность общины, — чего, конечно, нельзя сказать о простомъ неисполненіи долговаго обязательства. Наводитъ сомнѣніе также и число послуховъ: разъ признаемъ здѣсь послуховъ чести, будетъ непонятнымъ, почему Правда требуетъ по убійству только 7 послуховъ, а по договорамъ

¹⁾ Проф. Владим.—Будановъ полагаетъ, что роль судей въ случаѣ спора (по долговому обязательству), приданная послухамъ сдѣлки по ст. 14, смѣняется въ 44-й ст. (простр Правды) ролью простыхъ свидѣтелей, подтверждающихъ существованіе сдѣлки и ея неисполненіе *предъ общественною властію* (Буд. Хр. I, 51). Выходитъ такъ, что на сводѣ по первой статьѣ общественная власть замѣнялась послухами, а по второй — такая власть уже присутствуетъ на сводѣ, какъ органъ, самостоятельно отправляющій судебную функцію. Но въ томъ-то и дѣло, что сводъ эпохи Рус. Правды (да и послѣ нея долго) тѣмъ именно и отличался отъ другихъ сборъ суда, что на немъ исключительно дѣйствовали «сосѣди», члены вѣна (общины), безъ всякаго вмѣшательства какихъ-бы то ни было органовъ общественной власти. Въ этомъ сказывалась вся суть «самосуда» общины. Ограниченіе самосуда, на какое указываетъ проф. Будановъ, не могло появиться въ промежутокъ времени между изданіемъ краткой и пространной Правды. Статьи 14 кратк. Пр. и 44 ст. простр. Пр. представляютъ лишь различныя редакціи одного и того-же положенія древняго русскаго права; видѣть въ нихъ существенныя измѣненія въ институтахъ права нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Слово «послухъ», какъ уже показано выше, имѣло въ старыхъ памятникахъ самое равнообразное значеніе. «Выводить послуховъ» не значило представлять въ судъ только свидѣтелей — очевидцевъ: «выводили» также послуховъ — чести и судныхъ мужей, послѣднихъ ради того, чтобы они «стерegli правду», все равно, выводила-ли ихъ сама община (въ особенности по дѣламъ, соединявшимся съ отвѣтственностью общины) или-же сами стороны, въ видахъ «береженія» правды въ ихъ частныхъ дѣлахъ.

чуть не вдвое больше. — Наконецъ, самый способъ выраженія Правды: «ити ему (подсудимому) на изводъ *preds* 12 человекъ», даетъ поводъ заключать, что здѣсь рѣчь идетъ не о свидѣтеляхъ факта или чести, но именно о судьяхъ, *preds* которыми ведется сводъ, даются показанія сторонъ и послуховъ и пр.

Вотъ рядъ соображеній, заставляющихъ, какъ намъ кажется, признавать въ 12-ти мужахъ свода (послухахъ, «идущихъ на роту»), именно институтъ, близко подходящій къ германскимъ *boni homines* (*rachinburgii* и пр.), славянскимъ «ротнымъ» или «заклетвеннымъ судцамъ», «ротникамъ» и пр.¹⁾ Позд-

¹⁾ *Jury*, состоящее изъ 12 присяжныхъ засѣдателей, является исконнымъ институтомъ у древнихъ славянъ и германцевъ. По Законнику Душана 12 поротцевъ составляютъ нормальное *jury*; по болѣе важнымъ дѣламъ число поротцевъ удваивается, а по меньшимъ — уменьшается на половину. Точно также по Полицейскому Статуту дѣла рѣшались коллегіей 13 ротниковъ (изъ нихъ одинъ предсѣдатель), а меньшія дѣла — коллегіей 8. (См. Древ. Хорв.-Далм. зак. 98). У древнихъ германцевъ времянь Карла V. и Людовика Благочестиваго (начала IX в.) судебныя коллегіи *rachinburgen* или *scabini* (*Schöffen*), заведывавшихъ въ великихъ ежегодныхъ ассизахъ, состояли изъ 12 засѣдателей (*duodecim scabinos*). Это былъ *полный* судъ присяжныхъ. Для меньшихъ (мѣстныхъ) ассизовъ назначались коллегіи изъ 7 *Rachinburgen*. По словамъ Gfögger'a, коллегія 12-ти засѣдателей есть *исконный обычай германцевъ*, — коллегія же 7-ми — «*siegende Hälfte*», рѣшающее и потому ответственное большинство 12-ти. «*Man muss nothwendig annehmen, dass die Zwölfzahl für die Rachenburgen uraltes Herkommen war... Sieben sind die siegende Hälfte—oder genauer gesprochen—die entscheidende u. darum verantwortliche Mehrheit von Zwölf. Sieben büssen für die pflichtwidrige Handlung des ganzen Gerichts, sieben erscheinen als Urkundspersonen bei Vollstreckung eines von der Gesamtheit gefällten Spruches, weil in einem Collegium von Zwölf u. nur in einem solchen sieben den Ausschlag geben u. folglich einzustehen haben. Wären statt sieben, fünf oder neun, oder eilf, oder dreizehn genannt, so müsste man auf eine Vollzahl von acht, sechzehn, zwanzig u. s. w.*» (Zur Gesch. deut. Volksrechts im Mittelalter, Bd. I, p. 105 — 106). Что коллегія 12-ти *jury* не установлена Карломъ V. или Людовикомъ Благочестивымъ, видно изъ того, что такая же коллегія встрѣчается въ некоторыхъ *leges Barbarorum*, составленныхъ, какъ извѣстно, на основаніи народныхъ обычаевъ. Коллегію 12-ти находимъ въ старыхъ норвежскихъ законахъ, также въ исландской *Grágás*, знающей коллегію присяжныхъ подъ названіемъ «*kvidmadr*». Исландское право дѣлало различіе между «*godakvidr*» (или *tólf-tarkvidr*) и «*buakvidr*». Первая коллегія состояла изъ 12-ти вѣчниковъ, рѣшавшихъ дѣла въ большихъ сессіяхъ всей колоніи; *buakvidr*, напротивъ, представляла «сосѣдскую» пороту (*vicinetum* нормандскаго и англо-сакс. права), составлявшуюся по выбору въ каждой общинѣ изъ 5 или 9 сосѣдей, для разбирательства споровъ между ея членами (см. Maurer Island, 381—382). О подобной же коллегіи 12-ти говоритъ Ева или *Lex Francorum Chamavorum* (конца VIII или начала IX в.). По обычному праву Хамавскихъ Франковъ, освобожденіе рабовъ на волю совершалось посредствомъ особаго акта—*per hantradam* (*hantrade*). Освободительный актъ совершался «*in loco qui dicitur Sanctum*» (гдѣ совершались религиозныя дѣйствія и обряды) господиномъ, присягавшимъ вмѣстѣ съ 12 судными мужама—представителями общины, санкционировавшими во имя общества власти актъ

нѣйшія переживанія института 12-ти мужей Правды сохранились съ полною ясностію въ новгородскомъ докладномъ судѣ и въ литовской копѣ изъ 12-ти же «присяглыхъ» мужей—копниковъ. О послѣднихъ мы уже имѣли случай говорить выше. Что касается новгородскаго докладнаго суда (см. Новг. суд. гр. п. 25, 26), то лучшее объясненіе этого института, по нашему мнѣнію, дано проф. Дювернуа. На докладѣ (вершенія дѣлъ въ высшей инстанціи, по переносу ихъ судьей) у тиуна «сидѣла» коллегія 10-ти присяжныхъ докладчиковъ (по боярину и житъему отъ каждаго изъ пяти новгор. концовъ) и двухъ приставовъ (по одному отъ каждой стороны). «Здѣсь какъ бы весь Новгородъ въ лицѣ немногихъ представителей. Всѣ вмѣстѣ, 10 докладчиковъ и 2 пристава¹⁾, образуютъ такой *forum*, который во всякомъ случаѣ могъ *указать судѣ*, какъ бы ни было мало извѣстно право. По числу лицъ и по значенію, докладчики напоминаютъ 12 мужей древней Правды, къ которымъ шли стороны на изводъ, чтобы узнать правду. Эти 12 судей садятся у доклада, поцѣловавъ крестъ на сей крестной грамотѣ». Но не одна грамота составляла руководство для судей въ рѣшенія вопросовъ права: они должны были «судити правду», т. е., подобно посаднику и другимъ нарядникамъ, судить «по старинѣ», земскимъ

освобожденія раба на волю. Вотъ двѣ статьи Хамавскихъ законовъ, сюда относящіяся: I) X. «Si quis hominem ingenuum ad servitium requirit, cum duodecim hominibus de suis proximis parentibus in sanctis juret et se ingenuum esse faciat, aut in servitium cadat».—XI. «Qui per hantradam hominem ingenuum dimittere voluerit, in loco qui dicitur Sanctum sua manu duodecima ipsum ingenuum dimittere faciat». По словамъ Невет'а, эти 12 «conjurateurs» совершали актъ, свойственный общественной власти, именно актъ судебный, «akte judiciaire»: «l'autorité qui l'accomplissait, celle qui mettait l'esclave en liberté, c'était l'autorité judiciaire, le tribunal» (см. J. Havet, L'affranchissement per hantradam, въ Nouv. Revue Hist. d. droit Franç. 1877, An. I, p. 657. O Lex Franc. Chamavor. См. Brunner Geesh. d. Deut. Rechts, въ Encykl. d. Rechtswiss. T. I, p. 206.

¹⁾ Проф. Владим.-Будановъ полагаетъ, что «судъ указывала коллегія, далеко превышавшая знаменитое число 12»; въ грамотѣ къ выбраннымъ отъ концовъ и приставамъ присоединяются еще тѣ, «кои.. въ судѣ сидѣли» (Христ. I, 193, пр. 34). Дѣло въ томъ, что въ 25 и 26 ст. грамоты опредѣляется составъ лицъ, которые должны «быть у доклада», при чемъ дѣйствительно говорится и о «людяхъ, кои въ судѣ (т. е. въ низшей инстанціи) сидѣли»; но изъ числа такихъ лицъ, въ качествѣ дѣятельныхъ членовъ суда у доклада, упоминаются *только* пристава («судити имъ правду, крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ») и докладчики («а докладшикомъ.. у доклада не дружить ни кою хитростию, по крестному цѣлованію»). Люди, «кои въ судѣ сидѣли», играли въ докладѣ въ Новгородѣ, какъ намъ кажется, ту-же самую роль, какая въ московскомъ судѣ принадлежала «суднымъ мужамъ» низшей инстанціи, тоже сидѣвшимъ у доклада боярѣ. Впрочемъ всего, что какъ здѣсь, такъ и въ новг. докладномъ судѣ, мужи низшей инстанціи являлись у доклада вовсе не для участія въ судебной дѣятельности наравнѣ съ 12 засѣдателями, а лишь для удостовѣренія: «такъ или нѣтъ» велось дѣло въ низшей инстанціи.

обычаем¹⁾. Докладчики избирались для каждаго даннаго случая, *указывали* судъ въ каждомъ данномъ дѣлѣ (Источн. права 309—310).

Переживаніе стараго свода общины по поземельнымъ дѣламъ пужно несомнѣнно видѣть въ «разводахъ, отводахъ и развьздахъ» земель по суду, о какиихъ говорятъ правыя грамоты княжеской и московской эпохи. Несомнѣнна самая тѣсная, генетическая связь такихъ «разводовъ», съ одной стороны, съ указанными раньше «разводами» и «отводами» земель по частнымъ полюбовнымъ рядамъ и сдѣлкамъ, а съ другой — съ старыми славянскими «изводами», на которыхъ сосѣди и окольные люди разбирались между собой по всякимъ поземельнымъ дѣламъ. На земельныхъ разводахъ по суду московской эпохи фигурировали, подобно древнимъ «вѣщимъ людямъ», добрые или лучшіе люди, съ одной стороны, знахори—старожилцы, близко знакомые со всей бытовой обстановкой своихъ сосѣдей и регулировавшіе на разводахъ поземельныя отношенія тяжущихся, сообразно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла («по правдѣ», какъ выражались въ старое время), а съ другой — послухи, судные мужи, закрѣплявшіе «правду» развода, произведеннаго знахорями. Разница заключалась лишь въ томъ, что судебные разводы XV и XVI вѣковъ составляли лишь часть процесса; на нихъ должны были непремѣнно присутствовать органы общественной власти и вообще разводы московской эпохи потеряли самостоятельный характеръ, стали, подобно литовскимъ копамъ второй половины XVI в., проникаться урядовыми (приказными) началами и порядками, между тѣмъ какъ въ старое время разводы по дѣламъ автономной общины обнимали собой весь процессъ и практиковались между сосѣдями, безъ всякаго вмѣшательства какиихъ бы то ни было органовъ общественной власти.

Наконецъ, въ «изводѣ», на который, по княжескимъ докончаньямъ, «имуть проситися» разбойникъ, тать, грабежникъ и душегубецъ (А. А. Э. I, 14; Собр. г. гр. I, 173), пужно видѣть тотъ-же общинный судъ «въ закличъ», предъ сосѣдями, «посторонними» или «окольными людьми», — судъ, какъ мы знаемъ, практиковавшійся въ старое время у всѣхъ славянъ на сходкахъ общинъ — осадахъ чешскихъ, копахъ литовскихъ и пр. Позднее переживаніе такого «извода» является въ московскую эпоху въ формѣ такъ называемой губной повинности общинъ, обязанныхъ преслѣдовать, судить и наказывать всякаго рода лихихъ людей (См. Чичерина Област. учред.).

¹⁾ Проф. Дювернуа видитъ отличіе Новгородскаго суда отъ Псковскаго въ томъ, что Новгородскіе судьи судили по обычаю, а Псковскіе — по своей «пошлинной» грамотѣ; «судили, *взирая въ правду*, т. е. судили будто-бы по одной грамотѣ. Но это едва-ли такъ. Псковскіе судьи судили, «взирая въ правду», на такомъ-же точно основаніи, какъ и Новгородскіе приставы, «судившіе правду», (Новг. гр. 25), т. е. вообще на основаніи мѣстной пошлины, старины, отчасти записанной въ грамотахъ, отчасти державшейся въ видѣ преданья отецъ.

Таковы разнообразныя формы участія общины и ея органовъ—въщателей и хранителей «правды» во всѣхъ сферахъ древняго суда. Но судомъ далеко не ограничивалось вліяніе общинныхъ органовъ: ихъ береженіе правды обнимало также чуть ли не всѣ отрасли стараго *земскаго наряда*. Гдѣ бы и по какому бы то ни было дѣлу ни возникалъ вопросъ о правѣ, тамъ непремѣнно являлись «знахори» правды, люди добрые, лучшіе, старцы и старожилыцы, извѣдавшіе своимъ личнымъ опытомъ мѣстные пошлыны. Трактовался ли въ общинѣ вопросъ о поземельныхъ «вытахъ» и «жеребьяхъ», вообще о «передѣлѣ» земель и другихъ угодій общинѣ¹⁾, или шла рѣчь объ опредѣленіи вознагражденія общины за разные убытки—потраву или самовольный посѣвъ²⁾, о «разрубкахъ», «пометахъ», «рѣзметахъ» и «проторяхъ»—даѣяхъ и повинностяхъ и пр.³⁾, — въ «мірскомъ уложеніи», принимавшемся въ такихъ случаяхъ на «изводѣ» или «обыскѣ» всей общины, перѣдко цѣлой волости⁴⁾, главное участіе принимали «окольные», добрые или лучшіе люди, знахори-старожилыцы, избравшіеся всей общиной. Окольные, добрые люди—знахори регулировали размѣры земельныхъ вытей, отводившихся новымъ членамъ общины,— вели общіе передѣлы земель сообразно съ личнымъ составомъ членовъ общины и качествомъ земель, чинили разruby и разметы податей и пр.; остальные «сосѣди», присутствовавшіе при этомъ, играли роль «послуховъ»—судныхъ мужей, укрѣпляв-

¹⁾ О передѣлахъ и вообще поземель. устройствѣхъ древн. сель. общины см. Бяляева Крестыне на Руси, Лешкова—Исторія о общественнаго права древней Руси и др.

²⁾ Когда община получала удовлетвореніе за убытки, нанесенные ей самовольнымъ посѣвомъ и потравой, убытки эти, по указнымъ грамотамъ, доправлялись на мѣсть сотскими, «*обложивъ со христианы*, (очевидно на мірской сходкѣ), по волку того хлѣба съ овина сходило и по волку изъ конны» (см. Мейчина Грам. 23). Въ случаѣ самовольнаго завладѣнія чужой землей, имѣлъ мѣсто, по грамотамъ конца XV в., «*обыскъ* тамошними лучшими людьми — старожилыцами», — опросъ окольныхъ людей (*preuve par tourbes*) о принадлежности земель, а затѣмъ и самый «развѣздъ» земель (*ib.* 25).

³⁾ Какъ извѣстно, ближайшее распредѣленіе даней и повинностей между членами общины было дѣломъ ея «мірскаго уложенія», производилось на ея сходахъ у волостнаго или сельскаго «стольца» (столецъ—мѣсто наряда общины, ея сходокъ и пр.), вѣсти сосѣдями сообщая, при чемъ регулированіе повинностей принадлежало общиннымъ старшинамъ и «добрымъ людямъ». Въ уставной грамотѣ бобрывичамъ Каменскаго стана 1509 г. говорится: «а кормы ловчего и тиуновъ и доводчиковъ поборъ, дворской съ десятскими и съ добрыми людьми межъ себя мечуть съ столца по дани и по пашнѣ: которая деревня болши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню болши корму и поборовъ положить; а которая деревня менши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню менши корму и поборовъ положить» (А. А. Э. I, № 150). По такой-же раскладкѣ «добрыхъ людей», общины тинули дани и службы къ своему «столицу» (см. Мейч. Грам. 40). Вообще говоря, не только цѣлыя земли, но и каждая мелкая община, могли дѣлать постановленія по своимъ внутреннимъ дѣламъ. Вотъ образчикъ *мірскаго уложенія* старой общины: «Се язъ староста Тавренской волости.. и всѣ крестьяне обговорили сами промѣж собою, по благоеловенію отца своего духовнаго, и учинили заповѣдь на три года (не работать въ Воскресенье Христ.).. И кто въ нашей Тавренской волости сію заповѣдь нарушаетъ, и на томъ заповѣди доправити сотскому, по мірекому уложенію» (А. Ю. 358).

⁴⁾ См., наприм., А. Ю. 13.

шихъ правильность и законность отвода земельныхъ жеребьевъ или податныхъ разрубовъ, а, слѣдовательно, и обязательность принятой мѣры для всей общины. На сходкахъ, собиравшихся въ такихъ случаяхъ, могъ, конечно, присутствовать и имѣть свой голосъ всякій членъ общины; но, по самому существу дѣла, выдающуюся роль должны были играть прежде всего люди опытные, знающіе— «знахори» и «лучшіе мужи», всегда являвшіеся главными, дѣйствующими лицами и на большихъ народныхъ вѣчахъ, и на «конахъ» и «изводахъ» мелкихъ общинъ.

Общая мѣропріятія по земскому наряду со стороны князей, вѣчъ и ихъ органовъ не могли также обходиться безъ содѣйствія мѣстныхъ «знахорей — старожильцевъ», особенно по такимъ земскимъ вопросамъ, которые должны были основываться на пошлинѣ и касались ближайшимъ образомъ мѣстныхъ интересовъ отдѣльныхъ общинъ, а потому могли быть правильно разрѣшены только при содѣйствіи лицъ, близко знающихъ мѣстные обычаи и потребности. Въ Новгородѣ, даже въ самый тяжкій моментъ жизни этой общины,—при инкорпорациіи ея московскимъ вел. княземъ Иваномъ III Васильевичемъ, вопросъ о дани (посошной) разрѣшенъ былъ не по праву побѣдителя, а на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, констатированныхъ по показаніямъ и челобитью (*reuve par tourbes*) мѣстныхъ жителей (См. П. С. Л. VІІІ, 195). Особенно любопытныя данныя касательно порядка составленія въ старое время «законовъ» на основаніи мѣстныхъ обычаевъ даютъ уставы о вотчинномъ управленіи монастырскихъ селъ и деревень, которые составлялись въ XIV вѣкѣ и позже обыкновенно по мѣстнымъ обычаямъ, констатированнымъ путемъ *enquête par tourbes*. Образецъ подобнаго рода актовъ стараго времени представляетъ уставная грамота, составленная въ 1391 г. митрополитомъ Кирианомъ для Константинова монастыря и утвержденная великимъ княземъ. Управленіе монастырской вотчиной, по этой грамотѣ, основано на мѣстныхъ пошлинахъ, записанныхъ въ грамотѣ по показаніямъ лицъ, участвовавшихъ въ завѣдываніи вотчиной ¹⁾, на основаніи «въспроса» митрополита о монастырскихъ пошлинахъ: «какова пошлина (обычай) въ св. Константинѣ и какъ людямъ монастырскимъ дѣло дѣлати»? Опрошенныя лица подробно описали пошлины, практиковавшіяся въ вотчинѣ ²⁾. По «рѣчамъ» опрошенныхъ лицъ пошлины были записаны въ гра-

¹⁾ Именно бывшего игумена и 3 бояръ митрополичьихъ (изъ нихъ одинъ поварь митрополита), очевидно наблюдавшихъ за монастырскими вотчинами, приписанными къ митрополичьей казедрѣ.

²⁾ Не по пошлинѣ установлено только правило о «яловицѣ», какъ видно, впрочемъ, уже практиковавшееся въ новомъ видѣ бывшими игуменами. Правило о яловицѣ «по одному ми, господине, добили чедомъ, а не въ пошлгину»; яловица замѣнена сборомъ баранами, «зана ми (говорилъ бывший игуменъ) была не надобе яловица».

мотъ, какъ обязательныя для всѣхъ правила: «ходите жъ вси по моей грамотѣ; игумень сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте; а хотя кто будетъ иный игумень по семъ игумень, и тотъ ходитъ по сей моей грамотѣ». Упроченіе старыхъ обычаевъ вотчин. управления было, такимъ образомъ, главной задачей устава. Составленіе его вызвано было челобитьемъ «сиротъ» (крестьянъ) на «новину», введенную игуменомъ: «наряжаетъ намъ, господине, дѣло не по пошлинѣ, чего, господине, при первыхъ игуменѣхъ не бывало; пошлины, господине, у насъ емлетъ, чего иныя игумены не имали», заявляли митрополиту «сироты» въ своемъ челобитьи. Последнее, какъ и показанія опрошенныхъ лицъ (игумена и другихъ), могло служить также средствомъ распознаванія обычаевъ (См. А. А. Э. I, 11). На такихъ-же основаніяхъ, т. е. путемъ enquête par tourbes, составлена была, какъ видно по всему, уставная грамота в. князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна объ управленіи церковными вотчинами (1389). Мѣстные обычаи и порядки управленія опредѣлялись и записывались въ уставѣ по «обыску»: «ино то обыскано.. какъ обыскано и управлено по старинѣ». Гдѣ завелась «новина», тамъ она отставлена; «что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣча не надобѣ». Констатировать повиную могли, очевидно, только мѣстные старожильцы, знавшіе, какъ велось дѣло въ старое время, до введенія новинъ (ib. I, 9). Тотъ-же самый «обыскъ» несомнѣнно имѣлъ мѣсто, въ потребныхъ случаяхъ, и при составленіи жалованныхъ и другихъ «пошлинныхъ» грамотъ. Отдѣльныя правила—«строки» и «правды» записывались въ нихъ «по старой пошлинѣ»,—«какъ то пошло изъ старины», «какъ было при отцахъ и дѣдахъ» и пр. (ib. I, 2, 6 и пр.). Констатировать такія старины и пошлины могли также только люди, знавшіе вполнѣ народныя обычаи. До насъ не дошли вполнѣ точныя извѣстія о порядкѣ составленія всѣхъ рядовъ, уставовъ и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права; но и то, что извѣстно по этому вопросу, вполнѣ достаточно для заключенія о томъ, что въ старое время, именно въ эпоху господства обычнаго права въ общественной и частной жизни, распознаваніе обычаевъ и составленіе изъ нихъ «рядовъ» (докончаній), «правдъ», «пошлинныхъ» и другихъ грамотъ велось у насъ, въ существѣ дѣла, такимъ-же образомъ, какъ и вездѣ на Западѣ въ средніе вѣка. Главными дѣятелями являлись здѣсь такіе-же вѣщатели «правды», какъ и западно-европейскіе boni homines, bons coutumiers и пр., или славянскіе паметари и добрые или лучшіе люди—«знахори» народныхъ обычаевъ. X

Такимъ образомъ, несомнѣнно участіе подобныхъ знахорей въ составленіи *рядовъ*, или докончаній (древнегерм. Ewa, ractum, lex), принадлежащихъ къ древнѣйшимъ и наиболѣе типическимъ памятникамъ русскаго права до-московской эпохи. Какъ уже замѣчено выше, рядъ представляетъ основную форму, въ какую по преимуществу облекались юридическія нормы въ теченіе всего зем-

слаго періода русскої исторіи. «Послы», отряжавшіяся князьями и общинами для заключенія договоровъ съ греками, позже съ ганзейскими городами, также для установленія «правды» во внутренней жизни общинъ, въ особенності въ отношеніяхъ ихъ къ князьямъ, какъ и князей между собою, имѣли, въ существѣ дѣла, всегда и вездѣ одно и то-же значеніе — рядцевъ — *посредниковъ* между землями, общинами и князьями. По уполномочію («слову», «вельнію», «заповѣди») рядившихся сторонъ, послы, въ качествѣ «добрыхъ людей», *знающихъ* обычныя нормы и правила междусоюзной жизни общинъ и цѣлыхъ земель, записывали такія нормы въ составлявшихся ими докончаньяхъ, причеиъ ратификація послѣднихъ или была дѣломъ самихъ-же посредниковъ—пословъ, или же послѣднее слово въ этомъ случаѣ брали на себя сами рядившіяся стороны. Типическимъ примѣромъ подобныхъ рядовъ можетъ служить приведенный выше Смоленскій договоръ съ нѣмцами 1229 г. Прежде всего Смоленскимъ княземъ, дѣйствовавшимъ по уполномоченію земель Смоленской, Полоцкой и Витебской, были посланы въ Ригу два посла («лучшій» попъ Еремей и «оумный мужъ» Пантелей отъ Смоленска), для предварительнаго соглашенія съ нѣмцами объ условіяхъ договора. Русскіе мужи воротились затѣмъ съ нѣмецкимъ посломъ (Раульфомъ изъ Касселя) въ Смоленскъ, гдѣ «добрые люди», вѣщатели права — представитель нѣмцевъ (посоль Раульфъ) вмѣстѣ съ русскимъ представителемъ (Тумашемъ Смолняниномъ), и редактировали рядъ, «написали правду» о взаимныхъ отношеніяхъ между русскими и нѣмцами. Самая ратификація ряда имѣла мѣсто у нѣмцевъ, отрядившихъ для утвержденія «правды» особыхъ «умныхъ» купцовъ — «послуховъ» (въ числѣ 13-ти), по 2—3 представителя отъ главныхъ Ганзейскихъ городовъ (см. Будан. Христ. I 97, 98, 110)¹⁾. Такой же порядокъ распознаванія «правды», редакціи и ратификаціи сааого ряда, въ существѣ дѣла, имѣлъ мѣсто и при составленіи рядовъ съ греками въ X в.²⁾.

¹⁾ Объ общемъ значеніи «добрыхъ людей», редактировавшихъ рядъ, и «послуховъ» избранныхъ для его ратификаціи, мы уже говорили выше.

²⁾ Какъ извѣстно, первый договоръ Олега (907) заключенъ подъ стѣнами Царьграда, въ присутствіи князя, по предварительному соглашенію 5 рус. пословъ съ греками. Второї договоръ (911) заключенъ по иниціативѣ Олега, пославшаго въ Царьградъ «мужей своихъ построить мира и положить ряды межѣ Греки и Русью»: посланы были 5 мужей, участвовавшихъ въ заключеніи перваго ряда, съ прибавкой еще 9 новыхъ пословъ, «отъ в. князя Русскаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ (князей).. по-хотѣнемъ нышихъ князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси». При Игорѣ рядъ заключенъ (945) по иниціативѣ грековъ, отрядившихъ къ русскому князю «словъ построить мира перваго». На основаніи предварительнаго соглашенія, были посланы къ грекамъ мужи—«сѣли и госте»; «рѣчи» вели русскіе послы съ греческими боярами. — въ результатъ переговоровъ было письменное изложеніе ряда, закрѣп-

Мужи-посредники, принимавшіе участіе въ рядахъ, отправляли при этомъ не одинаковыя функціи. Въ полномъ своемъ составѣ посольство въ каждомъ данномъ случаѣ вело предварительное соглашеніе, такъ сказать, объ общихъ основаніяхъ ряда и затѣмъ придавало юридическую санкцію составленнымъ на этихъ основаніяхъ условіямъ ряда посредствомъ окончательной его ратификаціи; для самаго-же «распознаванія» правды въ подробностяхъ и для редактированія по ней всѣхъ статей ряда, выдѣлялись изъ состава пословъ особые «добрые» или «лучшіе, умные мужи», спеціально знакомые съ пригодными въ данномъ случаѣ пошлинами. Эти-то мужи и являлись ближайшими «вѣщателями правды», полагавшейся въ основу отдѣльныхъ рядовъ.

На такихъ-же общихъ основаніяхъ составлялись въ старое время вѣчевые ряды общинъ съ князьями, какъ и князей между собой. Рядъ земель и общинъ съ князьями «кончали» (докончали), съ одной стороны, сами князья съ своими мужами, а съ другой — вѣчевые «послы» той земли, съ которой заключался рядъ. Дошедшіе до насъ ряды Новгорода съ князьями русскими и литовскими составлялись со стороны Новгорода послами отъ главныхъ органовъ земскаго наряда; обыкновенно въ составѣ вѣчевыхъ посольствъ выдѣляются двѣ различныя части представительства: нѣсколько пословъ (2 — 3 мужа) отряжалось отъ владыки, посадника и тысяцкаго (степенныхъ) и отъ

леннаго имени мужей — рядцевъ; окончательная ратификація послѣдовала въ Кіевѣ. Посольство состояло изъ словъ и гостей (или купцовъ). Между послами на первомъ планѣ стоитъ соль в. князя; затѣмъ слѣдуютъ «обчія сли: послы отъ сына, жены и двухъ «нети» (племянниковъ) в. князя и 21 посоль большею частию съ двойными именами (такой то отъ такого то). «Гостье» перечислены въ числѣ 26-ти купцовъ. Послы и гости посланы были «отъ в. князя Русскаго, и отъ всякаго князя (въ нѣкот. спискахъ княженія), и отъ всѣхъ людей Рускія земли». Въ послыхъ съ двойными именами историки не безъ основанія видятъ представителей отдѣльныхъ княжествъ или просто князей, сидѣвшихъ по городамъ русскимъ (о такихъ князьяхъ говорится въ первомъ рядѣ Олега). Гости и купцы явственно отличаются отъ княжескихъ пословъ; они принадлежали къ лицамъ, избраннымъ «людьми Русекой земли», т. е. общинами, или, какъ полагаетъ Срезневскій, старшинами и народомъ, правляяще—городами, отряжавшими своихъ «купцовъ» въ составъ посольства (см. Погодина Исслѣд. I, 141; Соловьева Ист. I, 118; Вязлева Русь, 98, 100; Срезневскаго Изв. Ак. Н. Ш, 263 и сл.). Святославовъ рядъ съ греками заключенъ также при посредствѣ «лучшихъ мужей», посланныхъ къ царю въ Доростоль; самая же редакція ряда была поручена двумъ лицамъ—дружииннику русскаго князя (Свѣнелду) и греч. савоннику (Феофилу Синягу). Подобнымъ-же образомъ составленъ былъ рядъ новгородцевъ съ нѣмцами въ 1195 г.: сперва имѣло мѣсто въ Новгородѣ предварительное совѣщаніе князя и вѣча съ нѣмецкимъ посломъ (Арбудомъ), а затѣмъ былъ отправленъ къ нѣмцамъ изъ Новгорода русскій посоль (Грига), который совместно съ нѣмецкимъ представителемъ (быть можетъ, тѣмъ-же посломъ, который велъ предварительные переговоры въ Новгородѣ) и составилъ окончательную редакцію «правды», изложенной въ отдѣльныхъ статьяхъ ряда (См. Буд. Хр. I, 92).

«всего великаго Новгорода мужей волныхъ» (т. е. вѣча), а затѣмъ нѣсколько пословъ—отъ «житыхъ людей» (т. е. собственно народа). И здѣсь, какъ и при заключеніи рядовъ съ нѣмцами, ближайшее редактированіе докончанія поручалось не всему составу пословъ, но только немногимъ, болѣе другихъ знавшимъ пошрины мужамъ — представителямъ каждой изъ рядившихся сторонъ (см. А. А. Э. I, 8, 32, 57, 58, 87, 91; А. И. I, 258; Собр. гос. гр. 1 и слѣд. Ср. Соловьева объ отнош. Новгорода къ вел. князьямъ, въ Чтен. Общ. ист. и др. 1846, № 1; Сергѣевича Изслѣд. 232 и слѣд.). — Междукняжескія докончанья составляли предметъ княжескихъ сѣздовъ, на которыхъ князья, въ присутствіи своихъ мужей, лично «кончали» условія ряда. Нерѣдко также употреблялись для этого особые послы-посредники, или трети, избравшіеся изъ княжихъ мужей; иногда-же приглашались и посторонніе князья и духовныя особы (владыки), принимавшія на себя посредничество между рядившимися князьями (см. Сергѣевича Изслѣд., 275 — 281) E

Что касается Русской Правды, то какъ-бы ни разрѣшался вопросъ о происхожденіи и составѣ ея, въ смыслѣ-ли officialнаго, или частнаго сборника, нельзя однако отрицать того, что этотъ памятникъ, по общему своему характеру и по свойству изложенныхъ въ немъ институтовъ права, близко подходитъ подъ общій типъ средневѣковыхъ Ewa, pactum или Willkühren — права автономныхъ общинъ, находившихся между собой въ союзныхъ отношеніяхъ. Въ Правдѣ записывались не законы въ нашемъ смыслѣ, но именно такія нормы, которыя несомнѣнно коренились въ обычномъ правѣ и обязательная сила которыхъ распространялась на общины, вступавшія по ряду въ союзныя отношенія, какъ автономныя части отдѣльныхъ земель—волостей. При такомъ общемъ типѣ памятника, легко опредѣлить значеніе органовъ, принимавшихъ участіе въ констатированіи «поконовъ», «законовъ» и «уставовъ», изъ которыхъ составила Правда въ отдѣльныхъ частяхъ и въ полномъ ея объемѣ. Въ дѣятельности такихъ органовъ нельзя ни коимъ образомъ исвать функцій «законодательной власти» въ нашемъ смыслѣ. Если князья съ мужами «отложиша оубиеніе за голову, но (установили) коунами ся выкупати» (или «оуоставили и до третиаго рѣзу, аже емлетъ коуны въ рѣзъ» и пр.), то это еще не значитъ, что князья устанавливали новыя «законоположенія». Какъ замѣчено раньше, ни старые князья, ни вѣча не сознавали идеи творчества законодательной функціи: ихъ заботой было лишь охраненіе старой пошрины, чтѣ и осуществлялось распознаваніемъ пошринъ и записываніемъ ихъ въ «правды», «пошлинныя» и «уставныя» грамоты и пр., а также «выписываніемъ» изъ нихъ отжившихъ пошринъ или «новинъ», которыя вкрались въ грамоты, при первоначальномъ констатированіи и записываніи въ нихъ пошлинъ. Если пошлина окажется неподходящей—«не любя будетъ» (П. с. гр. 108), т. е. станетъ «выживать», терять свою старую юридическую силу, то вся задача ⁸смаго

нарядника (будетъ ли это вѣче, или князь, — безразлично) ограничивалась лишь отмѣной обязательной силы такой пошлыны («вольно выписать вонъ изъ грамоты», — *ib.*) и внесеніемъ въ уставъ (въ замѣнъ устарѣвшей пошлыны) новой пошлыны, разъ таковая образовалась и назрѣла въ самой жизни. Все это весьма не похоже на ту самостоятельную творческую функцію, какую мы привыкли соединять съ понятіемъ «законодательной власти». Отсюда понятно само собою, что ни сами князья, составлявшіе «уставы», «законы» и «уроки» Правды, не являлись еще законодателями, ни мужи ихъ, участвовавшіе въ изданіи такихъ уставовъ, не могли составлять изъ себя «законодательныхъ» думъ, или «Gesetzcommissionen», въ качествѣ «Staatsbeamten», *ex officio* опредѣлявшихъ различныя подробности по суду и пр. (см., напр., Tobien Die Prawda Russkaja, введене) ¹⁾. Ни князья, ни мужи не «созидали» нормъ права (какъ «творять» ихъ теперешніе законодатели), но лишь «припоминали» и записывали обычай, которые обязательно дѣйствовали въ жизни именно потому, что это были стародавнія пошлыны и старины, *обязательныя* по этому самому для всѣхъ и каждаго. Въ сѣздахъ князей и «представителей подчиненныхъ имъ городовъ», уставлявшихъ «уроки» и «поконы» Правды (напр., при Владимірѣ Мономахѣ), нельзя усматривать думъ въ смыслѣ «законодательныхъ» собраній, аналогическихъ съ современными парламентскими собраніями и комиссіями. Въ отношеніи къ «законамъ» старые князья, и на своихъ сѣздахъ, и въ одиночной дѣятельности по земскому наряду, дѣйствовали не въ качествѣ автономныхъ «legislatores», самопроизвольно творившихъ законы, но лишь въ болѣе скромной роли, вполнѣ отвѣчавшей однако всему строю жизни старой общины, — роли «legum custodes», оберегателей правды отъ нарушеній, возможныхъ во всѣхъ видахъ и формахъ. Точно также и «представители городовъ» являлись не парламентскими депутатами или «чинами», но играли болѣе скромную и тѣмъ не менѣе весьма существенную и важную роль «паметарей», или «вѣщателей» права, — точно такихъ же, какъ и добрые мужи Винодольской или Каставской общинъ, припоминавшіе старые «законы» и записывавшіе ихъ въ законники и статуты. Загѣ-

¹⁾ Такому-же внесенію современныхъ намъ понятій въ совершенно чуждый имъ бытъ стараго времени. — исканію въ прошломъ «явленій, къ которымъ привыкли въ окружающей дѣйствительности», слѣдуетъ приписывать такія положенія, какъ о «законодательной власти сѣзда князей съ участіемъ Думы ихъ, составленной изъ бояръ» (по поводу «надписанія» къ уставу Мономаха), — объ ограниченіи дѣятельности этой законодательной власти изданіемъ отдѣльныхъ постановленій, вызванныхъ случайною необходимостію, — вообще о «законодательной власти», принадлежавшей князю уже во время Рус. Правды, — о томъ, что «въ сферѣ законодательства вѣчу сначала принадлежали меньшія права, чѣмъ князю и думѣ» и пр. Подобныя положенія рѣшительно не оправдываются характеромъ «власти», принадлежавшей князьямъ, думамъ и вѣчамъ въ древне-русскихъ земляхъ.

тимъ при этомъ, что такое записываніе пошлинъ въ законники ни мало не возвышало и не умаляло обязательной силы и дѣйствія пошлинъ. Кто бы и какъ бы ни записывалъ пошлины въ уставахъ, — это было совершенно безразлично для обязательности самихъ пошлинъ. Констатировались ли пошлины въ вѣчевыхъ или княжескихъ уставахъ, или ихъ «припоминали» и записывали на память современникамъ и потомству частныя лица въ своихъ партикулярныхъ записяхъ и книгахъ; но разъ пошлины записаны въ нихъ вѣрно, какъ они дѣйствуютъ и практикуются въ самой жизни, частныя записи, со всѣми записанными въ нихъ пошлинами, должны были получать въ практикѣ стараго нарядника — судьи такое-же важное и обязательное значеніе, какъ и уставы, составленные на вѣчахъ и княжескихъ сѣздахъ. Зеркала Саксонское или Швабское старыхъ германцевъ, частныя записи англійскаго Common Law, чешскія Zřízení zemske Андрея Дубскаго или Dewateri knihu Вшеградскаго, также наша Русская Правда (если признавать ее частнымъ сборникомъ), не потому приобрѣтали официальное значеніе, такъ угодно было администраціи, но именно потому, что иначе не могло быть. Разъ явилась точно составленная запись *обще-обязательныхъ* пошлинъ, запись eo ipso становилась сама обязательной, совершенно безразлично—кто и какъ ее составилъ. Дѣло было вовсе не въ частной записи или официальномъ уставѣ, а въ томъ, что всякая пошлина считалась обязательной для всѣхъ *помимо* всякихъ уставовъ вѣчъ и князей. Дѣйствительно, пошлины приобрѣтали полную и абсолютную обязательность далеко раньше того времени, какъ ихъ стали записывать въ уставы. Пошлины, опредѣлявшія внутренній бытъ общинъ, слагавшихся въ автономныя земли — волости, образовались, какъ уже замѣчено раньше, путемъ послѣдовательныхъ «рядовъ» общинъ, опредѣлявшихъ твердыми нормами обычнаго права свои взаимныя отношенія и внутренній бытъ всего ихъ союза. Могло пройти затѣмъ нѣсколько вѣковъ прежде, чѣмъ такія обычныя нормы, прочно державшіяся въ жизни общинъ, стали записываться и вноситься въ уставы вѣчевые и княжескіе или въ частныя записи. Нельзя поэтому думать, что нормы права, записанныя въ Рус. Правдѣ или Псковской «пошлинной» (судной) грамотѣ, только съ этихъ поръ сдѣлались «обязательными законами». Нужно притомъ помнить, что въ старые уставы вносились далеко не всѣ пошлины, имѣвшія на дѣлѣ силу обязательныхъ нормъ права: записывались только такія пошлины, которыя почему либо необходимо было упредить, наприм., въ виду частаго ихъ нарушенія со стороны самихъ нарядниковъ — судей и частныхъ лицъ, также ради того, чтобы пошлины не забывались въ народной памяти и т. п. Но разъ внесена пошлина въ уставъ, еще не значитъ, что она получила болѣшую обязательность и силу, чѣмъ пошлины, не записанныя въ уставы и державшіяся въ жизни путемъ одного преданья. Въ дѣлѣ обязательности обычавъ записываніе ихъ въ уставы не вносило никакой существенной разницы между пош-

динами записанными и незаписанными. Все это сводится къ тому, что, при указанномъ характерѣ и значеніи старыхъ памятниковъ, вопросъ о томъ, какъ, наприм., произошла наша Правда,—есть ли она официальное дѣло князей съ мужами, или же только частный трудъ какого либо собирателя народныхъ обычаевъ, не можетъ имѣть никакого существеннаго значенія при оцѣнкѣ самихъ институтовъ права, записанныхъ въ Правдѣ; да и вообще говоря, отъ такого или иного рѣшенія упомянутаго вопроса вовсе не зависитъ признаніе бѣльшей или меньшей важности Правды—одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ дѣятельности древнерусскихъ вѣщателей права. Правда, какъ видно по всему, представляетъ собой совокупность нѣсколькихъ разновременныхъ сборниковъ, въ которыхъ записаны нормы, первоначально образовавшіяся исключительно на почвѣ обычнаго права отдѣльныхъ общинъ и затѣмъ получавшія признаніе въ междусоюзномъ быту цѣлыхъ земель — волостей, образовавшихся изъ себя путемъ ряда общинъ автономическія федерации, жившія по своей общей, междусоюзной «правдѣ». Самый процессъ постепеннаго образованія, какъ земскихъ федераций, такъ и легшихъ въ ихъ основу рядовъ и нормъ права, лежитъ собственно за предѣлами исторіи: исторія застаётъ у всѣхъ восточныхъ славянъ исполнѣ сложившимся земскій строй общинъ, какой затѣмъ держится въ теченіе цѣлаго ряда послѣдующихъ вѣковъ исторической жизни русскихъ славянъ. Междусоюзные ряды, впрочемъ, и на глазахъ исторіи постоянно поддерживались и вершились земцами и ихъ нарядниками — князьями, — «уставы» появились при первыхъ-же князьяхъ — Рюриковичахъ: Олегѣ, Ольгѣ, Владимірѣ, Ярославѣ и др. Одни изъ такихъ «уставовъ» и «уроковъ» держались путемъ преданья; уставы-же, имѣвшіе наиболѣе практическое значеніе, записывались въ Правду или другіе самостоятельные акты. Напр., таковъ, по всему видно, «уставъ о мостахъ», приписываемый Ярославу и дошедшій до насъ не только въ составѣ Правды, но и какъ отдѣльная отъ нея статья или уставъ. Такое же значеніе можно давать «покону вирному» или «уроку Ярославлю» (Пр. ак. 42). Оба эти устава могли возникнуть при Ярославі и затѣмъ дѣйствовать параллельно съ Правдой (краткой), въ видѣ изустныхъ или письменныхъ уставовъ, пока, наконецъ, они не были внесены въ Правду во время одной изъ позднѣйшихъ ея редакцій. Точно также уставы сыновей Ярослава объ отмѣнѣ мести (Кар. 2) и о холопахъ—обидчинахъ (Кар. 76), не внесенные въ Правду, «установленную» самими Ярославичами, первоначально могли дѣйствовать тоже параллельно съ Правдой (краткой) до внесенія ихъ позже въ Правду про- странную¹⁾.

¹⁾ Такое-же значеніе отдѣльныхъ «уроковъ», появившихся первоначально въ видѣ самостоятельныхъ правилъ, могли имѣть «уроки» мостыяниковъ (ак. 43, кар. 109), уроки смердомъ — о платѣ за лошадей и скотъ (кар. 42), о накладахъ (ib. 85), уроки городніе

Изъ сказаннаго видно, что еще на первыхъ порахъ русской исторіи для дѣятельности вѣщателей права отарывалось весьма широкое и плодотворное поле не только въ судѣ, но и въ общемъ нарядѣ русскихъ земель. Только благодаря содѣйствію «знахорей» древней правды, и могли появляться уроки и уставы при первыхъ-же нашихъ князьяхъ—иноземцахъ: «устанавливать правду» въ жизни общинъ они могли не иначе, какъ лишь на почвѣ «вѣщбъ», сказаній мужей, близко знавшихъ обычное право общинъ. Дѣятельности такихъ же вѣщателей права обязаны своимъ появленіемъ и позднѣйшіе *вѣщевые уставы* — пошлинныя, судныя и крестныя грамоты Псковской, Новгородской и другихъ русскихъ земель¹⁾. Въ самомъ названіи вѣщевыхъ грамотъ «пошлинными» и «крестными» скрывается прямое указаніе на основной источникъ этихъ памятниковъ и на самый характеръ и составъ изложенныхъ въ нихъ институтовъ права: въ нихъ записаны не законы въ нашемъ смыслѣ, а тѣ-же стародавнія пошлины, которыя, по первоначальному «клятвенному», крестному ряду, приняты были въ основу быта общинъ, въ пору сложенія ихъ въ автономныя земли—волости. Вѣщевые уставы, въ существѣ дѣла, представляютъ, такимъ образомъ, такіе-же ряды, какъ и ряды русскихъ съ греками и нѣм. цами, или-же докончанья Новгорода съ князьями, съ той лишь разницей, что въ основѣ пошлинъ вѣщевыхъ уставовъ лежитъ рядъ между самими общинами, т. е. между составными элементами одной и той-же земли—волости. Псковская грамота, какъ видно изъ ея титула, «выписана» изъ старыхъ грамотъ псковскихъ князей (Александра и Константина) и «изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ», по благословенію духовенства, «всѣмъ Псковамъ на вѣчи». Настоящее значеніе ряда или докончанья дается Новгородской судной грамотѣ въ ея титулѣ: «се покочаша посадники Ноугородцкіе, и тысяцкіе Ноугородцкіе,

(108) и судебныя (118). Указанныя въ текстѣ статьи и уроки Ярослава и его сыновей, не внесенныя въ ихъ Правды, обыкновенно приводятся въ опроверженіе мнѣнія, считающаго всѣ статьи второй половины краткой Правды «законоположеніемъ», изданнымъ Ярославичами (См. Буган. Христ. I, 29, прим. 1); т. е. иначе говоря, полагаютъ, что разъ при Ярославичахъ издана была новая Правда, въ нее должны были непременно войти *все* законоположенія, появившіяся при тѣхъ же Ярославичахъ,—положеніе, съ которымъ, какъ мы видѣли, едва-ли можно согласиться.

¹⁾ Какъ извѣстно, кромѣ Пскова и Новгорода, судныя грамоты и уставы существовали въ до-московскую эпоху и въ другихъ русскихъ земляхъ. Извѣстно, что Василій Темный, по присоединеніи Ростовской области къ Московскому княжеству, дозволилъ жителямъ ея судиться по своимъ мѣстнымъ законамъ. Такое-же дозволеніе дано было Иваномъ III присоединенной при немъ къ Москвѣ Рязанской области. По извѣстію Татищева въ бібліотекѣ князя Голицына хранилась въ прошломъ вѣкѣ книга, въ которой были списаны судныя законы удѣльныхъ княжествъ. Къ сожалѣнію, книга эта погибла въ 1812 г., во время Московскаго пожара (См. Татищева Рус. Правда, предисл.).

и бояря, и житыи люди, и купцы, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь Велики Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ». На вѣчевыхъ рядахъ, какъ гласить старинная поговорка, дѣла вершились «по старой памяти, какъ по грамотѣ», — вѣча несомнѣнно были ближайшими и, по самому существу дѣла, наиболѣе ревностными «блюстителями родной правды» (см. Шпилев. Источн. 9). Но «старая память», сама по себѣ, была-бы не надежнымъ органомъ правды, если-бы не было живыхъ ея органовъ—«паматарей», вѣщателей правды на вѣчюмъ и княжескомъ нарядѣ. Не всѣ мужи — вѣчники могли быть такими паматарями,—въ ихъ роли могли являться прежде всего старцы, добрые люди, больше и лучше другихъ знавшіе пошрины и старины, о которыхъ шла рѣчь на вѣчахъ въ такихъ случаяхъ, какъ ряды о пошлинныхъ и крестныхъ грамотахъ.—Такой-же характеръ вѣчевыхъ рядовъ имѣютъ *вѣчевыя* (или «вѣчныя») *грамоты, записи и памяти* (главн. образомъ, Новгорода). Подобно суднымъ грамотамъ, они даются отъ имени «посадника, тысяцкаго, всего государя Вел. Новгорода, на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ» (иногда «съ вѣча, съ Ярославля двора»). Въ числѣ участвовавшихъ въ составленіи вѣчевыхъ грамотъ и записей упоминаются также бояре, житыи люди, купцы, черные люди. Нѣкоторыя грамоты даны «по благословенію владыки отъ посадниковъ и тысяцкихъ степенныхъ и старыхъ» и пр. (собственно малаго вѣча, или земскаго совѣта). Употреблялась и краткая формула: «по Новгородскому велѣнію всего Новгорода». Записи и грамоты давались обыкновенно «по челобитью» общинъ, монастырей или частныхъ лицъ, въ пользу которыхъ давались записи; въ такихъ челобитьяхъ нерѣдко намѣчались старыя пошрины, которыя требовалось оградить отъ нарушенія ихъ «новинами». И въ такихъ случаяхъ на вѣчевыхъ рядахъ, по самому существу дѣла, должны были являться въ дѣятельной роли старцы—вѣщатели правды.

Наконецъ, рядъ являлся регулирующимъ началомъ и при составленіи *княжескихъ грамотъ*—уставныхъ, указныхъ, жалованныхъ и пр., дававшихся князьями по совѣту и ряду съ своими думцами—боярами, а въ важныхъ случаяхъ и съ земскими старцами. Такое начало ряда находимъ въ самыхъ древнихъ актахъ этого рода, иногда и носящихъ именно названіе «ряда» (напр., церковный уставъ кн. Ярослава Владим., см. Буданова Хр. I, 224). Всеволодъ Мстиславичъ, прежде изданія своего церковнаго устава (1125—1136), «сзвалъ десять сочкихъ и старосту Болеслава, и бирица Мирошку, и старосту Ивановскаго Васяту, и погадалъ съ владыкою и съ своею княгинею и съ своими бояры и съ десятью сочкими и съ старостами» (Будан. Христ. I, 227). Точно также Ростиславъ Мстиславичъ издалъ уставную грамоту для Смоленской епископії (1150), «сдумавъ съ людьми своими» (очевидно, не съ боярской думой, а народнымъ собраніемъ, -- см. ib. 241, пр. 2). Затѣмъ, и позднѣйшія грамоты

(жалованныя и пр.) обыкновенно даются князьями, «стадавъ съ своими боярами» (А. И. I, 2 и др.). Эти-то старцы и бояре дѣйствовали при князьяхъ въ качествѣ ихъ совѣтниковъ — вѣщателей правды. Въ своей уставной дѣятельности князья не могли обходиться безъ ряда и совѣта съ своими думцами именно потому, что отъ нихъ только они могли «узнавать» пошрины, которыя должны были лежать въ основѣ всего наряда князей. Отсюда понятно, почему старые земскіе князья такъ дорожили своими боярами-думцами, — почему даже Московскіе князья, въ своихъ завѣщаніяхъ дѣтямъ, иногда считаютъ нужнымъ вести рѣчь объ отношеніи князя къ думцамъ. Таковъ совѣтъ, данный Дмитріемъ Донскимъ своимъ дѣтямъ: «бояръ же своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ дѣла коегождо, безъ ихъ думы ничтоже творите» (См. Собр. гос. гр. I, 16); или совѣтъ Симеона Гордаго: «слушали бы есте отца нашего, владыки Алексѣя, также старыхъ бояръ» (ib. 24). Для князей были необходимы бояре—думцы прежде всего и по преимуществу, какъ ближайшіе и компетентные вѣщатели правды въ княжескомъ нарядѣ.

Вѣщатели правды не совсѣмъ потеряли старое свое значеніе въ Московскомъ государствѣ. Цари постоянно совѣщались съ боярами. Судебникъ Ивана Грознаго составленъ царемъ «съ своею братьею и съ бояры». Здѣсь необходимы были именно вѣщатели обычного права: какъ объяснялъ царь на стоглавомъ соборѣ, имѣлось въ виду — «Судебникъ исправить *по старинѣ* и утвердити.; а которые *обычаи* въ прежнія времена.. и до сего настоящаго времени *поизшаталися*.. и о всякихъ земскихъ строеніяхъ и о нашихъ душахъ заблужденіе: о всемъ о семъ довольно себѣ духовнѣ посовѣтуйте.. и мы совѣтовати съ вами желаемъ» (См. Стоглавъ, въ Правосл. Соб. 1862, 2). Въ потребныхъ случаяхъ цари призывали для совѣта, не только своихъ бояръ, но и другихъ лицъ, особенно такихъ, кого, главнымъ образомъ, касалось дѣло. При составленіи Грознымъ устава о сторожевой, станичной и полевой службѣ, призваны были въ Москву сторожевыя головы и вожи, какъ люди, близко знакомые съ дѣломъ (Чтен. въ Общ. ист. и древ., годъ 1-й, кн. IV). Вліяніе вѣщателей обычного права ясно проглядываетъ затѣмъ во всей организаци и дѣятельности позднѣйшихъ Московскихъ соборовъ; наглядный примѣръ значенія вѣщателей права въ сферѣ уставной дѣятельности царей представляетъ земскій соборъ, созданный для составленія Уложенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Самымъ позднимъ переживаніемъ стараго института вѣщателей права

являются въ прошломъ вѣкъ «депутаты», призывавшіеся въ законодательныя комиссіи. Особенно выдается дѣятельность послѣднихъ моголанъ въ дѣлѣ вѣщанія обычнаго права въ законодательной сферѣ—депутатовъ, призванныхъ Императрицей Екатериной II въ составъ учрежденной ею комиссіи для составленія уложенія; въ депутатскихъ наказахъ и въ заявленіяхъ самихъ депутатовъ въ засѣданіяхъ комиссіи содержится не мало важныхъ указаній на современное обычное право, дѣйствовавшее въ различныхъ областяхъ государства.

По отпечатаніи ббльшей части настоящей статьи, оказалось необходимымъ сдѣлать въ ней нѣкоторыя поправки и дополненія.

Стр. 124: «судь съ правдою» — право судьи посылать приставовъ для вызова послуховъ посылкѣ сторонъ (А. А. Э. I, 13, 215, 221. См. Мрочекъ—Дроздовскаго Исслѣд. о Рус. Пр. 24 и слѣд.).—Мѣсто это *замѣняется слѣдующей поправкой:* (А. А. Э. I, 13, 221). Въ смыслѣ же *послушества* объясняютъ значеніе «правды» въ жалованныхъ грамотахъ на волости, дававшихся въ кормленіе съ правдою и безъ правды (Доп. А. И. I, № 215). Мрочекъ — Дроздовскій полагаетъ, что въ данномъ случаѣ правда означаетъ право судьи посылать приставовъ для вызова послуховъ (Исслѣдов., 29); но такое толкованіе ничѣмъ не мотивировано и едва ли имѣетъ какое либо серьезное основаніе. Въ источникахъ нѣтъ нигдѣ никакихъ сколько нибудь подходящихъ указаній на возможность ограниченія судей въ правѣ вызывать послуховъ, разъ сдѣлана на нихъ ссылка сторонами. Нельзя согласиться и съ мнѣніемъ проф. Дювернуа по тому-же вопросу—о значеніи кормленія съ правдою и безъ правды, именно «въ смыслѣ разныхъ *доходовъ или кормовъ*», дававшихся кормленщикамъ: «дѣло идетъ не о степени власти», а о томъ, что намѣстникъ «не всегда могъ брать въ свою пользу все судебныя сборы, которые шли съ города. Въ числѣ такихъ сборовъ есть особый, называемый «*правдою*» (Источн., 349). Въ основѣ изложеннаго мнѣнія лежитъ явное недоразумѣніе. Въ источникахъ, на которыхъ основано это мнѣніе, дѣйствительно говорится о правдѣ въ смыслѣ «*дохода*», но только въ пользу доводчиковъ и приставовъ, а не самихъ судей. Таковы положенія Судебника 1497 г. (ст. 38): «а не доищется ищя своего, а будетъ виноватъ ищя... доводчику имати (на ищю) хоженое и ѣздъ и *правда* по грамотѣ», — или уставной Бѣлозерской грамоты (1488): «а ѣздъ (приставовъ) въ станы и въ волости на двѣ версты денга, а въ городѣ хоженого денга, а на *правду* вдвое» (Владим. — Будан. Христ. II, 63 и 84). И въ другихъ актахъ «*правда*» всегда ставится рядомъ только съ ѣдомъ и хожанымъ

(Ар. Юр. В. I, № 31, XIX). Какъ замѣчено выше, правда въ данномъ случаѣ означаетъ плату пристава вдвое за «ѣздъ на правду», т. е. для вызова свидѣтелей къ суду (см. напр., А. А. Э. I, № 5); въ уставной Двинской грамотѣ (ст. 8) «позовы» и «правда» — совершенно тождественныя выраженія (Владим.-Буд. Христ. I, 128). Затѣмъ, изложенное мнѣніе имѣетъ въ виду слѣдующую формулу, обыкновенно встрѣчающуюся въ жалованныхъ грамотахъ о смѣстномъ судѣ (см. наприм., А. И. I, № 205 и др.): «правъ-ли, виновать-ли, мой чело-вѣкъ намѣстнику моему и въ *правдѣ* и въ винѣ, оприсно истцовы вины», т. е. и при оправданіи, и при обвиненіи, сторона отвѣчаетъ (наказывается по суду, платитъ пошлины, протори и пр.) только предъ своимъ судьей, кромѣ такъ называемой «истцовой вины», которая соответствуетъ продажѣ Рус. Правды и потому, какъ уголовный штрафъ (а не судебная «пошлина»), исключалась изъ компетенціи судей (О значеніи «вины» въ смыслѣ продажи Рус. Правды см. Устав. Двин. гр. ст. 1, 4 и др.). Здѣсь говорится о *правдѣ* въ общемъ смыслѣ *оправданія* по суду, а нисколько не дохода въ пользу судьи: изслѣдователи финансовыхъ учрежденій древней Россіи доселѣ не открыли въ источникахъ ни малѣйшихъ указаній на искомое значеніе «правды», въ общемъ ли смыслѣ «доходовъ» и «кормовъ» судей, или въ смыслѣ какаго либо «особаго вида судовой пошлины», слѣдовавшей непосредственно въ пользу судей. Ближе къ истинѣ «догадка» Дмитріева. Въ кормленіи съ правдой и безъ правды онъ видитъ кормленіе съ *судомъ уголовнымъ* и безъ него (Ист. суд. инст., 22). Дѣло въ томъ, что въ старое время правомъ окончательно вершить всѣ дѣла гражданскія и уголовныя въ областяхъ пользовались, главнымъ образомъ, намѣстники, а иногда и волостели (см. напр. А. А. Э. I, № 150 201), также нѣкоторые монастыри и другіе грамотчики и тарханщики (Мейч. Грам., 22). Это-то право суда безъ особыхъ ограниченій извѣстно было въ старину подъ общимъ титуломъ «правды» (см. въ началѣ статьи разборъ различныхъ понятій правды). Впослѣдствіи, съ установленіемъ доклада, ограничившаго юрисдикцію областныхъ судей и тарханщиковъ, «правда» въ старомъ объемѣ получила характеръ особой компетенціи московскихъ бояръ да мѣстныхъ правителей областей, пользовавшихся особыми «уставными» льготами, въ особенности земель Новгородской, Псковской, Двинской и др. (см. Дмитріева, 21; Владим. — Будан. Христ. II, 86, прим. 70). Кромѣ того, такія-же привилегіи представлялись отдѣльнымъ намѣстникамъ и волостелямъ, каждый разъ на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ, обыкновенно въ видѣ срочныхъ «кормленій». Въ такихъ случаяхъ «право судить съ докладомъ или безъ доклада сообразовалось съ степенью государственнаго значенія судьи», какъ и вообще могло каждый разъ зависѣть отъ разныхъ мѣстныхъ причинъ, вмѣстѣ съ «личнымъ довѣріемъ» князя къ тому, кто назначался намѣстникомъ (Дмитріева, 21; Дювернуа, 348). Что не исключительно однимъ «личнымъ довѣріемъ»

или «служебнымъ значеніемъ» судей руководились князья, при назначеніи кормленій съ правдой и безъ правды, показываютъ случаи, когда одно и тоже лицо получало въ кормленіе волости и городъ, но въ качествѣ волостеля судило безъ правды, а намѣстника — съ правдой (см. Доп. А. И. I, № 215, гр. II и III). «Правда» кормленщиковъ въ волостяхъ всегда была болѣе безконтрольной, болѣе благоприятствовала «налогамъ» и «продажамъ», заставлявшимъ населеніе уклоняться отъ мѣстнаго, волостнаго суда, чѣмъ правда городскаго кормленщика; ему можно было болѣе безопасно ввѣрять широкія полномочія по суду. Эти-то мѣстныя условія объясняютъ преобладаніе въ старое время докладнаго суда не только въ княжескихъ «вотчинахъ» съ ихъ системой приказныхъ кормленій, но и, наприм., въ Новгородѣ, гдѣ докладной судъ былъ изстариннымъ институтомъ, записаннымъ въ Новг. суд. грамотѣ. Затѣмъ, остальные намѣстники и волостели, не получившіе права на судъ «съ правдой» вообще не могли безъ доклада боярамъ казнить татей и иныхъ лихихъ людей. Въ такомъ болѣе тѣсномъ значеніи уголовного суда «правда» и получила позже специальное названіе *боярскаго суда*. Въ «правдѣ—судѣ боярскомъ» удерживалось древнее понятіе о судѣ, въ смыслѣ такой-же самостоятельной и полной юрисдикціи мужей-нарядниковъ, какъ и «правда княжая», безъ особыхъ ограниченій, получившихъ въ послѣдствіи окончательное опредѣленіе въ Судебникахъ. О «боярскомъ судѣ» въ указанномъ смыслѣ говорится въ жалованныхъ грамотахъ XV вѣка: «а что есмь васъ пожаловалъ въ Бѣжецкомъ Версѣ своимъ судомъ боярскимъ, и вы бы тѣхъ людей монастырскихъ... тѣмъ моимъ судомъ не судили»; «а намѣстники мои бѣжецкіе и ихъ тивуни игуменова пригазника ни моимъ судомъ в. князя, ни боярскимъ судомъ не судятъ» (Мейч. Грам. 22). Въ смыслѣ такого-же боярскаго суда слѣдуетъ понимать и «правду» въ жалованныхъ грамотахъ XV и начала XVI вв. намѣстникамъ и волостелямъ, получавшимъ кормленіе съ правдою и безъ правды. Такова жалованная грамота, данная в. княземъ Василіемъ Ивановичемъ въ 1511 г. Дмитрію Аминеву на волость «съ правдою въ кормленье»; здѣсь волостелю — кормленщику представляется судъ «по старой пошлнѣ (обычаю), какъ было прежде сего», т. е. безъ ограниченія суда докладомъ. Ограниченіе судебной власти волостеля появляется во второй грамотѣ (1523): «Се язъ князь велики Василей Ивановичъ всея Руси пожаловалъ есмь Семена Дмитріева сына Аминева Жылинымъ, *безъ правды*, подъ третьякомъ Шейкинымъ, въ кормленье: и вы всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте; а онъ васъ вѣдаетъ и *судитъ* (очевидно, кромѣ дѣлъ уголовныхъ) и ходитъ у васъ по тому, какъ было прежде сего». Въ случаѣ уклоненія отъ подсудности волостелю («а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обохъ истцовъ передъ Семеномъ, или передъ его тіуномъ... а которой тѣхъ обохъ истцовъ передъ Семеномъ, или передъ его тіуномъ, не учнетъ исгати или отвѣчати»), приставъ и стороны штрафуются, — первый «ѣзду лишень»,

последнихъ — «обвинити, и грамоту правую на того дати» (Доп. А. И. I, № 215). Правило это показываетъ, что на дѣлѣ и та ограниченная «правда», какая была предоставлена волостелю, мало удовлетворяла волостныхъ людей, предпочитавшихъ обращаться прямо къ суду князя или бояръ, какъ къ «правдѣ», болѣе обезпечивавшей интересы населенія. — Со времени установленія въ московскихъ законахъ правительственнаго контроля по дѣламъ холопыми, по подсудности не отличавшимся въ прежнее время отъ другихъ гражданскихъ дѣлъ, въ исключительную компетенцію боярскаго суда вошли, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, также и дѣла холопы — выдача отпускныхъ, правыхъ и другихъ грамотъ на холоповъ (см. старый Судеб. ст. 20, 43; цар. Суд. 63, 66, 77). Дмитріевъ, понимая въ смыслѣ уголовного суда «норменіе съ правдою» жалованныхъ грамотъ XV в., полагаетъ, что «между намѣстниками съ судомъ боярскимъ и безъ боярскаго суда надобно допустить еще третью степень, — такихъ, которые судили дѣла холопы, но дѣлъ уголовныхъ не судили» (Ист. судинст., 22). Последнее положеніе едва ли вѣрно. До Судебниковъ дѣла холопы, какъ замѣчено, не выдѣлялись въ особую компетенцію; наравнѣ съ другими гражданскими дѣлами, они подлежали общей «правдѣ», т. е. въ равной мѣрѣ могли вѣдаться намѣстниками съ судомъ боярскимъ и безъ него. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого основанія допускать въ это время третью степень намѣстниковъ. Въ эпоху Судебниковъ точно также различаются только двѣ степени намѣстниковъ, изъ коихъ одни судили безъ доклада дѣла уголовныя и холопы, другіе же не судили, — боярскій судъ обнималъ въ эпоху Судебниковъ дѣла того и другаго рода (см. наприм., старый Судеб., 43). Были различія по холопыми дѣламъ (съ царскаго Судебника), въ особенности по выдачѣ отпускныхъ грамотъ (см. цар. Суд. 63, 66, 77); но такія различія еще не даютъ основанія допускать третью степень намѣстниковъ въ указанномъ выше значеніи. И по дѣламъ уголовнымъ одинаково рѣшается въ обоихъ Судебникахъ вопросъ о намѣстническомъ судѣ съ докладомъ и безъ доклада. Въ этомъ отношеніи царскій Судебникъ не ввелъ, въ существѣ дѣла, ничего новаго, — какъ видно изъ 60 и 71 ст. Судебника, въ немъ удерживается такое же различіе между намѣстниками въ отношеніи къ докладу по уголовнымъ дѣламъ, какъ и въ старомъ Судебникѣ (см. Владим. — Будан. Христ. II, 156, прим. 160; ср. Дмитріева, 21, гдѣ высказано противоположное мнѣніе, очевидно, безъ соображенія съ 60 ст. цар. Судебника).

Стр. 167 (строка 27): «нормы, принятыя по ряду вѣча, князей и пр.». Слѣдуетъ прибавка: Кромѣ докончанья, рядъ въ древнихъ памятникахъ отождествляется также съ *установленіемъ* (уставомъ), какъ это видно изъ церковнаго устава Ярослава Владим., въ которомъ выраженіе: «а кто уставленіе мое порушитъ», замѣняется равнозначительнымъ выраженіемъ: «а порушитъ рядъ мой» (Владим. — Будан. Христ. I, 224).

Стр. 199 (строки 6 — 13): «Нѣкоторые изслѣдователи полагають..... о которой даютъ показанія на судѣ (Пахмана о суд. доказ., 125—127; Мрочекъ. Дрозд. О Рус. Правдѣ, 246)»; *мѣсто это замѣняется слѣдующей поправкой*: Нѣкоторые изслѣдователи полагають, что какъ видогаъ есть *testis de visu*, свидѣтель «по виду», очевидецъ, такъ послухаъ — *testis de auditu*, свидѣтель «по слуху». Названіе послухаъ могло произойти отъ того, что онъ знаетъ о данныхъ обстоятельствахъ *по слуху* отъ другихъ, т. е. по наслышкѣ (Пахмана о судеб. доказат., 48—49). Другіе полагають, что послухомаъ назывался тотъ, кто *непосредственно слышалъ* обстоятельства, о которыхъ свидѣтельствуетъ на судѣ. Въ этомъ смыслѣ «послухаъ отличается отъ свидѣтеля по слухамъ: таковой, по Судному Закону, вовсе не допускается къ свидѣтельству. Разумѣется, одно—можно *видѣть*, а другое — *слышать*, но лице, непосредственно слышавшее, какъ и видѣвшее, что либо, признается *знахаремъ* этого случая, *свидѣлемъ*» (Энгельмана гражд. зак. Псков. суд. грам., 137; Пахмана о судеб. доказат. 125; Мрочекъ—Дроздовскаго Изслѣд. о Рус. Пр., 245—246).

В. Ш. Леонтовичъ.

О П Е Ч А Т К И.

СТРАНИЦА.	СТРОКА.	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
112	28	Иречка Slav. Recht	Иречка Recht in Böhln.
114	1	vénod, ku pravui	vénodi, ku pravu
134	30	Bārbaris	Barbaris
›	36	Slovorum	Slavorum
136	10	соотвѣтствуютъ	соотвѣтствуютъ
138	6	Weisthümer	Weisthümer
›	32	обстракція	абстракція
140	24	источникъ—юристъ	историкъ—юристъ
141	32	Аделунга Шлегеля	Аделунга, Шлегеля
152	11	Крестичъ	Крестичъ
153	10	язы	языку
157	14	дѣль	дѣя
173	37	братню	братию
174	11	Іерингъ	Іерингъ
177	1	вѣщатель	вѣщатели
179	16	спроса	опроса
199	31	слушавшимъ	слышавшимъ
227	7(снизу)	поклѣну	поклѣну
245	4(сверху)	дневному	давнему
250	5	ближайшемъ	ближайшемъ
257	1	слаго	сваго
260	3	моты	мотъ
264	2	на Ярославѣ дворѣ.	на Ярославѣ дворѣ. Въ до- говорѣ Новгорода съ в. кн. Иваномъ Вас. 1471 г., Новго- родская судная грамота пря- мо названа грамотой «докон- чальной» (См. А. А. Э. I, 91).

Раскопки въ двухъ городищахъ близъ Цимлянской станицы на Дону.

В. И. Сизова.

Весной 1883 года въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, по инициативѣ гр. А. С. Уварова, возникла мысль изслѣдовать какую-либо мѣстность, которая могла бы дать наиболѣе интересный археологическій матеріалъ для

пополненія и уясненія нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ нашей древней исторіи. Избранная специально для опредѣленія такой мѣстности коммиссія пришла къ заключенію, что на первый разъ было бы желательно изслѣдовать берега Дона съ цѣлью опредѣлить положеніе Саргела. Близайшимъ лѣтомъ Общество и поручило мнѣ произвести эти изысканія.

Отправляясь съ этимъ порученіемъ на Донъ, я рѣшился объѣхать берега этой рѣки, начиная отъ устьевъ и нижняго теченія, вверхъ приблизительно до впаденія Медвѣдицы, принимая во вниманіе, въ данномъ случаѣ, путешествіе Пимена. Съ другой стороны, не желая стѣснять своей системы изысканій, я не считалъ полезнымъ придерживаться какой-либо изъ научныхъ теорій, объясняющихъ положеніе Саргела; я предполагалъ производить пробныя раскопки вездѣ, гдѣ найдется подходящий для этого матеріалъ, о которомъ я и старался собирать свѣдѣнія у мѣстныхъ жителей. Важнѣйшимъ признакомъ отыскиваемого города я считалъ кирпичныя стѣны, сложенныя византійскимъ способомъ, такъ какъ объ устройствѣ этихъ стѣнъ грекомъ Петрономъ упоминается подробно въ разсказѣ Константина Порфиророднаго. На основаніи собранныхъ свѣдѣній мнѣ пришлось изслѣдовать мѣстности въ окрестностяхъ станицъ Семикаракарекой, Цимлянской, Каменецкой, Голубинской и Качалинской. Изъ всѣхъ изслѣдованныхъ мѣстностей городище близъ Цимлянской станицы, за лѣвымъ берегомъ Дона, обратило на себя мое особенное вниманіе: трехдневныя раскопки въ этомъ обширномъ городищѣ открыли прекрасно сложенныя кирпичныя стѣны и кромѣ того доставили много мелкихъ вещей. Вслѣдствіе моего доклада о произведенныхъ на Дону изслѣдованіяхъ, Археологическое Общество вновь поручило мнѣ продолжать изслѣдованія въ городищѣ близъ Цимлянской станицы.

Желая теперь изложить результаты своихъ послѣднихъ изслѣдованій, я долженъ замѣтить, что на этотъ разъ, къ сожалѣнію, могъ посвятить раскопкамъ не болѣе двухъ недѣль, причемъ я пользовался помощью В. К. Трутовскаго.

Цимлянская станица лежитъ на правомъ берегу Дона; верстахъ въ четырехъ отъ станицы, по другую сторону рѣки, по направленію къ востоку, находится т. н. «Попово городище», расположенное вблизи «Поповыхъ хуторовъ». Недалеко отъ городища приходится переѣзжать чрезъ т. н. «старый» Донъ, образующій въ настоящее время не протокъ, а ерикъ; отъ этого ерика отдѣляется Чигонацкій ерикъ, обтекающій съ восточной стороны Попово городище. Самое городище занимаетъ возвышенность, ограниченную съ одной стороны вышеупомянутымъ ерикомъ, а съ южной и западной сторонъ—искусственно вырытой широкой канавой, представляющей въ настоящее время сухое русло. Во время половодья вся окрестная мѣстность заливается водою, которая, однако, не захватываетъ возвышенности, гдѣ расположено городище; въ это

время пароходы съ Дона останавливаются вблизи городища — у Поповых хуторов и нагружаются здѣсь скотомъ, пригоняемыхъ изъ степей.

Уже въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ казаки привыкли пользоваться кирпичемъ изъ этого городища: такъ и теперь существуютъ въ Цимлянской станицѣ дома, нижній этажъ которыхъ сложенъ изъ древняго кирпича квадратной формы, а поселокъ «Поповы хутора» выстроенъ сплошь изъ того-же матеріала. Пространство, занятое городищемъ, можно считать около трехъ десятинъ. Планъ городища представляется въ видѣ трапеціи, вытянутой по линіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ.

Раскопка моя производилась посредствомъ ряда траншей отъ краевъ городища внутрь, т. е. поперекъ предполагаемыхъ стѣнъ, со стороны восточной и юго-восточной, такъ какъ съ этихъ сторонъ городище сохранило болѣе цѣльную поверхность, обрывистую и болѣе высокую (Траншеи эти обозначены на планѣ буквами а, в, с, d, e, f, k, l.). Траншеи дѣйствительно пересѣкли стѣну, окружающую городище, сложенную изъ кирпичей квадратной формы такимъ образомъ, что ряды кирпичной кладки, шириной въ одинъ кирпичъ, образовали края стѣнки, а середина была забучена битымъ кирпичемъ. Кирпичи владены на крѣпкой извести или цементѣ. Ширина стѣны повсюду имѣла 22 вершка, а въ высоту она сохранила отъ одного до двухъ аршинъ. На юго-восточномъ краю городища стѣна находилась на глубинѣ болѣе сажени. Удаляясь отъ края вглубь городища, на глубинѣ отъ одного до двухъ аршинъ, въ траншеяхъ открывались постройки совершенно особеннаго характера: онѣ представляли городьбу изъ обломанныхъ кирпичей нижней постройки, изъ которыхъ выкладывались стѣнки въ видѣ полукруга и квадрата; иногда же попадалась кладка цилиндрической формы на подобіе неглубокаго колодца, имѣвшаго, быть можетъ, назначеніе мельницы, такъ какъ тутъ же внутри былъ найденъ ручной жерновный камень. Среди этой городьбы попадались кухонные отброски въ видѣ костей животныхъ, большаго количества рыбьей шелухи и проса. Въ этихъ верхнихъ кладкахъ кирпичъ попадался не цѣльный; притомъ складывался онъ насухо или съ помощью глины, цемента не было и слѣда.

Благодаря этому обстоятельству, кладку эту можно было легко разбирать, а разбирать ее приходилось для того, чтобы, углубляясь, открыть стѣны нижней, болѣе древней и солидной кладки. Кромѣ уже упомянутыхъ стѣнъ, въ траншеѣ внутри городища (на планѣ—В) была открыта древняя стѣна какого-то зданія, имѣвшаго, повидиму, закругленіе; стѣну эту удалось изслѣдовать только на $4\frac{1}{2}$ аршина въ длину; она была сложена также изъ квадратнаго кирпича, но бута въ срединѣ не замѣчено; съ одной стороны она была покрыта толстымъ слоемъ штукатурки, ширина ея была 23 вершка. Кирпичи ея были крупнѣе тѣхъ, изъ которыхъ сложена городская стѣна. Близъ этой стѣны были найдены мною два креста—складня, отлитые изъ мѣди, оба креста лежали у ске-

лета; скелеть этотъ не можетъ считаться погребеннымъ, потому что онъ лежалъ выше аршина отъ грунта и выше стѣны; положеніе его не было правильнымъ и лежалъ онъ въ слоѣ мусора. Другой скелеть былъ найденъ близко поверхности земли, у самаго края городища, въ траншеѣ *a*; у него на шеѣ оказалась глиняная, грубая прописка оливковой формы и размѣромъ напоминающая пряслицы.

Сравнивая постройки нижнія, грунтовыя, съ постройками верхнихъ слоевъ можно смѣло предполагать, что обѣ постройки относятся къ разнымъ народностямъ и разнымъ временамъ. На различіе рѣзкое въ культурномъ отношеніи указываетъ различіе техники, а одновременность ихъ опредѣляется тѣмъ фактомъ, что верхняя постройка покоится уже на мусорѣ и толстомъ культурномъ слоѣ нижняго городища. По характеру техники верхняя постройка можетъ принадлежать какой нибудь осѣвшейся ордѣ; въ нижней—скорѣе можно замѣтить строительные приемы византійцевъ.

Что касается характера найденныхъ вещей, то онѣ въ этомъ отношеніи представляютъ много разнообразія и въ силу этого самаго разнообразія могутъ быть отнесены къ различнымъ эпохамъ, а также и къ различнымъ народностямъ. Постараемся отмѣтить нѣкоторыя изъ болѣе характерныхъ находокъ.

На глубинѣ болѣе двухъ аршинъ, ниже верхнихъ построекъ, найдена крупная бронзовая привѣска въ формѣ лунницы, украшенная богато рельефнымъ орнаментомъ; какъ техника такъ и самый орнаментъ заставляютъ смѣло признать въ этой вещи произведеніе византійскаго мастерства. Таково было и мѣднѣ покойнаго гр. Уварова. Время, къ которому можно отнести эту вещь, можно обозначать не позднѣе IX-X вѣковъ. Монета мѣдная херсонесскаго чекана съ изображеніемъ на одной сторонѣ монограммы Романа II, а на другой креста на пьедесталѣ (959—963)¹⁾. Фрагментъ сосуда красной глины, обжогой и цвѣтомъ напоминающій херсонесскіе сосуды, украшенъ рельефнымъ изображеніемъ равноконечнаго креста съ расширенными и закругленными краями. Подобнаго типа кресты встрѣчаются на херсонесскихъ монетахъ X вѣка.

Двѣ большія бусы изъ пасты разныхъ цвѣтовъ весьма сходны съ подобной бусой, находящейся въ коллекціи Историческаго Музея изъ Муромъ и относящейся къ времени не позднѣе IX-X вѣка. Молотокъ изъ прекрасно полированного темно-зеленаго камня съ округленными концами напоминаетъ своей оригинальной формой удлиненный человѣческій черепъ. Изъ фрагментовъ глиняной посуды, очень часто покрытой вѣзанными знаками геометрическаго характера, особенно обращаютъ вниманіе — двѣ массивныя ручки отъ большой амфоры съ вѣзанными изображеніями «свастики», концы которой не ломаные, а закругленные. Изъ цѣльныхъ сосудовъ большаго размѣра слѣдуетъ упомя-

¹⁾ Каталогъ коллекціи монетъ П. О. Бурачкова.

нуть объ урнѣ грушевидной формы, совершенно сходной съ урной, найденной мною лѣтомъ 1886 года въ Геленджикѣ и наполненной жжеными костями. Хорошей техникой отличается также большая амфора съ тремя ручками, но съ плоскимъ дномъ. Говоря о глиняныхъ издѣліяхъ, нельзя не упомянуть о найденномъ мною квадратномъ кирпичѣ, на одной сторонѣ котораго изображены концентричные квадраты, соединенные поперечными линиями; такое изображеніе т. н. «лабиринта» встрѣчается на большомъ рѣзномъ камнѣ, найденномъ въ могильникѣ Комунты, въ Осетіи; въ Тверскомъ музеѣ также находится довольно большой камень съ подобнымъ изображеніемъ. Найденный мною кирпичъ былъ краснаго цвѣта, также какъ и большая часть фрагментовъ отъ посуды, обозначенныхъ разнаго рода геометрическими чертами и знаками; но попадались сосуды и фрагменты отъ нихъ темносѣрой глины; какъ самыя формы этихъ сосудовъ, такъ и орнаменты на фрагментахъ, отличали иной вкусъ и иного характера производство, сравнительно съ сосудами красной глины; такъ, напр. одинъ изъ сосудовъ формой напоминаетъ горшки кургановъ центральной Россіи, но онъ украшенъ по корпусу фестонами изъ глубоко вѣзанныхъ двойныхъ линий съ рядами точекъ посрединѣ; нѣкоторые фрагменты украшены узорами изъ вдавленныхъ точекъ; судя по фрагментамъ, много было сосудовъ для привѣщиванія, такъ какъ на фрагментахъ боковыя толстыя и округленныя ручки снабжены сверлилами. По цвѣту глины и техники сюда-же можно отнести фрагментъ кирпича съ вѣзаннымъ вглубь широко изображеніемъ знака, напоминающаго *таму*. Такимъ образомъ, кромѣ русскихъ формъ, во многихъ предметахъ чувствуется также азіатская индустрія. Къ числу такихъ вещей еще можно отнести круглое гладкое кольцо изъ свѣтлаго сердолика.

Въ заключеніе упомяну еще о крестикѣ равноконечномъ, вѣзаннымъ изъ камня сѣроватаго цвѣта; подобные кресты могутъ относиться къ X-му вѣку, но могутъ встрѣчаться и позднѣе. Мѣдные же кресты-складни, найденные мною въ траншеѣ ж, украшенные по краю рубчиками, образующими какъ бы веревочку, встрѣчаются въ курганахъ центральной Россіи, а потому могутъ быть отнесены къ XI—XII вѣкамъ.

Внѣ стѣнъ городища, на юго-восточной сторонѣ, находится кирпичная кладка, имѣющая видъ основанія башни или какого-либо зданія, но во время моихъ раскопокъ, башня эта была сплошь залита водой, а потому изслѣдовать ее на этотъ разъ было неудобно (на планѣ обозначена—В). На югъ отъ городища за сухимъ русломъ искусственной канавы находится рядъ кургановъ, достигающій хуторовъ. Одинъ изъ кургановъ, ближайшій къ хутору, и имѣвшій расплывчатую форму былъ мною раскопанъ. Скелетъ найденъ на уровнѣ горизонта, въ слоѣ чернозема; надъ скелетомъ замѣчены слѣды дерева и найдены глѣзды. Мѣдная пряжка отъ пояса представляла обычный типъ пряжекъ въ курганахъ центральныхъ губерній, относящихся къ періоду не ранѣе XI вѣка.

Внизу, подъ скелетомъ, найдены были обломки отъ кирпича квадратной формы, очевидно взятые изъ построекъ городища. Вообще раскопки мои въ городищѣ даютъ право предполагать о торговомъ значеніи этого города, о его разнообразномъ населеніи, но, главнымъ образомъ, о первоначальномъ вліяніи здѣсь византийскаго.

Совершенно инымъ характеромъ отличается другое городище, лежащее на правомъ берегу Дона верстахъ въ 7 отъ Цимлянской станицы по направленію къ югу (изображено на планѣ подъ литерою В и подъ знакомъ б). Какъ видно на планѣ, оно занимаетъ не большое пространство на крутомъ берегу Дона и имѣетъ форму треугольника. У казаковъ оно слыветъ подъ именемъ «Буй-городна». Какъ показали раскопки весьма, впрочемъ, кратковременныя, стѣны его сложены все изъ бѣлаго плитнаго камня — мѣстнаго, мягкаго известняка. Пробныя траншеи открыли въ срединѣ слѣды квадратнаго зданія не изслѣдованнаго вполне, но служившаго, вѣроятно, жилищемъ какого-либо важнаго лица. Найденныя здѣсь серебрянная бляшка и металлическое круглое зеркало могутъ быть отнесены къ туалетнымъ женскимъ вещамъ, а восточный типъ платиноваго зеркала указываетъ, по моему мнѣнію, на время не ранѣе XIII—XIV вѣка.

Въ другихъ траншеяхъ этого городища найдены были желѣзные наконечники копій и стрѣлъ, крючки для рыбной ловли, ножи; все эти вещи найдены были въ слое чернозема, не болѣе какъ аршина на полтора отъ поверхности земли. Характеръ этихъ вещей не заключаетъ въ себѣ признаковъ большой древности, вещи эти, по всему вѣроятію, относятся къ тому же времени, какъ и зеркало. Замѣчательно, что, въ противоположность «Попову» городищу, здѣсь преимущественно встрѣтились вещи изъ желѣза и по расположенію ихъ можно предполагать, что существованіе городища окончилось битвой.

Во всякомъ случаѣ городище это торговаго значенія не имѣло, а, напротивъ, служило исключительно *крѣпостью, сторожевымъ постомъ*; сторожа водный путь Дона, оно въ то-же время было защищено съ запада т. е. со стороны степи: отъ городища идутъ въ степь на большомъ разстояніи другъ отъ друга особеннаго рода сооруженія также изъ бѣлаго камня, имѣющія форму основанія круглой башни. Раскопка одной изъ этихъ построекъ показала, что погребальнаго значенія онѣ не имѣли. Такимъ образомъ эти сооруженія могли служить сигнальными, наблюдательными постами надъ степью, со стороны запада. По количеству каменнаго мусора и по діаметру основанія можно навѣрное предположить, что постройки эти большой высоты не имѣли. Быть можетъ, къ такого рода постройкамъ относится выраженіе Пимена — «ани стоги».

Въ дополненіе къ своему сообщенію о моихъ кратковременныхъ вообще раскопкахъ этихъ двухъ городищъ, въ интересахъ самаго предмета, я считаю удобнымъ сообщить новые факты, собранные уже послѣ моихъ изслѣдованій.

въ этомъ городищѣ, благодаря раскопкамъ г. Часовникова, о которыхъ онъ и читалъ рефератъ въ Археологическомъ Институтѣ. Благодаря любезности автора реферата, я получилъ возможность воспользоваться добытыми имъ фактами и дополнить ими свое сообщеніе.

«Въ прошломъ году, говоритъ г. Часовниковъ, было найдено нѣсколько складныхъ бронзовыхъ крестовъ, украшенныхъ эмалью. По типу кресты эти называются «ворсунскими» и относятся обыкновенно къ X и XI вѣкамъ, какъ издѣлія византійскія». Далѣе г. Часовниковъ говоритъ о находкѣ въ томъ-же году креста-тѣльника съ изображеніемъ Св. Бориса и Глѣба и русской надписью ихъ именъ. Наконецъ, найдена была монета — «Владимірово серебро» (типъ въ изданіи Гр. И. И. Толстаго—табл. 7, № 9). Авторъ сообщенія говоритъ также о находкахъ въ томъ же году (1887 г.) трехъ обломковъ колоннъ: «одинъ изъ нихъ представляетъ базу колонны грубой работы византійскаго стиля; на одной изъ вертикальныхъ сторонъ базы высѣченъ крестъ. Другой обломокъ колонны бѣлаго мрамора, высотой болѣе одного аршина, а въ поперечникѣ 8 вершковъ—весь покрытъ канелюрами (вертикальными желобками)». Всѣ эти обломки колоннъ, по мнѣнію автора, относятся къ храму, основаніе котораго открыто въ сѣверной части городища. О кладкѣ стѣнъ этого храма г. Часовниковъ говоритъ такъ: «онъ (храмъ) сложенъ изъ четырехугольныхъ правильныхъ плитъ бѣлаго камня (известняка), которыя не составляли впрочемъ сплошной стѣны, а перемежались съ кирпичной кладкой.»¹⁾

Считаю долгомъ упомянуть, что послѣ прочтенія моего реферата на засѣданіи Одесскаго Съѣзда, уважаемымъ проф. В. Б. Антоновичемъ было высказано мнѣніе, что городище это относится къ «княжескому періоду». Соглашаясь съ мнѣніемъ моего почтеннаго оппонента въ томъ, что изслѣдованное мною городище существовало въ «княжескій періодъ» и имѣло сношенія съ Кіевомъ—на что указываетъ крестъ-тѣльникъ съ изображеніями и именами Св. Бориса и Глѣба, а также и «Владимірово серебро» — я тѣмъ не менѣе, на основаніи новыхъ находокъ, съ большей увѣренностью начало этого городища считаю возможнымъ отнести къ болѣе древнему времени и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить преобладающее культурное вліяніе Византіи: кресты съ финифтью, бѣломраморныя колонны, колонна съ канелюрами, стѣны храма, сложенные въ перемежку камня съ кирпичемъ, не говоря уже о вышеупомянутыхъ моихъ находкахъ того-же византійскаго характера; все это, по моему мнѣнію, суть слѣды чисто византійскаго вліянія.

Замѣчу еще, что въ Историческомъ музеѣ находятся золотыя ромбической формы застежки, украшенныя жемчугомъ и сапфирами; застежки эти найдены

¹⁾ Всѣ находки, о которыхъ упоминаетъ г. Часовниковъ, относятся къ «Попову» городищу — на востокъ отъ Дона.

верстахъ въ 20 отъ городища, въ Романовской станицѣ — въ гробницѣ кургана; вмѣстѣ съ ними найдена золотая монета Льва III Исаврянина (717—741); напомнимъ также, что Левъ IV женатъ былъ на Хозаркѣ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мнѣ кажется вполне возможнымъ отнести начало городища крайней мѣрѣ къ IX—X вѣкамъ, т. е. къ тому времени, когда сношенія Византіи съ Хозаріей подтверждаются исторіей. Тѣмъ же характеромъ византіиства отличается, по моему мнѣнію, и большой камень-монолитъ, стоявшій на холмѣ возлѣ Цимлянской станицы, о которомъ, между прочимъ, упоминаетъ путешественникъ Бларгъ; но камень этотъ въслѣдствіи затерялся и только во второй пріѣздъ мой въ Цимлянскую станицу мнѣ удалось розыскать его: онъ лежалъ въ ямѣ позади двора одного частнаго владѣльца. 15 Августа, при содѣйствіи жителей и инженера-топографа г. Попова ¹⁾, камень этотъ былъ вытасченъ изъ ямы и поставленъ стоймя на скалѣ, какъ онъ прежде стоялъ и какъ вѣроятно и теперь стоитъ. Длинной онъ равняется $4\frac{3}{4}$ аршина и выдѣланъ изъ одной глыбы очень твердаго диваря; съ лицевой выпуклой стороны онъ украшенъ изображеніемъ креста съ обычными словами; борозда внизу, поперекъ камня, указываетъ на попытку владѣльца распилить камень на части — для домашняго обихода. Изображеніе камня представлено на заглавной виньеткѣ въ началѣ настоящей статьи.

В. Сузов.

¹⁾ Пользуюсь случаемъ выразить мою благодарность за исполненіе г. Поповымъ безвозмездно двухъ плановъ означенныхъ городищъ; планы эти (на одномъ листѣ) и прилагаются къ настоящей статьѣ.

ПЛАНЪ

городищъ въ юртѣ станицы Цымлянской, области войска Донскаго, одногъ съ лѣвой стороны р. Дона, при хуторѣ Поповомъ, а другаго съ правой нагорной стороны р. Дона.

Расстояніе между городищами по прямому направлению 2835 саж.

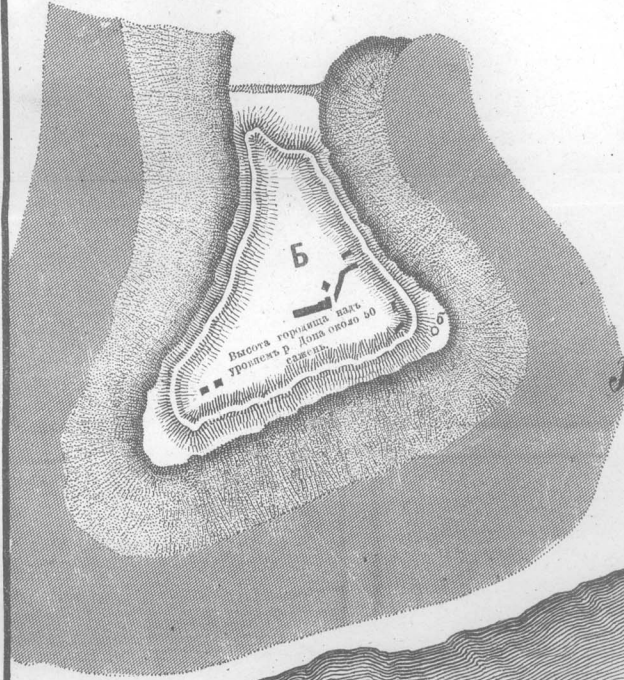
ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ.

Лугъ заливаемый р. Дономъ.

Вязонъ хут. Попова.

Виноградные и фруктовые сады.

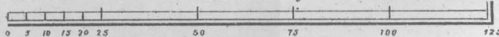
Траншеи вырытыя при раскопкѣ городищъ.

Высота городища вѣтъ
Городище в. Дона около 50

Ж. Поповъ

Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 25 саж.

Съмку производилъ Инженеръ А. Писневъ

ОБЩІЙ УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ и ВЫРАЖЕНІЙ.

А.

- Абамелинъ, князь, II, 25.
Abbott, Ch., I, 40₂, 41, 42.
Абдуль-Хаиръ, ханъ татарскій, II, 379, 380.
Абенънъ В., II, 20, 144_{2,3}.
Abigea, прислужница Богородицы, II, 204.
Aboulfarage, II, 152.
Абульфедъ, арабскій писатель, IV, 94, 95.
Августинъ Блаженный, III, 295, 343, 344.
Авдѣевъ, А. А., I, LXXIV. III, 382.
Авезакъ, d'—II, 41.
Авраамъ Суздальскій, III, 298.
Аврелианъ, консулъ при Аркадіи, III, 29.
Агапитовъ, I, 37, 39, 46.
Агаѳій, писатель, III, 124.
Агаѳокль Сиракузскій, II, 95.
Агель, архонтъ, II, 102.
Аглай, II, 76.
Αδελφός (членъ братства), II, 26.
Аженкуръ, d', III, III, IV, 16, 148, 149, 152, 194₁, 393.
Анена (ἄχαινα), II, 287₁, 296₁, 301.
Анростихъ (подать), II, 305₃, 306, 315, 333.
Антимонъ, II, 304₃, 315, 335.
Алабинъ, П. В., I, 136₁, 159₇₇, 170, 173₂, 180₁₄₁.
Александровскій, II, 416₂.
Александръ, в. князь литовскій, II, 422, 425.
Александръ, дьякъ (паломникъ), III, 82, 87, 89, 204, 211.
Александръ Ивановичъ, князь тверской, I, 274.
Александръ Македонскій, II, 31₁, 43, 91, 92, 95, 115, 116, 166.
Александръ Ягеллонъ, король польскій, II, 427.
Алексій Святитель, I, 284.
Alexoudis Anthime, métropolitain de Belgrade en Albanie, II, 171, 173, 174, 176.
Аленсѣевъ, Д., II, 370.
Аленскій Михайловичъ, царь русскій, I, 261, 266, II, 349, 365, 366, 368.
Аленскій Цезарь, полководецъ визант., III, 55.
Ali-Sâti Effendi, II, 150, 167, 168.
Аллацій Левъ, III, 183₁.
Аллегретти, посланникъ, II, 356.
Альберинъ, III, 5.
Альмась, эмиръ волжской Болгаріи, I, 149.
Аллювiальныя отложенія, I, 1, 25, 53, 65.
Ἀμαζαστος, II, 183, 184, 185, 186.
Амантій, начальникъ евнуховъ, III, 33.
Амвросій св., II, 206₄₈.
Амміанъ Марцеллинъ, I, 30, 167; II, 186₃; III, 14₄.
Амперъ, II, 20.
Амфилохій, архимандритъ, I, 280₃, 283.
Анаксагоръ, IV, 7.
Ананій Сиракинъ, II, 288_{2,4}.
Анахарсисъ, скиѳъ, I, 138; II, 43.
Андреевскій, IV, 138, 178₂.

- Андрей Критскій, II, 203₃₉, 211, 212, 214; III, 185.
 Андротіонъ, аедіянинъ, II, 86.
 Анема, Михаѣль, III, 276.
 Анна, супруга Владиміра св., I, 269.
 Анненковъ, II, 415₂.
 Анонимъ, историкъ виз., III, 8, 14₂, 31, 33, 42, 46, 71₁, 90₅, 109, 110, 123₂, 127, 136, 137, 153, 154, 200.
 Антоній, архієпископъ новгородскій, III, 6, 16, 17, 19₁, 29, 37, 38, 44₁, 63, 64, 71₁, 73, 74, 75, 78, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 100, 105, 106, 112, 113, 114, 115, 120, 132, 140, 204, 205, 209, 211, 215, 217, 220, 338.
 Антоній, путешественникъ, VI в., II, 210.
 Антоновичъ, В. Б., I, XVI, XLIV, LXIX, 86; II, 355₄; IV, 277.
 Аничинъ, Д. Н., I, II, III, 1, 34, 35, 90, 235.
 Анфиса, дочь имп. К. Бопронима, III, 51.
 Анеимъ изъ Тралеса, архитекторъ, III, 3.
²Апобехатисъ, II, 280.
 Апонавъ, III, 240.
²Апохолъ, II, 302, 307.
 Аполлоній Родосскій, II, 11, 144.
 Аполлоній, сынъ воспорскаго ц. Левкона, II, 82, 86.
 Аполлонъ (Фебъ), I, 140; II, 13, 31₁, 63, 84, 85, 86, 89, 103, 109, 110, 113.
 Апоръ, II, 304₂, 335.
 Аргинскіе бей, IV, 102—103, 104, 107, 108, 109.
²Арүбровъ *ἐπίσκοπος*, II, 169.
 Арготъ, мужъ царицы Комосаріи, II, 93, 97.
 Аренсъ, Г. Л., II, 57₅, 58₉, 62, 63, 64; IV, 128.
 Арендная плата (въ Византіи), II, 315.
 Аристей, I, 140, 141, 142, 175.
 Аристотель, II, 18; IV, 7, 11.
 Арнульфъ, II, 211.
 Арндтъ, II, 17.
 Аррианъ, II, 145.
 Артемида (Діана), II, 102, 112.
 Археанантиды, II, 73.
 Архитектура церквей: 1) Иоанна Предтечи въ Керчи, III, 302—386, 2) к—польскихъ, II, 250—271; III, 2—4, 8, 118, 134, 139, 145, 162, 213, 215, 218, 281—4; 3) Сѣверорусскихъ, I, 256—267.
 Архонты-цари, II, 73, 74, 75, 76, 78, 88.
 Арцыбашевъ, II, 41.
 Асандръ, царь воспорскій, II, 90, 115, 117, 118.
 Аснаринъ, испанскій епископъ. II, 211.
 Асклепій, II, 101, 118.
 Аспелинъ, I, XLVI, 154_{58, 59}, 155, 159, 160₇₈, 163₈₅₋₆, 170, 172₁₁₆, 173₁₁₇, 175₁₂₅₋₆ сл., 181₁₅₀, 183₁₅₅, 186₁₆₁, 187.
 Ассемани, III, III.
 Астарта, II, 84₂, 85.
 Афанасьевъ-Чужбинскій, I, 86.
 Афоній (Евфоній), II, 194, 197, 202₃₅, 205, 213 сл., 217, 219 сл., 228, 232.
 Афродита (Венера), II, 13, 17.
 Афродита Апагура, II, 84.
 Афродита Уранія, II, 84, 85, 93.
 Афродита, Уранія-Медеуза, II, 93.
 Ахемениды, II, 78, 85, 100, 102, 104, 105, 106, 107, 112, 115.
 Ахмеди-бей, III, 106.
 Ашикъ, А. Б., I, 169₁₀₀, 172₁₁₄, 174, 178, 180₁₄₃, 183₁₅₆; II, 46, 80, 81, 89, 90.

Аванасъевъ, II, 128, 223₁₀₀; IV, 139, 142₃, 148₄, 149₂, 171₃, 176, 181, 182₂.
 Авина (Паллада), II, 13, 82, 84, 86, 92, 95, 96, 97, 98, 116, 117.

Б.

Бабы золотыя, I, 173.
 — каменные, I, 11, 99, 136, 154, 155, 171, 172, 190, 192; IV, 30, 32.
 Багалъй, Д. И., II, 386₁; IV, 79.
 Байернъ, I, 240₁.
 Байэ, III, 123₁, 124, 125₂, 127₃.
 Balabanès (Μπαλαμπάνος), évêque de Léonopolis, II, 178, 179, 180, 181.
 Баламиръ, гуннскій царь, I, 149.
 Балдуинъ, III, 237.
 Balza (Μπαλασας, αὐθέντης Σερβίας etc.), II, 174, 175.
 Бандке, II, 427.
 Бандури, III, 90₄, 97, 108₂, 110, 116₁, 120, 121₁₋₂, 124, 148, 149, 150, 153, 154₁, 158₁, 200, 227; IV, 152.
 Барбаро, II, 40, 343; III, 252, 253₁.
 Барботъ-де-Марш, I, 217.
 Бардуччи (Barduccio di Cherichino, G.), II, 206.
 Барельефы, III, 21, 148—155, 158—9, 164, 165, 188, 206, 223, 224—5, 227, 291, 292, 389, 390.
 Бароний, III, 14.
 Барсовъ, Е. В., I, XXIV.
 Bartholomaei, général, II, 182, 183.
 Бартоломей, 185, 268, 269.
 Бартошевскій, II, 425.
 Барыньскіе бей, IV, 104, 106, 107, 108, 109.
 Басмановы, II, 354₁.
 Басъ, патрицій, III, 44.
 Баторій, Стефанъ, II, 348.
 Батуринь, II, 36.

Батый, II, 342, 346.
 Башни в—польскихъ стѣнъ: Анема, III, 274, 276, 277; Исаака Ангела, III, 274, 275; Калигарійская, III, 268.
 Баязеть, султанъ, III, 80.
 Bayézid-Véli, sultan, II, 167, 168.
 Bayézid Yildérîm, II, 167.
 Бдинскій сборникъ, II, 221.
 Беда, III, 295.
 Бейле, II, 110.
 Bekker, J., II, 190; III, 277₃.
 Бенкерь, П. В., II, 29, 30, 31, 46, 53, 67 сл., 120, 121₁₀.
 Бѣнкъ, А., II, 42, 45, 51, 52, 56₃, 57, 58, 60, 62, 63, 74, 75₂₁, 76, 77₂₅, 82, 84, 86, 88 сл., 93, 101, 131₆, 147; III, 11₁.
 Бенъ, Л., I, 237₁, 239₁, 245₂, 248₁.
 Беллей, II, 62, 63.
 Беллини, III, 148₁, 2, 150, 151.
 Белль, IV, 7.
 Benrath, II, 211₆₄, 225, 226.
 Бережновъ, М. Н., II, 342.
 Bergk, Th., II, 58₉.
 Бермилъевъ, I, 281.
 Бернаръ св., II, 226.
 Bertrand, A., I, 105, 117.
 Бертранъ, монахъ, II, 226.
 Бестужевъ-Рюминъ, IV, 124₁, 139₂.
 Бианкини, Дж., II, 231.
 Бирна, I, 75 сл., 80.
 Бишофъ, Э., II, 56₃, 57₅, 58₉, 60, 62₁₄, 63₁₈₋₁₉, 65₂₁.
 Бларамбергъ, II, 35₁, 44, 130₃, 131₈, 135 сл., 138.
 Blume, II, 273₁.
 Бобринскій, А. А., I, 11₁, 220.
 Бовата, II, 319.
 Бове, В., III, 294.
 Богатыревъ, капралъ, II, 390.
 Богдановъ, М. Н., I, 27.

Боголюбскій, И. С., I, LXX.
 Бодянский, П, 433₁.
 Бозіо, III, III.
 Болотниковъ, П, 361.
 Болотовъ, П, 370₂.
 Бона, королева, П, 421, 430.
 Бондельмонти, X, III, 70, 95, 96, 98, 148.
 Bonstetten, de, I, 104.
 Бопланъ, П, 348, 353, 354₂, 355, 358₁, 362, 371, 372₁.
 Борисъ, царь болгарскій, III, 56, 297.
 Боттари, III, IV.
 Бояре, IV, 206.
 Бозцій, III, 393.
 Бранденбургъ, Н. А., I, 208.
 Бранденбургъ, Н. Е., I, 12, 13, 34₁, 241₂; IV, 85.
 Брандтъ, академикъ, I, 26.
 Братство, IV, 162, 163, 164, 168.
 Браунеръ, I, XLV.
 Браунъ, Э., П, 20, 22.
 Brinton, П, 125.
 Броса, I, 104.
 Броневскій, М., П, 347, 348₁, 353₄, 354₄, 355₂, 356₅, 358, 360₃, 363₃, 364.
 Бруно, маркграфъ ориландскій, I, 273.
 Брунь, Л. Ф., П, 119.
 Брунь, Ф. К., I, 144, 146₃₂, 156, 217; П, 29, 30, 31, 32, 39, 40, 41, 46, 120, 129, 132; III, 17₂, 70₁₋₂, 94₁, 147, 203₁, 211₃.
 Бруановъ-Владимірскій, М. Ф., IV, 11 2₁₋₂, 113, 117, 120, 121, 122₁, 129, 131, 135₁, 139₁, 143₃, 149₃, 150₁, 151₂, 154₂, 155₁, 158, 173₂, 192, 199, 200₂, 203, 204, 205, 206, 207₂₋₃, 208, 213₃, 217, 221₂, 224, 225, 230, 231, 234₁₋₂, 235₁, 236, 237₃, 238, 242, 244₁, 247, 248, 250, 252₁, 257, 262₁, 264, 266, 267, 269.

Buchstab, I, 74.
 Bugge, IV, 151₃.
 Бульо, III, 248.
 Бурачковъ, П. О., I, XVIII, XLVI; II, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 48₂, 50, 73, 80, 81, 82, 85, 88, 90, 91, 92, 93, 94₇, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 120, 121, 122, 133.
 Бургинья, I, 16.
 Busbesq, O. G., П, 187, 189.
 Буслаевъ, Ф. И., П, 201₃₄, 216₇₆, 218₈₅, 228₁₁₄, 234; III, 289, 322, 335, 339, 340, 341, 344, 349, 353, 354, 357, 376, 388; IV, 138₁, 148₁, 4, 149₂.
 Бычковъ, А. Ф., I, LXX, 37.
 Бѣлююрскія отложения, I, 32.
 Бѣляевъ, П, 349₁; IV, 189, 213₁, 223₁, 254₁, 258₂.
 Бэръ, К. М., академикъ, I, 152; IV, 27.
 Бюллеръ, IV, 174₃.

В.

Вагнеръ, А., I, 27.
 Вайць, IV, 175₂, 176₁₋₂.
 Vakh tang, П, 184.
 Ваккернагель, П, 230₁₂₄.
 Ваксель, П, 44, 45, 130₃.
 Βάραγγος, П, 190.
 Varini, П, 187, 189.
 Варлаамъ, печерскій инокъ, III, 86.
 Vasculum, П, 307₁.
 Василидъ, преторъ, III, 43.
 Василій Великій, I, LXXIV, 287; III, 343.
 Василій Нисскій, III, 45₂.
 Василій Новый (житіе), III, 30, 336, 337, 341, 344, 348, 354, 361, 371, 372, 379.
 Василій Протосекретъ, III, 72.

Васильевскій, В. Г., I, XLIV; III, I, 19₂, 49₁, 50, 260.
 Васильчиковъ, А. А., I, 191; II, 416₁.
 Ваасіанъ св., III, 35.
 Вейсъ, I, 176₁₂₈.
 Величко, II, 359, 371₂.
 Вельнеръ, Г., II, 8.
 Вельнеръ, Ф. Г., II, 8 слл.
 Вельнеръ, Э. Д., II, 116.
 Велюдо, префектъ, III, 175.
 Wendt, général, II, 170.
 Веневитиновъ, М. А., III, 86₂.
 Вергуненко, самозванецъ, II, 361.
 Веребрюсовъ, С. И., II, 51₁.
 Веревка (σχομίον, сокаръ), II, 275, 280₁, 282, 284, 285, 296₁, 307.
 Вериго, А. А., I, 232.
 Verstegan, R., II, 188.
 Вершокъ (ἀντίχρηρ), II, 282, 283, 284.
 Веселовскій, А. Н., III, 68₄.
 Веселовскій, Е. С., I, VIII.
 Веске, IV, 84, 85, 86.
 Wescher, Ed., II, 143₁₄, 145₂₈; III, 125₁.
 Вигилій, папа, III, 41.
 Видгальмъ, И. М., I, XLIV, LXX, 217.
 Vigenet, V. de, II, 360₂.
 Визелеръ, II, 118.
 Виллибальдъ, II, 211.
 Вилье, Э. С., I, XLIV, LXXIII; III, I.
 Вилькенсъ, I, 1, 22.
 Винкельманъ, III, IV.
 Виноградовъ, П., II, 319₂.
 Viollet le Duc, II, 271₄; III, 287.
 Виргата, II, 319.
 Вирховъ, I, 84, 184, 238.
 Vischer, W., II, 63₁₈.
 Висковатый, I, 212; IV, 83.
 Висконти, II, 72, 78, 81.
 Витковскій, Н. И., I, 43.
 Вишневскій, М., II, 423₁.
 Владиміровъ, III, 378.

Владиміръ св., I, 253, 268, 269, 271, 272; III, 297.
 Владиславъ III, I, 307, 309.
 Владиславъ Ягайло, II, 307.
 Вогюэ, III, 166.
 Водопроводъ Валента, III, 218.
 Воеводскій, Л. Ф., I, XLV; II, 50, 124, 129, 130.
 Воейковъ, I, 269.
 Воидать (βοιδιον, βοιτιον, μονοβοιδιρος), II, 304₂, 328; — величина его надѣла II, 305, 315, 316, 317₃; — цѣнность надѣла, II, 304; — отношеніе къ военному надѣлу, II, 335, 336.
 Воловичъ, Г., II, 420.
 Волошинскій, I, 269, 270.
 Волынскій статутъ, IV, 243—244.
 Вольджрихъ, I, 1, 16, 17.
 Вольтерра, Д., художникъ, III, 331.
 Ворота к—польскія:
 — Адрианопольскія (Эдирне-капу), III, 256, 258, 262, 263.
 — Свв. Безплотныхъ или Девяти чиновъ (калитка), III, 267.
 — Влахернскія, III, 273—4.
 — Гиролимпійскія, III, 272—3.
 — Закрытыя (Капали-капу), III, 254—256.
 — Заложенныя, III, 251, 253.
 — Золотыя, III, 156—159, 243, 245, 247—9.
 — Керкопорта, III, 264—6, 270.
 — Килини-пили (Ксилопорта) III, 277, 278.
 — Ксилокеркъ (калитка), III, 276.
 — Меландійскія (Мевлеви-хане), III, 254—6.
 — Пѣрлти (тоб Пѣрлтоб), III, 260—2, 270.
 — Св. Романа (Топъ-капу), III, 254, 256—8.
 — Силимврійскія, III, 252.

- Ворота Харойскія (Эгри-капу), Ш, 269—271.
 Ворсо (Worsaae), I, 104, 105, 151, 153, 159 ^{73 слл.}, 242, 244, 245₃, 247, 248₁₋₂, 251₂.
 Воскресенскій, Г. А., I, 276, 280₃.
 Воцель, IV, 140₁.
 Вѣщатели права, IV, 174, 188, 189, 254, 260, 265.
 Вѣща (юрид.), IV, 147, 148.
 Вяземскій, П. П., II, 219₈₈; Ш, 324, 341, 371, 379, 391.

Г.

- Гавриль, псковскій князь, I, 246, 247.
 Γαβριήλ ἀγιοσωφροτος, II, 176.
 Гагемейстеръ, IV, 159₂.
 Γαῖος Πόπλιος Ίουκοῦνδος, II, 173.
 Ганкеръ, Л., I, 67.
 Гакстаузенъ, IV, 74.
 Галени, I, 82.
 Гальвій, патрицій, Ш, 207.
 Галятовскій, II, 233; Ш, 338.
 Гаммеръ, путешественникъ, II, 141, 149₃₈, 150₃₉, 165; Ш, Ш, 97, 99₂, 147₃, 149₂, 166, 168₁, 236₁, 240₂, 246₃, 248, 250, 251, 254₃, 255₃, 257₁, 260, 261, 263₂, 275, 278.
 Гарнави, А. Я., I, 241; II, 47.
 Гармизонъ (сказка о—), II, 417.
 Гарпакъ, Ш, 292.
 Гарручи, Ш, 22₁, 23, 26, 298, 335, 340, 341.
 Гартигъ, IV, 2—3, 11.
 Hauvette-Besnault, А., II, 144₃₃.
 Gebhardt, I, 279₁; Ш, 292.
 Гезихій, II, 27; Ш, 9.
 Гезюдъ, I, 137; II, 242.
 Гейгеръ, Л., IV, 2, 4, 11₁, 14.
 Γεῖχόν, II, 278, 279.

- Генатей, I, 312.
 Гёксли, I, 16₁, 18.
 Геласій, II, 210.
 Helmholdus, IV, 134₂.
 Геннингъ, генералъ, II, 377.
 Генценъ, В., II, 20, 21, 47₁.
 Генъ, I, 27.
 Георгій геометръ, II, 274₂, 295, 297₃, 301.
 Георгій, король сербскій, II, 217.
 Георгій Пизидъ, II, 19.
 Герасимъ преподобный, I, 254.
 Гера (Юнона), II, 13, 86.
 Герберштейнъ, I, 173; II, 344, 346, 354₁, 359.
 Геркулесь, I, 138, 187, 312; II, 26, 116, 122.
 Hermann, К. Fr., II, 56₂₋₃, 57, 58₃, 59₁₀, 60, 62₁₄, 63.
 Гермесь (Меркурій), II, 98, 99, 101, 102, 117, 118.
 Геродотъ, I, 31, 81, 82, 89₁, 136 слл., 146 слл., 155, 156, 167, 172, 174, 187, 204, 239, 312; II, 33, 42, 43, 126, 144, 145.
 Herzog, I, 279₁; II, 206₅₀.
 г-жа Гётри, II, 44.
 Heuzeu, II, 171.
 Гиббонъ, Ш, 6₂, 7, 11, 41, 46₂, 56, 57.
 Гибертъ, аббатъ, II, 225.
 Гиль, X., II, 98, 99, 104.
 Гильдебрандъ, I, 242, 244.
 Гильфердингъ, I, 312; IV, 158₂.
 Γουλασιάρχης, II, 27.
 Гиплеръ, II, 209₅₉.
 Гитиадъ, художникъ, I, LXXI.
 Глѣбъ Васильевичъ, князь, I, 254.
 Гмелинь, I, 26, 27.
 Гогаръ, II, 221.
 Голицынъ, князь, II, 350, 361.
 Голицынъ, Д. М., князь, II, 386, 388.

Голицынъ, М. М., князь, II, 386.
 Головацкій, Я. Ѳ., I, 308; II, 419, 433₁.
 Головкинъ, графъ, II, 353₂, 376.
 Голубинскій, III, 297.
 Гомеръ, I, 84, 312, 313; II, 11, 18, 127, 128, 224.
 Homolle, II, 25.
 Гонорій Отенскій, III, 294.
 Норф, II, 174, 175₃.
 Горбуновъ, II, 402₁, 406₂, 407₁, 413₂.
 Горельефъ на скалѣ у с. Буши, I, 99—100.
 Городища, IV, 30—75, 92, 93, 94, 272—278.
 Городокъ, I, 79.
 Горчаковъ, IV, 209.
 Гравюры, I, LXXVI; III, 352, 353.
 Градецъ, село, II, 313, 315.
 Граль св. (Gradalis), II, 205.
 Граммарій (γραμμαριον), II, 288₄, 294.
 Граμματεὺς, II, 27.
 Граммонъ, II, 351, 353.
 Граптоί, Θεόδωρος κ. Θεοφάνης, II, 151, 157.
 Grässe, II, 230₁₂₂.
 Гревиннь, I, 43.
 Грело, III, 118, 120.
 Гречь, Н., II, 430.
 Григорій, архієпископъ, III, 11.
 Григорій Богословъ, I, 280; III, 9, 16, 131, 344.
 Григорій Двоесловъ, III, 294, 337.
 Григорій Діаконъ, III, 30, 68.
 Григорій, монахъ, III, 343.
 Григорій Турскій, II, 210; III, 14.
 Григорьевъ, В. В., I, 149₄₅; II, 343₂.
 Grimoard de St. Laurent, II, 201₃₄; III, 392.
 Гримъ, А., I, 84; II, 120, 122.
 Гримъ, Я., IV, 139, 141₁, 148₁, 166₁, 174₄₋₅, 176, 179, 228₂, 236₂.
 Гронъ (γρόνθος), II, 282₁, 283₁, 323.
 Гроссуль-Голстой, I, 86.
 Гроссъ, I, 83.
 Gruterus, II, 184.
 Гулакъ-Артемовскій, О., II, 407₂.

Hultsch, II, 273₂, 275₂, 276₁, 278₁, 279₁, 281₁, 282₇, 283₃, 288₁₋₂, 296₁, 298₁, 304₁₋₂, 305₁, 322₂.
 Гэрике, I, 279₁.

Д.

Дантилъ (δάκτυλος), II, 277, 278.
 Dalawaye, voyageur anglais, II, 146₃₂.
 Далмать, III, 13.
 Даль, В. И., I, 253; III, 391; IV, 143₁₋₃, 158.
 Дандоло, Андрей, III, 29, 76.
 Δαντῖλ, ἱερομόναχος, II, 174, 175.
 Даниловичъ, I, 101₁; II, 308, 431; IV, 216₁.
 Даничичъ, I, 282; IV, 112, 125₁, 126₂, 184₂.
 Даниль Паломникъ, II, 221; III, 86, 87.
 Дантъ, II, 13, 226; III, 295.
 Dargenberg, II, 56₂.
 Дарій, I, 144, 146, 155; II, 91, 144.
 Доминина св., III, 30.
 Дворцы κ—польскіе, III, 54, 58, 59, 104, 105.
 — Букoleonъ, III, 85, 130.
 — Влахернскій, III, 202—3.
 — Гебдомъ, III, 199, 200.
 — Текеуръ-Серай, III, 198—203.
 Девлетъ-Гирей, II, 346, 347, 354₁.
 Дезидерій Монткассинскій, аббатъ, III, 300.
 Деметра, II, 63, 84, 85, 102₁₂, 118.
 Δημήτριος Δοβρομῆρος, II, 176.
 Демосенъ, II, 74, 115, 116, 144.
 Демченко, IV, 190, 199, 200₁, 203₁, 204₁, 205₃, 230, 231, 233₁.
 Дендрить, I, 53, 56, 59, 60, 65.
 Desor, I, 104, 105.
 Дестунисъ, Г. С., III, 79₃, 84₁, 85, 96, 97, 136₃, 235.
 Джанибенъ, ханъ, I, 206; II, 39.
 Джемсонъ, мистрисъ, II, 225, 227₁₁₂, 231.

- Джіотто, Ш, 195, 196, 289, 329, 394.
 Didron, Ш, 28₂, 304, 309, 314 сл.,
 331, 336.
 Дилювіальныя отложения, I, 16, 25, 29,
 51, 106.
 Дилювіальная фауна, I, 51, 53.
 Дилювіальная эпоха, I, 17, 30.
 Димитриадъ, Г. А., Ш, 236, 237₁.
 Димитрій II Македонскій, II, 110.
 Димитрій Полиоркетъ, П, 97, 101.
 Димитрій Прилуцкій, I, 255.
 Димитрій Солунскій, П, 197.
 Динагъ, П, 292.
 Δίπτοχον, II, 161, 162.
 Dittenberger, II, 58₇, 65₂₁, 144₂₃, 169,
 434.
 Диха (δύχας), II, 277.
 Диць, Ф., II, 16.
 Διαδοχος, II, 25.
 Діодоръ Сицилійскій, П, 73, 74, 75, 86,
 87, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 116.
 Діонисій Ареопагитъ, П, 208, 209, 212,
 214, 217, 218, 220.
 Діонисій Византійскій, П, 141, 143₁₄,
 145, 147, 148, 149; Ш, 96.
 Діонисъ (Вакхъ), П, 76, 101, 102, 103,
 109, 110, 112, 118.
 Діонъ Кассій, П, 102, 185.
 Діофантъ, полководецъ Мперадата VI, II,
 32, 33, 34, 35, 36, 37, 50, 70, 78,
 82, 99, 100, 102, 114, 434.
 Digloss, I, 307.
 Димитріевъ, IV, 189, 213₁₋₄, 223₁, 267, 269.
 Дове, А., IV, 5.
 Долинскій, А. П., I, LXX.
 Дольменъ, I, 34₁, 107, 108, 111 сл.,
 123, 126, 133.
 Драхма (δραχμή), II, 288₄, 294.
 Дройзенъ, Г., II, 59₁₁.
 Дуна, писатель, Ш; 83, 108₁, 209, 257,
 265, 266, 279.
 Луччіо ди Буонинсенья, художникъ, Ш,
 196.
 Дюбрионсъ, II, 44, 98, 135, 139₂.
 Дюбуа-де-Монпере, П, 45; Ш, 383.
 Дювернуа, IV, 152, 157₁₋₂, 159₃, 189,
 190, 191₁, 192, 196, 197, 199,
 221, 232, 252, 253₁, 266, 267.
 Дюнанжъ, II, 300₂, 307₁, 334₂; Ш,
 Ш, 5, 7₁, 8₂, 14₂₋₃, 15, 16, 17₂,
 18, 19, 29, 30₂, 31₁, 32, 33, 36,
 37, 47₁, 54₃, 55, 58₂, 68₁, 73₁,
 75₁, 86, 90₄, 95₁, 96, 97, 107₂,
 110, 111₁₋₃, 121₁, 128₁, 138, 139,
 142, 144₁, 148₁, 150, 153, 157,
 158, 159₂, 161, 166, 168₄, 169₁₋₄,
 183₂₋₆, 199, 200, 201, 203₁, 205₁,
 209₁, 215, 216, 236₁, 237, 244,
 245₃, 246₃, 248, 250, 252, 284₁,
 256₂-258₃, 260, 261, 264, 272₂₋₃,
 274, 275, 277; IV, 152.
 Дюмонъ, Ш, 129, 222₁.
 Durand, Ш, 22₂.
 Дюреръ, А., I, LXXVI, LXXVII.
 Дыбовскій, С., II, 420, 421.
 Эзъте, II, 169; Ш, 86, 157, 236₁,
 238₃, 239₃, 241₂, 246₃, 248, 249,
 252, 253, 254, 255, 256, 260,
 262, 263, 269, 278.

E.

- Евагрій, мнихъ, Ш, 336, 342, 343, 368.
 Евангеле, I, 276 сл.
 Евсевій, I, 288; Ш, 7, 9, 13.
 Evliya-Tchélébi, II, 165, 167.
 Евстафій, I, 74.
 Евтихъ, игуменъ, Ш, 13.
 Ἐυχρονοῦ, II, 303.
 Ἐκхотῆ, II, 302₂.
 Elia, гоі, II, 166.
 Еллинархъ, II, 25.
 Епифаній (IV в.), II, 207₅₁.
 Епифаній (XI—XII в.), II, 213, 215.

Ессенъ, Ш, 287, 294, 295, 299, 303, 304, 328, 329, 343.

Ἐσθητος, П, 27, 28.

Ефименко г-жа, IV, 75—78.

Ж.

Жигимонтъ Кейстутовичъ, князь, П, 424.

Жиль, П, 141, 143, 145₂₈, 146₃₂, 147 сл., 148, 149₃₈, 150, Ш, Ш, 86, 96, 98, 111, 143, 156, 157, 158, 159, 166, 199, 200, 201, 211, 214, 216, 236₁, 238₃, 239₁, 248, 256, 263₃, 272₂₋₃.

Жомаръ, П, 298₃.

З.

Заборовскій, I, 81₂.

Забѣлинъ, И. Е., I, 11, 139, 164₃₉, 167, 189, 204, 205, 240, 241.

Загоскинъ, IV, 139₁, 142₁.

ЗаѣI, прислужница Богородицы, П, 204, 205.

Законъ (юрд.), IV, 150—157, 159, 260.

Зальскій, I, XLV.

Зальценбергъ, П, 250; Ш, Ш, 4, 111₃, 112, 114, 115, 120, 122 сл., 129, 201, 202, 215, 217.

Занотто, Франческо, П, 229₁₁₉.

Зевгаръ (Ζευγαράτος, Ζευγαρίων), П, 302 сл.; его надѣла, П, 305, 310, 312, 313, 328; цѣнность надѣла, П, 304, 310, 313; налогъ, П, 305; отношеніе къ военному и другимъ надѣламъ, П, 315—317; 334—336.

Зевсъ (Юпитерь), I, 138; П, 25, 84, 147, Ш, 219.

Зевсъ (Урій), П, 140, 143, 144, 145, 149_{3а}.

Зевса кашиче, Ш, 9.

Земля въ Византіи: сорта ея, П, 278, 279, 305₁; цѣнность ея, П, 278₁, 304, 305, 311; подать съ нея, П,

314, 315, 328₂; измѣненіе ея, П, 279, 281—283, 286, 293, 296₁₇, 298, 299.

Зиберъ, IV, 175₂.

Знаки собственности, I, 72, 82, 83.

Знаменіе (юрд.), IV, 216, 217, 218, 232, 234, 237.

Золотницкій, Н. И., I, 316.

Зонара, П, 175, 300₂; Ш, 14₂, 15, 44, 54₃.

Зописионъ, П, 96.

Зосима, основатель Соловецкаго монастыря, I, 255.

Зосима, паломникъ П, 221; Ш, 30, 32, 82, 87, 89, 155, 204, 211, 217, 220, 361.

Зотикъ; преподобный, Ш, 45₁.

Зотовъ, П, 360₂, 361₁.

И.

Ибнь-Дада, I, 241, 242.

Ибнь-Фадланъ, I, 149, 158, 212, 213, 241; 242.

Ибрагимъ, султанъ, П, 356.

Иванишевъ, IV, 245.

Ивановъ, IV, 238₂.

Иверсенъ, Ю. Б., I, 273.

Игіэонть, П, 90, 98, 103, 115.

Игнатій, діаконовъ, П, 39; Ш, 70, 81, 87, 211, 227.

Иделерь, I, 85₁; П, 60, 70.

Изборники, I, 280, 287.

Издѣлія:

— бронзовыя I, LXXI—LXXIII, 150, 153, 156, 162.—167, 171, 172, 178, 179, 181, 182, 184, 186, 190, 194, 196—207, 213, 215, 223—225, 231, 236—241, 245, 246; П, 31₁, 36, 37, 135, 190; IV, 29, 274, 277.

— желѣзныя, I, 167, 190, 196—206, 218, 223, 230, 231, 234, 236, 237, 238, 240, 241, 245; П, 31₁, 37; IV, 40, 44, 45, 55, 276.

Издѣлія золотія, I, 195, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 234, 239, 246; II, 98, 132, 133, 134, 136; IV, 29

— каменные, I, 54, 56—59, 62, 63, 75, 150, 153, 161, 162, 163, 165, 166, 194, 195, 204, 223, 230, 232, 236; IV, 29, 40, 274.

— керамическія, I, 57, 58, 59, 63, 65, 77, 201, 206, 218; II, 31, 35, 37, 137, 138, 173; IV, 31, 274, 275

— костяныя, I, 54, 56, 58, 59, 62—67, 164—167, 177, 183, 186, 204, 228, 232, 233; II, 37.

— кремневыя, I, 53, 56, 58, 59, 64, 65, 162, 164, 165, 194, 205, 219, 222, 226—229, 231, 233; II, 37.

— мѣдныя, I, 204, 218, 233, 240; 241; IV, 25, 275.

— роговыя, I, 55, 57—59, 62—65.

— серебряныя, I, 156, 199, 202, 203, 204, 206; II, 98; IV, 29, 276.

— стекляныя, I, 234.

Изюмскіиъ, П. А., I, 310.

Изюмскій, П. Н., яцкій казакъ, II, 384, 386, 387.

Иназія, II, 54.

Иконографія (иконы, изображенія и проч.)

— Ангеловъ, III, 116, 127, 198.

— Апостоловъ, III, 125, 187.

— Божьей матери, III, 18, 19, 62, 114, 119, 125, 128, 147, 163, 179, 212, 226.

— Б. М. Влахернской, III, 18—26.

— Б. М. Живоноснаго Источника, III, 27—32, 163.

— Б. М. Киріотиссы, III, 14—26.

— Б. М. Милостивой, III, 23.

— Б. М. Одигитриц, III, 14—16, 23—6, 77, 95.

— Б. М. Знаменія, III, 24—28, 183, 192.

— Бориса и Глѣба, III, 116.

— Введенія во храмъ, III, 187.

— Вознесенія Христова, III, 387—395.

— Добраго Пастыря, III, 164, 223.

— Деисуса, III, 188.

— Древа Гессеева, III, 70.

— Иоанна Предтечи, III, 125, 226.

— Крещенія, III, 117.

— Пророковъ, III, 126—127, 179, 209.

— Протоєвангелія, III, 184—186.

— Рождества Христова, III, 190.

— Святителей, III, 125—126.

— Союз, III, 116, 125.

— Сошествія Св. Духа, III, 128.

— Спасителя, III, 45, 62—64, 70, 71, 82, 115, 117, 124, 179, 180—182, 214.

— Стефана, III, 117.

— Страшнаго Суда, III, 192—193, 289, 291—310, 312—321, 324, 326—331, 340.

— Тайной вечера, III, 147.

— Троицы, III, 116.

— Успенія и вѣнчанія Богородицы, II, 212, 218—233.

Изображенія портретныя :

— Василія Македонянина, III, 59, 62.

— Иоанна Палеолога, III, 125.

— Константина и Елены, III, 64.

— Льва Философа, III, 115.

— Мануила Комнена, III, 214.

— Михаила Палеолога, III, 141.

— Феодора Метохита, III, 182—183.

Yldırım, Khân, II, 167.

Иль, патрицій, III, 8.

ИМПЕРАТОРЫ И ИМПЕРАТРИЦЫ :

— Аврелианъ, I, 170.

— Адрианъ, I, 273; II, 121, 122, 123, 185.

- Александръ Северъ, I, 273; II, 121.
- Алексѣй Комнинъ, II, 189, 302₂; III, 72, 73, 105, 208.
- Анастасій Дикоръ, III, 8, 32, 33, 34, 38, 92₁, 131.
- Андроникъ, II, 256; III, 182, 273.
- Андроникъ III, III, 80, 273.
- Андроникъ Дука, II, 260.
- Анна Дукена, III, 73.
- Анна Комнина, III, 18, 20₁, 26, 206, 208, 244₃, 276.
- Анна, мать Алексѣя Комнина, III, 210.
- Антонинъ, I, 275; II, 121, 171.
- Антоній, III, 30.
- Ариадна, жена Зенона, III, 33, 34, 35.
- Аркадій, II, 216, 217; III, 8, 11, 12, 154.
- Ариадія, сестра имп. виз. Феодосія Младшаго, III, 161.
- Валентинианъ, III, 11.
- Валентъ, III, 9, 11, 144.
- Василий II Болгаробойца, III, 69, 71, 78, 245.
- Василий Македонянинъ, II, 303; III, 29, 35, 42₂, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 92, 105, 131, 138, 142, 150, 161, 162, 200.
- Верина, супруга Льва Макелы, III, 30, 107.
- Веспасианъ, II, 29, 30, 121, 182.
- Гета, II, 121.
- Гонорій, III, 10.
- Диоклетіанъ, II, 267; III, 2, 8.
- Домиціанъ, I, 273; II, 36, 121, 182.
- Евдонія, III, 14, 15.
- Екатерина I, II, 377.
- Екатерина II, I, 190, 191, 218; II, 351, 352, 372; IV, 276.
- Евфросинья, III, 54.
- Елена, мать Константина В., III, 7, 8, 14₁, 54, 142.
- Eudocia Comnena (Εὐδοκία Κομνηνή), II, 152, 160, 161.
- Зенонъ (Ζήνων) II, 151, 160; III, 8, 32, 35, 37.
- Зоя, супруга Льва Философа, II, 216; III, 71.
- Ирина, жена Иоанна Комнина, II, 258; III, 211.
- Ирина Дукена, III, 72.
- Ирина св., III, 43₁.
- Ирина Афинянка, III, 47, 50, 51, 64.
- Ирина, жена Андроника Старшаго, III, 211.
- Ираклій, III, 46, 47, 199, 200, 241.
- Исаакъ Ангелъ, III, 73, 172₃.
- Исаакъ Комнинъ, II, 152, 160, 161; III, 73, 205.
- Иоаннъ Комнинъ, III, 72, 73, 204.
- Иоаннъ Палеологъ, III, 80, 125, 208, 242, 246.
- Ювіанъ, III, 11.
- Каракалла, I, 273; II, 30, 66, 120, 121.
- Нантакузень, Иоаннъ, III, 31₁, 80, 156, 240, 267₃, 273, 278, 279.
- Коммодъ, I, 273; II, 30, 36, 67, 120, 121.
- Комнины, III, 15, 17.
- Конрадъ III, III, 72.
- Константинъ Багрянородный, II, 129, 131, 132, 133, 134, 213, 284₂, 292, 303, 306₂, 337₁, 338₁; III, 7, 18, 19, 26, 55, 56, 57, 58₁₋₂, 59, 60, 62, 66, 69, 77, 149, 161, 200, 203, 205, 239₁, 243, 250, 253₂, 254₁₋₃; IV, 150, 152, 272.
- Константинъ В., II, 250; III, 1, 2,

- 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 29,
34, 35, 108, 110, 137, 154,
199.
- Константинъ Копровичъ, Ш, 5, 19,
20, 47, 49, 51, 144, 296, 297.
- Константинъ Мономахъ, II, 152,
161; III, 21, 70.
- Константинъ Палеологъ, Ш, 147.
- Константинъ Погонатъ, Ш, 46, 47.
- Константинъ VI, Ш, 50.
- Константъ, Ш, 46, 47.
- Констанцій, Ш, 6, 9, 10, 12, 109.
- Ксенія, жена Мануила, Ш, 73.
- Левъ Армянинъ, II, 186; Ш, 51,
52, 242.
- Левъ Исаврянинъ, III, 47, 48, 49,
51, 55.
- Левъ Макель, Ш, 17, 30, 33, 163.
- Левъ Философъ, II, 216; III, 24,
29, 31, 37, 55, 56, 60, 66, 67,
79, 115, 124.
- Левъ IV Хазаръ, Ш, 47, 50.
- Люцій Верь, II, 185.
- Маврикій, II, 192; Ш, 14₂, 45, 58₂,
164.
- Мануиль Комнинъ, Ш, 55, 72, 73,
74, 211, 227, 258.
- Марія, I, 26³.
- Маркіанъ, II, 207, 20 ; Ш, 14,
17, 28, 30, 35, 94, 131.
- Маркъ Аврелій, I, 273; II, 30, 121,
185
- Михаилъ, II, 283₂; Ш, 242.
- Михаилъ III, Ш, 52, 54, 55, 56.
- Михаилъ Дука, Ш, 1, 207, 258₄,
270, 279₂.
- Михаилъ Босноязычный, Ш, 52.
- Михаилъ Палеологъ, Ш, 78, 175₄,
248, 279.
- Михаилъ IV Пафлагонъ, III, 70.
- Михаилъ Рангави, Ш, 51.
- Нерва, I, 273; II, 121, 123.
- Неронъ, II, 120, 121.
- Никифоръ, Ш, 51.
- Никифоръ Вотаціягъ, I, 269; II,
152, 160; III, 72.
- Никифоръ Фока, Ш, 130, 243.
- Палеологи, Ш, 15.
- Петръ Великій, I, 273; II, 350, 372,
375, 376, 377, 380, 386, 393,
415.
- Петръ II, II, 377₁.
- Романъ Аргиръ, Ш, 19, 69, 140,
141.
- Романъ Декапень, Ш, 68, 140, 201.
- Септимій Северъ, II, 30, 66, 120,
121.
- Тиверій, Ш, 44, 45.
- Траянъ, I, 273; II, 121, 123, 185,
186.
- Фока, Ш, 46, 64, 153.
- Юліанъ Отступникъ, Ш, 9, 10, 11,
33.
- Юстиніанъ I, II, 148, 216, 251,
252, 253, 260, 336₃, 337; Ш,
2, 3, 4, 7, 9, 15, 17, 31, 34,
35, 38, 40, 41, 42, 43, 44
109, 110, 128, 130, 132, 150, 152,
160, 170, 204, 246, 251, 272₂.
- Юстиніанъ II, Ш, 16, 46, 47.
- Юстинъ, Ш, 14₁, 15, 17, 18, 33,
34, 45.
- Феодора, жена Юстиніана I, II,
253, 336₃, 237; Ш, 40, 43, 44,
132.
- Феодора, жена Теофила, Ш, 52, 54
55.
- Феодора Порфиродная, Ш, 70, 267
- Феодосій Великій, Ш, 9, 11, 14₂,
33, 34, 130, 143, 148, 151,
154, 199.
- Феодосій Младшій, Ш, 12, 14, 26
28, 29, 111, 237, 262.
- Теофилъ, II, 141, 151, 156; Ш,
50, 52, 53, 54, 55, 242.

Иниоимей, царь воспорский, П, 25, 81.
 Иностранцевъ, I, 2, 16₁, 17, 78.
 Иречекъ, Ш, 297; IV, 112, 118,
 148_{1,3,4}, 50₃, 152₂, 171₃, 172₂, 182,
 186₁, 188, 197, 200, 215, 216₂,
 219, 227, 239, 240, 243.
 Ироиды (Ἰρωίδες), П, 109, 110.
 Иронъ (Ἰρων), П, 273, 274₂, 275₁₋₃,
 276₁₋₃, 277₁₋₂, 278₁, 279₁₋₃, 280₂,
 281₁₋₂, 282₁, 283₂, 287₁₋₂, 288₁,
 295₁, 299₂, 300_{1,6}, 301₁₋₃, 322₂.
 Исидоръ Фессалоникійскій, П, 203₃₈,
 206, 214.

I.

Иаковъ, священникъ, П, 260₃.
 Jamieson, П, 188.
 Иеранъ, летописецъ византийскій, Ш, 258.
 Ἰερῶς, П, 26, 27.
 Иерингъ, IV, 128, 174, 196₂.
 Иеронимъ (псевдо—), П, 211, 229.
 Иеровей, П, 208, 209, 212, 214, 217,
 218, 220.
 Иеттелейсъ, I, 1, 18.
 Imhoof-Blumer, П, 84, 95.
 Ἰωαννῆσιος, сынъ Исаака Комнина, П,
 160, 161.
 Иоаннъ Богословъ, П, 192, 196, 198,
 207₃₁, 214, 221, 222.
 Иоаннъ Грозный, П, 222, 233, 347, 365, 366.
 Иоаннъ Дамаскинъ, П, 207, 208, 210;
 Ш, 29, 185, 296.
 Иоаннъ, епископъ Фессалоникійскій, П,
 197, 193, 203, 204, 206, 230.
 Иоаннъ Златоустъ, I, 287—293; Ш, 6,
 11, 12, 343, 350.
 Иоаннъ Креститель, П, 151, 153, 155,
 157, 158, 159, 222₉₇; Ш, 199.
 Иоаннъ, монахъ, П, 142, 143, 145, 146₃₂,
 148, 150—160,
 Ἰωάννης σακελλάριος, П, 178, 179.

Иосафъ, митрополитъ, П, 365.
 Ионесъ, I, 78₃, 79.
 Yoros (Υέρος), П, 145, 146, 147, 164,
 167, 168.
 Иосифъ Аримаейскій, П, 204, 205, 206,
 230.
 Jugum, П, 399.

K.

Каваллини, художникъ, Ш, 195.
 Кавальназеле, Ш, 194₁; 195, 287.
 Cazalis de Fondouce, I, 104.
 Казиміръ IV, король польскій, I, 309;
 П, 425.
 Kaibel, П, 144₂₂, 184.
 Каламій (καλάμιος, καλάμιον), П, 275,
 282₁, 287₁, 320, 323, 324, 331.
 Калачозъ, П, 346₁; IV, 204₃, 217, 223₁,
 244.
 Калга, П, 351, 357.
 Καλήστος, ἐπίσκοπος Γλαβενίτης καὶ Βε-
 λαγράδου, Н, 174.
 Калмынозъ, IV, 139₁.
 Канале, П, 38.
 Кананъ, Ш, 257₁, 258, 259, 264, 269.
 Кандидъ, патрицій, Ш, 207.
 Канкринъ, И. В., I, 190, 191.
 Канна (κάννα), П, 307.
 Κάνωβος θρακυδάμαντος, П, 169.
 Кантъ, 9; IV, 7, 19.
 Каппъ, 9, IV, 3, 5.
 Карадничъ, В., IV, 148₂, 149₁, 154,
 158₂.
 Карамзинъ, I, 269, П, 269; П, 39,
 41, 346_{2,4,5}, 347_{1,2}, 361₃, 366₃;
 IV, 112₄, 117, 156₃, 159₂,
 162₂, 213₁.
 Карамзинъ, М., поручикъ, П, 385, 387.
 Караеводори, К. С., Ш, 236, 237₁.
 Карраро, Д., венеціанскій посланникъ, П,
 356, 359.
 Carthailhas, I, 117, 153₃₆.

Картинки народные, III, 318₃, 319, 320, 321, 353, 372, 391.

Каруна, III, 319.

Карцова, А. А., I, 206.

Катакомбы, I, 193, 194, 197; III, 28.

Катастихъ, II, 333₂.

Κατατομή, II, 283.

Κατσίνος, II, 285, 292.

Κατομερία, II, 304₃, 307.

Нагрѣжъ, I, 232.

Качаловъ, капитанъ, II, 389, 390, 391, 395.

Кварезмій, III, 61₁.

Квинтъ, Курцій, I, 251.

Кедринъ, виз. хроникеръ, III, 7, 29, 33, 38, 109, 142, 199, 260.

Кёлеръ, I, 183, 187; II, 44, 50, 72, 80, 81, 88, 92, 110₇, 127, 131₈.

Кельсіевъ, I, 242.

Кельтъ (орудіе) I, 153, 159.

Кёне, баронъ, I, 268, 270; II, 32, 72, 76, 80, 81, 82, 85, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 99, 101, 102, 105, 106, 108, 109, 110₇, 111, 112, 113, 130₃, 131₈.

Κεντηνάριον, II, 294.

Кёппень, I, 280₂; II, 32, 44, 50, 433₁.

Кератій (kerátion), II, 288₄, 294, 328₂.

Керцелли, Н. Г., I, 242, 250, 252.

Κετζίσο χάστρον, II, 284₂.

Кининъ, кропивненскій воевода, II, 366₂.

Киннамъ, III, 95₁.

Кинѣстомъ (καίνεστομος), II, 277, 278.

Кипчакскіе бей, IV, 104, 106, 107, 108, 109.

Кирдѣевичи, I, 307, 309.

Кирилловъ, оберсекретарь сената, II, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 389, 393, 395, 396.

Кириллъ св., I, 276, 277.

Кириллъ Туровскій, I, 280; III, 371.

Κοριαχός, Λογούγραφος, II, 173.

Кирпичниковъ, А. И., II, 51₁, 191; III, 387.

Кирхгофъ, II, 62.

Кирхеръ, III, 14₁.

Киръ, префектъ, III, 26.

Кирѣевскій, П., II, 358₂.

Kiatib-Tchélébi, II, 163, 165.

Клавихо, II, 343₁, III, 17₂, 69, 71, 87, 94, 95, 113, 119, 146, 147, 203, 204, 205, 211₃.

Klaproth, II, 184.

Кларкъ, путешественникъ, IV, 27.

Клебсъ, I, 64, 67.

Клэрнъ, II, 44, 50.

Klimrath, IV, 180₁.

Clodius, A., II, 56₃, 57₅, 58₃, 62₁₄, 63₁₉.

Клофлейшъ, проф., I, 72, 78, 79₄, 80, 83, 84, 85.

Кобль (мѣра), II, 315.

Ковалевскій, М., IV, 142₁.

Кодинъ, II, 189, 190; III, 7, 8, 9, 13, 14₁₋₂, 19, 29, 30, 31, 32, 35, 41, 42₃, 46, 54, 64₁₋₄, 108₃, 109₁, 110, 123₂, 127, 131₁, 135, 136, 137, 143, 154, 155₁, 168, 169, 170, 175₃, 182, 183, 217, 219, 261, 262, 270.

Coelbren, I, 76.

Cohen, H., I, 170₁₀₄.

Ноккій (κοκκίον), II, 288₄, 289, 294.

Колларъ, II, 433₁.

Нолонны, III, 45, 70, 99, 100, 106, 107, 129, 137.

Нолонна Аркадія, III, 147—155.

Нолонна Маркіана, II, 266; III, 218—219.

Нолосовъ, II, 430.

Комосарія, царица воспорская, II, 93, 97, 99.

Конашевичъ Сагайдашный, гетманъ, II, 371.

Кондаковъ, Н. П., I, XLIV, LXXIV;
 П, 129, 213₈₈, 227, 261; III, I,
 263, 267, 272₂, 287, 298, 341,
 388, 389, 392, 393, 394
 Кондиль (κόνδυλος), II, 277, 278, 282₁,
 307₁.
 Константинъ Логоветъ, III, 48₁.
 Константинъ Пресвитеръ, I, 294.
 Κωνσταντίνος, χαρτουλάριος, II, 161.
 Κωντοπάλουχα, II, 285, 292.
 Коробейниковъ, II, 221.
 Корсановъ, Д. А., I, IX, XIII, XIV₁, XIX.
 Cosaques, II, 164, 165, 168.
 Косма Веститоръ, II, 230.
 Косма, игумень, III, 377.
 Косма Индопловъ, II, 127, 187, 298,
 340.
 Κοσμητής, II, 27.
 Кости колотыя, I, 57, 58, 59, 66.
 Кости человѣческія, I, 58, 60.
 Костище (скопление костей), I, 2, 24.
 Косынка (рѣзь на палкѣ), I, 76, 80.
 Котошихинъ, I, 256; II, 363₂, 367,
 369.
 Kosh, II, 127.
 Кочубинскій, А. А., II, 433₁.
 Кране, II, 16.
 Красовскій, А. Ф., I, XLIV, LXXXIII,
 LXXIV; III, I.
 Краузъ, К., III, 287, 288, 301, 387.
 Крижаничъ, Юрій, II, 345, 354₄.
 Кро-Мальонъ, I, 74.
 Кромлехъ, I, 110, 111, 114, 115, 118.
 Кроу (Crowe), III, 194₁, 195₁, 287, 303.
 Крузій, М., III, 205, 209.
 Crusius, II, 177.
 Крушицы, село, II, 315.
 Крыловъ, А. А., IV, 26.
 Крымовъ, IV, 51.
 Крымъ-Гирей, ханъ, II, 351.
 Ксенофонтъ, писатель, I, 251.
 Ксенофонтъ, художникъ аѳинскій, II, 83.
 Ксестъ (ξεστός), II, 290₂.

Ксилонокъ (ξύλοκοκκον), II, 289.
 Куглеръ, III, III, 287, 330, 331.
 Кудрявцевъ, П. П., I, 3, 4, 5, 6, 36.
 Кулаковскій, Ю. А., II, 51.
 Кулишь, П., II, 355₁, 360₂, 363₁, 401₃.
 Куманудиоъ, II, 74, 82, 114.
 Кунинъ, академикъ, I, 268, 270.
 Кунъ, А., IV, 141₁, 142.
 Курбскій, князь, II, 344₂, 353₃.
 Курганы: I, 11, 12, 13, 32, 33, 136,
 137, 151, 152, 153, 154, 155, 156,
 157, 164, 181, 184, 189—207,
 208, 213, 214, 220—234, 235,
 239, 240, 241, 242, 243, 247,
 250, 251, 252; II, 98, 136, 137;
 IV, 28—73.
 Курисъ, П. П., I, LXXI, LXXIII, LXXIV,
 LXXVI; II, 51, 119.
 Curtis, С. G., II, 187.
 Curtius, II, 169.
 Кухонные остатки, I, 1, 5, 6, 66, 118,
 219; IV, 273.
 Couchaud, III, 31, 176₂.
 Кудинскій, I, 242, 243, 244, 252.
 Кери (Cary), II, 72.

Л.

Лабартъ, III, III, 54₁, 59₂, 60, 63_{1,2},
 82, 95₁, 97, 107, 108₁, 110, 124₁,
 127, 130, 136, 186₂, 224.
 Лавринъ-Война, II, 420, 421.
 Лавревскій, П. А., IV, 193₂.
 Лазаревскій, А. М., IV, 81.
 Лазаревскій, посланикъ, II, 367.
 Лазарь, художникъ византийскій, II,
 151, 157; III, 52.
 Ламанскій, В. И., II, 356, 372₁.
 Lambetius, II, 192₂; III, 16₁.
 Ламбѣцкій, III, 262₂.
 Лампросъ, Сп., II, 286₁, 302₂.
 Ланге, IV, 216, 231, 236, 238, 242₁,
 248.

Langlois, II, 34, 40.
 Ландспергъ, Геррада, аббатиса, III, 299.
 Lane Тох, I, 249₂, 251.
 Латышевъ, В. В., I, XLV; II, 44, 120,
 434.
 Lauth, I, 85₁.
 Лаферриеръ, IV, 175₃, 176₁, 177₆, 178,
 179, 180₁.
 Lachmann, II, 273₁.
 Лашковъ, О. О., IV, 96.
 Лёббокъ, I, 73₃.
 Левъ Діаконъ, I, 100, 242.
 Левнонь, II, 74, 75, 76, 77, 82, 86,
 87, 88, 89, 91, 92, 93, 95, 97,
 99, 115, 116.
 Легранъ, III, 238₂.
 Ледниковый періодъ, I, 30.
 Le Non, I, 164₈₈.
 Leist, В., IV, 141₁, 166₁, 174₁₂.
 Лейхтенбергскій, герцогъ, I, V, VI.
 Лелевель, IV, 28.
 Ленорманъ, I, 74; II, 20, 72, 96,
 97, 116.
 Ленуаръ, А., III, 215, 216, 217.
 Леонидъ, архієпископъ, III, 88, 114₁.
 Леонтовичъ, О. Н., IV, 111.
 Леонтьевъ, П. М., II, 40, 46; IV, 28.
 Лепта (λεπτόν), II, 288₄, 294, 301₂,
 323.
 Лерхъ, П. Ш., I, 153₇.
 Лесъ, I, 51.
 Леунклавій, III, 141, 159, 202, 203,
 248, 249₃, 258, 261, 262₁, 269₁,
 271, 278.
 Лешковъ, IV, 254₁.
 Ливъ, патрицій, III, 216.
 Лизимахъ, II, 91, 95, 96, 116, 117.
 Лизій, II, 74, 86.
 Линде, С. В., II, 430, 432₁.
 Линденшмидтъ, I, 242, 245, 248; IV, 9.
 Lipsius, II, 192₆, 195₂₄, 207₅₁.
 Литовскій статутъ, IV, 231, 238, 239,
 241, 244, 245, 246.

Литра (λίτρα), II, 281₁, 288, 289, 290₂.
 Litera risolutoria, II, 179.
 Лихачевъ, А. О., I, 135.
 Лихудъ, Константинъ, III, 71.
 Лицо (" "), IV, 215, 216, 217, 218,
 232, 236₂, 238, 240.
 Λίθος (ὁ ἐν τῷ ἐκκλησιαστικῷ), II, 169.
 Ліудбрандъ, III, 65.
 Λογαριασμός, λογαριαστικῆς, II, 333, 334₂.
 Λογοθέτης, II, 334₃.
 Локоть (πῦχος), II, 278, 296₁, 301,
 322.
 Лопатинъ, I, 37, 42, 43, 44, 45, 46,
 241.
 Лопатка, I, 55, 56, 59, 64, 65, 66.
 Лохвицкій, А., II, 368.
 Lucas, métropolitain de Mesembria, II,
 152, 160.
 Лужско, село, II, 315.
 Лукианъ, II, 94, 117, 185, 186.
 Лучицкій, Н. В., I, XLV; IV, 81.
 Лызловъ, Андрей, II, 360₂.
 Лысенко, II, 399₁.
 Людерсъ, О., II, 23.
 Люиксъ, А. Г., I, XLIV; II, 250; III,
 I, 134, 208₂, 281.
 Люкъ, Ж. де, II, 355₂, 356₅, 358₁₂,
 360.
 Люперольскій, П. Ш., II, 42.
 Лютцовъ, К., III, 166₄.
 Люценно, I, 164₂; II, 106.

М.

Мабильонъ, III, IV.
 Maine, IV, 174₁, 175₃.
 Maunard, II, 228₁₁₃.
 Манарій, архієпископъ, II, 232₁₃₃.
 Манарій, митрополитъ, II, 365.
 Максимовичъ, М., II, 371₁.
 Максимовъ, I, 310.
 Макушевъ, IV, 139₁.
 Малевскій, I, 86₁.

- Малининъ, В., I, 280₁₁.
- Малорусское земное устройство, II, 316—319.
- Мамонтова глина, I, 51, 53.
- Мамонтовы ности, I, 182.
- Мандевиль, III, 395.
- Mannhart, II, 223.
- Мансветовъ, Н. Д., I, 181₁₄₈; II, 51₁; III, 309.
- Мансурскіе бей, IV, 100—101, 107, 108, 109.
- Марія, дочь Исаака Комнина, II, 152, 160.
- Μαρία Κορυθαλένη, II, 176.
- Marquardt, IV, 174₁.
- Маркевичъ, А. И., II, 398.
- Маркіанъ, анагностъ, Ш, 12.
- Марковъ, Е., Ш, 247₃.
- Маркъ, Г., художникъ визант., III, 314.
- Martin, Th. H., II, 56₂.
- Мартиньи, аббатъ, Ш, 22, 27, 387.
- Мартыновъ, I, 247₁; IV, 28.
- Масловъ, В. П., II, 373, 392₁.
- Мастерская (мѣсто, гдѣ находится много осколковъ кремней), I, 161, 162.
- Матвѣевъ, А. А., I, XLVI.
- Маттеи, I, 284, 286, 288, 289, 290, 292.
- Махарестъ, царь воспорскій, II, 78, 103, 104, 107, 108, 109.
- Maurer, IV, 176₁, 177_{3, 4, 6}, 178₁, 220, 251₁.
- Маѣвскій, В., II, 423₁, 427₃; IV, 112, 114₄, 115₁, 148₁, 150₃, 151, 183₄, 186₁, 188.
- Мегалитическія сооруженія, I, 103, 104, 105, 106, 109, 117, 118, 119, 120, 122, 133.
- Мегалитъ, I, 113, 117, 118, 119, 122, 133.
- Медимнъ (Μέδιμνος), II, 300₂.
- Медуза, I, LXXI, LXXII.
- Мейеръ, II, 100, 124.
- Мейеръ, Д. И., II, 407.
- Мейчикъ, IV, 190₁, 192₁, 195, 202₁, 204₅, 206, 208₃, 209, 213₄, 221₄, 222, 223, 224, 225, 254_{2, 3}, 267, 268.
- Мелитонъ, епископъ Сардійскій, II, 192, 203.
- Мелитонъ (псевдо-), II, 230.
- Мельникъ, Е. Н., I, 103.
- Мемлингъ, художникъ, Ш, 330.
- Менестріе, іезуитъ, Ш, 148, 149.
- Ментръ, I, 108, 109, 117, 128, 122, 133, Меркуловъ, I, 106.
- Метафрастъ, Симеонъ, Ш, 161₂, 185, 207.
- Метохитъ, Θ., Ш, 79.
- Метритъ (μετρογίτης), II, 304₂.
- Мецофанты, II, 12, 22.
- Мечниковъ, И. И., I, 232.
- Меводій св., I, 276, 277; Ш, 56.
- Меводій, монахъ-художникъ, Ш, 297.
- Миддендорфъ, академикъ, I, 22₁, 46.
- Migne, II, 142₇, 192₃, 198₃₀, 207₃₂, 208₅₄, 209₅₆, 211, 213₆₅; Ш, 18₁, 47₁, 50₁, 59₁, 95₁, 113₁, 149₂, 200₄, 208₁, 225₁, 238₂, 294, 295.
- Минель-Анджело, Ш, 3, 288, 330, 331.
- Миклошичъ, Ф. Р., I, 280₇, 302; II, 296₁, 309₁; IV, 125₁, 126₂, 127₁, 136, 150₃, 153, 158, 159, 166₂₋₄, 182₁, 183₂, 185₁, 193_{1, 2}, 194, 196_{1, 2}, 198₁₋₃, 200, 201.
- Μισέλλης, II, 42, 43.
- Миллеръ, В., IV, 149₂.
- Miller, E., II, 142₃.
- Милліарсіей (μιλιαρίσιον), II, 294, 322.
- Миллій, I, 284, 287.
- Millingen, A., II, 149, 170.
- Миля (μίλις), II, 296.
- Миней, II, 214, 215, 223.
- Миніатюры, III, LXXIV, 298, 299, 300, 304, 311, 322, 335, 337, 338, 339, 340, 346, 347, 351, 352, 355, 356, 357, 358, 359, 361, 367, 368, 369, 371, 374, 376, 377, 389, 390, 391, 392, 393.
- Михаилъ Акоминатъ, II, 286₁, 302₂.
- Михаилъ Студитъ, III, 143₁.
- Михалонъ Литвинъ, II, 345, 346₁, 347, 348₁, 353, 354₄, 355 сл.
- Миерадатъ VI Эвпаторъ, царь Понтійскій,

II, 32, 33, 35, 36, 50, 70, 77, 78, 82, 88, 94, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 117, 118.

Μαθραδάκης, II, 183, 184.

Mionnet, II, 84, 110, 120.

Модестовъ, В. И., II, 1.

Модій (μῦδιος), II, 281, 287—290, 293, 294, 296, 300, 304, 320.

Μοδ.σμός, II, 281, 286, 293, 294, 300, 301.

Можаровскій, А. О., I, 316.

Мозаики III, 48, 57—71, 79, 95, 112, 115—117, 119, 120, 122—128, 134, 147, 163, 177—191, 180, 204, 209, 225—227, 296.

— въ монастырѣ Дафны въ Константинополѣ III, 186.

— въ Капуѣ, III, 300.

— въ Киевѣ, I, LXXIV.

— въ Равеннѣ, III, 288, 292, 296.

— въ св. Софїи Б-ской III, 115—117,

— въ ц. Спаса Хора (Кахрие-джамиси въ Б-полѣ), III, 177, 191.

— Торчельскія, III, 301, 302, 303, 305, 335, 344, 346, 367, 369.

Мойсей Хоренскій, I, 149₄₈; II, 288₂.

Момизень, II, 30, 60, 120, 182, 185.

Монастыри (см. церкви), II, 140, 141, 147, 150, 167; III, 36—38, 55, 57, 67, 73, 79.

Montovani, P., I, 83.

Montfaucon, II, 277₂, 303₁; III, IV.

Mordtmann, I. H., II, 58, 59, 62, 146, 147, 148₃₆, 150, 163, 169, 182; III, 86, 97, 139, 157, 211, 236, 239₂, 243₁, 245, 246, 248, 252, 254, 255, 259₃, 264₂, 266, 267₂, 269, 270.

Мори, А., III, 345.

Морошкинъ, IV, 183₁, 189.

Morris, II, 188.

Mortillet, I, 74, 77, 79₃, 80₁, 104, 105, 117, 126, 131₁.

Мрочекъ-Дроздовскій, II, IV, 111₂, 123, 124, 158₃, 190₁, 196, 197, 199, 201₂, 231, 236₂, 238, 247, 266, 270.

Мужи (юр.д.), IV, 193—197, 202, 203, 204, 206, 207, 209, 212, 213, 214, 218, 222, 223, 224, 225.

Мунтедиръ, халифъ, I, 149, 212.

Муньзенская земля, II, 315.

Муравьевъ, А. Н., III, 123, 125, 324.

Murad, sultan, II, 166.

Murali, I, 172₁₁₅; II, 141₂, 151, 152; III, 30₁, 81₁, 169₃, 200₅, 260₂.

Муратори, III, IV.

Мурзаневичъ, Н. Н., I, XLIV; II, 37, 46, 50, 122, 132, 416₁; III, 21₃.

Мурзуфль, III, 130.

Муромцевъ, IV, 130.

Мусина-Пушкина, графиня, II, 49.

Mussafla, II, 225₁₀₄.

Мухамедъ II, султанъ, III, 253, 270.

Мухановъ, IV, 209, 213₂, 222₁, 223, 238₂.

Мюллеръ, Е. О., II, 116.

Мюллеръ, М., I, 78₃; II, 125; IV, 15, 149₂.

Мюллеръ, С., I, 238, 239.

Мюльманъ, III, 139, 166₄, 167₂.

Мюнхъ, X. (наставникъ Велькера), II, 9, 10.

Мюре, Э., II, 103.

Мэнь, II, 112.

Н.

Nadaillac, I, 104₁, 115₁, 117₃, 118₁, 119₁, 121₁, 122₁, 123₂, 125, 126₂₅, 130₁, 131₃.

Надписи, I, 99, 274, 275; II, 24, 25, 30, 31, 33, 37, 70, 71₃₀, 74, 77, 78, 82, 86, 87, 88, 8₁₁, 90, 98, 120, 144, 146₃₂, 169, 170, 171—174,

- 182—184; Ш, 174, 219, 221, 224,
252, 255—256, 275, 340, 341.
- Надѣль поземельный въ Византіи: пѣшій,
II, 304, 315, 316; военноконный, II,
304, 305₁, 335, 336.
- Нарзесъ, III, 44, 46.
- Нарядъ (юрид.), IV, 159.
- Натузіусъ, I, 1, 22, 23.
- Науманъ, I, 1, 29.
- Νεανίσταρχος, II, 127.
- Невоструевъ, К. И., I, 152, 153, 155, 159,
170, 172, 180_{141—2}, 282.
- Нейбауеръ, II, 65₂₁.
- Некрасовъ, I, 311 сл., 315.
- Νέσι αί, II, 27.
- Неолитическій періодъ, I, 22, 47, 66,
72, 77, 83, 93, 105, 149, 161, 164.
- Неплюевъ, И. И., II, 393, 394, 395.
- Нерингъ, I, 1, 7, 13, 16, 17₂, 18, 19,
20, 29, 33.
- Несторій, III, 13, 14, 15.
- Несторъ, II, 132; IV, 155.
- Неуманъ, II, 39.
- Нефедовъ, Ф. Д., I, 36₁.
- Нибуръ, II, 23, 42.
- Ника, II, 96, 97, 101.
- Никита Хоніать, III, 73₁, 76, 77, 154,
172₃, 210, 245, 273, 275, 276.
- Никифоръ Григора, I, 149; III, 79, 80,
83, 161, 169, 170, 171, 173, 178,
183₁, 220, 225, 240, 241₂, 273.
- Никифоръ Каллистъ, II, 192, 208; III,
5, 9, 10, 14, 31, 33₃, 38, 47, 163.
- Николай, III, 55₂.
- Nicolas, M., II, 210₆₀.
- Νιχόμαχος, II, 170.
- Нильсонъ, I, 84.
- Нимфей, городъ, II, 83, 94, 98₃.
- Новгородская грамота, IV, 230₂.
- Новелла (виз.), II, 292, 336.
- Номисма (νόμισμα, перперъ), II, 279, 288₄,
294, 328₂.
- Норовъ (юрид.), IV, 127, 135.
- Нотара, IV, 96.
- Нуарэ, Д., IV, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11,
12₁, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 22,
23, 25.
- Нуклей, I, 56, 58, 63.
- Нуррединъ, II, 351, 357.
- Нѣне, II, 17, 19.
- .
- Обеть, I, 41₃.
- Обычай (юрид.), IV, 126, 135, 150.
- Овербенъ, II, 96.
- Овиній Тертулья, II, 67.
- Оволь (ὄβολος), II, 288₄, 294.
- Овсяный, Р., I, 99, 100.
- Одиссей, II, 127.
- Океанъ, II, 126.
- Окладъ казенный (въ Византіи), II, 337₂,
338 (αίτιας).
- Олеарій, I, 261, 262.
- Олимпиада св., III, 14₂.
- Ольга, русская княгиня, III, 65, 86.
- Омаръ, III, 46.
- Omout, H., II, 295.
- Ὀμοτραπέζος, II, 27.
- Онганья, II, 229₁₁₉; III, 21₁.
- Описи царекъ византійскія, II, 282₁.
- Опсикій (оема), II, 323.
- Оранта, II, 227.
- Оргія (ὄργια), II, 281 сл.; 287₁, 293,
296₁, 297, 300, 301, 320, 322.
- Ordericus Vitalis, II, 189.
- Оригенъ, I, 288, 293; II, 210; III, 13.
- Орнанья, А., художникъ, II, 228, 229₁₁₉;
III, 329.
- Орловъ, II, 401₅, 406₂.
- Орнаментъ, I, 72, 73, 77, 78, 79, 80,
81, 82, 83.
- Оронтъ, сынъ Абаба, II, 131₆.
- Орсини, аббатъ, II, 197₂₈.
- Орудія, IV, 5—20.
- Оружіе, IV, 21—25.
- Орѣшниковъ, А. В., I, XLIV; II, 76, 77

78, 80, 104, 105, 108, 114, 115,
116, 117, 118.

Оссовскій, Г. О., I, 47, 205.

Отложенія эпохи сѣвернаго оленя, I, 41.

Оуэнь, I, 29.

П.

Павель, епископъ к--польскій, III, 10,
12₁, 37.

Павель, посадиикъ Новгородскій, III, 305.

Павзаній, I, LXXI, 313; II, 85.

Павлинь, епископъ Ноланскій, III, 291,
292.

Павловъ, А. И., IV, 126, 137, 159₂,
163, 198, 202.

Паланъ, царь скиѣскій, II, 33, 34.

Палафитовыя жилища, I, 50.

Палестъ (*παλαιστής*), II, 277, 278, 282,
297.

Палій, II, 400.

Палладій, мнихъ, III, 261, 321, 334,
335, 336, 337, 342, 343, 347, 351,
354, 357, 368, 369, 376.

Палласъ, I, 26, 27, 136; II, 44.

Пандентъ, I, 280, 287, 294.

Пантюховъ И., II, 400.

Пандироль Г., III, 157, 200.

Панъ, II, 85, 86.

Пападопуло - Керамевъ, А., II, 71₃₀,
140, 171, 177, 288₂, 304_{1,2}.

Папарригопуло, А. И., I, LXXIII.

Параскева св., III, 68.

Παραφύλακτος, II, 27.

Паринъ (*Πάριος*), II, 385₃, 334.

Paris, P., II, 205₄₇.

Parthey, II, 177.

Паспати, III, III, 5, 17₁, 18₂, 81₂,
82, 85, 86, 97, 98₁, 104₁, 108₂,
113, 129, 130, 131, 132, 133, 138,
139, 141, 142, 143, 160, 161, 162₁,
164₁, 165, 168₄, 202, 203, 205,
206, 207, 208₁, 209, 210, 211_{1,2}.

216, 217, 235, 238₁₋₄, 239_{1,2}, 240₁,
241, 242, 245, 246_{1,3}, 247₁₋₃, 251,
252, 253₁, 254, 256, 257, 258, 259,
260, 263, 265, 266, 267, 268_{1,2,4},
269_{1,2}, 270, 272, 273, 275, 276,
277, 278.

Пастуховъ, ротмистръ, II, 391.

Πατήρ συνόδου, II, 26.

Патина пещерная, I, 56, 57, 58, 59, 60,
65, 66, 85.

Патріархи :

— Алексѣй, III, 71.

— Анеимъ, III, 40.

— Арсеній, III, 79, 161.

— Аттикъ св., III, 12.

— Аванасій, III, 7, 10.

— Геннадій, III, 30, 212.

— Германъ, II, 213, 216; III, 48,

— 51₁, 169, 185.

— Григорій Назіанзинъ, III, 6.

— Dosithee, II, 177.

— Eutychius, II, 151, 159.

— Иоаннъ, III, 52, 55.

— Иоаннъ Веккъ, III, 220.

— Калининъ, III, 17.

— Кирилъ Александрійскій, III, 13,
336, 363, 368, 370, 371.

— Кирилъ Іерусалимскій, I, 280.

— Cyrille Lucaris, II, 178, 179, 180.

— Кириакъ, III, 14₂, 46, 139.

— Киръ св. III, 169.

— Константій, II, 146_{3,2}; III, III, 7,
81₂, 85, 104₂, 113, 117, 141,
147₃, 156, 161, 207, 209, 216,
221, 236, 248, 255, 256, 260,
261, 267, 274, 275, 276, 278.

— Македоній, III, 10, 12.

— Мартинъ (папа), III, 17, 245.

— Μελέτιος, II, 181.

— Ménas, II, 151, 159.

— Métrophane II, 177, 178.

— Михаилъ Беруларій, III, 71.

— Никита, III, 50, 225.

— Никифоръ, II, 186; III, 51, 144.

- Nicolas Grammaticos, II, 151, 160, 161.
- Сергій, III, 47.
- Сизиній, III, 12.
- Тарасій, III, 144.
- Фортунатъ, II, 205.
- Фотій, III, 21, 59, 61, 62, 105, 165.
- Пахимерь, Г., II, 209₅₆; III, 78₁, 79, 80, 161, 220, 237, 248, 252.
- Пахманъ, IV, 190, 196, 199, 270.
- Педіасимъ, Иоаннь, II, 274₂, 275₁, 280₃, 281_{1,2}, 282₁, 295₁, 298₁, 300₁, 301_{1,2}, 323₁.
- Первольфъ, Н. Н., I, 307.
- Пережитки, IV, 2, 24.
- Перетятковичъ, Г. Ш., II, 373.
- Перисады, II, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 82, 84, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 107, 115, 116, 117, 118.
- Περὶ ῥοσμός, II, 279, 280₁.
- Перовскій, Л. А., графъ, I, VI, VII; II, 46.
- Перперъ (πέρπυρον), II, 278, 279, 288₄, 304, 305, 306, 315, 322, 328₂, 333.
- Песеций, С., II, 430.
- Пестикъ (pesteur), I, 56.
- Петровъ, Н. Н., II, 214₇₁, 414₁; III, 326.
- Петръ, братъ императора виз. Маврикія, III, 45.
- Петръ Даміанъ, II, 225.
- Печать—σφραγὶς μολυβδίνης, II 285, 286; σφραγὶς δεσποτικῆς, II, 338.
- Pictet, A., I, 84; IV, 125₁, 126₁, 141₁, 142, 158₁, 165, 166₁, 196₂.
- Пиктографія, I, 77.
- Пинань (πινάκις, πινάκιον), II, 300.
- Пинарь, I, 41₂.
- Pindare, II, 143, 144.
- Пиперъ, Ф., III, 287, 292, 339, 343, 353.
- Писцовыя книги, II, 333₁, 335₃;—Барцелонская II, 328;—Лампсакская II, 304₅;—Хяландарская II, 314; II 420, 421, 422, 423, 431.
- Плано-Карпини, II, 41, 342, 343₁.
- Плантаціи виноградныя, II, 286—287; ихъ измѣренье, II, 320 сл.
- Плетръ (πλάθρον), II, 287, 295₂, 296₁, 320.
- Плиній, I, 26, 169; II, 9, 30, 37, 84, 185₁.
- Plitt, I, 279₁.
- Плутархъ, II, 9, 109, 302.
- Побратимство см. братство.
- Подшиваловъ, А. М., I, LXXI₁, LXXVIII₁; II, 72, 76₂₄, 102₁₂, 103, 104, 108, 111, 112, 119₁.
- Пожарскій, С. Р., князь, II, 350.
- Поклепъ (юрид.), IV, 226—231, 233, 236.
- Поконъ (юрид.), IV, 150, 158, 159, 260.
- Покровский, Н. В., III, LXXV₁, LXXVIII₁, 285.
- Полемонъ, царь веспорскій, II, 24, 103.
- Поливій, II, 143₁₄, 307₁.
- Поль, А. Н., I, LXX.
- Поляковъ, И. С., I, 3, 4, 15, 27, 28, 43.
- Помяловскій, И. В., I, XLV; II, 24, 47, 48, 49, 52, 54, 55, 182.
- Понятыя (όμοταί), II, 333.
- Попова, М. Н., II, 397, 403₂, 409₁, 410₄.
- Поповъ, А., II, 215.
- Поповъ, Н., II, 378₁, 380₁, 381₁, 385₂.
- Поповъ, I, 45.
- Pôroz, moine, II, 166, 167.
- Портигъ, Г., III, 287₁.
- Посейдонъ, II, 101, 144; вапище его, III, 9.
- Πόσισον, II, 181.
- Пословицы (юрид.), IV, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 210—212.
- Послухи см. свидѣтели.
- Посниковъ, дьякъ, II, 370.
- Потебня, II, 359₂, 430.

Потоцкій, графъ, II, 45, 50.
 Пошлина (юрнд.), IV, 136, 137, 138, 150, 160, 255—256, 261.
 Поясъ Богородицы, II, 204, 216, 217, 218, 223, 230, 231.
 Правда (юрнд.), IV, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 122, 123, 124, 125, 131, 134, 137, 266, 267, 268, 269.
 Прагматевонтез 'Ρωμιαία, II, 25.
 Праховъ, А. В., I, LXXIV.
 Преданье (юрнд.), IV, 136.
 Прендель, Р. А., I, XLIV, 216.
 Приснь (Криспъ), преекть, III, 169, 170.
 Пританисъ, сынъ воспорскаго царя, II, 87, 98.
 Пробъ, строитель церкви, III, 144.
 Прокопій, II, 141, 148, 337₁; III, 9, 11, 17, 31, 34, 39, 41, 42, 43, 124, 168₄, 170₂, 172, 246₃, 248, 249, 251, 272; IV, 134₁.
 Пронсенія, II, 74, 84.
 Проня (прѣвоица), II, 334, 335.
 Просодихѣс, II, 25.
 Протогенъ, II, 42, 49.
 Прохоровъ, В. А., III, 305, 306, 390, 393.
 Псалтырь, I, 280, 299.
 Псифисмъ, II, 32, 33, 36, 74, 82, 86, 114, 132₁₄, 169, 300, 324, 434.
 Псковская грамота, IV, 220, 221, 230₂, 241, 261.
 Ψωμίον, II, 302, 307.
 Птоломей, II, 30, 34, 37, 135.
 Руппа, III, 2₁.
 Пульхерія св., II, 207; III, 14, 15, 17, 28, 29, 30, 45₂.
 Пусей, III, 260, 270.
 Путятинъ, П. А., князь, I, 34, 72.
 Пуцичъ, IV, 166₂, 167₂, 193₁.
 Пьетреманъ, I, 1, 28, 30.
 Пѣснопѣнія на успеніе Богородицы, II, 217 сл., 221 сл., 232.
 Пюльгеръ, III, 160₂, 162₂, 171, 173₃, 174₁₋₂, 176_{1,3}, 177₁₋₅, 179₁, 207, 210, 216, 217, 218, 221.
 Пядь, II, 282₁.

P.

Рабуль св., III, 33.
 Радзивиль, II, 349.
 Разумовскій, графъ, II, 416.
 Раковецкій, IV, 151, 155.
 Rakstroh, I, 83.
 Ранке, I, 66.
 Раулена, протовестиариса, III, 161.
 Рауль Рошеттъ, II, 44, 72, 80, 88.
 Рауль, Ю. К., I, XLIV, LXXIII; III, I, 167₂.
 Рачки, Ф., I, 282.
 Регель, В. Э., II, 328₂.
 Редуизисъ де-Кверо, А. де, II, 40.
 Реймерсъ, путешественникъ, III, 117, 123, 226₁.
 Рейнахъ, С., III, 222.
 Reinaud, I, 168₉.
 Рейнецій, I, 284, 287.
 Рейхлиновское произношеніе, II, 2.
 Ренанъ, III, 60₁.
 Rénier, L., II, 182, 183.
 Рескупорисъ III, царь воспорскій, II, 85, 95.
 Ржончинскій, I, 86, 88, 92.
 Рибась, де, II, 415.
 Riehl, III, 347.
 Римиталкъ, II, 85.
 Рихтеръ, Ж. П., III, 165₃, 167₁, 287.
 Rich, A., I, 169₁₀₃.
 Ричль, Ф. Р., II, 17, 22.
 Richardson, II, 188.
 Ришелье, герцогъ, II, 415.
 Ріанъ, графъ, III, 28₂, 75, 78, 169₅.
 Ріо, II, 231.
 Robiou, II, 298₃.
 Ровинскій, II, 221₉₅, 232₁₃₂; III, 318, 343, 349, 353, 372, 378.
 Рого-де-Флери, II, 191, 212, 225, 226₁₁₀; III, 26, 187, 387, 388₄₇, 389, 392₃, 393.
 Розенкампфъ, IV, 157.
 Розіеръ, де, II, 332.

- Рой, Ѳ., англійскій посланикъ, II, 372₁.
 Роллеръ, III, 291.
 Ромеръ, I, 67.
 Ромодановскій, князь, II, 350, 367.
 Росси, Д. Б., де, III, 23, 26, 28, 195,
 223₁, 292, 387.
 Рубень, II, 204, 205, 230.
 Рублевъ, А., иконописецъ, III, 308.
 Рубруквисъ, I, 244.
 Рудченко, II, 403, 405₃, 411₂.
 Руны, I, 74, 75, 82.
 Русская Правда, IV, 120—122, 124,
 143, 149₃, 150, 151, 160₁, 172,
 193, 196, 197, 200, 204, 205,
 214, 215, 216, 220, 221, 231,
 232, 234, 239, 241, 243, 244,
 245, 246, 247, 249, 250, 259,
 261, 262, 270.
 Руфинъ, III, 11, 110.
 Рычновъ, I, 26, 27; II, 373, 380, 395.
 Ruelle, Ch., II, 56₂.
 Рютимейеръ, I, 1, 2, 6, 7, 20, 21, 22,
 23, 24, 74.
 Рядъ (юрнд.), IV, 160, 161, 165, 166,
 167, 170, 172, 256, 257, 258,
 259, 263, 264.
- С.**
- Сабанѣвъ, Л. П., I, 20₁.
 Sabatier, III, 24₁₋₄.
 Савваитовъ, П., I, 247₂, 249₁; III, 6₁,
 74, 90₁₋₆, 91_{1,3}, 92₁, 105₁, 114₂,
 116₁, 132₁, 338.
 Савельевъ, В. К., IV, 91, 92.
 Савельевъ, П. С., I, 185, 242.
 Савманъ, сеньоръ, II, 77, 78, 100, 101.
 Saggio, II, 56₂.
 Саипъ-Гирей, II, 346, 347, 354₁, 362.
 Saint-Génois, baron de, II, 188.
 Салазаро, III, 304.
 Саллетъ, А., фонтъ, II, 91, 94, 95, 98₃,
 103, 105, 108.
- Самоквасовъ, Д. Я., I, 100, 189, 195,
 242, 243, 244, 247.
 Сансонъ, I, 1, 28, 29.
 Sathas, II, 142₅, 152_{3,3}, 177, 332, 333₁,
 338₂; III, 183₁.
 Сатиръ, II, 74, 75, 86, 87, 88, 89, 94.
 Сахаровъ, II, 221_{3,3}; III, 70₄, 81_{1,3,3}, 155₁,
 213₁, 226₁, 334₁, 337, 341, 367₁.
 Сборники обычнаго права, IV, 178—180.
 Свайныя постройки, I, 1, 10, 17, 18,
 20, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 29,
 50, 164, 177, 245.
 Свастика, I, 97; IV, 14, 15.
 Свида, III, 143.
 Свидѣтели (послухи), IV, 190, 191, 192,
 197, 198, 199, 200, 201, 202,
 204, 205, 213, 214, 215, 218,
 220, 221, 222, 223, 224, 225,
 226, 230, [232, 233, 234, 235,
 236, 238, 240, 242, 247, 248,
 249, 250, 257, 266, 270.
 Свирѣлинь, М., II, 375₃, 377₁, 378₂,
 379₁, 381₂, 382₂.
 Сводъ, изводъ (юрнд.), IV, 241—249,
 253.
 Сегюръ, графъ, II, 351, 352₁.
 Сейдъ-Али, турецкій писатель, III, 231.
 Seleucus I, II, 185₁.
 Cellier, Dom Remy, II, 211_{6,3}, 213_{6,7},
 225_{1,03}.
 Семевскій, В. В., II, 413₂.
 Семибашенный замокъ, III, 8, 156, 157,
 245, 246.
 Сепфора, прислужница Богородицы, II,
 204, 205.
 Сераль, III, 99, 104, 107.
 Сергій, архимандритъ, III, 17.
 Сергій, архіепископъ, III, 29.
 Сергѣевичъ, IV, 128₃, 133, 134, 137,
 141, 142₁, 150, 153, 155, 156₂, 157,
 158₃, 160, 164, 168, 208, 230, 231,
 234₂, 236₂, 242₁, 243₁, 247, 259.

- Сергѣй Александровичъ, Великій Князь, III, I.
- Серристоры, II, 40.
- Сессанъ, Л. де., I, 41, 41.
- Сестины, II, 120.
- Сибирскій, князь, II, 72, 73, 77, 83, 84, 92, 97, 98, 109, 110_{5,7}, 112, 117.
- Сибомъ (Seebom), II, 315, 316, 319.
- Сигизмундъ I, король польск., II, 421, 425.
- Сигизмундъ Августъ, II, 420.
- Сигизмундъ III, I, 91; II, 178, 181.
- Сиджеутские бей, IV, 101—102, 106, 107, 108, 109.
- Сизовъ, В. П., I, XV; IV, 50, 53; IV, 271. Σίζος, II, 288.
- Силенціарій, Павелъ, III, 122, 124.
- Симеонъ Богопріимецъ, III, 17.
- Симеонъ Болгарскій, III, 200.
- Симеонъ Логоветъ, III, 53, 297. Συναγῳγός, II, 26, 27.
- Синанъ, паша, III, 106. Συνέσιος, II, 27.
- Синнелъ, Иоаннъ, III, 54.
- Синнелъ, Михаилъ, III, 169.
- Сиринъ, Еврежъ, III, 293, 294, 336, 337, 339, 340, 342, 343, 350, 363, 368.
- Ситокоикъ (σιτοκόικον), II, 289.
- Снабалановичъ, III, 64, 71.
- Снальковскій, А. А., II, 400₄, 401.
- Снарлатъ Византій, II, 141, 146₃₂, 149₃₈, 150₃₉; III, 18, 21, 81, 84, 85, 93, 97, 113, 131, 138, 156, 157, 159, 164, 198, 205, 218, 219, 236, 240, 243, 244, 245, 248, 249, 250, 254, 256, 260, 263, 268, 272.
- Скворцовъ, К., II, 209.
- Скилансъ, II, 33.
- Скилесъ (Скилъ), I, 138; II, 43.
- Складчикъ, складчина, II, 315, 336.
- Снопель (σνόπελος), II, 275.
- Сребницкій, II, 316, 317, 318, 319.
- Слѣдъ (юрид.), IV, 238—240.
- Смирновъ, IV, 185, 186.
- Сमितъ, II, 143₁, 192, 225.
- Смотрицкій, Мелетій, II, 428.
- Снегиревъ, IV, 142, 143_{2,3}, 148, 152, 156₃, 158.
- Созибій, министръ Птоломея Филопатора, II, 96.
- Созомень, писатель визант., III, 7, 12, 15, 30, 128, 351.
- Сонарь (σωνάριον), II, 280, 286, 291, 297, 300, 301.
- Соколовъ, Ф. Ф., II, 47, 48.
- Сокольскій, IV, 174, 175₃, 177.
- Сократъ, писатель визант., III, 7, 13, 14, 15, 109.
- Соловьевъ, С. М., II, 345, 346, 347, 349, 350, 351, 353, 356, 357, 361, 363, 365, 367, 369, 371, 372; IV, 213, 239.
- Сонцовъ, I, 250, 274.
- Сосій, II, 75, 86.
- Сосновскій, I, 308, 309.
- Спартокиды, II, 73, 74, 80, 81, 82, 85, 88, 89, 90, 91, 92, 100, 103, 114, 115, 116, 118.
- Спартокъ, II, 74, 75, 76, 77, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 98, 99.
- Спасскій, I, 169₁₀; II, 72, 80, 81, 110.
- Списки прызвыные византійскіе, II, 336; — податные, II, 302.
- Спиѳама (σπιθαμή), II, 278, 279, 282, 283, 293, 301, 323.
- Спонъ, III, 147, 149, 150.
- Средняя улица (въ Б-полѣ), III, 250, 251.
- Срезневскій, В., I, 280₂; II, 343.
- Срезневскій, П. И., I, XII, XVI, 280_{2,5}; II, 343, 430; III, 257, 271; IV, 151, 153, 158, 257.
- Стагій (στάγιον), II, 288.
- Стадіи (στάδιον), II, 296.
- Старина (юрид.), IV, 136, 137, 138, 207, 208, 209, 256.

Старновъ, А. П., II, 328.
 Стась, П, 313.
 Статирь (στατήρ), II, 288.
 Статуи, III, 70, 153, 154, 219, 220.
 Статутъ Литовскій, II, 421, 426, 430.
 Стахий, епископъ виз., III, 6.
 Стемпновскій, И. А., II, 37, 138.
 Stevenson, Н., II, 302.
 Стефани, акад., II, 25, 46, 82, 85, 93, 97.
 Стефанъ великомученикъ, III, 14, 29, 91, 215.
 Стефанъ Великопермскій, I, 173.
 Стефанъ Византийскій, II, 149.
 Стефанъ Новгородецъ, паломникъ, III, 32, 70, 80, 81, 84, 87, 90₄, 93₁, 95, 116, 142, 147, 204, 209, 211, 213, 220.
 Стефанъ Новый, діаконъ, III, 50.
 Стоглавъ, II, 365; IV, 137, 138, 154, 265.
 Стопа (πούς), II, 277, 278, 301, 322, 323; γεικός πούς II, 296.
 Страбонъ, I, 26, 30, 138₄, 139, 146, 147, 187, 188; II, 30, 32, 33, 34, 70₂₉, 77, 84, 85, 88, 99, 100, 107, 108, 143₁₄.
 Страбонъ, Вальфрйдъ, III, 294.
 Strange, II, 226₁₀₇.
 Стратигонуль, III, 248.
 Стратіотъ, II, 334.
 Стратокль, II, 84.
 Стратопедархъ, II, 334.
 Стробель, I, 1, 23, 29.
 Строгановъ, С. Г., графъ, I, 173₁₇, 183, 187, 269; III, 325.
 Строевъ, I, 266.
 Струве, Ф. А., II, 46.
 Студитъ, Теодоръ, II, 142, 213; III, 51, 52, 144.
 Студій, консулъ, III, 143.
 Стѣны к—польскія, III, 235—280.
 — Иракліева, III, 241—242.
 — Львова, III, 242.
 — Θεοδοσίου, III, 237—241.

Σουγδα οσβάλλα, II, 177, 178.
 Судебники, IV, 265, 266, 269.
 Сулица, I, 54, 55, 64.
 Султановъ, И. В., архитекторъ, I, LXXIV.
 Суручанъ, И. Е., I, LXXI; II, 31, 32 47₁, 50, 129.
 Сусловъ, В. В., архитекторъ, I, LXXIV 253.
 Сфораній, патрицій, III, 216.
 Счетоводство византийское, II, 302₂.
 Сѣрно, запорожскій кошевой, II, 359, 371.

T.

Тайлоръ, Эд., IV, 2.
 Тамброни, женщина-профессоръ, II, 12.
 Таргитасъ, скѣпъ, I, 138.
 Татищевъ, II, 378₁, 380₁, 381₁, 385, 388, 393, 395, 396; IV, 263₁.
 Тацитъ, I, 31, 74.
 Тевкелевъ, мурза, II, 380.
 Texier, II, 146₃₂; III, III, 2₁, 228.
 Текфуръ-Сарай, III, 165, 169, 198, 201, 203.
 Τελαμών, II, 24, 27.
 Теплоуховъ, I, 2, 24.
 Терновскій, Ф., III, 86₁, 87.
 Террамаре, I, 1, 29.
 Τετραγωνίσητον, II, 280.
 Thilo, 185₁, 190₁.
 Тизенгаузенъ, В. Г., I, 206, 242, 243₁, 244; II, 135.
 Тилезіусъ, I, 270.
 Тимоѳей Александрійскій, II, 144.
 Тимоѳей, епископъ эссекскій, II, 208, 209, 212, 214, 218, 220.
 Tissarobius, Eustache, II, 178, 180, 181.
 Тихонравовъ, III, 322, 339, 353.
 Тишendorffъ, К., I, 284—293; II, 192, 194, 196₂₇, 197, 198₃₀, 200₃₂, 204, 205₄₅, 206, 214, 230₁₂₁; III, 346.
 Тишлеръ, О., I, 64.
 Tobien, IV, 204, 260.
 Tobler, II, 210₆₁.

- Толмачевъ, Н. А., I, 316; IV, 91.
 Толстой, П. И., графъ, I, 268.
 Толстой, Л. Н., графъ, II, 402₁.
 Томагаукъ, I, 35, 45.
 Томсенъ, IV, 9, 10.
 Торникій, Д., III, 175.
 Торникій, К., III, 175.
 Торфяники, I, 1, 25.
 Тоттъ, баронъ, II, 351.
 Трачевскій, А. С., IV, 1.
 Трибунальское поле (Эвдомское), III, 263, 264.
 Трилитъ, I, 107.
 Trinchera, II, 328.
 Трубецкой, князь, кievскій воевода, II, 367, 369.
 Tougard, III, 48.
 Тунманъ, II, 32.
 Турмархъ, II, 284₂.
 Турнефоръ, III, 147₃, 149₁, 150.
 Тусенъ, I, 29.
 Tchivarin, городъ, II, 180.
 Тягло въ Византии, II, 302, 317, 318, 319; въ Лягвѣ, II, 422.
 Тяпкинъ, резидентъ въ Крыму, II, 345, 360₂, 361₁.

У.

- Уварова, Е. А., графиня, I, III, IV.
 Уварова, П. С., графиня, I, XI, XV, XVII.
 Уваровъ, А. С., графъ, I, I, II сл., XLIV, LXXIX, 3, 37, 45, 46, 78₂, 79, 80₃, 155₁₁, 158, 212, 242, 247₃, 248, 268, 269, 270; II, 35₁, 46₁, 50, 130₃, 131, 132₁₂, 133; IV, 85, 271, 274.
 Узбекъ, ханъ, I, 206; II, 38.
 Уложеніе, II, 366, 367, 369.
 Унгеръ, III, III, 1, 2, 54₁, 124₁, 127, 128, 136, 198, 199, 200, 228.

- Undset, I., I, 244, 248, 251₂.
 Унція (ὀγγύα), II, 288, 289₃, 301.
 Урбиній, визант. министръ, II, 33.
 Урокъ (юрид.), IV, 150, 158, 159, 260, 262, 263.
 Урочище, IV, 30—73.
 Урусовъ, князь, II, 388, 389, 392, 393.
 Успенскій, Ѳ. П., I, XLIV; II, 272; III, I, 76₁.
 Уссингъ, II, 47.
 Уставъ (юрид.), IV, 150, 158, 160, 262, 263.
 Устряловъ, II, 350₄, 361₂.
 Утинъ, IV, 20₄.
 Уалеръ, III, 147₃, 150₁.

Ф.

- Φαρασμάνης, βασιλεύς Ἰβήρων, II, 183, 185
 Фарасманъ, спальникъ, имп. Юстиніана, III, 44.
 Фарнакъ, II, 102, 109, 117.
 Федченко, I, 32.
 Fergusson, I, 103₁, 116₁, 117₁, 123₁, 125₁, 126₄, 133₁; II, 223.
 Фибула, I, 208—215.
 Фидій, II, 82, 97; III, 3, 219.
 Fick, IV, 125₁, 141₁, 158₁, 166₁.
 Φιλάγαθος, II, 27.
 Филь, Мануилъ, III, 32.
 Филимоновъ, Г. Д., I, 238, 239, 252.
 Филиппино-Липи (картины), I, LXXVI, LXXVII.
 Фишеръ, I, 44, 143₂₉.
 Флетчеръ, II, 346₈, 347₂, 354₄.
 Flotte de-, lieutenant, I, 216.
 Flügel, II, 165, 168.
 Фолль (φόλλις), II, 322.
 Формулы: вычисленія хиліадъ, II, 331; расписки въ уплатѣ акростиха, II, 338; передачи париковъ дукой стратегиу II, 334; присяги при полученіи вышшихъ госуд. должностей, II, 337—339.

Формулы (юрид.), IV, 142, 143, 147.
 Фоссати, II, 250; III, 112, 116, 117, 123.
 Фоссъ, I. Г., II, 11; III, 287, 288, 292, 301.
 Foster, II, 188.
 Фотій, митрополитъ, IV, 114₃, 116.
 Фрѣ-Бартоломео, III, 329.
 Франкъ, I, 1, 23.
 Франца, Г., III, 122₁, 169₂, 172₂, 238₄, 257, 262₂, 268, 271, 277₅.
 Фрейзингенскіе отрывки, I, 280.
 Френъ (Frähn, С. М.), I, 158₇₁, 241₃; IV, 92, 93, 94, 95.
 Фрески, I, LXXIV, LXXV; III, 50, 63, 117, 165, 191—194, 215, 301, 304—317, 323, 328, 329, 330, 367.
 Friedlein, II, 274₂, 280, 295₁, 298₁, 323.
 Фрикенъ, фонъ-, III, 223.
 Фукаръ, II, 26, 434.
 Φούλλαι, II, 177, 178.
 Фундунлей, I, 157, 220, 221.

Х.

Халнокондиль, Лаоникъ, III, 247, 257, 264₃.
 Ханьновъ, I, 185.
 Χάρτιον ἀδευτικόν, II, 178, 179.
 Хиллиада, II, 287, 320, 325, 328.
 Хорваты (родъ), IV, 87—90.
 Хорицій, III, 388.
 Хризолоръ, Мануилъ, III, 159, 238_{2,3}, 247, 262, 263.
 Χρυσῆ σταυράτα, II, 161.
 Χρυσὸν ἐπίγραμμα, II, 169.
 Хуссейнъ, III, 5.

Ц.

Zachariae v. Lingenthal, 302₂, 303₁, 333_{1,2}, 334₂, 336.
 Цвѣтаевъ. Н. В. П., 8.

Цезарій Гейстербахскій, II, 226.
 Цезарь Варда, III, 15, 55.
 Цейшнеръ, геологъ, I, 51.
 Центурія (ἐκαστοτή), II, 278.
 Церкви и монастыри Константинопольскіе и другіе).
 — Авивы, III, 37, 93.
 — Авраамія, мон., III, 36.
 — Автонома, мон., III, 51.
 — Агаеи, мон., III, 35.
 — Агафоника, мон., III, 8, 108.
 — Аймона, мон., III, 36.
 — Акакія, мон., III, 8, 42, 57.
 — Акилины, III, 35.
 — Александра, мон., III, 51.
 — Анастасія, III, 6, 10, 11, 30, 92, 95, 131, 133.
 — Андрея апостола, II, 259, 260, 263, 268, 269; III, 12, 35, 51, 57, 95, 161.
 — Андрея въ Крисъ, III, 160—162.
 — Андрея юродиваго, III, 105.
 — Андроника, III, 46.
 — Анны, III, 42, 57, 68, 108.
 — Антонія, мон., III, 36.
 — Анеяма, мон., III, 37, 55.
 — Апостоловъ, III, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 32, 42—43, 57, 98, 108.
 — Арачели (въ Римѣ), III, 23.
 — Артемія, III, 33.
 — Авлита, III, 51.
 — Аэція, III, 30, 205.
 — Божьей Матери, III, 8, 14, 33, 44, 46, 55, 57, 58, 59, 68, 78, 92, 107, 208, 210, 216.
 — Б. М. 'Аетой, III, 52.
 — Б. М. Влахернской, II, 207, III, 14, 16--22, 28, 31, 41, 83, 90, 92, 205.
 — Б. М. Въ Гереѣ, III, 41.
 — Б. М. Діаконисы, III, 14, 46, 139.
 — Б. М. 'Еу ούρανοῦ, III, 8.

- Б. М. Живоноснаго Источника, Ш, 17, 27, 28, 31, 41.
- Б. М. Каравитциъ, Ш, 55.
- Б. М. Карпіана, Ш, 47.
- Б. М. Кехаритомены, Ш, 73.
- В. М. Кира (Киріотиссы), Ш, 14, 98, 138.
- В. М. Лиоострогъ, Ш, 35.
- В. М. (мечеть Мефа-джами), II, 257, 258, 260, 264, 268, 269.
- В. М. Нерукотвореннаго образа, Ш, 8, 69.
- В. М. Одигитри, Ш, 14—16, 79, 105—106.
- Б. М. Паммакариссты, II, 259, 268; III, Ш, 208.
- В. М. Панахранты, II, 259, 263, 268, 269; III, 79, 220—221.
- Б. М. Пантанасы, Ш, 69, 141.
- Б. М. Патрикій, Ш, 108, 121.
- Б. М. Перивленты, Ш, 69, 141.
- Б. М. Психосостры, Ш, 79.
- Б. М. въ Сигмѣ, Ш, 142.
- В. М. Въ Стратигіонѣ, Ш, 33.
- В. М. Фарекой, Ш, 105—106.
- В. М. Халкопратійской, Ш, 90.
- Валента, мон., Ш, 4, 36—37.
- Варвары, Ш, 68, 104.
- Варды, мон., Ш, 51.
- Василия, мон., Ш, 79.
- Вассіана, Ш, 13, 35.
- Венація, Ш, 37.
- Виктора, Ш, 73.
- Викентія, Ш, 35.
- Виталія (въ Равеннѣ), II, 253.
- Влелгема, мон., Ш, 8, 12, 14.
- Вознесенія, Ш, 14.
- Воскресенія см. Анастасія.
- Всѣхъ Святыхъ, Ш, 68.
- Гастры, мон., Ш, 8, 12, 54, 142.
- Геладскій, мон., Ш, 21.
- Георгія, мон. (на Аeonѣ) II, 217.
- — Ш, 2, 37, 46, 47, 70, 92, 164.
- — Манганъ, Ш, 79, 91, 105.
- Гераклія, Ш, 51.
- Герміоны, Ш, 35.
- Геспера и Зои, Ш, 13, 57.
- Гомериковъ, мон., Ш, 51.
- Гомоніи, Ш, 34.
- Григорія Богослова, Ш, 35.
- Гроба Господня (въ Іерусалимѣ), Ш, 4, 8, 14.
- Гурія, Ш, 93.
- Далмата, мон., Ш, 13.
- Даміана, Ш, 54.
- Даниїла, Ш, 37, 92.
- Дексіократа, мон., Ш, 209.
- Деспотовъ, мон., Ш, 37.
- Димитрія Солунскаго (въ Москвѣ), I, 262; Ш, 57, 75, 101, 108.
- Динамись, Ш, 8, 108.
- Дюмида, мон., Ш, 8, 57.
- Дія, мон., Ш, 9, 51, 92.
- Дометія, Ш, 36.
- Домнины, мон., Ш, 9.
- Дудинъ, мон., (Новгородской губ.), I, 262.
- Евгенія, Ш, 35.
- Евдокии, Ш, 35.
- Евдоксія, мон., Ш, 36.
- Евкратидовъ, мон., Ш, 37.
- Евсевія, Ш, 37.
- Евфимія, Ш, 5, 8, 30, 92.
- Евфимія, Ш, 36.
- Египтянь, мон., Ш, 37.
- Елеверіи, Ш, 30.
- Елисея, Ш, 59.
- Еннеа Клисія (см. Новая базил.), Ш, 59, 70, 95, 105.
- Захаріи, Ш, 30, 108.
- Зои, Ш, 42.
- Зотика, Ш, 12, 45.
- Измаїла, Ш, 9.
- Икасіи, мон., Ш, 54.
- Іліи, Ш, 35, 51, 57, 59, 60, 108.
- Ирины, III, Ш, 4, 7, 8, 40, 41, 96, 106, 108, 128—129.

- Ирины Мученицы, III, 43.
 — Исаакія, III, 37.
 — Исаія, III, 14, 92.
 — Иоаннеа, III, 51.
 — Иакова, III, 45.
 — Иерусалимскій, мон., III, 37.
 — Ии, III, 43.
 — Иоанна, базил., II, 266.
 — — Богослова III, 8, 43, 47, 57, 59, 69, 95, 105.
 — — Евангелиста (въ Геддомонѣ), III, 8.
 — — Златоуста, III, 35.
 — — Кущника, III, 38.
 — — Предтечи, III, 9, 31, 33, 35, 57, 73, 203—204.
 — — Студійскій, мон., II, 251—252; III, 31, 138, 147.
 — Байюма, мон., III, 37.
 — Баллиника, мон., III, 43, 57.
 — Баллистрата, мон., III, 12, 51.
 — Баллин, мон., III, 68.
 — Барвунарія и Клавдія, мон., III, 35.
 — Баріона, мон., III, 46.
 — Карпа и Папилы, III, 8.
 — Баеваровъ, мон., III, 44.
 — Бяклоповъ, мон., III, 37.
 — Бипріана, III, 105.
 — Бира, мон., III, 36, 79.
 — Бирамартисъ, III, 96.
 — Бирика и Улиты, III, 37, 51.
 — Каменный, мон., (Вологодской губ.), I, 254.
 — Кириана, III, 30, 37.
 — Климента, III, 58, 108.
 — Константина Великаго, III, 36, 59.
 — Космы и Даміана, III, 13, 45, 79.
 — Критянь, мон., III, 37.
 — Ксилитита, мон., III, 51.
 — Ксирокина, мон., III, 51.
 — Куратора, мон., III, 30.
 — Лаврентія, III, 14, 28—29, 30, 57, 92.
 — Лаврентія (въ Римѣ), III, 29.
 — Лазаря, III, 68, 96, 105.
 — Лива, ц. Богородицы, III, 79, 216.
 — Луки Ев., III, 92.
 — Мавры, III, 9, 12.
 — Маккавеевъ, III, 92.
 — Максима, мон., III, 37.
 — Максимины, мон., III, 37.
 — Маманта, III, 44.
 — Мануила, Савела, III, 9.
 — Мануила, мон., III, 55, 164—165.
 — Маравонія, мон., III, 12.
 — Маріи Клеопатры, III, 82.
 — Марка (въ Венеціи), II, 271; III, 21, 28, 77, 128, 134.
 — Маркіана и Мартирія, III, 12.
 — Матроны, мон., III, 37.
 — Мины, III, 8, 9, 38, 104.
 — Мирелей, мон., II, 258, 263, 268, 269; III, 68, 140.
 — Мирокерать, мон., III, 46.
 — Митрофана, III, 35.
 — Михаила арх., III, 8, 30, 35, 42, 43, 45, 54, 57, 58, 72.
 — Мокія, III, 8, 9, 42, 91—92.
 — Назарія, III, 35, 37.
 — Неона, III, 37.
 — Никиты, III, 92.
 — Никифора, III, 92.
 — Николоя, III, 43, 75, 79.
 — Николоя и Приска, III, 43.
 — Новая базилика, III, 52, 79, 105.
 — Олимпіады, мон., III, 12.
 — Олимпія, мон., III, 37.
 — Онисима, III, 93.
 — Ормизда, мон., III, 51.
 — Павла Ап., III, 45.
 — Павла Ап. (на Афонѣ), II, 217.
 — Павла Исп., III, 10, 12.
 — Пагурія, III, 51.
 — Палеологовъ, мон., III, 79.
 — Панахранты, Бож. Матери, II, 259,

- 260, 263, 268, 269; III, 79,
220—221.
- Пантелеймона, III, 43, 46.
- Пантеноптъ, мон., II, 257, 258,
268; III, 73.
- Пантократоръ, мон., II, 258,
263—266, 268, 269; III,
Ш, 73, 79, 95
- Параскевы, III, 68.
- Пасхарія, III, 79.
- Паулина, мон., III, 13, 37.
- Пелагидовъ, мон., III, 37.
- Пелагин, III, 31.
- Перивлентъ, мон., III, 69, 79,
95, 141.
- Петра Ап., III, 3, 37, 41, 51, 58.
- Петра (въ Римѣ), II, 254, 255;
III, 3.
- Петра и Марка, II, 259, 260,
263, 268; III, 34.
- Петра и Павла, Ап., III, 11,
42, 96.
- Платона, III, 33, 42.
- Покаянія, мон., III, 46.
- Поліевкта, III, 44, 92.
- Прова, III, 46.
- Пронюія, III, 11, 35, 43.
- Равула, III, 33.
- Романа, III, 8, 57.
- Савела, III, 9.
- Саккудіона, мон., III, 51.
- Самона, III, 93.
- Самсона (госпит.), III, 93.
- Самуила, III, 37.
- Семи спящихъ, III, 2.
- Сергія и Вакха, II, 252—253,
255, 263, 264, 266, 268, 269;
III, III, 4, 40, 130, 133—134
- Сисея, мон., III, 51.
- Силы, III, 8.
- Сіона, мон., III, 51.
- Сорока мучениковъ, III, 35, 45,
59, 96.
- Софія, II, 251, 270; III, Ш, 4, 7, 8,
10, 11, 17, 28, 38, 40—41
57, 91, 98, 106, 108—127.
- Спаса, III, 59, 60, 67, 69.
- — Хора, мон., II, 260, 264,
268, 269; III, Ш, 43—44, 73,
79, 165—197, 211—213.
- — Паптеопта, мон., Ш, 73, 210.
- — Пантократора, мон., Ш, 73,
79, 165—197, 211—213.
- — Филантропа, Ш, 73, 81—82,
105
- Стефана, Ш, 4, 14, 29, 30.
- Ставракія, III, 69.
- Студійскій, мон., Ш, 4, 13, 79,
95, 142—147.
- Тараха, Ш, 46.
- Термъ, мон., Ш, 51.
- Термизовъ, мон., III, 51.
- Трифона, III, 43.
- Троицній (Кайсаровскій (мон. Во-
логод. губ.), I, 254.
- Троицы, Ш, 2.
- Филантроповъ (Спаса), мон., Ш,
73, 81, 82, 105.
- Филлимона, Ш, 35.
- Филиппа, Ш, 33, 57.
- Флора и Лавра, Ш, 12, 37, 51, 92.
- Фотинія, Ш, 19, 51, 72.
- Халкопратійской Богородицы, Ш,
14, 90.
- Харсійскій, мон., Ш, 37.
- Хора (Спаса), мон., II, 260, 264,
268, 269; III, Ш, 43, 73, 79,
165—197.
- Хинолакка, мон., Ш, 51.
- Фалассія, Ш, 37.
- Феклы, III, 8, 42, 73, 205—206.
- Теодора Египт., III, 37, 42.
- Теодора Тирона, Ш, 4, 30, 35,
138, 216—217.
- Теодосія, Ш, 82, 92, 209.
- Теодота, Ш, 37.
- Теодоты, Ш, 42.

- Теофано, мон., III, 67.
- Фирса, III, 42, 51.
- Фомы, 30, 33.
- Элевсерія, III, 30.
- Эмилиана, III, 8, 9, 57.

Циклопическія сооруженія, I, 104; киммерійскія, II, 136, 138.

Zimmer, IV, 174.

Zörf, IV, 151₃, 166, 176₁₋₄, 177₁, 179, 181₂.

Цэга, Г., II, 13, 15, 17.

Ч.

Часовниковъ, IV, 277.

Чашечный камень, I, 120, 122, 133.

Чепуринъ, Я. Я., протоіер., I, LXXIV, LXXIX.

Черкасовъ, А. Д., яицкій козаць, II, 384.

Черничъ, I, 282.

Чизамъ, II, 192, 225.

Чиншъ, II, 422.

Чичеринъ, IV, 74, 253.

Чіампини, III, IV, 8, 14₁

Чубинскій, II, 399₁, 401₄, 405₁, 413₁, 417₁.

Ш.

Шамполіонъ, I, 77, 81.

Шантръ, I, 32, 184₁₈₈.

Шардень, II, 40.

Шатилонъ, I. Н., I, 26, 27.

Шафаринъ, I, 148₄₄, 294; II, 433; IV, 148₄, 171.

Швинъ, II, 232.

Шель, I, 73.

Шёманъ, II, 116, 118.

Шереметьевъ, Б. П., графъ, II, 388.

Шереметьевъ, В. В., бояринъ, II, 350, 357, 361, 366, 367.

Шестановъ, П. Д., I, XIV, 314; II, 346.

Шеферъ, II, 74, 75, 82, 209₅₆, 216₇₈.

Шило, I, 55, 56, 59, 64, 65, 66.

Шимкевичъ, IV, 193.

Ширинскіе бѣд., IV, 97—100, 107, 108, 109.

Шитльбергеръ, II, 39.

Шлейхеръ, IV, 193.

Schlechte-Wssehrd, II, 167.

Schlumberger, II, 146₂₅; III, 16₁, 24, 26₂, 27, 72₂, 202₃.

Шнаазе, III, III, 124.

Шодуаръ, I, 269, 274; II, 120.

Шольць, I, 284 слл., 288 слл., 293.

Шопенгауеръ, IV, 24, 25.

Шпилевскій, С. М., I, XI, XIII, XIV₁, 165₉₁, 173₁₁₈; IV, 139₁, 151₂, 189, 208₃, 213₁, 248, 264.

Шрадеръ, О., IV, 141.

Штудеръ, I, 1, 6, 8, 17, 18, 23, 29.

Шуази, А., II, 262₃; III, 2, 3.

Schultz, Alwin, II, 225₁₀₃.

Шульце, I, 66.

Щ.

Щенатовъ, II, 124.

Ю.

Ювеналій, архієпископъ Іерусалимскій, II, 207, 208.

Югеръ (*Юбъергов*), II, 278₁, 296₁, 301.

Юліана, матрона, III, 44.

Юргевичъ, В. Н., I, XLV, LXXVIII; II, 29, 46, 47₁, 50, 67, 68, 69₂₅₋₂₇, 70, 77, 120₉, 434.

Я.

Ягичъ, И. В., I, 282, 300; II, 274₁.

Язочъ, I, 311; II, 144.

Яковлевъ, В. А., II, 399; III, 200₃.

Яковъ де Ворагине, II, 229, 230.

Якута, арабскій писатель, I, 149.

Янь Казимиръ, король польскій, II, 344.

- Ярославъ, русскій князь, IV, 114.
 Ястребовъ, В. Н., I, LXX; II, 398;
 IV, 87.
 Яшлавскіе бей, IV, 104—106, 107,
 108, 109.

Э.

- Эббонъ, II, 225.
 Эберсъ, I, 30.
 Эварницкій, Д. Н., I, XLV, LXXIII.
 Эвбіотъ, II, 94, 106, 108, 117.
 Эвбуль, патрицій, III, 135, 137.
 Эверсъ, IV, 152.
 Эвлій Эенди, II, 39.
 Эвмель, II, 75, 76, 82, 87, 89, 90, 93,
 94, 96.
 Эвмоапъ, II, 85.
 Эйхвальдъ, Э. Н., I, 152₂, 155, 157,
 159, 167, 188.
 Энкеръ, I, 26, 27.
 Энкисія (народное собраніе), II, 89.
 Энль, II, 225.
 Эксагій (ἑξάριον), II, 288, 289.
 Энгельгардтъ, III, 299.
 Энгельманъ, П. Е., IV, 74, 117, 121,
 122, 139, 190, 199.
 Эпохи доисторическія:
 — Ашельская, I, 231.
 — Бронзовый вѣкъ, I, 105, 131, 149,
 150, 151, 153, 155, 158, 159,
 61—164, 170, 181, 182,
 185, 223, 236, 237.
 — Гальштадтская, I, 157, 246.
 — Желѣзный вѣкъ, I, 83, 149, 150,
 155, 156, 158 сл., 184, 186,
 223, 237, 240, 244, 245, 248.

- Каменный вѣкъ, I, 47 сл., 82, 93,
 131, 133, 149, 150, 151, 160
 сл., 166, 222, 233, 235, 237;
 IV, 29.
 — Лятевь, I, 246.
 — Ляродьень, I, 80.
 — Мадленская, I, 65, 73, 77, 79, 80.
 — Машницкая, I, 60, 64, 66, 67.
 — Мниковская, I, 63, 64, 66.
 — Мишковская, I, 67.
 — Палеолитическая, I, 29, 35, 47,
 77, 162.
 — Робенгаузенская, I, 66, 77, 223.
 — Сѣверно-Краковская, I, 60, 63, 64,
 65, 67.

Эразмовское произношеніе, II, 2, 3.

Е.

- Еогность, архіепископъ Владимірскій,
 III, 309.
 Еоодоръ Анагность, III, 14, 15, 16, 29,
 30, 31, 33, 34.
 Еоодоръ Метохить, II, 260; III, 166,
 168, 170, 172, 176, 178, 182.
 Еоодоръ Тиронъ, III, 191.
 Еоодоть, III, 206.
 Еоѣс Ѳфлѣтос, II, 25, 26.
 Еоентиста, мать императрицы виз. Еоо-
 доры, III, 54.
 Еоофанъ, 141, 143, 150, 302; III, 17,
 29, 31, 37, 51, 110, 128, 142, 143,
 169, 225, 238, 244, 250.
 Еоофилаптъ Болгарскій, II, 286, 288.
 Еоорсовъ, Н., II, 373, 374, 375, 376,
 381, 382, 389, 396.
 Еоіасъ, II, 26, 27, 28, 53.

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

КО ВСѢМЪ ЧЕТЫРЕМЪ ТОМАМЪ

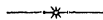
„Трудовъ VI-го Археологическаго Съѣзда“.

Т О М Ъ I.

Портретъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.	Стр.
1. Отъ Редакціоннаго Комитета Съѣзда.....	I
2. <i>Д. Н. Анучина.</i> Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.....	III
3. Правила Съѣзда.	XXI
4. Программа Съѣзда	XXIV
5. Отчетъ Распорядительнаго Комитета.....	XLIII
6. Личный составъ Съѣзда	XLIX
7. Перечень рефератовъ, прочитанныхъ на Съѣздѣ.....	LXIII
8. Археологическая выставка IV-го Съѣзда (Табл. I).....	LXIX
9. Замѣтка объ экскурсіи членовъ Съѣзда въ Крымъ.....	LXXVIII

1. <i>Д. Н. Анучина.</i> Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи. Съ 1 таблицей (Табл. II).....	1
2. <i>Д. Н. Анучина.</i> О нѣкоторыхъ каменныхъ издѣліяхъ въ Сибири. Съ 1 таблицей (Табл. III)	35
3. <i>Г. О. Оссовскаго.</i> Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка. Съ 7 таблицами (Табл. IV—IX)	47
4. <i>Кн. П. А. Путятина.</i> Орнаментація древняго гончарства	72
5. <i>В. Б. Антоновича.</i> О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра. Съ 3 таблицами (Табл. X—XII)	86
6. <i>Е. Н. Мельникъ.</i> Слѣды мегалитическихъ сооруженій въ Южной Россіи	103
7. <i>А. Ф. Лихачева.</i> Скинскіе элементы въ Чудскихъ древностяхъ. Съ 3 таблицами (Табл. XIV—XVI)	135

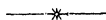
	стр.
8. <i>Д. Я. Самоквасова</i> . Могильныя древности Александр. уѣзда Екат. губ.	189
9. <i>Н. А. Бранденбург</i> . Въ вопросу о типахъ фибулъ. Съ 2 таблицами (Табл. XVІІ—XVІІІ)	208
10. <i>Р. А. Пренделя</i> . Археологическія розысканія на о. Березани. Съ картою	216
11. <i>Графа А. А. Бобринскаго</i> . О курганахъ близъ м. Смѣла (Кіевск. губ).	220
12. <i>Д. Н. Анучина</i> . О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей. Съ 1 таблицей (Табл. XIII).....	235
13. <i>В. В. Сулова</i> . О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи. Съ 3 таблицами (Табл. XIX, XX, XXI).....	253
14. <i>Графа И. И. Толстаго</i> . Знамя первыхъ нашихъ христіанскихъ великихъ князей	268
15. <i>Ю. Б. Иверсена</i> . О монетныхъ владахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ..	273
16. <i>Г. А. Воскресенскаго</i> . Характеристическія черты главныхъ редакцій славянскаго перевода Евангелія.....	276
17. <i>І. І. Перволюба</i> . Червонорусскій переводъ Вислицкаго Статута....	307
18. <i>И. А. Износкова</i> . Одинаковыя названія населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи и колонизація.....	310

Т О М Ъ ІІ.

1. <i>В. И. Модестова</i> . О русскомъ произношеніи и іправописаніи греческихъ словъ, особенно въ приложеніи къ собственнымъ именамъ всякаго рода, относящимся къ древне-греческимъ колоніямъ на берегахъ Понта Эвксинскаго.....	1
2. <i>И. В. Цвѣтаева</i> . Поминка по Фридрихъ Готлибъ Велькеръ.....	8
3. <i>И. В. Помяловскаго</i> . О тапайтскихъ коллегіяхъ.....	24
4. <i>В. Н. Юревича</i> . Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія....	29
5. <i>П. И. Люперольскаго</i> . О Каллипидахъ у Иродота (IV, 17).....	42
6) <i>В. В. Латышева</i> . Сообщение о ходѣ работъ по изданію общаго сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря	44
7. — О календаряхъ Ольвіи, Тиръ и Херсониса Таврическаго	56
8. <i>А. М. Подшивалова</i> . Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по лапидарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ	72
9. <i>А. В. Орвшиникова</i> . Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ.....	80

	стр.
10. <i>Христиана Гилля</i> . О босфорских монетахъ съ монограммами BAE $\text{BA}\Upsilon$ и BP	104
11. <i>П. О. Бурачкова</i> . По поводу брошюры А. В. Орѣшнина: «Босфоръ Виммерійскій въ эпоху Спартокидовъ»	114
12. <i>Людвигъ Ф. Бруна</i> . По поводу тирасскихъ монетъ императора Адриана	119
13. <i>Леопольда Ф. Воеводскаю</i> . О происхожденіи названія Чернаго моря	124
14. <i>И. К. Суручана</i> . Опытъ доказательства мѣстоахожденія сикелскаго укрѣпленія Алектора и Золотога берега Константина Багрянороднаго.	129
15. <i>В. Г. Тизенгаузена</i> . Записка Дюбрюкса: Нѣсколько замѣтокъ о раз- личныхъ родахъ гробницъ, находящихся въ окрестностяхъ Керчи	125
16. <i>Paradourios-Kérateus</i> . Le Hiéron de Zeus-Urius et le monastère de St. Jean-Baptiste-Phobéros à l'embouchure du Pont Euxin, d'après un manuscrit du XII siècle	140
17. <i>I. H. Mordtmann</i> . Extraits d'écrivains Ottomans concernant la topo- graphie et l'histoire de la côte d'Asie du Haut-Bosphore	163
18. — Notice sur les antiquités trouvées au Hiéron	169
19. <i>A. Paradourios-Kérateus</i> . Communications archéologiques d'Albanie ..	171
20. — Documents patriarchaux (Léontopolis en Pologne, Сафа en Crimée) ..	177
21. <i>I. H. Mordtmann</i> . Quelques observations sur deux inscriptions Grecques ayant trait à l'histoire de la Géorgie	182
22. <i>C. G. Kurtis</i> . De quelle nation étaient ces étrangers venus de la Crimée, qui se présentaient à Busbecq, ambassadeur allemand à Constantinople? ..	187
23. <i>А. И. Кирпичникова</i> . Успеніе Богородицы въ легендѣ и въ искусствѣ ..	191
24. <i>А. Г. Ложка</i> . Планы древнихъ церквей Константинополя	250
25. <i>Ө. И. Успенскаю</i> . Византійскіе землемѣры. Наблюденія по исторіи сельскаго хозяйства	272
26. <i>М. Н. Бережкова</i> . Русскіе вѣднѣйки и невольники въ Крыму	342
27. <i>Г. П. Перетятковича</i> . Малороссіяне въ Оренбургскомъ краѣ при началѣ его заселенія	373
28. <i>А. И. Маркевича</i> . Одесса въ народной поэзіи	398
29. <i>Я. Ө. Головицкаю</i> . Объ изданіяхъ Виленской археографической комиссіи ..	419
30. <i>В. Н. Юревича</i> . Примѣчаніе къ статьѣ: Замѣчаніе о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края	434
<i>Опечатки</i>	435

Т О М Ъ III.

1. <i>Н. П. Кондакова</i> . Византійскія церкви и памятники Константино- поля. Съ приложеніемъ таблицъ XXII—LXXI	229
---	-----

— Указатель именъ и предметовъ.....	стр. I—V
2. <i>Г. С. Дестуниса.</i> Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Копститинополя.....	235
3. <i>А. Г. Люкса.</i> Мечеть Фетхіе-джами пѣ Константинополѣ. Съ прил. 1 табл.	285
4. <i>Н. В. Покровскаго.</i> Страшный Судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства. Съ приложеніемъ 13 таблицъ.....	285
5. <i>А. А. Авдѣева.</i> Церковь Св. Іоанна Предтечи въ Керчи.....	385
6. <i>А. И. Кирпичникова.</i> Иконографія «Вознесенія Христова».....	387

Т О М Ъ ІV.

1. <i>А. С. Травескаго.</i> Попытка прижненія эволюціонной теоріи къ археологін.....	1
2. <i>А. Л. Крылова.</i> О старинѣ Донской области.....	26
3. <i>И. Е. Этельмана.</i> О происхожденіи нынѣ существующаго общиннаго владѣнія въ Великоросіи.....	79
4. <i>Д. И. Бачалъя.</i> О вновь открытыхъ матеріалахъ для исторіи лѣво-бережной Украины.....	79
5. <i>И. И. Висковатова.</i> Нѣкоторыя свѣдѣнія объ эстахъ, живущихъ въ предѣлахъ Псковской губерніи.....	83
6. <i>В. Н. Ястребова.</i> Дополненія къ родословной хорватовъ.....	87
7. <i>Н. А. Толмачова.</i> О Водянскомъ городищѣ въ Саратовской губ..	91
8. <i>Ө. Ө. Лашкова.</i> Архивныя данныя о бейлигахъ въ крымскомъ ханствѣ..	96
9. <i>Ө. И. Леонтовича.</i> Старый земскій обычай.....	111
10. <i>В. И. Сизова.</i> Раскопки въ двухъ городищахъ близъ Цимлянской станицы на Дону.....	273
11. Общій указатель именъ и выраженій ко всѣмъ четыремъ томамъ..	1—32
12. Общее оглавленіе ко всѣмъ четыремъ томамъ.	

